

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

На правах рукописи

Митрофанова Екатерина Сергеевна

*Социодемографические аспекты перехода во взрослую жизнь
россиян 1930-1986 г.р.*

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата социологических наук НИУ ВШЭ

Научный руководитель:
кандидат экономических наук
Сергей Владимирович Захаров

Москва – 2019

Оглавление

Введение	3
1. Взросление человека как мультидисциплинарный феномен	35
1.1. Зарождение интереса и появление необходимости изучения возраста человека, периода молодости и этапа взросления	37
1.2. Теоретические подходы к изучению возраста, молодости, взросления.....	61
1.3. Обобщение теоретических подходов и операционализация понятий для социодемографического изучения взросления	130
2. Исторический контекст, сопутствующий взрослению разных поколений россиян	150
2.1. Демографические волны и численность поколений в России	151
2.2. Влияние мер государственной политики на наступление стартовых событий в биографиях россиян.....	155
2.3. Модернизация жизненных путей россиян в контексте меняющихся эпох.....	171
2.4. Визуализация исторического контекста, сопутствующего переходу во взрослую жизнь разных поколений россиян	183
3. Построение индивидуальных биографий для российских поколений.....	193
3.1. Количественные методы сбора и анализа биографических данных.....	193
3.2. Используемый массив данных	208
3.3. Ограничения исследования.....	218
4. Закономерности перехода во взрослую жизнь в России: анализ наступления стартовых социодемографических событий по отдельности и в совокупности.....	221
4.1. Анализ наступления стартовых социодемографических событий по отдельности.....	225
4.2. Анализ перехода во взрослую жизнь как совокупности стартовых социодемографических событий.....	275
4.3. Визуализация процесса перехода во взрослую жизнь в России и обобщение результатов анализа	315
4.4. Дискуссия результатов в рамках социологических и демографических теорий.....	329
Заключение.....	332
Благодарности	344
Список литературы.....	345
Список сокращений.....	372
Список иллюстративного материала	373
Приложения	376

Введение

Актуальность исследования

Столетиями человеческие общества находились под постоянными рисками угроз выживанию, поэтому главным фокусом взрослых членов общества было обеспечение средств к существованию и воспроизводство населения. Так как средняя продолжительность жизни составляла всего 30-40 лет, то было необходимо максимально эффективно использовать располагаемый бюджет времени среднего человека, и, соответственно, начинать участвовать в трудовой деятельности и в воспроизводстве потомства как можно раньше. На сложную и длительную подготовку к взрослой жизни времени просто не было (в демографическом понимании), поэтому неслучайно в большинстве традиционных обществ существовали четко регламентированные, в том числе в возрастном отношении, обряды инициации. Эти ритуалы перехода к статусу взрослого были формальными, обязательными и достижимыми практически всеми членами общества. Они играли важную роль, так как публично и явно обозначали момент, с которого индивиды переходили из группы детей или подростков в группу взрослых и снижали напряжение и неопределенность, связанные со взрослением. В условиях, когда «прошлое родителей становилось будущим детей» [Мид, 1988], раннее, формальное, регламентированное и ускоренное взросление было эффективным и необходимым.

За последние полтора-два века жизнь общества и индивида претерпела серьезные трансформации как количественного, так и качественного свойства. Население развитых стран не только стало жить в два раза дольше (80 лет вместо 30-40), но и значительно более здоровой, наполненной удобствами и технологиями жизнью. В постиндустриальном обществе базовые витальные потребности у большинства индивидов удовлетворены, поэтому задача выживания, и связанная с ней целевая доминанта раннего и всеобщего деторождения уже не стоит так остро, как прежде [Инглхарт, 2018]. В результате фокус жителей развитых стран с выживания сместился на улучшение качества жизни, индивидуальное развитие и инвестиции в человеческий капитал.

Удвоение продолжительности жизни привело к «инфляции» возраста [Shoven, Goda, 2011] и позволило отодвинуть наступление ключевых событий в жизни человека. Ускоренное взросление перестало быть необходимым, а из-за многократного усложнения социально-экономического и политического устройства общества, появления профессий, требующих долгой подготовки, актуальной становится тенденция замедления и удлинения перехода во взрослую жизнь. Процесс подготовки индивида ко взрослой жизни стал таким сложным и многоаспектным, что в систему простых ритуалов и жестких схем он больше не

вписывается. Мы не можем сказать, что взамен прежних норм и ритуалов взросления современные общества уже выработали новые универсальные и разделяемые большинством индивидов практики. На данном этапе мы фиксируем размывание возрастных границ и критериев взросления, и замену внешней, более строгой регламентации процесса перехода к взрослой жизни на более вариативную, индивидуальную и рефлексивную.

Взросление как процесс, как специфический этап жизни – относительно новый для человечества феномен, который изучается *наукой* всего около ста лет. Интерес к взрослению проявляли и проявляют, опираясь на свои подходы, самые разные дисциплины: философия, психология, социология, демография, антропология, и другие науки, но пока единой концепции взросления и комплексной методологии анализа закономерностей этого процесса не предложено. Тем не менее, изучение взросления важно для разных дисциплин, т.к. это не только самостоятельный и мало изученный феномен, но и процесс, тесно взаимосвязанный с другими исследовательскими темами: например, с периодизацией этапов жизни, с определением возрастных границ и других критериев принадлежности к группе молодежи; с пониманием угроз и потенциала молодежных движений; с определением длины поколений и темпа их смены и т.д.

Для *индивида и общества* изучение взросления важно, т.к. на этом этапе жизни происходит наиболее высокая концентрация значимых событий, меняющих социальный статус индивида и устройство его жизни [Billari, Liefbroer, 2007; Ronald R. Rindfuss, 1991]. От того, какой поведенческий сценарий будет избран, в каком возрасте и с каких событий будут начаты траектории в разных сферах жизни, зависит дальнейшее формирование жизненного пути.

Для *государства* систематизированное изучение взросления необходимо, чтобы понимать, чем сегодня характеризуются взрослые люди, с какого возраста они становятся полноправными участниками общества, какие вызовы и проблемы они испытывают, а главное – чтобы иметь возможность прогнозировать дальнейшие изменения. В современных социально ориентированных государствах (*welfare states*) возрастная стратификация играет весомую роль, т.к. от нее зависит распределение общественных благ. От того, кого мы будем относить к категории детей и стариков, требующих заботы и поддержки, а кого – к категории взрослых, способных не только заботиться о себе, но и вносить вклад в экономику и развитие общества [Захаров, 2009, с. 348], зависит объем и направление межпоколенных трансфертов [Гладникова, 2009; Денисенко, 2007; Денисенко, Козлов, 2018; Sloan, Zhang, Wang, 2002], межпоколенный контракт в обществе и семьях [Миронова, 2014; Bengtson, Achenbaum, 1993; Cheal, 1983; Puur и др., 2011], размер

государственных расходов на социальные нужды и прочее. То есть пока экономика управляется взрослыми людьми, выстроить продуманную государственную политику без понимания того, кто такие взрослые и на каком возрастном отрезке жизни они локализируются, не представляется возможным.

Изучение *перехода во взрослую жизнь в России* особенно актуально, т.к. после распада СССР в нашей стране произошли серьезные изменения в политической, социальной и экономической сферах, отразившиеся на организации жизни индивидов [Рождественская, 2019]. Современная российская молодежь демонстрирует модернизацию моделей демографического и социоэкономического поведения [Архангельский, 2013; Блюм и др., 2010; Гимпельсон, Зудина, 2017; Захаров, 2009; Константиновский, 2008; Mills, 2004; Potârcă, Mills, Lesnard, 2013], но эти формы поведения редко изучаются вместе, как компоненты одного процесса – взросления. Российских обследований, на базе которых можно анализировать переход во взрослую жизнь, крайне мало, тогда как в зарубежных странах лонгитюдные исследования с детальной анкетой для формализации биографий сегодня очень распространены. Также в отечественных исследованиях редко используется продвинутая методология, учитывающая новые статистические и математические разработки.

Данное исследование ставит целью восполнить существующий пробел в изучении количественных аспектов перехода во взрослую жизнь современными поколениями россиян, ведь без понимания закономерностей перехода во взрослую жизнь невозможно выстроить современную и эффективную политику на уровне государства и общества, ведь вся она базируется на деятельности *взрослых* людей.

Степень разработанности научной проблемы

Интерес к переходу во взрослую жизнь возник еще в античное время [Лишаев, 2015a], но так как еще долго человечество не могло преодолеть планку средней продолжительности жизни на уровне 50 лет, то общество не могло позволить индивидам терять ценные годы их взрослой (трудо- и детоспособной) жизни, поэтому процесс перехода из детства в зрелость чаще всего вмещался в непродолжительный, четко регламентированный ритуал инициации [Ремшмидт, 1994]. С ростом продолжительности жизни и усложнением профессий на подготовку ко взрослой жизни стало уходить все больше времени, и взросление из события стало превращаться в процесс.

Осмысление взросления как особого этапа жизни началось в 18 веке, в *философии и литературе*. Концептуализация взросления и исследование его научными методами

начались много позже – в психологии в начале 20-ого века и уже далее это направление развивалось социологами, демографами, антропологами, культурологами и т.д.

За более чем вековой интерес ко взрослению *психологами* разработано множество периодизаций этапов жизни и этапов взросления, большинство из которых уже потеряло свою актуальность к настоящему моменту вследствие роста продолжительности жизни и увеличения длительности разных ее этапов [Луков, 2012; Hendry, Клоер, 2012]. Современные междисциплинарные психологические теории учитывают влияние различных факторов на взросление индивида: биологических, психологических, социальных, исторических, культурных и других. Вместо термина «взросление» психологи часто используют следующие термины: юность, молодость, «зарождающаяся» взрослость (emerging adulthood) [Arnett, 2012]. Несмотря на то, что уже предложено много психологических теорий, объясняющих взросление, общепринятых теоретических подходов к объяснению этого феномена в психологии нет: наборы компонентов взрослости и возрастные границы взросления варьируют в зависимости от того, какие идеи исследователи кладут в их основу.

В *социологии* сначала возникает интерес к молодежи как социальной группе, и только после этого – ко взрослению как этапу жизни, на котором молодежь локализуется. Марксизм первым видит потенциал в молодежи как проводнике общественных изменений («история – есть смена поколений») [Маркс, Энгельс, Ленин, 1972]. В рамках классовой теории создается социология молодежи, изучаются рабочие подростки и молодые рабочие [Луков, 2012, с. 202], развивается исследование молодежных движений. Вне рамок классовой теории молодежь изучается Э. Дюркгеймом, Т. Парсонсом, Р. Мертоном, Н. Смелзером и др. После массовых студенческих волнений и социальных напряжений в развитых странах в 1960-х гг. исследования молодежи обретают особую актуальность. В 1970-х годах как отдельное направление начала развиваться социология возраста (М. Райли, П. Сорокин, Т. Парсонс, С. Айзенштадт, Б. Нойгартен) и теория поколений, в том числе демографическая (К. Мангейм, Н. Хоув, У. Штраус, Ю.А. Левада, Я.С. Улицкий, В.В. Никитенко, Б.В. Дубин, В.В. Семенова). На данный момент социологии взросления как отдельного направления в отечественной науке еще нет. В западной литературе встречается термин «sociology of adolescence», но под ним скорее понимается изучение молодежи нежели изучение специфического этапа жизни человека.

Интерес *демографов* к взрослению обусловлен важностью понимания изменений, происходящих со стартовыми демографическими событиями: первым партнерством, первым браком и первым деторождением. В отличие от психологов и социологов, демографы изучают только событийный, фактологический слой, оставляя за рамками

анализа социопсихологические аспекты. Так же, как и в психологии и в социологии, в демографии нет отдельного направления, изучающего взросление, но есть демография возраста и демография молодежи, которые, однако, недостаточно концептуализированы. В то же время нельзя не отметить, что количество эмпирических работ, посвященных взрослому, растет ежегодно, и интерес к данной тематике велик и за рубежом, и в России. Пионерами в изучении наступления стартовых демографических событий по отдельности и в комбинации в России являются: Л.Е. Дарский, И.П. Ильина, Р.И. Сифман, А.Г. Вишневский, М.С. Тольц, А.Г. Волков, В.А. Борисов, А.А. Попов и др.

Сегодня большинство представителей разных научных школ и дисциплин сходятся во мнении, что взросление – это многоаспектный процесс, который нужно изучать в междисциплинарном поле. Успешным примером междисциплинарного подхода, объединившего теоретические и методологические наработки разных наук является концепция *жизненного пути (КЖП)*. КЖП является одной из самых известных и влиятельных парадигм в современных социальных науках [Alwin, 2012; Levy, 2005; Levy и др., 2005]. Она была предложена и развита психологами (Ш. Бюлер, Н.А. Рыбников, Л. Франк, Дж. Трамсдорф, Х. Лэмм, Ж. Нюттен, Г. Томэ, С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, А.А. Кроник, Е.И. Головаха, К.А. Абульханова-Славская, Н.А. Логинова) и методологически наполнена работами социологов, демографов и статистиков (Л. Кейн, Г. Элдер мл., Д. Холтч, К. Племоис, И.С. Кон, М.Х. Титма, Х.-П. Блоссфельд, И. Хьюинк, Ф. Биллари, А. Лифброер, М. Миллс, Е.Ю. Рождественская).

В работах, выполненных в рамках КЖП, отдельное место занимает изучение *взросления*. Для целей количественного изучения закономерностей перехода во взрослую жизнь (transition to adulthood) социологи и демографы операционализируют взросление через достижение стартовых событий жизненного пути. Обычно выделяются следующие события: завершение получения образования, первое трудоустройство, первое покидание родительского дома, первое партнерство, первый брак, рождение первого ребенка [Billari и др., 2005a; Billari, Liefbroer, 2010; Buchmann, 1989; Liefbroer, 1999]. При помощи статистических и математических методов изучаются следующие компоненты наступления событий: структура, число, время, интенсивность и последовательность наступления событий. В течение трех последних десятилетий такой инструментальный подход к изучению взросления набирает большую популярность и применяется ведущими зарубежными и отечественными демографами и социологами, такими как: К. Майер, Ф. Биллари, А. Лифброер, М. Миллс, М. Бухман, Т. Сobotка, А. Блюм, С.В. Захаров и другие.

Примеров комплексного изучения всех перечисленных аспектов *взросления россиян* с использованием продвинутых методов и теоретических концепций нам найти не удалось.

Взаимосвязанные события, маркирующие переход во взрослую жизнь, если и изучаются на российских данных, то, в основном по отдельности или на узких группах переменных [Архангельский, 2013; Блюм и др., 2010; Гимпельсон, Зудина, 2017; Демографическая модернизация России, 1900-2000, 2006; Захаров, 2007; Константиновский, 2008; Радаев, 2019, с. 68–74; Frejka, Zakharov, 2012; Mills, 2000a; Mills, 2004; Potârca, Mills, Lesnard, 2013]. Единичные исследования, в которых изучались сразу несколько событий, маркирующих взросление, имеют ограничения. Например, в работе 2010 года [Блюм, Себий, Захаров, 2010] сравнивается взросление поколений россиян и французов, но не уделяется внимание гендерной, образовательной и другим важным видам дифференциаций. В другом исследовании [Захаров, 2009] учитывается гендерный аспект, однако изучено только взросление женщин, а взросление мужчин не рассмотрено. Еще в одной публикации, выполненной на тех же данных, что и предыдущая, рассмотрены оба пола и учтен кейс России, однако он подробно не разобран [Zsolt, Murinkó, Settersten Jr., 2014]. Данная диссертация продолжает эти работы и существенно расширяет глубину изучения взросления, опираясь на современные теоретические и методологические подходы к исследованию этого процесса.

Фокус исследования

Объект исследования – стартовые социодемографические события, маркирующие переход во взрослую жизнь, в биографиях россиян, родившихся между 1930 и 1986 годами. К таким событиям-маркерам мы относим: получение профессионального образования, первое трудоустройство, первое отделение от родителей, первое партнерство (незарегистрированные отношения с совместным проживанием), первый брак, рождение первого ребенка.

Предмет исследования – закономерности процесса перехода во взрослую жизнь поколений россиян 1930-1986 г.р.

Цель исследования – получить комплексное представление о переходе во взрослую жизнь поколений россиян с разными индивидуальными характеристиками.

Задачи исследования:

1. Операционализировать понятие перехода во взрослую жизнь на основе имеющихся исследований и дать авторское определение взрослению.
2. Разработать комплексный подход к изучению социодемографических аспектов перехода во взрослую жизнь и авторский способ визуализации взросления на демографической сетке Лексиса.

3. Изучить межпоколенческую динамику трансформации моделей взросления и влияние на этот процесс исторического контекста и индивидуальных характеристик людей.
4. Классифицировать модели взросления разных поколений россиян в контексте имеющихся объяснительных концепций.
5. Выявить специфические особенности организации процесса взросления молодых поколений россиян.

Теоретические основания исследования

Предпосылками для изучения взаимовлияния среды и индивида друг на друга являются работы, описывающие закономерности хабиутализации социальных практик и формирования общественных норм [Berger, Luckmann, 1966; Kiernan, 2002; Sobotka, Toulemon, 2008]. Теоретическими рамками изучения особенностей перехода во взрослую жизнь являются концепция жизненного пути (КЖП), теория демографического перехода (ТДП) и несколько объяснительных концепций перехода во взрослую жизнь, созданных на их пересечении.

Положения КЖП гласят, что современные биографии перестали быть «стандартными», институционализированными, одинаковыми для всех и начали становиться деинституционализированными или «настраиваемыми» (choice biography) [Giddens, 1994; Heinz, Marshall, 2003; Huinink, 2013].

ТДП предполагает, что если одна страна может повторить успех социального и экономического развития другой страны, то демографическая модернизация, пройденная какой-либо страной, также может быть повторена другими странами. ТДП предполагает, что существует несколько стадий демографической модернизации. На первом этапе изменяются количественные показатели основных демографических процессов (баланс высокой смертности и высокой рождаемости сменяется балансом низкой смертности и низкой рождаемости), а на втором этапе демографического перехода происходят изменения в организации семейной жизни и разделении сексуального, репродуктивного и матримониального поведений [Kaa van de, 1987; Lesthaeghe, 1995].

Демографическая модернизация происходит в разных странах с разной скоростью и начинается в разное время. Среди европейских стран признаки демографической модернизации сначала появились в странах западной Европы, а затем – восточной Европы [Frejka, Zakharov, 2012; Puur и др., 2012b; Puur и др., 2012a]. Основные признаки второго демографического перехода – это: откладывание браков и деторождений; рост популярности партнерств и снижение популярности браков; снижение числа рожденных

детей и повышение числа детей рожденных вне зарегистрированного брака [Демографическая модернизация России, 1900-2000, 2006; Lesthaeghe, Neels, 2002; Zakharov, 2008].

В современных исследованиях встречается два противоположных подхода к интерпретации изменений, происходящих с переходом во взрослую жизнь: одни исследователи полагают, что между странами происходит конвергенция (то есть сближение паттернов взросления), другие – что происходит дивергенция, то есть нарастание различий между странами.

В подтверждение предположения о *дивергенции* моделей взросления и отдельных поведений, маркирующих переход во взрослую жизнь, выступает исследование Хайнала, описывающее и объясняющее исторические различия в западно- и восточноевропейской брачности [Hajnal, 1965], а также более современные работы: классификация моделей взросления в европейских странах [L'allongement de la jeunesse, 1993]; кластеризация европейских стран в зависимости от типов семейной политики [Ejrnas, Voje, 2008]; классификация режимов социальной политики в европейских странах [Esping-Andersen, 1990; Esping-Andersen, 2007]; взаимосвязь особенностей перехода во взрослую жизнь с ограничениями и возможностями, формируемыми режимами социальной политики, функционированием рынка труда и семейным укладом [Vogel, 2002]. Основной вывод этих исследований заключается в следующем: наиболее быструю трансформацию моделей взросления демонстрируют западные и северные страны Европы с более либеральными социальными нормами в отношении организации семейной жизни и гендерно более сбалансированной семейной и социальной политикой государства, а восточные и южные страны Европы с более фамилистской, гендерно-ассиметричной государственной политикой демонстрируют сохранение прежних, более традиционных норм и моделей поведения.

Объяснительные концепции, предполагающие *конвергенцию* моделей взросления, не отвергают культурно-национальных и региональных различий, но утверждают, что со временем эти различия ослабевают, и происходит общее движение в направлении модернизации демографического и социоэкономического поведения. В поддержку идеи о конвергенции выступает исследование Ф. Биллари и А. Лифброера [Billari, Liefbroer, 2010]. Ученые изучили изменение следующих характеристик наступления стартовых событий в европейских странах: времени (timing), интенсивности или скорости (tempo) и последовательности (sequence). «Традиционную» модель взросления они описали как «раннюю, ускоренную и простую» (события наступали рано, с маленькими интервалами и в едином почти для всех порядке), а современную – как «позднюю, растянутую и

сложную». Результаты этого исследования согласуются с предположениями теории второго демографического перехода и показывают, что возраст наступления стартовых событий в современных обществах «стареет», в особенности для демографических событий. За счет того, что возраст обретения социоэкономических событий меняется меньше, переход во взрослую жизнь начинается примерно в том же возрасте, что и раньше, а заканчивается позже – то есть переход во взрослую жизнь растягивается во времени. Последовательность наступления событий становится все более, мозаичной, индивидуализированной и менее предсказуемой.

Также идею о конвергенции поддерживают исследования формирования семьи во Франции, Румынии и России [Potârca, Mills, Lesnard, 2013], в Канаде, Нидерландах и России [Mills, 2004], обзор работ по взрослению европейцев [Buchmann, Kriesi, 2011] и другие публикации. Изучение особенностей взросления девушек в разных странах Европы [Захаров, 2009] показало наличие различий не только в тайминге и последовательности наступления стартовых событий, но и в том, какие события жители разных стран считают индикаторами взрослости. В восточноевропейских странах, а также в Португалии, Франции и на Кипре с обретением девушкой статуса взрослой в большей мере связано создание семьи и материнство (которое достаточно часто сочетается с полной занятостью). В западно- и североевропейских странах, по мнению респондентов, для взросления важно трудоустройство и покидание родительского дома. С.В. Захаров соглашается с тем, что происходит конвергенция моделей взросления как результат «общего для развитых стран переходного процесса к некоему «новому» расписанию человеческой жизни». Но он также подтверждает сохранение региональной дифференциации моделей взросления, обусловленной историко-культурными особенностями разных стран.

А. Пуур и соавторы в своем исследовании [Puur и др., 2012b; Puur и др., 2012a] нашли подтверждение как стадильности изменений в брачно-партнерском поведении (предположения ТДП о конвергенции), так и наличия региональной дифференциации (предположения о дивергенции): в странах восточной Европы переход к новой модели брака начался на несколько десятилетий позже, чем в западной Европе, причем сначала (через 15-20 лет) переход осуществили Восточная Германия и Эстония, а затем (через 20-25 лет) – Болгария, Венгрия, Литва, Россия и Румыния. Но изучив связь между современным брачно-партнерским поведением европейцев и историческими режимами брачности, авторы пришли к выводу, что развитие некоторых стран (например, Литвы и Болгарии) не вписывается в предложенную Хайналом концепцию. То есть процесс модернизации демографического поведения, действительно, проходит определенные стадии, но культурно-исторические нормы, действующие в разных странах, могут

оказывать существенное влияние на содержание и скорость протекания модернизационного процесса.

Обобщая выводы перечисленных подходов, можно сказать, что на сегодняшний день региональные различия в переходе во взрослую жизнь сохраняются, но признаки демографического перехода и сближения моделей взросления прослеживаются во всех европейских странах и, в том числе, в России [Архангельский, 2013; Долбик-Воробей, 2003; Захаров, 2007; Чернова, 2012; Шабунова, Калачикова, 2015].

В данной работе мы исследуем особенности взросления россиян, то есть сравниваем не разные страны, а население одной страны в разные исторические периоды, поэтому к нашим задачам предположения о конвергенции и дивергенции применимы в следующем ключе: мы изучаем, изменяются ли модели взросления современной молодежи в соответствии с треками, задаваемыми западноевропейскими странами (идея конвергенции) или сохраняются модели взросления, унаследованные от советских поколений (идея дивергенции, сохранения региональных различий). Пользуясь представленными объяснительными концепциями, мы предполагаем, что, в целом, переход во взрослую жизнь молодых поколений модернизируется, но в зависимости от индивидуальных характеристик респондентов (пол, уровень образования, тип населенного пункта проживания) разница между советскими и современными поколениями будет ослабевать или усиливаться.

В соответствии с предположениями КЖП, ТДП и разных объяснительных концепций, мы выдвинули следующие *гипотезы*:

1. У поколений, начавших переход во взрослую жизнь после распада СССР, наблюдается дивергенция моделей взросления с предыдущими российскими поколениями и конвергенция с образцами, демонстрируемыми странами, находящимися на более продвинутых этапах развития семьи, диверсификации форм брачно-партнерских отношений, трансформации модели деторождения, объединяемых понятием «второго демографического перехода».
2. В моделях взросления всех поколениях россиян наблюдается гендерная дифференциация, особенно сильно проявляющаяся в наступлении демографических событий: женщины раньше, чем мужчины, вступают в браки и рожают первых детей; наличие ребенка у женщины снижает ее шансы на трудоустройство и получение образования.
3. Модели взросления россиян различаются в зависимости от того, какой уровень образования получил индивид и в каком населенном пункте он проживает. Городской уклад жизни и высокий уровень образования выравнивает гендерное

неравенство в наступлении событий. У городских жителей взросление происходит позже, но шансы на обретение социоэкономических событий выше, чем в сельской местности.

Эмпирическая база исследования и методы анализа

Основной базой данных исследования является российская часть международной программы сравнительных выборочных исследований Европейской экономической комиссии ООН «Поколения и гендер» (Generations and Gender) – репрезентативное для России обследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РидМиЖ), проведенное в 2004, 2007 и 2011 годах по унифицированному с другими странами вопроснику. База данных этого обследования является наиболее актуальным источником микроданных о социодемографических событиях в биографиях россиян. Дизайн РидМиЖ изначально был разработан для использования самых продвинутых статистических методов и анализа изменений в трудовой, образовательной, репродуктивной, брачно-партнерской и семейной биографиях.

Для анализа наступления событий современными статистико-математическими методами автором была подготовлена гармонизированная база данных респондентов, участвовавших во всех трех волнах российской части обследования – так называемая панельная выборка. Объем этой выборки составил 5451 респондента, рожденных между 1930 и 1986 годами.

Помимо обозначенной базы данных в ходе проведения диссертационного исследования автором также были подготовлены и проанализированы результаты двух других репрезентативных для России исследований: «Европейского социального исследования» 2006 года (международная программа регулярных опросов населения, в которой участвует 38 стран) и обследования «Человек, семья, общество» 2013 года (проведено Институтом социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации). Сравнение результатов показало устойчивость и консистентность выводов, полученных на данных РидМиЖ. Результаты этой работы в диссертацию не включены, но опубликованы в статьях и представлены на конференциях.

Хронологические рамки работы обусловлены имеющимся эмпирическим материалом. Так как в исследовании, на котором проведен анализ, имеются полные биографии только для респондентов 1930-86 годов рождения, а само обследование проведено в последний раз в 2011 году, то рассматриваемый нами исторический период охватывает промежуток с 1930 по 2011 гг.

В работе были применены следующие *методы*, предлагаемые статистикой, социологией, демографией и концепцией жизненного пути:

1. Для анализа структуры, квантума, тайминга и последовательности наступления событий были использованы методы дескриптивной статистики: анализ частот, таблицы сопряженности, меры средней тенденции (средние и медианы). Для оценки значимости выявленных различий был использован критерий хи-квадрат для фактов наступления событий, дисперсионный анализ – для возрастов наступления событий и критерий Краскала-Уоллиса для независимых выборок – для проверки различий в медианных возрастах.
2. Для анализа интенсивности наступления событий был использован анализ наступления событий (АНС, Event history analysis) и один из предлагаемых им методов – регрессия Кокса.
3. Авторский способ визуализации процесса взросления с использованием демографической сетки Лексиса.

Личный вклад автора в разработку проблемы и научная новизна работы

На актуальном эмпирическом материале комплексно изучены шесть стартовых социодемографических событий, маркирующих переход во взрослую жизнь. Подобное исследование на российских данных еще не проводилось. Имеющиеся работы, посвященные анализу перехода во взрослую жизнь в России, либо не изучают взросление отдельных поколений [Zsolt, Murinkó, Settersten Jr., 2014], либо изучают, но без гендерной дифференциации [Блюм, Себий, Захаров, 2010], либо исследуют только взросление женщин [Захаров, 2009].

В данной диссертации наступление шести стартовых социодемографических событий изучено в разрезе четырех индивидуальных характеристик респондентов: пола, поколения, уровня образования и типа населенного пункта. Полученные результаты были обсуждены в контексте того исторического времени и тех мер политики, которые сопутствовали взрослению каждого конкретного поколения.

Проведенный анализ вносит вклад как в теоретическое осмысление перехода во взрослую жизнь, уточняя имеющиеся дефиниции этого этапа жизни, так и методологический вклад, предлагая комплексный подход к анализу наступления стартовых событий. Полученные автором результаты могут быть учтены при разработке социально-демографической политики и для решения конкретных практических задач в разных секторах экономики и сферах общественной жизни, где необходимо знание о границах перехода во взрослую жизнь и других особенностях протекания этого процесса.

Теоретическая значимость работы

В диссертации представлены подходы разных дисциплин к изучению процесса перехода во взрослую жизнь и дана операционализация этого понятия. На основе имеющихся исследований определены возможности и ограничения изучения количественного, фактологического аспекта взросления. Представленное в диссертации исследование позволяет уточнить имеющееся определение процесса перехода во взрослую жизнь и обозначить важность взаимодействия общества и индивида в процессе формирования моделей перехода во взрослую жизнь.

Результаты проведенного анализа были обсуждены в свете социологических и демографических теорий и концепций:

1. Подтверждено взаимовлияние среды и индивида и закономерности хабиитуализации социальных практик и норм [Berger, Luckmann, 1966; Kiernan, 2002; Sobotka, Toulemon, 2008]. Показана важность влияния исторического контекста на организацию процесса перехода во взрослую жизнь [L'alongement de la jeunesse, 1993; Vogel, 2002; Esping-Andersen, 2007; Ejrnas, Voje, 2008], а также возможность индивидов адаптировать существующие модели взросления для того, чтобы наиболее эффективно встроиться в существующую социальную систему.
2. Подтверждены положения концепции жизненного пути о росте вариативности индивидуальных биографий [Giddens, 1994; Heinz, Marshall, 2003; Huinink, 2013].
3. Трансформация наступления стартовых демографических событий подтверждает стадийность демографической модернизации [Kaa van de, 1987; Lesthaeghe, 1995] и оценки того, что демографический переход в России начался примерно на 20-25 лет позже, чем в европейских странах [Frejka, Zakharov, 2012; Puur и др., 2012b; Puur и др., 2012a].
4. Представленная классификация моделей взросления россиян совпадает предположениями о конвергенции паттернов перехода во взрослую жизнь [Billari, Liefbroer, 2010]. «Постсоветская» модель взросления приближается к «современной» европейской, становясь «поздней, растянутой и сложной».

Методологическая значимость работы

Исследование демонстрирует широкие возможности изучения *индивидуальных биографий*, построенных на основе данных *выборочных обследований*. Подобные биографии расширяют и дополняют данные переписи и текущего учета. Разработанные методы *гармонизации биографических данных* апробированы на данных двух других

выборочных обследований и могут быть имплементированы другими исследованиями для работы с биографиями.

В работе *комплексно* анализируются все известные *количественные параметры* наступления событий: структура, число событий (квантум), время (тайминг), интенсивность и последовательность наступления событий. Сравнение результатов, полученных разными методами, позволило выявить недостатки ряда широко используемых показателей и ограниченность их применения для изучения стартовых событий (например, средних и медианных возрастов наступления событий).

Разработан способ *визуализации* наступления стартовых событий на демографической сетке Лексиса, который дает представление о композиции и тайминге перехода во взрослую жизнь. Предлагаемый метод позволяет сравнить два взаимодополняющих подхода к изучению взросления: анализ наступления стартовых *событий по отдельности* и анализ взросления как *единого процесса*. Выявлены ограничения первого подхода, т.к. он не учитывает особенности взаимодействия событий в рамках конкретных биографий. *Повозрастная динамика* наступления событий дополняет предложенную визуализацию и позволяет учесть различие в шансах обретения стартовых событий у старших и молодых поколений.

Анализ был проведен в разрезе четырех индивидуальных характеристик респондентов: пола, принадлежности к поколению, уровня полученного образования и типа населенного пункта, в котором респондент проживал на момент опроса. Включение в анализ индивидуальных характеристик респондентов позволило:

- нивелировать смещение выборки по полу, вызванное «обсыпанием» панели;
- учесть неравенство шансов обретения событий, обусловленное нахождением респондентов в разных возрастах;
- учесть неоднородность жизненных условий и биографического опыта.

Практическая значимость работы

Полученные автором результаты могут быть учтены при разработке социально-демографической политики страны и для решения конкретных практических задач в разных секторах экономики и сферах общественной жизни.

Рост разнообразия вариантов перехода во взрослую жизнь делает современную молодежь менее однородной социальной группой, нежели в советское время. Это может привести как к поляризации моделей взросления и расслоению общества, так и к формированию некой единой нормы (например, «позднее, растянутое и сложное» взросление). Во многом этот процесс будет зависеть от действующих мер политики, т.к. мы

увидели, что они могут как формировать узкий коридор маневров, капсулируя определенные практики (например, связанность получения образования и трудоустройства в советское время), так и стимулировать рост разнообразия моделей поведения.

Для *финансовых рынков, экономики* демонстрируемое молодежью откладывание событий, требующих долгосрочных обязательств, является сигналом того, что и в других сферах жизни молодежь может демонстрировать осторожность, нерасторопность и даже пассивность. Например, может отказываться брать крупные и долгосрочные кредиты, ипотеку или откладывать принятие этого решения. Если отделение от родителей будет происходить во все более поздних возрастах, то это повлияет на рынок жилья и банковский сектор. Движение межпоколенческих трансфертов от родителей к детям усилится, т.к., если дети дольше находятся в состоянии «психосоциального моратория», то им будет дольше нужна финансовая поддержка старших поколений.

Для *экономической политики* важно понимать, происходит ли откладывание трудоустройства, и если происходит – за счет чего. Если за счет увеличения продолжительности получения образования, то в долгосрочной перспективе общество выиграет, а если за счет недостаточного количества рабочих мест или рецессии экономики, то это сигнал к срочным политическим мерам.

Для *рынка труда* удлинение времени получения образования, с одной стороны, может означать рост квалификации молодых кадров, но с другой стороны, молодежь, становясь более востребованной и компетентной, начинает ожидать изменения существующих условий труда (возможность удаленной работы, неформальный стиль в одежде и т.д.), вынуждая работодателей подстраиваться под свои ожидания. В условиях глобальной конкуренции за человеческие ресурсы отечественным компаниям будет становиться все сложнее оставаться привлекательными для нынешней молодежи. Это может привести к стагнации экономики. Для того, чтобы этого не допустить, нужно изучать ценности, установки и реальное поведение молодых поколений. Понимание того, на каком этапе жизни они находятся и какие возрастные задачи решают, поможет создать эффективную систему привлечения, мотивации и удержания молодых сотрудников.

Значительная часть репродуктивного периода женщины приходится на период взросления, поэтому при разработке мер *демографической политики* важно понимать, какие события конкурируют за время женщины и в контексте каких жизненных задач пара принимает или не принимает решение о деторождении. Закрепленный в советское время «тройной гендерный контракт» женщин [Здравомыслова, Темкина, 2008] продолжает действовать и в сегодняшнем обществе. Этот контракт со временем может перерасти в конфликт. Уже сейчас заметна колоссальная разница в старте взросления у самых молодых

мужчин и женщин. Обществу либо нужно вырабатывать новые модели родительства, активно включая мужчин в воспитание детей, либо инициировать диалог между работодателями и государством для разработки все более диверсифицированных способов поддержки работающих родителей. Ситуация может дополнительно осложниться после увеличения возраста выхода на пенсию поколений 1960-69 и 1970-79 г.р. Если раньше они могли взять на себя часть забот по воспитанию внуков, то отсрочка выхода на пенсию может привести к сокращению межпоколенческой поддержки и усугубить конкуренцию сфер семьи и занятости для молодежи, и особенно – для женщин.

Сегодня российская демографическая политика ориентирована, в основном, на женщин и/или на брачную пару. Необходимо учесть детоспособный потенциал партнерств, т.к. их популярность у молодежи сильно возросла. У молодых мужчин репродуктивные события практически отсутствуют. Если продолжать исключать их из репродуктивного процесса, отложенные демографические события могут перерасти в отказ от событий.

Результаты диссертационного исследования также могут быть использованы в учебных целях. Автором разработаны и проводятся в течение нескольких лет русско- и англоязычные учебные дисциплины, включающие теоретические и методологические аспекты работы с событиями жизненного пути, в частности:

1. Time in Social Sciences (Время в социальных науках): авторский курс, читается в НИУ ВШЭ.
2. Theory and Methods of the Life-Course Approach (Теории и методы концепции жизненного пути): авторский курс, читался в НИУ ВШЭ.
3. Теория поколений для бизнеса, политики, общества: авторский курс, читается в НИУ ВШЭ.
4. Demographic Policy (Демографическая политика): авторский курс, читался в РАНХиГС.
5. Экономическая демография): совместный курс, читается в НИУ ВШЭ.
6. Демография: совместный курс, читается в НИУ ВШЭ.
7. Demography (Демография): совместный курс, читается в НИУ ВШЭ.
8. Social policy: foundations and implementation (Социальная политика: основы и применение): совместный курс, читается в НИУ ВШЭ.

Положения, выносимые на защиту:

1. **На основе анализа социодемографических аспектов взросления было дано авторское определение взросления: это комплексный процесс становления индивида взрослым (самостоятельным), посредством которого индивиды встраиваются в существующую социальную систему; это процесс, благодаря которому в обществе происходит смена поколений, обновление нормативных моделей поведения и практик сообразно изменившимся условиям среды.**

Переход во взрослую жизнь – это комплексный процесс становления индивида взрослым, самостоятельным; это социально сконструированная система норм, которая определяет поведение людей и наложена на историческую ситуацию.

Взросление включает в себя хронологическую, биологическую, правовую, психоэмоциональную, социальную и демографическую компоненты. Изучение демографической компоненты взросления количественными методами позволило выявить, что процесс перехода во взрослую жизнь подстраивается под условия среды, сжимаясь или растягиваясь, прирастая одними событиями и теряя другие.

На ***индивидуальном*** уровне взросление – это процесс, при помощи которого индивид встраивается в существующую социальную структуру; на уровне ***общества*** взросление – это процесс, благодаря которому происходит смена поколений, обновление социальных практик и нормативных моделей поведения.

Через механизм обратной связи сначала индивиды адаптируются к новым условиям жизни, изменяя возраст, количество, скорость, последовательность обретения стартовых событий, а через какое-то время общество начинает транслировать обновленные модели взросления как нормативные.

Такая ***адаптивность*** позволяет как государству менять нормативную модель взросления, направляя ценный ресурс молодости своих граждан на решение наиболее актуальных государственных задач, так и новому поколению трансформировать старые образцы поведения в соответствии с актуальными для них целями и приоритетами.

2. **Предложенный комплексный анализ перехода во взрослую жизнь позволил сравнить два подхода к анализу взросления: изучение стартовых событий по отдельности и в совокупности. Разработан авторский способ визуализации процесса взросления на демографической сетке Лексиса.**

В диссертационном исследовании рассмотрены два взаимодополняющих способа анализа взросления. ***Первый***, наиболее часто применяемый количественных исследованиях социологов и демографов, предполагает анализ наступления

отдельных стартовых событий, маркирующих переход во взрослую жизнь. **Второй** способ, применяемый обычно в исследованиях философов и психологов, подразумевает изучение взросления как длящегося процесса накопления опыта, состоящего из разных элементов и этапов.

Мы применили количественную методологию к обоим подходам. **Первый** подход позволяет проанализировать особенности наступления каждого стартового события по отдельности, найти закономерности и связи между ними. Недостатком этого подхода является то, что мы можем оценить взаимодействие только двух или трех событий, но не всех сразу. **Второй** подход описывает взросление как единый процесс, состоящий из набора событий. Мы анализируем события по хронологии их наступления, присваивая каждому событию порядковый номер, под которым оно наступило в биографии конкретного индивида. Такой подход позволяет выявить, какие события чаще всего наступают первыми и последними, в каком возрасте взросление начинается и в каком – завершается. Недостатком этого подхода является сильная зависимость результатов от того, какой набор событий был включен в качестве обязательных маркеров взрослости.

Два перечисленных подхода хорошо дополняют друг друга, но оба чувствительны к цензурированию¹ данных, поэтому информацию о самом молодом поколении можно дать только предварительно. Чтобы нивелировать цензурирование данных, мы применили анализ **повозрастной динамики** наступления событий: мы сравнили доли представителей каждого поколения, имеющих определенные события в сопоставимых возрастах.

Предлагаемый способ **визуализации** наступления стартовых событий на демографической **сетке Лексиса** дает представление о композиции и тайминге перехода во взрослую жизнь. Он позволяет наглядно сравнить два перечисленных подхода к изучению взросления и проанализировать взросление разных поколений в специфических исторических условиях, которые оказывали влияние на формирование биографий респондентов.

Такое комплексное изучение композиции, тайминга и интенсивности наступления стартовых событий позволяет разделить эффекты периода, возраста и когорты. Например, «спрессованность» наступления событий у женщин поколения 1970-79 г.р. могла быть эффектом возраста, вызванным цензурированием данных, т.к.

---

¹ Цензурирование данных – это ситуация, при которой у респондента интересующее нас событие еще не наступило, и мы не знаем, что это: отказ от события или его откладывание. В случае со взрослением мы не имеем окончательных данных о самых молодых респондентах, т.к. они находятся в ситуации незавершенного процесса взросления и имеют еще не все события, которые могли и хотели бы иметь.

поколение еще находится в процессе перехода во взрослую жизнь. Но повозрастная динамика показывает, что это поколенческий эффект.

3. **Анализ взросления российских поколений в контексте определенных исторических условий продемонстрировал влияние социальных и законодательных норм, гендерного контракта, территориальной и образовательной дифференциации на композицию и динамику перехода во взрослую жизнь. Также выявлено влияние индивидуальных характеристик респондентов на особенности их взросления.**

Исторический контекст, сопутствующий взрослению индивидов, задает границы и ориентиры для возможных моделей взросления [Berger, Luckmann, 1966; Kiernan, 2002; Sobotka, Toulemon, 2008]. Чем больше поддержка государства, тем более рано и интенсивно происходит взросление, что согласуется с ранее проведенными исследованиями [L'allongement de la jeunesse, 1993; Vogel, 2002; Esping-Andersen, 2007; Eјrnas, Воје, 2008]. Чем уже коридоры, формируемые законодательными и общественными нормами, тем меньше различий в структуре, тайминге, интенсивности и последовательности наступления стартовых событий (пример поколений 1940-49, 1950-59, 1960-69 г.р.). Как только появляется свобода выбора в организации жизненного пути, индивиды начинают демонстрировать вариативность поведений (пример поколения 1980-86 г.р.).

Существование «тройного гендерного контракта» женщин в СССР [Здравомыслова, Темкина, 2008] обусловило *гендерную дифференциацию* биографий россиян. Взросление в социоэкономической сфере все меньше становится зависимым от гендерной принадлежности респондента, но сильно различается в зависимости от места жительства индивида и уровня полученного образования. Взросление в демографической сфере все еще гендерно обусловлено, особенно в сельской местности и среди респондентов с низким уровнем образования.

В среднем случае, чем ниже у индивида *уровень образования* и чем менее урбанизирован *тип населенного пункта*, в котором он проживает, тем раньше у него начинается переход во взрослую жизнь, тем меньшее число социоэкономических событий и большее число демографических событий он имеет. Такое ускоренное взросление в ограниченном диапазоне сценариев может являться следствием определенного уклада жизни, более ограниченного рынка труда, брачного рынка, а также ограниченных возможностей планирования жизненных событий в сфере деторождения, образовательной и трудовой карьеры в сельской местности. В кризисные периоды низкообразованное и сельское население

становится особенно уязвимо и демонстрирует резкие колебания в возрасте и шансах наступления событий. Средний и высокий уровень образования, а также городской образ жизни являются факторами, выравнивающими гендерное неравенство в наступлении социоэкономических событий и партнерств.

«Агентами» модернизации в России, главным образом, выступает молодое поколение, мужчины, высокообразованное и городское население.

4. **Предложена классификация моделей перехода во взрослую жизнь российских поколений 1930-1986 г.р. Сопоставление моделей взросления россиян с имеющимися классификациями выявило *конвергенцию* особенностей взросления молодых российских поколений с образцами, демонстрируемыми странами, находящимися на более продвинутых этапах демографического перехода.**

Выявлены три модели взросления россиян:

- **«советская»** (поколения 1940-49, 1950-59, 1960-69 г.р.): «раннее, ускоренное и простое» наступление событий;
- **«переходная»** (поколения 1930-39, 1970-79 г.р.): модель, адаптирующаяся под резкое изменение условий жизни (война в случае поколения 1930-39 г.р. и период высокой турбулентности после распада СССР в случае поколения 1970-79 г.р.);
- **«постсоветская»** (поколение 1980-86 г.р.): «позднее, растянутое, сложное» наступление событий.

Предложенные модели взросления вписываются в классификацию, предложенную Биллари и Лифброером [Billari, Liefbroer, 2010]: «советская» модель соответствует «традиционной», а «постсоветская» приближается к «современной». То есть наблюдается *конвергенция* особенностей перехода во взрослую жизнь в России и в странах, находящихся на более продвинутых этапах демографического перехода, что подтверждает *стадиальность* модернизационного процесса [Frejka, Zakharov, 2012; Ruug и др., 2012b; Ruug и др., 2012a].

«Современная» модель взросления в Европе в усредненном варианте выглядит так: относительно раннее покидание родительского дома, за которым следует небольшое время проживания без партнера, затем вступление в партнерство, зачатие первого ребенка в относительно позднем возрасте и регистрация брака незадолго до рождения ребенка или вовсе отказ от регистрации брака [Billari, Liefbroer, 2010]. Наш анализ показал, что последовательность наступления стартовых событий у российской молодежи приближается к этой модели, но демографические события

наступают в России в более ранних возрастах и с более короткими интервалами. То есть композиция взросления у нас становится похожей на европейскую модель, а динамика все еще разная.

5. **Выявлены специфические особенности организации процесса взросления молодых поколений россиян: смена внешней регуляции внутренней привела к откладыванию наступления событий; рост продолжительности жизни – к удлинению периода взросления и появления в нем стадий; замедление взросления может являться эффектом периода и не приведет к отказу от принятия долгосрочной ответственности.**

Выявлены специфические особенности процесса взросления *поколения россиян 1980-86 г.р.*: смена внешней регуляции внутренней привела к более долгому принятию решений и откладыванию стартовых событий; рост продолжительности жизни – к удлинению периода взросления и появлению в нем стадий. Вписывание студенческих лет в нормативный жизненный сценарий дало молодежи использовать время обучения и следующий за ним период начала карьеры как паузу во взрослении («психосоциальный мораторий» [Erikson, 1995]). В течение этих нескольких лет молодые россияне находятся в состоянии «полузрелости»: они уже обрели социоэкономические статусы и опыт проживания с партнером, но еще не создали семью. Вступление в брак и деторождение воспринимаются ими как наиболее «неотменяемые» события, требующие определенной психологической зрелости и финансовой устойчивости. Мы полагаем, что такое удлинение периода взросления – следствие откладывания демографических событий на более поздние возрасты, а не полного отказа от них.

Новой нормативной модели взросления в российском обществе еще не сложилось. «Постсоветская» модель взросления обрисовывает очертания новой нормы, но трансформации будут продолжаться в более молодых поколениях. Мы можем ожидать нарастания вариативности жизненных сценариев, характерного для стран, находящихся на более продвинутых этапах модернизационного процесса [Billari, Liefbroer, 2010].

Апробация основных результатов диссертационного исследования проводилась на российских и международных конференциях, а также посредством публикации статей в рецензируемых научных изданиях на русском и английском языках.

Основные положения диссертации, а также методологические и теоретические вопросы, связанные с исследованием, обсуждены на 36-ти российских и зарубежных *научных конференциях*:

1. 06-10.06.2018 – международная конференция «European Population Conference» (Брюссель, Бельгия): постер «The difference between Soviet and post-Soviet generations' transitions to adulthood in Russia»
2. 30.11-01.12.2017 – международная конференция «Демографическое развитие России на мировом фоне: дивергенция или конвергенция?» (НИУ ВШЭ, Москва): доклад «Sequences of the starting sociodemographic events in France, Estonia and Russia» (Последовательность стартовых социодемографических событий во Франции, Эстонии и России)
3. 12-16.06.2017 – 14th International Conference on Formal Concept Analysis (Ренне, Франция): доклад в соавторстве с Д.К. Гиздатуллиным, Д.И. Игнатовым, А.А. Муратовой «Classification of demographic sequences based on pattern structures and emerging patterns»
4. 27-29.04.2017 – международная конференция Annual Meeting of Population Association of America 2017 (Чикаго, США): постер «Sequencing the Transition to Adulthood of Russian Men and Women»
5. 11-14.04.2017 – XVIII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества (НИУ ВШЭ, Москва): доклад в соавторстве с А. В. Артамоновой «Факторы выбора россиянами матримониального союза»
6. 24-25.03.2017 – международная конференция the 10th Annual Conference of Estonian Social Science 10 «Estonia 100 – towards openness?» (Таллин, Эстония): доклад «Matrimonial and Reproductive Behaviours of Young Russians»
7. 10-12.11.2016 – международная конференция «Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке» (Санкт-Петербург, Россия): доклад «Трансформация перехода во взрослую жизнь в условиях глобализации»
8. 26-28.10.2016 – 16th Aleksanteri Conference: Life and Death in Russia (Хельсинки, Финляндия): доклад «Sexual, Matrimonial and Reproductive Behavior in Young Russians»

9. 19-22.10.2016 – V Всероссийский социологический конгресс-2016 (Екатеринбург, Россия): доклад «Перспективы применения методов анализа событий жизненного пути. Пример перехода во взрослую жизнь»
10. 19-22.10.2016 – V Всероссийский социологический конгресс-2016 (Екатеринбург, Россия): доклад в соавторстве с А.В. Артамоновой «Брак или сожительство: с чего начинаются матримониальные биографии россиян»
11. 10-14.10.2016 – Intelligent Data Processing: Theory and Applications (Барселона, Испания): доклад в соавторстве с Д.И. Игнатовым, Д.К. Гиздатуллиным, А.А. Муратовой, Б. Жауме «Pattern-based classification of demographic sequences»
12. 31.08-03.09.2016 – международная конференция «European Population Conference 2016» (Майнц, Германия): постер в соавторстве с А.В. Артамоновой «Evolution of Cohabitation in Russia»
13. 31.08-03.09.2016 – международная конференция «European Population Conference 2016» (Майнц, Германия): постер «The Sequence of Occurrences of the Starting Socio-Demographic Events in the Life Course of Russians»
14. 18.07.2016 – Third International Workshop on Experimental Economics and Machine Learning (the 13th International Conference on Concept Lattices and Their Applications) (НИУ ВШЭ, Москва): доклад в соавторстве с А.В. Артамоновой «Studying Family Formation Trajectories' Deinstitutionalization in Russia Using Sequence Analysis» (Изучение деинституционализации траекторий формирования семьи в России с использованием анализа последовательностей)
15. 08.06-10.06.2016 – международная конференция «Lausanne Conference on Sequence Analysis (LaCOSA) II» (Лозанна, Швейцария): доклад «Russian Generations: Sequencing the Transition to Adulthood»
16. 17.05-20.05.2016 – 7-ая международная научно-практическая конференция студентов и аспирантов «Статистические методы анализа экономики и общества» (НИУ ВШЭ, Москва): доклад в соавторстве с А.В. Артамоновой «Применение метода анализа последовательностей для изучения жизненных путей служивших и не служивших в армии русских мужчин»
17. 26.04.2016 – X Всероссийская научная конференция памяти Юрия Левады «Современное российское общество и социология» (НИУ ВШЭ, Москва): доклад «Последовательности наступления стартовых социодемографических событий в жизнях россиян»
18. 19.04-22.04.2016 – XVII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества (НИУ ВШЭ, Москва): доклад в

соавторстве с А.А. Долговой и А.В. Артамоновой «Создание собственной семьи в контексте покидания родительского дома»

19. 16.03-17.03.2016 – VI Социологическая Грушинская конференция «Жизнь исследования после исследования: Как сделать результаты понятными и полезными» (РАНХиГС, Москва): доклад в соавторстве с А.В. Артамоновой «Рецепт приготовления идеальной базы данных для анализа событий жизненного пути: опыт ЧСО и РиДМиЖ»
20. 28.01-29.01.2016 – международная научно-практическая конференция «Статистические методы в гуманитарных и экономических науках» (Санкт-Петербург, Россия): доклад в соавторстве с А.В. Артамоновой «Анализ социологических данных о событиях жизненного пути с помощью новейших статистических методов»
21. 30.11-01.12.2015 – международная конференция «The 3rd Generations and Gender User Conference» (Вена, Австрия): постер в соавторстве с А.В. Артамоновой «The nature of cohabitation in contemporary Russia»
22. 30.09-02.10.2015 – международная конференция «Knowledge Engineering and Semantic Web» (Москва): доклад в соавторстве с Д.И. Игнатовым, А. Муратовой, Д. Гиздатуллиным «Pattern Mining and Machine Learning for Demographic Sequences» (Выявление паттернов и машинное обучения для демографических последовательностей)
23. 12-15.05.2015 – 6-ая Международная научно-практическая конференция студентов и аспирантов «Статистические методы анализа экономики и общества» (НИУ ВШЭ, Москва): доклад в соавторстве А.В. Артамоновой «Подготовка данных о событиях жизненного пути к анализу продвинутыми статистическими методами»
24. 13-17.04.2015 – XXII Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «ЛОМОНОСОВ» (МГУ, Москва): доклад в соавторстве с А.В. Артамоновой «Незарегистрированный союз как «придаток» брака в России»
25. 12-13.03.2015 – V социологическая Грушинская конференция «Большая социология: расширение пространства данных» (Москва, Россия): доклад в соавторстве с А.В. Артамоновой «Особенности подготовки данных о событиях жизненного пути к анализу продвинутыми статистическими методами»
26. 05-07.11.2014 – международная конференция Quetelet Seminar «Fertility, childlessness and the family: A pluri-disciplinary approach» (Лувен-ля-Нев,

- Бельгия): доклад в соавторстве с А.В. Артамоновой «Is a cohabitation an alternative to a marriage in Russia?»
27. 08-10.09.2014 – международная конференция The British Society for Population Studies (BSPS) Annual Conference 2014 (Винчестер, Англия): постер в соавторстве с А. Долговой «The main features of leaving the parental home in Russia»
  28. 25-28.06.2014 – международная конференция European Population Conference (Венгрия, Будапешт): выступление с постером «Exploring the difference in sequences of the first life course events among Russian generations»
  29. 27.11.2013 – международная конференция «The Dutch Demography Day 2013» (Утрехт, Нидерланды): выступление с докладом «The Russian Generation Y in reproductive and matrimonial spheres»
  30. 24-26.10.2013 - международная конференция «The Second Generations & Gender Programme User Conference» (Милан, Италия): выступление с постером «Cohabitations in Russia: generational and gender aspects»
  31. 27-28.12.2012 – международная конференция «Business and Social Science Research Conference: Paris 2012» (Париж, Франция): выступление с докладом «Demographic behavior of Russians: family and fertility patterns across generations»
  32. 05.10.2012 – конференция Ассоциации независимых центров экономического анализа (АНЦЭА) «Российская экономика в 2010-е годы: проблемы и реформы» (Москва, Россия): выступление с докладом «Демографическое поведение поколений россиян в сфере семьи и рождаемости»
  33. 15-16.05.2012 – 3-я Международная научно-практическая конференция студентов и аспирантов «Статистические методы анализа экономики и общества» (НИУ ВШЭ, Москва): выступление с докладом «Анализ демографических событий жизни»
  34. 9-13.04.2012 – XIX Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (МГУ, Москва): выступление с докладом «Стартовые репродуктивные и matrimониальные события в жизненном цикле поколений современных россиян»
  35. 16-18.12.2010 – Международная конференция «Повестка дня в сравнительных социальных исследованиях» Лаборатории сравнительных социальных исследований (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург): выступление с докладом «Changes in Fertility and Matrimony across Generations in the Post-Communist World»

36. 25.06.2010 – Всероссийская школа-семинар молодых ученых «Демографическое развитие России и ее регионов», посвященная 15-летию принятия Каирской программы действий в области народонаселения (Уфа, Россия): выступление с докладом «Различия в репродуктивном поведении поколений современной России»

Также результаты диссертационного исследования и методологические вопросы были обсуждены на восьми *научных семинарах*:

1. 30.04.2015 – семинар НУГ НИУ ВШЭ по семье и рождаемости: выступление с докладом «Анализ последовательностей наступления брачно-партнерских событий»
2. 28.10.2014 – семинар НУГ НИУ ВШЭ по семье и рождаемости: выступление с докладом в соавторстве с Артамоновой Аленой «Являются ли сожительства альтернативой браку в России?»
3. 21.05.2014 – семинар НУГ НИУ ВШЭ по семье и рождаемости: выступление с докладом «Чистка переменных исследования РидМиЖ: обсуждение технических аспектов работы с обследованием»
4. 21.02.2014 – совместное заседание студенческого общества «Демограф» и Научно-учебной группы НИУ ВШЭ «Изучение рождаемости, формирования, развития и распада семей на данных выборочных обследований»: выступление с докладом «Концепция жизненного пути и методы анализа жизненных событий»
5. 25.12.2014 – научное заседание Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС «О концепции жизненного пути и сферах ее применения»
6. 13.06.2013 – научное заседание Лаборатории социально-демографической политики (НИУ ВШЭ): выступление с докладом «Брачное, репродуктивное и трудовое поведение россиян в контексте взросления»
7. 15.12.2011 – заседание Открытого Демографического Семинара молодых ученых (ОДЕМОС, МГУ): выступление с докладом «Репродуктивное и матримониальное поведение поколений современной России»
8. 24.11.2011 – заседание студенческого общества «Демограф» НИУ ВШЭ: выступление с докладом «Брачно-партнерские биографии и репродуктивное поведение поколений современной России»

По теме диссертации автором опубликовано **43 научные статьи** общим объемом 30 п.л. (личный вклад автора 21 п.л.). Из имеющихся работ 7 статей индексируются в Scopus, 3 статьи опубликованы в журналах, входящих в список журналов высокого уровня НИУ ВШЭ.

Работы, опубликованные автором в рецензируемых научных изданиях, входящих в международные реферативную базу данных **Scopus**:

1. Митрофанова Е.С. Стартовые биографические события: сравнение Северного Кавказа с общероссийской картиной // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17. № 1. С. 133–141.
2. Zakharov S. V., Mitrofanova E. S. Demographics of Youth in Russia, in: Handbook of the Sociology of Youth in BRICS Countries / Ed. by T. Dwyer, Gorshkov Mikhail K., I. Modi, C. Li, M. S. Mapadimeng. World Scientific, 2018. Ch. 7. P. 123-143.
3. Mitrofanova E. S. The Age Parameters of the Starting Demographic Events Across Russian Generations / Пер. с рус. // Russian Education & Society. 2016. Vol. 58. No. 9-10. P. 601-622.
4. Mitrofanova E.S., Artamonova A.V. The perspectives of family policy in Russia amid increasing cohabitation // European Journal of Government. Vol. 5, № 6. 2016. С. 47-63.
5. Артамонова А.В., Митрофанова Е.С. Сожительства в России: промежуточное звено или легитимный институт // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. №1 (131). 2016. С. 126-146.
6. Mitrofanova, E. S., Artamonova, A. V. Studying Family Formation Trajectories' Deinstitutionalization in Russia Using Sequence Analysis // Proceedings of the Third Workshop on Experimental Economics and Machine Learning. 2016. С. 34-47.
7. Ignatov D. I., Mitrofanova E. S., Muratova A., Gizdatullin D. Pattern Mining and Machine Learning for Demographic Sequences // Knowledge Engineering and Semantic Web. Vol. 518: 6th International Conference, KESW 2015, Moscow, Russia, September 30 - October 2, 2015, Proceedings. Switzerland: Springer International Publishing, 2015. С. 225-239.

Публикации в журналах из списка изданий, **рекомендованных НИУ ВШЭ**:

8. Артамонова А. В., Митрофанова Е. С. Матримониальное поведение россиян на фоне других европейцев // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5. № 1. С. 106-137.
9. Артамонова А. В., Митрофанова Е. С. Последовательность жизненных событий у российских мужчин, служивших и не служивших в армии // Демографическое обозрение. Т.2. №4. 2015. С. 77-110.

10. Митрофанова Е. С. Возрастные особенности наступления стартовых демографических событий российских поколений // Народонаселение. 2015, № 2. С. 87-100.

Работы, опубликованные автором в *других изданиях*:

11. Artamonova A.V., Mitrofanova E.S. Modernisation of Matrimonial Behaviour of Europeans: The Search for Multi-Level Determinants and Their Empirical Verification. SSRN. Series "Working Papers". ID 3235154. August 20, 2018.
12. Mitrofanova E.S. Becoming an adult in France, Estonia and Russia. Series Sociology. WP BRP 78/SOC/2017. Basic research program. National Research University Higher School of Economics. November 28, 2017.
13. Mitrofanova E.S. The difference between soviet and post-soviet generations' transitions to adulthood in Russia. Working paper. RU Series B No 66. Tallinn: Estonian Institute for Population Studies, Tallinn University, 2017.
14. Митрофанова Е.С. Формирование семей в поколениях россиян в свете выборочных исследований // Население России 2015: двадцать третий ежегодный демографический доклад / Под редакцией: С. В. Захарова. 2017. С. 85–99.
15. Gizdatullin D., Ignatov D. I., Mitrofanova E. S., Muratova A.A. Classification of Demographic Sequences Based on Pattern Structures and Emerging Patterns, in: 14th International Conference on Formal Concept Analysis - Supplementary Proceedings. University Rennes 1, 2017. P. 49-66.
16. Артамонова А. В., Митрофанова Е. С. Сожительства без регистрации в России // Демоскоп Weekly. 2016. № 671-672.
17. Митрофанова Е.С. Трансформация перехода во взрослую жизнь в условиях глобализации // Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке / Материалы научной конференции к 100-летию Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского 10-12 ноября 2016 года / Отв. редактор: Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт. Стр. 1499-1503
18. Митрофанова Е.С. Перспективы применения анализа последовательностей: пример перехода во взрослую жизнь // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года) [Электронный ресурс]. Материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В.А. Мансуров – Электрон. дан. – М.: Российское общество социологов, 2016. – С. 9591-9600.

19. Артамонова А. В., Митрофанова Е. С. Брак или сожителство: с чего начинаются матримониальные биографии россиян // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года) [Электронный ресурс]. Материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В.А. Мансуров – Электрон. дан. – М.: Российское общество социологов, 2016. – С. 9574-9590.
20. Муратова А.А., Гиздатуллин Д.К., Игнатов Д.И., Митрофанова Е. С. Выявление знаний в демографических последовательностях // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года) [Электронный ресурс]. Материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В.А. Мансуров – Электрон. дан. – М.: Российское общество социологов, 2016. – С. 9601-9615.
21. Гиздатуллин Д. К., Игнатов Д. И., Муратова А. А., Митрофанова Е. С., Vaixeries J. Классификация демографических последовательностей на основе узорных структур // В кн.: Тезисы докладов 11-й конференции Интеллектуализация обработки информации. М.: Торус Пресс, 2016. С. 28-29.
22. Mitrofanova E. S. Russian Generations: Sequencing the Transition to Adulthood // Proceedings of the International Conference on Sequence Analysis and Related Methods (LaCOSA II) Lausanne, Switzerland, June 8-10, 2016 / Editors: Gilbert Ritschard and Matthias Studer. June 7, 2016, pp. 263-274.
23. Митрофанова Е.С., Артамонова А.В. Рецепт приготовления идеальной базы данных для анализа событий жизненного пути: опыт ЧСО и РидМиЖ// Тезисы VI международной социологической Грушинской конференции "Жизнь исследования после исследования: как сделать результаты понятными и полезными", 16-17 марта 2016. - Материалы конференции. - М.: ВЦИОМ, 2016. Стр. 888-892.
24. Долгова А. А., Митрофанова Е.С. Отделение от родительской семьи в России: межпоколенческий аспект // Экономическая социология. Т.16 №4, 2015. С. 46-77.
25. Долгова А. А., Митрофанова Е.С. Начало самостоятельной жизни россиянами: межпоколенческий аспект // Демоскоп Weekly. 2015. № №624-625.
26. Митрофанова Е. С., Артамонова А. В. Особенности подготовки данных о событиях жизненного пути к анализу продвинутыми статистическими методами // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2015, № 3[127] май-июнь. С. 147-150.
27. Артамонова А. В., Митрофанова Е. С. Незарегистрированный союз в России как пробная версия брака // Демоскоп Weekly. 2015. № 624-625.

28. Митрофанова Е. С., Артамонова А. В. Подготовка данных о событиях жизненного пути к анализу продвинутыми статистическими методами // Труды 6-й Международной научно-практической конференции студентов и аспирантов «Статистические методы анализа экономики и общества» (12-15 мая 2015 г.) – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2015, с. 187-190.
29. Артамонова А. В., Митрофанова Е. С. Незарегистрированный союз как «придаток» брака в России // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2015» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. [Электронный ресурс] — М.: МАКС Пресс, 2015.
30. Митрофанова Е. С., Артамонова А. В. Особенности подготовки данных о событиях жизненного пути к анализу продвинутыми статистическими методами // Тезисы V социологической Грушинской конференции «Большая социология: расширение пространства данных»; 12-13 марта 2015 г. – Материалы конференции – М: ВЦИОМ, 2015, с. 34-38.
31. Захаров С. В., Митрофанова Е. С. Российская молодежь в брачно-семейном интерьере // Демоскоп Weekly. 2014. № 619 – 620.
32. Artamonova A.V., Mitrofanova E.S. Is cohabitation an alternative to marriage in Russia? SSRN. Series "Working Papers". ID 3071779. October 24, 2014.
33. S.V. 扎哈罗夫 (S.V. Zakharov), E.S. 米特罗法诺夫 (E.S. Mitrofanova). 俄罗斯青年人人口特征 (Demographics of the Youth in Russia) // 青年与社会变迁：中国与俄罗斯的比较研究 (The youth and social change: a comparative study between China and Russia). China: 社会科学文献出版社 (Social Sciences Academic Press), 2014. С. 50–67.
34. Захаров С.В., Митрофанова Е.С. Демографические характеристики молодежи России // Россия и Китай: молодежь XXI века/ отв. редакторы: М.К. Горшков, Ли Чунлинь, З.Т. Голенкова, П.М. Козырева. М.: Новый хронограф, 2014. С. 55–79.
35. Тындик А.О., Митрофанова Е.С. Социально-экономическое поведение индивида в зеркале концепции жизненного пути // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. №3 [121] май-июнь 2014. С. 146-159.
36. Mitrofanova E.S. Demographic behaviour of Russians: family and fertility patterns across generations // The Macrotheme Review 2(3), Spring 2013, p. 71-80.
37. Митрофанова Е.С. Анализ демографических событий жизни // Тезисы доклада 3-й Международной научно-практической конференции студентов и аспирантов

- «Статистические методы анализа экономики и общества» – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2012, с. 130-131.
38. Митрофанова Е.С. Стартовые репродуктивные и matrimониальные события в жизненном цикле поколений современных россиян // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2012» / Отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов, К.К. Андреев, М.В. Чистякова. [Электронный ресурс] — М.: МАКС Пресс, 2012.
39. Митрофанова Е.С. Браки, партнерства и рождаемость поколений россиян // Демоскоп Weekly № 477–478 (от 12 - 25 сентября 2011).
40. Митрофанова Е.С. Демографическое поведение поколений россиян в сфере семьи и рождаемости // Экономический журнал Высшей школы экономики, Том 15, №4, 2011. С. 519-542.
41. Митрофанова Е.С. Семья и брак, matrimониальное, репродуктивное и сексуальное поведение в крестьянской, советской и современной России // Демоскоп Weekly № 423-424 (от 24 мая – 6 июня 2010).
42. Митрофанова Е.С. Различия в репродуктивном поведении поколений современной России // Сборник статей Всероссийской школы-семинара молодых ученых «Демографическое развитие России и ее регионов», посвященной 15-летию принятия Каирской программы действий в области народонаселения, 2010, с. 232-238.
43. Митрофанова Е.С. Использование прикладных аспектов Теории поколений при формировании социальной, корпоративной и государственной политики // Демоскоп Weekly № 381 - 382 (от 15 - 30 июня 2009).

Структура диссертационной работы

Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы и приложений.

В первой главе определены основные теоретические подходы к изучению взросления в разных дисциплинах: философии, истории и антропологии, биологии и медицине, праве, психологии, социологии, демографии. На основе изученной информации операционализированы все понятия и категории, используемые далее в работе.

Во второй главе изучен исторический контекст, в рамках которого происходил переход во взрослую жизнь у изучаемых поколений россиян. В соотнесении с теоретическими положениями из первой главы изучены основные изменения,

происходящие с событиями, маркирующими переход во взрослую жизнь. На основе этого анализа выдвинуты гипотезы, проверке которых посвящена работа.

В третьей главе описаны используемые методы анализа стартовых событий жизни, а также особенности подготовки эмпирической базы гармонизированных панельных данных. В качестве результата подготовительной работы приведена информация о структуре используемых данных и основная описательная информация по ключевым переменным.

В четвертой главе представлены результаты анализа, которые разделены на два блока: первый посвящен анализу наступления каждого из стартовых социодемографических событий, второй – анализу этих событий в совокупности. В рамках каждого блока были проанализированы структура, календарь (тайминг) и интенсивность наступления событий с учетом индивидуальных характеристик респондентов. В рамках второго блока дополнительно была проанализирована последовательность наступления стартовых событий.

В приложениях размещена справочная и иллюстративная информация.

Общий объем работы составляет 468 страниц. Она содержит 42 рисунка, 12 таблиц и 58 приложений.

1. Взросление человека как мультидисциплинарный феномен

Современный мир подвержен быстрым и радикальным изменениям, но есть некоторые константы, которые существуют на протяжении всей истории человечества. Так, например, мир управляется взрослыми людьми. Именно взрослые создают семьи и рожают детей; строят жилища и добывают еду; защищают свою семью, свой род, свое государство от внешних угроз; взрослые несут культурный код и передают его следующим поколениям. Но кто они, люди, которых мы называем взрослыми? Они должны обязательно создать семью и стать родителями, чтобы считаться полноправными участниками общества? Или начать получать собственный доход и переехать в свое жилье? Или просто достаточно пройти какой-то обряд или, скажем, получить паспорт – и с точки зрения общества индивид – взрослый?

Чтобы ответить на эти вопросы и сформировать комплексное представление о феномене взросления, его значении и компонентах, необходимо выйти за рамки одной науки. Мы провели глубокий и всесторонний анализ данного феномена, изучив материалы разных гуманитарных дисциплин, в той или иной мере исследующих взросление. Так как мы были ориентированы на работу с эмпирическим материалом, то подошли к теоретическому обзору функционально, поставив перед собой конкретные вопросы, ответ на которые помог бы нам отобрать переменные и сформировать гипотезы для анализа:

1. Что такое взросление: событие или процесс? Каковы его роль, место и смысл?
2. Каковы компоненты (критерии, маркеры) взросления?
3. Есть ли фиксированный порядок, в котором выстроены компоненты взросления?
4. Каковы возрастные границы взросления: начало и окончание?
5. Взросление – универсальный феномен или оно разнится в зависимости от эпохи, общества и индивидуальных характеристик людей (пол, поколение и другие)?

Мы начнем наш экскурс с философии и художественной литературы, впервые обратившихся к вопросам возраста и разных этапов жизни; затем в исторической перспективе проследим зарождение такой категории как возраст и производного от него взросления; с точки зрения биологии мы рассмотрим взаимосвязь биологического возраста с хронологическим и объективные причины к пересмотру возрастных границ этапов жизни; обратимся к законодательной практике, устанавливающей различные нормативные возрасты; приведем примеры того, как знание об особенностях взросления индивидов используется в различных прикладных сферах жизни. Затем, изучив появление феномена взросления и его роль в устройстве общества, мы рассмотрим теории, созданные для работы

с данным понятием в рамках таких дисциплин как психология, социология, демография, для которых взросление является одним из интересных, но не до конца познанных объектов исследования.

Обозначим ряд терминов, которые мы будем употреблять в ходе обзора. Все определения тех терминов, которые будут использованы в основной части работы, мы дадим в параграфе об операционализации понятий, но, рассматривая теории и концепции, мы будем использовать аутентичную им терминологию. Например, в качестве альтернативы взрослению ученые используют такие понятия как созревание, становление, пубертатный период, переход во взрослую жизнь, юность, молодость. Социальная группа, переходящая во взрослую жизнь, чаще всего называется: подростки, юноши и девушки, молодежь, молодые взрослые. Отправной точкой взросления, в зависимости от сложности общества, считается детство, юность или молодость, а конечной – ранняя зрелость, зрелость или зрелость.

1.1. Зарождение интереса и появление необходимости изучения возраста человека, периода молодости и этапа взросления

1.1.1. Философия и художественная литература: зарождение дискуссии о молодости, возрасте, взрослении

Античные философы, в целом, мало внимания уделяли возрасту и особенно – взрослению, т.к. не видели в них предмета для изучения [Лишаев, 2015а]. Но все же возрастная тематика была затронута, хоть и вскользь, в разных древних трактатах. Наибольший интерес вызывал период зрелости, названный «акмэ» – время максимальной реализации творческих способностей. Духовная зрелость, как считали философы, наступает значительно позже телесной, поэтому настоящую зрелость можно обрести только ближе к концу жизни. В этой связи старости уделялось особое внимание и был посвящен единственный известный трактат на возрастную тематику «О старости» [Цицерон, 1993]. Цицерон провозглашал старость как насыщенный и плодотворный период, уступающий молодости лишь в наполненности удовольствиями, но превосходящей ее в опыте и знаниях [Цицерон, 1993, с. 26]. Платон отождествлял зрелость со старостью и считал, что философами и правителями должны становиться только те, кому исполнилось 50 лет [Платон, 1994]. Аристотель считал, что телесная зрелость достигается в 30-35 лет, а духовная – в 49 [Аристотель, 2007, с. 59]. Философы эллинистического периода больше внимания уделяли феномену смерти, нежели периодам жизни как таковым [Лишаев, 2015а].

Существует ряд возрастных периодизаций, созданных в период до нашей эры и имеющих, в основном, нумерологическую основу [Кашина, 2016]. Так, например, древние китайцы делили жизнь на 10-летние отрезки. Они считали, что молодость длится до 20 лет, возраст вступления в брак – до 30 лет, до 40 – время выполнения общественных обязанностей, до 50 – познание своих заблуждений, до 60 – окончание творческой жизни, до 70 – желанный возраст, а дальше – старость. Древнегреческий математик Пифагор сравнивал жизнь с цикличностью времен года. Каждый отрезок цикла длился 20 лет: до 20 лет – весна (становление), до 40 – лето (молодость), до 60 – осень (зрелость), до 80 – зима (старость).

Несмотря на недостаточную проработанность тематики возраста и возрастных этапов в древнем мире, молодость и зрелость понимались как разные стадии жизни, а, следовательно, процесс взросления, становления, хоть и не концептуализировался, но признавался. Цель взросления сводилась к обретению мудрости и познанию истины, то есть к творческой и профессиональной самореализации. Особо обращает внимание солидная «идеальная» продолжительность жизни, позволявшая взрослеть лишь к 30-50 годам.

Молодость как таковая вызывала интерес, в основном, только с точки зрения педагогики: при выстраивании отношений «учитель-ученик». Этому посвящены и древнекитайский трактат о правилах поведения «Ли цзи», являющийся частью конфуцианского канона [Луков, 2012, с. 82–84], и «Государство» Платона [Платон, 1994], задавшие, соответственно, восточный и западный вектор развития молодежной тематики в последующих веках.

В *Средневековье* ориентация внутреннего мира вовне сохранилась, но античное космоцентричное сознание сменилось стремлением к Богу. В этой же связи средневековых мыслителей интересовала и старость: чем ближе человек к концу жизни, тем ближе к Богу. В преклонном возрасте плотские страсти стихают, и старики обретают мудрость в святости, чистоте и просветленности [Лишаев, 2015а]. Также начинает возникать интерес к детству, особенно в ключе воспитательных практик, что усиливается с наступлением эпохи *Возрождения*. В 1526 году Эразм Роттердамский опубликовал правила воспитания [Роттердамский, 1999], в которых провозгласил индивидуальный подход к детям и подросткам, признав тем самым в них не только группу, отличную от взрослых, но и неоднородную саму по себе.

Переломный момент в отношении тематики возраста и взросления наступает в эпоху *Просвещения* благодаря творчеству Жан-Жака Руссо. Начав с романа «Юлия, или Новая Элоиза» (1761 год), он постепенно раскрывает тему молодости, юношества, детства. Если в «Юлии» он делает акцент на важности эмоциональной компоненты в период взросления и только начинает очерчивать проблему, в «Исповеди» (1765-1770 гг.) на основе собственной биографии дает одно из первых описаний социализации, то в «Эмиле, или О воспитании» (1762 год) он фактически представляет философско-педагогическую концепцию, которая открывает тему детства и юности [Руссо, 2001]. Руссо обособляет детство и юность от взрослости, видя в них собственный, автономный мир; причем рамки детства и юности у него довольно широки: до 25 лет, где период с 15 до 25 лет – пора нравственного становления, заканчивающаяся возрастом счастья, открытий, любви, брака. В 1774 году появляется роман Иоганна Гете «Страдания юного Вертера» [Гете, 1982], где в центре повествования находится тематика юности, взросления. После Руссо и Гете появляется много писателей и философов, обращающихся к теме взросления и осмысляющих новые возрастные этапы:

- Рассуждая о взрослении (1784 год), Иммануил Кант говорит об умственном несовершеннолетии некоторых людей [Кант, 1966, с. 27–36], подчеркивая, что не все, кто повзрослел хронологически, сделали достаточно усилий, чтобы повзрослеть умственно.

- Георг Гегель (1817 год) выделяет всего три возрастных этапа сообразно его диалектической логике: ребенок-муж-старик. Он описывает становление индивида во внешнем мире, его развитие в деятельности, понимая под юностью переход из ребенка в мужа [Гегель, 1977, с. 73–92].
- В 1852-1857 годах Л.Н. Толстой пишет трилогию «Детство. Отрочество. Юность» [Толстой, 1987], в которой описывает новые этапы жизни на примере собственной биографии. Толстой называет отрочество пустыней и хочет ее скорее пробежать и «достигнуть той счастливой поры, когда снова истинно нежное, благородное чувство дружбы ярким светом озарило конец этого возраста и положило начало новой, исполненной прелести и поэзии, поре юности». То есть Толстой считал, что во время взросления распадаются связи с домом и друзьями детства, но возникает новая не менее светлая дружба со сверстниками. Свою юность Толстой определил в границах от 16 до 18 лет.
- Позднее, по примеру Толстого свою жизнь также описывает Максим Горький в «Детстве», «В людях» (1913-1914) и «Моих университетах» (1923 г.) [Горький, 1948]. В последней книге трилогии Горький описывает этап жизни от 17 до 24 лет, понимаемый нами как юность.
- Герою «Недоросля» Д.И. Фонвизина (1782 г.) 15 лет. Главному герою «Подростка» Ф.М. Достоевского (1875 год) 19 лет. Оба героя – юноши, стоящие на пороге молодости, еще только оформляющейся в качестве этапа жизни.
- В период европейского романтизма (Байрон, Ките, Гюго, Мюссе) возникает особое понимание юности как амбициозной, решительной, насыщенной, бурной поры жизни, противопоставляемой скучной зрелости [Прохоров, Кашина, 2013].

Мыслители Средневековья, Возрождения, Просвещения, Нового времени внесли большой вклад в изучение возраста и взросления, открыв и осмыслив новый этап жизни. Четких и проработанных периодизаций этапов жизни в литературе того времени не встречается, но те, кто выделял возрастные границы, определяют переход во взрослую жизнь как значительно более короткий отрезок жизни, нежели античные философы, – в основном, от 15 до 25 лет.

Философия, будучи первой в изучении множества вопросов, в том числе, возраста и взросления, на протяжении последних веков значимого вклада в развитие этих направлений не внесла, все больше оставляя данные темы литературе и целой россыпи новых гуманитарных наук [Лишаев, 2015а].

В 21 веке, в философии начали появляться работы, посвященные различным возрастным этапам жизни, стали выдвигаться различные теории возраста, и постепенно

начал оформляться новый раздел науки – философия возраста. Мы перечислим лишь несколько ключевых работ, очерчивающих рамки нового раздела и обратим внимание на представление в них тематики взросления.

Российским философом М.Н. Эпштейном предложена фрактальная теория возраста [Эпштейн, 2006]. Каждый из пяти возрастных этапов, называемых автором «вертикальными» (детство, отрочество, молодость, зрелость, старость) состоит из своих «горизонтальных» возрастов: каждый период жизни начинается с детской неуверенности, проб и ошибок, проходит через сомнения и кризис отрочества, расцвет молодости, уверенность зрелости и старение, изживание данного возраста. Причем дробление на подвозрасты можно продолжать до бесконечности (в чем и проявляется суть фракталов), и мы можем рассматривать не только, например, «детство молодости», но и «детство молодости детства» и так далее, дробя систему на любое количество подвозрастов. Эпштейн вводит понятие горизонтальной возрастной солидарности: старик, переживающий отрочество старости и подросток, переживающий отрочество молодости, будут понимать друг друга лучше, чем, например, зрелый человек, находящийся в подвозрасте детства. Особое место отводится «возрастам в себе», то есть детству детства, отрочеству отрочества и так далее. Эти самоподобные возрасты называются осевыми возрастными состояниями жизни, вокруг которых происходит вращение жизни. Так, например, молодость молодости Эпштейн располагает в возрастах от 21 до 24 лет и описывает этот период как наиболее подходящий для создания семьи и начала самостоятельной жизни. Несмотря на всю оригинальность теории, на наш взгляд, она дробит жизнь слишком детально и задает слишком жесткие рамки. В предложенной таблице возрастов периоду молодости отведен отрезок от 17 до 29 лет, но сам период разбит на 5 коротких фракталов, причем разной длительности. Стадии жизни реальных людей, наложенные на подобную сетку, вряд ли совпадут с выделенными этапами, хотя, конечно, предложенное цикличное понимание возрастных периодов представляет большой интерес и может быть применено для возрастных исследований.

В.И. Красиков изучает темпоральный режим сознания, определяющий возрастное деление жизни [Красиков, 2002]. Он не отделяет детство от молодости, рассматривая их как одну категорию «молодых взрослых» или «*homo novini*». Данный период «веры и надежды» длится от «момента пробуждения сознания» до 30 лет, и это существенно ограничивает возможности исследования взросления, размывая его границы.

Е.В. Косилова, напротив, подробно изучает все этапы становления индивида кроме старости [Косилова, 2014]. Возраст понимается как субъектная динамика. Процессы экзистенциального и познавательного взросления определяются как взаимосвязанные, но

самостоятельные. Человек достигает зрелости, когда экзистенциальный и познавательный процессы завершаются и формируется «эксцентрическая структура субъекта». Данный подход интересен, особенно с точки зрения изучения познавательной составляющей взросления, однако необходимо детально проработать взаимосвязь между выделяемыми аспектами взросления и подключить к анализу социокультурный и исторический контексты.

Исключительно исследованию зрелости посвящено такое направление философии как акмеология [Прохоров, Кашина, 2013]. Акмеология изучает становление индивида в профессиональной, творческой деятельности, в социуме и ориентирована на возраст зрелости, что совпадает с трактовкой «акмэ» античными философами. Однако, как нам кажется, невозможно изучать зрелость, не понимая, где заканчивается взросление и начинается старость и в чем заключаются сущностные различия между возрастными этапами.

С.А. Лишаев, проделавший огромную работу по поиску и анализу элементов возрастной философии в разные периоды развития философской мысли [Лишаев, 2015a], предлагает свое видение философии возраста в целом [Лишаев, 2015b] и взросления в частности [Лишаев, 2016]. Его периодизация сделана в традиции герменевтической феноменологии и основана на разграничении ситуативного и надситуативного времени. Выделяются четыре возраста, каждому из которых присущ свой темпоральный рисунок. С точки зрения темпоральных и экзистенциальных оснований, граница между детством и взрослостью глубже всего. Основным критерием перехода в зрелый возраст является достижение темпоральной взрослости – фактически совершеннолетия – когда зона ответственности индивида выходит за рамки ситуативного времени и дополняется надситуативным, взглядом в будущее. Зрелый человек материально независим, он освоил взрослые социальные роли, научился адекватно воспринимать жизненные ситуации свои возможности, критически мыслить и брать на себя ответственность за другого. Жизнь зрелого человека состоит из одних и тех же ежедневных процессов и концентрируется в настоящем, тогда как у молодого человека взгляд обращен в будущее. Зрелость – это существование в режиме исполнения задуманного, это действительная жизнь, а не планы или воспоминания.

Противоположностью философии возраста можно назвать философскую концепцию, предложенную А.В. Болдачевым [Болдачев, 2011]. Он предлагает альтернативный способ измерения времени жизни – не хронологический, а темпоральный. То есть течение и наполненность жизни исследуется не временными единицами, а качественными характеристиками, например, событиями. Эта концепция носит скорее

естественнонаучный характер и достаточно сложна для понимания, т.к. оперирует сложными теоретическими конструктами. Но для изучения фактических событий жизни, которым посвящена данная работа, такой подход является очень интересным и перспективным. Любое событие, маркирующее взросление, может быть взято в качестве подобных единиц измерения, и темп жизни, ее насыщенность будет измеряться количеством и скоростью их наступления. Тогда взросление может быть представлено не возрастным отрезком, а как набор событий, существенно меняющих жизнь, определяющих переход во взрослость.

Философия стала наукой, начавшей дискуссию о возрасте и взрослении, предложившей различные подходы к осмыслению разных этапов жизни. Тем не менее, позиция современной философии к переходу во взрослую жизнь, к возрастным этапам жизни остается не до конца сформированной. Единая теория возраста создается, но пока еще далека от завершения. Альтернативные теории отношения к темпоральным характеристикам жизни появляются, но, как минимум, требуют апробации и расширенного обсуждения. В целом, для современных философов взросление – это этап жизни, связанный с творческой и профессиональной самореализацией, со становлением в социуме, обретением независимости и принятием ответственности за себя и другого. Возрастные границы взрослости, по мнению философов, высказывавшихся на этот счет, находятся на отрезке примерно от 17 до 30 лет, а согласно концепции А.В. Болдачева, взросление может быть измерено не только через хронологический возраст, но и через темпоральные характеристики: например, количество социодемографических событий.

Резюме раздела и дискуссия

Взрослость – очень неуниверсальное понятие с нечеткими и меняющимися возрастными границами. Каждая эпоха предлагает свою трактовку того, что есть молодость, взрослость и в чем их задача. С точки зрения философов, взросление сегодня состоит как из метафизических, духовных компонентов (самореализация, зрелость), так и из весьма практических и приземленных (создание семьи, занятие профессией). Конкретных операционализаций встречается очень мало, а если встречаются, по сути они являются скорее социологическими или психологическими, нежели чисто философскими.

1.1.2. История и антропология: роль возраста и взросления в жизни общества

Блок исторических наук изучает особенности разных культур и эпох и соответствующие им традиции, нормы, ритуалы, в том числе, в отношении возрастных аспектов. Есть мнение, что интерес к теме возраста изначально зародился в антропологии

и уже потом был заимствован другими науками [Бочаров, 2001, с. 48]. При изучении архаических обществ исследователи впервые обнаружили у возраста структурообразующие функции, проявляющиеся в организации практически всех сфер жизни. Причем хронологический возраст исторически появляется довольно поздно, поэтому дописьменные культуры ориентировались не на количество прожитых лет, а на принадлежность к определенной возрастной группе или классу. В.В. Бочаров противопоставляет хронологическому (или календарному, абсолютному) возрасту, выражающемуся в количестве времени (минуты, годы, столетия) возраст условный (или социальный, возраст развития), определяемый тем, на каком этапе в условной периодизации находится человек (в детстве, зрелости или старости) [Бочаров, 2001, с. 16]. В традиционном обществе, даже после появления письменности, точный хронологический возраст не играл большого значения. Гораздо важнее был социальный статус, определяющий, на каком этапе жизненного пути находится человек. Воспоминания о своей жизни и своем «возрасте» люди соотносили с коллективным опытом: важными социальными событиями, природными катастрофами, периодами правления того или иного государя.

Возрастная стратификация общества позволяла устанавливать и поддерживать брачные нормы, родовую и социальную иерархию, закладывала основы военной организации. К структурирующей роли возраста относится не только условное разделение жизни на этапы, но и формирование различных тайных союзов, которые изначально были основаны исключительно на возрастном принципе, а затем расширили свой функционал: это школы инициации, мужские дома [Frobenius, 1898], военные организации, а в дальнейшем еще субкультуры. Г. Шурц [Schurz, 1902] рассматривал стратификацию в архаичных обществах как исключительно мужской институт, противопоставленный женским родовым институтам. Он считал, что, в отличие от мужчин, женщины неспособны к товариществу, поэтому их задачей было сохранение кровнородственных связей. Так сформировалось представление о взрослении мужчины через обряд инициации, через достижения в социальной и профессиональной сферах, а женщины – посредством замужества и рождения детей. Тем не менее, во многих культурах взаимосвязь между вступлением в брак и зрелостью мужчины также была очень сильной, однако для того, чтобы вступить в брак и стать взрослой, девушке надо было лишь достичь биологического созревания, что происходило естественно и не требовало особых усилий, тогда как юноше для вступления в брак необходимо было обрести не только биологическую зрелость, но также экономическую и социальную состоятельность. То есть взросление девушки было достаточно пассивным и связанным с биологическими детерминантами, с

демографическими событиями, тогда как взросление юноши было более активным и связанным с социально-экономическими достижениями.

Первобытные общества были устроены просто и всецело ориентировались на традиции. В этих постфигуративных (в терминах М. Мид) культурах общественные изменения происходили крайне медленно, поэтому прошлое взрослых становилось будущим молодых [Ремшмидт, 1994, с. 192], что создавало единое пространство ценностей, задач и ориентиров для всех поколений и сводило к минимуму конфликты отцов и детей на почве различий во взглядах. Роли и задачи взрослых и детей были четко разделены и определены, но не были сложны, поэтому переход во взрослость был прозрачен и доступен всем. Во многих, хотя и не во всех архаичных обществах были свои ритуалы инициации. Они различались от культуры к культуре весьма сильно. Где-то обряд проводился только для мужчин; где-то инициация проходила в один, а где-то – в несколько этапов. Например, у мальчиков североамериканского племени хопи сначала проходило посвящение в юноши, а затем – в мужчины. Причем перерыв между двумя этапами составлял несколько лет. Девочки этого племени проходили превращение в женщин во время свадебной церемонии [Ремшмидт, 1994, с. 193]. Объединяло разные ритуалы инициации в древних обществах одно: они служили публичной демонстрацией перехода в другую социальную группу. Испытания мужества для мальчиков позволяли обществу и самим юношам убедиться в том, что они созрели для новых функций – добычи еды, защиты территории, а свадебные обряды для девочек подготавливали их к их основной задаче – рождению и воспитанию потомства, а также выполнению домашних обязанностей.

В некоторых архаичных обществах обрядов инициации не было. Например, племя манус на острове возле Новой Гвинеи никак не готовит и не тестирует юношей и девушек, детство которых проходит совершенно беззаботно. Однако это скомпенсировано следующей традицией: после женитьбы юноша со своей женой переезжает в дом дяди и начинает целиком подчиняться всем его распоряжениям. Несколько лет такого наставничества позволяют юноше овладеть всеми необходимыми знаниями и навыками, чтобы стать полноценным взрослым [Ремшмидт, 1994, с. 194].

В *античности* в городах постепенно начало формироваться юношество как этап жизни и субкультура. Взросления как такового не выделяли, но в обществе существовала возрастная стратификация и периодизация. В Древней Греции определяли семилетние периоды жизни: 7 лет – смена зубов, 14 лет – половое созревание, 21 год – появление бороды, 28 лет – максимальная физическая сила и т.д. [Ремшмидт, 1994, с. 16]. В Спарте юноши в возрасте от 7 до 20 лет проходили определенную подготовку, будучи изолированными от семьи. Эта возрастная группа была крайне важна для

милитаризированного государства, т.к. позволяла растить воинов. В Афинах к молодежи относились мужчины 18-20 лет, которые были освобождены от работы и посвящали свое время образованию.

Средневековые люди почти не владели информацией о собственном возрасте и возрасте своих детей и близких, а если и имели о нем представление, то использовали его исключительно в астрологических целях [Захаров, 2009, с. 347]. Тем не менее, возрастная градация присутствовала, т.к. помогала разделить общество на важные для его функционирования категории: дети, взрослые, старики.

В Средневековье возрастает роль городов. Появляется необходимость более длительной профессиональной подготовки вследствие усложнения видов деятельности (ремесло, искусство, рыцарство); особую ценность обретает получение хорошего образования. Это создает предпосылки для выделения фазы взросления, но, в основном, только в высших кругах и только для мужчин [Ремшмидт, 1994, с. 16–17]. Деревенская жизнь была устроена гораздо проще: там по-прежнему часто присутствовали ритуалы инициации и отсутствовала возможность выбора индивидуального пути. Течение жизни было заранее определено культурными традициями, церковным порядком, достатком семьи, полом индивида, ремеслом родителей. Чуть большую свободу в выборе пути имели мужчины. В Европе существовала традиция майората (земля целиком переходила к старшему сыну) и его разновидности: сеньорат (все наследовал старший в роду), первородство (все наследовал старший сын и его дети), минорат (все наследовал младший сын). В этих условиях ненаследники могли выбрать, идти ли на воинскую службу, заниматься ремеслом, наукой или посвятить свою жизнь служению Богу.

На Руси в определенной мере эти варианты также были доступны для мужчин, а для женщин была доступна только одна альтернатива семейной жизни – уход в монастырь. Несмотря на наличие такой альтернативы семейной жизни, в браке состояло практически все взрослое население (более 95%), причем вступление в брак было ранним и пожизненным из-за неприемлемости разводов (ведь венчание подразумевало, что брак заключается на небесах – раз и на всю жизнь). Согласно церковному указу 1774 года, бракоспособными являлись возрасты 13 лет для девушек и 15 лет для юношей. С 1830 года эти возрасты выросли до 16 и 18 лет соответственно [Захаров, 2007]. То есть нижняя граница взросления на Руси практически совпадала с началом полового созревания, и времени на то, чтобы психическое созревание догнало биологическое практически не было. С другой стороны, устройство общества было достаточно простым, и набор базовых требований ко взрослому человеку не включал обязательное обретение мудрости, опыта и психологической зрелости к моменту вступления в брак и рождения ребенка. Это уже были

требования скорее к пожилым людям. Задачи взрослого человека были исключительно практическими (овладение ремеслом, поддержание быта, способность растить детей и ухаживать за стариками) и требовали скорее следования шаблону, нежели обретения индивидуальности.

Рассмотрим, какие традиции и обычаи были связаны со взрослением в *традиционной русской деревне уже ближе к началу 20 века* [Бочаров, 2001, с. 124–128]. Для мальчиков были предусмотрены обряды перехода в подростковый (или юношеский) возраст. Особенно это касалось тех мест, где занимались не земледелием, а отходничеством, промыслом, ремеслом. Через эти обряды (например, испытания «зуйков» у поморов) мальчики обретали необходимые профессиональные и жизненные навыки, усваивали условный язык, приобщались к традициям. К возрасту 14-15 лет юноши уже самостоятельно зарабатывали и начинали покупать себе одежду для взрослого комплекта. Девушки, в свою очередь, собирали приданое и начинали включать в свою одежду «взрослые» элементы. Подростки имели право приходить на собрания молодежи и пока только наблюдать, не принимая в происходящем активного участия. Подростковый период завершался с вступлением в брак. Начиналась пора молодости.

Обрядов и конкретных ритуалов, связанных со свадьбой, было огромное количество. Регулировалось все, что касалось поведения молодых в обществе, на церемонии венчания и даже в спальне. В течение года после заключения брака молодые находились в переходном состоянии. В эту пору молодожены продолжали принимать активное участие в жизни молодежи, ходили на гулянья, игрища, но с рождением ребенка такая активность прекращалась, молодость завершалась, и наступала зрелость. С этого момента муж и жена, ставшие родителями, становились полноправными взрослыми.

Для девушек брачный возраст приходился на 16 лет. Традиция ранних браков (в 12-13 лет) ближе к 20 веку уже заметно угасла. В 12-13 лет могли сосватать, но обычно фактический брак начинался позже, а если и начинался, то только с благословения батюшки. Смысл ранней женитьбы был в экономической выгоде: семья жениха получала бесплатную работницу в дом; семья невесты могла получить хороший выкуп, а если дочерей было много, то родители еще и «избавлялись от лишнего рта».

В 1874 году была введена всеобщая воинская повинность. В армию забирали с 21 года на 3-6 лет. Если юноше не удавалось жениться до ухода в армию и обеспечить родителей работницей, то он женился по возвращении – в 24-27 лет. Так возрасты вступления в брак для мужчин стали «стареть».

Растянутая юность (то есть период до брака) вызывала тревогу в семье и осуждение в обществе. Девушек, не вышедшими замуж «в срок», называли «старыми девами», а

молодых людей – «бобылями». Замужних, но еще не родивших женщин называли «молодухами», «молодками», подчеркивая, что они находятся в особом периоде жизни, молодости, который также нежелательно, чтобы длился долго. В целом, девичество и юношество длилось недолго – не более 3-6 лет [Лишаев, 2016].

В современных обществах обряды инициации практически не встречаются, а брак и рождение ребенка перестали быть однозначными маркерами перехода во взрослую жизнь. Позднее всего обряды отмирают в наиболее традиционных обществах. В рассказе Лучано Винчензоли «Малена» и снятом по его мотивам художественном фильме¹ проиллюстрирован, наверное, один из последних ритуалов инициации в Европе 20 века. Сюжет разворачивается в провинциальном сицилийском городке периода Второй мировой войны. Одна из главных линий рассказа – взросление 12,5-летнего юноши Ренато. История описывает небольшой отрезок времени, в котором мальчик начинает превращаться в мужчину. Мы не видим полного перехода во взрослую жизнь, но видим начало, своеобразную инициацию. Поворотным событием явилась покупка главному герою Ренато велосипеда. Велосипед открыл ему доступ в компанию взрослых ребят: он стал такой же мобильный, как и остальные. Все юноши из компании проголосовали за то, чтобы принять Ренато в свой круг, но один юноша возразил: «Зачем нам малолетка в коротких штанах?!». С этого момента зрителю становится понятно, что длинные брюки в этом обществе маркируют взрослых юношей и мужчин, а короткие штаны – мальчиков. Этот маркер постоянно считывается окружающими и становится барьером для приобщения к практикам взрослых. Например, когда главный герой пришел в парикмахерскую, его посадили в детский зал со словами: «В коротких штанах нельзя садиться во взрослое кресло». Благодаря счастливому стечению обстоятельств Ренато получает от отца долгожданные длинные брюки – то есть отец решает, когда и как его сын перейдет в следующую возрастную группу. Как мы видим дальше, на этом символические события перехода заканчиваются, и начинается фактический переход ко взрослым практикам. Отец, видя, что у сына происходит активное половое созревание, отводит его в публичный дом, говоря своей жене, обеспокоенной поведением ребенка: «Наш сын не болен. Он просто становится мужчиной».

Все три ключевых события – покупка велосипеда, длинных брюк и услуги публичного дома – являются финансово затратными и полностью обеспечиваются отцом. Причем сами события и их последовательность выбраны не произвольно, но решение о конкретном времени наступления каждого события отец принимает лично. Мы видим, что

---

¹ Аналогичная тема взросления и «коротких штанишек» поднимается в фильме Фредерико Феллини «Амаркорд».

в обществе действуют четкие индикаторы того, какие мальчики считаются взрослыми, а какие – нет, но решение о начале перехода во взрослую жизнь идет не извне, а изнутри семьи, от отца. Взросление еще не принадлежит самому юноше и все еще сильно обусловлено финансовыми возможностями семьи, но оно уже сужается до уровня семейного, отцовского решения.

В некоторых современных странах предпринимаются попытки задания единой модели взросления, что, в теории, должно снизить напряжение от многочисленных выборов, стоящих перед молодежью, но неизбежно будет приводить к унификации. Например, в СССР периоды возрастных переходов были весьма сильно зарегулированы: почти все население проходило через «обряды» посвящения в октябрята, пионеры, комсомольцы, а затем в работу включались институты распределения. Действовала система обязательного распределения на работу после учебы в высшем или средне-специальном заведении, также распределение было в армии: юноша мог попасть на службу в любую точку страны или в какую-то союзную республику. Все это сужало и символическое, и фактическое пространство для маневра. Молодых людей все время куда-то направляли и распределяли, задавая весьма узкий коридор поведения в разных сферах жизни. Но с распадом СССР распались и эти механизмы, регулирующие переход во взрослую жизнь.

Взросление сегодняшних россиян перестало сопровождаться однозначными маркерами, хотя сами по себе некоторые «обряды», несущие определенную символическую нагрузку, все еще существуют. Например, выпускной у школьников совпадает с возрастными частичной и полной дееспособности и часто сопровождается фразой «Ну вот вы и стали взрослыми». Вступление в брак все еще сопровождается свадьбой, длительными застольями и фразой «Сегодня лодка вашей любви направляется в плавание под названием семейная жизнь». Каждое значимое событие как-то празднуется, и непременно произносятся фразы-клише, означающие завершение одного периода и начало нового. Тем не менее, сами эти события и сопутствующие им ритуалы уже не являются однозначными критериями перехода во взрослую жизнь.

В некоторых культурах и сегодня сохраняются традиционные черты возрастного взаимодействия. Например, в Японии существуют возрастные группы (или ассоциации), куда вступают юноши и девушки, достигшие определенного возраста, и что знаменует их переход во взрослую жизнь [Бочаров, 2001, с. 133]. Также особые ритуалы перехода есть у различных субкультур, в том числе, и в России [Бочаров, 2001, с. 139–148], в армии [Бочаров, 2001, с. 149–151], закрытых учебных заведениях [Бочаров, 2001, с. 152–153], социальных и религиозных организациях и поселениях [Бочаров, 2001, с. 153–156].

В целом, сегодня мало в каких странах и социальных группах существуют четкие обряды инициации. Они отмирают, потому что их функция, заключающаяся в снижении напряжения, связанного с обретением новых ролей и перестройкой всей жизни, сегодня не востребована. В традиционном обществе осмысление взросления и переживание эмоций по этому поводу воспринималось скорее негативно, т.к. отрывало от основных задач (деторождение и выживание семьи), которые надо было успеть осуществить за короткий период жизни. Сегодня, когда продолжительность жизни стала существенно длиннее, и фокус внимания переместился с выживания и воспроизводства на индивидуальное развитие, все стало ровно наоборот: осмысление взросления и переживание эмоций по этому поводу создает условия для настоящего перехода во взрослость – не только внешнего, через действия и события, предписанные традицией, но и внутреннего, когда новые социальные роли подкрепляются психологической готовностью. Основное последствие подобных изменений – рост различий в процессе взросления не только между разными обществами, но и внутри одного населения.

Прежде всего, сегодня различаются культуры, устроенные по разным принципам. Например, Р. Бенедикт установила, что там, где общество предъявляет схожие требования к ребенку и взрослому, переход во взрослую жизнь происходит плавно, и подросток не испытывает большого стресса, а там, где отношение к детям и взрослым полярно, переход во взрослую жизнь переживается болезненно и проходит тяжело [Кон, 1989, с. 11]. М. Мид, изучавшая племена островов Самоа и Новой Гвинеи, выявила, что процесс взросления у подростков этих племен не связан с кризисом и внутренним напряжением, как, например, у представителей западной культуры. Это связано с тем, что юноши и девушки включаются во взрослую жизнь постепенно: они не знают сексуальных запретов, перед ними не стоит дилеммы профессионального, социального или морального самоопределения [Мид, 1988].

Также различаются и культуры, находящиеся на близких этапах развития. Например, американские подростки, больше ориентированные на личные достижения и взрослеют иначе, нежели датчане, ставящие выше личных достижений хорошие отношения с окружающими. Датчане более независимы от родителей, но находятся в более тесных и интимных отношениях со сверстниками; они больше, чем американцы, ориентированы на обучение и умственное развитие [Кон, 1989, с. 11].

Процессы взросления могут различаться и у жителей одной страны. Например, народы севера в России, жители центральных и южных регионов придерживаются разных традиций в отношении того, когда можно и нужно создавать семью, начинать работать или завершать образование. Но не только в населении многонациональных стран заметны различия во взрослении. Население может быть однородно с точки зрения национальности

и вероисповедания, но кто-то, в силу личных травм, неудачного процесса социализации, так и не станет по-настоящему зрелым, даже обзаведясь семьей, работой, собственным домом и прочими атрибутами взрослости. А кто-то, будучи *child-free* и *marriage-free*, не имея собственного жилья, достигнет настоящей внутренней зрелости. Сегодня, когда единые нормы перехода во взрослую жизнь больше не действуют, сложность состоит в том, чтобы понять, кто же такой взрослый, по каким внешним проявлениям и внутренним характеристикам он может быть определен.

Рассмотрев вариации перехода во взрослую жизнь в разных обществах на протяжении веков, обратимся к исторической перспективе появления основной группы, символизирующей этап молодости – *молодежи*.

Как мы упоминали ранее, понятие молодость (как и взросление) встречалось далеко не во все времена и не везде. В античности и Средневековье предпочитали называть период после детства зрелостью, в эпоху Возрождения появилась юность. Затем в какой-то момент стали говорить о молодости, сначала используя ее как синоним юности, а затем начиная их разделять.

Началом формирования молодежи как социально-демографической группы можно считать 1443 год, когда французские студенты стали бастовать, отстаивая свои права. Это было одно из первых объединений людей, уже не являвшихся детьми, но еще не ставших взрослыми. Молодежь как отдельная группа населения и в других странах стала формироваться именно благодаря студенческим движениям, становящимся заметными и обретающими роль в обществе. Рассмотрим на примере России как шел этот процесс.

С момента появления в России армии в 1699 году и до начала 20-го века срок воинской службы составлял десятки лет (изначально – до тех пор, пока позволяет здоровье, а с 1732 года длительность варьировала от 10 до 25 лет). Это приводило к тому, что юноша, попадая в армию, оказывался в разновозрастном коллективе, т.к. в нем находились и те, кто служил первый год, и те, кто завершал последний. То же было и в работе, и в семье, и в школе: все коллективы, в которые попадал юноша или девушка, были неоднородны по возрасту [Луков, 2012, с. 114–115].

К концу 19-го века, из-за сокращения срока службы в армии, солдаты становятся более однородными по возрасту, но, когда срок службы заканчивается, новая общность и идентичность остаются в прошлом. Также близкими по возрасту становятся ученики активно появляющихся гимназий и университетов – более устойчивых во времени социальных групп. Постепенно формируется новая, практически не встречавшаяся ранее ситуация: молодые люди почти все свое время проводят в кругу сверстников. Но пока еще

доля студентов слишком мала в составе общества, чтобы представлять из себя феномен. Затем появляется обязательное школьное образование; средний возраст первоклассников постепенно стабилизируется вокруг возраста, рекомендованного государством (7 лет). В итоге весь период детства и юности начинает подчиняться течению образовательного процесса, и возникает невиданная до этого возрастная однородность групп, в которых находится ребенок. С младенчества и до окончания школы или вуза молодые люди постоянно находятся в окружении своих сверстников. Подобный, совершенно новый с исторической точки зрения опыт, и создает ту самую молодежь как социально-демографическую группу, которая сегодня воспринимается как совершенно особая часть общества.

Едва появившись, новая социально-демографическая группа начинает заявлять о себе. В разных странах с конца 19 века стали возникать молодежные и студенческие движения [Герасименко, 2011; Мали, 2011; Маркина, Твилова, Шумилова, 2014]: в 1815 году в Германии национал-демократическое студенческое объединение «Землячество» (нем. Urburschenschaft); в 1887 г. в Чехии и в 1909 г. в России союз молодых славян «Соколы»; в 1896 г. в Германии националистическо-романтический союз «Перелетные птицы» (Wandervogel); в 1904 г. в Италии «Федерация республиканской молодежи», действующая на базе Итальянской республиканской партии; в 1907 г. скаутское движение в Европе и Америке; в 1926 г. в Германии создано национал-социалистическое движение Гитлерюгенд (Hitler-Jugend) и огромное множество других. Периодом максимальной активации деятельности студенческих союзов стал май 1968 года, не только изменивший ход истории, но и сильно изменивший отношение к молодежи со стороны общества, политиков и ученых. Молодежь стала восприниматься как активный агент социальных изменений.

Пока социализация происходила в семье, а процессы перехода в новую социальную группу регулировались традициями и обычаями, пока индивид в равной степени взаимодействовал со всеми возрастными группами, не возникало оснований выделять молодежь как особую группу. Однако условия жизни изменились, и у молодежи появилось не только свое место в обществе, но и целый ряд функций (например, обновление общества, смена поколений), и ранее непроявленный процесс перехода во взрослую жизнь стал целым жизненным этапом.

Резюме раздела и дискуссия

В традиционных обществах были очень распространены фиксированные ритуалы перехода, в том числе, во взрослую жизнь (инициация). Это было необходимо для того,

чтобы четко разграничить детей от взрослых, т.к. у каждого были свои строго определенные задачи. Также инициация была призвана снизить напряжение, связанное с обретением детьми новых ролей.

Сегодня, когда профессиональные и социальные задачи усложнились, продолжительность жизни выросла, между детьми и взрослыми появилась целая буферная социально-демографическая группа, целый этап жизни, предназначенный для проб и ошибок. Процесс подготовки индивида ко взрослой жизни стал таким сложным и многоаспектным, что в один ритуал он больше не уместается. Но взамен старых норм обществом еще не предложено новых, поэтому на данном этапе происходит размывание границ и критериев взросления, переход от внешней регламентации процесса перехода к индивидуальной рефлексии.

1.1.3. Биология и медицина: роль созревания организма в жизни человека и общества

Биологии взросление стало интересно гораздо раньше, чем медицине, поэтому мы знаем гораздо больше о том, как развиваются тело и психика, нежели о том, как лечить подростков и молодежь в целом, а не только подростковые заболевания. Из медиков раньше всего интерес к молодежи стали проявлять психофизиологи и психиатры. Этот интерес был обусловлен тем, что в период стремительного развития организма и психики происходит много трансформаций, и особенно хорошо заметны отклонения от среднего, которые необходимо корректировать. К сожалению, понимание того, что молодежь (включая подростков) – отдельная социально-демографическая группа со своими специфическими особенностями развития и требованиями к диагностике и лечению, еще не стало одним из векторов развития современной медицины. Практически во всех странах до сих пор сохраняется деление только на педиатрию и взрослую медицину, где подростков относят к детям, а чуть более старшую молодежь – ко взрослым, хотя уже сейчас очевидно, что и подход, и предлагаемые варианты, и прогноз лечения для юноши и для пенсионера будут разными.

Подростковая медицина как раздел науки, как медицинская специальность, существует уже более полувека, но до полноценного внедрения в практику, в реальные медицинские учреждения еще довольно далеко. Подростки в России проходят диспансеризацию во время обучения в школе, но в средних классах они все также ходят в детскую поликлинику, а в старших – во взрослую. Специального подросткового отделения, даже на базе обычной взрослой поликлиники, в нашей стране и во многих других странах пока нет.

Обратимся к тому, что известно о взрослении биологии. В современной биологии существуют такие разделы как возрастная физиология и психофизиология, изучающие функциональные особенности развития человека в течение жизни [Савченков, Солдатова, Шилов, 2013] и процесс созревания в онтогенезе мозговых механизмов психической деятельности [Алейникова, 2007] соответственно. С точки зрения биологии, взросление – это совокупность соматических изменений, наиболее ярко выраженных в физическом развитии и половом созревании [Ремшмидт, 1994].

Сегодня изучение биологического возраста включает в себя анализ развитости индивидуального организма в сравнении со статистически средним уровнем, характерным для популяции данного хронологического возраста [Бочаров, 2001, с. 16]. При изучении трансформаций, происходящих с индивидом при переходе во взрослую жизнь, замеряются: морфометрические признаки (длина и масса тела, обхваты груди и бедер), показатели степени полового созревания (гормональные изменения; гондархе и менархе у девушек, эякулярхе или ойгархе у юношей), уровень стертости зубов, степень сформированности костей запястья.

Наибольшая гетерохрония биологического и хронологического возрастов наблюдается в таком показателе созревания как возрасты менархе (начало менструации у девушек) и эякулярхе (начало семяизвержения у юношей). Начало менструации зависит от множества факторов, как средовых, так и генетических, и может произойти в довольно широком диапазоне возрастов: в среднем, с 12 до 18 лет [Бочаров, 2001, с. 44]. В 1986 году средний возраст менархе составлял 12,4-14,4 года, эякулярхе – 13,4-14 лет [Кон, 1989, с. 212], причем, по данным исследований, возраст начала менструации в современном обществе омолаживается [Кон, 1989, с. 57]. Половое созревание, в среднем, длится 2-5,5 лет у мальчиков и 1,5-5 лет у девочек [Кучма, 2013, с. 56] и задает нижнюю границу начала взросления.

Даже когда половое созревание по основным признакам достигнуто, организм продолжает развиваться. Так, пик выработки тестостерона у мужчин приходится на 26-27 лет, после чего начинается постепенное снижение уровня этого гормона примерно на 1,5-2% в год. А так как этот компонент формирует физиологию мужчины, отвечает за его активность и выносливость, то после 27 лет у мужчин может начаться снижение различных показателей жизнедеятельности, здоровья, качества жизни. Надо отметить, что в этом возрасте хронологически мужчина еще очень молод, но биологически начинает стареть. Женщины еще сильнее зависят от гормонального фона. Во время беременности происходят множественные изменения в организме женщины, но так как возраст и частота деторождения для всех индивидуальна, то тут сложно определить общие для всех

возрастные рамки. Серьезные изменения, характерные для всех женщин, происходят с наступлением менопаузы, которая, в среднем, приходится на возраст 40-50 лет, что, в целом, ставит женщин в более выигрышное положение относительно мужчин, чей гормональный фон начинает снижаться в 27 лет.

Точнее всего биологический возраст определяется не по хронологическому возрасту, а по показателю костной зрелости. Чем медленнее происходит рост костей, тем длительнее будет период созревания организма. Обычно к моменту начала менструации костный возраст на 95% соответствует взрослым показателям. Созревание организма завершается, когда сформированы кости запястья рук. У населения западных стран это происходит примерно к 30 годам.

На скорость и успешность прохождения всех этапов биологического созревания организма влияют не только эндогенные, но и экзогенные факторы. Недостаточное питание вызывает задержку наступления пубертатного периода, низкую скорость в увеличении роста подростка. При восстановлении режима питания до нужных значений также восстанавливаются и биологические темпы развития организма, характерные для данного возраста [Ремшмидт, 1994, с. 75]. Не меньшее влияние оказывают и социоэкономические факторы: профессия кормильца семьи, доход семьи, место проживания, принадлежность к социальному слою общества, наличие братьев и сестер [Ремшмидт, 1994, с. 75–76]. Возможно, одной из латентных переменных здесь как раз и является режим и разнообразие питания, различающиеся в зависимости от перечисленных условий жизни. Опосредующими факторами могут быть уровень стресса, доступ к качественной медицине, санитарные условия жизни, количество сна и движения, наличие конкуренции за блага и родительское внимание (в случае наличия сибиллингов). Также на развитие организма могут оказывать влияние климатические условия и сезонность. На данный момент гипотеза о влиянии климата опровергнута [Tanner, 1966], а гипотеза о сезонности – подтверждена [Sinclair, 1973]: в теплом климате Нигерии и холодном климате Англии временное протекание пубертата не различается, но в зависимости от времени года наблюдаются различия, характерные, причем, для всех стадий роста, а не только для пубертата. Так, весной линейные размеры тела увеличиваются в два раза быстрее, а осенью происходит более интенсивная прибавка в весе.

Биологический, хронологический и остальные виды возрастов, а с ними и взрослений, различаются, причем динамика их изменений не всегда совпадает. Для того, чтобы иметь комплексное представление о том, кто такой взрослый человек сегодня, безусловно, необходимо понимать, куда сдвигаются границы биологического созревания. Например, если подростки начинают развиваться раньше и интенсивнее (акселерация), это

повлияет и на их психоэмоциональное состояние и, возможно, принесет изменения в их социальную активность и повлияет на формирование жизненного пути.

Более раннее физическое развитие дает преимущества и мальчикам, и девочкам. Мальчики-акселераты выглядят более мужественно (большой рост, вес, физическая сила) и имеют больший успех в спорте и в общении со сверстниками [Болотова, 2007, с. 45; Кон, 1989, с. 54–59]. Девочки, развивающиеся быстрее, чаще влюбляются [Кон, 1989, с. 214] и выглядят более женственно за счет ускоренного появления вторичных половых признаков, что ставит их в более выгодное социальное положение. Также подростки, у которых половое созревание начинается и завершается раньше, могут иметь более ранний старт сексуальной жизни, а это может привести к раннему наступлению демографических событий (вступление в партнерство, брак, рождение ребенка). Если тело развивается быстрее, чем психоэмоциональная и когнитивная компоненты, это неизбежно будет приводить к нежелательным социальным последствиям.

Однако надо помнить, что сегодня информация любого рода, в том числе, касающаяся половых отношений, является абсолютно доступной благодаря Интернету. То есть возникающие биологические потребности акселерированных подростков могут подкрепляться и психологической зрелостью, и просвещенностью в вопросах контрацепции и сексуальной безопасности, что может сделать их достаточно ответственными и подготовленными для вступления в интимные отношения.

Наличие явных изменений в каких-то аспектах биологического созревания – это, как минимум, сигнал к тому, чтобы начинать просвещение относительно данных вопросов и проводить профилактическую работу по устранению возможных рисков. При совпадении темпов изменения биологических и других компонентов взросления имеет смысл пересмотреть принятые в законодательстве нормы относительно возрастов вступления в сексуальную жизнь и брак, а также частичной и полной дееспособности.

Резюме раздела и дискуссия

Биологическое созревание – это совокупность соматических изменений, наиболее ярко выраженных в физическом развитии и половом созревании [Ремшмидт, 1994]. Сегодняшние ученые выделяют следующие индикаторы биологической зрелости: морфометрические признаки (длина и масса тела, обхваты груди и бедер), показатели степени полового созревания (гормональные изменения; гондархе и менархе у девушек, эякулярхе или ойгархе у юношей), уровень стертости зубов, степень сформированности костей запястья. Все перечисленные индикаторы варьируют в зависимости от популяции,

эпохи и других параметров, поэтому биологическое созревание не имеет жестко фиксированных возрастных границ.

В современном обществе биологическое созревание организма чаще всего начинается со стартом менструаций у девочек (12-18 лет) и эякуляций у мальчиков (13-18 лет). Позже всего заканчивают формироваться кости запястья рук – примерно в 30 лет.

С развитием общества меняется скорость биологического созревания, а также взгляд ученых на то, что должно быть включено в это понятие. Важно, чтобы общество чутко реагировало на сдвиг реальных возрастов созревания, создавая психологически и физически безопасную среду для подростков.

1.1.4. Право: необходимость изучения молодости, возраста, взросления

Право одним из первых стало делить население на тех, кто обладает необходимыми признаками для того, чтобы принимать полноценное участие в жизни общества и тех, кто не обладает. Право голосовать, работать, совершать сделки, создавать семью, а также санкции за нарушение закона разнились в разное время и в разных обществах в зависимости от пола, возраста, социального статуса граждан. В современном мире именно возрастная сегрегация (а не сегрегация по полу, расе, статусу или другим признакам) заняла основное место в правовой сфере. Каждому периоду жизни сегодня соответствует свой свод законов, норм, правил и требований. Например, есть отдельные законы о защите детей и детства, об охране труда молодежи, специальный раздел уголовного права относительно несовершеннолетних (ювенальная юстиция) [Ремшмидт, 1994]. В основе всех этих законов лежат важные элементы – законодательно установленные возрасты. Чтобы правовая система функционировала эффективно, все те возрастные границы, на которые она опирается, должны быть четко определены и зафиксированы. Невозможно назначить такие границы произвольно, т.к. это будет вынуждать людей выполнять несоответствующие им роли и внесет немало искажений в их жизнь, поступки и психоэмоциональное состояние. Именно поэтому изучение того, что такое взросление, где проходят его границы и что оно в себя включает, важно для государства и отражается на эффективности работы установленных им регуляторов.

Современные законодательства разделяют граждан в зависимости от их возраста на несовершеннолетних и совершеннолетних. При достижении определенного возраста (чаще всего 18 лет) индивид становится дееспособным и получает возможность принимать полноценное участие в жизни общества. Это, в некоторой степени, современная форма обряда инициации: в один момент (чаще всего совпадающий с окончанием школы)

гражданин получает большое число прав и свобод, а также начинает нести ответственность за свои поступки в соответствии с полной, а не с ювенальной версией уголовного права.

Некоторые сферы регламентированы дополнительно. Например, получение паспорта в России происходит в 14 лет, а с ним возникает неполная дееспособность, что включает в себя: возможность оформлять регистрацию по месту жительства и жить отдельно от родителей, осуществлять переезды внутри страны без сопровождения, начинать трудовую деятельность, проводить сделки от своего лица и нести материальную ответственность, открывать вклады в банках, а также с 14 лет наступает самостоятельная уголовная ответственность по ряду преступлений. В 16 лет наступает трудоспособность, то есть с этого возраста гражданин может быть официально трудоустроен. На момент окончания 2018 года трудоспособный возраст в России ограничивается возрастными 55 лет для женщин и 60 лет для мужчин.

Полная право- и дееспособность в России наступает в 18 лет. Она включает в себя все права, доступные взрослому гражданину РФ, в частности: право голосовать на выборах, вступать в брак, трудоустраиваться, заключать сделки и быть ответственным за свои поступки. Также полную дееспособность можно получить и с 16 лет в случае заключения брака по уважительной причине или в случае эмансипации – если человек занимается предпринимательством или работает по трудовому договору.

Еще есть такие понятия как возраст сексуального согласия и брачный возраст. В России они сегодня составляют 16 и 18 лет соответственно [ч.1, ст. 13 Семейный кодекс Российской Федерации, 2016]. В отдельных случаях и в отдельных регионах России можно вступить в брак в 16 или даже 14 лет.

У мужчин существует отдельное событие, ярко делящее жизнь на детство и взрослость («превращение мальчика в мужчину») – служба в армии. Возраст и длительность службы также устанавливается государством, а выполнение мужчинами обязанности служить Родине отслеживается. Возраст, с которого молодые люди призываются в армию сегодня, составляет все те же 18 лет, а сама служба в большинстве случаев длится 1 год. У призывного возраста есть верхняя граница – 27 лет, после которой мужчины уже не призываются на срочную службу (как мы помним, 27 лет – начало спада уровня тестостерона у мужчин).

Законодательно закрепленные возрасты различаются в зависимости от страны и конкретного исторического момента. Это обусловлено тем, что в разных культурах и в разные моменты времени представления о том, с какого возраста должны обретаться определенные права и обязанности, разнятся. Именно поэтому законодательство отслеживает те изменения, которые происходят в разных сферах жизни, и очень медленно,

но меняется, кодифицируя то, что еще раньше могло быть девиантным, а сегодня стало нормой, или наоборот. Так, например, на Руси вплоть до 20 века в брак и, соответственно, в сексуальные отношения могли вступать с 13 лет (Таблица 1), и это было допустимо, а потому не преследовалось законом. Сейчас же за подобные действия грозит уголовная ответственность.

Таблица 1. Возраст социально признаваемого совершеннолетия и вступления в брак для девушки в России во второй половине XIX в.

	Начало признаваемого совершеннолетия	Возрастной пик признания девушки совершеннолетней	Социальная норма для возраста вступления в брак
Южнорусские области	13-14	16	16-18
Центральные и верхневолжские области	13-15	16-18	16-23
Среднее Поволжье	13-16	16-18	16-25
Севернорусская зона	13-16	16-22	16-27
Сибирь	-	17-21	17-21

Источник: [Бернштам, 1988, с. 47]

Помимо зафиксированных законом возрастов есть еще и различные социально и институционально закрепленные возрасты. Например, возраст начала обучения в школе; минимальное количество классов, которые необходимо окончить (а, следовательно, и возможный возраст завершения школьного обучения); возраст, с которого индивид переходит из детской поликлиники во взрослую и так далее.

При разработке различных политических инициатив, например, по поддержке молодых ученых или молодых семей, также необходима четкая фиксация возрастов, подпадающих под определение «молодые». Например, сегодня в России таким критерием при получении различных государственных льгот (субсидирование покупки квартиры или взятие ипотеки, получение исследовательских грантов и прочее) выступает возраст 30-35 лет, а в 1970-1980-е годы это был 25-летний возраст [Захаров, 2009, с. 378].

Все эти возрасты, закрепленные в законе, социальных практиках или на уровне действующей социально-демографической политики, формируют горизонт планирования индивидуальной жизни и задают возрастную сегрегацию общества, деля его на возрастные контингенты.

Резюме раздела и дискуссия

Законодательно закрепленные возрасты должны базироваться (и чаще всего так и происходит) на реальном возрасте биологической и психологической зрелости и готовности к разным общественным ролям. Тем не менее, достижение закрепленных в государстве возрастов обретения различных прав и обязанностей, в частности, получение паспорта, не играет такой роли как инициация в традиционном обществе, хотя в некотором роде является ее символической заменой. Получив законодательное право на совершение определенных событий, большинство людей в настоящее время не демонстрируют желание и готовность сразу же их совершать, поэтому моментального перехода во взрослость не происходит.

Резюме параграфа

В данном параграфе был рассмотрен путь зарождения и развития интереса к теме взросления. Мы увидели, что *философия и художественная литература* начали проблематизировать период перехода из детства в зрелость еще много веков назад. Понимание того, что такое взросление и зачем оно нужно, менялось от эпохи к эпохе и стало обретать концептуальные формы только в 18-ом веке с появлением романов «Юлия, или Новая Элоиза», «Исповедь» и «Эмиле, или О воспитании» Ж.-Ж. Руссо. С точки зрения современных философов взросление состоит как из метафизических, духовных компонентов (самореализация, зрелость), так и из весьма практических и приземленных (создание семьи, занятие профессией).

История и антропология позволяют изучить практики, сопутствовавшие переходу во взрослую жизнь. Основываясь на имеющихся научных работах, можно заключить, что в традиционных обществах были очень распространены фиксированные ритуалы перехода, в том числе, во взрослую жизнь (инициация). Инициация была необходима для того, чтобы статусно и функционально разграничить группы детей и взрослых в обществе, т.к. у каждой группы были свои строго определенные задачи. Также инициация позволяла снизить напряжение, связанное с обретением детьми новых ролей. В каждом обществе обряд инициации, время и длительность его прохождения были разными. В современных обществах такие фиксированные обряды сменились неопределенным по своим границам и требованиям этапом подготовки ко взрослой жизни (юность, молодость, взросление).

Биология и медицина позволяют изучить изменение биологических маркеров, сопровождающее превращение организма из детского в пубертатный и затем во взрослый. Современные ученые выделяют следующие индикаторы биологической зрелости: морфометрические признаки (длина и масса тела, обхваты груди и бедер), показатели

степени полового созревания (гормональные изменения; гондархе и менархе у девушек, эякулярхе или ойгархе у юношей), уровень стертости зубов, степень сформированности костей запястья. Все перечисленные индикаторы варьируют в зависимости от популяции, эпохи и других параметров, поэтому биологическое созревание не имеет жестко фиксированных возрастных границ. В современном обществе биологическое созревание организма чаще всего начинается со стартом менструаций у девочек (12-18 лет) и эякуляций у мальчиков (13-18 лет). Позже всего заканчиваются формироваться кости запястья рук – примерно в 30 лет.

Законодательство разных стран закрепляет общественные договоренности относительно возрастов, с которых у населения могут и/или должны наступать определенные события, например: получение паспорта, трудоустройство, заключение брака, получение водительских прав и т.д. В современном российском законодательстве закреплены следующие пороговые возрасты, касающиеся перехода во взрослую жизнь:

- получение паспорта – частичная дееспособность (14 лет);
- достижение трудоспособного возраста (16 лет);
- достижение возраста право- и дееспособности (18 лет);
- для мужчин: достижение призывного возраста (18 лет);
- достижение возраста сексуального согласия (16 лет);
- достижение брачного возраста (18 лет; редко – с 14, 16 лет).

Данный параграф показывает, что изучение взросления имеет важное значение для организации жизни общества, что это очень изменчивый феномен и что в разных дисциплинах он рассматривается с разных позиций и применяется с разными целями.

1.2. Теоретические подходы к изучению возраста, молодости, взросления

В данном параграфе мы проследим развитие исследований на тему взросления в разных дисциплинах. Нас будет интересовать не только непосредственно взросление, но также и такие феномены как молодежь и молодость (юность), т.к. невозможно описать взросление, не понимая, кто же является в нем основным актором и где этот процесс локализуется.

1.2.1. Ювенология: попытка создания единой науки о молодежи и молодости

Едва только интерес к взрослению и молодежи сформировался, укрепился и начал прорастать в множестве наук, среди представителей разных дисциплин появилось желание выделить для нового направления отдельное место в дисциплинарном континууме. Если бы данную задумку удалось осуществить, как минимум, следующих разделов нашей работы могло бы не быть, но сложность изучаемых категорий обусловила сложность создания единой науки о молодежи (и с ней – взрослении).

Одним из первых, в 70-х годах 20-го века, разработку комплексной науки о молодежи начал польский социолог В. Адамски [Adamski, 1971]. Параллельно с ним высказал аналогичные идеи социолог из Австрии Л. Розенмайр [Rosenmayr, 1972, с. 244]. Позже похожую позицию занял еще ряд ученых, но тщательной проработкой впервые занялись болгарский социолог К. Господинов и румынский социолог Ф. Малер в конце 1970-х – начале 1980-х годов.

К. Господинов назвал свой подход ювентологией и подразумевал под ним научный синтез общих теорий социализации и реализации [Господинов, 1977]. В основу своей концепции он положил социобиологический подход. Сама ювентология, по мнению Господинова, должна быть частью науки о поколенческой стратификации общества [Луков, 2012, с. 30–32].

Ф. Малер предложил статусно-ролевую концепцию молодежи, которую также назвал ювентологией [Mahler, 1982]. Цель этой концепции состояла в глобальном анализе молодежи и ее структуральных и динамических отношений с обществом. По мнению Малера, молодежь ориентирована телеономически (направлена в будущее) и имеет двойное социотемпоральное измерение: во временном пространстве она соотносится с прошлым, настоящим и будущим, а в социальном – взаимодействуют с различными сообществами (семья, сверстники, общество в целом). Основная цель молодежи – самореализация. Молодежь не существует как таковая. Она существует только в относительном измерении: в конкретных исторических рамках, в конкретном обществе. Именно поэтому молодежь

беспомощна не из-за своей юности, а потому что общество так устроено, что в нем у молодежи низкий социальный статус и возможности. Малер объединил понятия статуса и роли в единый термин Статус-Роль, который назвал интегральной моделью молодежи. Статус-Роль отражает позицию социально-исторического коллективного субъекта (молодежи) к другим субъектам и к обществу в целом, что позволяет избавиться от психологического редукционизма и открывает взгляд на молодежь как категорию, обладающую свойствами, не сводимыми к сумме свойств ее членов. Малер отвергал иерархическое понимание возраста, деление на «высших» и «низших», ратуя за снижение давления на молодежь и признание ее активным и правомочным субъектом общества. Все возрасты должны иметь равные возможности и одинаковое отношение, то есть, фактически, межпоколенная субординация должна быть устранена, общество должно стать «горизонтальным». К недостаткам теории Малера можно отнести то, что его подход является социологической теорией молодежи, а не междисциплинарной наукой. И что суть высказанных идей в итоге сводится к предложениям скорее политического и весьма утопического, нежели научного характера [Луков, 2012, с. 32–36].

В конце 90-х годов в России И.М. Ильинским было выдвинуто несколько тезисов относительно ювенологической теории [Ильинский, 2001]. По мнению Ильинского, в основе понятия «молодежь» лежит возрастной этап жизни «молодость» и соответствующий ему процесс «взросление». Ильинский считал, что человек должен изучаться в единстве биологических, психологических, социальных аспектов. В.В. Павловский предложил более фундаментальное понимание молодежи, в основе которого лежала социальная философия [Павловский, 2001]. Постулировалась необходимость создания особого раздела философии возраста – «философии молодежи», целью которой будет изучение онтологических вопросов жизнедеятельности молодежи, особенностей ее развития, положения этой социальной группы в контексте конкретного исторического общества, генезиса и значения различных этапов молодости, а также гносеологических и логико-методологических проблем. Ильинский делит молодежь на 17 годовых подгрупп (объединяемых в 4 стадиальные подгруппы), каждой из которых соответствует своя программа развития в пяти основных сферах общества: эйкуменной, мезосоциальной, экономической, этнокультурной и политической. Молодежи отводится важная роль в процессе смены поколений, в трансляции и обновлении биосной и социальной компонент. Границами молодости обозначен период 13-29 для девушек и 14-30 для юношей. Критики концепции отмечали ее сильную привязку к марксизму, излишнюю громоздкость всех определений и постулатов, а также отсутствие практических предложений по реализации выдвинутых теоретических идей [Луков, 2012, с. 37–39].

Альтернативный подход к созданию ювенологии выдвинул Е.Г. Слуцкий [Слуцкий, Журавлев, 2007]. С позиций Слуцкого, ювенология должна изучать молодежь как в онтогенезе, так и в филогенезе: должны исследоваться биосоциальное взросление, духовное развитие и социодемографические изменения. Основными процессами в данном комплексном развитии являются воспитание, образование и социализация.

Резюме раздела и дискуссия

Ювенология, начавшая свое становление в психологии, прошедшая через философское, а затем социологическое осмысление, пока так и осталась наукой-проектом. Основная проблема в том, что ученые, предлагавшие ювенологию в качестве междисциплинарного подхода, по-настоящему так и не вышли за границы своих наук и не смогли создать такого научного дискурса, в который бы включились исследователи из, действительно, разных дисциплин. Другой вопрос состоит в том, нужно ли в принципе создавать новую науку или можно добиться больших результатов, углубляя уже существующие области знания и обогащая их за счет применения новых подходов [Луков, 2012, с. 41–45]. Более того, перечисленные нами теории хоть и являются оригинальными и интересными, но не продвигают реальное, эмпирическое изучение молодежи и взросления. Большинство проанализированных нами подходов либо остановилось на уровне теоретических предложений, либо ушло в создание политических, но мало реализуемых проектов.

Тем не менее, основной посыл ювенологии – учет взглядов разных дисциплин на проблему молодости и взросления – нам кажется чрезвычайно важным. Как мы уже увидели, взросление – очень многосоставной и сложный процесс, а потому, не понимая всей его полноты, невозможно изучать его сообразно этой сложности. Именно поэтому далее мы рассмотрим все основные компоненты взросления в рамках устоявшихся научных дисциплин.

1.2.2. Психология: теории взросления и молодежи

Психологи первыми стали изучать взросление со всей строгостью научного подхода. За время развития тематики взросления в рамках психологии было создано такое количество теорий и концепций, что перечислить их все просто не представляется возможным. Также довольно сложная задача – дать им структурированное описание, т.к. существует множество различных классификаций, каждая из которых имеет свой угол зрения и оттого не совпадает с другими [Луков, 2012, с. 116–117].

По словам И.С. Кона [Кон, 1989, с. 32], в современном мире уже практически все психологи соглашаются, что биологические, социальные, биографические и исторические факторы оказывают влияние на развитие человека, но споры о том, какой же фактор ведущий, до сих пор не утихают. Мы проследим за ходом развития этих дискуссий и зарождения ключевых психологических теорий и концепций о взрослении. Для удобства мы выбрали все тот же дисциплинарный подход, который используем в остальной части обзора, чтобы проследить, как происходило взаимодействие разных направлений внутри одной дисциплины и что формировалось на их пересечении.

Психологические теории *биологического* направления делали акцент на важности влияния индивидуальных особенностей человека на его взросление. Рассмотрено влияние:

- генетической программы [Фребель, 1913; Hall, 1904; Werner, 1926],
- конституционных особенностей организма [Кречмер, 1924; Eysenck, Rachman, 1967; Jaensch, 1925; Lorenz, 1963],
- комплексных изменений в теле, мозге и психике (модели роста) [Carmichael, 1951; Jones, 1954; Olson, 1953; Stott, 1967],
- личных переживаний по поводу изменений в теле [Offer, 1984; Stutte, 1974], сексуального созревания и поиска идентичности (психоанализ) [Фрейд, 2005; Freud, 1936].

Недостаток этого типа теорий (как и других теорий монодисциплинарного направления) в том, что они недооценивают важность других факторов. Также важным недостатком является сильное обобщение соматических данных и создание периодизаций, которые не были эмпирически подтверждены. Здесь необходимо отметить, что эти теории не были единообразными. Например, подход, предложенный К. Лоренцом, не утверждал, что генетическое – это неизменное, напротив, он полагал, что генетическое преобразуется в социуме, создавая уникальные варианты развития. Более того, К. Лоренц ввел понятие «сенситивный возраст», к которому относится, в том числе, процесс взросления. Эти идеи дали толчок поиску быстрых механизмов научения.

Чисто *психологические* теории часто используют биографические интервью в качестве метода сбора данных. Эти теории делают акцент на психофизиологическом созревании личности:

- вектором развития внутренней жизни в период взросления является стремление к самостоятельности, становление индивидуальности, мечты о будущем. У

девочек этот период длится с 13 до 19 лет, у мальчиков – с 14 до 22 [Шпрангер, 1980].

- развитие происходит в течение всей жизни, а не только в юности. Непосредственно взросление состоит из двух этапов: 16-20 лет – подготовка к самоопределению; 20-30 лет – пробы и поиск в разных сферах жизни [Buhler, 1971].
- взросление – это не период «бури и натиска»; развитие в эту фазу происходит плавно и постепенно [Rutter, Graham, Chadwick, 1976].
- решать возрастные проблемы помогают «техники существования», различающиеся в зависимости от личности и ситуации: техники достижения, защиты, экспрессии и т.д. [Thomae, 1970].
- взросление – это повторное переживание уже пройденных конфликтов (вторая индивидуализация) [Blos, 1967].

Данные теории не учитывают индивидуальных различий, образованных под воздействием генетических и конституциональных особенностей, а также социально-экономических факторов.

В основе психологических теорий *социологического* направления лежит понятие "tabula rasa" (чистая доска), которое ввел философ Дж. Локк в 17 веке [Petryszak, 1981]. Данный термин означает, что человек при рождении является абсолютно «чистым белым листом», и все качества, которые он приобретает, появляются под воздействием социума. Перечислим основные теории данного направления:

- Теория ролевого репертуара: изначально все люди одинаковы и равны, а все дальнейшие различия задаются обществом и воспитанием, причем развитие личности отражает состояние общества. Развитие индивида заключается в формировании *ролевого репертуара*, который составляет большую часть идентичности человека [Hofstätter, 1954].
- Теория деятельности: процессе взросления важна деятельность (то есть сознательное, спланированное поведение) в области взаимодействия с другими людьми и достижения с ними взаимопонимания [Heitmeyer, Hurrelmann, 1988]. Развитие происходит только при социально-коммуникативной деятельности [Mead, 1934].
- Социально-экологический подход: индивид встроен в экосистему, состоящую из четырех уровней: микросистема (непосредственное окружение: семья, школа), мезосистема (взаимодействие микросистем), экосистема (социальные

институты, влиянию которых подвержен человек), макросистема (ценности и нормы культуры данного общества и субкультуры, к которой принадлежит индивид). В процессе взросления индивид воздействует на свое многоуровневое окружение и одновременно с этим сам испытывает влияние среды [Bronfenbrenner, 2009].

Биопсихологические теории весьма многочисленны и разнообразны:

- Когнитивные теории уделяют внимание особенностям развития мышления в период взросления [Пиаже, 1969].
- *Теория стресса и нагрузок* понимает взросление как период активации процессов преодоления трудностей, служащих толчком для дальнейшего развития [Lazarus, 1966].
- *Концепция возрастных задач развития* [Havighurst, 1972] понимает под *взрослением* столкновение с задачами, характерными для данного возраста. Задачи следуют одна за другой, образуя стадии: ранняя зрелость – период 18-35 лет, когда люди создают семью, начинают карьеру, принимают гражданские обязанности; средний возраст – возраст 35-60 лет, когда индивиды достигают своей максимальной зрелости, принимают на себя все обязательства.
- Взросление – это обретение автономии, принятие ответственности за свои поступки, расширение зоны своей деятельности [Харламенкова, 2007]. Критерии взросления: успешность решения проблем, характерных для этого периода жизни; трансформация личности в процессе решения этих проблем и принятие себя в новом качестве.
- *Теория кризисов* [Caplan, 1964; Human Adaptation: Coping with Life Crises, 1976] гласит о том, что кризисы приводят либо к конструктивным решениям и преодолению трудностей, либо перерастают в паталогические проблемы.
- Стадиальная теория [Gould, 1978] полагает, что мы взрослеем, отказываясь от очередных заблуждений о мире. В возрасте 16-22 лет борются с заблуждением, что они принадлежат родителям и безоговорочно верят в и мир; 22-28 лет – период осознания, что индивид – ничейный ребенок, что никто не решит его проблем и не подскажет как поступить; 28-34 года – возраст открытия себя миру, прощания с ощущением, что мир прост и управляем; 34-35 лет – время принять, что в мире есть зло и смерть.
- Взросление можно сравнить со *сменой времен года* [Levinson, 1991; Levinson, 1997]: периоды стабильности сменяются трансформациями (поворотными

точками). В 17-22 года происходит переход в раннюю взрослость и увязка мечты с реальностью; затем в 22-28 лет наступает период стабильности и поиск наставника; в 28-33 года происходит принятие решений и ответственности, связанные с началом карьеры; в 33-40 лет – переход к стабильному распорядку жизни и создание семьи.

Главный недостаток большинства данных теорий в том, что они не могут описать жизнь конкретных людей, потому что реальные процессы у разных индивидов происходят сложнее или проще, дольше или короче, но не в таком строгом соответствии с представленными фиксированными этапами. В некоторых странах такого периода как молодость до сих пор не существует, в других – это важный этап жизни. Подобные теории могут быть применены только к последним странам, чаще всего, представляющим западный мир, но для некоторых из них подобные подходы могут оказаться уже устаревшими, так как развитие продолжается, продолжительность жизни растет, и теории, предложенные 10-20 лет назад теряют свою актуальность.

Единственная найденная нами *биосоциологическая* теория связывает развитие индивида с генетическими и средовыми факторами [Gesell, Plg, Ames, 1956]. Гены направляют развитие изнутри и определяют последовательность, темп и сроки созревания. Социальная среда выступает в качестве фактора, способствующего реализации потенциальных возможностей индивида. Период юношества длится с 11 лет до 21 года.

Теории *психосоциологического* направления утверждают, что личностные и средовые компоненты связаны друг с другом. Важно, как обретение идентичности, так и успешная социализация:

- *Теория поля* гештальт-психолога [Хрестоматия по истории психологии, 1980] исходит из представления о том, что поведение человека является функцией как личности, так и окружающей ее среды. Единство и связанность личностных и средовых компонентов составляют жизненное или психологическое пространство личности. Во время взросления индивид становится «маргинальным», т.к. уже не принадлежит к миру детства, но еще не принадлежит к миру взрослых. Поведение подростков обусловлено тем, насколько эти два мира различны. Позднее Дж. Бамбер провел эмпирическую проверку теории поля и выявил, что юношеская маргинальность – слишком расплывчатое понятие, не объясняющее конкретных различий психики и поведения подростков и молодежи [Bamber, 1973].

- *Теория эго-идентичности* гласит, что взросление в большой степени зависит от социального окружения [Симонова, 2011]. Человек переживает кризисы идентичности, т.к. в короткие сроки он вынужден решать множество задач, размывающих его идентификацию: принятие изменений в теле, усвоение новых социальных ролей, выбор профессии, спутника жизни и прочее. Взросление наступает между пятым и шестым кризисами, в возрасте 20-21 год. Эмпирические исследования показали, что модель кризисов идентичности может быть применена ко всей молодежи не соответствует эмпирическим наблюдениям [Ремшмидт, 1994, с. 216].
- *Фокальная теория* взросления [Coleman, Hendry, 1999] объединяет психологический, психоаналитический и социологический подходы. Для каждого возраста характерен набор преобладающих проблем, но нет таких проблем, которые бы соответствовали только одному возрасту. Необходимость адаптации к новым социальным ролям приводит к кризисам, отражается на представлении о собственном «Я» и своей идентичности. Из-за отсутствия в обществе четких моделей поведения взрослых неопределенность и фрустрация молодого человека в период взросления усиливается. То есть юность представляется как пора беспокойства, тревог, неуверенности и слабости.
- Взросление – это одновременно и социализация, и индивидуализация [Фельдштейн, 1999]. В качестве критерия психологической зрелости выделяется появление чувства ответственности за себя и за других. При этом важно, что человек сам формирует тот образ взрослости, к которому будет стремиться, и сам оценивает успешность его достижения. В качестве критериев социальной взрослости выделяются следующие события: окончание обучения, выход на рынок труда, обретение финансовой независимости, достижение гражданского совершеннолетия, создание семьи.

Теории *культурологического* направления связывают развитие личности с культурным кодом общества и особенностями социальной среды:

- *Нравственное развитие* зависит от культуры, условий социализации, воспитания и окружающей среды [Kohlberg, 1964]. Существует 6 ступеней развития нравственности, где критерием нравственной зрелости выступают решения, принимаемые в конфликтных ситуациях. Для юности характерны две последние ступени: «договорная» ориентация на соблюдение законов и ориентация на принципы справедливости.

- Существует пять этапов нравственного развития [Peck, Navighurst, 1960], связанных не только с поведением в определенных ситуациях, но и с личностными особенностями индивида. Последним этапом развития является рационально-альтруистическое поведение, характерное для взрослых людей. Для детей и подростков характерны: аморальное, затем эгоцентрическое, конформистское, а также иррационально-нормативное нравственное поведение.
- Теория *трансмиссии ценностей* выделяет следующие принципы развития ценностных взглядов во время взросления [Feldman, 1972; Oerter, 1969]: ценности, усвоенные еще в детстве, пересматриваются в юности; начинают преобладать абстрактные ценности, характерные для референтной группы; общественные ценности (альтруизм, готовность помочь) временно отходят на второй план; на первый план выходят социальный статус, авторитет, самостоятельность, внешний вид. Три этапа развития ценностей: до 10 лет ценности детей совпадают с ценностями родителей, в 11-14 лет пересечений в их ценностях становится меньше, к 16 годам ценности снова совпадают.

Междисциплинарные психологические теории учитывают влияние соматики, психики и социума на развитие индивида:

- «*Я-концепция*» [Neubauer, 1976] гласит, что существует два «Я»: реальное (какой я есть: самооценка) и идеальное (каким бы хотел быть: желаемый образ). Близость двух «Я» или их сильное различие могут оказывать значительное влияние на развитие индивида. Взрослея, мы обретаем более реалистичный образ себя.
- Жизненный путь состоит из этапов, которые связаны с различными изменениями внутри человека и вовне [Ананьев, 2001]. Взрослея, индивид обретает биологическую и гражданскую зрелость. К качествам зрелого человека можно отнести: принятие себя и других, верность своим целям, ответственность за свои поступки и решения. В процессе взросления происходит формирование своего Я-образа взрослого (то есть Я-взрослый) и соотнесение с ним образов реального и идеального Я. В этой связи важную роль играет наставник, который служит образцом, ролевой моделью.
- *Теория потребностей* А. Маслоу и в особенности – ее трактовка с точки зрения применения к молодежи [Garrison, Garrison Jr., 1975]. В качестве базовой, физиологической потребности подростков выделяется физическая и сексуальная активность; потребность в безопасности концентрируются не в

рамках семьи, а в референтной группе; появляется потребность в независимости, самостоятельности; потребность в привязанности и любви обостряется и также фокусируется не на родителях, а на сверстниках; потребность в успехе и признании определяется опытом раннего детства, и может ослабнуть под влиянием референтной группы; потребность в самореализации характерна для всех молодых людей и взаимосвязана с представлениями о самом себе. Потребности трансформируются при переходе из подросткового возраста в юношеский: если подростки в большей степени ориентированы на сверстников, конформны, то юноши в большей степени ориентированы на себя и стремятся к самореализации. Существуют половые (или, скорее, гендерные) различия: для девушек характерна большая выраженность потребности в безопасности, для молодых людей – стремление к успеху и конформность референтной группе.

- *Культурно-историческая концепция*, сформированная Л.С. Выготским на стыке педологии, психологии и социологии. Идеи советского ученого, безусловно, были основаны на классовом подходе, но не теряют своей значимости и для современной науки [Выготский, 1931]. Он считал, что молодость – это не данность, а конкретно-исторический феномен. Он соглашался со Шпрангером в том, что надо изучать не молодость вообще, а подростка как носителя определенной культуры, но, будучи материалистом, критиковал немецкого психолога за сведение особенностей подростка к области духа. Выготский также не соглашался с психологами, придерживавшимися биологического подхода, считавших период взросления негативным и кризисным. Он считал молодость неоднородным этапом, которому свойственны разные настроения и переживания, а не только трагизм и трудности. Также он спорил с представителями биологического подхода в том, что помимо биологических факторов в формировании подростка также значительную роль играют исторические и социальные аспекты. Возрастные этапы развития Выготский связал с отношениями между индивидом и средой. Например, юношество длится от 14 до 18 лет и характеризуется окончательным приобщением индивида к среде. Это время обращенности вперед, подготовки ко взрослой жизни. При этом Выготский не считает, что социальная среда является внешней и враждебной для индивида. Он критикует концепции социализации, в частности, концепцию детского эгоцентризма Ж. Пиаже, считая, что социальное не должно приравниваться к процессам в когнитивной сфере. Также Выготский внес

большой вклад в понимание внутренних психических процессов как продукта интериоризации социального и развитие идеи о «зоне ближайшего развития».

- Возрастная периодизация развития психики [Эльконин, 1997], основанная на смене ведущих деятельностей: предметной деятельности (дети: 1-3 года), игры (дошкольники: 3-7 года), обучения (младшие школьники: 8-12 лет), интимно-личностного общения (подростки: 11-15 лет) и учебно-профессиональной деятельности (юноши: 15-17 лет).
- *Концепция развития в течение всей жизни (life span development)* [Baltes, Reese, Nesselrode, 1998; Smelser, Baltes, 2001, с. 8844–8848; Baltes, Staudinger, Lindenberger, 2002] постулирует, что на развитие индивида влияют нормативные возрастные факторы (все процессы, связанные с созреванием и старением организма, а также социодемографические события: брак, деторождение и т.д.), нормативные исторические факторы (различные катастрофические события, например, война, эпидемия, кризис), ненормативные факторы (индивидуальные биографические события, не зависящие напрямую от возраста: болезнь, увольнение, смена жительства и т.д.). Важными являются не только факты наступления событий, но и время их наступления (тайминг). Также на биографию влияют раса, пол, социальное положение. Развитие и изменение личности не останавливается до самой смерти.
- Взросление состоит из двух стадий [Arnett, 2000; Arnett, 2003; Arnett, 2007; Tanner, Arnett, 2009; Arnett, 2011; Arnett, 2012]: (1) «ранняя взрослость» (emerging adulthood) с 18 до 24 лет, когда молодые люди еще не чувствуют себя взрослыми, но находятся уже где-то между подростковым возрастом и зрелостью; они начинают пробовать новые роли, погружаться в то, что такое быть взрослым; (2) ранняя взрослость (30-50 лет) – когда индивиды полностью погружаются в новые роли, в семью и работу. Критерии взрослости индивидуализируются, и большую роль начинает играть внутреннее ощущение себя взрослым, нежели биографические события (браки, деторождение и т.д.). Демографы высказывают много критических замечаний относительно этих идей [Liefbroer, Toulemon, 2010; Shanahan, Porfeli, Mortimer, 2005]: для выделения нового этапа жизненного пути нужны более валидные критерии, нежели самооценка себя взрослым. Во многом для совершения демографических событий нужны взрослые «компетенции» (например, обретение финансовой независимости – важный маркер взрослости, а трудоустройство – нет. Но не является ли первое следствием второго? И не является ли способность брать

ответственность за других базовой предпосылкой для создания семьи и рождения детей? Также, несмотря на то, что респонденты не считают демографические события важными, зачастую эти события повышают социальный статус и являются «поворотными точками», меняющими жизнь и отношение к ней. Даже если демографические события перестали быть однозначными маркерами взрослости, их роль в развитии и сохранении общества все еще очень велика, и общество будет стимулировать индивидов их совершать, пока не наступит какое-то новое равновесие.

- *Теория динамических систем (dynamic systems theory)* [Hendry, Kloep, 2012, с. 28–31] полагает, что индивид как система состоит из разных компонентов, но является чем-то большим, чем просто их суммой. Развитие происходит на всех уровнях организма (на уровне генов, гормонов, мозга, эмоций, мыслей, поведения) и на всех уровнях контекста, сфер жизни (семья, друзья, школа, досуг, работа, религия и т.д.). Все эти уровни организма и окружающей среды изменяются во времени и пространстве и оказывают взаимное влияние друг на друга [Encyclopedia of the Life Course and Human Development, 2009, с. 134–135]. В процессе изучения элементы системы не отделяются один от другого, а исследуются в комплексе, то есть нужно уделять внимание не только характеристикам респондента, но и особенностям того контекста, в котором он живет и/или жил.

Резюме раздела и дискуссия

В современной психологии есть целый раздел, посвященный вопросам развития личности – возрастная психология или психология развития. Частью этого раздела является психология юношеского возраста. Она начала развиваться в 1920-е годы, и большинство ее завоеваний сделано в период довольно сильного дисциплинарного разграничения, поэтому междисциплинарных подходов в ней довольно мало, и много жестких периодизаций, которые, увы, уже устарели. Современные междисциплинарные психологические теории учитывают влияние различных факторов на взросление индивида: биологических, психологических, социальных, исторических, культурных, гендерных и других. Психология развития, изначально посвященная детским возрастам, теперь становится «психологией всевозрастного развития, психологией развития личности на протяжении всего жизненного пути» [Горизонты зрелости, 2015, с. 3].

В психологических словарях определения взрослению не дается (нам удалось найти только молодость, зрелость, взрослость и т.д.), поэтому разные исследователи

формулируют собственные определения. Например, взросление – это совокупность индивидуальных процессов, связанных с переживанием соматических изменений, вынужденной адаптацией к ним и с реакцией на них [Ремшмидт, 1994]. Вместо термина «взросление» психологами часто используются названия этапов жизни или синонимичные процессы. Чаще всего – юность, молодость, развитие. В современных работах заметна тенденция к разделению взросления на этапы. Так появилась ранняя и средняя зрелость, «зарождающаяся» зрелость.

Исследователи разделяют такие понятия, как психологическое время, возраст и психический возраст:

- психологическое время – отражение в психике человека временных отношений между событиями его жизненного пути [Болотова, 2007, с. 35]. Оно обуславливает целеполагание, планирование и достижения индивида и связывает событийный и личностный планы жизни.
- психологический возраст – мера психологического прошлого личности (в противопоставление хронологическому как мере хронологического прошлого) [Головаха, Кроник, 1984].
- психический возраст определяется уровнем умственного и эмоционального развития. Индикаторами служат тесты на умственный интеллект, нравственную зрелость, рекреационный возраст (проведение досуга), психосексуальный возраст (эротические интересы и поведение). Также одним из компонентов является субъективно переживаемый возраст: самоощущение своего возраста, складывающееся из напряженности и насыщенности своей жизни, а также ощущения своей самореализованности [Бочаров, 2001, с. 17].

Наборы компонентов зрелости варьируют в зависимости от того, каких идей придерживается исследователь. Одни считают, что начало и конец перехода во взрослую жизнь должны определяться по изменениям в теле, мозге и психике индивида [Carmichael, 1951; Jones, 1954; Olson, 1953; Stott, 1967]; другие – что важно, насколько психологически зрел человек (самостоятелен, ответственен, способен решать проблемы) [Blos, 1967; Buhler, 1971; Rutter, Graham, Chadwick, 1976]; третьи – что важнее всего, как индивид приспособлен к жизни в социуме, сформирован ли у него необходимый ролевой репертуар [Hofstätter, 1954]; четвертые перечисляют целый ряд биографических событий, которые маркируют зрелость [Baltes, Reese, Nesselroade, 1998; Smelser, Baltes, 2001, с. 8844–8848; Baltes, Staudinger, Lindenberger, 2002]; пятые считают, что человек автоматически становится взрослым при достижении определенного возраста [Выготский, 1931; Эльконин, 1997] и так далее.

Мы согласны, что при определении взрослости самоощущение себя взрослым постепенно становится важнее наличия фиксированного набора биографических событий или достижения определенного возраста. Если человек обрел внутренние свойства, характерные для взрослого человека (ответственность, независимость, самостоятельность и т.д.), то наличие внешних атрибутов перестает играть значимую роль. Но для подобной ситуации нужна такая внутренняя зрелость и психологическая проработанность, что говорить о подобном варианте как о повсеместно встречающейся практике пока рано.

Возрастные границы взросления также сильно разнятся. Неизменно одно – период перехода во взрослую жизнь растягивается все на больший промежуток времени и включает в себя уже и подростковый, и юношеский возраст, и молодость. Также становится заметным тренд к индивидуализации процесса взросления и возникающая с этим бессмысленность выделения жестких возрастных рамок. Идеология нормы, нормативных возрастов в психологии критикуется [Поливанова, 2012], т.к. в реальной воспитательной, психологической и психотерапевтической практике работа происходит не с абстрактным, а с конкретным, более того – уникальным человеком. Дэвид Элkind полагает, что деление на возрастные группы в сегодняшнем обществе не имеет смысла: различий между людьми одного возраста становится больше, чем различий между возрастными группами [Elkind, 1995]. Возрастные группы впитывают ценности друг друга (т.н. креолизация), и теперь взросление происходит не через переход из одной возрастной группы в другую, а через достижение определенных социально-психологических качеств.

Вследствие размытия границ взросления и отсутствия четких критериев взрослости задача перехода во взрослую жизнь усложняется, т.к. очень трудно достичь того, что никак не определено. В этой связи в обществе активно обсуждается проблема инфантильности современной молодежи. Молодежь называют «кидалтами»¹ (от английского kid – ребенок и adult – взрослый, то есть такие дети во взрослом теле). На наш взгляд, подобная инфантильность – следствие резко возросшего разнообразия жизни, путей развития и, как следствие, перемещения ответственности за множественные жизненные выборы с общества и семьи на самого индивида². Если всю историю человечества жизнью индивида распоряжалось общество и семья через обряды инициации, через договорные браки, необходимость для человека продолжать семейное ремесло и поступать так, как принято,

---

¹ Также в западных странах в обиход входит слово «adultescent», что переводится как взрослый по возрасту человек, который активно интересуется молодежной культурой.

² В некоторых случаях мы имеем дело не с инфантильностью (несамостоятельностью), а с ювенильностью (осознанным выбором в пользу продления молодости). Например, когда хорошо образованный человек, имеющий постоянный заработок, партнера, активный в социальной жизни уклоняется от решений, которые могут завершить его пребывание в молодом возрасте. Ювенил превращает свободу выбора, саморазвитие, молодежный образ жизни в нечто ценное само по себе [Лишаев, 2016, с. 118].

то сейчас степень автономии человека возросла беспрецедентно. Столкнувшись с необходимостью делать большое число важных выборов в ситуации отсутствия подобного опыта у предыдущих поколений, молодежь вынуждена сама осваивать новые практики и не редко начинает вести себя инфантильно, уходя, например, в эскапизм (стремление убежать от реальности, например, в компьютерные игры, Интернет) и прокрастинацию (постоянное откладывание дел и решений). Но так ведут себя далеко не все представители молодых поколений. Психологи отмечают, что так называемые семейные сценарии (когда дети повторяют жизненный путь родителей с точностью даже до возрастов наступления событий)¹ начинают рушиться параллельно разрушению однозначных и универсальных норм общества. Процесс поиска новых смыслов и критериев взросления происходит как на уровне конкретных индивидов, так и общества в целом.

1.2.3. Социология: теории взросления и молодежи

Мы подробно остановимся на социологических теориях взросления, т.к. ряд из них ляжет в основу нашей работы.

1.2.3.1. Биологическое направление социологических теорий

Социология зарождалась в рамках *позитивистского* подхода, который пытался адаптировать естественнонаучный подход к социальным процессам. Общество сравнивалось с биологическим организмом, вследствие чего появились такие подходы как натурализм, эволюционизм, органицизм. На заре своего зарождения социология уделяла мало внимания молодежи и взрослению. В основном, этот вопрос поднимался лишь в связке с другими. Например, со сменой поколений. О. Конт [Конт, 2016] связывал свою дилемму «порядок-прогресс» с чередованием поколений. Он шел в понимании поколенческого вопроса не от индивида, а от общества и пытался объяснить природу и темпы прогресса переменами в процессе смены поколений и увеличением продолжительности жизни. Он считал, что чем быстрее происходит смена поколений, тем лучше молодежь интегрирована в общественные процессы и тем динамичнее развивается общество. К. Мангейм [Мангейм, 1998] не соглашался с данной точкой зрения, считая, что рост продолжительности жизни замедлил бы процесс обновления поколений и привел к замедлению прогресса.

---

¹ Семейные сценарии – это определенная программа, последовательность событий жизни, которой следуют разные поколения одной семьи [Алюшева, 2012]. Это может проявляться в любых сферах жизни: репродуктивной, матримониальной, образовательной и других, в том числе, в отношении здоровья. Например, дочь может заключить брак, родить ребенка и пережить инсульт в тех же возрастах, что и мать, а сын может испытывать те же проблемы с алкоголем и иметь столько же браков, что и отец. Если члены семьи не подходят осознанно к формированию своих жизней, то они имеют шанс повторения жизней родителей и прародителей, а также всех сопутствующих ошибок и проблем.

Э. Дюркгейм поддерживал идеи Конта и впоследствии создал одну из первых теорий социализации, в основе которой лежал контовский подход. Дюркгейм считал, что природа человека является двойственной: с одной стороны – биологической, а с другой – социальной. Эти два начала находятся в постоянном противоречии: природные импульсы противостоят воспитанию и общественным нормам. Главная задача социализации – научение индивида подавлению индивидуальных интересов, природных инстинктов во имя достижения общественных целей. Общество за счет этого становится более однородным и процветает [Ковалева, 2004]. Критериями успешной социализации, то есть приобщения к миру взрослых, можно считать: дисциплинированность, самоконтроль, ощущение принадлежности к социальной группе, готовность следовать общественным предписаниям [Кузнецов, Кравцов, Кибиткин, 2012]. Основной функцией времени Дюркгейм считал социальную синхронизацию и интеграцию [Mills, 2000b, с. 95].

В «Основаниях социологии» Г. Спенсера [Спенсер, 1876] есть раздел «Положение детей», где также говорится о молодежи. Спенсер считал, что на положение детей влияет тип общества. Чем более милитаризовано общество, тем в большем подчинении находятся дети и тем в более угнетенном положении находятся девочки, т.к. они не имеют ценности как войны. Чем менее милитаризовано общество, тем большими правами обладают дети и тем равноправнее положение мальчиков и девочек. Одним из первых Спенсер поднял вопрос о субъектной роли молодежи, размышляя в «Основаниях науки о нравственности» [Спенсер, 1880] о различии прав и обязанностей взрослого и ребенка. Он полагал, что родители имеют право руководить деятельностью детей до тех пор, пока индивид не повзрослеет и не станет способным к «самоподдержанию» - то есть самостоятельной заботе о себе. Тем не менее отдельного этапа – юности или молодости – Спенсер не выделял, считая, что из зависимого детства индивид сразу переходит в самостоятельную взрослость [Луков, 2012, с. 109].

1.2.3.2. Социоэкономическое направление социологических теорий

Марксизм

Альтернативную точку зрения биологическому подходу предлагал *марксизм*, начавший развиваться в то же время, что и позитивизм. В основе марксизма лежали социально-экономические факторы. Марксизм, в отличие от позитивизма, много внимания уделял молодежи, так как в период общественных перемен того времени в ней усматривали серьезную силу. Молодежь также, как и все общество, была разделена на классы, что высветило ошибочность прежнего понимания молодежи как однородной социальной группы и позволило впервые оценить революционный потенциал молодежи,

принадлежащей к разным классам [Маркс, Энгельс, Ленин, 1972]. Роль молодежи осмыслялась в тесной связи с общественно-экономическими формациями, а не с абстрактным обществом. Молодежь понималась как часть производительных сил, включенная в производственные отношения, то есть была деятельной, а не пассивной, имела конкретные функции. Одна из важных функций состояла в том, что именно благодаря молодежи происходила смена поколений и обновление общества. Помимо классовой дифференциации также признавалось наличие определенных социально-психологических особенностей: например, энтузиазма, энергии, отсутствия устойчивых принципов и убеждений, неопытности. Марксизм был первой социологической теорией, так много внимания уделившей молодежи и убедившейся на практике в ее революционной силе и общественной значимости.

Большой вклад в развитие марксизма внесли советские ученые. С 1920 годов появляется направление изучения рабочего подростка и молодых рабочих. В частности, можно выделить работы И.А. Арямовой «Рабочий подросток», А.И. Колодной «Интересы рабочего подростка», В.А. Зайцевой «Труд и быт рабочих подростков», Б.Б. Когана и М.С. Лебединского «Быт рабочей молодежи» и другие [Луков, 2012, с. 202]. В это же время возрастает интерес к исследованию учащейся молодежи. Одна из наиболее заметных работ этой ветви – концепция детского и юношеского коллектива А.С. Макаренко. Также развивается исследование молодежных движений; создаются концепции молодежи, выходящие за рамки классовой теории.

Также марксистский подход был отправной точкой в ряде работ зарубежных исследователей. Например, Дж. и М. Раунтри полагали, что молодежи присущи черты самостоятельного класса – это новый пролетариат [Rowntree, Rowntree, 1968]. Х. Лессинг и М. Лебель считали, что молодежь всегда является частью определенного социального класса и не может быть автономной, т.к. это противоречит структуре капиталистического общества. Также они отвергали существование конфликта поколений и те трактовки социализации, которые предполагали интеграцию молодежи в общество. Но критики самих исследователей полагали, что подобные взгляды ведут к тому, что теории молодежи становятся ненужными. Например, Х. Кройц не нашел в словаре по марксистской социологии терминов «молодежь» и «рабочая молодежь», а Х.М. Гризе считал, что социологи-марксисты из ФРГ стремятся подчинить теорию практике и ориентированы не на изучение феноменов, а на изменение общественных структур [Луков, 2012, с. 207–208].

Достаточно много работ того времени было выполнено в ключе так называемого социального заказа. Например, немецкий социолог В. Фридрих, разработавший социальную концепцию молодежи на базе марксизма, основной целью ставил обоснование

инструментов молодежной политики и проведение эмпирических исследований в Центральном институте исследований молодежи в Лейпциге. Он считал, что молодежь – это часть общества, составляющая самостоятельную популяцию, поэтому к ее определению надо подходить не с позиций изучения юности, а с позиций изучения конкретно-исторического общества в целом. В качестве критериев выделения молодежи должны использоваться социально-демографические характеристики. Своей задачей он считал разработку такой политики, при которой индивиды будут достигать максимального личностного развития [Friedrich, 1967].

П.-Э. Митев разработал целый ряд концепций молодежи, направленных на совершенствование молодежной политики в Болгарии [Луков, 2012, с. 223–228]. Мы остановимся на концепции реализации и самореализации молодежи, разработанной совместно с К. Господиновым, П. Балканским и А. Райчевым. Реализация связывается с капиталистическим обществом, самореализация – с коммунистическим. Самореализация личности – это всеобщая форма общественной реализации, целью которой является целостный человек.

В целом, основная критика марксистского подхода в социологии сводится к тому, что во времена зарождения марксизма таких явлений как молодежь и молодость (в современном их понимании) еще не было, поэтому невозможно применять марксистскую теорию сегодня, не адаптируя ее к изменившейся реальности. Также большинство исследователей данного направления, провозглашая классовый подход, на деле изучают молодежь в целом, а не классово разобобщенно.

Межпарадигмальные теории

В.Н. Шубкин и Г.А. Чередниченко относились к Ленинградскому университету, в котором марксизм совмещался с позитивизмом. Однако также, как и марксисты, эти исследователи исходили из первичности социально-экономических факторов для взросления и определения молодежи. Они изучали, насколько совпадает потребность общества в кадрах и престиж в молодежной среде [Чередниченко, Шубкин, 1985]. Было выявлено, что существует разрыв между тем, что нужно обществу и профессиональными намерениями молодых. На это было предложено влиять через манипуляции с профессиональными установками молодежи, а также через изменение образовательной и профессиональной подготовки. Также исследователи связали влияние демографических факторов («эха войны», миграций, пола) на выбор профессии. Для Шубкина и Чередниченко молодежь не пассивна. Становясь частью трудового процесса, она участвует в создании новых условий труда, меняя систему в соответствии со своими стремлениями.

Также в проведенных исследованиях участвовали Ф. Гажо, З. Бекеш, Е. Андрич, К. Господинов, Л. Иорданова, Е. Кынева, В. Хальтиннер, С. Косел, П. Сак [Луков, 2012, с. 216].

Один из последователей Д.Л. Константиновский продолжил изучение ориентаций и реальных жизненных путей [Константиновский, 2008]. Он сделал вывод о том, что личные планы молодежи необходимо принимать во внимание при изучении социального конструирования реальности молодежью. Формирование личных планов – важная часть социализационного процесса.

М.Н. Руткевич также изучал взаимосвязь профессионального становления с взрослением [Руткевич, 2002]. Руткевич считал, что потребности общества и система образования не могут быть полностью согласованы, и изучал возникающие между ними противоречия. Он полагал, что жизненные планы, профессиональные предпочтения, отношение к учебе, ценности определяются состоянием общества. Ввел понятие «социально-профессиональная ориентация молодежи», под которым понимал поиск индивидом своего места в социальном «пространстве» (в социальных группах, институтах) и стремление стать частью какого-то социального слоя, какой-то профессии.

Шведский социолог Ю. Хартманн работал в ключе парсонсианской традиции и исследовал взаимосвязь социоэкономических событий со взрослением. Он считал, что обучение в школе, безработица и выход на рынок труда могут служить показателями интеграции молодежи во взрослое общество [Hartmann, 1986].

1.2.3.3. Социопсихологическое направление социологических теорий

Отечественные представители данного направления также работали в Ленинградском университете и придерживались «двойного научного стандарта», объединявшего марксизм и позитивизм. Одним из наиболее ярких представителей направления является И.С. Кон, известный отечественный философ, историк, психолог, сексолог, социолог и просветитель, работавший на стыке философии, социологии и возрастной психологии. В своей книге «Социология личности» [Кон, 1967] Кон не только проанализировал самостоятельно переведенные работы Т. Парсонса, Ч.Х. Кули, Дж.Г. Мида, Э. Эриксона, М. Мид, но и создал возможность парадигмального перехода от марксизма к структурному функционализму и символическому интеракционизму. Он первым в СССР концептуализировал понятия социализации, социального статуса и роли, социальной зрелости, референтной группы и так далее. Согласно определению Кона, вошедшему в Большую советскую энциклопедию [Большая советская энциклопедия. 3-е изд., 1974, с. 478], молодежь – это социально-демографическая группа, объединенная

возрастными характеристиками, социальным положением и определенными социально-психологическими свойствами. Молодость универсальна как биологический этап, но возрастные рамки, социальный статус и социально-психологические свойства разнятся в зависимости от общественного строя, культуры и особенностей социализации в данном обществе. Кон считал, что молодость – это не период подготовки к зрелости, а самостоятельный жизненный этап, обладающий собственной ценностью и значимостью.

По Кону, социализация – это процесс усвоения определенной системы знаний, ценностей и норм, дающих возможность индивиду стать полноправным членом общества. В социализации есть как социально-контролируемые аспекты (воспитание), так и стихийные. Г.М. Андреев, А.И. Ковалева критикуют данное определение, т.к. в нем упущена двусторонняя природа социализации: индивид не только интериоризирует нормы и ценности, но и преобразовывает их, изменяя таким образом общество. В дальнейших работах Кон учитывает этот комментарий. Также он утверждает, что существует множество разных институтов и агентов социализации, которые не составляют цельную иерархическую структуру. Это повышает неопределенность и вероятность социализации: у индивида появляется большая степень автономности от институтов; при наличии жестко зарегулированных формальных институтов индивид больше тяготеет к участию в неформальных группах. Главным выводом теории социализации Кон считает представление о взрослеющем индивиде как об активном субъекте саморазвития.

Кон предложил следующую периодизацию возрастов: 11/12-14/15 – подростковый возраст, 14/15-18 – юношеский, 18-23/25 – поздняя юность или начало зрелости. Взрослость по Кону «означает не только приспособленность к наличным жизненным условиям и способность их воспроизводить. Это также самостоятельность, способность инициировать нечто новое, социально ценное и умение реализовать свои идеалы в практической, совместной с другими людьми, деятельности» [Кон, 1980, с. 191]. В качестве критериев взрослости выделяются самостоятельность и чувство ответственности за принятые решения и их последствия. По Кону, субкультура – это производная от культуры взрослых; она изменчива и неустойчива, но реальна и имеет ряд устойчивых элементов: ценности, нормы, предпочтения, одежда, внешний вид, чувство общности и солидарности, ритуалы общения. Кон выделяет возрастной символизм в качестве подсистемы культуры, в которую входят: нормативные критерии возрастов, предписываемые свойства возрастов и возрастные стереотипы, символизация возрастных процессов, возрастные обряды и субкультура. Междисциплинарный и межпарадигмальный подход Кона к изучению молодежи заполнил почти все пробелы в социологии молодежи советского времени и позволил ей выйти за узкие рамки марксистского подхода.

Еще одним крупным исследователем молодежной тематики советского периода является С.Н. Иконникова, также представляющая ленинградскую школу социологии молодежи и работавшая на стыке социологии и социальной психологии. Для нее молодежь – это классово-дифференцированная социально-демографическая группа людей в возрасте 16-30 лет, характеристики которой зависят от социально-политического строя и исторической ситуации [Иконникова, 1974]. В основе подхода Иконниковой лежал структурно-функциональный подход. Далее ее взгляды развивал В.Н. Боряз [Боряз, 1973]. Он считал, что возраст – это мера накопленных природных и социальных качеств. Взросление происходит с насыщением личности новыми социальными ролями (то есть освоение новых ролей замедляется или останавливается). Достижение максимальной эффективности функционирования личности также свидетельствует о завершении взросления. На основе обретения молодежью субъектных позиций в обществе были выделены стадии, которые проходит молодежь в процессе взросления.

Эстонский социолог М.Х. Титма развил идеи Иконниковой, Лисовского и Шубкина о самоопределении молодежи в целом цикле эмпирических работ [Титма, 1975; Титма, Саар, 1986]. Он считал, что молодые люди интегрируются в общество через самоопределение. Общество дает возможности молодежи самостоятельно выбрать направление своей жизни и решить ведущие жизненные проблемы. Титма отмечает, что уровень развития общества ограничивает возможности выбора жизненного пути.

В.Б. Голофаст считал окончанием взросления завершение биологического созревания, достижение психологической зрелости, усвоение социального опыта, характерного для взрослого [Голофаст, 1969]. Причем последний пункт, по Голофасту, представляет из себя социализацию – двуединый процесс, состоящий в интернализации социального опыта и в реальном использовании его, в результате чего формируется система взаимосвязей индивида со взрослым окружением. Исследователи Ленинградского университета с ним не соглашались (И.А. Громов, С.Н. Иконникова, В.Т. Лисовский, Ф. Тенбрук, Г. Шельски, Е. Книрк), считая, что верхняя граница молодости может быть определена проще: возрастом максимальной включенности молодежи в производственную деятельность. Например, в качестве критерия такой включенности может быть использован коэффициент экономической активности населения, равный 25-30 годам в зависимости от страны и исторического момента.

Процесс социализации в социологии часто рассматривался с социально-психологических и педагогических позиций: например, у И.С. Кона, Г.М. Андреева, А.В. Мудрика [Мудрик, 2011]. А.И. Ковалева считает, что социализация – двусторонний процесс: общество передает, а индивид осваивает социальные нормы, ценности, образцы

поведения, характерные для данного общества [Ковалева, 2003]. Общество создает эталоны социализации и типические социальные атрибуты (язык, мировоззрение, способы поведения), закрепляя их в институтах. Ковалева разграничила социальные нормы, а также социализационные нормы и траектории. Социализационная норма – результат успешной социализации, многоаспектный эталон социализированности индивида, совокупность правил передачи норм и ценностей. Социальная норма регулирует поведение индивида и группы, а социализационная – это усвоение социальной нормы. Социализационная траектория – это индивидуальная совокупность характеристик направленности, хода и результативности социализации, интегральный показатель характера социализации. Здесь важно учитывать влияние среды, субъектность и положение индивида в процессе социализации. Траектория – это динамическая характеристика социализации, измеряемая во времени. Предложенное Ковалевской направление продолжили А.С. Свиридова, М.И. Очковский, М.Н. Реут, Т. Жулковская, У. Тарновская-Якобец, В.И. Филоненко и другие.

1.2.3.4. Культурологическое и антропологическое направление социологических теорий

Данная группа теорий объединяется подходом к молодежи с точки зрения ее свойств и функций в культуре. Ф. Знанецкий первым предложил подобный угол зрения в своей концепции наук о культуре в 1952 году [Znaniecki, 1992]. Он разделял человеческие сообщества в зависимости от господствовавшего культурного порядка и считал молодежь культурным феноменом. По его мнению, учителя передавали молодежи культурные ценности во время процесса обучения. Работы последователя Знанецкого, Ю. Халасиньского, создали базис для развития социологии молодежи в Польше [Chałasiński, 1958]. Он считал, что молодость – это не физиологическое состояние, а часть культуры, социальный институт; что это общественное представление, а не некая объективная данность. В образовательном процессе ведущую роль Халасиньский отдавал не учебному классу, а школе. Класс – это производная от школы, не являющаяся самостоятельной историко-социологической единицей.

Дальше эту идею развивал Х.М. Гризе в Германии [Griese, 1977]. Он полагал, что феномен молодежи имеет не биологическую, не природную, не возрастную природу, а социокультурную, общественно-историческую. Молодежь зависит от социокультурного порядка, от тех экономических и исторических условий, в которых она находится. Молодежь – общественный продукт. Впоследствии данный подход также развивался П. Уиллисом, И.А. Полуэхтовой, В.А. Шапинским, Ю. Циннекером, В. Пууроненом, Ю. Бугом, М. Карамзиным, Х. Вулфом, Ф. Ван дер Линденом, О. Галланом, Б. Шеферсом, А.

Шерром, В. Шубартом, В. Мельцером, И. Рихтером, У. фон Дюкером и другими [Луков, 2012, с. 168–170]. В Советском Союзе переход от социально-экономического к социокультурному подходу в социологии молодежи был обозначен в работах В.Т. Лисовского [Лисовский, 1996]. Он относил к молодежи индивидов 16-30 лет и считал, что молодежь – это поколение людей, усваивающих образовательные, профессиональные, культурные и иные функции в процессе социализации.

Серьезный вклад в развитие теорий молодежи внесли социальные антропологи. Чаще всего, их концепции формировались под влиянием таких структурных функционалистов как Э. Дюркгейм, Б. К. Малиновский, А. Рэдклифф-Браун. Малиновский создал направление «культурализм», где совмещался научный подход и художественное обобщение антропологических данных. Рэдклифф-Браун – это структурализм, где центральным элементом являются социальные структуры. Сбор эмпирического материала социальные антропологи вели по аналогии с исследованиями примитивных народов, что позволило надолго закрепить функционалистский методологический подход в исследованиях молодежи. Альфред Реджинальд Рэдклифф-Браун [Radcliffe-Brown, 1929] и Рут Бенедикт [Benedict, 1938] дали трактовки возрастной группы и возрастного ранга, которые стали основой для структурно-функционального подхода. Возрастная группа – общность людей одного возраста, а возрастные ранги – этапы жизни. Также Бенедикт полагала, что культура может быть представлена в разных конфигурациях, и в каждой из них есть своя система норм и образцов, которые задают границы для поведения, мышления и самореализации индивидов [Benedict, 1934]. Индивид осваивает культуру в процессе социализации. В зависимости от разницы в требованиях ко взрослым и детям, переход во взрослую жизнь может быть легче или труднее.

М. Мид, известная социолог, этнограф и антрополог, выдвинула предположение о связи типов культур с взаимоотношениями поколений [Mead, 1970]. Она выделяла постфигуративную, конфигуративную и префигуративную культуры, где первая максимально ориентирована на прошлое и поддержание традиций, а последняя – на будущее и развитие. По ее мнению, на некоторых витках истории молодежь перестает быть ведомой и начинает принимать активное участие в формировании мира на своих правилах, разрушая устаревшие нормы, институты и порядки. По ее мнению, если раньше старшие могли сказать младшим: «я знаю, как правильно, потому что я был молодым, а ты не был старым», то сейчас молодежь может парировать: «ты никогда не был молодым в мире, где молод я». В таком префигуративном мире уже сложно сказать кто взрослый, а кто ребенок. Границы возрастных групп стираются, функции перемешиваются. Российские социологи критиковали концепцию Мид с разных позиций: И.С. Кон считал, что все новации

молодежи все равно основаны на достижениях прошлого, что Мид не дает конкретного определения поколений, объекта межпоколенной трансляции. С.Н. Иконникова соглашалась с тем, что отношения между поколениями и темпы развития общества взаимосвязаны, но считала, что молодежь во все времена обладала новаторскими свойствами и что (как у Кона) эти новации не настолько и новы.

Ш.Н. Эйзенштадт (вслед за Мид и Рэдклифф-Брауном) разработал концепцию возрастных групп [Eisenstadt, 1956]. Он полагает, что возрастные группы появляются в очень конкретных социальных условиях, а именно, там, где семья не может обеспечить индивиду достижение полного социального статуса (или даже препятствует этому). В новых условиях семья становится неспособной обеспечить всестороннюю социализацию индивида, поэтому ей на смену на определенном этапе социализации приходит молодежная группа. Группа стоит как бы в оппозиции семье, так как в ней происходит смена ролей от тех, что были в семье к тем, которые требует общество. Эйзенштадт предлагает типологию молодежных групп, куда включает как неформальные, так и институционализированные группы (например, молодежные движения, комсомол). Он выделяет следующие характеристики возрастных групп: молодежные группы существуют в жизни индивида в юности и ранней взрослости, но членство в них не обязательно и неодинаково; возраст, таким образом, один из устойчивых критериев для вступления в группу; небольшие первичные группы составляют ядро более крупных и формальных организаций; группы влияют лишь на часть жизни индивида.

Также субкультурный подход развивал Ф. Тенбрук. Книга Тенбрука «Молодежь и общество. Социологические перспективы», написанная в 1962 году [Tenbruck, 1962], положила начало становлению социологии молодежи в Германии. По Тенбруку, молодежь – это промежуточный этап между детством и взрослостью, подготовка к вступлению в культуру; это культурный фильтр, через который некоторые элементы отсеиваются, а другие – добавляются. Именно благодаря молодежи достигается сохранение и непрерывность существования социальной системы. Одной из ключевых в концепции Тенбрука является теория социализации. Как и Эйзенштадт, он считал, что семья имеет ограниченное воздействие на индивида в период социализации. Чем сложнее общество, тем шире становится «радиус» социализации, выходя за рамки семьи, поэтому с ростом ролей в обществе, растет число ролей, которым индивид должен обучаться вне семьи. Как у М. Мид, Ч. Кули, Э. Эриксона, главным звеном теории Тенбрука является социально-ролевая позиция. Молодежь – это явление историческое и совсем не универсальное для разных культур. В современных обществах социализация выходит за пределы полового созревания, и во взросление добавляется социальная компонента, из-за чего молодежные

роли размываются и становятся далеки от традиционных, теряют четкие правила и границы. Тенбрук отмечает, что взросление растягивается во времени и становится весомой частью жизни; что молодежь в современных обществах описывается характеристиками «неустойчивая», «ненадежная», «аморфная», но это не вина молодежи, а следствие размытости границ молодости и молодежных ролей; что молодежи присуща собственная «частичная культура» (Teilkultur), которая становится ведущей для индивида на этапе взросления; что молодежь развитых стран становится похожа друг на друга. Критика концепции была направлена на преувеличении влияния молодежной субкультуры на индивида; на ошибочное представление о схожести протекания взросления в развитых обществах; на недостаточной эмпиричности исследований.

Помимо уже перечисленных исследователей молодежь через призму субкультуры также изучали А.И. Шендрик, Б. Шеферс, А. Шерр, Д. Ринк, Л. Розенмайр, Э. Кёкайс, Х. Кройц, Р.Р. Белл, Ф. Элкин, У. Уистли, М. Брейк, Р. Парк, Ф.М. Трэшер, К.Р. Шоу, Х. Маккей, Х. Гезекке, С.И. Левикова, Ю. Циннекер, П. Уиллис, П. Фос. Общая критика субкультурного подхода сводится к тому, что доподлинно нам еще не известны факторы, определяющие развитие субкультур, и что субкультура ставится в противовес господствующей культуре, но еще никто не предложил однозначных критериев для выделения последней. Также из-за того, что субкультура, в основном, проявляется в сферах развлечения и досуга, социологи, занимающиеся данной тематикой, являются скорее социологами в сфере молодежного досуга [Луков, 2012, с. 178–195].

Еще одно направление культурологических теорий – теории контркультуры. Термин «контркультура» был введен Т. Роззаком в 1969 году [Roszak, 1969]: это молодежный вызов рациональной традиционной культуре, технократии. Альтернативное будущее возможно только при реализации молодежного романтизма. Ч.Р. Миллс считал, что студенческие бунты 1960-х годов – это иллюстрация того, в современном обществе основной силой социальных перемен становится молодежь, и именно это приведет к структурным изменениям общества [Mills, 1960]. К подобным воззрениям также относят работы фрейдомарксиста Г. Маркузе «Одномерный человек» (1964 г.), гешталь-терапевта П. Гудмена, психологов и психиатров Н. Брауна, А. Уатса, Т. Лири. Также идеи контркультуры развивает Ч. Рейч в книге «Зеленеющая Америка» [Reich, 1970]. Он видит альтернативу современному обществу в революции, совершаемой сознанием – новом виде революции, совершенной индивидом и культурой. Он обращается к когнитивным характеристикам индивидов разных эпох и выделяет традиционное «Сознание I», присущее американскому фермеру; «Сознание II», характерное для первой половины 20 века; «Сознание III» - новый тип сознания. Последнему типу сознания присуща ценность свободы личности, отсутствие

дискриминации по полу, возрасту, расе, статусу, отсутствие эгоизма. «Сознанию III» присущи следующие элементы новой (молодежной) культуры: одежда, музыка, община и карьера, не связанная с управлением. Критика этой концепции сводится к тому, что описание нового сознания утопично: нельзя падать из крайности жестко зарегулированного технократического общества в крайность свободной общины с наивными и по-детски непосредственными людьми. Тем не менее, феномен контркультуры получил свое развитие еще в ряде работ, например, Э. Тириахьян и П.С. Гуревича. Основная идея подхода осталась в конфликте поколений, в противопоставлении наличествующей культуры молодежной контркультуре. В России также было несколько исследователей, работавших в рамках структурно-функциональной парадигмы и отдававших ведущее место культурной компоненте в процессе обретения молодежью своих позиций.

Подведем итог социологическим теориям с культурологическим и антропологическим наклоном: они позволили определить новые свойства молодежи, выявить внутреннюю структуру и механизмы функционирования молодежной культуры, способы взаимодействия молодежи с внешней средой. Также сделан большой вклад в понимание социализации индивида, в изменение статусов и ролей в период взросления, в осознание причин и последствий межпоколенных конфликтов.

1.2.3.5. Междисциплинарные социологические теории

Социологи гораздо чаще, чем психологи, проводят исследования в междисциплинарном поле, объясняя феномены молодежи, молодости, взросления через биологические, психологические, культурные, исторические, социологические, демографические и другие факторы. Зачастую довольно сложно отнести ту или иную теорию к конкретной дисциплине или дисциплинам, так как количество учитываемых аспектов очень велико. Для отечественных исследователей также характерна уже упоминавшаяся ранее межпарадигмальность – когда ученым, жившим в СССР, удавалось выходить за рамки марксизма-ленинизма и обращаться к иным парадигмам в своих исследованиях. Самый яркий пример – Ленинградский университет и такие исследователи как Кон, Иконникова, Шубкин, Чередниченко и другие.

В данном разделе мы представим те социологические подходы, которые образовались на стыке разных дисциплин и парадигм и которые трудно отнести к четырем уже освещенным направлениям социологических теорий.

Молодежь как агент обновления общества

Социолог, с которого мы начнем – К. Мангейм. Его взгляды сформировались под воздействием таких ученых как Д. Лукач, Э. Гуссерель, Г. Риккерт, В. Дильтей, М. Вебер, М. Шелер и др. Один из главных интересов Мангейма – *проблема поколений*, тесно связанная с феноменами молодежи и взросления. Взгляды опираются на французский позитивизм (О. Конт, А.-О. Курно, Ж. Дромель, Ф. Мантрэ) и романтико-исторические взгляды немецких исследователей (В. Дильтей, М. Вебер, В. Пиндер, Ф. Тённис). Проанализировав существующие подходы к проблеме поколений, Мангейм отвергает и позитивизм, и романтико-историческую интерпретацию, формируя собственную концепцию [Мангейм, 1998]. Он вводит термин «социальное местоположение» – это общность время рождения, социального и исторического опыта, поведения и мировоззрения, то есть совокупность биологических и социопсихологических факторов, объединяющих людей. Поколение – частный случай социального местоположения. Вслед за Аристотелем Мангейм говорит об энтелехии поколения (движущей силе, энергии поколения). Для него это взаимосвязанное понятие с социальным местоположением. Местоположение обладает структурностью и закладывает основания для коллективных импульсов, а энтелехия – это реализация подобных импульсов. Внутри поколение может быть неоднородно и даже состоять из групп (секций), настроенных друг против друга, но если они взаимодействуют или хотя бы знают друг о друге, то такая социальная «близость» и создает феномен поколения. Одно поколение участвует только в одном моменте исторического процесса, поэтому смена поколений важна в обновлении общества – чтобы культурное наследие передавалось дальше. Дух эпохи чаще всего принадлежит основной социальной группе данного момента времени. Следующие друг за другом поколения накладывают свои энтелехии на общие энтелехии, видоизменяя таким образом дух времени и культуру.

Мангейм вводит термин «свежий контакт» – это то, что сопровождает встречу с чем-то новым. Например, при смене социального статуса у индивида происходит такой свежий контакт, то есть перестройка сознания, жизни, прибавление новых психофизических качеств. У поколений, как и у индивидов, происходят свежие контакты. Для поколений выделяются два типа таких контактов: социальные и витальные (биологические). Социальные контакты предполагают сдвиг в социальных отношениях, а витальные предполагают вхождение нового поколения в культуру и следующее за этим обновление общества. При отсутствии смены поколений витальных трансформаций не было бы, и общество бы стагнировало. Также с этим процессом обновления связана социальная память и забывание. Для общества важно одни идеи и действия придавать забвению, а другие

помнить и воспроизводить. Забывание омолаживает общество, делая возможными новые опыты и адаптацию к изменениям. Мангейм считает, что молодежь – это тот ресурс общества, от мобилизации которого зависит жизнеспособность общества [Мангейм, 2010]. Молодежь нейтральна (не прогрессивна и не консервативна), а вектор ее развития задает само общество. Линию Мангейма продолжает огромное количество последователей: Х. Шуман, Дж. Скотт, Л.С. Фойер, А. Турен, Б.В. Дубин, В.В. Семенова, М.В. Вдовина, Ч.К. Ламажаа и другие.

Г. Шельски также является последователем идей Мангейма и, отчасти, Малиновского. Шельски считал, что в индустриальном обществе у молодости нет самостоятельной социальной роли – она – лишь *переходный этап между детством и зрелостью* [Schelsky, 1960]. Педагоги и психологи были сильно не согласны с данной трактовкой, но, тем не менее, предложенное Шельски понимание социальной роли оказалось эвристичным. Он считал, что роль – это динамический аспект статуса. Молодежь переходит от несамостоятельной роли ребенка к самостоятельной роли взрослого через период взросления, наполненный зачастую противоположными требованиями. Это приводит к появлению неуверенности, конфликтам и страху. Также Шельски подчеркивает важность конкретно-исторических условий для формирования поколений.

Категоричное несогласие с позициями Шельски выразил Л. Розенмайр с коллегами. Он полагал, что молодость – это отдельная *стадия жизненного пути*, а не переходный этап, что молодежь – это социальная общность [Rosenmayr, 1971]. Нижнюю границу взросления он считал неверно определяемой только по старту полового созревания, т.к. и до старта биологических трансформаций индивиды могут демонстрировать поведение, характерное для подростков (тинейджеров). То есть не биологические факторы, а социальное поведение, накопленные социальные отношения должны стать индикатором начала взросления. Окончание взросления Розенмайр определяет как переход из категории «молодой» в категорию «молодой взрослый»: молодой взрослый обладает социальными позициями, которые для молодого еще недоступны. Однако и у молодого взрослого встречается ряд ограничений, например, недоступность некоторых узаконенных статусов.

Еще одним последователем Мангейма является испанский философ Х. Ортега-и-Гассет, который в основу понятия поколения положил идею *трансформации общества* [Ортега-и-Гассет, 2016]. Он считал, что срок активности поколения – примерно тридцать лет, и первая половина этого периода уходит на распространение поколением своих идей и предпочтений, которые утверждаются и господствуют в течение второго отрезка времени.

Структурные функционалисты М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги считают, что молодежь включается в общество двумя путями: через интеграцию в культурные,

нравственные, политические традиции общества и через дифференциацию посредством образовательной и профессиональной селекции [Горшков, Шереги, 2010]. Социализуясь, индивид либо принимает существующие в обществе нормы, что приводит к бесконфликтной передаче межпоколенного опыта, либо не принимает, и тогда образуется конфликт. Данные авторы считают, что социализация – это подготовка молодежи к ролевой функции в обществе, в результате которой у индивида должна произойти комплексная социально-статусная самоидентификация в профессиональной, семейной, общегражданской сферах жизни.

И.М. Ильинский придерживается *социально-философского гуманистического подхода*. Он считает, что человек, его выборы, его молодость ценны сами по себе. Молодость – это биосоциальное свойство индивида, а также достояние общества. Долгое время Ильинский изучал комсомол как общность, активно влияющую на свою социальную среду. С распадом СССР он стал изучать молодежь в целом, понимая ее как особую группу общества, являющуюся общечеловеческим достоянием. Его концепция молодежи [Ильинский, Алещенок, Володин, 1999] гласит, что молодежь – большая специфическая возрастная подгруппа; объективное общественное явление; часть общества; биосоциальное, конкретно-историческое явление; одновременно и объект, и субъект социализации. Молодежь, чаще всего, очень зависима от родителей, государства, чаще всего еще не включена в трудовую жизнь и живет в кредит, не готова брать полную ответственность за свои решения, находится в ситуации выбора профессионального направления, находится в состоянии духовного и нравственного поиска, а также в состоянии выбора партнера и принятия решения о деторождении. Ильинский считает, что только комплексные междисциплинарные исследования могут дать достоверное представление о феномене молодежи. Ильинский также предложил концепцию молодежной политики, суть которой состоит в регулировании межпоколенческих отношений.

Взгляды В.И. Чупрова, как и у Ильинского, берут свое начало в *марксистской философии*, а находят продолжение в *структурном функционализме*, как у Горшкова и Франца. Чупров предложил концепцию социального развития молодежи [Чупров, 1994]. Молодежь для него – это социально-демографическая группа, задача которой состоит в следующих функциях: воспроизводственной (воспроизводство социальной структуры), инновационной (добавление нового в структуру) и трансляционной (преемственность) функциях. Его последователи: Е.Д. Игитханян, И.В. Казаринова, А.Н. Колесников, М.В. Савва, М.В. Соловьев, А.В. Шаронов и другие.

Ученица Чупрова Ю.А. Зубок предложила *рискологическую концепцию* молодежи [Чупров, Зубок, Уильямс, 2003]. Она объединила проблематики общества риска и социального развития молодежи, создав методологический инструмент для описания и понимания молодежи. Риск представлен как одно из сущностных свойств молодежи. Риск возникает из-за переходного состояния молодости как этапа жизненного пути, влияния социокультурных изменений, изменений механизма социального взросления и реализуется в процессе инновационной деятельности. Критика предложенной концепции сводится к проблеме ее внутренней противоречивости: Зубок не считает молодежь саморазвивающейся системой, но в то же время признает ее целостность. Создается противоречие, т.к. молодежь, как целостную структуру, сомнительно считать несаморазвивающейся. Также остается непонятным, что является мерой социальной зрелости в аномичном обществе [Луков, 2012, с. 279].

Концепция жизненного пути в социологии

Одна из самых известных и влиятельных междисциплинарных парадигм – *концепция жизненного пути*¹ (КЖП) – была предложена психологами, качественно разработана социологами и далее интегрирована в свои науки представителями самых разных дисциплин (демографии, антропологии, политологии, геронтологии и другими)². Мы подробно рассматриваем КЖП в социологическом разделе этой главы, т.к. именно в рамках социологии сформировалось целое направление «социология жизненного пути», давшее начало не только теоретическому, но и методологическому осмыслению подхода.

В 1920-х годах уже известная нам психолог Ш. Бюлер предложила такое понятие как жизненный путь и провела ряд эмпирических исследований в Венском психологическом институте [Buhler, 1971]. Параллельно ей отечественный психолог Н.А. Рыбников предложил биографический метод изучения жизни человека [Логинова, 2006]. Идеи Бюлер активно развивались Л. Франком, Дж. Трамсдорфом, Х. Лэммом, Ж. Нюттеном, Г. Томэ; идеи Рыбникова продолжали С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, А.А. Кроник, Е.И. Головаха, К.А. Абульханова-Славская, Н.А. Логинова и другие.

В 1964 году Л. Кейн младший представил парадигму жизненного пути социологам [Cain Jr., 1964], а несколькими годами позже, на конференции Американской социологической ассоциации, было предложено перейти от понимания жизни как цикла к пониманию жизни как пути [Мещеркина, 2002]. Вместо того, чтобы исследовать жизнь как

---

¹ Концепцию жизненного пути (life course concept, life course perspective [Elder Jr., 1975]) также называют теорией жизненного пути (life course theory [Elder Jr., Johnson, Crosnoe, 2003], life course framework), парадигмой жизненного пути (life course paradigm [Elder Jr., 1995a]).

² КЖП была рассмотрена нами в специальной статье [Тындик, Митрофанова, 2014].

череду привязанных к определенным возрастам социальных ролей, следует изучать жизнь как последовательность значимых событий, формирующих социальные роли.

Появление КЖП изменило многие каноны проведения исследований того времени. До появления концепции в исследованиях психологов и социологов изучались, в основном, только мужчины, жители больших городов [Кон, 1989, с. 3]. Индивид, время, социальные структуры воспринимались как нечто статичное. Понимание жизни как цикла казалось естественным. Термин «развитие» был применим, в основном, к детству и детям. С развитием КЖП произошло переосмысление всех этих позиций, в том числе, доминировавшей в те годы концепции социализации. На смену ролевой модели пришла идея социализации (и развития) в течение всей жизни. Достаточно скоро концепция приобрела в социологии положение, близкое к господствующему [Alwin, 2012; Levy, 2005; Levy и др., 2005]. Помимо хорошо разработанной теории, в рамках концепции также быстро развивалась и методология. Благодаря возможности апробировать новые подходы на эмпирических данных, методологическая компонента совершенствовалась весьма быстрыми темпами, и достаточно скоро показала свою состоятельность и перспективность.

Среди отечественных социологов первыми термин «жизненный путь» стали использовать И.С. Кон [Кон, 1999] и М.Х. Титма [Жизненный путь поколения: его выбор и утверждение, 1985; Начало пути: поколение со средним образованием, 1989; Титма, 1975; Титма, Голенкова, 1997; Титма, Саар, 1986]. Но до сих пор работы, проведенные в рамках КЖП, в отечественной социологии остаются весьма фрагментарными. Концепция хорошо инкорпорирована в теоретический слой [Мещеркина, 2002; Ежов, 2005; Блоссфельд, Хьюинк, 2006; Солодников, Солодникова, 2009а; Рождественская, 2012; Солодников, Солодникова, 2009b], но редко апробируется эмпирически. Подробнее мы поговорим об этом в параграфе «Количественные методы сбора и анализа биографических данных».

Основные понятия концепции

КЖП различает понятия времени жизни, жизненного цикла и жизненного пути [Кон, 1999; Мещеркина, 2002; Фазылова, 2002; Рождественская, 2012]:

- *время жизни* (life path, life time, life span) – временной интервал от рождения до смерти – хронологические рамки существования человека – без внимания к внутренней структуре наполненности жизни;
- *жизненный цикл* (life cycle) – усвоенная личностью последовательность этапов, представляющих определенный цикл, движение по кругу; цикл мало изменчив во времени и пространстве; понятие цикла применимо скорее к населению в целом, к организациям или общностям, например, семье;

- *жизненный путь* (life course) – структурированная последовательность значимых событий жизни, приводящих к смене социальных статусов, включенных в социальную структуру общества в данный исторический момент [Smelser, Baltes, 2001, с. 8817]¹.

В конце 70-х годов Д. Холтч и К. Племоис предложили понятие «жизненное событие», которое представляет собой особый, примечательный случай в жизни индивида, приводящий к смене социального статуса. Многие из этих событий переживаются практически всеми людьми (например, свадьба, рождение ребенка, смерть близкого и т.д.) и составляют биографический каркас жизни.

Понятия и «жизненного пути», и «жизненного цикла» имеют глубокие исторические корни. В древности, когда основное внимание человека было направлено на природу, многие ее явления переносились на жизнь людей, и наоборот. Так, жизнь человека отождествлялась с рождением и увяданием природы, а природный цикл, состоящий из чередующихся сезонов, был соотнесен с течением человеческой жизни, состоящей из взросления, зрелости, старения и смерти. Также проистекание жизни сравнивалось с движением солнца по небосклону, чередованием дня и ночи. Каждая культура по-своему увязывала природные явления с жизнью человека, но эти аллегории объединяло то, что жизнь человека была подчинена некому предписанному распорядку, менять который человек был не в силах.

Позднее, когда общество усложнилось, появились профессии, звания, социальные статусы, когда человек, используя собственные способности, стал получать эти социальные «знаки отличия», возникло понятие «жизненного пути». На Руси одним из значений слова «путь» была должность при дворе князя. Тех бояр, которым не удавалось получить какую-нибудь должность, называли непутевыми, беспутными. Также «путем» называли доход. Поэтому те, кто не имел дохода, а значит и статуса, не имел и пути.

Эти внутренние смыслы понятий «жизненного пути» и «жизненного цикла» имеют большое значение для понимания их сегодняшних значений. «Жизненный цикл» по-

---

¹ Другие определения:

Жизненный путь – это «история формирования и развития личности в системе общественных отношений, которая детерминирована онтогенезом, с одной стороны, социальными обстоятельствами — с другой, и, наконец, этическими, нравственными отношениями человека к другим людям, к миру и к себе» [Котельникова, 2014].

Жизненный путь – это мультиуровневый феномен, который пронизывает институциональный, организационный и индивидуальный уровень траектории жизни [Ежов, 2005].

Жизненный путь – это одна из структур упорядочивания повседневности [Рождественская, 2012].

Как социальный институт, жизненный путь означает, с одной стороны, регулирование жизни последовательным ее течением, а с другой – это структурирование горизонта жизненного мира, на который ориентируется и в рамках которого планируют свои события индивиды [Мещеркина, 2002].

Исчерпывающий перечень терминов КЖП с определениями дан в статье Д. Алвина [Alwin, 2012, с. 208].

прежнему отсылает нас к замкнутой системе, в которой движение происходит по кругу с заранее определенными этапами. А «жизненный путь» сочетает в себе индивидуальные стремления личности, его возраст и тот исторический контекст, в котором живет человек.

Согласно КЖП, в современном обществе развитие индивида продолжается в течение всей жизни. При определении положения человека в социуме на первый план выходит не возраст, а этап жизненного пути, на котором находится индивид. Каждому этапу соответствует набор социальных статусов, обретаемых через совершение событий. В течение своей жизни индивид, взаимодействуя с разными институтами и с другими индивидами, осуществляет смену социальных статусов и ролей, переходя из одного этапа жизни в другой. Этапы жизни формируются этими институтами и социальными ролями. Некоторые события и переходы в новые социальные статусы являются желательными, другие – рискованными, третьи – нежелательными [Levy, 1997]. В каждом обществе свой набор подобных категорий.

Г. Элдер-младший с коллегами обобщили основные принципы КЖП в пяти пунктах [Elder Jr, Johnson, Crosnoe, 2003]:

- развитие и взросление человека в течение всей жизни (life-span development);
- активность индивида и принятие им решений (human agency) в рамках конкретных исторических и институциональных условий;
- влияние времени и места на индивидуальный жизненный путь: контекст истории;
- значение возраста наступления событий (timing) на дальнейшую биографию;
- взаимосвязь с жизнями других людей (linked lives).

Темпоральность и множественные часы

В качестве ответвления КЖП можно выделить изучение жизненного пути через призму *темпоральности*. Социологи понимают темпоральность в близком значении к тому, что мы видели у А.В. Болдачева в разделе, посвященном философии. Вообще тема времени и темпоральности в социологии имеет много общего с ее философским пониманием. На наш взгляд, статью М. Миллс «Представление пространства для времени [Mills, 2000b] можно считать одним из лучших разборов данной темы.

Классический мультиуровневый подход (изучение явлений на микро-, мезо- и макроуровнях) Миллс противопоставляет мультिवременному. *Мультиуровневый* подход часто отражает только пространственные или невременные системы. Классический темпоральный подход представляет время в виде дискретной единицы (возраста, события с точной датой) или интервала (когорты). *Мультивременной* подход представляет время в

виде временной и многоликой категории, в которой одновременно сосуществует сразу несколько параметров (или темпоральностей, часов). До Миллс о необходимости изучения явлений на мультитременном уровне говорило достаточно много исследователей [Schütz, Luckmann, 1973; Event history analysis in life course research, 1990, с. 7; Nowotny, 1992, с. 424; Adam, 1995, с. 12].

Мультитременной подход подразумевает наличие *множественных часов* и календарей (то есть видов времени, темпоральности). Миллс выделяет следующие виды темпоральности: *естественную* (задаваемую естественными процессами в природе и в человеческом организме) и *символически сконструированную* внутри культурной и социальной систем (историческое время, культурное, социальное, институциональное, гендерное и другие).

В процессе модернизации общества человек «колонирует» природное и биологическое время путем контроля естественных циклов природы и организма. Природные циклы «приручаются» технологическими новациями: электричество продлевает световой день; кондиционеры и обогреватели дают независимость от погодных и климатических условий; скоростной транспорт, современные средства коммуникации, получение услуг онлайн экономят время. Биологические циклы «колонируются» достижениями медицины. Изменив образ жизни, режим питания, начав прием определенных гормонов, можно не только увеличить продолжительность здоровой жизни, но и более успешно контролировать наступление различных событий в жизни (например, деторождение – за счет контрацепции и репродуктивных технологий). Также можно быстро и эффективно адаптировать организм к разным режимам сна и бодрствования, получая доступ к контролю самых базовых жизнеобеспечительных циклов.

Адаптирование естественных циклов и ритмов к нашим потребностям снижает значимость естественных часов в формировании жизненных путей современных индивидов. На первое место в этом процессе выходит сконструированное время, являющееся производным от действия различных социальных структур и институтов. Разные институты задают разные ориентиры относительно времени и порядка наступления событий жизни, и так как индивид присутствует в этих институтах одновременно, то они воздействуют на него гетерохронно. Индивид получает возможность выбора того института, который в наибольшей степени соответствует его представлениям, и планирует свой жизненный путь в соответствии со сценариями, имеющимися в этом институте. К таким институтам относят: религию, семью, образование, работу, гендерный календарь. В современном обществе значимость религиозного, семейного и гендерного календаря отходит на второй план, уступая место образованию и работе [Krüger, 1996, с. 130]. То есть

в обществе происходит переориентация с организации своей жизни под воздействием единых для всех природных, биологических, религиозных и культурных циклов и ритмов к следованию за своими собственными предпочтениями и настройке своего календаря наступления событий и биологических ритмов исходя из этих предпочтений.

Переход во взрослую жизнь в рамках концепции жизненного пути

Если в психологии и ее ответвлении КЖП в качестве термина для обозначения процесса взросления наибольшее распространение приобрел термин «*ранняя взрослость*» (*emerging adulthood*), то в социологии и ее ответвлении КЖП закрепился термин «*переход во взрослую жизнь*» (*transition to adulthood*). Разница между подходами психологов и социологов не только в терминах, но и в определении содержания понятий. Психологи больше фокусируются на факторах микроуровня: внутреннем восприятии процесса взросления и обретении психосоциальных компетенций. В психологическом ответвлении КЖП это называется *человеческая активность* (*human agency*) и включает в себя способность самоконтроля, осмысления своих действий, принятия самостоятельных решений, ответственности за свои поступки [Mortimer, Staff, Lee, 2005, с. 131; Schoon, Lyons-Amos, 2016, с. 3]. Социология жизненного пути больше фокусируется на факторах макроуровня: на влиянии различных институтов и контекстов жизни на индивида. Совокупность этих факторов обозначается термином *социальная структура* или просто *структура* (*social structure*) и включает в себя: культурные нормы и ценности, нормативные расписания жизни, стратификацию, институциональные карьеры, социальные роли [Mortimer, Staff, Lee, 2005, с. 131].

В рамках социологии жизненного пути можно дать следующее определение *переходу во взрослую жизнь*. Взросление – это переход от финансовой и эмоциональной зависимости к финансовой и эмоциональной независимости [Smelser, Baltes, 2001, с. 98]; это важный этап жизненного пути, т.к. он существенно изменяет позицию индивида в обществе, его социальные статусы и роли.

Г. Элдер младший и его коллега Д.И. Бенсон считают, что основной критерий перехода во взрослую жизнь – это достижение социально-психологической зрелости и субъективных возрастных характеристик. Чем более синхронно развиваются эти два компонента, тем успешнее и быстрее формируется зрелая личность [Benson, Elder Jr., 2011]. То есть понимание взросления современными социологами расширяется и начинает включать в себя не только факторы макроуровня (социальная структура), но и микроуровня (человеческая активность).

Жизненный путь индивида включает разные компоненты развития индивида – биологический, социальный, психологический, исторический, культурный, демографический, институциональный – имеющие не только разное по силе и смыслу воздействие на человека, но и влияющие на него гетерохронно. Такая разновременность развития разных элементов размывает границы наступления разных этапов жизненного пути [Захаров, 2009, с. 348; Кон, 1979]. Возрастные процессы гетерохронны как на межличностном, так и на индивидуальном уровнях. Межличностная гетерохронность выражается в том, что индивиды созревают и развиваются не одновременно, а разные аспекты и критерии зрелости имеют для них неодинаковое значение. Внутрличностная гетерохронность – это несогласованность сроков биологического, социального и психического развития, а также несовпадение темпов созревания и инволюции индивида, например, темпов физического роста и полового созревания, наличие диспропорции между умственным возрастом и нравственным развитием.

Сегодня социологи сходятся во мнении, что в каждом обществе существует свой набор нормативных моделей жизненного пути и сценариев взросления, которые могут варьировать в зависимости от разных стратификационных признаков (пола, расы, религии и т.д.). Также биографические события и индивидуальные психологические особенности каждого конкретного индивида создают в его сознании уникальный набор критериев и самоощущений, маркирующих для него переход во взрослую жизнь. Биографии перестали быть «стандартными», институционализированными, одинаковыми для всех, а начали становиться деинституционализированными или «настраиваемыми» (choice biography) [Giddens, 1994; Heinz, Marshall, 2003; Huinink, 2013].

В связке с социологией исследованием перехода во взрослую занимается демография. Демография изучает взросление более инструментально, поэтому детальный анализ трансформации перехода во взрослую жизнь мы продолжим в демографическом разделе.

Резюме раздела и дискуссия

В социологии процесс взросления связывается с социализацией, изменением общественного положения, социального статуса. «Юность – определенный этап созревания и развития человека, лежащий между детством и взрослостью» [Кон, 1989, с. 6]; фаза «перехода от зависимого детства к самостоятельной и ответственной взрослости, что предполагает, с одной стороны, завершение физического, в частности, полового созревания, а с другой – достижение социальной зрелости» [Кон, 1989, с. 7]. Выделяется такое понятие как социальный возраст. Он состоит из набора нормативно-ролевых

характеристик, предписываемых определенному возрасту в данном обществе и определяется соотношением уровня социального развития индивида, овладения им социальных ролей с тем, что характерно для его сверстников.

В социологии существует несколько направлений, изучающих переход во взрослую жизнь.

В рамках марксизма возникло такое направление как социология молодежи, т.к. именно это учение впервые стало воспринимать молодежь как проводников общественного изменения («история – есть смена поколений»). Затем молодежная тематика стала активно развиваться Э. Дюркгеймом, Т. Парсонсом, Р. Мертоном, Н. Смелзером, В.Т. Лисовским и другими.

После активных студенческих выступлений в Европе, США и Японии в 1960-х годах многие ученые и политики осознали важность молодежных возрастных групп в социальной динамике и стали целенаправленно их изучать.

В 1970-х годах как отдельное направление начала развиваться социология возраста. В 1972 году М. Райли с коллегами обозначила границы для изучения связанной с возрастом динамики взаимодействия между людьми и ролями [Aging and society, 1972], а десятилетиями позже предложила концепцию возрастной интеграции (в противопоставление возрастной дифференциации) [Riley, Loscocco, 1994]: возрастные границы получения образования, образования семьи, выхода на пенсию становятся все более размытыми вследствие увеличения продолжительности жизни и трансформации этапов жизненного пути. В условиях неопределенности возрастных границ наступления разных событий и этапов жизни люди, хотя и близких и пересекающихся, но разных возрастов неизбежно объединяются в одну группу.

Социологии взросления как отдельного направления в отечественной науке пока нет. В западной литературе встречается термин «sociology of adolescence», но под ним скорее понимается изучение совокупности характеристик молодежи как группы нежели изучение специфического этапа жизни человека (как динамического состояния социализирующихся индивидов). Такого термина как «sociology of transition to adulthood» (социология перехода во взрослую жизнь) нам найти не удалось. Однако с середины 1970-х годов успешно развивается и инкорпорируется в разные науки концепция жизненного пути, в рамках которой выделяется отдельный феномен перехода во взрослую жизнь (transition to adulthood) и предлагается целый спектр количественных и качественных методов по изучению событий жизни, происходящих в этот период.

1.2.4. Демография: подходы к изучению взросления

Структура этого раздела будет несколько отличаться от двух предыдущих. Рассматривая подходы психологии и социологии к взрослению, мы исходили из разбиения наук на дисциплинарные направления, так как подходы этих направлений весьма сильно различаются. В демографии, в отличие от психологии и социологии, сформирован общий подход к феномену взросления, поэтому в данном разделе мы сначала обсудим важные теоретические конструкты дисциплины, а затем, в их рамках и терминах, проанализируем подход к взрослению.

У демографии сформировалось особое, инструментальное отношение к понятиям возраста, времени и взросления. Это категории, позволяющие описать и понять очень многие демографические события и процессы. Несмотря на то, что существуют отдельные направления демографии, посвященные разным производным возраста и времени, например, демография поколений, молодежи, старения и т.д., демографии взросления до сих пор нет, хотя интерес к этому феномену велик.

Интерес демографов к периоду взросления, главным образом, обусловлен наличием следующего ограничения: окончательные выводы о демографическом поведении поколения/когорты можно делать только, когда все ее представители выбывают из-под наблюдения (умирают), а иначе есть вероятность того, что даже в пожилых возрастах люди могут продолжать совершать демографические события. Например, создавать и прекращать брачные союзы, рожать (а также усыновлять) детей, мигрировать и прочее. Для того, чтобы иметь возможность сравнивать поведение еще живущих людей, необходимо выбирать конкретные возрастные интервалы и сопоставлять поведение разных когорт в этих промежутках возрастов.

Взросление в данной связи представляет особый интерес, т.к. начало всех ключевых «карьер» или биографий (брачно-партнерской, репродуктивной, трудовой и т.д.) приходится именно на возрасты 15-35 лет (период взросления). Зная, как различаются старты биографий разных когорт, можно делать прогнозы и адаптировать текущую социальную, демографическую, экономическую и прочие политики как на уровне государств, так и на уровне компаний.

В демографии есть отдельное направление исследований – демография молодежи, однако концептуализации этого направления нам найти не удалось. Еще сложнее обстоит дело с демографией взросления. На сегодняшний день такое направление или даже просто это словосочетание отсутствует в научной и даже в публицистической литературе. Также не встречается словосочетание «демография молодости», которая в своем узком смысле может быть тождественна демографии взросления. Отсутствие концептуальной

проработанности вопросов взросления в демографии является трудно объяснимым, так как демография обладает продвинутым инструментарием для работы с временными феноменами и динамическими состояниями, и она могла бы играть ключевую роль в разработке подходящего методологического аппарата для изучения взросления.

Демографы изучают стартовые события как по отдельности, так и в комбинации. Большой интерес для понимания долгосрочных перспектив развития общества представляет анализ брачного и репродуктивного поведения в динамике. Пионерами в изучении этих вопросов являются Л.Е. Дарский, И.П. Ильина, Р.И. Сифман, А.Г. Вишневский, М.С. Тольц, А.Г. Волков, В.А. Борисов, А.А. Попов и др.

Наиболее значимыми исследованиями по разработке и применению методов анализа брачного поведения россиян являются следующие публикации: [Волков и др., 1983; Волков, Дарский, 1975; Дарский, 1972; Дарский, Ильина, 1990; Дарский, Ильина, 2000; Дарский, Ильина, Тольц, 1983; Ильина, 1976; Тольц, 1977].

Основы анализа репродуктивного поведения россиян были заложены следующими работами: [Борисов, 1976; Воспроизводство населения СССР, 1983; Рождаемость (Проблемы изучения), 1976; Сифман, 1966; Сифман, 1969; Сифман, 1971; Тольц, 1974; Тольц, Антонова, Андреев, 2006; Тольц, Оберг, 1983; Тольц, Оберг, Шишко, 1984].

Взаимодействие брачного и репродуктивного поведения, в том числе через анализ протогенетических интервалов (интервалов между вступлением в брак и деторождением), было исследовано отечественными демографами в следующих работах: [Вишневский, Тольц, 1983; Дарский, Ильина, Тольц, 1983; Сифман, 1967; Сифман, 1968].

В этом разделе мы изучим ключевые демографические концепции и идеи, а также фрагментарные исследования взросления, сделанные на пересечении демографии и социологии жизненного пути, чтобы показать, какой задел по изучению взросления уже имеется в демографии.

Первая теоретическая рамка, которую мы рассмотрим, является самой широкой и дает системное представление о демографических процессах.

1.2.4.1. Системный подход в демографии

Системный подход в отечественной демографии был применен известным российским демографом А.Г. Вишневским. По его определению, демографическая структура – это стандартизированная система демографических отношений индивидов. Демографические отношения – это социальные отношения, возникающие в процессе возобновления поколений, учитывая сложившиеся условия поддержания демографического равновесия [Вишневский, 1982, с. 9]. Основную цель демографической

системы – воспроизводство населения – можно рассматривать как двуединый процесс: с одной стороны, как воспроизводство людей, а с другой стороны как воспроизводство демографических отношений [Вишневский, 1982, с. 39].

Демографическая система является самоуправляемой, и демографическим отношениям в ней отводится ведущая роль. Они являются ее внутренним регулятором и позволяют поддерживать гомеостаз [Вишневский, 1982, с. 37]. Демографический гомеостаз – способность демографической системы возвращаться в состояние равновесия после скачков и колебаний [Вишневский, 1982, с. 19]. Вследствие того, что элементы системы постоянно находятся во взаимодействии и вынуждены отвечать через механизмы адаптации на изменения среды, равновесие демографической системы – очень гибкое и трудно фиксируемое понятие. На каждом этапе развития общества существует свое равновесное состояние и, соответственно, свой тип воспроизводства населения.

Исторический тип воспроизводства населения представляет собой совокупность [Вишневский, 1982, с. 44]:

- исторически специфических условий демографического равновесия,
- соответствующих им демографических отношений,
- обеспечивающего их воспроизводство механизма социального управления.

Выделяют следующие *типы воспроизводства*:

- архетип (демографическое равновесие соответствует экологическому: низкая плотность населения, сверхсмертность, средний уровень рождаемости);
- традиционный тип (демографическое равновесие: высокая смертность и высокая рождаемость);
- современный или модернизированный тип (демографическое равновесие: низкая смертность и низкая рождаемость).

Ядром демографической системы является структурированный нормативный порядок протекания демографических отношений. Он включает в себя существующую на данный момент систему ценностей, культурных норм, регулирующих процесс воспроизводства. Так, социальная и институциональная структура общества представляет собой каркас системы управления демографическим поведением. Чем более развита демографическая система, тем выше качество ее функционирования, экономичность размножения, и тем большей становится роль внутренних регуляторов демографического поведения [Вишневский, 1982, с. 24, 28–29, 36–45].

Размножение является ключевым процессом, воспроизводящим население, поэтому его регулированию со стороны демографической системы уделяется особое внимание. Социальное управление рождаемостью – это воздействие общества на репродуктивное

поведение людей, в результате которого разнообразие прокреационных (или воспроизводственных) исходов ограничивается, и возрастает вероятность тех из них, которые более всего соответствуют требованиям демографической системы [Вишневский, 1982, с. 147].

На прокреационные исходы решающее влияние отказывают *три типа воспроизводственного поведения* [Вишневский, 1982, с. 150]:

- *матримониальное* (вступление в брак, его расторжение, образование иных консесуальных союзов между партнерами);
- *репродуктивное* (зачатие, вынашивание плода, его рождение);
- *сексуальное* (добрачные, внебрачные и брачные половые контакты).

Связь между тремя этими видами демографического поведения в разных исторических типах воспроизводства разная. Это обусловлено изменением ключевых составляющих последнего – условий демографического равновесия, демографических отношений и социальных регуляторов.

Чем сильнее контроль со стороны системы, тем более слитны эти три поведения, и у индивида меньше свободы выбора прокреационных исходов [Вишневский, 1982, с. 168]. Это обусловлено тем, что функционирование демографической подсистемы общества и существующие в ней демографические отношения порождают терминальные демографические ценности. Эти ценности значимы сами по себе, незаменимы для общества, чем ограничивают сферу рационального выбора индивида. Если рождение детей является единственно возможным средством для поддержания демографического гомеостаза, то вся система демографических отношений будет ориентировать поведение людей на воспроизводство этой нормы [Вишневский, 1982, с. 187].

Однако демографический баланс системы меняется в зависимости от целого набора взаимообусловленных факторов, что приводит к изменению потребности общества в новорожденных. Стремясь к экономичности воспроизводства, при снижении уровня смертности система снижает количественные требования к прокреационным исходам, что приводит к ослаблению социального контроля рождаемости. Это создает предпосылки не только для количественных, но и для качественных изменений, причем не только репродуктивного поведения. И даже более того – не только демографического.

В обществе, где социальная, экономическая, демографическая, культурная и все прочие системы тесно переплетены, изменение равновесия в одной сфере приводит к изменениям в других сферах. Поэтому смена технологического уклада в начале 20 века неизбежно привела к перестройке всей жизни человека [Семенова и др., 2016].

На протяжении столетий существования традиционного типа воспроизводства кибернетические отношения в демографической системе носили управляющий характер, то есть иерархия контролирующих факторов воздействовала на поведение индивида, удерживая его в узких рамках дозволенного. С изменениями внешней среды (технологического уклада, экономического строя, демографического равновесия вследствие снижения смертности, перехода от сельской жизни к городской), направление кибернетических отношений в системе меняется на противоположное.

Человек, почувствовавший собственную индивидуальность, ценность, значимость и возможность совершения персонального выбора во всех сферах жизни, начинает иначе вести себя и в сфере демографических отношений. В этом проявляется его функция адаптации к изменениям внешней среды. Так как демографические отношения в традиционном обществе локализируются в семье, то следом начинают изменяться формы брачно-семейных отношений. А значит, трансформируется и вся триада воспроизводственного поведения: матримониальное, репродуктивное и сексуальное.

Становясь массовыми, новые модели поведения апробируются демографической системой, а затем, из отклонений превращаясь в нормы, постепенно принимаются социокультурной средой и становятся частью ее ценностного образца.

Далее через механизм пока еще имеющей силы нисходящей императивной связи эти нормы транслируются обратно демографической системе, где закрепляются в качестве нового типа воспроизводства.

Такой скачкообразный переход от одного типа воспроизводства к другому называют *демографическим переходом или революцией* [Вишневский, 1982, с. 46; Вишневский, 2005, с. 6]. Всего таких переходов демографы насчитывают два или три. Третий демографический переход еще является предметом дискуссий, тогда как первые два находят большое количество эмпирических свидетельств и преломляются в свете других объяснительных концепций [Mills, Blossfeld, 2013; Tim Dyson, 2013; Korotayev, Goldstone, Zinkina, 2015; Vishnevsky, Tolts, 2017].

1.2.4.2. Теория демографического перехода

Теория демографического перехода (ТДП) была предложена американским демографом Ф. Ноутстейном в 1945 году [Notestein, 1945]. Основная идея заключалась в том, что если одна страна может повторить экономический успех другой страны, то демографическая модернизация, пройденная одной страной, также может быть повторена другими странами. Безусловно, ТДП встречает достаточно много критических аргументов, и мы рассмотрим основные из них на конкретных примерах в следующих разделах.

ТДП предполагает, что существует несколько стадий демографической модернизации. На первом этапе изменяются количественные показатели основных демографических процессов (баланс высокой смертности и высокой рождаемости сменяется балансом низкой смертности и низкой рождаемости), а на втором этапе демографического перехода происходят изменения в организации семейной жизни и разделении сексуального, репродуктивного и матримониального поведений. Теория второго демографического перехода предложена голландским демографом Д. Ван де Каа и бельгийским демографом Р. Лестегом в конце 80-х годов [Каа van de, 1987; Lesthaeghe, 1995].

Демографическая модернизация происходит на фоне общей модернизации современных обществ. Происходит расширение границ индивидуального выбора, рост разнообразия сфер человеческой активности, вследствие чего усиливается дифференциация человеческих потребностей и происходит их сдвиг в сторону постматериалистических ценностей [Inglehart, 1995]. Появляются широкие материальные и духовные возможности для самореализации [Каа van de, 1987; Lesthaeghe, Neels, 2002]: обостряется сама эта потребность в самореализации; слепое следование единственно верной норме заменяется осознанностью персональных выборов [Демографическая модернизация России, 1900-2000, 2006, с. 139; Lesthaeghe, 1998]. В результате усложняется и дифференцируется внутренняя структура культуры. В ней сосуществуют разные нормы и варианты поведения, что предоставляет возможность каждому индивиду обрести свой собственный набор установок и ориентиров. И в дальнейшем, действуя уже сообразно собственной системе представлений и иерархии потребностей, каждый раз делать взвешенный выбор, совершая тот или иной поступок [Инглхарт, Вельцель, 2011, с. 12]. Появляется частная сфера, что приводит к психологизации и интимизации семьи, увеличению значимости таких ценностей как любовь, равенство партнеров, взаимная поддержка, понимание, самореализация [Вовк, 2005а; Вовк, 2005b; Черняк, 2009].

Из-за нарастания автономизации индивидов, свободы личности, права на интимную жизнь принцип «человек для семьи» и «семья для государства» меняется на принцип «семья для человека» и «государство для семьи и человека», создаются условия для возникновения и развития принципиально иной социально-экономической и политической системы, обеспечивающей новый тип безопасности, выживания индивидов, и, соответственно, модернизируется демографическая подсистема общества, в том числе на массовом уровне меняется матримониальное и репродуктивное поведение [Демографическая модернизация России, 1900-2000, 2006; Инглхарт, 2018; Митрофанова, 2010а; Zakharov, Ivanova, 1996].

В сфере демографического поведения ключевым является разделение триады воспроизводственного поведения [Демографическая модернизация России, 1900-2000, 2006; Lesthaeghe, Neels, 2002; Zakharov, 2008] и появления новых видов поведений, влияющих на воспроизводство: абортного и контрацептивного. До того, как контрацепция стала легитимной и доступной, одним из способов контроля рождаемости не только в России, но и во всех других странах, без исключения, были аборты, чаще всего криминальные [Здравомыслова, 2009; Glass, 1940; Léridon и др., 1987; Avdeev, Blum, Troitskaya, 1995; Попов, 1991; Попов А.А., 1991]. Гендерная, сексуальная и контрацептивная революции [Захаров, Сакевич, 2007; Кон, 2010], произошедшие в Европе и Америке в конце 1960-х годов и в России в 1990-е, сделали возможным отказ от массовых абортов и эффективное планирование деторождения, что увеличило разнообразие моделей демографического поведения и жизненных путей [Heinz и др., 2009].

Часть триады воспроизводственного поведения начинает приобретать скорее социально-психологический, нежели демографический смысл. Интимная жизнь, партнерства и браки могут иметь самостоятельный смысл для индивида и быть абсолютно оторванными от демографического воспроизводства в случае, если индивиды сознательно отказываются от деторождения, откладывают его или биологически не способны к зачатию и выбирают не становиться родителями иными способами.

Такие виды массового поведения, получившие общественное признание в 20 веке, как контрацептивное и абортное, принадлежат, по нашему мнению, именно к демографическому поведению, т.к. оказывают непосредственное влияние на рождение или нерождение детей.

1.2.4.3. Концепция жизненного пути в демографии: переход во взрослую жизнь

Если психологическое направление КЖП рассматривает особенности перехода во взрослую жизнь качественными и реже количественными методами на микроуровне (human agency), а социологическое направление – качественными и количественными методами на микроуровне (human agency) и макроуровне (social structure), то демографы развивают исследования социологов в количественном ключе.

Демография вносит вклад в КЖП и изучение взросления именно хорошо проработанными методами анализа событий жизни. Для того, чтобы предметно и структурированно обсуждать феномен взросления, ниже мы представим основные характеристики событий, изучение которых позволяет сформировать полноценное представление об их трансформации. Все методологические тонкости мы рассмотрим в

параграфе «3.1.2. Количественные методы анализа биографических данных», а сейчас просто перечислим основные характеристики с небольшими примерами:

- Структура (structure) – отношение численности разных групп людей друг к другу. Например, отношение тех, кто состоит в партнерстве к тем, кто состоит в браке (соотношение) или ко всему населению (пропорция).
- Квантум (quantum) – число событий. Например, среднее число браков на одного жителя страны.
- Тайминг (timing) – время наступления событий. Например, средний, медианный или модальный возраст первого брака.
- Интенсивность (tempo) – скорость наступления событий. Например, динамика вступления в первый брак после достижения бракоспособного возраста (можно измерить в повозрастных долях, вероятностях, рисках, шансах).
- Последовательность (sequence) – порядок наступления событий. Например, жители одной страны предпочитают сначала трудоустроиться, а потом создавать семью, а жители другой страны чаще сначала создают семью, а потом трудоустраиваются.

Ниже мы рассмотрим разные события, маркирующие переход во взрослую жизнь, уделив внимание изменению перечисленных характеристик этих событий.

Маркеры перехода во взрослую жизнь

В демографии, как и в социологии, применительно к взрослению чаще всего используется термин «переход во взрослую жизнь» (transition to adulthood). Демографы, в основном, изучают переход во взрослую жизнь через анализ особенностей наступления ключевых событий жизненного пути (количественный подход). В отличие от психологов и социологов, демографы используют довольно устоявшийся список событий, маркирующих взросление, что делает их работы более сопоставимыми во времени и между странами.

К числу таких событий демографы чаще всего относят завершение получения образования, выход на рынок труда, покидание родительского дома, первую интимную близость, первое партнерство (или незарегистрированные отношения, сожительство), первый брак, рождение первого ребенка. Хотя эти маркеры не являются универсальными и постоянно ставятся под сомнение и переосмысляются [Benjamin, Crymble, 2017; Gabriel, 2013; Gauthier, 2007; Horowitz, Bromnick, 2007; Lowe и др., 2013; Raveaud, 2010; Vleioras, Mantziou, 2018], это то, что мы имеем сегодня как консенсус, достигнутый в ходе множества дискуссий и разработки международных обследований [Billari и др., 2005a; Billari и др., 2005b; Buchmann, 1989; Liefbroer, 1999; Vikat и др., 2007a].

Все перечисленные события являются первыми (или стартовыми) за исключением одного события – завершения получения образования. Это событие, в отличие от остальных, не начальное, а завершающее (для образовательной траектории), но оно важно для перехода во взрослую жизнь, т.к. маркирует завершение периода ученичества, длительной подготовки, необходимой для старта трудовой биографии. Поэтому не по значению, а по смыслу это событие можно отнести к стартовым.

События, маркирующие взросление, по своей природе являются разными: какие-то из них носят более демографический характер (деторождение и брак), какие-то – социоэкономический (образование, работа). Другие же могут менять свой смысл и свою природу в зависимости от того, с какими событиями соседствуют. Например, отделение от родителей, произошедшее из-за образовательной мобильности или трудоустройства будет иметь социоэкономическую природу, а отделение от родителей, связанное со вступлением в брак и переездом в дом супруга, будет иметь скорее демографическую природу. Аналогично с первой интимной близостью и партнерством. Как мы говорили выше, триада демографических поведений распадается, и если за интимной близостью или вступлением в партнерство (и, возможно, даже в брак) не последует деторождение, то может иметь смысл рассматривать эти события не как демографические, а как социоэкономические. Все эти вопросы остаются открытыми и решаются учеными исходя из предмета, целей и задач конкретного изучения. В данной работе мы будем считать завершение образования, трудоустройство и отделение от родителей социоэкономическими событиями, а сексуальные, матримониальные и репродуктивные события – демографическими.

Рассмотрим подробно, что происходит с каждым событием, маркирующим взросление, в рамках второго демографического перехода. В своей работе 2004 года Карл Майер приводит две таблицы, в которых обобщает основные изменения, происходящие с разными событиями жизненного пути во время обновления общества [Mayer, 2004, с. 171, 175]. Наш последующий анализ во многом опирается на эту работу. Свой обзор тенденций изменения ключевых событий жизненного пути, маркирующих взросление, мы представляем в шести следующих разделах и обобщаем в сводной таблице (Приложение 1).

Завершение получения образования

В традиционном обществе, основанном на сельском хозяйстве, воспитание и профессиональное образование (обучение навыкам, необходимым для трудовой деятельности) происходило преимущественно в семье. Сейчас виды деятельности и устройство общества так усложнились, что семья уже не может полноценно подготовить ребенка ко взрослой жизни и трудовой деятельности. Эти функции переняли на себя

образовательные институты (дошкольные учебные заведения, школы, колледжи, вузы и т.д.).

Мы уже упоминали ранее, что помимо законодательно закрепленных возрастов в обществе также существуют институционально закрепленные возрасты и практики. Одними из ярких примеров подобных ориентиров являются возраст начала школьного обучения, возрасты перехода на следующие образовательные ступени, длительность получения образования разных уровней и т.п.

На протяжении всей первой четверти жизни образовательные часы практически единолично выполняют функцию по структурированию жизненного горизонта индивида: они не только организуют ежедневную и ежегодную жизнь индивида в течение полутора-двух десятилетий, но и формируют важнейшие темпоральные компетенции индивида: соблюдение дедлайнов и следование распорядку дня, различение понятие времени для деятельности и для отдыха (учебное и каникулярное время), знакомство с понятием «коммодификации» времени (время – деньги) [Mills, 2000b]. Успешность школьного обучения закладывает основу самооценки индивида в профессиональной деятельности и формирует его личностные компетенции.

Образовательные институты – важнейшие агенты социализации: формирование образовательной и карьерной траекторий является необходимой частью процесса социализации, взросления [Соколов, 2013] и происходит на основе существующей структуры профессий, косвенно репрезентирующих социальные статусы [Константиновский, 2008].

В современном обществе, основанном на городской культуре, требования к квалификации работников и длительность обучения неизменно увеличиваются, что на еще больший срок задерживает молодежь в состоянии экономической несамостоятельности [Лишаев, 2016]. Общество сталкивается с необходимостью несения затрат не только на обучение нового поколения, но и на содержание детей, студентов, молодежи [Ремшмидт, 1994, с. 15]. Как показывают исследования, такие инвестиции в человеческий капитал в итоге окупаются не только на общественном, но и на личностном уровне: качественное (и продолжительное) образование не только приносит дивиденды в виде высоких доходов и социального положения [Titma, Tuma, Roosma, 2003], но также позитивно сказывается на социальной самооценке личности [Чередниченко, 2011].

Исследования показывают, что из агента первичной социализации образование перерастает в делящийся биографический процесс. Появился даже новый термин «lifelong learning», который можно перевести как непрерывное обучение или образование в течение всей жизни [Zajda, 2003; Blossfeld, Maurice, 2011]. Если сейчас завершение образования в

школе, колледже или вузе считается необходимым для перехода во взрослую жизнь, т.к. оно знаменует переход из ученика в работника (завершает образовательную карьеру и дает старт профессиональной), то с учетом тенденции к обучению в течение всей жизни в будущем, возможно, будет сложнее определить однозначную реперную точку в незавершающемся процессе.

Также важной новейшей тенденцией является переход от доминирующей роли институционализованного образования к повышению роли самообразования [Fischer, 2001]. Сегодня у молодых людей есть возможность пройти обучающие курсы на онлайн платформах в удобном для себя темпе и изучить именно то, что им требуется. Такие курсы уже сегодня воспринимаются рядом работодателей, особенно в сфере информационных технологий, как альтернатива вузовскому образованию. Вполне возможно, что в будущем значительная часть общего и профессионально образования перейдет в онлайн сферу, и та социализация, которую традиционно проходят студенты, заменится общей социализацией в Интернет-пространстве и в других референтных группах.

То есть в будущем завершение получения образования может перестать быть маркером взросления, т.к., во-первых, образование будет длиться в течение всей жизни и, во-вторых, оно трансформирует важную компоненту социализации, которая очень долгое время формировала существенную разницу в жизненных траекториях мало- и высокообразованных людей.

Подытожим основные изменения, происходящие с получением образования:

- квантум (число событий): растет доля лиц, получивших образование высокого уровня или обучившихся нескольким профессиям;
- тайминг (время наступления событий): возраст завершения получения образования «стареет»;
- интенсивность (скорость наступления событий в единицу времени): длительность получения образования растет, соответственно темп снижается;
- последовательность (порядок наступления событий): образование может прерываться другими событиями (например, деторождением или трудоустройством) и может прерывать другие (например, трудоустройство).

Первое трудоустройство

Трудовой календарь регулирует большинство ежедневных занятий современного взрослого человека, становясь одной из ведущих сфер жизни [Krüger, 1996, с. 130]. Трудовая деятельность вынуждает индивида фокусироваться на тайм-менеджменте,

подстраиваться под дедлайны, а также организовывать свою личную жизнь и досуг в приватное время, остающееся после работы [Giddens, 1991, с. 77].

Молодое поколение, которое быстро освоило технологии, позволяющие справляться с трудовыми задачами эффективно и дистанционно, стало требовать новых условий организации труда: гибкого графика, мобильности. Появление интернета привело к запросу на упрощение деловой коммуникации как в виртуальном, так и в реальном пространстве. Работодатели заинтересованы в найме молодых и технически подкованных сотрудников, поэтому вынуждены отвечать на запросы молодых поколений, диверсифицируя предлагаемые виды и варианты работы.

Индивиды получают возможности настройки своей трудовой биографии под собственные предпочтения, т.к. работодатели вынужденно становятся все более гибкими, и конкуренция за немногочисленные поколения молодежи разворачивается уже не только в рамках конкретных государств, отдельных сфер и отраслей национальных экономик, а на глобальном рынке. Поэтому молодежь, действительно, может выбирать и даже диктовать условия.

Нормативный порядок наступления событий меняется из-за широких возможностей, предоставляемых рынком труда.

Если в предыдущих поколениях трудоустройство следовало за получением образования, то сегодня молодежь стремится начать работать еще до окончания обучения, чтобы, по возможности, скорректировать свою образовательную траекторию, обрести опыт и уже начать себя обеспечивать. Работодатели рассматривают таких студентов как возможность не только получения недорогой рабочей силы, но в качестве элемента «head-hunting» (отбора работника нужных качеств), а поэтому все шире предоставляют им рабочие места.

Активное развитие Интернета также позволяет молодежи снижать возраст наступления экономической независимости. Сегодня существует большое количество видов заработка, доступных в сети. Например, ведение блогов, аккаунтов и групп в соцсетях, копирайтинг, создание сайтов и прочее. Некоторые видеоблогеры, будучи еще совсем маленькими детьми, снимают настолько популярные видеоролики, что их заработок соответствует зарплате топ-менеджеров крупных компаний.

Помимо того, что трудоустройство сегодня может происходить до получения образования, оно также может прерываться любым видом деятельности. Например, молодой человек поработал на какой-то должности, понял, что ошибся с выбором профессии и пошел получать другое образование или устроил себе «творческие каникулы», посвященные путешествиям и поиску себя. Раньше в СССР существовала уголовная

ответственность за тунеядство (неработу), обязательность распределения после получения профессионального образования, которые не позволяла гражданам не работать или заниматься произвольными профессиями. Сейчас, в условиях существенного снижения давления и регламентаций со стороны государства, молодежь обретает большие права и возможности в выборе времени и продолжительности своей трудовой деятельности либо на индивидуальной, либо на контрактной основе.

Трансформации происходят не только с возрастом начала работы, но и с возрастом ее окончания. Во многих странах сегодня растет продолжительность жизни (в том числе, здоровой, и в числе лет жизни, оставшихся после выхода на пенсию), из-за чего государства, испытывая финансово-экономические проблемы, пересматривают легальные возрасты выхода на пенсию, отодвигая их в более старшие возрасты.

Упомянутая нами свобода в выборе работодателей и профессий приводит к росту числа работ, которые индивид меняет в течение жизни. Предыдущие поколения тяготели к трудоустройству один раз и на всю жизнь, и тех, кто часто меняет работы, в России, например, называли «летунами» и относились к ним скептически. Сегодня это требование понемногу исчезает, т.к. и рекрутерами (теми, кто нанимает персонал) становятся такие же молодые люди, которые понимают, что смена работы – это не всегда негативный индикатор, а напротив – может быть показателем творческого поиска и саморазвития.

Еще одно важное изменение – это то, что трудовая деятельность стала широко доступна женщинам во многих развитых и развивающихся странах. Они получили еще одну сферу жизни (ранее недоступную) для самореализации и развития. Это, безусловно, повлияло на общий вид биографии женщины, т.к. трудовая деятельность напрямую конкурирует с семейной сферой в бюджете времени современной женщины [Krüger, 1996, с. 130].

Итак, трудовая деятельность по-прежнему занимает важное место в жизни современного человека, но становится все более настраиваемой под предпочтения конкретного индивида. Трудовая деятельность, раньше представлявшая единое темпоральное полотно (от момента трудоустройства до выхода на пенсию) сегодня становится лоскутной и с плохо определяемыми границами: молодые поколения могут начать и завершить трудовую деятельность в любом возрасте, могут в любой момент перестать работать и начать искать себя в других сферах жизни. Количество, время и последовательность наступления событий в образовательной и трудовой сфере все меньше определяется институтами и все больше зависит от индивидуального выбора индивида.

Подытожим основные изменения, происходящие с трудоустройством:

- квантум (число событий): количество работодателей и профессий, которые за свою жизнь сменяет современный человек, растет;
- тайминг (время наступления событий): первое трудоустройство одними индивидами откладывается из-за более длительного времени получения образования, другие индивиды используют расширившиеся возможности в формах занятости и начинают зарабатывать еще до достижения возраста трудоспособности;
- интенсивность (скорость наступления событий): скорость смены работ возрастает, длительность работы на одном месте снижается;
- последовательность (порядок наступления событий): трудоустройство может наступать еще до завершения получения образования и может прерываться любыми событиями.

Первое отделение от родителей

Природа отделения от родителей не совсем однозначна. В зависимости от того, в паре с каким событием происходит отделение, у него будет либо демографический контекст (если сопутствующее событие – брак или деторождение), либо социоэкономический (когда сопутствующее событие – получение образования или трудоустройство). Отделение от родителей может выступать «донором» для других событий (когда отделение способствует наступлению другого события, например, получению образования) или «реципиентом» (когда отделение является последствием наступления другого события, например, заключения брака).

Отделяясь от родителей, индивид обретает не только физическую, территориальную, но и финансовую, а также психологическую автономность от родителей [Mitchell, 2000]. При этом обретение данных независимостей не всегда происходит с покиданием родительского дома. Родители могут продолжать оказывать весомое воздействие на жизнь своего ребенка, принятие им решений. Они также могут помогать ребенку финансово или наоборот нуждаться в его финансовой помощи.

Четыре типа автономий от родительской семьи, которые индивид обретает в результате покидания родительской семьи по-разному реализуются в разных обществах и на разных исторических отрезках [Mulder, 2009]. Отделение от родителей связано с образовательными и карьерными возможностями в обществе, с ролью институтов семьи и брака, с наличием ресурсов и инфраструктуры для отдельного проживания [Mitchell, 2000], с институциональными особенностями общества, преобладающим типом семьи и порядком

наследования, силой междоусловных связей, а также индивидуальных особенностей человека [Fukuda, 2009].

В обществах, поддерживающих более традиционный уклад семейно-родственных отношений, отделение от родителей чаще всего происходило параллельно с таким событием как создание собственной семьи. Обычно девушка, выходя замуж, переезжала в дом мужа или оба супруга переезжали в новый дом. Очень мало в каких культурах, или как исключение в наиболее распространенных, муж после свадьбы переезжал в дом жены.

В современном мире процесс отделения от родителей усложнился, и на смену единой модели поведения пришло их многообразие [Fussell, 2002, с. 42]. Сегодня отделение от родителей становится гораздо больше связано с получением образования, трудоустройством, проживанием с партнером вне брака [Smelser, Baltes, 2001, с. 98–101]. Возраст отделения от родителей и причины отделения различаются в разных странах [Billari, Philipov, Baizán, 2001].

До 1970-х годов в Европе отделение от родителей чаще всего происходило в сцепке с браком и наступало в возрасте до 20 лет. После 1970-х годов в Великобритании, Скандинавии, Северной Америке, Германии и Австрии отделение от родителей стало связано с социоэкономическими событиями: получением образования [Iacovou, Skew, 2010] и трудоустройством [Aassve и др., 2001; Billari, Philipov, Baizán, 2001; Corijn, Klijzing, 2001]. Образовательная мобильность в большей степени характерна для Швеции, США, Великобритании и ряда других стран. В этих странах более 50% молодых людей и более 70% девушек уезжают от родителей в связи с учебой, т.к. большинство университетов представляют кампусы – студенческие мини-города с общежитиями, и чтобы в них учиться, необходимо переехать в такой мини-город. Так как социоэкономические события происходят в относительно раннем возрасте, то и отделения от родителей, происходящие вкупе с ними, происходят довольно рано – до 20 лет. Особенно это характерно для женщин из скандинавских стран.

В южных странах Европы (Греция, Италия, Испания) отделение от родителей в большей степени до сих пор связано со вступлением в брак. После 1970-х годов браки в этих странах стали откладываться, а межсемейные связи остались очень сильными, что привело к формированию такой модели отделения, которая предполагает позднее отделение от родителей [Billari, Philipov, Baizán, 2001; Lesthaeghe, Moors, 2000; Reher, 1998].

В целом, современная молодежь покидает родительский дом позже, чем их родители [Tanner, Arnett, 2009; Work, Family Policies and Transitions to Adulthood in Europe, 2012, с. 106]. В среднем, респонденты, рожденные в 1970-1979-х годах, после окончания учебы

покидали родителей позднее, чем те, кто родился в 1960-х годах; при этом женщины начинали жить отдельно на два года раньше мужчин [Iacovou, Skew, 2010]. Важной причиной позднего отделения от родителей в южных странах Европы является сохраняющаяся ценность расширенной/многопоколенной семьи и помощь между родственниками, что нельзя сказать о Северной Европе, где нуклеарная семья полностью вытеснила традиционный тип родственных отношений и на ценностном уровне и фактически [Reher, 1998]. Еще один интересный тренд – появление так называемых «детей-бумерангов», которые сначала отделяются от родителей, чтобы получить образование и попробовать пожить самостоятельно, а затем возвращаются в дом к родителям¹ [Толстых, 2015].

Подытожим основные изменения, происходящие с отделением от родителей:

- квантум (число событий): современная молодежь неоднородна по доле тех, кто отделился от родителей, и кто живет с ними всю жизнь (во время экономической рецессии число тех, кто остается с родителями, возрастает, во времена экономического подъема – снижается); также дети могут возвращаться в родительский дом после отделения, а затем снова отделяться;
- тайминг (время наступления событий): вследствие более позднего выхода на рынок труда и откладывания браков возраст покидания родительского дома повышается;
- интенсивность (скорость наступления событий): современная молодежь покидает родительский дом не очень активно, т.к. продолжительность жизни растет, и родители дольше остаются трудоспособными и могут поддерживать детей;
- последовательность (порядок наступления событий): отделение от родителей обычно происходит в связке с другими событиями, и количество возможных комбинаций возрастает (если раньше отделение от родителей в основном происходило вследствие замужества женщины и переезда в дом мужа, то сейчас это может быть связано с получением образования, трудоустройством и т.д.).

---

¹ Это также происходит и в США, что объясняется худшими экономическими условиями, в которых выходит на рынок труда современная молодежь по сравнению с тем, что было в период, когда их родители начинали трудовую карьеру. Тех детей, которые «сидят на шее» у родителей, не пытаюсь искать работу и создавать свою семью, называют «твикстерами» (от слова «twixt», что переводится как между: между детством и взрослостью). Свои локальные термины для детей, засидевшихся в родительском «гнезде» существуют и в других культурах: «bamboccioni» (большие мальчики-куклы) – в Италии, «sponge» (губка) или «basementdweller» (подвальный житель, т.к. молодежь использует подвалы как временное жилье) – в Англии, «nesthocker» (птенец) – в Германии, «parasitesingle» (одинокие паразиты) – в Японии.

Первое партнерство и первый брак

В традиционном обществе именно брак был одной из важнейших составляющих взрослости, т.к. предоставлял доступ к родительским ресурсам (приданое, выкуп, свой дом или место для молодых в родительском доме), сексуальной жизни, продолжению рода. Брак повышал социальный статус как мужчин, так и женщин. Но если мужчина мог выбрать военную службу, службу при дворе, служение церкви, ремесло, отходничество, науку (в более поздний период) и т.д., то для женщины замужество было практически единственным социальным лифтом (альтернативы в виде монашества и приживалки у родственников никогда не рассматривались в качестве желательных). Сегодня разнообразие способов реализации делает брак одним из возможных и для многих желательным, но далеко не обязательным событием в жизни. И мужчины, и женщины имеют большое число других вариантов самореализации и получения более высокого социального статуса.

В традиционном обществе браки заключались по договоренности между семьями, преимущественно из экономических и статусных соображений. В современном обществе основой брака становится наличие целого комплекса факторов: любви, сексуальной и психологической совместимости, психоэмоциональной и финансовой состоятельности и готовности к долгосрочным отношениям. Если в традиционном обществе задача поиска супруга находилась в зоне ответственности родителей и семейно-клановых систем, то в современном обществе она переходит в зону персональной ответственности индивида и становится одним из его личных решений наряду со множеством важных выборов в других сферах жизни (образовательной, трудовой и других).

Несмотря на сложность и отсутствие отработанных поколениями сценариев осуществления такого выбора, уровень тревожности по поводу того, что можно никогда не встретить «того самого единственного» постепенно снижается. В традиционном обществе «засидеться в девках» или остаться бобылем было пугающей перспективой, т.к. в доступном и контролируемом локусе проживало очень небольшое число людей, и брачный рынок был сильно ограничен, поэтому, не реализовав возможности к своевременному созданию семьи, можно было остаться в одиночестве на всю жизнь¹. В эпоху глобализации, когда брачный рынок расширил географические и социальные границы, у человека любого возраста, пола, гендера и других характеристик появляется существенно большее число потенциальных брачных кандидатов, условно включая даже тех, кто состоит в браке, и тех, с которыми изначально не имеется непосредственный контакт (службы знакомств, социальные сети). То есть появляется возможность, а для некоторых и необходимость,

---

¹ Об этом мы писали подробнее в разделе «1.1.2. История и антропология: роль возраста и взросления в жизни общества».

более долгого поиска партнера, что может отсрочивать деторождение, которое часто еще воспринимается производной брака.

В традиционном обществе институт брака находился под прямым контролем со стороны локальной общины, религиозных институтов и/или государства. В современном обществе жесткий социальный контроль отпал: стали возможны и допустимыми самые разнообразные виды и формы совместного проживания людей, нацеленные на то, чтобы наиболее эффективно и с меньшими потерями времени и сил выбрать «того самого» партнера. Одной из наиболее популярных форм совместного проживания стали незарегистрированные отношения (партнерства или сожительства)¹ [Захаров, 2007; Артамонова, Митрофанова, 2016а]. Во многих странах партнерство является «пробной версией» брака, которая позволяет индивидам, не беря на себя долгосрочных обязательств (commitment), «протестировать» друг друга в совместной жизни и понять, получится ли из них пара в долгосрочной перспективе [Исупова, 2013]. В некоторых странах партнерство уже становится полноценной альтернативу браку – союзом, в котором люди живут всю жизнь и заводят детей.

Согласно концепции, предложенной рядом ученых [Kiernan, 2002; Sobotka, Toulemon, 2008], партнерство проходит четыре стадии постепенного включения в нормативный жизненный путь: стадии инновации, популяризации, легитимации и хабиутализации. Проведенное нами ранее исследование [Артамонова, Митрофанова, 2016а] показывает применимость данной концепции к ситуации в России и соотносится с представлением других ученых [Berger, Luckmann, 1966] о хабиутализации новых социальных практик.

То есть во время демографического перехода в матримониальной сфере происходят как количественные, так и качественные изменения [Демографическая модернизация России, 1900-2000, 2006; Lesthaeghe, Neels, 2002; Mayer, 2004; Zakharov, 2008]:

- молодежь все чаще начинает свою матримониальную биографию с более или менее продолжительных партнерств, заключая официальный брак лишь, когда находят подходящего партнера и чувствуют готовность к долгосрочным отношениям или исходя из каких-то иных соображений;
- количество союзов, в которые средний индивид вступает в течение жизни, растет. Некоторые исследователи называют этот феномен последовательным многоженством (последовательной полигамией);

---

¹ Мы предпочитаем использовать термин «партнерство», т.к. «сожительство» носит в России весьма негативную коннотацию и скорее связано с упоминаниями в криминальной хронике, тогда как «партнерство» более нейтрально.

- возраст вступления в неслучайные партнерские отношения является достаточно молодым и может быть ниже законодательно установленного возраста бракоспособности, т.к. партнерство не нужно регистрировать официально;
- возрастной профиль вступления в брак «стареет», т.к. давление со стороны общества и семьи снижается, продолжительность жизни – растет, репродуктивный период с помощью современных технологий увеличивается, то есть индивид получает возможность отложить выбор брачного партнера, родительства или вовсе отказаться от брака в пользу партнерства или одиночества.

Подытожим основные изменения, происходящие с матримониальными событиями:

- квантум (число событий): количество партнерств в жизни индивидов возрастает, а количество браков – снижается;
- тайминг (время наступления событий): возраст вступления в первое партнерство снижается, а официальные браки – «стареют»;
- интенсивность (скорость наступления событий): матримониальные союзы делятся меньше вследствие возрастания их числа;
- последовательность (порядок наступления событий): партнерство может наступать как до брака, так и после; матримониальные события могут наступать как до остальных событий, так и после или одновременно с ними.

Первое деторождение

В процессе демографического перехода также меняются количественные и качественные характеристики рождаемости [Billari, 2005; Billari, 2018; Kohler, Billari, Ortega, 2002; Mulder, Billari, 2010; Sleebos, 2003; Zeman и др., 2018]. Рождение ребенка из гражданской обязанности и самоцели индивида (особенно женщины) перерастает в одну из индивидуальных ценностей человека, становится одним из его рациональных выборов, который он делает или не делает.

По мере повышения экономичности воспроизводства поколений (вероятность выживания маленьких детей приближается к ста процентам) у индивида (и в первую очередь – у женщины) высвобождается большое количество времени и сил, занятых в сферах, прямо или косвенно связанных с деторождением, которое может быть использовано в других сферах жизнедеятельности. Фундаментальные изменения в демографической сфере сопровождаются такими важными для нашей темы и принципиальными для социума изменениями, как обеспечение широкого и равного доступа для обоих полов к образованию, рынку труда. Параллельно бурно развиваются институты

дошкольного воспитания, происходит развитие социальной защиты материнства, детства и др. Следует также особо подчеркнуть важность революционных изменений в сфере планирования семьи – высокоэффективные средства контрацепции, современные вспомогательные репродуктивные технологии становятся доступными на массовом уровне и социально приемлемыми и для мужчин, и для женщин [Троицкая и др., 2010; Роров, Visser, Ketting, 1993]. В результате этих и многих других социально-экономических и политических изменений возможности для саморазвития, достижения личных целей для индивидов исторически беспрецедентно возрастают [Демографическая модернизация России, 1900-2000, 2006; Sobotka, Beaujouan, Van Bavel, 2018].

Требования к современному родителю становятся очень высоки. Современную подготовку к «осознанному родительству» можно сравнить с обретением профессии по количеству навыков и знаний, которое нужно обрести родителю. Причем если профессию можно сменить или вообще из нее уйти, то деторождение – процесс необратимый, это обязательства (commitment) на всю жизнь¹.

Современные психологи и медики рекомендуют начинать планирование беременности за несколько лет до зачатия. Это не только всевозможные медицинские обследования и процедуры, изменение образа жизни и питания, но и достижение определенного уровня достатка, необходимого для рождения и последующего воспитания ребенка. «Идеальный» комплекс мер по подготовке к беременности, зачатию, вынашиванию, последующему воспитанию и содержанию ребенка сегодня требует огромных финансовых, временных и эмоциональных затрат. Причем это, в первую очередь, именно прямые затраты, и их инвестиционная ценность не столь очевидна.

В более традиционных, в первую очередь, аграрных обществах в подростках была некоторая экономическая ценность, т.к. они с довольно раннего возраста могли оказывать помощь в семейном хозяйстве, и весь материальный и нематериальный доход от их деятельности аккумулировался в семье. Также существовал взаимообмен услуг: родители и расширенная семья воспитывали и обучали ребенка, а затем он осуществлял уход за стариками и младшими членами семьи. В современном мире инвестиции в детей являются более рискованными вложениями с точки зрения окупаемости. Тенденция к проживанию в нуклеарных семьях (то есть супружеская пара и дети) ограничила возможность прямого обмена услугами. Он, конечно, сохраняется, но в гораздо

---

¹ Безусловно, ребенок может умереть, родителя могут лишить родительских прав или он может отдать своего ребенка на воспитание своим родителям, но это скорее маргинальные варианты поведения. Для большинства индивидов родительство необратимо и долгосрочно, т.к. даже когда ребенок отделяется от родительской семьи, в большинстве случаев общение и различные виды помощи друг другу между ребенком и родителями не прекращаются.

меньших масштабах. Благодаря пенсионной системе, созданию других институтов перераспределения общественного блага, дети получили возможность самоустраниться от необходимости финансово поддерживать родителей, и, соответственно, на основе собственных предпочтений решать вопрос о выделении из родительской семьи, зная, что социальные институты в какой-то мере гарантируют необходимую поддержку стареющим родителям.

Эта новая реальность, в которой происходит деторождение и имеется возможность контролировать наступление беременностей, подталкивают индивидов к большей рационализации демографического поведения, в новом контексте актуализируя вопросы: зачем, сколько и когда они хотят иметь детей, да и хотят ли они их вообще. Это приводит не только к очевидному сокращению числа беременностей, к варьированию сроками рождения детей, и, в том числе, к откладыванию деторождения, но и даже к полному отказу от нее некоторыми людьми (этот феномен называется «child-free») [Вильданова и др., 2017; Fiori, Rinesi, Graham, 2017; Salyakhieva, Saveleva, 2017]. В результате в масштабе общества, как показывает опыт развитых стран и России, показатели рождаемости, по крайней мере, временно, могут снижаться, а в рамках жизни конкретного индивида – родительство отодвигается на все более поздние возрасты, когда все остальные стартовые события уже совершены.

Подытожим основные изменения, происходящие с деторождением:

- квантум (число событий): количество беременностей и рождений у молодых поколений снижается;
- тайминг (время наступления событий): рождение первого ребенка откладывается;
- интенсивность (скорость наступления событий): интервалы между вступлением в брак (партнерство) и рождением первенца, между родами растут, а репродуктивные технологии продлевают длительность репродуктивного периода;
- последовательность (порядок наступления событий): деторождение может наступать как до, так и после других событий, т.к. наступление беременностей контролируется более эффективно, а внебрачное деторождение перестает стигматизироваться.

Трансформация перехода во взрослую жизнь и демографический переход

Для удобства дальнейшего анализа мы разделили все события, маркирующие взросление, на два блока: социодемографические (завершение образования, первое

трудоустройство и отделение от родителей) и социоэкономические (первая интимная близость, первое партнерство, первый брак и первое деторождение).

Начнем с демографического блока событий. Модели демографического поведения европейцев (включая россиян) обычно разделяют в соответствии с «линией Хайнала», проведенной от итальянского Триеста до российского Санкт-Петербурга [Hajnal, 1965], на западную и восточную. Для западной модели (вернее к западу и северу от условной линии Хайнала) характерен так называемый «европейский тип брачности»: более позднее вступление в брак и начало деторождения, поддержанное, в частности, мальтузианской революцией 19-го века. Для восточной, и тем более восточноевропейской модели, были характерны ранние и всеобщие брачность и деторождение.

Как показывают исследования, «линия Хайнала» сохраняет свою силу и в наше время при интерпретации изменений, происходящих в брачно-семейной и репродуктивной сфере, на европейском, и даже евроазиатском пространстве. Результатом второго демографического перехода [Kaa van de, 1987; Lesthaeghe, 1995], начавшегося в западных странах в конце 1960-х годов, в южноевропейских - в конце 1970-х, а в странах Центральной и Восточной Европы – с крушением Берлинской стены и распадом СССР, стало движение по треку, ведущему к «европейскому типу брачности»: откладывание деторождения и вступления в брак. Начало и темп распространения новых форм совместного проживания (партнерств), рост внебрачной рождаемости также в целом имеет знакомые градиенты относительно «линии Хайнала» [Станкуниене и др., 2010; Billari, Liefbroer, 2010; Puur и др., 2012b].

Рассмотрим взаимодействие стартовых демографических и социоэкономических событий. Согласно исследованиям, это взаимодействие делит Европу не столько по долготе (запад-восток), сколько по широте (север-юг). Это мнение разделяет большинство ученых, но мнения об изменении перехода во взрослую жизнь в будущем разделяется: одни исследователи уверены, что разные страны со временем будут все больше и больше непохожи друг на друга по своему демографическому и социоэкономическому поведению (дивергенция), а другие уверены в обратном (конвергенция).

Начнем с исследований в поддержку разнообразия моделей перехода во взрослую жизнь в разных странах (*дивергенция*).

А. Кавалли выделяет три региона в Европе в зависимости от специфики перехода во взрослую жизнь их жителей [L'allongement de la jeunesse, 1993]:

- Средиземноморье (поздний брак и отделение от родителей),

- северная Европа и Франция (покидание родительского дома, за которым следует период проживания без партнера; затем партнерство и брак),
- Великобритания (раннее покидание родительского дома из-за необходимости получения образования и работы; откладывание создания семьи).

Т. Бойе и А. Эйноус сравнили семейные политики в разных европейских государствах и разделили страны на пять кластеров [Ejrnas, Boje, 2008]:

- Германия, Австрия, Люксембург (продолжительный и хорошо оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком; возможность частичной занятости),
- Великобритания и Нидерланды (более короткий и плохо оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком; возможность частичной занятости; наличие детских садов),
- Дания, Швеция, Франция, Бельгия (хорошо оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком; хорошая обеспеченность детскими садами),
- Южная Европа, Латвия, Эстония (плохо оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком; много работающих матерей; наличие детских садов),
- Венгрия, Польша, Чехия, Литва, Финляндия (продолжительный отпуск по уходу за ребенком; мало работающих матерей; наличие детских садов – кроме Финляндии).

Основываясь на данной группировке стран, мы видим, что гражданам из многих стран необходимо выбирать между работой и родительством, потому что не везде есть возможность успешно совмещать то и другое. Если у людей нет достаточной поддержки от государства и работодателя, они обращаются за помощью к семье, что подталкивает к откладыванию отделения от родителей, возвращению в родительский дом или большей зависимости от партнера, что может привести к более раннему образованию брачно-партнерского союза.

Г. Эспинг-Андерсен выделяет несколько типов (режимов) социальной политики (welfare regimes), каждый из которых имеет свои институциональные особенности, определяющие взаимоотношения между государством, рынком труда, семьей и индивидом, которые он объединяет в понятие «декоммодификация» - ослабление зависимости индивида (семьи) от действия рыночных сил [Esping-Andersen, 1990; Esping-Andersen, 2007]:

- Либеральный режим (англосаксонские страны: США, Великобритания, Ирландия, Канада, Новая Зеландия, Австралия) обеспечивает ограниченную социальную поддержку индивидам, поэтому индивиды вынуждены конструировать свои жизни более независимо и сталкиваться с большими

рисками. Как следствие они могут откладывать демографические события, если политическая или экономическая ситуация нестабильна.

- Социально-демократический режим (Северная Европа: Дания, Финляндия, Швеция, Норвегия, Нидерланды) подразумевает активное участие государства в жизни индивида и семьи; выплату пособий всем по принципу солидарности; снятие обязательств по помощи гражданам с рынка и семьи. Такая социальная политика максимально защищает гражданина от всевозможных рисков, что может, например, стимулировать достаточно высокую брачность и рождаемость в достаточно молодых возрастах – до обретения экономической независимости.
- Консервативный или корпоративистский режим (Япония и Центральная Европа: Австрия, Бельгия, Франция, Германия, Люксембург) предоставляет социальную поддержку семьям и некоторым типам работников. Распределение благ происходит пропорционально вкладу индивида в экономику. Поддержка со стороны рынка и государства делает жизнь граждан более предсказуемой и защищенной и может стимулировать интенсивное наступление демографических событий, но, так как при таком режиме политики важно участие индивида в экономике, то граждане, скорее всего, будут стремиться сначала обрести профессию и трудоустроиться и уже потом создавать семью.
- Средиземноморский режим (Южная Европа: Италия, Греция, Испания) близок к консервативному, но семейные связи в этих обществах теснее, а демографическое поведение менее модернизировано. Семья оказывает индивиду значительную поддержку и принимает активное участие в принятии жизненных решений. Связь между детьми и родителями очень крепкая, родители не против заботиться о взрослых детях и жить с ними под одной крышей (всем известны примеры мужчин, до 40 лет живущих в родительском доме). Такая экономическая и психологическая зависимость детей от родителей может замедлять процесс обретения детьми социоэкономических событий. А некоторые институциональные условия (например, очень усложненная процедура развода) могут способствовать откладыванию демографических событий.

Последние два режима менее гибкие: расписание жизни в них в большей степени зависит от институтов и не может модернизироваться так же быстро, как в либеральных режимах. Эспинг-Андерсен соглашается, что в определенных условиях все перечисленные режимы социальной политики могут конвергироваться, и в таком случае может появиться

пан-национальный режим (Esping-Andersen 2002, 17-19), в котором переход во взрослую жизнь станет достаточно похожим в разных странах.

Взаимосвязь паттернов перехода во взрослую жизнь с ограничениями и возможностями, задаваемыми функционированием разных институтов, была изучена Й. Фогелем [Vogel, 2002]. В работе исследовалось влияние особенностей рынка труда, режима социальной политики и семейного уклада на тайминг и последовательность наступления стартовых событий в 15-ти европейских странах. Было выделено три кластера с наиболее гомогенными институциональными условиями:

- Скандинавский: низкий уровень безработицы, бедности и расслоения по доходам; высокий уровень поддержки социальной со стороны государства; слабые семейные связи;
- Южный: высокий уровень безработицы, бедности и расслоения по доходам; невысокий уровень поддержки социальной со стороны государства; сильные семейные связи;
- Центральноевропейский: промежуточное положение между скандинавским и южным кластерами.

Данное исследование подтверждает выводы других исследователей о том, что институциональные особенности влияют на время наступления событий и их порядок: чем лучше настроено взаимодействие институтов, тем больше возможностей у индивидов совмещать траектории развития в разных сферах жизни и более интенсивно обретать события, маркирующие переход во взрослую жизнь.

В отличие от перечисленных исследователей, Ф. Биллари и А. Лифброер считают, что различия в социодемографическом и социоэкономическом поведении, существующие в разных странах, со временем нивелируются (*конвергенция*).

В своем исследовании [Billari, Liefbroer, 2010] ученые проследили изменения ключевых характеристик наступления событий: времени (timing), интенсивности или скорости (tempo) и последовательности (sequence). Прежнюю, «традиционную» модель взросления, они описали как «раннюю, ускоренную и простую» (события наступали рано, с маленькими интервалами и в едином почти для всех порядке), а современную – как «позднюю, растянутую и сложную». Возрастная модель наступления стартовых событий в современных обществах «стареет», особенно для демографических событий. За счет того, что возраст обретения социоэкономических событий меняется меньше, переход во взрослую жизнь начинается примерно в том же возрасте, что и раньше, а заканчивается позже – то есть переход во взрослую жизнь растягивается во времени. Последовательность

наступления событий на макроуровне становится все более «хаотичной», непредсказуемой, индивидуализированной. В усредненном варианте современный порядок наступления событий может быть представлен так: относительно раннее покидание родительского дома, за которым следует небольшое время проживания без партнера, затем вступление в партнерство, зачатие первого ребенка в относительно позднем возрасте и регистрация брака незадолго до рождения ребенка или вовсе отказ от регистрации брака. Однако отклонения от этой усредненной модели более широко распространены сегодня, чем во времена господства прежней нормативной модели.

Анализ траекторий формирования семьи во Франции, Румынии и России [Potârscă, Mills, Lesnard, 2013], в Канаде, Нидерландах и России [Mills, 2004], взросления в Беларуси [Лапето, Терещенко, Шавердо, 2018], а также обзор работ по взрослению европейцев [Buchmann, Kriesi, 2011] показали наличие конвергенции между странами, проявляющейся по мере модернизации стран, но так как все они находятся на разных этапах модернизационного процесса, то поведение их населения в один и тот же исторический момент различается.

Изучение особенностей взросления девушек в разных странах Европы [Захаров, 2009] показало наличие различий не только в тайминге и последовательности наступления стартовых событий, но и в том, какие события жители разных стран считают индикаторами взрослости. В восточноевропейских странах, а также в Португалии, Франции и на Кипре с обретением девушкой статуса взрослой в большей мере связано создание семьи и материнство (которое достаточно часто сочетается с полной занятостью). В западно- и североевропейских странах, по мнению респондентов, для взросления важно трудоустройство и покидание родительского дома. Мы приводим цитату из данной статьи С.В. Захарова, которая, на наш взгляд, дает очень точный ответ относительно того, происходит ли конвергенция или дивергенция паттернов взросления европейцев: *«Является ли наблюдаемая дифференциация стран следствием стадийных различий в рамках общего для развитых стран переходного процесса к некоему «новому» расписанию человеческой жизни или следствием изначально присущих историко-культурных особенностей в каждой стране (группе стран), остается дискуссионным вопросом. По-видимому, как чаще всего бывает, мы имеем дело с проявлениями обоих дифференцирующих моментов в социальной динамике».*

На данных панъевропейского обследования «Поколения и гендер» (Generations and Gender, GGS) А. Пуур и соавторы [Puur и др., 2012b; Puur и др., 2012a] проверили предположения как Хайнала, так и ТДП, и нашли одновременно и подтверждения обеих концепций, и несогласующиеся с ними кейсы. Как утверждают авторы, в изменении

брачно-партнерского поведения европейцев, действительно, наблюдается и стадийность (предположения ТДП), и региональная дифференциация (предположения Хайнала): в странах восточной Европы переход к новой модели брака начался на несколько десятилетий позже, чем в западной Европе, причем сначала (через 15-20 лет) переход осуществили Восточная Германия и Эстония, а затем (через 20-25 лет) – Болгария, Венгрия, Литва, Россия и Румыния. Также авторы изучили, есть ли статистически значимая связь между современным брачно-партнерским поведением европейцев и историческими режимами брачности, использованными Хайналом (режимы измеряются через SMAM, уровень окончательного безбрачия и индекс Коула). Анализ выявил, что для большинства стран связь есть, но развитие стран настолько индивидуально, что все предложенные концептуализации являются очень сильным приближением к реальному положению вещей. Так, например, Литва, находящаяся к западу от линии Хайнала, должна была продемонстрировать ранний переход к новой модели семейной жизни, но из-за поздней секуляризации она совершила переход примерно в то же время, что Венгрия и Россия, находящиеся к востоку от линии Хайнала. Обратная ситуация с Болгарией, чей ранний переход к новой модели брака стал результатом особых норм в организации браков, существующих в этой стране. Таким образом, на примере матримониального поведения, А. Пуур и соавторы показывают, что процесс модернизации демографического поведения, действительно, проходит определенные стадии, но культурно-исторические нормы, действующие в разных странах, могут оказывать существенное влияние на содержание и скорость протекания модернизационного процесса.

Европейские страны различаются не только в зависимости от социокультурных и исторических условий, но и по тем ценностям, которые присущи населению. Сложно сказать, что в данном случае первично – общественный уклад или взгляды людей, но исследования подтверждают, что страны регионально дифференцированы, в том числе, по ценностным установкам живущих в них людей [Инглхарт, 2018; Инглхарт, Вельцель, 2011; Inglehart, 2006; Zdravomyslova, 2017]. В своих работах, В.С. Магун и М.Г. Руднев [Магун, Руднев, 2010; Магун, Руднев, 2012; Магун, Руднев, Шмидт, 2015; Руднев, Магун, 2011] отмечают, что жители северной и центральной Европы характеризуются более выраженными ценностями заботы (альтруизм, толерантность, равенство и справедливость) и индивидуалистическими ценностями (самостоятельность, смелость, стремление к новизне). Жители постсоциалистических стран, в том числе, России, характеризуются более консервативными ценностями и большей ориентацией на подражание существующим образцам поведения. Тем не менее, как показывает динамический анализ,

население внутри каждой из стран неоднородно и меняет свои представления со временем. Например, сравнение ответов 2008 и 2012 годов показало, что россияне стали более привержены индивидуалистическим ценностям, причем основной вклад в это изменение вносят молодые поколения.

Как мы видим, изучение как внутренних, так и внешних факторов, влияющих на поведение населения в социодемографической сфере, показывает, что представления людей и их реальное поведение трансформируются. Региональные различия сохраняются, но заметна определенная конвергенция во взглядах и поведении жителей развитых и развивающихся стран.

Подытожим основные изменения, происходящие с процессом взросления:

- **квантум (число событий):** появляются новые события, маркирующие взросление, например, партнерства, внебрачные рождения; разделяются траектории формальной и неформальной занятости; более доступным и распространенным становится высшее образование, увеличивающее количество событий разного уровня в образовательной траектории (школьное, профессиональное, высшее);
- **тайминг (время наступления событий):** начало перехода во взрослую жизнь чаще откладывается, хотя некоторые события (например, старт интимных отношений или трудоустройство) могут произойти довольно рано;
- **интенсивность (скорость наступления событий):** длительность перехода во взрослую жизнь растет за счет того, что на каждом этапе индивиды в среднем проводят все больше времени (дольше получают образование, дольше остаются в партнерствах, откладывая создание семьи);
- **последовательность (порядок наступления событий):** порядок наступления событий становится все более мозаичным и индивидуализированным.

Резюме раздела и дискуссия

Продолжительность жизни в современном обществе в два раза выше, чем в традиционном (75-85 лет против 30-50). Вследствие этого увеличилась и та временная перспектива, на которую индивиды могут планировать свою жизнь. Можно сказать, что происходит «инфляция» возраста [Shoven, Goda, 2011]. Если возраст 50-60 лет когда-то был возрастом старости, то сегодня в это время жители развитых стран еще полны здоровья, жизненных и трудовых сил, и, соответственно, жизненных планов. В условиях инфляции возраста ускоренное взросление более не является необходимым, а из-за усложнения общественного устройства, появления профессий, требующих долгой подготовки,

актуальным становится замедление и удлинение перехода во взрослую жизнь [Billingsley, Sakkeus, Puur, 2014].

С точки зрения демографии, основной смысл перехода во взрослую жизнь – это обретение индивидами возможности деторождения и реализация этой возможности. Если в традиционном демографическом поведении основной фокус делался на количественных параметрах деторождения, т.к. высокий уровень смертности требовал раннего начала и интенсивного рождения детей, то в современном мире фокус все более перемещается в сторону достижения качественных параметров потомства (образованность, здоровье, счастье, удовлетворенность жизнью).

Чтобы воспитать счастливых, здоровых и образованных детей, современным родителям нужно достигнуть не столько некоего возраста, сколько обрести психологическую и экономическую состоятельность. С этой точки зрения мы не можем рассматривать воспроизводство населения (рождаемость) в отрыве от других событий, которые сопутствуют ответственному родительству: достижение экономической и социальной состоятельности и зрелости (завершение получения образования, выход на рынок труда), психологической независимости от старших поколений (покидание родительского дома), выбор партнера для долгосрочных отношений (первая интимная близость, первое незарегистрированное партнерство, первый брак). Даже если индивид не планирует иметь ребенка в ближайшей перспективе или вообще, наличие перечисленных событий является важным индикатором для ближайшего окружения и социума в целом, показывающим, что индивид достиг социальной зрелости.

Результаты крупных социодемографических обследований показывают, что процесс перехода во взрослую жизнь в современном обществе усложняется, простые схемы размывается. Обретение стартовых событий откладывается, последовательность наступления событий становится более мозаичной, и, в известной степени, хаотичной, длительность взросления и интервалы между социоэкономическими и социодемографическими событиями возрастают.

Резюме параграфа

Данный параграф был посвящен изучению теоретических подходов и концепций к феномену взросления в таких науках как ювенология, психология, социология и демография.

Ювенология создавалась как наука, занимающаяся комплексным изучением молодежи [Господинов, 1977; Adamski, 1971; Mahler, 1982; Rosenmayr, 1972]. Предлагалось изучать молодежь и молодость в единстве биологических, психологических, социальных

аспектов [Ильинский, 2001], а взрослость как биосоциальное, духовное и социодемографические развитие [Слущкий, Журавлев, 2007]. Несмотря на большое количество интересных идей, предложенных ювенологами, данное направление науки так и не сумело стать по-настоящему междисциплинарным и обрести широкое признание. Взросление по-прежнему наиболее глубоко и эффективно изучается психологией, социологией и демографией по отдельности и во взаимодействии. На данный момент в рамках ни одной из перечисленных наук нет четко очерченного направления, занимающегося вопросами взросления, хотя взросление активно (хоть и фрагментарно) изучается уже целый век.

Первой свое внимание на взросление обратила *психология*. В современной психологии есть целый раздел, посвященный вопросам развития личности – возрастная психология или психология развития. Частью этого раздела является психология юношеского возраста. Она начала развиваться в 20-е годы 20-го века, и большинство ее завоеваний сделано в период довольно сильного дисциплинарного разграничения, поэтому междисциплинарных подходов в ней довольно мало, и много жестких периодизаций, которые, увы, уже устарели. Современные междисциплинарные психологические теории учитывают влияние различных факторов на взросление индивида: биологических, психологических, социальных, исторических, культурных, гендерных и других.

В психологических словарях определение взрослому или взрослости не дается, поэтому разные исследователи формулируют собственные определения. Например, взросление – это совокупность индивидуальных процессов, связанных с переживанием соматических изменений, вынужденной адаптацией к ним и с реакцией на них [Ремшмидт, 1994]. Вместо термина «взросление» психологами часто используются названия этапов жизни или синонимичные процессы. Чаще всего – юность, молодость, развитие. В современных работах заметна тенденция к разделению взросления на этапы. Так появилась ранняя и средняя зрелость, «зарождающаяся» взрослость.

Наборы компонентов взрослости варьируют в зависимости от того, каких идей придерживается исследователь. Одни считают, что начало и конец перехода во взрослую жизнь должны определяться по изменениям в теле, мозге и психике индивида; другие – что важно, насколько психологически зрел человек (самостоятелен, ответственен, способен решать проблемы); третьи – что важнее всего, как индивид приспособлен к жизни в социуме, сформирован ли у него необходимый ролевой репертуар; четвертые перечисляют целый ряд биографических событий, которые маркируют взрослость; пятые считают, что человек автоматически становится взрослым при достижении определенного возраста и так далее.

Возрастные границы взросления также сильно разнятся. Неизменно одно – период перехода во взрослую жизнь растягивается все на больший промежуток времени и включает в себя уже и подростковый, и юношеский возраст, и молодость. Также становится заметным тренд к индивидуализации процесса взросления и возникающая с этим бессмысленность выделения жестких возрастных рамок. Вследствие размытия границ взросления и отсутствия четких критериев взрослости задача перехода во взрослую жизнь усложняется, т.к. очень трудно достичь того, что никак не определено. Процесс поиска новых смыслов и критериев взросления происходит как на уровне конкретных индивидов, так и общества в целом.

В *социологии* процесс взросления связывается с социализацией, изменением общественного положения, социального статуса. «Юность – определенный этап созревания и развития человека, лежащий между детством и взрослостью» [Кон, 1989, с. 6]; фаза «перехода от зависимого детства к самостоятельной и ответственной взрослости, что предполагает, с одной стороны, завершение физического, в частности, полового созревания, а с другой – достижение социальной зрелости» [Кон, 1989, с. 7]. Выделяется такое понятие как социальный возраст. Он состоит из набора нормативно-ролевых характеристик, предписываемых определенному возрасту в данном обществе и определяется соотношением уровня социального развития индивида, овладения им социальных ролей с тем, что характерно для его сверстников.

В социологии существует несколько направлений, изучающих переход во взрослую жизнь. В рамках марксизма возникло такое направление как социология молодежи, т.к. именно это учение впервые стало воспринимать молодежь как проводников общественного изменения («история – есть смена поколений»). Затем молодежная тематика стала активно развиваться Э. Дюркгеймом, Т. Парсонсом, Р. Мертоном, Н. Смелзером, В.Т. Лисовским и другими. После студенческих демонстраций в Европе и США в 1968 году многие ученые и политики осознали важность новой возрастной группы и стали целенаправленно ее изучать.

В 1970-х годах как отдельное направление начала развиваться социология возраста. В 1972 году М. Райли с коллегами обозначила границы для изучения связанной с возрастом динамики взаимодействия между людьми и ролями [Aging and society, 1972], а десятилетиями позже предложила концепцию возрастной интеграции (в противопоставление возрастной дифференциации) [Riley, Loscocco, 1994]: возрастные границы получения образования, образования семьи, выхода на пенсию становятся все более размытыми вследствие увеличения продолжительности жизни и трансформации этапов жизненного пути. В условиях неопределенности возрастных границ наступления разных событий и этапов жизни люди разных возрастов объединяются в одну группу.

С середины 1970-х годов успешно развивается и инкорпорируется в разные науки концепции жизненного пути, в рамках которой выделяется отдельный феномен перехода во взрослую жизнь (transition to adulthood) и предлагается целый спектр количественных и качественных методов по изучению событий жизни, происходящих в этот период.

Демография изучает воспроизводство населения, поэтому основной смысл перехода во взрослую жизнь для демографии – это обретение индивидами возможности деторождения и реализация этой возможности. Если в традиционном обществе основной фокус был на количественных показателях, т.к. высокий уровень смертности требовал раннего и интенсивного деторождения, то в современном мире, в глобальном масштабе, испытывающем перенаселение, фокус сменился на качественные показатели (образованность населения, счастье, удовлетворенность жизнью). В условиях фокуса на качестве требования к родительству существенно выросли; родительство уже невозможно рассматривать в отрыве от других сфер жизни, постоянно конкурирующих за время и внимание индивида.

Ответственное, осознанное родительство подразумевает сегодня достижение экономической и социальной состоятельности и зрелости, психологической независимости, выбор партнера для долгосрочных отношений, а значит, к маркерам взрослости помимо деторождения добавляется еще несколько социодемографических событий: получение образования, трудоустройство, отделение от родителей, создание брачного или партнерского союза.

Добавление социоэкономических событий к перечню маркеров взрослости неизбежно приводит к усложнению и откладыванию перехода во взрослую жизнь, т.к. профессиональная подготовка занимает все больше времени. Результаты крупных социодемографических обследований показывают, что обретение стартовых событий откладывается, последовательность их наступления становится хаотичной, а длительность взросления и интервал между социоэкономическими и социодемографическими событиями возрастает.

Таким образом, данный параграф послужил для нас отправной точкой в выборе теоретических концепций и формулировании гипотез. Мы увидели, что взросление можно изучать с разных позиций, одна из которых – исследование фактически наступивших событий жизни, маркирующих переход во взрослую жизнь.

1.3. Обобщение теоретических подходов и операционализация понятий для социодемографического изучения взросления

1.3.1. Обобщение подходов разных дисциплин к переходу во взрослую жизнь

Проведенный нами анализ основных теоретических подходов к феномену взросления показал всю сложность и многоаспектность данного явления. Мы проследили зарождение интереса к теме взросления, появившегося еще в античной философии и искусстве, его развитие и обретение отчетливых концептуальных и методологических форм в современных гуманитарных науках.

Результаты анализа подходов разных дисциплин к феномену взросления обобщены в таблице (Таблица 2).

Мы увидели, что еще ни в одной дисциплине не сформировано комплексного и полноценного восприятия такого сложного и нового феномена как взросление: психология основное внимание уделяет особенностям индивидуального развития индивида и формированию у него личностных компетенций в процессе взросления (human agency), а социология и демография – институциональным особенностям общества, в котором живет человек, и наличию в индивидуальной биографии определенных событий, маркирующих взросление (social structure).

В роли площадки для междисциплинарного общения и формирования общего терминологического аппарата выступает концепция жизненного пути, в рамках которой переходу во взрослую жизнь уделяется довольно много внимания, и которая сумела объединить наиболее интересные инструменты и подходы разных наук.

Таблица 2. Подходы к определению перехода во взрослую жизнь в разных науках

Наука	Название периода	Функция взросления	Маркеры взрослости
Биология, медицина	<ul style="list-style-type: none"> • пубертат • подростковый возраст • молодость 	Рост и созревание организма	<ul style="list-style-type: none"> • старт: начало эякуляции у мальчиков (13-14 лет) и менструации у девочек (12-18 лет) • окончание: завершение формирования костей запястья (30 лет для обоих полов)
Право ¹	<ul style="list-style-type: none"> • частичная и полная дееспособность 	Достижение правовой и гражданской зрелости: формальный переход из ребенка, за которого отвечают родители, в полноправного гражданина, имеющего, в том числе, и обязанности и несущего ответственность за все свои поступки	<ul style="list-style-type: none"> • получение паспорта – частичная дееспособность (14 лет) • достижение трудоспособного возраста (16 лет) • достижение возраста право- и дееспособности (18-21 год) • для мужчин: достижение призывного возраста (18 лет) • достижение возраста сексуального согласия (16 лет) • достижение брачного возраста (18 лет; редко – с 14, 16 лет)
Психология	<ul style="list-style-type: none"> • ранняя взрослость (emerging adulthood) • юность • молодость 	Достижение психологической зрелости: <ul style="list-style-type: none"> • адаптация индивида к трансформации его тела и обретению новых социальных ролей • достижение эмоциональной, психологической, физической, экономической независимости детей от родителей² и родителей от детей³ 	<ul style="list-style-type: none"> • самостоятельность • способность брать ответственность за себя и другого • психологическая независимость детей и родителей • завершение получения образования • трудоустройство детей • отделение от родителей
Социология	<ul style="list-style-type: none"> • переход во взрослую жизнь (transition to adulthood) 	Социализация, включение в общество: овладение социальными ролями через прохождение разных социальных институтов: семья, школа, университет, трудовой коллектив	<ul style="list-style-type: none"> • завершение получения образования • первое трудоустройство
Демография	<ul style="list-style-type: none"> • взросление • юность (adolescence) • молодость (youth) 	Участие в воспроизводстве населения и демографических отношений: формирование сексуальных, брачно-партнерских и репродуктивных предпочтений и установок, в дальнейшем перерастающих (или не перерастающих) в демографические события	<ul style="list-style-type: none"> • достижение репродуктивного возраста • достижение возраста сексуального согласия • завершение полового созревания • сексуальный дебют • регистрация первого брака или начало сожительства с партнером • рождение первого ребенка

Источник: составлено автором

¹ В качестве примера перечня законодательно закрепленных возрастов и их значений мы приводили возрасты, принятые в России.

² Для ребенка расторжение с родителями – необходимое условие перехода во взрослую жизнь, т.к. когда родителей или других опекунов не станет, ему придется жить самостоятельно [Манухина, 2017, с. 22].

³ Для родителей отпустить детей, признать в них взрослых – это необходимое условие собственного развития, это адаптация к их символической (но болезненной) смерти как детей и перерождению во взрослых и равных, в конкурентов за ресурсы [Манухина, 2017, с. 22, 33].

В начале этой главы мы поставили несколько конкретных задач, и сейчас дадим на них ответы.

1. Что такое взросление: событие или процесс? Каковы его роль, место и смысл?

Как мы выяснили, в традиционном обществе существовали обряды инициации, которые представляли из себя четкую последовательность ритуальных действий. Эти ритуалы являлись дискретным переходом, который осуществлялся в соответствии с простыми и заранее известными правилами. То есть по своей сути обряд инициации скорее являлся событием нежели процессом. Главной задачей инициации было снижение неопределенности и напряжения у индивида в связи с изменениями в его теле и социальном статусе, а также у общества в связи с появлением нового поколения и перераспределением общественных задач и ресурсов.

Взросление в современном обществе – это процесс. Помимо необходимости занять позицию в социальной иерархии через обретение социальных статусов (событий), индивиды также должны обретать психологические компетенции, понимание которых еще только формируется в обществе. Взросление больше не снимает напряжение, а напротив – наращивает его. В отсутствие четких критериев перехода во взрослую жизнь индивидам крайне сложно обрести идентичность взрослого. Взросление как длительный процесс, как этап жизненного пути – явление исторически новое, ставшее результатом сильно продлившегося времени жизни и роста внимания к показателям качества, а не количества.

2. Каковы компоненты (критерии, маркеры) взросления?

В традиционном обществе критерии были четко определены и гендерно обусловлены. Основной задачей индивида было деторождение, но переход к нему у мужчин лежал через социоэкономические достижения (показать себя в бою или на охоте, собрать выкуп или калым и т.д.), а у женщин – через биологическое созревание, знаменующее готовность к деторождению.

Сегодня гендерные различия в маркерах взросления нивелируются. Во многих современных обществах и мужчина, и женщина имеют равный доступ ко всем рынкам (рынку труда, образовательных услуг, брачному рынку), поэтому и требования к их компетенциям как взрослых аналогичны. Психологи, социологи и демографы выделяют разные критерии и выделяют разные маркеры взрослости (Таблица 2).

3. Есть ли фиксированный порядок, в котором выстроены компоненты взросления?

В традиционных и просто устроенных обществах, где жизнь представляет из себя цикл и прошлое родителей становится будущим детей, последовательность наступления событий четко фиксирована на нормативном уровне и поддерживается всеми институтами, прежде всего семьей и родственными сетями, общиной и церковью. В современных

обществах, где нет даже четкого понимания того, что такое быть взрослым, растет разнообразие жизненных путей. Последовательность наступления событий становится мозаичной и плохо предсказуемой на индивидуальном и на среднестатистическом уровне из-за высокой вариативности траекторий.

4. Каковы возрастные границы взросления: начало и окончание?

Определение возрастных границ взросления тесно связано с перечнем маркеров, определяющих взрослость и с порядком их наступления. В таблице (Таблица 2) приведены примеры таких возрастов. Некоторые исследователи считают, что взросление начинается и завершается в определенных возрастах, и именно хронологический возраст играет решающую роль в том, наделять ли индивида определенными правами и обязанностями. Другие ученые полагают, что для взросления важно накопить определенные «компетенции», необходимые для самостоятельного существования в конкретном обществе, и тогда возрастные границы будут размыты, т.к. разные люди будут обретать необходимые события и «компетенции» в разных возрастах.

5. Взросление – универсальный феномен или оно разнится в зависимости от эпохи, общества и индивидуальных характеристик людей (пол, поколение и другие)?

Результаты исследований, которые мы изучили, показывают, что взросление всегда является производной конкретной исторической эпохи и культурных особенностей конкретной страны. Характеристики людей (например, пол и поколение), как мы увидели, также играют важную роль в том, какими особенностями будет обладать переход во взрослую жизнь у конкретного индивида. Например, женщины раньше выходят замуж и рожают детей, т.к. во многих культурах есть представление о наиболее благоприятных возрастах для деторождения, за пределы которых откладывать деторождение нельзя.

Сегодня взросление рассматривается либо как самоценный этап жизни, либо как переход ко взрослости. Разница между этими подходами в том, что в первом случае взросление понимается как отдельный этап жизни со своими уникальными характеристиками, а во втором случае – только как переход из одного состояния в другое, из «самобытности детства к жестко регламентированному ролевому поведению взрослых» [Ремшмидт, 1994, с. 13]. Перечисленные нами подходы к определению взросления показывают, что взросление, действительно, становится отдельным, специфическим этапом жизни, а молодежь – это не просто «недовзрослые», а отдельная социально-демографическая группа со своими ценностями, потребностями, постановкой жизненно важных задач, проблемами и способами их решения.

И, безусловно, за «открытием» нового этапа жизнедеятельности людей, признанием важной общественной роли социальной группы «взрослеющих» должно последовать глубокое их изучение, чтобы понимать, какие изменения происходят и чего ожидать в будущем. Без этого знания невозможно выстроить современную политику государства, обращенную в будущее и учитывающую фундаментальные изменения в жизни человека и в его социальном окружении.

1.3.2. Операционализация понятий

Итогом изучения теорий и подходов к взрослению является выработка автором собственного подхода к этому феномену. В этом параграфе мы операционализируем понятие «взросление» и обозначим ряд других терминов, которые будут использованы в работе.

1.3.2.1. Определение и компоненты перехода во взрослую жизнь

У нас сформировалось представление о взрослении как о комплексном процессе, происходящем во взаимодействии внутреннего мира и часов индивида (*human agency*) и внешнего мира и его календарей (*social structure*).

На наш взгляд, *взросление* индивида включает в себя следующие взаимосвязанные компоненты:

- изменение возраста (изменение объективных, хронологических часов);
- биологическое созревание (изменения в организме);
- гражданская зрелость (обретение дееспособности и правоспособности);
- психоэмоциональное развитие (изменения в психике);
- социальное взросление (обретение социальных статусов и ролей);
- демографическое взросление (обретение опыта событий, маркирующих взросление и способствующих воспроизводству населения).

Можно дать следующее **определение переходу во взрослую жизнь**: это комплексный процесс становления индивида взрослым, самостоятельным; это социально сконструированная система норм, которая определяет поведение людей и наложена на историческую ситуацию. Взросление включает в себя хронологическую, биологическую, правовую, психоэмоциональную, социальную и демографическую компоненты.

В дальнейшем анализе мы сфокусируемся на *демографической компоненте* и будем изучать только фактологический слой через наступление событий, маркирующих взросление. Мы не исключаем важности всех остальных компонентов, но полагаем, что

совершение индивидом значимых событий в жизни может являться результатом достижения им необходимых для совершения этих событий компетенций.

Например, чтобы стать родителем, необходимо созреть для этого биологически и психоэмоционально, достичь определенного хронологического и установленного законом возраста и, родив ребенка, начать выполнять предписанные родителю социальные роли. Безусловно, в реальной жизни встречается много примеров того, как родителями становятся индивиды, которые еще не созрели психоэмоционально или социально, либо которые не достигли установленного законом возраста сексуального согласия. Мы понимаем, что, анализируя поведение людей, мы работаем только с частью реальности, неизбежно абстрагируясь от многих взаимосвязей и взаимообусловленностей. Так, учитывая характер располагаемого эмпирического материала, мы не можем говорить о «качестве» взросления – только об объективных, количественных параметрах, которые мы смогли измерить (возраст, длительность, наличие конкретных событий и т.д.). Тем не менее, это первый шаг, с которого логично начать изучение такого сложного и многопланового феномена как взросление.

1.3.2.2. Маркеры перехода во взрослую жизнь

В предыдущей главе мы приводили мнения разных исследователей о том, какие события можно считать *маркерами перехода во взрослую жизнь*. В нашей работе мы ограничены конкретным эмпирическим материалом, поэтому мы будем исходить из того, какие события доступны для изучения, а это:

- получение (школьного и) профессионального образования;
- опыт первого трудоустройства;
- опыт первого отделения от родителей;
- опыт первого партнерства (незарегистрированных отношений с совместным проживанием);
- первый брак;
- рождение первого ребенка.

Мы уже говорили о том, что все эти события различаются по своей природе: какие-то являются однозначно социоэкономическими (образование и трудоустройство), какие-то – демографическими (деторождение), а все другие могут менять свое значение в зависимости от того, какую эпоху и чьи конкретно биографии мы рассматриваем. Для простоты и однозначности дальнейшего анализа мы разделим все события на две группы: *социоэкономические* события будут включать образование, работу и отделение от

родителей, а *демографические* – партнерство, брак и деторождение. Все события вместе мы будем называть *социодемографическими* событиями.

Вопрос с выбранными нами названиями для блоков событий и для всех событий в целом также является неоднозначным, так как при совмещении социальноэкономических и демографических событий мы должны были бы получить социо-экономико-демографические события. Исключительно для удобства практического использования терминов мы прибегаем к упрощению и сокращению итожащего термина до «социодемографические события». В качестве удобной альтернативы мы также будем использовать термины «все стартовые события» или «маркеры взросления».

Из имеющихся событий-маркеров мы рассматриваем *партнерство* как *необязательное* для обретения статуса взрослого, т.к. оно легитимировалось только после распада СССР.

1.3.2.3. Границы перехода во взрослую жизнь

Следующий важный вопрос – это *выбор границ возрастов*, в рамках которых мы будем анализировать взросление. Мы вынуждены ограничить этот период по нескольким причинам:

1. В базе данных, с которой мы работаем, встречаются нетипично молодые и пожилые возрасты обретения событий. Мы не можем удалить таких респондентов или нетипичные события, т.к. мы не хотим вмешиваться в порядок наступления событий и смещать структуру нашей выборки.
2. Мы изучаем людей разных возрастов. Те, кому на момент опроса 50-80 лет, по всем имеющимся градациям этапов жизни, уже давно должны были завершить переход во взрослую жизнь и начать переход в пожилой возраст. Те же, кому на момент опроса 20-40 лет, еще не вышли из возраста, в котором происходит накопление стартовых событий. Соответственно, у тех, кто старше, возможностей обрести стартовые события было больше просто вследствие более долгой длительности прожитой жизни.

Для того, чтобы уравнивать молодых и пожилых респондентов в их шансах на обретение событий, необходимо выбрать период, который мы примем за период взросления, и изучать те события, которые произошли в его рамках.

Так как в нашей работе мы будем использовать разные методы анализа событий жизни, то для некоторых методов (например, анализ квантума и структуры) ограничения возрастов не потребуются, но для методов, чувствительных к возрасту наступления событий

(например, медианный или средний возраст), придется вводить ограничения или рассматривать события, наступившие к определенным возрастам.

Выбор *нижней границы взросления* был обусловлен следующими соображениями:

1. В России частичная дееспособность начинается в 14 лет (получение паспорта, а с ним: возможности жить отдельно от родителя, начать работать, проводить финансовые сделки; также индивид начинает нести уголовную ответственность по ряду преступлений).
2. Возраст сексуального согласия в России составляет 16 лет, брачный возраст начинается с 18 лет, но может быть снижен вплоть до 16 или даже 14 лет в отдельных случаях и отдельных регионах страны.
3. Началом репродуктивного возраста в демографии считается 15 лет. Эта цифра ниже официально разрешенного возраста начала половой жизни, т.к. право очерчивает рамки, но реальная жизнь гораздо сложнее и многообразнее. База данных, с которой мы работаем, это подтверждает: в ней присутствуют респонденты, у которых деторождение и другие события произошли до 16 лет.

Учитывая высказанные соображения, мы решили в качестве возраста начала взросления взять 15-летие. Этот возраст является общепринятым в демографических исследованиях и с ним удобно работать, т.к. от него откладываются удобные пяти- и десятилетние интервалы. Также, как мы убедились, к этому возрасту у россиян появляется возможность на законных основаниях совершать события как минимум в социоэкономической, но в ряде случаев и в демографической сфере.

Выбор *верхней границы взросления* был более волюнтаристским, т.к. мнения ученых, изучающих взросление в разных странах и на разных исторических отрезках, варьирует в отношении этого вопроса очень сильно. В России, например, чаще всего в качестве такого возраста в исследованиях используется 30-летие [Веселкова, Ершова, Прямикова, 2014; Солдатова, 2007]. Мы решили исходить из имеющегося у нас эмпирического материала. Как мы покажем дальше в работе, подавляющее большинство респондентов выборки РидМиЖ обретает стартовые события к возрастам 30-35 лет, что подтверждается нашими предыдущими исследованиями, проведенными на разных базах данных [Бурдяк и др., 2014b; Захаров, Артамонова, Митрофанова, 2017; Митрофанова, 2015; Mitrofanova, 2016a; Mitrofanova, 2017c]. Мы выбрали возраст 35-летия, а не 30-летия, чтобы уловить тенденцию к постарению стартовых возрастов, если таковая имеется.

В качестве критерия *завершенности перехода во взрослую жизнь* взято наличие максимально возможного количества стартовых событий к возрасту 35 лет. Мы не проблематизировали вопрос биологической неспособности респондентов к рождению

детей, а также наличия у них инвалидности или других препятствий к обретению событий в разных сферах жизни.

1.3.2.4. Учет влияния индивидуальных характеристик респондентов на особенности их перехода во взрослую жизнь

Для того, чтобы иметь возможность учесть влияние неоднородности жизненных условий, в которых индивиды социализировались и обретали разные стартовые события, мы включили в анализ ряд индивидуальных характеристик, которые, как мы считаем, могут достаточно сильно повлиять на формирование жизненного пути. К таким характеристикам или стратифицирующим переменным мы относим:

1. Демографические:

- пол или гендер;
- принадлежность к поколению.

2. Социоэкономические:

- уровень образования на момент опроса;
- тип населенного пункта на момент опроса.

Демографические характеристики устойчивы во времени и могут являться причиной различий в траекториях. Социоэкономические характеристики изменяются в течение жизни и могут являться как причиной, так и следствием наступления разных стартовых событий.

Демографические характеристики

Пол или гендер

Термин «пол» (sex) в социологии применяется в отношении биологической принадлежности индивида к мужским или женским особям. Термин «гендер» (gender) связан с тем, социальные роли, предписанные какому полу индивид выбирает. Если пол – это биологическая данность, то гендер – это социально-сконструированный феномен, который может трансформироваться как в понимании общества, так и в самоощущении индивида в течение его жизни [Гендер для «чайников»-2, 2009].

В каждом обществе существует свой гендерный порядок, на основе которого формируется гендерный контракт, а также сценарии поведения и ролевые модели мужчин и женщин в семье и обществе [Темкина, 2005; Темкина, Роткирх, 2002]. Гендерные сценарии формируют допустимые границы, в которых может варьировать социально одобряемое поведение: дедлайны наступления разных событий, их количество, последовательность и т.д.

В нашем исследовании мы не видим необходимости строгого разделения терминов пол и гендер, т.к. для тех поколений россиян, которых мы рассматриваем, не было возможным публично демонстрировать и практиковать гендерное поведение, не совпадающее с биологическим полом. В частности, в том обследовании, которое является базой для нашего эмпирического анализа, был вопрос о наличии гомосексуального опыта у респондентов. На этот вопрос не было дано ни одного положительного ответа. Если даже в современную эпоху, на условиях конфиденциальности использования данных анкет люди не готовы делиться подобной информацией, то публичная демонстрация инакого гендерного поведения представляется мало реальной.

В этой связи в данном исследовании мы будем использовать термины «пол» и «гендер» как синонимы, предполагая, что респонденты, являющиеся мужчинами, реализуют гендерные сценарии, сформированные в российском обществе для мужчин, а женщины – для женщин. Некоторое внимание в следующей главе мы уделим особенностям трансформации гендерного контракта в российском обществе, т.к. смена норм и ориентиров приводит к изменению реального поведения и наоборот.

Поколенческая принадлежность

В разделе «Молодежь как агент обновления общества» мы уже упоминали о том, что подразумевают под термином «поколение» социологи. Классическим считается определение Карла Мангейма [Мангейм, 1998], который понимает под поколением общность людей, объединенных одним социальным местоположением, то есть схожим временем рождения, социальным, историческим опытом, поведением и мировоззрением.

В демографии вместо поколения часто используют термин «когорта». Классической работой, противопоставляющей два этих термина, считается статья Нормана Райдера [Ryder, 1965]. Он предлагает использовать термин «поколение» применительно к поколениям внутри семьи, а термин «когорта» использовать для анализа однородных возрастных групп.

Наше мнение по вопросу использования терминов следующее: *когортой* мы считаем группу людей, у которых какое-то демографическое событие наступило в одинаковом интервале календарных лет, а *поколением* – группу людей, рожденных в конкретном интервале календарных лет и объединенных общим историческим опытом, ценностями и мировоззрением (социальным местоположением). В данном исследовании мы будем использовать именно термин «поколение», т.к. нас интересует близость респондентов не только по времени рождения, но и по «социальному местоположению».

К. Мангейм полагал, что *обновление общества* происходит именно благодаря смене поколений: дух конкретной эпохи принадлежит поколению, находящемуся в наиболее активном возрасте. Следующие друг за другом поколения накладывают свои энтелехии на общие энтелехии, видоизменяя таким образом дух времени и культуру. За счет «свежего контакта» происходит встраивание нового поколения в существующее общество, процесс пересмотра и «забывания» старых идей и норм и включение новых в социальные практики.

П. Бергер и Т. Лукманн [Berger, Luckmann, 1966] выдвинули идею о том, что обновление общества происходит посредством последовательного протекания четырех процессов, позволяющих обществу транслировать существующие нормы новым поколениям, а новым поколениям – изменять их:

- *хабитуализация* – закрепление типичных действий и моделей поведения в качестве норм, что позволяет социуму экономить силы и время;
- *объективация* – достигнутый общественный договор, сформированные институты и социальные роли становятся объективной реальностью для членов общества;
- *интернализация* – каждый новый член общества, проходя процесс социализации, осваивает правила и нормы этого общества, создает в своем сознании образ объективной социальной реальности;
- *экстернализация* – действия человека в социальном мире. Происходит «свежий контакт» общества и нового поколения. В ходе него создаются новые действия и смыслы, которые проходят новый цикл хабитуализации-объективации-интернализации.

Схема взаимодействия общества и индивида, описанная Бергером и Лукманном, уточняет механизм, при помощи которого происходит «свежий контакт» поколения и социума и позволяет предположить, что этот механизм обратной связи будет релевантен для процесса перехода во взрослую жизнь. Мы полагаем, что старшее поколение будет транслировать младшему существующую нормативную модель или модели перехода во взрослую жизнь, а новое поколение, действующее в новых исторических условиях, будет адаптировать эти модели, практикуя новые способы поведения, изменяя тайминг, последовательность, количество событий и меняя их приоритетность в соответствии с теми задачами, которые актуальны на данном историческом отрезке.

Таким образом, мы предполагаем, что *исторический контекст, сопутствующий взрослению поколения*, будет играть важную роль в том, какие модели перехода во взрослую жизнь это поколение сформирует.

Одной из важных задач, в том числе и для проведения данного исследования, является выбор способа *деления населения на поколения*. Подходы к определению границ поколений и их длины варьируют в зависимости от позиции исследователя. Можно выделить два основных подхода:

1. Эмпирический (или статистический) подход, при котором разделение на поколения является целью анализа: исследователь анализирует данные о реальном поведении или ценностях людей и ищет точки перелома во взглядах или моделях поведения. Одной из наиболее заметных мета-работ этого направления является статья Я.С. Улицкого [Улицкий, 1959], обобщающая и систематизирующая имевшиеся на тот момент примеры эмпирической разбивки на поколения.
2. Аналитический (или исторический, политико-экономический) подход, при котором разделение на поколения является средством для анализа: исследователь сам разбивает историческое время на важные этапы и выбирает точки, где одно поколение сменяется другим [Howe, Strauss, 1998; Левада, 2001; Радаев, 2018]. В основном, представленные классификации построены вокруг крупных исторических изменений и формируемых ими ценностей и моделей поведения, однако, в зависимости от фокуса исследования, можно выделить и другие основания для выделения «реперных» точек (изменения демографической политики, появление крупных технологических новаций, изменения в массовой культуре и т.д.).

В данном исследовании мы исходим из логики второго подхода, при котором разделение на поколения является не целью, а средством анализа. Принимая решение об определении границ поколений, мы исходили из имеющегося эмпирического материала (подробнее – в параграфе «3.2. »), накопленного опыта его анализа и понимания основных общественно-политических вех развития России (подробнее – в главе «2. Исторический контекст, сопутствующий взрослению разных поколений россиян»).

Данные анализируемого нами обследования собирались в 2004, 2007 и 2011 годах путем опроса респондентов в возрастах старше 18 лет. Мы анализировали только панельную составляющую (респондентов, участвовавших во всех волнах опроса), что ограничило диапазон годов рождения респондентов следующими: 1924-1986 гг. При разбивке на 5-летние когорты, поколений получалось слишком много, 15-летний шаг был слишком большим и не давал отследить важные переломные моменты. Варианты с неравными длинами поколений нам также не подходили, т.к. мы рассматриваем слишком много событий, и любая вариативность может оказывать дополнительное влияние на шансы наступления событий. Нашим выбором стал 10-летний поколенческий шаг.

Респонденты 1924-1929 г.р. были отсечены вследствие того, что, во-первых, это поколение недонаполнено (не хватает когорт 1920-1923 г.р.), во-вторых малочисленно (из-за невысоких шансов дожить до 80-летнего возраста в России) и, в-третьих, в самой старшей возрастной группе высокая селективность и много рисков искажения информации о стартовых событиях, т.к. они произошли в жизни 80-летних людей очень давно. Таким образом, самым пожилым поколением для нас стали респонденты 1930-1939 г.р. Самое молодое поколение получилось усечено (1980-1986 г.р.), но мы согласились «потерять» три когорты (1987-1989 г.р.), чтобы иметь возможность хотя бы что-то узнать о самых молодых респондентах, которые, к тому же, на момент последней волны опроса уже находились в возрастах старше 25 лет.

В дальнейшем в работе мы будем использовать следующие лейблы для поколений: «советскими» мы будем называть поколения 1930-1969 г.р., которые проходили социализацию и выросли во времена СССР, «современными» или «молодыми» поколениями мы будем называть респондентов 1970-1986 г.р., которые социализировались уже после распада СССР. Мы используем такие не совсем корректные наименования поколений исключительно для упрощения проведения межпоколенных сравнений, которых в исследовании будет очень много.

Поколенческая оптика часто используется при анализе социоэкономического [Жизненный путь поколения: его выбор и утверждение, 1985; Ибрагимова, 2014а; Начало пути: поколение со средним образованием, 1989; Радаев, 2018; Ренье-Луалье, Бадурашвили, Циклаури, 2010] и демографического поведения [Блум, Себий, Захаров, 2010; Бурлуцкая, Терещенко, 2018; Жиромская, 2009; Захаров, Блум, 1997; Захаров, Сурков, 2009; Ильина, 1976; Никитенко, 1979; Сифман, 1972; Урланис, 1968].

Демографами предложен *когортный анализ* наступления событий [Захаров, 1999; Сифман, 1967; Сифман, 1969; Mason, Wolfinger, 2001], который затем был инкорпорирован в свои работы социологами и экономистами [Беляева, 2004; Головин, 2004; Ибрагимова, 2013; Науэн, 2006; Ибрагимова, 2014b; Терещенко, 2009]. Важное прикладное значение этого метода анализа состоит в разделении эффектов периода, возраста и когорты, которое называется «проблемой идентификации» [Науэн, 2006] и решается набором методов, один из которых – APC-analysis (age-period-cohort analysis, то есть *анализ возраста-периода-когорты*) [Yang, Fu, Land, 2004; Keiding, 2011; Tu, Krämer, Lee, 2012].

Разделение эффектов периода, возраста и когорты – серьезная методологическая задача, требующая знакомства со специальным демографическим инструментом, который называется демографическая сетка Лексиса. В нашей работе мы не будем использовать

математическую часть данного инструмента, а обратимся только к ее аналитической компоненте.

Для того, чтобы было понятно, каким образом возможно совмещение трех временных координат на двумерном пространстве, схематично изобразим демографическую *сетку Лексиса* (Рисунок 1). Вертикальные линии на сетке Лексиса отображают календарные даты и так называемое «условное поколение», к которому относятся все живущие в данный момент люди (современники). Диагональные линии представляют когорты или «реальные поколения» – то есть всех людей, которые родились в одинаковом диапазоне календарных дат. Горизонтальные линии пересекают разные когорты в тот момент, когда они находились в одинаковом возрасте.

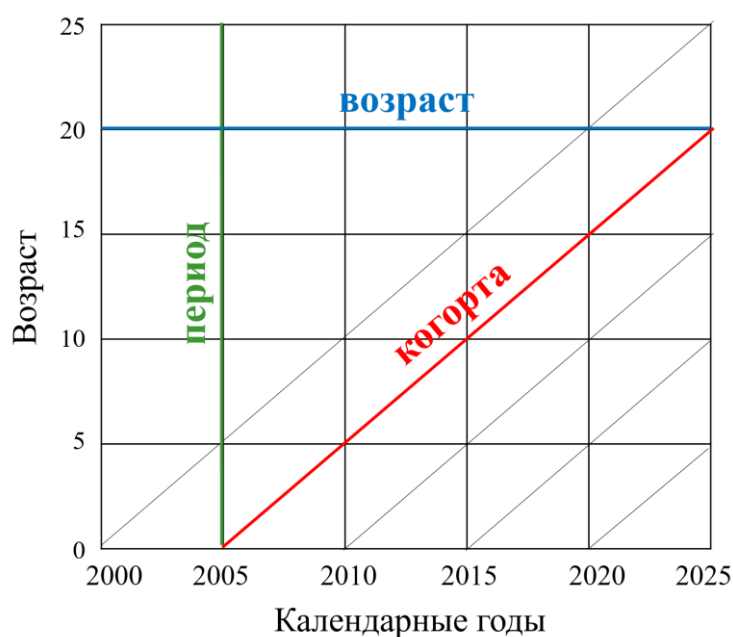

Рисунок 1. Схематичное изображение демографической сетки Лексиса (вариант Р. Пресса)

Источник: составлено автором по материалам Р. Пресса [Пресса, 1966]

Сетка Лексиса, в более удобном варианте предложенная французским демографом Р. Пресса [Пресса, 1966], показывает, что на индивида в каждый момент времени оказывают влияние все три временные координаты: то, в какую эпоху живет индивид (эффект периода), то, в каком возрасте он проживает каждый момент исторического времени (эффект возраста) и то, в каких условиях он социализировался и формировалась его картина мира (эффект поколения).

На практике разделить эти эффекты очень сложно, но если рассматривать разные поколения на единых отрезках возрастов (например, 15-35 лет) и при этом принимать во внимание особенности исторического времени, в которое происходило формирование

разных поколений, то мы можем хотя бы на базовом уровне контролировать эффекты возраста и периода и делать выводы о реальных межпоколенных изменениях. Одна из задач нашего исследования состоит именно в этом – проанализировать особенности взросления у разных поколений.

В данной работе мы предлагаем использование аналитического потенциала сетки Лексиса. Мы совместим информацию о реальном поведении поколений с информацией об историческом контексте (законы, нормы, правила). Предложенный метод позволит оценить **влияние эффектов периода, возраста и поколения** на особенности перехода во взрослую жизнь за счет:

- анализа изменений **исторических условий**, общественных норм и правил, сопутствующих взрослению каждого конкретного поколения;
- анализа того, в каком **возрасте** какие **исторические условия** переживало поколение;
- анализа изменения значимости одного и того же **хронологического возраста** в разные эпохи за счет анализа того, с наступлением каких событий связан искомый возраст в определенное календарное время.
- анализа **межпоколенческих** особенностей перехода во взрослую жизнь: структуры, тайминга, интенсивности и последовательности наступления стартовых событий у разных поколений.

Социоэкономические характеристики

Уровень образования на момент опроса

В параграфе «Маркеры перехода во взрослую жизнь: завершение получения образования» мы уже писали, что образовательные институты являются важнейшими агентами социализации. В зависимости от уровня образования и продолжительности обучения, жизненные пути разных индивидов могут сильно различаться. Исследователями подтверждены различия в следующих сферах жизни в зависимости от полученного образования:

- профессиональная траектория [Начало пути: поколение со средним образованием, 1989; Чередниченко, 2011; Johnson, Elder, 2002; Monteiro, Santos, Gonçalves, 2015];
- брачно-партнерская биография [Billari, Philipov, 2004];

- репродуктивная биография: вероятность подростковой беременности [Alzúa, Velázquez, 2017], число детей [Beaujouan, Brzozowska, Zeman, 2016; Beaujouan, Brzozowska, Zeman, 2016; Billari, Filipov, 2004; Brzozowska, Beaujouan, Zeman, 2017; Van Bavel и др., 2018; Van Bavel и др., 2018], возраст деторождения [Berrington, Stone, Beaujouan, 2015].

В данном исследовании мы будем включать в анализ уровень образования респондентов на момент опроса. Мы понимаем, что уровень образования меняется в течение жизни, и что не совсем корректно сравнивать уровни образования у молодых и пожилых респондентов. Начиная анализ, мы проанализируем отдельно завершение школы и получение профессионального образования, что поможет нам понять более объективную картину действительности и легитимировать использование уровней образования на момент опроса в качестве одной из стратифицирующих переменных.

Тип населенного пункта на момент опроса

Урбанизация – это процесс, сопутствующий как модернизации общества в целом [Нефедова, Трейвиш, 2001; Davis, Henderson, 2003; Easterlin, 2009], так и демографической модернизации [Вишневский, 2008; Dyson, 2011]. Городская среда дает анонимность, доступ к практикам и возможностям, недоступным в сельской местности: использование контрацепции, расширенный брачный рынок, большое число образовательных учреждений и потенциальных работодателей. Ценности и нормативные представления у городских и сельских жителей могут сильно различаться даже в небольшой стране, а в России разрыв между уровнем жизни, доступом к ресурсам и сценариями жизненного пути у жителей крупных городов и маленьких деревень может быть очень существенным [Нефедова, Трейвиш, 2001; Патрушев, 2005; Узик, 2006].

Исследователи находят много подтверждений тому, что демографическое и социэкономическое поведение людей, живущих в разных типах населенных пунктов, различается. Различаются траектории:

- получения образования [Roberts, 2018];
- трудоустройства [Hedlund, Lundholm, 2015];
- отделения от родителей [Mandemakers, Mönkediek, Kok, 2015];
- брачно-партнерских отношений [Courageau, 1989; Kefalas и др., 2011];
- деторождения [Goldstein, 1973];
- взросления в целом [Clark, Cotton, 2013; Napolitano, 2016].

В данном исследовании мы будем включать в анализ тип населенного пункта, в котором живет респондент на момент опроса. У нас есть информация о типе населенного

пункта, в котором индивид родился, но мы не знаем возраста переезда и того, был ли переезд инициативой конкретного индивида, поэтому для нас менее многозначная информация – о локации на момент исследования.

Данные последних исследований ставят под сомнение тезис о низкой мобильности российского населения [Карачурина, Мкртчян, 2017], поэтому мы дополнительно аргументируем легитимность использования данных о месте проживания на момент исследования. Мы воспринимаем тип населенного пункта на момент опроса как то место, которое близко респонденту по ценностям и которое его устраивает по большинству параметров. Сейчас возможности перемещения по стране и за ее пределы велики, поэтому если индивиду не нравится его место жительства и он не переезжает, то это значит, что неудобства, которые он испытывает, обладают недостаточно выталкивающей силой [Smelser, Baltes, 2001, с. 9830]. Соответственно, мы ожидаем, что срабатывают механизмы селективности [Kulu, 2005], в результате которой жители населенных пунктов одного типа будут похожи между собой по ценностям и поведению.

Помимо того, что индивидуальные характеристики оказывают влияние на формирование жизненного пути индивидов, они еще оказывают влияние друг на друга. В зависимости от того, какого пола индивид и в какой период времени он живет, его возможности для получения образования, будут разными. Например, в западных странах, только после бунтов 1968 года мужчины и женщины получили равный доступ к образованию, а до начала 20-го века образование вообще было, в основном, прерогативой мужчин. То же можно сказать о доступе к эффективной контрацепции, принципиально важного для социального контекста демографического поведения и др.

В зависимости от типа населенного пункта, социальные роли и требования к мужчинам и женщинам могут различаться, а также варьировать в зависимости от исторического периода. Как мы сказали выше, урбанизация, социальная и демографическая модернизация сопутствуют друг другу, поэтому для городов в большей мере, чем для сельских населенных пунктов характерен эгалитарный гендерный контракт, более быстрое освоение контрацептивных технологий и новых брачно-партнерских практик, а также более широкий доступ к получению образования.

Неоднородность взросления россиян с разными уровнями образования и из населенных пунктов разного типа является неизбежным следствием постепенности модернизации общества. Более образованные индивиды, живущие в больших городах, чаще всего, являются агентами модернизации. Именно они осваивают новые поведенческие модели в демографической и социоэкономической сферах жизни.

Аналогично и в отношении пола: так как женщины стремятся родить детей в репродуктивно здоровых возрастах¹, то и остальные демографические события они обычно обретают раньше. Поэтому женщины более консервативны в своем демографическом поведении, и оно часто напрямую конкурирует с социоэкономическим, т.к. для того, чтобы женщина совмещала карьеру и материнство, должны быть созданы институциональные условия. Мужчины имеют больше возможностей откладывания родительства и других демографических событий, а также имеют больше институциональных возможностей для совмещения карьеры и семейной жизни, поэтому они чаще становятся агентами модернизации, начиная первыми отсрочивать демографические события.

Агентами модернизации среди поколений являются наиболее молодые поколения, т.к. модернизация движется вперед по оси времени, и каждое новое поколение входит в период взросления во все более современных условиях. Безусловно, если государственная политика не меняет в одночасье свое направления, становясь авторитарной и консервативной.

Таким образом, выбранные нами стратифицирующие признаки, действительно, оказывают влияние на формирование жизненного пути, а также друг на друга. Причем это влияние, безусловно, происходит одновременно. Достаточно сложно учесть влияние сразу стольких переменных, но некоторые исследователи это делают [Константиновский, 2008; Begall, Mills, 2012; Cheah, Trinder, Gokavi, 2010; Chen, Fan, 2018; Nisén и др., 2018]. Мы в нашей работе основное внимание будем уделять стратификации по полу и поколениям, но также, где это уместно и не перегружает анализ, будем добавлять разрезы уровней образования и типов населенных пунктов.

1.3.2.5. Методологические термины

В разделе «1.2.4.3. Концепция жизненного пути в демографии: переход во взрослую жизнь» мы уже упоминали, что будем использовать специальные демографические и статистические методы, которые разделяются на категории, имеющие устоявшиеся названия как в зарубежной, так и в русскоязычной литературе. Мы приведем этот список

---

¹ В советское время существовала очень серьезная стигма относительно предпочтительного для деторождения возраста. Так, например, существовал термин «старородящая мать», который использовался в медицинских учреждениях по отношению к беременным женщинам старше 25 лет [Бредникова, 2009; Троцук, 2015]. Врачи, получавшие образование в СССР, до сих пор употребляют этот термин, хотя он уже исчез из официальной медицинской литературы, а возраст «позднего материнства» отодвинут до 35 лет. Это обусловлено тем, что учеными доказано: возраст матери не оказывает существенного влияния на здоровье ребенка [Jonsson и др., 2017].

терминов и их объяснений еще раз, чтобы читатель точно понимал, что мы имеем в виду под каждым термином:

- Структура (structure) – отношение численности разных групп людей друг к другу. Например, отношение тех, кто состоит в партнерстве к тем, кто состоит в браке (соотношение) или ко всему населению (пропорция).
- Квантум (quantum) – число событий. Например, среднее число браков на одного жителя страны.
- Тайминг (timing) – время наступления событий. Например, средний, медианный или модальный возраст первого брака.
- интенсивность (tempo) – скорость наступления событий. Например, динамика вступления в первый брак после достижения бракоспособного возраста (можно измерить в повозрастных долях, вероятностях, рисках, шансах).
- Последовательность (sequence) – порядок наступления событий. Например, жители одной страны предпочитают сначала трудоустроиться, а потом создавать семью, а жители другой страны чаще сначала создают семью, а потом трудоустраиваются.

Резюме параграфа

В данном параграфе, опираясь на существующие подходы к изучению взросления, мы выработали собственный подход и дали необходимые определения и методологические комментарии.

В нашем исследовании мы сфокусируемся на *демографической компоненте* и будем изучать только фактологический слой через наступление событий, маркирующих взросление. Мы не исключаем важности всех остальных компонентов, но полагаем, что совершение индивидом значимых событий в жизни может являться результатом достижения им необходимых для совершения этих событий компетенций.

Для удобства мы разделили все события на два блока: социоэкономические (окончание школы, получение профессионального образования, первое трудоустройство, первое покидание родительского дома) и демографические (первое партнерство, первый брак, первое деторождение). Все эти события вместе мы называем социодемографическими. Исключительно для удобства практического использования терминов мы прибегаем к упрощению и сокращению итожащего термина до «социодемографические события». В качестве удобной альтернативы мы также будем использовать термины «все стартовые события» или «маркеры взросления».

В качестве *нижней границы взросления* мы выбрали достижение индивидами возраста 15-лет. Этот возраст является общепринятым в демографических исследованиях, и ко времени его достижения, согласно российским законам, индивид уже является частично дееспособным, а значит имеет законодательно закрепленную возможность работать, жить отдельно от родителей, проводить финансовые сделки.

Выбор *верхней границы взросления* был обусловлен имеющимся у нас опытом изучения взросления на российских данных. Те обследования, с которыми мы работали, показали, что к возрасту 35 лет у большинства россиян уже есть практически все стартовые события.

Для того, чтобы иметь возможность учесть влияние неоднородности жизненных условий, в которых индивиды социализировались и обретали разные стартовые события, мы включили в анализ ряд *индивидуальных характеристик*, которые, как мы считаем, могут достаточно сильно повлиять на формирование жизненного пути. К таким характеристикам или стратифицирующим переменным мы относим: демографические (пол принадлежность к поколению) и социоэкономические (уровень образования на момент опроса и тип населенного пункта на момент опроса).

2. Исторический контекст, сопутствующий взрослению разных поколений россиян

В предыдущей главе мы проанализировали теоретические и эмпирические исследования, посвященные осмыслению феномена взросления. В данной главе мы подробнее остановимся на особенностях перехода во взрослую жизнь в России.

Как мы отмечали ранее, конструирование индивидом жизненного пути происходит под воздействием целого ряда факторов [Elder Jr, Johnson, Crosnoe, 2003]. Одним из таких факторов является контекст времени и места, а также влияние институциональных условий и ограничений на формирование индивидом жизненного пути. Так как мы рассматриваем стартовые события, то нас в большей степени интересует тот контекст, который сопутствовал первичной социализации и взрослению индивидов.

Эмпирическая часть данного исследования строится на работе с конкретной базой данных, поэтому, забегая вперед, сразу обозначим диапазон годов рождения респондентов обследования: с 1930 по 1986 годы. Соответственно, в данной главе нас будут интересовать основные исторические и политические события, а также социальные и законодательно закрепленные нормы на временном отрезке с 1930 по 2011 год (момент проведения опроса).

Мы рассмотрим особенности трудовой, образовательной, социальной и миграционной политики, оказывающие влияние на наступление социоэкономических событий, а также семейную, репродуктивную и демографическую политику, влияющую на обретение демографических событий. Основное внимание мы уделим тем мерам политики, которые влияют на квантум (количество), тайминг (календарь), интенсивность и последовательность наступления стартовых событий.

2.1. Демографические волны и численность поколений в России

Историческое время, в которое формируется поколение, а также численность поколения оказывают влияние на судьбу ее представителей. В демографии используется такой инструмент как половозрастная пирамида. На пирамиде для каждой когорты отображена ее численность (абсолютная или относительная): слева – для мужчин, а справа – для женщин. Форма пирамиды позволяет увидеть демографические волны, то есть перепады в численности когорт. Специфика демографических волн состоит в том, что поколения воспроизводят себя, создавая определенную цикличность: примерно каждые 25-30 лет (в этом интервале находится историческая величина средней длины поколения¹) многочисленное поколение рождает новое многочисленное поколение, а малочисленное – малочисленное.

Демографические волны, если они сильно выражены, создают проблемы для общества [Быстров, 2008], т.к. при изменении численности когорт изменяется также и численность основных контингентов населения: школьников, дошкольников, студентов, трудоспособных, пенсионеров. Всех их с определенной периодичностью становится то много, то мало, что приводит к флуктуациям спроса на образовательные, медицинские услуги, льготы, пенсии и прочие социальные обязательства государства. Для многочисленного поколения нужно строить дополнительные школы, детские сады, создавать дополнительные рабочие места, а с приходом малочисленного поколения вся эта инфраструктура становится недонаполненной и требует новой отладки.

Также демографические волны создают перепады в предложении рабочей силы; ситуацию то высокой, то низкой конкуренции за рабочие места и места в учебных заведениях. Такая волнообразность спроса и предложения создает дополнительную нагрузку на социальные и экономические институты; вынуждает индивидов менять профессии и приспосабливаться к новым социально-экономическим условиям.

Численность когорт влияет не только на общество в целом, трудовую и образовательную траекторию индивидов, но и на обретение последними опыта демографических событий. Многочисленное поколение наполняет брачный и репродуктивный «рынок» большим числом потенциальных невест и женихов, что повышает вероятность наступления демографических событий не только у вновь вступающих в репродуктивный возраст индивидов, но и у более старших когорт, не сумевших найти спутника жизни в своей или предыдущих когортах. Малочисленное

---

¹ «Длина поколения – это средний интервал времени, разделяющий поколения. Она равна среднему возрасту матери при рождении дочерей, доживающих хотя бы до возраста, в котором находились их матери в момент их рождения» [Народонаселение. Энциклопедический словарь, 1994].

поколение создает дефицит притока новых невест и женихов, что приводит к снижению числа демографических событий в те календарные годы, когда малочисленное поколение вступает в репродуктивный возраст. Также представители малочисленного поколения становятся более востребованными на брачном рынке в виду их дефицита, и могут позволить себе откладывать демографические события, понимая, что в условиях высокого спроса их шансы на обретение партнера дольше останутся высокими.

То есть численность когорт оказывает влияние не только на социальную сферу, функционирование институтов, число социоэкономических и демографических событий в конкретные календарные годы, но и на наступление биографических событий в рамках жизненных путей разных индивидов.

Рассмотрим пример российских поколений 20-го века, опираясь на ряд исследований [Блюм, 2005; Горшков, Шереги, 2009; Демографическая модернизация России, 1900-2000, 2006; Захаров, Блюм, 1997]. Начнем наш экскурс с краткого описания крупных исторических событий, повлиявших на численность населения в целом и отдельных когорт в частности.

В СССР несколько раз был сильный *голод*: в 1921 г., 1933 г. и 1946 г. Первые два голода были особо сильными и запустили демографическую волну, которая еще долго наблюдалась на половозрастной пирамиде.

Во время правления И.В. Сталина было несколько периодов массовых *репрессий*. Первый – с 1934 по 1941 годы. Внутри него отдельно выделяют 1937-1938 годы за особую массовость и жестокость «чисток». Эти годы еще называют «великим террором». Вторая волна репрессий началась после Великой Отечественной войны и достигла своего пика в 1947-1948 годах. До этого происходили массовые депортации целых народов. Сначала немцев (1941-1942 гг.), потом – народов Северного Кавказа и Крыма (1942-1944 гг.). В 1953 году, после смерти Сталина началась реабилитация и освобождение политзаключенных, переселенных народов (1954-1957 гг.).

Одним из главных и наиболее трагичных событий периода правления Сталина является *Великая Отечественная война* (ВОВ, 1941-1945 гг.). Она образовала такие рубцы на нашей половозрастной пирамиде, которые до сих пор отражаются эхом на поколениях потомков.

Все эти тяжелые события не только травмировали народ, разрушили множество семей, но также сказались на численности отдельных поколений, снижении рождаемости, росте смертности, половом дисбалансе и, как следствие, деформации брачного рынка. В качестве наиболее пострадавших поколений можно отметить рожденных в 1932 и 1934 гг.:

у них наблюдалась катастрофичная детская смертность. Под влиянием колоссальной смертности мужчин во время ВОВ, военные поколения женщин, особенно, 1927-1931 г.р. были вынуждены откладывать создание семьи из-за нехватки женихов, а поколения, рожденные во время ВОВ, оказались очень малочисленными.

В качестве иллюстрации того, как кризисы 20-го века повлияли на численность разных поколений, приведем половозрастную пирамиду по состоянию на 2011 год (Рисунок 2). Этот год взят, т.к. является годом проведения опроса, который мы будем анализировать в эмпирической части работы. Мы дополнили пирамиду шкалой справа, на которой отображены годы рождения поколений.

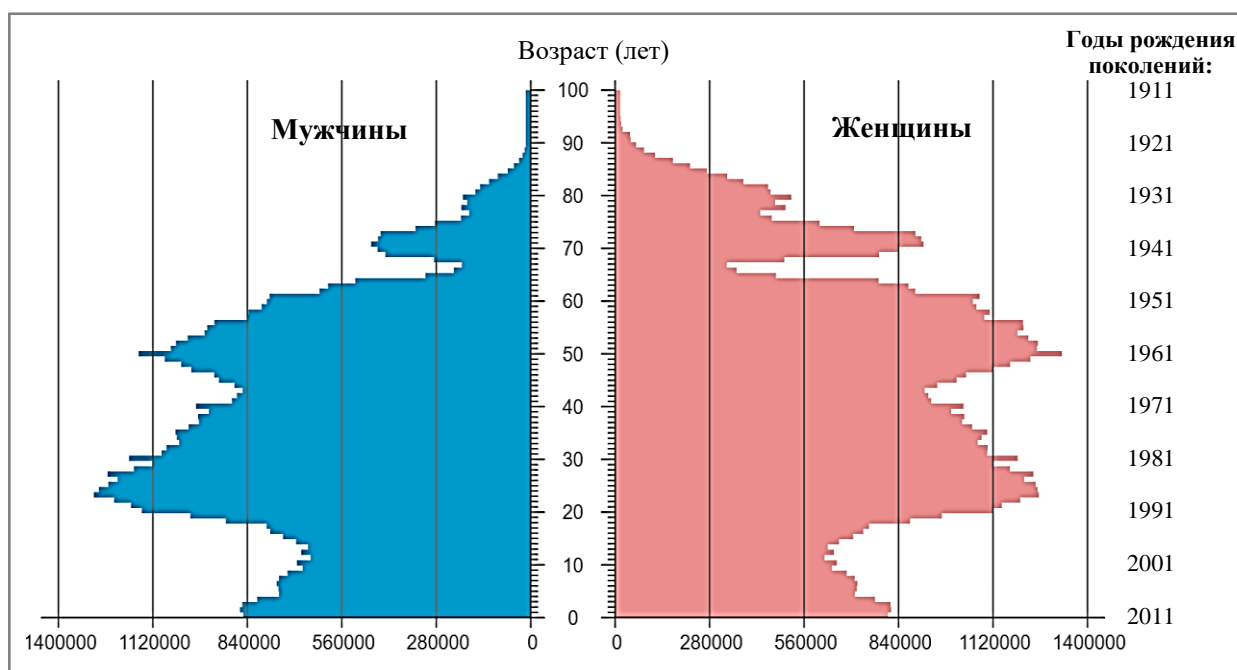

Рисунок 2. Половозрастная пирамида России, 2011 год

Источник: интерактивный конструктор Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/apps/ (дата обращения: 27.11.2018 г.)

На половозрастной пирамиде видны последствия перечисленных катастрофических событий. Демографическая «яма» в поколении 1940-х годов рождения, явившаяся следствием «провала» деторождений в военные годы, повторяется «эхом» в поколениях 1970-х и 1990-х годов рождения. «Эхо войны» угасает очень медленно, а в случае с поколениями 1990-х годов рождения это эхо еще и усилилось кризисами 90-х годов. Самыми многочисленными являются когорты 1960-х и 1980-х годов рождения.

Мы видим, что та демографическая волна, которая была запущена ВОВ и предшествующими историческими событиями, воспроизведена уже трижды. Разные виды

государственной политики (социальная, семейная, репродуктивная, демографическая) должны были быть направлены на выравнивание «провалов» на демографической пирамиде, но, как мы увидим дальше (раздел «2.2.2. Политика в демографической сфере»), к сожалению, волнообразность пирамиды была только усилена теми мерами, которые вводило государство (сначала СССР, а потом – Россия).

Резюме параграфа и дискуссия

Численность поколения – один из важных факторов, влияющих на условия, в которых это поколение обретает социодемографические события. Многочисленное поколение формирует высокую конкуренцию за ресурсы (партнеров, университетские и рабочие места), а малочисленное формирует дефицитное предложение на рынке труда, на брачном рынке. То есть в зависимости от численности сверстников обретение стартовых событий у разных поколений может происходить проще или сложнее, т.к. институты не успевают быстро подстроиться под резкую смену контингентов.

Российская половозрастная пирамида характеризуется чередованием многочисленных и малочисленных когорт, вызванным Великой отечественной войной и предшествующими историческими событиями. «Эхо войны» уже было воспроизведено дважды, и проводимая демографическая политика каждый раз только усугубляла численный разрыв между многочисленными и малочисленными поколениями. Наряду с различными историческими и политическими событиями год рождения стал для россиян одним из факторов, тормозящих или ускоряющих взросление.

2.2. Влияние мер государственной политики на наступление стартовых событий в биографиях россиян

В соответствии с логикой изложения, которой мы придерживались в первой главе, перечислим основные законодательно установленные «коридоры возможностей» в разных сферах жизни в течение того периода, что мы рассматриваем (1930-2011 гг.). Сначала мы рассмотрим меры политики, касающиеся социоэкономической сферы, а затем – демографической.

2.2.1. Политика в социоэкономической сфере

Школьное образование

Перечислим основные реформы в сфере образования, влияющие на возрасты начала и окончания получения школьного образования:

- 1930 – ввод обязательного начального обучения детей в возрасте 8-10 лет; в городах – ввод обязательного 7-летнего обучения (постановление ЦИК и СНК СССР от 14 августа 1930 года «О всеобщем обязательном начальном обучении»);
- 1934 – ввод трех уровней школьного образования: начальное (1-4 классы), неполное среднее (5-7 классы) и среднее (8-10 классы) (постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 года «О структуре начальной и средней школы в СССР»);
- 1940-1956 – обязательная оплата за образование в старших классах средней школы, в учреждениях среднего и высшего специального образования;
- 1958 – переход на обязательное восьмилетнее образование (Закон от 24 декабря 1958 года «Об укреплении связи школы с жизнью и дальнейшем развитии системы народного образования СССР»);
- 1986-1989 – возможность пройти начальное обучение за 3 класса вместо 4 и начинать обучение с 6 лет вместо 7 (Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 12.04.84 N 313 (ред. от 17.08.89) "О дальнейшем совершенствовании общего среднего образования молодежи и улучшении условий работы общеобразовательной школы" в редакции Постановлений ЦК КПСС, Совмина СССР от 11.07.88 N 842; от 19.08.88 N 1033, Постановления Совмина СССР от 17.08.89 N 657, Постановления Правительства РФ от 22.09.93 N 953);
- 2003 – Россия присоединилась к Болонскому процессу;

- 2012 – действующий сегодня закон (закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ) устанавливает, что для всех граждан начальное образование (1-4 классы) и основное (5-9 классы) являются обязательными. Среднее полное общее образование, предусматривающее продолжение обучения в 10-11 классах, не является обязательным. Начинать школьное обучение следует не раньше 6,5 лет и не позже 8 лет.

Если сравнивать сегодняшний закон с тем, что действовал с 1930-х годов, то изменения в тайминге школьного образования следующие. Возраст начала получения школьного образования немного омолодился: с 1930 года он составлял 8-10 лет, с 1986 года снизился до 6,5-8 лет. Длительность получения обязательного школьного образования выросла: с 1930 года нужно было учиться 7 лет, с 1958 года – 8 лет, сегодня – 9 лет. Изменения в нормативных возрастах и длительности обучения уравнивали друг друга, поэтому, в среднем, предельный возраст тех, кто отучился обязательное количество, классов составляет 17-18 лет. Минимальный возраст, в котором можно получить основное образование (поступив в школу рано и/или окончив какие-то классы по ускоренной программе), вырос с 13 лет в 1930-е годы до 15,5 сегодня. Для тех, кто получает полное общее образование, возраст завершения образования составляет 15-19 лет, начиная с 1930 года, 16-20 лет – с 1958 года, 17,5-19 лет сегодня.

То есть, в целом, тайминг получения школьного образования изменился за последние почти сто лет не очень значительно.

Профессиональное образование

Профессиональное образование претерпело гораздо больше изменений, так как больше подвержено влиянию конъюнктурных факторов.

В 1917 году было введено три уровня образования: среднее школьное, среднее специальное профессиональное (техникумы, профтехучилища) и высшее (вузы). В 1920 году были созданы фабрично-заводские ученичества (ФЗУ), которые сочетали профессиональную и общеобразовательную подготовку. Срок обучения в них составлял три-четыре года, но по мере того, как население становилось все более грамотным, срок обучения сократился до 6-18 месяцев. В 1940 году происходила активная трудовая мобилизация молодежи для обучения в ремесленных и железнодорожных училищах (двухлетнее обучение) и ФЗО.

Высшее образование с 1918 года для всех граждан, достигших 16 лет, было доступным и бесплатным вне зависимости от пола, гражданства, наличия аттестата об окончании школы (декрет Совета народных комиссаров «О правилах приема в высшие

учебные заведения» от 2 августа 1918 года). С 1923 по 1950-е годы обучение в вузах было платным (постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 24 января 1927 года «О взимании платы в учебных и воспитательных учреждениях»). Устанавливалось ограниченное количество бюджетных мест и перечень граждан, освобождавшихся от оплаты (военные, учителя, крестьяне, инвалиды, герои СССР и другие). После 1956 г. образование снова становится бесплатным. Для поступления в вуз необходимо было иметь законченное среднее образование и быть в возрасте до 35 лет [Зиновьев, Панов, Горшенев, 1969].

В 1992 году, после распада СССР, был осуществлен переход на многоуровневую систему образования (Закона РФ «Об образовании» от 10.07.1992). В 2003 году Россия подписала Болонское соглашение, и высшее образование разделилось на две ступени: бакалавриат (4 года) и магистратура (2 года).

Сегодня в России установлены следующие уровни профессионального образования (Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», вступивший в силу 1 сентября 2013 года):

- начальное и среднее профессиональное образование (2-3 года);
- высшее образование: специалитет (5-6 лет) или бакалавриат (4 года); магистратура (2 года); аспирантура, ординатура, адъюнктура (от 3 лет).

Как мы видим, профессиональное и высшее образование в разные периоды советской и постсоветской истории были неодинаково доступны для граждан, а также предполагали разные сроки обучения и условия для зачисления. Барьеры на получение профессионального образования то убирались, то ужесточались. В советское время периодически усиливалась трудовая и военная мобилизация населения, для целей которой одни контингенты пополнялись за счет сокращения других (в частности, студентов).

Приведем пример военной мобилизации такого типа. После вторжения вооруженных сил СССР в Афганистан в 1979 году потребовалось увеличить численность военнослужащих, поэтому в армию стали призывать студентов из вузов, где не было военной кафедры. В 1984 году дополнительно были приостановлены отсрочки для поступающих в вузы и ограничено число министерств, предоставлявших отсрочки выпускникам профтехучилищ на время работы в народном хозяйстве [Градосельский, 2005]. Таким способом государство перераспределяло молодых людей из контингента студентов в контингент военнослужащих. Меняло ли это дальнейшее устройство жизненного пути и жизненные планы молодых людей? Исследования, в том числе, проведенные нами, показывают, что карьерные и семейные траектории мужчин, служивших и не служивших в армии различаются [Elder Jr., 1987; Sampson, Laub, 1996; MacLean, Elder Jr., 2007; Britton, Ouimette, Bossarte, 2012; Britton, Ouimette, Bossarte, 2012;

Митрофанова, Артамонова, 2015а]. То есть, пытаясь решить временную проблему, связанную с недостаточной численностью призывников, государство старалось переориентировать молодых людей с одного варианта формирования жизненного пути на другой. Пример трудовой мобилизации, повлиявшей на шансы получения профессионального образования, мы приведем в разделе «Образование и трудовая деятельность».

Упомянутая нами война в Афганистане длилась 10 лет (с 1979 по 1989 годы) и оказала влияние на шансы получения профессионального образования и наступления других событий, как минимум, у мужчин 1960-х годов рождения, но т.к. в этот период активно призывались в армию и мужчины, получающие высшее образование, то диапазон когорт может быть больше. На шансы аналогичных когорт женщин получить высшее образование повлияли активные пронаталистские меры (в частности, серьезное увеличение оплачиваемого декретного отпуска), о чем мы подробнее скажем в следующем параграфе. В результате, совокупность разных мер политики привела к снижению шансов получения профессионального образования в поколении 1960-х годов и нескольких близких к ним когорт [Блум, Себий, Захаров, 2010, с. 155–157].

После распада СССР образовательная сфера стала регулироваться в большей степени рыночными механизмами, нежели государственными заданиями (хотя такие практики не везде исчезли и имеются призывы к их восстановлению, по крайней мере, в отношении отдельных профессий). Число лиц с высшим образованием с начала 1990-х годов стремительно выросло. Барьеры на получение высшего образования, если оставить в стороне финансовую и пространственно-географическую стороны проблемы, в значительной степени были ослаблены, профессиональное образование стало доходным бизнесом, поэтому предложение на рынке образовательных услуг стремительно росло, тогда как численность когорт потенциальных студентов, а, следовательно, и конкуренция за места в образовательных учреждениях менялись волнообразно.

Трудовая деятельность

Советский Союз не признавал безработицу и предписывал всем трудоспособным гражданам работать. В 1961 году был принят закон о тунеядстве, действовавший вплоть до момента распада СССР (Указ Президиума ВС РСФСР «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни»). Согласно этому закону, «каждый гражданин СССР был обязан заниматься общественно полезным трудом на благо государства», поэтому те, кто работал на себя, занимался творческими профессиями, кто посещал магазины и кино в

рабочее время, а также бездомные и попрошайки могли быть арестованы и даже приговорены к административному или уголовному наказанию. Не работать могли лишь домохозяйки с детьми.

Этот закон стимулировал раннее начало трудовой деятельности или незамедлительный переход на следующую ступень обучения сразу после окончания школы (для молодых людей был еще один трек – служба в армии).

Советское государство контролировало не только сам факт наличия работы у гражданина, но и налагало определенные запреты на смену работы и профессии [Мурзаева, 2013]. Так, например, в 1940 году был принят указ (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940), запрещающий увольнение или смену работы для рабочих и служащих государственных, кооперативных и общественных предприятий. За самовольных уход была предусмотрена уголовная ответственность сроком от 2 до 4 лет лишения свободы. Начальство такого работника также подвергалось судебному наказанию. В случае, если работник саботировал работу, срывал сроки и предпринимал другие ухищрения, чтобы его уволили или перевели в другое место, ему грозил год трудовой колонии. Уголовная ответственность за самовольный уход с работы была отменена только в 1956 году (Указ ПВС СССР от 25 апреля 1956 г.).

Другой указ 1940 года (Указ Президиума ВС СССР от 19 октября 1940 г.) предусматривал уголовную ответственность за отказ перевестись на другое предприятие, то есть фактически любой работник мог быть переведен в любое место и на любую работу, и для этого даже не требовалось его согласия. Еще один указ того же года (Указ Президиума ВС СССР от 28 декабря 1940 г.) накладывал запрет на прекращение учебы учащимися ФЗО, ремесленных и железнодорожных школ. Нарушителям грозила трудовая колония сроком до одного года.

После распада СССР и перехода с плановой на рыночную экономику, безработица и самозанятость стали признаваться, а тотальная привязка работника к предприятию была отменена (закон РФ «О занятости населения» 1991 года). Современные россияне не только вольны выбрать возраст начала работы, менять работодателей и профессии столько раз, сколько им нужно, но и, в принципе, не работать или быть самозанятыми.

Образование и трудовая деятельность

Сферы образования и занятости в Советском Союзе находились в тесном взаимодействии. Учебные заведения получали от предприятий госзадания на подготовку специалистов по востребованным профессиям, и после получения образования выпускники распределялись на работу в организации, где данных специалистов не хватало. Практика

распределения выпускников на рабочие места получила распространение в 1933 году [Конохова, 2012]. Было создано Главное управление трудовых резервов при Совете Народных Комиссаров СССР, осуществлявшее распределение выпускников. В дальнейшем управление было преобразовано в Министерство трудовых резервов СССР (1946 г.). Выпускники распределялись принудительно, без возможности выбора места и предприятия. Минимальный срок отработки составлял 5 лет. Тем, кто уклонялся от отработки, грозил суд. Тем, кто был направлен по распределению, предоставлялась помощь в поиске жилья (чаще всего, общежития) и была гарантирована защита от увольнения в течение двух лет. Но и самостоятельно уволиться или перевестись также было нельзя. Как мы упоминали выше, в 1940-1956 гг. в случае прогулов, самовольного ухода с работы, увольнения или смены работы была предусмотрена уголовная ответственность. С 1954 г. по 1991 г. длительность обязательной отработки после окончания обучения снизилась до 3 лет.

Главный недостаток такой распределительной системы заключался в отсутствии у индивида возможности выбора своего жизненного пути. Он не мог сменить профессию или место работы, если его что-то не устраивало, он не мог повлиять на выбор места, куда его распределяют (а распределяли часто в Сибирь или поселки – места, куда люди добровольно не ехали, но которые СССР хотело осваивать).

Система распределения была частью общей политики «орбочивания» населения [Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940-1985, 2008], в которую также включались: принудительная отработка в течение 2 лет на предприятии или в колхозе после окончания школы, ограничение на поступление в вуз сразу после окончания школы, необходимость наличия трудового стажа при поступлении в ряд вузов, расширение роли рабфаков (рабочих факультетов). То есть политика СССР была нацелена на увеличение численности рабочего класса, что приводило к превышению числа выпускников профессиональных учебных заведений над числом выпускников вузов.

Сейчас ситуация поменялась. После распада СССР и появления рынков труда и образования высшее образование стало общедоступно и беспрецедентно популярно среди молодежи. Появился запрос на так называемое всеобщее высшее образование [Мау, 2012, с. 121]. У выпускников учебных заведений появилось больше возможностей по выбору своего карьерного пути, места проживания и последовательности наступления биографических событий. Если в советское время получение образования и трудоустройство было строго регламентировано государством, то сейчас единых правил нет, поэтому стремительно растет разнообразие вариантов наступления социальноэкономических событий.

Отделение от родителей и другие события

В советское время существовало несколько способов переезда из родительского дома, связанных с разными событиями и мерами политики:

1. Получить временное жилье от учебного заведения или работодателя (особенно при распределении, военной службе, работе в ЖЭКе). Чаще всего это было общежитие или комната в коммунальной квартире, выделяемая на срок обучения или работы [Конохова, 2012].
2. Получить квартиру от государства или предприятия в долгосрочную аренду (т.к. частной собственности не было) в порядке очереди. Ожидание своей очереди могло растянуться на десятилетия. Обычно в очередь вставали после рождения ребенка, когда количество квадратных метров на одного жильца становилось меньше положенного. Также квартиры часто давали при трудоустройстве на новые заводы и предприятия, но и уволиться потом с этой работы было очень сложно, то есть возможность получения жилья привязывала к предприятию и месту жительства.
3. Купить кооперативную квартиру. Кооперативные квартиры строились редко, стоили довольно дорого, и имели социально-административные ограничения в доступности. Обычному работнику такой вариант был малодоступен. На вступление в кооператив так же, как и на получение квартир от государства, были длинные очереди.
4. Построить дом. Для этого нужно было получить участок под индивидуальное строительство, что было не всегда просто.
5. Получить жилье от родителей по наследству в случае, если гражданин прописан в этом жилье.
6. Переехать в дом супруга.

Вопрос жилья и места проживания был очень важен в советское время, т.к. существовал институт прописки, который подразумевал, что все граждане СССР должны иметь постоянное место жительства. Понятие прописки вводилось постановлением СНК РСФСР от 28 апреля 1925 года «О прописке граждан в городских поселениях». Институт прописки, просуществовавший до 1993 года, был тесно связан с паспортизацией, т.к. штамп с постоянной регистрацией ставился именно в паспорт.

Паспортизация граждан СССР началась в 1932 году, а завершилась только в 1974 г. в городах и в 1989 г. – на селе [Любарский, 1996]. Без паспорта было невозможно легально перемещаться по стране. Отсутствие паспорта накладывало существенные ограничения на

возможность мобильности людей, облагалось штрафом и возможным лишением свободы на срок до 2 лет. Так как паспортизация началась с городов, то жители колхозов, долгое время не имевшие паспортов, попадали в ситуацию невозможности перемещения по стране.

Ограничения для перемещения сельских жителей начали постепенно отменяться только в 1960-х годах. До этого получение разрешения на выезд сельской молодежи для получения профессионального образования в городах было формально-бюрократическим делом: требовались специальные собрания членов колхоза, хорошие характеристики со стороны общественных организаций и т.п. Только с середины 1970-х годов сельские жители повсеместно стали получать паспорта, что окончательно сняло ограничения в миграциях.

Выбор места жительства для «беспаспортных» отсутствовал, а для тех, кто имел паспорт, был ограничен необходимостью прописки. Прописку можно было получить, только обретя право заселиться в какое-то жилье, а все варианты обретения этого права мы уже перечислили и увидели, что их было очень мало. Отсутствие прописки преследовалось по закону. При первичном нарушении гражданин платил штраф, а при повторном нарушении ему грозили исправительно-трудовые работы на срок до полугода.

В совокупности, паспортизация, прописка и ограниченный набор вариантов получения жилья создавали ситуацию очень ограниченных возможностей для мобильности и для покидания родительского дома. Самыми надежными, доступными и эффективными способами получения своего жилья и отселения от родителей были образовательная и трудовая мобильность, вступление в брак и рождение ребенка, после которого можно было встать в очередь на государственную квартиру. То есть отделение от родителей становилось следствием социоэкономических и демографических событий, и не являлось самодостаточным событием.

После распада СССР в России появляется частная собственность, возможность покупать и снимать жилье, а также в 1993 году отменяется институт прописки, заменяясь постоянной и временной регистрацией. Ситуация поменялась кардинально: сегодня получить квартиру от государства или предприятия стало крайне сложно, тогда как очень распространенным и реализуемым способом стала аренда и покупка жилья, в том числе, в кредит. То есть сегодня отделение от родителей все еще взаимосвязано с другими событиями, в том числе и с возможностью получения дохода, но свобода выбора вариантов растет.

В нашем предыдущем исследовании мы сравнили модели отделения от родителей у разных поколений при отделении россиян [Долгова, Митрофанова, 2015]. Нами было выявлено откладывание возраста покидания родительского дома в молодых поколениях,

что совпадает с результатами зарубежных исследователей [Billari, Liefbroer, 2010; Corijn, Klijzing, 2001, с. 15]. У поколения 1930-44 г.р. отделение от родителей более всего было связано с трудоустройством, у поколения 1945-59 г.р. – со вступлением в брак и получением образования, у поколения 1960-74 г.р. – с партнерством и трудоустройством, у поколения 1975-86 г.р. – с получением образования и партнерством.

Резюме раздела и дискуссия

Таким образом, наступление социоэкономических событий в советское время находилось под сильным регулирующим влиянием государства как относительно возраста, так и относительно количества событий и их последовательности. Возраст начала и окончания школы был строго определен. После получения школьного образования индивид должен был пойти учиться или работать. Других вариантов не было, т.к. это было бы квалифицировано как тунеядство. После обучения, за некоторыми оговоренными исключениями, индивида ждало принудительное распределение на работу сроком на 3-5 лет без возможности сменить профессию или уволиться с работы. Если работодатель предоставлял жилье, то индивид часто стремился закрепить его за собой путем пожизненной (или очень долгой) работы на предприятии.

Получается, сделав всего один выбор сразу после окончания школы – выбор профессии, в течение последующих порядка десяти лет индивид был сильно ограничен в дальнейших выборах, т.к. система предопределяла где и как долго ему работать и в каком месте жить. Безусловно, граждане шли на разные уловки и ухищрения, чтобы иметь возможность хоть как-то повлиять на свою дальнейшую судьбу. И часто ради этого они принимали решения о вступлении в брак и деторождении, т.к. эти два события и в случае со службой в армии, и при распределении на работу являлись «смягчающими» факторами, влияющими на дальность переезда и его необходимость. После распада СССР возможности выбора карьерной траектории, места жительства, способа отделения от родителей стали в меньшей степени определяться ограничениями, закладываемыми государственной политикой и в большей – финансовыми и социальными возможностями родителей индивида и его собственными успехами в финансово-экономической и социальной сфере.

2.2.2. Политика в демографической сфере

Матримониальные события

«Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР», принятый в 1926 году, был и до сих пор остается одним из самых прогрессивных исторических примеров в мире. Он провозглашал эгалитарный гендерный контракт (равенство мужчин и женщин); равные

права детей, рожденных в браке и вне брака; главенство гражданского брака над церковным и допустимость отношений вне брака [Здравомыслова, 2017].

В середине 1930-х годов начался период репрессивной сталинской политики, что нашло свое отражение и в семейной политике [Казьмина, Пушкарева, 2004, с. 199–200; Эволюция семьи и семейная политика, 1992]. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. незарегистрированные браки признавались вне закона. В связи с этим появилось понятие «безотцовщина», которое означает, что дети, рожденные вне брака, не имеют законного отца и не равны по своим правам с детьми, рожденными в браке, в том числе на алименты.

С 1936 года усложняется процедура развода (необходимо личное присутствие обоих супругов и уплата пошлины), а в 1946 г. стоимость развода сильно возрастает, процедура развода становится публичной, только через суд, а о факте развода ставится штамп в паспорт. Факт развода сильно влиял на карьерные возможности, играя дискриминирующие функции. Только в 1965 г., уже во времена «оттепели» принимается указ «О некотором изменении порядка рассмотрения в судах дел о расторжении брака», упрощавшие процедуру развода [Казьмина, Пушкарева, 2004, с. 200].

В 1947 г. принимается указ, запрещающий браки с иностранцами, считавшиеся непатриотичными [Казьмина, Пушкарева, 2004, с. 200]. С уходом И.В. Сталина рестриктивные меры семейной политики постепенно смягчаются. Но только в 1968 г. принимается указ «Основы законодательства СССР и союзных республик о браке и семье», а в 1969 г. на его базе принимается новый, более либеральный «Кодекс о браке и семье РСФСР», действовавший до 1995 г. [Казьмина, Пушкарева, 2004, с. 203]. Новый кодекс отменял большинство запретительных мер, присутствовавших ранее. Например, в свидетельстве о рождении вернули запись об отце ребенка для детей, рожденных вне брака. Такую запись можно было сделать по совместному заявлению родителей или по решению суда. У закона была обратная сила, что позволяло вписать отцов детям, рожденным до 1968 года [Казьмина, Пушкарева, 2004, с. 209]. Тем не менее, заключить брак можно было не ранее чем через месяц после подачи документов, а сам перечень документов был достаточно велик и указывал на то, что «государство не считает брак личным делом вступающих в него людей» [Казьмина, Пушкарева, 2004, с. 206]. На волне ослабления контроля стали набирать популярность сожительства до брака, особенно, для вторых и последующих союзов. К началу 1990-х г. сожительства стали приемлемой социальной нормой [Казьмина, Пушкарева, 2004, с. 213]. Также в советское время помимо рестриктивных мер действовали и поощрительные, например, только семейным могли предоставить комнату в общежитии; женатого человека, получившего распределение на

работу после окончания учебы, могли оставить в месте текущего проживания, чтобы не разделять семью; молодоженам давали отгул на работе и даже выплачивали небольшие пособия «за золотые кольца».

В 1995 г. принят Семейный кодекс Российской Федерации. Были отменены предыдущие запреты и льготы, стимулировавшие население вступать в браки, причем в довольно молодом возрасте. К факторам, подталкивающим к официальной регистрации брака, можно отнести целый спектр материальных, жилищных, карьерных, образовательных возможностей, которые мог получить человек только за счет изменения своего официального брачного статуса (Демографическая модернизация России, 2006, с.95).

Репродуктивные события

В течение нескольких лет после прихода советской власти репродуктивная политика была очень либеральной: были легализованы аборт (впервые в мире) [Блум, 2005, с. 116], внебрачные зачатия, введены декретные отпуска [Ефременкова, 2011].

Затем, с началом сталинских репрессий и ужесточением политики в целом, был принят ряд мер, призванных стимулировать рождаемость (в том числе, в ранних возрастах и в браке):

- 1930-1935 – запрет абортов после третьего месяца беременности;
- 1936-1954 – полный запрет абортов, повлекший рост числа криминальных абортов, материнской и младенческой смертности [Sakevich, Denisov, 2014];
- 1930-1935 – установление отпуска по уходу за ребенком для женщин сроком 35 дней до родов и 28 дней – после;
- 1936-1981 – увеличение отпуска по уходу за ребенком для женщин до 3 месяцев;
- 1936-н.вр. – методы поддержки родителей (в основном, матерей): расширение сети детских садов и родильных домов, введение льгот и денежных пособий для матерей и многодетных семей, введение звания «мать-героиня» и т.п.;
- 1941-1990 – введение налога на бездетность: мужчины в возрасте 20-50 лет и замужние женщины в возрасте 20-45 лет должны были платить 6% от зарплаты в случае отсутствия у них детей. От налога освобождались только бесплодные. Льготы предоставлялись учащимся средне-специальных и высших учебных заведений в возрасте до 25 лет, а также в конце 1980-х годов стали предоставляться молодоженам в течение первого года брака (до этого подразумевалось, что деторождение должно произойти сразу после свадьбы).

Послевоенное время характеризовалось активной пронаталистской политикой [Блюм, 2005, с. 19], т.к. стояла задача быстрого восстановления страны, а также подготовки солдат к возможному новому военному противостоянию (в период холодной войны). Для решения этих задач государству нужно было интенсивно наращивать численность населения [Здравомыслова, Темкина, 2008, с. 67–70; Frejka, Gietel-Basten, 2016], поэтому сразу после войны меры повышения рождаемости носили скорее рестриктивный характер с небольшой долей стимулирующих мер. Аборты все еще были запрещены; продолжало создаваться все больше инструментов для поддержки матерей, в том числе работающих, а также многодетных семей; все еще действовал налог на бездетность; стали юридически признаваться только рождения в браке (1944-1967 гг.). Последняя мера означала, что если женщина не выходила замуж за отца своего ребенка, то в свидетельстве о рождении ее ребенка в графе «отец» ставился прочерк, и ни она, ни ребенок не могли рассчитывать на финансовую помощь от отца ребенка. Появилось понятие «безотцовщина», в послевоенное время ставшее очень актуальным еще и потому, что отцы «детей войны» часто погибали на фронте. В 1968 году детей, рожденных в браке и вне брака, уравнили в правах. Стало возможным доказать отцовство в суде.

В 1980-е политика в отношении рождаемости модернизировалась, и начали активно вводиться меры, ориентированные на поддержку семьи: введен частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком сначала сроком до 1 года (1982-1988 гг.), затем до 1,5 лет (с 1989 г.); введены единовременные пособия на первого и второго ребенка, в пять раз увеличены пособия на третьего; предприятия стали выдавать беспроцентные кредиты на 8 лет после рождения первого ребенка, а рождения второго и третьего ребенка погашали 200 руб. и 300 руб. от этого кредита соответственно; работающим матерям были предоставлены дополнительные дни к отпуску и другие льготы. Введенные меры оказали влияние на рождаемость, но многие эксперты считают, что повышения итоговой рождаемости в реальных поколениях было незначительным, а за счет смещения календаря рождений мы получили усиление и так намечавшейся демографической волны (когда в репродуктивный возраст вошло многочисленное поколение 1960-х г.р.) [Захаров, 2006а].

С распадом Советского Союза архаичные рестриктивные меры, вроде налога на малосемейных и бездетных, были отменены, а стимулирующие, в условиях финансово-экономического кризиса 1990-х годов, значительно ослабли. В течение полутора десятилетий в России проводилась скорее либеральная или нейтральная политика в отношении деторождения. В 2007 году государство решило повышать рождаемость путем введения целого пакета стимулирующих мер [Елизаров, 2011; Тындик, 2015; Малева,

Третьякова, Макаренцева, 2017; Население России 2014: двадцать второй ежегодный демографический доклад, 2016, с. 177–179]:

- введен материнский (или семейный) капитал (МСК) при рождении или усыновлении второго и последующих детей, который затем расширился региональными программами материнского капитала;
- введены родовые сертификаты, дающие женщинам возможность получения услуг в женской консультации, роддоме и детской поликлинике на определенную сумму (около 11 тыс. руб.);
- увеличены выплаты при рождении ребенка, а также по уходу за ним до полутора лет;
- размер декретных выплат установлен в размере 40% от заработной платы и предоставлены аналогичные выплаты в минимальном размере для неработающих матерей и ряда других родственников ребенка;
- увеличены ежемесячные выплаты опекунам и приемным родителям, в том числе установлена единовременная выплата при усыновлении или оформлении опекуинства;
- малообеспеченным многодетным семьям установлены выплаты до достижения ребенком трех лет в размере, равном прожиточному минимуму ребенка;
- введена компенсация оплаты услуг дошкольных учреждений в размерах: 20% - за первого ребенка, 50% - за второго, 70% - за третьего и последующих;
- увеличены размеры налоговых вычетов на детей.

Как можно заметить, все введенные меры носят исключительно финансовый характер, и многие из них являются продолжением уже существовавшей социально-демографической политики, направленной, в основном, на женщин и на улучшение их материальной ситуации [Ефременкова, 2011].

Бесспорным новшеством, затмившим все остальные меры, явился МСК. Государство пообещало выплачивать крупную (по сравнению со средней зарплатой) сумму денег при рождении второго и последующего детей. Когда в 2007 году закон вступил в силу, размер материнского капитала составлял 250 000 рублей¹, а с учетом ежегодной индексации в 2018 году он составил 453 026 рублей².

---

¹ В пересчете в доллары США по паритету покупательной способности 250 000 руб. в 2007 году эквивалентны 17 876,3 долларам США. Расчеты сделаны на основе данных OECD. URL: <https://data.oecd.org/conversion/purchasing-power-parities-ppp.htm#indicator-chart> (Дата обращения: 28.02.2019).

² В пересчете в доллары США по паритету покупательной способности 453 026 руб. в 2018 году эквивалентны 17 384,13 долларам США. Расчеты сделаны на основе данных OECD. URL: https://stats.oecd.org/index.aspx?datasetcode=sna_table4 (Дата обращения: 28.02.2019).

В течение последующих лет в закон вносились дополнения и изменения. Последняя редакция закона устанавливает, что средства материнского капитала могут быть использованы на:

- улучшение жилищных условий;
- получение образования ребенком (детьми);
- формирование накопительной пенсии для женщин;
- приобретение товаров и услуг, предназначенных для социальной адаптации и интеграции в общество детей-инвалидов;
- получение ежемесячной выплаты.

Как мы видим, репродуктивная политика последних десятилетий активизируется в те моменты, когда в репродуктивный возраст выходит очередное многочисленное поколение.

Так, в 2007 году в репродуктивном возрасте (15-49 лет) находились когорты 1958-1992 г.р., (в 2018 году – когорты 1969-2003 г.р.) То есть введение последней волны стимулирующих мер пришлось на начало репродуктивного периода двух самых многочисленных российских поколений. Как мы говорили выше, даже если многочисленное поколение откладывает деторождения или рождает мало детей, оно все равно дает жизнь многим детям, и в результате мы имеем весьма многочисленное поколение. Как показывает исторический опыт, в результате пронаталистской политики общее число рождений у женщины за весь период жизни меняется редко, а если меняется, то незначительно, и, по большей части, происходит только сдвиг календаря рождений [Кучмаева, 2010; Фрейка, Захаров, 2014; Luci-Greulich, Thévenon, 2013; Vallin, 2013]. Причем происходит он у широкого ряда когорт: рождает как многочисленное поколение, на которое таргетирована эта политика, так и соседние малочисленные когорты. В результате получается всплеск деторождений в течение короткого календарного периода, который формирует еще более многочисленную когорту детей, чем она могла бы быть. В итоге это усиливает демографическую волну и усугубляет разрыв между малочисленными и многочисленными когортами. Чем это чревато, мы уже обсуждали в разделе «2.1. Демографические волны и численность поколений в России».

Отдельной проблемой наследия советской репродуктивной политики, унаследованной современной Россией, является ориентация всех мер вспомоществования на женщин. Такой подход исключает мужчину из процесса воспитания ребенка и обесценивает его роль как родителя. Этот перекокс начался еще в советское время с появлением так называемой «тройной гендерной нагрузки» женщин [Здравомыслова,

Темкина, 2008], когда на женщину ложились задачи по уходу за детьми, домом, а также трудовая деятельность, а мужчине полагалось заниматься исключительно «строительством коммунизма». Государство заняло символическую роль мужчины в семье именно через эту многообразную поддержку материнства. Льготы, пособия, отпуск по уходу за ребенком, медали матерям-героиням, детские сады и ясли, молочные кухни – все это и многое другое было таргетировано именно на женщину. Но если в послевоенное время диспропорция между мужчинами и женщинами была очень большой, а также много мужчин-участников войны были инвалидами, поэтому активная поддержка матерей (замужних или одиноких) была способом восстановления рождаемости в тяжелое послевоенное время, то сейчас такой гендерный перекос в мерах политики ничем не оправдан и только усугубляет гендерный дисбаланс в семьях и обществе.

Меры, введенные в 2007 году, продолжают быть максимально ориентированы именно на женщин (МСК, родовой сертификат, декретные выплаты, в том числе для неработающих матерей и т.д.). Даже главное нововведение политики было названо именно «материнский» капитал. Приписанное в скобках «семейный» не прижилось ни в правительстве, ни в народе. Способы использования МСК также демонстрируют сильный гендерный перекос проводимой демографической политики [Бороздина, Здравомыслова, Темкина, 2012].

Резюме параграфа и дискуссия

Проводимая государством политика в социальной, экономической и демографической сфере оказала серьезное влияние на шансы и время наступления социодемографических событий. Приведенные в данном параграфе примеры показывают, что разные меры политики весьма сильно ограничивали возможности советских граждан по организации собственной жизни и выбору жизненного пути. Советская система не требовала от человека принятия индивидуальных решений относительно структурирования жизненного пути. Она требовала следования установленным нормам во избежание санкций. Как уже было упомянуто в разделе «1.1.2. История и антропология: роль возраста и взросления в жизни общества», советскому человеку с рождения был известен нормативный жизненный путь: октябренок – пионер – комсомолец – член КПСС. Да, можно было выбрать профессию и спутника жизни, но долго выбирать было нельзя, т.к. после школы надо сразу поступать в техникум или вуз (чтобы не стать тунеядцем), во время или после получения образования – создавать брак, а после создания брака – рожать детей. Промедление в следовании описанной стратегии накопления стартовых событий вызывало вопросы со стороны семьи и знакомых и создавало очень некомфортную психологическую

среду, давлению которой индивиду было сложно противостоять. Более того, институт распределения на работу после завершения обучения на 3-5 лет снимал еще один важный выбор – где жить, т.к. распределить могли в любую точку страны, а после распределения обеспечивали жильем нормированного качества. Одним словом, в советское время существовал «типовой» сценарий жизни, которому полагалось следовать каждому, кто хотел вписаться в систему.

Современная социальная, экономическая и демографическая политика предоставляют индивиду гораздо больше возможностей по выбору жизненного пути и настройки календаря наступления событий. Институты прописки, распределения на работу больше не действуют; налог на бездетность и законы о тунеядстве и мужеложстве отменены; последствия за развод и внебрачные связи не актуальны, дети, рожденные вне брака, уравниваются в правах с детьми, рожденными в браке. То есть рестриктивные меры сведены к минимуму.

В течение последних нескольких лет наблюдается попытка возврата к рестриктивным мерам. Например, в 2013 году принят закон, запрещающий пропаганду гомосексуализма в РФ. А в 2015 году было предложено ввести «социальный платеж» на неработающих граждан – фактически, это реплика советского закона о тунеядстве. Несмотря на происходящий в некоторых сферах возврат к запрещающим мерам, в основном, они носят мотивирующий и стимулирующий характер в отношении «правильного поведения» (правильного по представлениям идеологов госполитики). Особенно это касается деторождения.

Как мы увидели, если в СССР существовал четко очерченный коридор возможных моделей поведения в разных сферах, то в постсоветской России у индивида появилось на выбор существенно больше вариантов поведения. В следующем параграфе мы изучим, нашла ли эта разница в идеологии и мерах семейной/демографической политики отражение в реальном поведении индивидов.

2.3. Модернизация жизненных путей россиян в контексте меняющихся эпох

2.3.1. Изменения в социоэкономической сфере

Обновление моделей формирования жизненных путей в западных странах началось с конца 1960-х гг., и, видимо, было частью более общего модернизационного процесса, маркированного известными молодежными протестами того времени (условно «революцией 1968 года»¹), когда молодежи удалось добиться пересмотра законов об образовании, контрацепции, начать гендерную и сексуальную революцию. В России модернизация началась почти на тридцать лет позже – с разложением советского режима [Демографическая модернизация России, 1900-2000, 2006]. Трансформации, произошедшие в экономической, социальной и политической сферах жизни в 1990-е, отразились на особенностях наступления демографических и социоэкономических событий [Беляева, 2004, с. 32; Здравомыслова, Шурыгина И.И., 2001].

В *социоэкономической* сфере произошли следующие изменения, повлиявшие на параметры наступления стартовых событий:

- отмена прописки позволила россиянам более свободно перемещаться по стране и выбирать себе место жительства;
- отмена обязательного распределения на работу после получения образования дала возможность смены профессии и выбора работодателя; позволила начинать трудовую деятельность в любом возрасте, а не строго после завершения образования; позволила более свободно выбирать место жительства и не форсировать наступление демографических событий;
- отмена закона о тунеядстве дала возможность брать паузу в трудовой деятельности, заниматься творческими профессиями и работать на себя;
- мужчины чаще стали избегать обязательной службы в армии в связи с появлением большего количества отсрочек и иных легальных и нелегальных схем получения военного билета, вследствие чего мужчины стали инвестировать «сэкономленные» год или больше в свое профессиональное развитие [Митрофанова, Артамонова, 2015а]; также отпала необходимость форсировать наступление демографических событий с целью получения отсрочки.

---

¹ Максимального накала протестные движения молодежи – противостояния на баррикадах в Латинском квартале Парижа – достигают именно в 1968 г. В то же время социальные протесты во всех формах (мирных и совсем не мирных) начались за несколько лет до 1968 г. и продолжались в 1969 и даже позднее не только в Париже, но и в Токио, Западном Берлине, Турине и Риме, Мадриде и Барселоне, Афинах, в Калифорнийском университете в Беркли и в других городах с высокой концентрацией учащейся молодежи.

Отмена рестриктивных социальноэкономических мер государственной политики создала предпосылки для наступления социальноэкономических и, в ряде случаев, демографических событий в более произвольном порядке и в более широких возрастных границах. Наш анализ, проведенный в предыдущих работах, показывает, что молодежь, действительно, перестает следовать единым моделям поведения и демонстрирует все более вариативные сценарии наступления социальноэкономических событий [Долгова, Митрофанова, 2015; Митрофанова, Артамонова, 2015а; Espy IV, Mitrofanova, 2017; Mitrofanova, 2016b]. В сфере образования заметна тенденция увеличения периода получения образования, а в сфере занятости – сокращение доли занятых среди молодежи [Гимпельсон, Зудина, 2017; Константиновский, 2008, с. 283].

2.3.2. Изменения в демографической сфере

В семейной и демографической политике также произошли важные трансформации, подкрепляемые изменением общественного дискурса относительно вопросов пола, гендера, контрацепции, сексуальных отношений, родительства и т.д. Модернизация *демографического* поведения в России отличается от канона, продемонстрированного странами Европы, явившимися первопроходцами демографической модернизации. Как мы упоминали ранее, с 19 века в Европе существовал т.н. «европейский тип брачности», характеризуемый высокой долей безбрачия и поздним возрастом вступления в брак. В России до октябрьской революции брачность и рождаемость были ранними и универсальными. В 1897 г. в России 47% женщин вступало в брак до 21 года [Тольц, 1977], в возрасте 20-24 года в браке состояло 64,3%. Подобная тенденция очень ранней брачности сохранялась до 1930-х годов, но была прервана в тяжелый период насильственного построения «социализма в отдельно взятой стране», и затем вступлением СССР во вторую мировую войну (аннексия западных территорий Украины, Белоруссии, Бессарабии, Северной Буковины, Прибалтики, война с Финляндией, столкновения с Японией на Дальнем Востоке), потребовавшими милитаризации экономики, мобилизации всего общества, в том числе изменения законов о воинской службе, занятости и пр. В 1939 г. до 21-летия в брак вступало всего 29% девушек. Затем нормы ранней и всеобщей брачности и рождаемости восстановились по мере нормализации брачного рынка при сохранении, и даже некоторого усиления пронаталистской идеологии и соответствующих мер политики. В 1970-х – 1980-х гг. возрастная модель заключения браков по сути не сильно отличалась от той, что имела Россия в конце XIX – начале XX века [Вишневский, Тольц, 1988; Дарский, Ильина, 1990; Захаров, 2006b; Брачность, рождаемость, семья за три века, 1979].

Точное высказывание М.С. Тольца, предвосхитившее дальнейшие события, хорошо позволяет понять, почему брачность в России 20-го века была столь ранней и всеобщей: если бы населению были доступны контрацептивы, то браки немедленно начали бы откладываться, и ранних браков стало бы намного меньше [Тольц, 1974]. Связка между сексуальным, матримониальным и репродуктивным поведением была очень сильной. Первые изменения стали намечаться с либерализацией сексуальной морали в 1970-е годы [Кон, 1997; Голод, 2005; Денисенко, Далла Зуанна, 2001]. Но эта либерализация сдерживалась, во-первых, общественно-политическим дискурсом [Арутюнян, 1997; Здравомыслова, Темкина, 2004; Здравомыслова, Темкина, 2008], а во-вторых отсутствием эффективной контрацепции [Тольц, 1974; Троицкая и др., 2010; Popov, Visser, Ketting, 1993].

Ситуация стала резко меняться после слома всей политической и экономической системы в 1991 году [Демографическая модернизация России, 1900-2000, 2006, с. 249; Кон, 2010; Семья и рождаемость: Основные результаты выборочного обследования. 2009 год, 2010, с. 14–15]. К началу 1990-х годов в России возраст сексуального дебюта, вступления в первый брак и рождения первого ребенка оказались сближенными до предела [Захаров, 2007, с. 81–82]: начала происходить легитимация добрачных сексуальных практик, но эффективные средства контрацепции еще оставались недоступными для большинства россиян, поэтому добрачные связи часто приводили к незапланированной беременности. Легитимации внебрачных рождений и одиноких родителей (в основном, матерей-одиночек) еще не произошло, поэтому возникавшие беременности зачастую прикрывались браками «вдогонку».

В.С. Магун, проводя аналогии между Россией и Францией, замечает, что «заметный сдвиг в сторону новых норм супружества и родительства произошел в сознании россиян примерно на 20 лет позже, чем во Франции». Представители старших поколений придерживаются более традиционных норм в отношении брака, чем люди моложе 40-49 лет в России и 60 лет во Франции. Причина этого – яркие исторические события 1968 года во Франции и 1991 года в России, на момент которых нынешним 40-летним россиянам и 60-летним французам было по 20 лет. А этот возраст считается периодом наиболее интенсивного формирования ценностно-нормативного сознания [Магун, 2009, с. 153]. К аналогичным результатам и выводам приходит и Д.О. Попова в работе по исследованию трансформации семейных ценностей в России [Попова, 2009]: «есть основания говорить о межпоколенном сломе в установках, проходящем по поколению тех, кому сейчас 40-49 лет». Это поколение достаточно активно поддерживает молодежь в приверженности инновационно-прагматическому подходу к семье и браку.

То есть данные, полученные разными исследователями, указывают на более позднее начало новейшего этапа демографической модернизации в России от стран Запада, но, тем не менее, маркируют наличие признаков демографического перехода в нашей стране. Изучим подробнее трансформации разных видов демографического поведения.

Рассмотрим основные изменения, происходящие с *матримониальным поведением*.

В советское время, начиная с 1960-х годов, наблюдалось снижение возраста сексуального дебюта, тогда как сейчас этот опыт молодежью начинает откладываться [Ваннапагари, Райдер, 2002; Кон, 1997, с. 262–271; Черняк, 2009]. На протяжении уже нескольких десятилетий опыт совместного проживания с партнером к 25 годам имеют более 80% женщин. Первый союз все чаще является незарегистрированным и все реже перерастает в официальный брак [Население России 2005: Тринадцатый ежегодный демографический доклад, 2007, с. 62]. Об этом свидетельствует и увеличение среднего возраста вступления в первый брак [Демографическая модернизация России, 1900-2000, 2006, с. 126]. Он составил почти 2 года для обоих полов, увеличившись до 26 лет для жениха и до 22,6 лет для невест [Захаров, 2007, с. 83]. Поколения 1965-1969-х г.р. к 35-летнему возрасту провели около 90% времени совместной жизни с партнерами в официальных браках. Поколения 1970-1974-х г.р. к возрасту 30 лет проводят в официальных браках уже менее 80% этого времени. Поколения 1975-1979 г.р. к 25 годам - чуть более 75%.

В поколениях 1950-х г.р. 50% женщин регистрируют брак с партнером к первому году от начала неформального союза, в поколениях 1970-х г.р.- 30%, т.е. тенденция к раннему началу совместной жизни оказалась сломлена в молодых поколениях [Захаров, 2007, с. 102]. Если оформление отношений не происходит к 3-5 годам совместной жизни, шансы на их регистрацию минимальны. Относительная разница между зарегистрировавшими брак к пятому и десятому годам от начала отношений отсутствует.

Регистрация отношений в ЗАГСе утрачивает символическое значение стартового события для начала совместной жизни молодых людей. С расширением карьерных, образовательных, социальных возможностей девушки перестают воспринимать замужество как единственный способ успешной самореализации. То есть официальная регистрация партнерских отношений не только откладывается на более поздний возраст у современных поколений, но и вытесняется устойчивыми сожительством.

Начиная с 1999-х годов, партнерства становятся социальной нормой [Демографическая модернизация России, 1900-2000, 2006, с. 100]. Поколения, родившиеся после 1960-го года, все чаще начинают совместную жизнь с партнером не с регистрации брака [Долбик-Воробей, 2003; Захаров, 2007, с. 101]. Половина партнеров в возрасте до 25

лет состоит в неформальных союзах [Захаров, 2007, с. 87–88]. В довоенных поколениях менее 30% женщин начинают партнерский союз к 20 годам, в 1970 – почти 50%, в 2004 – 35% [Захаров, 2007, с. 93–94]. Из мужчин и женщин в активных детородных возрастах (20–40 года) 13–15% состоят в неформальных союзах. Среди 20–24-летних, имеющих в домохозяйстве партнера таких 42%, а среди 30-летних – 17–19% [Захаров, 2007, с. 97].

Первые партнерства представляют собой [Население России 2007: Пятнадцатый ежегодный демографический доклад, 2009]:

- неудавшиеся пробные браки (в основе которых лежали матримониальные намерения), не выдержавшие проверку и прекратившие свое существование (именно они вносят основной вклад в низкую среднюю продолжительность партнерств);
- удавшиеся пробные браки, перерастающие в зарегистрированный союз (они схожи и по длительности, и по рождаемости с союзами, начавшимися с официальной регистрации);
- партнерства *per se*, где могут со временем появиться дети, но отношения так и не приобретут официальный характер.

В России некоторые женщины не хотят вступать в зарегистрированный союз, пока они молоды, поскольку это может ограничить их развитие и «закабалить» [Исупова, 2015, с. 159]. На часто к возрасту 30–35 лет даже такие женщины начинают хотеть завести семью и вступить в матримониальный союз, т.к. быть не замужем в этом возрасте «уже как-то стыдно» [Исупова, 2015, с. 160]. Для российских мужчин не было выявлено специфического возраста, после которого интенсивность браков возрастает.

На выбор типа брачно-партнерского союза оказывает много факторов. Подробному изучению этой темы посвящено несколько выполненных нами ранее работ [Артамонова, Митрофанова, 2018; Mitrofanova, Artamonova, 2016a; Mitrofanova, Artamonova, 2016b]. Нами было выявлено, что в России, как и в других странах Европы, на выбор партнерства или брака в качестве первого союза влияет уровень образования, тип населенного пункта проживания, возраст вступления в союз, наступлении зачатия до образования союза, матримониальный опыт родителей, обстоятельства покидания родительского дома и выхода на рынок труда.

Брак в качестве первого матримониального союза становится менее популярным среди молодых поколений россиян, уступая место партнерству. Поколения, рожденные до 1965 года, чаще выбирали брак в качестве первого союза (75%), а поколения, рожденные в 1966–75 гг. чаще предпочитают партнерства (55%) [Артамонова, Митрофанова, 2016a; Артамонова, Митрофанова, 2016b].

Рассмотрим основные изменения, происходящие с *репродуктивным поведением*.

Несмотря на большое количество стимулирующих и рестриктивных мер, действовавших в советское время, рождаемость с начала 20-го века имела тренд снижения. Общий понижающийся тренд наблюдался как для условных поколений (коэффициент суммарной рождаемости (КСР)), так и для реальных поколений (итоговая рождаемость когорт (ИР)) [Захаров, 2017].

В начале 20-го века КСР составлял около 7 детей на женщину, но уже к 1960-ым годам снизился до 2 детей на женщину, что было на тот период одним из самых низких показателей среди 40 развитых стран [Zakharov, 2009, с. 26–27]. После введения стимулирующих мер 1980-х годов КСР вырос до 2,23 детей на женщину в 1987 году. Затем, под влиянием политического и экономического кризиса 1990-х годов, а также вследствие вступления в репродуктивные возрасты малочисленных когорт, КСР снова упал и составил 1,16 детей на женщину. Новые пронаталистские меры (материнский капитал и другие), введенные в 2007 году, а также выход в репродуктивный возраст многочисленных когорт вызвал рост КСР до 1,75 детей на женщину [Frejka, Zakharov, 2012, с. 4].

Рождаемость в реальных поколениях изменялась значительно планомернее. Поколения, рожденные в начале 20-го века, к окончанию репродуктивного периода имели около 4 детей на женщину. У поколений 1920-х г.р. итоговая рождаемость снизилась до 2 детей на женщину и уже не поднималась выше этого значения ни у одной следующей когорты [Захаров, 2017]. У поколения 1950-х г.р. итоговая рождаемость составила 1,85 детей на женщину, у поколения 1970-х г.р. упала до 1,6 детей на женщину [Frejka, Zakharov, 2012, с. 4].

Как мы писали ранее, откладывание деторождения и появление индивидов, сознательно отказывающихся от деторождения (*child-free*) является общим трендом для всех стран, переживающих демографическую модернизацию. Это вызвано появлением новых сфер, в которых индивид (и особенно, женщина), может самореализоваться. Конкуренция образования, карьеры и деторождения за ресурсы человека очень высока. В исследовании 2017 года [Бирюкова, Макаренцева, 2017] был оценен так называемый «штраф» женщины за материнство – то есть величина дохода, которую она потеряет, родив ребенка. С.С. Бирюкова и А.О. Макаренцева оценивают такой «штраф» в 4% от средней зарплаты, причем для высокообразованных женщин штраф составляет в полтора раза больше.

Если уровень рождаемости в целом снижается, то доля такого ее компонента как внебрачная рождаемость, растет. В советское время внебрачная рождаемость была

ограничена упомянутыми нами ранее законами, по которым дети, рожденные вне брака, были не равны по своим правам с детьми, рожденными в браке (имели прочерк в графе «отец» в свидетельстве о рождении и не могли претендовать на наследство). Это подкреплялось активным социальным неодобрением добрачных связей. После распада СССР и либерализации общественных взглядов внебрачная рождаемость в России перестала быть чем-то маргинальным. Даже напротив, все больше приобретает характер массового феномена [Тольц, Антонова, Андреев, 2006; Чурилова, Чумарина, 2014]. Вклад внебрачных рождений в общий уровень рождаемости очень весом [Население России 2007: Пятнадцатый ежегодный демографический доклад, 2009, с. 131]. Большинство таких рождений – результат распространения незарегистрированных партнерств во всех возрастных группах. То есть неверно представление о том, что матери внебрачных детей – одинокие женщины. Большинство из них имеют партнера. А каждый третий ребенок, родившийся вне брака, появился у родителей, состоящих в повторном союзе [Захаров, Чурилова, Агаджанян, 2016; Население России 2007: Пятнадцатый ежегодный демографический доклад, 2009, с. 135].

В 1980-х годах внебрачная рождаемость была характерна либо для самой молодой возрастной группы женщин, вступивших в репродуктивную фазу, либо для самой старшей. Для первых такие рождения чаще всего были следствием контрацептивных неудач. Для вторых – способом родить ребенка «для себя». В первом случае, когда, в основном, имели место незапланированные беременности, они становились причиной заключения ранних браков, призванных «прикрыть» опять же ранний, но главное добрачный сексуальный опыт [Гурко, Игнатова, 1997, с. 51; Кон, 1997, с. 262–312].

До 1970-х годов в России и в западных странах рождаемость сдвигалась к молодым возрастам [Захаров, 2013, с. 292]. В 1980-е годы, когда в западных странах возраст деторождения стал увеличиваться, меры российской демографической политики способствовали сохранению довольно ранних возрастов деторождения. Сегодня в России происходит сдвиг рождаемости в более поздние возрасты, но отставание от западных стран еще существенно. В 2007-2011 годах рождаемость 30-летних матерей выросла более чем в 2 раза по сравнению с 1999 годом [Захаров, 2013, с. 293]. Сравнение данных переписи населения 2010 года и данных текущего учета [Ипатов, Тындик, 2015, с. 125] показывают, что, начиная с 1995 года, возраст матери при рождении первого ребенка непрерывно растет. В 2011 году этот показатель составил 25,5 лет. С.В. Захаров оценивает аналогичный показатель в 24,9 года [Захаров, 2018, с. 202].

Начиная с 1950-х годов протогенетический интервал непрерывно уменьшался. Если в середине века он составлял немного меньше 2 лет, то к концу века снизился всего до 6

месяцев [Демографическая модернизация России, 1900-2000, 2006, с. 191; Сифман, 1968]. Это снижение протогенетического интервала является наглядной демонстрацией роста браков, форсированных незапланированной беременностью. С 1990-х годов начал увеличиваться вклад во внебрачную рождаемость 20-35-летних, то есть женщин в возрастах максимальной брачности [Архангельский, 2006, с. 171; Демографическая модернизация России, 1900-2000, 2006, с. 106]. Эти изменения можно проинтерпретировать как то, что, начиная с 1990-х годов, случайная беременность перестает являться достаточным поводом для регистрации брака, а значит, меняется и само отношение к добрачному сексуальному поведению.

В нашей предыдущей работе [Митрофанова, 2011] мы выявили, что триада демографических поведений (сексуальное, матримониальное, репродуктивное) разделяется: интервалы между событиями растут, а значит, сами поведения становятся более независимы друг от друга. Социальные нормы, действовавшие в СССР, предполагали, что если индивид вступал в брак, то у него без промедления должен был родиться ребенок, а если рождался ребенок, то необходимо было срочно прикрыть это браком. После распада Советского Союза эти нормы стали смягчаться и отмирать, а эффективная контрацепция, позволяющая контролировать деторождение, - распространяться и становиться доступной.

Таким образом, на протяжении нескольких последних десятилетий мы наблюдаем, как модернизируется демографическое поведение россиян, демонстрируя основные признаки второго демографического перехода:

- снижение числа браков и рождений детей [Захаров, 2007];
- рост числа незарегистрированных отношений (партнерств) [Долбик-Воробей, 2003; Захаров, 2007; Шабунова, Калачикова, 2015];
- рост числа внебрачных рождений [Население России 2005: Тринадцатый ежегодный демографический доклад, 2007, с. 94–101; Население России 2012: двадцатый ежегодный демографический доклад, 2014, с. 121–131] и разводов [Население России 2010-2011: восемнадцатый-девятнадцатый ежегодный демографический доклад, 2013, с. 245–256];
- откладывание демографических событий на более поздние возрасты [Архангельский, 2013; Население России 2012: двадцатый ежегодный демографический доклад, 2014, с. 65–71; Население России 2010-2011: восемнадцатый-девятнадцатый ежегодный демографический доклад, 2013, с. 231–245; 291–299];

- трансформацию восприятия супружества и родительства [Гурко, 2011; Михеева, 2012; Чернова, 2012; Чернова, Шпаковская, 2010].

2.3.3. Трансформация перехода во взрослую жизнь в России

Приведенные выше исследования показали, что современная российская молодежь демонстрирует модернизацию демографического и социоэкономического поведения [Архангельский, 2013; Блюм и др., 2010; Гимпельсон, Зудина, 2017; Захаров, 2009; Константиновский, 2008; Mills, 2004; Potârca, Mills, Lesnard, 2013], но эти поведения редко изучаются вместе, как компоненты одного процесса – взросления. Если стартовые события и изучаются на российских данных, то, в основном по отдельности или по два-три [Архангельский, 2013; Блюм и др., 2010; Гимпельсон, Зудина, 2017; Демографическая модернизация России, 1900-2000, 2006; Захаров, 2007; Константиновский, 2008; Frejka, Zakharov, 2012; Mills, 2000a; Mills, 2004; Potârca, Mills, Lesnard, 2013].

Автору удалось найти всего несколько работ, выполненных на репрезентативных российских данных количественными методами, где изучались сразу все события, маркирующие взросление. Первые два исследования выполнены на данных Европейского социального исследования¹ (ЕСИ) 2006-го года [Захаров, 2009; Zsolt, Murinkó, Settersten Jr., 2014] и еще одно – на данных первой волны (2004 год) российской части международного обследования «Поколения и гендер», носящей название «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе»² (РидМиЖ) [Блюм, Себий, Захаров, 2010].

Первые две работы выполнены на одном массиве данных, но если в англоязычной статье [Zsolt, Murinkó, Settersten Jr., 2014] России не уделяется отдельного внимания, то в работе С.В. Захарова кейс России рассмотрен очень подробно [Захаров, 2009], поэтому мы детально остановимся именно на ней. Статья посвящена взрослению *девушек* в разных странах Европы и, в том числе, в России. Опросник обследования ЕСИ был разработан с прицелом на тему взросления, поэтому в нем содержатся как вопросы о фактическом наступлении событий, так и об идеальных и желаемых возрастах их наступления. Также в нем есть совершенно уникальные для исследований такого дизайна вопросы о том, какие

¹ Третья волна международного обследования «Европейское Социальное Исследование» проведена в России в 2006 году Институтом сравнительных социальных исследований. В качестве методологической основы была использована концепция жизненного пути [Billari и др., 2005a]. Всего обследованием охвачено 38 стран Европы. Официальный сайт: <http://www.europeansocialsurvey.org/>

² Три волны обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» проведены в России Независимым институтом социальной политики в 2004, 2007 и 2011 годах. Анкета опросника разработана в ключе концепции жизненного пути и разрабатывалась с целью использования продвинутых методов статистического анализа. Официальные сайты: <http://www.socpol.ru/gender/RIDMIZ.shtml>; <http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?T=S&S=3882>

события должны произойти в жизни человека, чтобы он считался взрослым и в каком возрасте происходит взросление.

Анализ, проведенный С.В. Захаровым на данных ЕСИ, показывает, что модели взросления в России отличаются от того, что демонстрируют страны северной и западной Европы. Допустимый возраст *начала* перехода во взрослую жизнь во всех европейских странах приходится на период 18-21 лет и включает обретение сексуального опыта (в России одобряемый возраст начала девушки сексуальной жизни – 18,3-18,6 лет). Нормативное и фактическое наступление остальных событий различается очень сильно.

Анализ мнений относительно *желаемого* возраста наступления событий показал, что интервал между сексуальным дебютом и покиданием родительского дома должен составлять для российской девушки около 6 лет, тогда как в остальных странах Европы этот показатель выше почти в двое и составляет 11 лет. Межстрановой разброс средних *фактических* возрастов замужества, материнства и получения образования составляет порядка 5 лет, а возрастов, в которых происходит отделение от родителей – 10 лет.

Особенность модели перехода во взрослую жизнь в России заключается в том, что все стартовые события сконцентрированы на очень коротком промежутке времени, что приводит к «конфликтному пересечению возрастной относительности ключевых событий». Тем не менее, в молодых поколениях поведение и мнения модернизируются по западному образцу. Однако, по словам Захарова, «общественное мнение еще не готово однозначно принять эти изменения в массовых практиках как данность, рационально соотнести их с подвижками в образовательных стратегиях и соответственно сформировать новое, менее противоречивое нормативное представление о возрастной последовательности событий в жизни женщины».

Второе исследование, проведенное на данных первой волны РидМиЖ 2004-го года [Блюм, Себий, Захаров, 2010], посвящено взрослению обоих полов в России и Франции. В нем мы видим еще больше примеров сверхвысокой концентрации стартовых событий у россиян на коротком отрезке времени. Так, авторы отмечают тесную связь времени окончания обучения и покидания родительского дома в России, но замечают, что примерно в половине всех случаев отделение от родителей происходит до получения образования. Примерно у 30% мужчин и 40% женщин следующая комбинация событий – покидание родительского дома и вступление в союз – наступает одновременно, а у 20-30% респондентов вступление в союз предшествует уходу из родительского дома. У 20-30% мужчин и более чем у 30% женщин к моменту завершения обучения уже был первый ребенок.

Исследование Блюма, Себиа и Захарова показывает, что в России демографические

и социоэкономические события очень сильно конкурируют за ограниченное время молодости индивидов, но, в то же время, сами его и ограничивают. Во Франции, сравнению с которой посвящена работа, концентрация событий в единицу времени значительно ниже, поэтому молодость (если мерить ее через факты наступления ключевых событий) длится дольше.

Как мы упоминали в ранее данном параграфе, форсированное начало взрослой жизни во многом было обусловлено политической и экономической повесткой:

- поколения 1930-1949 г.р. социализировалось сразу после Великой отечественной войны, когда стояла задача быстрого восстановления общества, увеличения численности населения и всеобщей трудовой мобилизации;
- поколения 1950-69 г.р. вступали во взрослую жизнь в период разгара холодной войны, войны в Афганистане, также требовавших от молодежи быстрого включения в решение взрослых задач. Для того, чтобы поддерживать нужные размеры таких контингентов как рабочий класс, призывники срочной службы, матери и многодетные матери, были введены меры, устанавливающие серьезные барьеры на получение высшего образования, усиливающие призыв в армию, стимулирующие к раннему созданию семьи [Блюм, Себий, Захаров, 2010, с. 150–157].

Поколения, начавшие переход во взрослую жизнь после распада СССР, попали в качественно новые институциональные условия, позволившие им осваивать модели взросления, недоступные раньше. Исследование Блюма, Себия и Захарова, а также работы, перечисленные в предыдущих разделах параграфа, предоставляют достаточно убедительные эмпирические свидетельства того, что в России изменяется не только организация жизненного пути в целом, а также отдельных социоэкономических и демографических событий, но и модель перехода во взрослую жизнь.

Резюме параграфа и дискуссия

В России модернизация социоэкономического и демографического поведения стала возможна только после распада СССР и снижения государственного регулирования частной жизни.

Отмена рестриктивных мер государственной политики создала предпосылки для наступления социоэкономических и демографических событий в более произвольном порядке и возрасте. Современная российская молодежь перестает следовать единым моделям поведения и демонстрирует все более вариативные сценарии наступления *социоэкономических* событий [Долгова, Митрофанова, 2015; Митрофанова, Артамонова,

2015a; Espy IV, Mitrofanova, 2017; Mitrofanova, 2016b]. В сфере образования заметна тенденция увеличения периода получения образования, а в сфере занятости – сокращение доли занятых среди молодежи [Гимпельсон, Зудина, 2017; Константиновский, 2008, с. 283], что может быть связано как с сознательным выбором молодежи в сторону более долгого обучения так и с отсутствием достаточного количества рабочих мест и финансово-экономической нестабильностью в стране.

Демографическое поведение также модернизируется, демонстрируя основные признаки второго демографического перехода: снижение числа браков и рождений детей [Захаров, 2007]; рост числа внебрачных рождений [Население России 2005: Тринадцатый ежегодный демографический доклад, 2007, с. 94–101; Население России 2012: двадцатый ежегодный демографический доклад, 2014, с. 121–131] и разводов [Население России 2010-2011: восемнадцатый-девятнадцатый ежегодный демографический доклад, 2013, с. 245–256]; откладывание демографических событий на более поздние возрасты [Архангельский, 2013; Население России 2012: двадцатый ежегодный демографический доклад, 2014, с. 65–71; Население России 2010-2011: восемнадцатый-девятнадцатый ежегодный демографический доклад, 2013, с. 231–245; 291–299].

После распада СССР партнерства становятся допустимы и нормативны в качестве события, с которого начинается матримониальная биография [Демографическая модернизация России, 1900-2000, 2006, с. 100]. В советский период совместное сожительство пары без регистрации отношений не было социально одобряемым, и потому почти не практиковалось. Вследствие этого партнерство как стартовое событие является новым маркером взросления, характерным только для постсоветского общества.

2.4. Визуализация исторического контекста, сопутствующего переходу во взрослую жизнь разных поколений россиян

В данном параграфе мы обобщаем информацию, приведенную в двух предыдущих параграфах главы. Сопоставляя действовавшие меры государственной политики и исторический контекст в целом, можно составить представление о том, в рамках какого диапазона возможных сценариев принимались решения о наступлении стартовых событий представителями разных поколений.

К уже озвученным ранее событиям и мерам государственной политики добавим несколько важных исторических вех, которые могли оказать влияние на взросление разных поколений:

- 1947-1948 гг. – вторая волна сталинских репрессий, начавшаяся после окончания ВОВ;
- 1953 г. – смерть Сталина и последовавшая реабилитация политических заключенных в 1954-1957 гг.;
- 1956-1964 – период «оттепели», развенчания культа личности Сталина;
- 1957 г. – 50% жителей СССР проживали в городах [Пивоваров, 2001], что являлось следствием ускоренной урбанизации, индустриализации, жилищного строительства, вследствие чего распространялся городской образ жизни;
- 1968 – массовые студенческие бунты в Европе и США и последовавшие за ними гендерная, сексуальная, контрацептивная революции, имевшие отложенное влияние на российскую историю [Захаров, Сакевич, 2007; Кон, 2010];
- 1979-1989 гг. – Афганская война, повлиявшая на правила призыва мужчин в армию;
- 1985-1991 гг. – начало перестройки, постепенная либерализация общественно-политической жизни страны;
- 1989-1991 гг. – хронический дефицит практически на все товары;
- 1991 г. – распад СССР;
- 1991 г. – общий доступ к интернету;
- 1992-1998 гг. – нестабильная экономическая ситуация с чередой кризисов и дефолтов (1992-1993; 1995-1998), а также деноминацией в 1998 г., в ходе которой российский рубль обесценился в 1000 раз;
- 2003 г. – появление социальных сетей;

- 2008-2009 – мировой финансово-экономический кризис, также сказавшийся на экономике, потребительских настроениях и социодемографическом поведении в России.

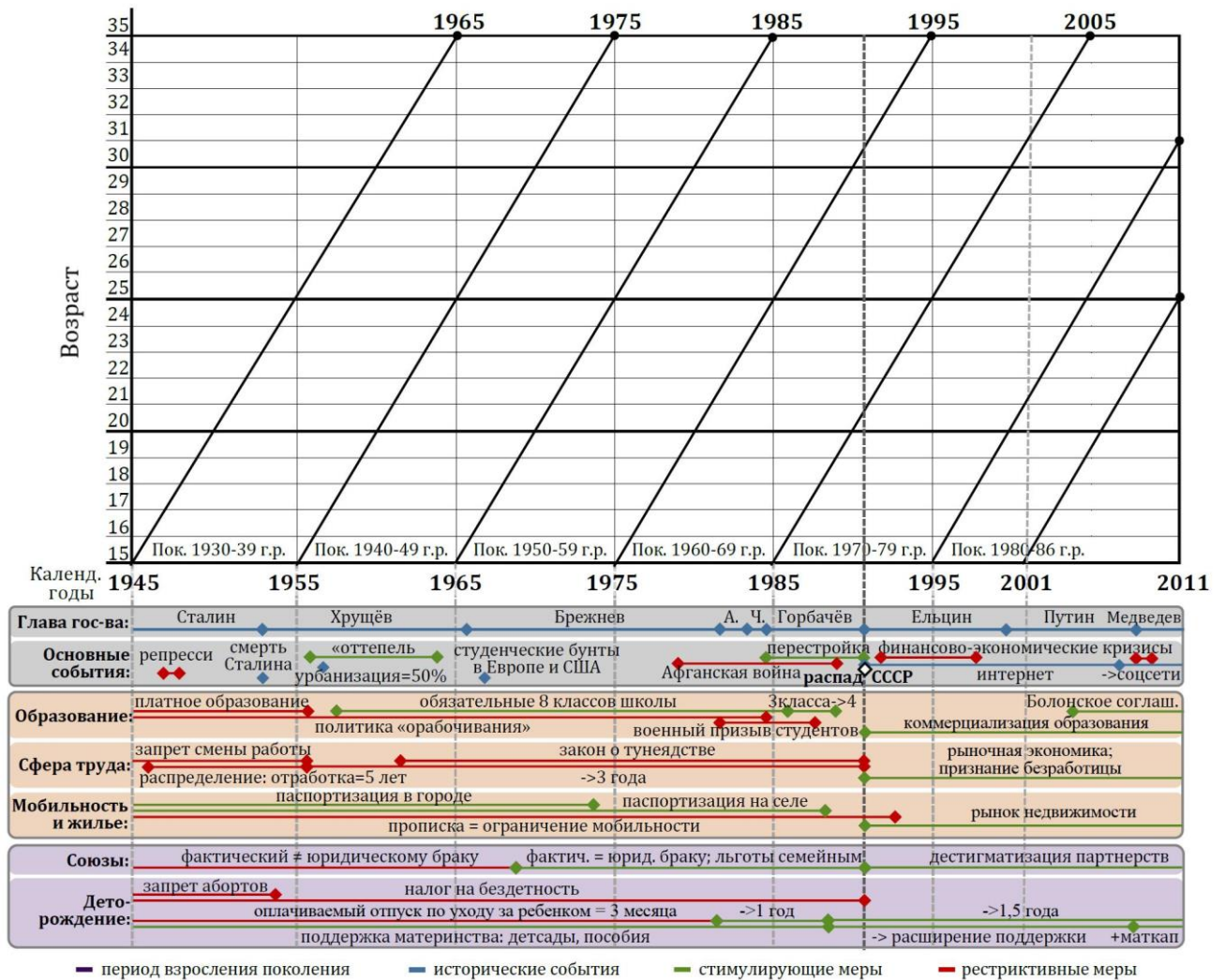

Рисунок 3. Визуализация исторического контекста, сопутствующего переходу во взрослую жизнь разных поколений россиян

Источник: составлено автором

Сокращения:
 А. – Андропов;
 Ч. – Черненко;
 3класса->4 – возможность пропустить 4-ый класс школы;
 маткап – материнский капитал;

На основе представленного рисунка опишем контекст взросления каждого из рассматриваемых поколений.

Поклоение 1930-39 г.р.: взросление с 1945-54 гг. по 1965-74 гг.

Это период высокой зарегулированности социоэкономической сферы (запрет на смену работы, закон о тунеядстве, отработка после получения образования), барьеров на

получение образования (платное образование, политика «орабочивания») и ограничения мобильности (институт прописки вкупе с отсутствием паспортов у большей части населения).

Демографическая сфера также ориентировала на ограниченный набор моделей поведения: партнерства и внебрачные рождения не признавались; графа «отец» в свидетельстве о рождении внебрачного ребенка отсутствовала; был введен налог на бездетность, запрещены аборты, а отпуск по беременности и родам составлял всего 112 дней. Помимо рестриктивных мер демографическая политика также включала разнообразные способы поддержки материнства: ясли, детские сады, пособия и т.д.

В послевоенных условиях всеобщей трудовой мобилизации и активной пронаталистской политики женщины начинают осваивать практику двойной занятости, совмещая работу и семью.

Поколение 1940-49 г.р.: взросление с 1955-64 гг. по 1975-84 гг.

Вхождение во взрослую жизнь это поколение начало в период хрущевской оттепели и постепенного ослабления действия рестриктивных мер: возвращение возможности сделать аборт, возвращение легального статуса внебрачным деторождениям, отмена уголовной ответственности за смену работы, снижение количества лет обязательной отработки после обучения с 5 до 3 лет, отмена платы за обучение. Но были и сферы усиления контроля. Например, активный период борьбы с туеядством пришелся на 1964-1982 годы.

Поколение 1950-59 г.р.: взросление с 1965-1974 гг. по 1985-1994 гг.

Это поколение взрослело в условиях уже сложившихся правил, апробированных двумя предыдущими поколениями. Когда началась перестройка, представителям этого поколения было больше 25 лет, поэтому многие стартовые события они уже успели обрести, действуя в рамках коридоров, предложенных советской системой.

Поколение 1960-69 г.р.: взросление с 1975-1984 гг. по 1995-2004 гг.

Начало взросления этого поколения проходило при советской власти. Активный этап вступления во взрослую жизнь совпал с периодом перестройки, распространения либеральных взглядов на организацию семейной жизни, с отменой большого числа рестриктивных мер, последовавших сразу за распадом СССР. Это поколение попало в развилку нормативно-ценностных ориентиров, когда многое перестало быть запретным, но еще не стало формализовано в виде законов или социальных практик, поэтому вероятно, что это поколение будет демонстрировать инерцию сохранения советских моделей взросления.

Мужчины именно этого поколения принимали наиболее активное участие в Афганской войне и призывались на срочную службу, даже будучи студентами учебных заведений, что должно отразиться на устройстве их дальнейшего жизненного пути.

Поколение 1970-79 г.р.: взросление с 1985-1994 гг. по 2005-2014 гг.

Это поколение начало переход во взрослую жизнь в период перестройки, а завершило – в нулевые годы (период правления Путина и Медведева). У этого поколения в качестве примера организации жизни, с одной стороны, был опыт родителей, выросших в советское время и ориентировавших их на прежние образцы поведения, а с другой стороны – огромное количество новых моделей поведения, транслировавшихся из ставших доступными зарубежных фильмов, ТВ-шоу, книг, музыки и т.п.

Это поколение было увлечено экспериментами и поисками новых моделей поведения, тестированием новых социальных практик. Некоторые социальные практики постепенно стали подкрепляться законодательством, инфраструктурой и общественной легитимацией. Локус контроля стал переходить от государства и общественных институтов к индивиду.

Успешному освоению новых моделей взросления существенно мешала нестабильная политическая ситуация в России в этот период и финансово-экономические кризисы 1989-91, 1992-98 и 2008-09 годов.

Поколение 1980-86 г.р.: взросление с 1995-2004 гг. по 2015-2024 гг.

Это поколение застало советское время только в очень раннем детстве, а обретение стартовых событий начало уже в постсоветской России. О большинстве запретов и санкций (в том числе, об институте общественного порицания), действовавших в советское время, это поколение никогда не слышало. Это поколение в гораздо меньшей степени ориентируется на опыт родителей, зачастую отвергая его как нерелевантный новому времени. Поколение больше ориентируется на опыт сверстников, лидеров мнений, на западные образцы поведения, ставшие доступными для подробного изучения благодаря распространению интернета.

Введение материнского капитала, исправное исполнение социальных обязательств государством, взросление в достаточно стабильное время (они столкнулись только с кризисом 2008-09 гг. и крымскими событиями) – все это сформировало у поколения ощущение защищенности и поддержки и создало возможность для более долгого нахождения в ситуации подготовки ко взрослой жизни.

Основываясь на проанализированных теориях и подходах к анализу перехода во взрослую жизнь, на идеях ТДП и КЖП, а также на анализе институциональных

особенностей российского общества и на уже выявленных тенденциях изменения социодемографических событий, мы сформулировали *гипотезы*, проверке которых будет посвящена эмпирическая часть данной работы.

Гипотеза 1. У поколений, начавших переход во взрослую жизнь после распада СССР, наблюдается дивергенция моделей взросления с предыдущими российскими поколениями и конвергенция с образцами, демонстрируемыми странами, находящимися на более продвинутых этапах развития семьи, диверсификации форм брачно-партнерских отношений, трансформации модели деторождения, объединяемых понятием «второго демографического перехода».

Поколенческая принадлежность позволяет учесть, как изменяются паттерны перехода во взрослую жизнь в зависимости от того, в каких исторических условиях социализировалось и взрослело поколение. Ранее в этой главе мы рассмотрели особенности трансформации исторического контекста, и можем предположить, что после усиления социального контроля за поведением граждан через меры различных политик, начавшегося с приходом к власти Сталина, вариативность моделей взросления поколений была минимальной и сводилась к различию в проводимой политике. После распада СССР и расширения возможностей индивидов в социоэкономической сфере жизненные пути и переход во взрослую жизнь стали более разнообразными [Блюм, Себий, Захаров, 2010; Мещеркина, 2002; Митрофанова, 2011; Mitrofanova, 2017c].

Изменяется не только последовательность наступления событий и тип события, с которого начинается взросление, но и возрастные границы этого периода жизни. В разделе «Трансформация перехода во взрослую жизнь и демографический переход» мы уже упоминали исследование Ф. Биллари и А. Лифброера [Billari, Liefbroer, 2010], которые показали, что взросление перестает быть *«ранним, ускоренным и простым»*, становясь *«поздним, растянутым и сложным»*.

Описанная нами динамика изменения социоэкономического (раздел «2.3.1. Изменения в социоэкономической сфере») и демографического поведения поколений (раздел «2.3.2. Изменения в демографической сфере») показывает, что отдельные события, маркирующие взросление, изменяются согласно предположениям ТДП и КЖП: возраст наступления ключевых событий жизни откладывается, а разнообразие маневров возрастает [Митрофанова, 2015; Mills, 2004; Potârcă, Mills, Lesnard, 2013].

Гипотеза 2. В моделях взросления всех поколений россиян наблюдается гендерная дифференциация, особенно сильно проявляющаяся в наступлении демографических событий: женщины раньше, чем мужчины, вступают в браки и

рожают первых детей; наличие ребенка у женщины снижает ее шансы на трудоустройство и получение образования.

Мы упоминали ранее, что в каждом обществе существует свой *гендерный порядок*, на основе которого формируется гендерный контракт, а также сценарии поведения и ролевые модели мужчин и женщин в семье и обществе [Темкина, 2005; Темкина, Роткирх, 2002].

В обществах с традиционным укладом гендерные роли очень четко разделены и мало пересекаются: мужчина занимается обеспечением семьи средствами пропитания, а женщина рождает и воспитывает детей, а также занимается домашним хозяйством. В этих условиях и связанные с переходом во взрослую жизнь обряды и практики были ориентированы на проверку того, обрел ли уже подросток необходимые ему в дальнейшем навыки: для молодых людей – испытания в социоэкономической сфере (охота, промысел, военное мастерство и т.д.), для девушек – способность вести домашнее хозяйство, верифицируемая через накопленное приданое, и способность к деторождению (в некоторых культурах первая менструация является символическим событием, с которого начинается взросление).

В Советском Союзе, несмотря на провозглашенное «Кодексом законов о браке, семье и опеке РСФСР» 1926 года равенство полов существовал серьезный гендерный дисбаланс и в семье, и в обществе в целом. Ускоренная индустриализация, урбанизация и последовавшая дальше ВОВ привели к тому, что женщина стала активной участницей рынка труда, но при этом ее нагрузка бытовыми вопросами и воспитанием детей в полной мере не была симметрично разделена мужчиной, т.к. в общественном дискурсе устойчиво сохранялось мнение, что это «не мужское дело». В гендерных исследованиях такой перекоп в разделении обязанностей был назван «тройным гендерным контрактом» женщины [Здравомыслова, Темкина, 2008].

Государство своей всемерной поддержкой женщины в воспитании ребенка (ясли, детсады, медали для матерей-героинь, отпуска по уходу за ребенком и т.д.) заняло символическую роль мужчины в семье, оставив ему только традиционную роль добытчика. Если в послевоенное время диспропорция мужчин и женщин была очень большой, много мужчин оставалось инвалидами после возвращения с войны, и активная поддержка матерей (замужних или одиноких) была способом восстановления рождаемости в тяжелое послевоенное время, то сегодня сохранившийся гендерный перекоп в демографической политике ничем не оправдан и только усугубляет гендерный дисбаланс в семьях и обществе. Однако, надо заметить, что, даже невзирая на сохранение указанных проблем в мерах поддержки рождаемости, мужчины все же постепенно осваивали практики

родительства и стали находить в них интерес и возможность самореализации, что фиксировалось социологами и в советское время, но, видимо, особую актуальность приобрело в последние десятилетия [Васильева, Виноградова, 2013; Гурко, 1997; Гурко, 2011; Здравомыслова, Арутюнян, 1988; Здравомыслова, Арутюнян, 1995; Михеева, 2012; Новикова, Языкова, Янкова, 1987; Рождественская, 2010; Смыслов, Доценко, 2011; Чернова, 2018; Чернова, Шпаковская, 2010; Янкова, 1978; Янкова, Ачильдиева, Лосева, 1983].

Более эгалитарный гендерный контракт в семейной сфере подразумевает больше равноправия и в социоэкономической сфере. Если мужчина и женщина в равной степени занимаются воспитанием ребенка, то женщина в таком случае не вынуждена жертвовать карьерой ради воспитания ребенка. Исследования показывают, что в тех обществах, где присутствует гендерная дифференциация, модели перехода во взрослую жизнь тяготеют к более традиционным образцам (когда для мужчины взросление больше связывалось с социоэкономическими событиями, а для женщины – с демографическими). Там, где гендерный контракт более эгалитарный, требования к набору компетенций и событий для мужчин и женщин различаются меньше.

Например, например, после 1970-х годов в Великобритании, Скандинавии, Северной Америке, Германии и Австрии отделение от родителей для обоих полов стало связано с социоэкономическими событиями: образованием [Iacovou, Skew, 2010] и трудоустройством [Aassve и др., 2001; Billari, Philipov, Baizán, 2001; Corijn, Klijzing, 2001]. Тогда как в странах южной Европы (Греция, Италия, Испания), характеризующихся более традиционными моделями демографического поведения, взросление в большей степени связано с браком [Billari, Philipov, Baizán, 2001; Lesthaeghe, Moors, 2000; Reher, 1998], но если мужчины могут отложить это событие на достаточно поздний возраст, то женщинам предпочтительнее выходить замуж в более молодых возрастах, поэтому для женщины взросление остается более обусловленным наступлением демографических событий.

Таким образом, условно *традиционной моделью* перехода во взрослую жизнь для *женщины* будет активная реализация демографических намерений (в более раннем возрасте и с высокой интенсивностью) в ущерб формированию карьеры (откладывание получения образования и выхода на работу, а также невысокая интенсивность обретения этих событий, особенно если уже есть ребенок).

Для *мужчины* больший фокус будет на социоэкономических событиях (наступают рано и интенсивно) и откладывание демографических. При этом у мужчин не будет снижаться интенсивность обретения социоэкономических событий при появлении семьи и ребенка.

Современной моделью перехода во взрослую жизнь можно назвать ситуацию сближения паттернов взросления мужчин и женщин в социоэкономической и демографической сфере.

Гипотеза 3. Модели взросления россиян различаются в зависимости от того, какой уровень образования получил индивид и в каком населенном пункте он проживает. Городской уклад жизни и высокий уровень образования выравнивает гендерное неравенство в наступлении событий. У городских жителей взросление происходит позже, но шансы на обретение социоэкономических событий у них выше, чем в сельской местности.

Переменная «*уровень образования*» является производной от наличия *профессионального образования*, поэтому здесь мы имеем дело с прямой взаимной обусловленностью этих двух переменных. Надо отметить, что в базе данных, с которой мы работали, встречались респонденты, которые имели профессиональное образование, но у них был низкий уровень образования. Это происходило в случае, если полученное образование носило краткосрочный и специализированный характер (например, курсы парикмахеров или машинистов) и не попадало под категорию профессионального или вузовского.

Чем выше у индивида уровень образования, тем, вероятно, дольше он находился в системе образования, а значит, его *социоэкономические* и *демографические* события могут быть отложены на более старшие возрасты. Исследователи из разных стран находят значимую связь между уровнем образования и событиями жизненного пути [Начало пути: поколение со средним образованием, 1989; Berrington, Stone, Beaujouan, 2015; Billari, Philipov, 2004; Van Bavel и др., 2018].

Мы полагаем, что и в СССР, и в современной России эта связь также есть. В СССР в 1920 годы началась активная деятельность государства по ликвидации неграмотности, а также введение различных мер, препятствующих тунеядству и необразованности. Большинство населения СССР имело хотя бы школьное образование. Также довольно много людей имело профессиональное образование, т.к. трудовая мобилизация середины советского периода ориентировала население на получение рабочих специальностей. Как мы описывали раньше в этой главе, поток желающих получить высшее образование сдерживался, что делало высшее образование отличительной индивидуальной характеристикой. В советское время уровень образования хорошо позволял дифференцировать траектории.

После распада СССР и коммерциализации образования поток желающих получить профессиональное образование перестал сдерживаться, и сегодня мы можем говорить о том, что само наличие высшего образования больше не является столь явной дифференцирующей переменной, как было в СССР, но его отсутствие может свидетельствовать о выборе траектории, отличающейся от массовой. Также возросла дифференциация внутри индивидов с высшим образованием, т.к. его качество очень различается ввиду отсутствия строго контроля за деятельностью учебных заведений, как это было в советское время.

Таким образом, можно предположить, что для *советских поколений* переменная «уровень образования» будет хорошо делить респондентов на неоднородные совокупности, а для *современных поколений* количество высокообразованных респондентов будет столь высоко, что эта совокупность будет гораздо менее однородной.

Ранее мы писали, что *урбанизация* и социальная, а также демографическая модернизация – это взаимосвязанные и взаимообуславливающие друг друга процессы [Вишневский, 1998; Вишневский, 2008; Нефедова, Трейвиш, 2001; Davis, Henderson, 2003; Dyson, 2011; Easterlin, 2009]. В результате роста числа и численности городов растет и разрыв в условиях жизни и реальном поведении жителей города и села [Нефедова, Трейвиш, 2001; Патрушев, 2005; Узик, 2006].

Тип населенного пункта сильно обуславливает наступление стартовых *социоэкономических* событий, т.к. в больших городах рынки труда, образовательных услуг и недвижимости значительно шире, чем в небольшом городе или сельской местности. Следовательно, можно ожидать, что индивиды, живущие в городах, будут иметь большую вероятность трудоустроиться, получить образование и отделиться от родителей.

В больших городах также больше, чем в менее урбанизированной местности, брачный рынок. Поэтому можно ожидать, что число *матримониальных* событий может быть выше, а возраст начала отношений – раньше.

Из-за анонимности и доступности контрацепции, которую дают города, возраст *деторождения* может быть более поздний, чем в сельской местности, а количество детей – меньше.

В России доля сельского населения устойчиво сокращается уже второй век: если в 1897 году сельское население составляло 57,6 млн. человек, а городское – 9,9 млн., то в 2010 году эти цифры составили 37,5 млн. и 105,3 млн. человек соответственно [Население России 2010-2011: восемнадцатый-девятнадцатый ежегодный демографический доклад, 2013, с. 32]. В европейской части России т.н. урбанизационный переход произошел в 1958 году, то есть доля городского населения превысила 50% [Попов, 2001, с. 155], а это значит, что

половина жителей страны получила доступ к городскому образу жизни, подразумевающему:

- большую, чем в сельской местности, анонимизацию, а значит – меньше социального контроля;
- лучший доступ к средствам контрацепции, а значит – больше возможностей для контроля календаря рождений;
- лучший доступ к образованию всех уровней, и особенно – высшего; более широкий рынок труда и брачный рынок.

Уровень образования и *тип населенного пункта* тесно связаны друг с другом вследствие того, что учебные заведения, дающие высшее и профессиональное образование, в большинстве своем, концентрируются именно в больших городах. Поэтому можно ожидать однонаправленных тенденций изменения паттернов взросления в зависимости от уровня урбанизированности и образованности населения.

3. Построение индивидуальных биографий для российских поколений

Первый параграф данной главы посвящен описанию методов анализа наступления событий жизни, используемых для изучения событий, маркирующих переход во взрослую жизнь. Во втором параграфе обозначены особенности используемого массива данных – репрезентативного для России обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе». В третьем мы подробно опишем процедуру подготовки данных к анализу, а в четвертом – представим структуру выборки по ключевым переменным.

3.1. Количественные методы сбора и анализа биографических данных

В первом разделе параграфа дана информация о существующих количественных методах сбора биографических данных; описаны их достоинства и недостатки. Перечислены возможности и ограничения имеющихся сегодня в России репрезентативных ретроспективных опросов, содержащих данные о наступлении событий жизни.

Во втором разделе мы представили классификацию методов анализа событий жизни, объединяющую уже имеющиеся классификации [Денисенко, Калмыкова, 2007; Кокс, Оукс, 1988; Рождественская, 2012; Billari и др., 2005a; Billari, Liefbroer, 2010; Mills, 2000b]. Предлагаемый нами подход подразумевает использование данных методов для анализа не только отдельных событий, как это делается обычно, но и их совокупности.

3.1.1. Количественные методы сбора биографических данных

Для анализа биографических данных социологи и демографы используют результаты выборочных обследований. Количественные биографические опросы можно разделить на следующие виды:

1. По частоте повторения и когортному охвату:
  - одномоментный биографический опрос (проводится один раз);
  - повторяющийся биографический опрос (проводится несколько раз):
    - трендовый опрос – одномоментное обследование, проведенное несколько раз. Разные респонденты опрашиваются в разные моменты времени;
    - когортный опрос – обследование одной когорты в разные моменты времени;

- лонгитюдный (панельный) опрос – обследование одних и тех же респондентов, принадлежащих к разным когортам, в разные моменты времени.

2. По типу временному охвату:

- ретроспективный – задаются вопросы о прошлом респондента;
- проспективный – задаются вопросы, ориентированные на будущее (ожидания, планы и т.д.).

3. По способу проведения:

- личный – проводится при очной встрече;
- телефонный – проводится по телефону;
- онлайн – проводится в интернете;
- почтовый – проводится по почте;
- уличный – проводится на улице;
- квартирный – проводится в квартире респондента.

К главным достоинствам одномоментных биографических опросов относится их относительная дешевизна в сравнении с повторяющимися обследованиями, но одномоментные опросы не позволяют отследить динамику изменений, происходящих с респондентами. Поэтому наибольший интерес для исследователей представляют повторяющиеся опросы, особенно – панельные и когортные.

Несмотря на возможности, которые они открывают (отслеживание динамики изменений, уточнение вопросов во время следующих интервью), они очень дороги и трудоемки в работе [Терещенко, Королева, 2011; Blossfeld, Schneider, Doll, 2009; Frankel, Hillygus, 2014; Maurice von, Schneider, Blossfeld, 2011; Titarenko, Tereschenko, 2011]. Во-первых, панельная выборка имеет тенденцию к «обсыпанию» вследствие переезда респондентов, отказа участвовать в новых волнах обследования или смерти, а добавлять новых участников нельзя, т.к. это нарушит главный смысл панельного метода – проследить изменения во времени у группы людей. Во-вторых, повторяющиеся опросы требуют владения методологией работы с панельными данными. Тем не менее, такой вид опросов является очень популярным и востребованным в социологии и демографии, т.к., в ключе КЖП, позволяет отследить динамику процессов, развивающихся во времени.

Одним из способов получения информации о процессах, развивающихся во времени, является использование ретроспективных вопросов в одномоментных и повторяющихся обследованиях. Эти вопросы позволяют узнать у респондента информацию о его биографических событиях и динамике изменения его взглядов, представлений и индивидуальных характеристик. К недостаткам ретроспективных вопросов относятся

непреднамеренное искажение информации о прошлом вследствие забывания дат, деталей событий и своих исходных переживаний и ощущений. Также многолетние и многократные опросы утомительны для респондентов, что может увеличить риск прерывания интервью и отказа участвовать в обследовании повторно.

Чаще всего для того, чтобы минимизировать недостатки разных методов и максимизировать достоинства, исследователи используют ретроспективные и проспективные вопросы в повторяющихся обследованиях. Наибольшая надежность достигается, если отслеживать одну группу людей в течение длительного времени и спрашивать их об изменениях, произошедших с ними в течение небольшого периода времени (года-двух), пока воспоминания о мотивах, причинах и последствиях событий еще свежи.

Перечислим основные достоинства панельных обследований с ретроспективной компонентой:

- фиксация событий происходит максимально близко к моменту их совершения, что снижает ошибки относительно указания респондентами времени их наступления и своей эмоциональной реакции на них;
- возможность получения информации об одном и том же индивиде в разные моменты времени через фиксированные интервалы времени – проверка устойчивости его взглядов и влияния на них конъюнктурных факторов;
- максимально широкая возможность исследования причинно-следственных связей благодаря возможности отследить момент формирования побуждения к действию.

Недостатки панельных обследований с ретроспективной компонентой:

- выбытие респондентов из-под наблюдения (смерть, миграция, отказ от участия в опросе);
- чем старше поколения, тем больше селекция: до старших возрастов доживают респонденты не с самыми типичными биографиями;
- эффект привыкания к рефлексии: респондент знает, что его спросят об этом событии, и может включать дополнительное оценивание своих действий, демонстрируя более социально ожидаемое или желаемое поведение, чем если бы его потом не спрашивали об этом событии;
- периодически повторяющийся опрос влияет на исследуемый процесс и отношение к нему у опрашиваемых: если до участия в опросе респонденты не задумывались о своих мотивах, то после него могут начать менять свое

естественное поведение, вследствие чего будут хуже репрезентировать население;

- высокие требования к оформлению исследования и обслуживанию «поля».

Развитие методов сбора и анализа данных и улучшение качества самих данных – взаимостимулирующие друг друга процессы. Продвинутой статистический инструментарий и исследовательские гипотезы требовали крупных панельных обследований для их апробации. Сегодня такие обследования стали регулярными и набирают все больший охват по странам, количеству респондентов и переменных. Приведем несколько примеров международных и страновых выборочных ретроспективных повторяющиеся обследований, содержащих биографические данные:

- Мичиганское панельное исследование динамики доходов (Michigan Panel Study of Income Dynamics) [Elder Jr., 1995b];
- Международное обследование рождаемости и семьи (Fertility and Family Survey) [Klijzing, Corijn, 2001];
- Международная программа «Поколения и гендер» (Generations and Gender Survey) [Vikat и др., 2007a; Vikat и др., 2007b] и российская часть программы «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РиДМиЖ) [Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе, 2007];
- Европейское социальное исследование (European Social Survey) [Billari и др., 2005a];
- Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ¹ [Сваффорд, Косолапов, Козырева, 1999];
- Российское обследование «Человек, семья, общество» [Тындик и др., 2015].

В ходе подготовки данного исследования мы работали с тремя крупными опросами, которые упомянуты в списке выше: Европейское социальное исследование² (ЕСИ),

---

¹ Лонгитюдное обследование домохозяйств «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения» НИУ ВШЭ – это серия ежегодных (начиная с 1994 года) общенациональных репрезентативных опросов, разработанная при участии ведущих мировых экспертов в этой области. Официальный сайт: <https://www.hse.ru/rims/>

² Третья волна международного обследования «Европейское Социальное Исследование» проведена в России в 2006 году Институтом сравнительных социальных исследований. В качестве методологической основы была использована концепция жизненного пути [Billari и др., 2005a]. Всего обследованием охвачено 38 стран Европы. Официальный сайт: <http://www.europeansocialsurvey.org/>

«Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе»¹ (РидМиЖ) и «Человек, семья, общество»² (ЧСО).

В процессе предварительной работы нами был опубликован ряд статей, выполненный на этих базах данных [Артамонова, Митрофанова, 2016с; Артамонова, Митрофанова, 2016d; Артамонова, Митрофанова, 2016а; Бурдяк и др., 2014b; Митрофанова, 2012; Митрофанова, 2015; Митрофанова, 2016; Митрофанова, Артамонова, 2015b; Митрофанова, Артамонова, 2015а; Митрофанова, Артамонова, 2016а; Сушко, Митрофанова, Артамонова, 2017; Тындик и др., 2015; Тындик, Митрофанова, 2014; Espy IV, Mitrofanova, 2017; Mitrofanova, 2016a; Mitrofanova, 2017b; Mitrofanova, 2017c; Mitrofanova, Artamonova, 2016b; Mitrofanova, Artamonova, 2016a].

Однако в диссертационное исследование мы включили только результаты анализа данных РидМиЖ. Ограничивая число анализируемых баз данных, мы руководствовались следующими соображениями:

1. ЕСИ и ЧСО имеют ряд ограничений³, из-за которых использовать их вне связи с другими базами сложно. Единственное обследование, которое для наших целей можно использовать автономно – это РидМиЖ, т.к. РидМиЖ представляет детальную информацию (даты с точностью до месяца) по большому числу поколений (1930-1986).
2. Все базы данных мы готовили, исходя из единых алгоритмов и принципов, поэтому их результаты являются сопоставимыми. Выводы, которые мы получили на трех массивах, согласуются между собой, то есть мы верифицировали результаты и удостоверились в валидности и репрезентативности данных, с которыми работаем. Такая согласованность результатов трех обследований позволила нам из всех трех массивов выбрать один, который бы подходил для нашего анализа наилучшим образом.

---

¹ Три волны обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» проведены в России Независимым институтом социальной политики в 2004, 2007 и 2011 годах. Анкета опросника разработана в ключе концепции жизненного пути и разрабатывалась с целью использования продвинутых методов статистического анализа. Официальные сайты: <http://www.socpol.ru/gender/RIDMIZ.shtml>; <http://sophist.hse.ru/db/oprview.shtml?T=S&S=3882>

² Первая волна обследования «Человек, семья, общество» проведена в 2013 году Институтом социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Анкета обследования разрабатывалась на базе анкеты РидМиЖ, с учетом накопленного опыта и также подходит для анализа продвинутыми статистическими методами [Бурдяк и др., 2014а; Тындик и др., 2015].

³ Обследование ЕСИ содержит информацию только о годе наступления стартовых событий, что в рамках нашего анализа дает большую погрешность. В обследовании ЧСО вопросы о брачных и репродуктивных событиях задавались только респондентам репродуктивного возраста, то есть информация о старших поколениях отсутствует.

Таким образом, для выполнения данного исследования было выбрано обследование РиДМиЖ. Как мы упомянули ранее, РиДМиЖ – это часть международной программы «Generations and Gender Programme», в которой Россия участвует в соответствии с общей процедурой для всех стран-участниц: сопоставимый опросник, адаптированный для каждой страны; проведение волн опросов в близкие с остальными странами годы; репрезентативность опроса для страны; соблюдение всех инструкций и требований к качеству.

3.1.2. Количественные методы анализа биографических данных

3.1.2.1. Основные переменные, содержащие информацию о наступлении событий

Начнем с перечисления способов представления биографических событий. Информация о событиях жизни может быть представлена в следующем виде:

- *Дата наступления события.* Это базовая единица информации, из которой потом высчитываются все остальные переменные. Может быть представлена в виде точной даты (например, 01.01.2001) или с точностью до месяца (например, январь 2001).
- *Факт наступления события.* Является производной от даты наступления события. Чаще всего представляет из себя бинарную переменную, где «1» означает, что событие наступило, а «0» – что не наступило.
- *Число (или количество) событий.* Является производным от фактов наступления нескольких событий. Например, если у респондента произошло трудоустройство и отделение от родителей, но он еще не получил профессиональное образование, то его количество социоэкономических событий равно двум из трех возможных.
- *Возраст.* Является производной от даты наступления события. Может быть представлена в виде количества лет (20 лет), количества месяцев (240 месяцев) или их совокупности (20 лет и 3 месяца или 243 месяца).
- *Длительность события или этапа жизни.* Рассчитывается как интервал между началом и окончанием какого-то события, процесса или этапа жизни. Например, длительность получения образования составила 5 лет; брак продлился 3 года; переход во взрослую жизнь продлился в течение 15 лет.
- *Интервал между событиями.* Отличается от длительности тем, что здесь берутся не начало и окончание одного процесса, а наступление двух разных событий. Например, интервал между вступлением в брак и рождением ребенка составил 1 год.

- *Последовательность наступления событий.* Обычно представляется в виде последовательности букв и/или цифр. Для того, чтобы получить последовательность наступления событий, необходимо все события выстроить в хронологическом порядке и записать названия событий в порядке их появления в жизни индивида. Последовательность может состоять как из одного события, так и из нескольких, причем события могут наступать как последовательно, так и одновременно. Например, у одного респондента первым событием было отделение от родителей, вторым – трудоустройство, а последним – брак. У другого респондента на момент обследования произошло только трудоустройство. А третий респондент на момент опроса вступил в брак и покинул родительский дом, причем эти события произошли одновременно.

Даты наступления событий индивидуальны для каждого человека и имеют аналитический потенциал только, когда мы знаем дату его рождения. Поэтому саму по себе дату наступления события не анализируют, но вот для ее производных в социологии жизненного пути и демографии разработан целый комплекс разных методов.

3.1.2.2. Основные методы анализа переменных, содержащих информацию о наступлении событий

Мы объединили разные классификации методов анализа событий жизни [Денисенко, Калмыкова, 2007; Кокс, Оукс, 1988; Рождественская, 2012; Терещенко, 2010; Billari и др., 2005a; Billari, Liefbroer, 2010; Mills, 2000b], сфокусировавшись на работе с индивидуальными данными. Мы уже приводили нашу классификацию методов ранее в работе. Рассмотрим ее здесь подробнее:

1. Структура (structure)

Структура выборки (например, брачная структура или половозрастная) может быть получена через распределения респондентов по выбранным стратифицирующим признакам. Такие распределения дают возможность получить общее представление об индивидуальных характеристиках респондентов.

Также к показателям структуры можно отнести распределение респондентов в зависимости от того, наступило у них какое-то событие или не наступило. Для этого необходимо создать бинарную переменную «факт наступления события» и вычислить доли респондентов, имеющих искомое событие.

2. Квантум (quantum) или число событий

Термин «квантум», используемый в научном сообществе, сложно дословно и точно перевести на русский язык. Один из ближайших вариантов перевода в нашем контексте – *число (или количество) событий*. Квантум можно посчитать только для повторяющихся событий (Например, число браков) или для совокупности событий (число событий, маркирующих взросление).

Показателем квантума для выборки будет распределение респондентов по числу имеющихся у них событий или вычисление среднего, медианного или модального числа событий, приходящихся на одного респондента. Например, среднее число браков у респондентов выборки или среднее количество событий, маркирующих взросление, совершенное респондентами к возрасту 35 лет.

3. ***Тайминг (timing) или время наступления событий***

Показатели тайминга отражают время (или календарь) наступления событий. Чаще всего под таймингом понимается средний, медианный или модальный *возраст наступления событий*, но также сюда можно отнести и *длительность событий*. Например, возраст вступления в брак и длительность брака или начало перехода во взрослую жизнь и длительность перехода.

4. ***Интенсивность наступления событий (tempo)***

Термин «tempo» переводится как темп, скорость или интенсивность наступления событий. Мы используем исходный термин, т.к. в русскоязычной литературе еще не сформировался устойчивый вариант его перевода. Показатели интенсивности отражают динамику совершения событий. Например, насколько интенсивно (или быстро) респонденты рожают детей после вступления в брак. Интенсивность рассчитывается на основе *интервалов между событиями и фактов их наступления*. В качестве показателей интенсивности могут выступать вероятность, риск и шанс наступления события, которые можно рассчитать, пользуясь методом анализа наступления событий (Event history analysis). Об этом методе подробнее мы расскажем дальше.

5. ***Последовательность наступления событий (sequence)***

Для работы с последовательностями наступления событий используется специальный метод математической алгоритмизации, называющийся анализ последовательностей (Sequence analysis). Этот метод нами подробно рассматривается в ряде статей [Гиздатуллин и др., 2016; Митрофанова, 2016; Митрофанова, Артамонова, 2015с; Митрофанова, Артамонова, 2016b; Муратова и др., 2016; Espy IV, Mitrofanova, 2017; Gizdatullin и др., 2017; Ignatov и др., 2015; Mitrofanova, Artamonova, 2015; Mitrofanova, Artamonova, 2016b]. В данном

исследовании мы обсудим лишь базовую информацию о последовательностях наступления события, используя стандартные статистические методы, т.к. полноценное применение метода анализа последовательностей не имеет достаточного эвристического потенциала для решения поставленных нами задач.

Перечисленные методы могут быть применены как к отдельным событиям, так и к их совокупности. Наш вклад в изучение взросления состоит в том, что мы рассматриваем этот процесс комплексно и применяем существующие методы анализа как к стартовым событиям по отдельности, так и к переходу во взрослую жизнь в целом (то есть совокупности стартовых событий). Предлагаемый нами вариант такого анализа представлен в таблице (Таблица 3).

Таблица 3. Методы анализа отдельных стартовых событий и перехода во взрослую жизнь в целом

Мера	Одно стартовое событие	Переход во взрослую жизнь (совокупность стартовых событий)
Структура	<ul style="list-style-type: none"> доля респондентов, имеющих событие 	<ul style="list-style-type: none"> доля респондентов, имеющих события
Квантум (число событий)		<ul style="list-style-type: none"> число стартовых событий в переходе
Тайминг (календарь)	<ul style="list-style-type: none"> средний, медианный, модальный возраст наступления события 	<ul style="list-style-type: none"> средний, медианный, модальный возраст начала и окончания перехода средняя, медианная, модальная длительность перехода
Интенсивность	<ul style="list-style-type: none"> распределение респондентов по возрастам наступления стартовых событий анализ наступления событий: риски наступления стартовых событий после достижения 15 лет 	<ul style="list-style-type: none"> распределение респондентов по возрастам начала и окончания перехода скорость взросления (длительность перехода, деленная на число событий) анализ наступления событий: риски начала и окончания перехода после достижения 15 лет; риски окончания перехода после его начала
Последовательность		<ul style="list-style-type: none"> последовательности наступления событий типы событий, с которых начинается и которыми завершается переход

Источник: составлено автором

В следующей главе мы будем анализировать сначала отдельно каждое из стартовых событий, а затем их совокупность, применяя обозначенные в таблице методы. Для того, чтобы результаты были сопоставимы между поколениями, везде, где это возможно, мы изучали наступление событий к конкретным возрастам (15, 25, 35 лет).

Также мы делали минимальный фокус на использовании показателей в их исходном виде, стараясь представить данные настолько комплексно, насколько это возможно. Поэтому, например, при изучении перехода во взрослую жизнь мы не рассматривали базовые показатели структуры и квантума, а объединили их в более сложный, но более информативный график.

Анализируя переход во взрослую жизнь, мы использовали не все возможные методы анализа интенсивности и последовательностей, т.к. эвристические возможности метода не являются удовлетворительными на данный момент. Наша цель – получить первичное представление о том, как разные события жизни наступают у разных индивидов. Более детальный анализ мы будем делать в дальнейших работах.

Анализ наступления событий

Один из способов анализа данных, о котором необходимо сказать подробнее – это анализ наступления событий (АНС, Event history analysis). Методы АНС изучают риск наступления (или ненаступления) события в зависимости от длительности времени, прошедшего с момента попадания респондента под риск наступления события [Бурдяк, 2007; Кокс, Оукс, 1988; Ниворожкина, 2007; Ниворожкина, 2015; Ниворожкина, Ниворожкин, Федосова, 2002; Сох, 1972]. Можно привести следующие примеры моментов попадания под риск: для вступления в брак попадание под риск происходит с момента достижения респондентом бракоспособного возраста; для деторождения – в момент начала репродуктивного периода; для трудоустройства – при достижении возраста частичной дееспособности и т.п.

Перечислим основные параметры, которые можно оценить с помощью АНС:

1. *Вероятность* наступления события – степень возможности наступления события. Рассчитывается как отношение числа респондентов, имеющих искомое событие к общему числу респондентов. Значения вероятности варьируют от 0 до 1.
2. *Риск* наступления события – это вероятность наступления события при условии, что событие до текущего момента не наступило. Функция риска может принимать значение больше единицы. Например, если значение функции риска равно 1,5, это означает, что ожидаемое число событий, наступивших в течение интервала, равно 1,5. Риски наступления событий у разных людей могут быть сравнены между собой путем вычисления относительных рисков.
3. *Относительные риски* (relative risks или hazard ratio) – это отношение вероятности наступления события в одной группе к аналогичной вероятности в другой. Если относительный риск больше единицы, это означает, что вероятность наступления

события выше в первой группе; если меньше единицы – вероятность наступления события выше во второй группе (той, которая в знаменателе); если равен единице, то риски для обеих групп одинаковы. У показателей относительного риска есть ряд недостатков: во-первых, они могут быть измерены не при любом типе дизайна исследования (если респонденты отобраны произвольно, то и риск будет также изменяться произвольно), а во-вторых, с ними сложно осуществлять математические операции [Плавинский, 2005]. Можно рассматривать противоположный относительному риску показатель – отношение шансов.

4. *Отношение шансов* (odds ratio) – это число раз, когда индивид «выживет» к числу раз, когда он покинет группу риска. Отношение шансов рассчитывается как отношение числа респондентов, имеющих искомое событие к числу респондентов, не имеющих искомое событие. Чаще всего используют логарифм отношения шансов, т.к. распределение редко является нормальным, и логарифмирование позволяет сделать его более симметричным. Тогда если получившийся логарифм отношения шансов больше единицы, это значит, что фактор риска имеет прямую связь с вероятностью исхода; если меньше единицы – обратную; если равен единице – это значит, что фактор не оказывает воздействие на вероятность исхода.

АНС включает целый набор различных методов, позволяющий оценить вероятность, риск, относительные риски и шансы наступления событий [Aalen, Borgan, Gjessing, 2008; Mills, 2011; Steele, 2005]:

1. Непараметрические методы:
  - таблица смертности;
  - метод Каплана-Майера.
2. Полупараметрический метод:
  - регрессия пропорциональных рисков (или регрессия Кокса).
3. Параметрические методы:
  - экспоненциальная регрессия;
  - регрессия Вейбулла;
  - регрессия Гомперца;
  - полиномиальная регрессия.

К недостаткам непараметрических методов анализа относится то, что они не позволяют учесть влияние дополнительных факторов на риск совершения события. Полупараметрические и параметрические методы это позволяют, но параметрические

методы требуют от исследователя предварительного предположения относительно вида функции риска наступления изучаемого события, на основе которого и будет выбран вид регрессии.

Полупараметрическая регрессия Кокса не требует от исследователя подобных предположений, но что в нее уже заложен ряд собственных предположений: все независимые переменные (или ковариаты) влияют на риск наступления события линейно; ковариаты некоррелированы между собой; риски наступления события у двух любых респондентов изменяются пропорционально на протяжении всего времени наблюдения.

Если данные исследования удовлетворяют перечисленным требованиям, то применение регрессии Кокса является наиболее оправданным выбором, и очень часто используется на практике.

Регрессия Кокса была предложена в 1972 г. Дэвидом Коксом [Cox, 1972] и достаточно быстро стала популярной благодаря тому, что исследователю не нужно делать собственных предположений относительно формы распределения функции риска. Помимо этого, предложенный метод лучше стандартных регрессий работает с цензурированными событиями. Цензурирование – это ситуация, при которой у респондента искомое событие не наступило к моменту окончания наблюдения, и мы не знаем, наступит ли оно в будущем, т.к. респондент еще находится под риском его наступления. Стандартные регрессии не предоставляют механизмов учета цензурирований, тогда как регрессия Кокса за счет предположения о пропорциональности рисков учитывает как тех, у кого событие наступило, так и у тех, у кого оно еще не произошло.

В общем виде уравнение риска наступления события выглядит так:

$$h(t) = \lim_{s \rightarrow 0} P(t, t+s)/s,$$

где:

t – интервал времени от момента попадания под риск наступления события до момента его наступления или ненаступления;

s – длина временного интервала (ничтожно малая);

$h(t)$ – функция риска наступления события в момент времени t ;

$P(t, t+s)$ – вероятность наступления события в интервале времени от t до $t+s$ при условии, что на момент времени t индивид находился в группе риска.

Таким образом, можно сформулировать следующее определение функции риска $h(t)$: это вероятность того, что событие наступит в течение ничтожно малого временного интервала при условии, что индивид дожил до начала интервала.

Регрессия Кокса может быть представлена в следующем виде:

$$h(t) = h_0(t) \exp(\beta x_i),$$

где:

$h_0(t)$ – базовая функция риска наступления события (baseline hazard rate);

x_i – значение ковариат;

β – регрессионный коэффициент при ковариате;

$\exp(\beta x_i)$ – экспонента регрессионного коэффициента при ковариате.

Преимуществом такой формулы является то, что экспонента регрессионного коэффициента при ковариате может быть проинтерпретирована как отношение рисков (relative risks или hazard ratio). Если предыдущую формулу записать в виде логарифмов, то экспонента будет проинтерпретирована как отношение шансов [Steele, 2005, с. 15]:

$$\log h(t) = \log h_0(t) + \beta x_i.$$

Проверяемая гипотеза H_0 звучит так: ковариата не имеет связи с зависимой переменной, то есть регрессионный коэффициент при ковариате значимо не отличается от нуля.

Регрессионные коэффициенты модели оцениваются при помощи метода частичного правдоподобия (partial log-likelihood). Этот метод схож с методом максимального правдоподобия, максимизирующего полную функцию правдоподобия. Они различаются лишь тем, что метод частичного правдоподобия работает с частью функции правдоподобия, зависящей от коэффициентов при ковариатах, а не от функции времени [Hardy, Bryman, 2004].

Зависимая переменная в регрессии Кокса представляет собой риск в каждый конкретный момент времени, который вычисляется из следующих переменных:

- факт наступления события (1 – если событие произошло; 0 – если событие не произошло);
- интервал времени, прошедший с момента попадания респондента под риск наступления события до момента его совершения; в случае отсутствия события у

респондента берется интервал времени с момента попадания под риск до завершения наблюдения;

Если в модель включена только зависимая переменная и больше ничего, то такая модель называется базовой функцией риска (baseline function) и позволяет оценить исходную величину риска без учета влияния разных факторов. Но влияние различных факторов может быть учтено путем включения в модель независимых переменных (или ковариат), а также одной стратифицирующей переменной.

Ковариаты могут быть включены в качестве как объясняющих, так и контролирующих переменных. Отбор объясняющих переменных происходит в зависимости от значимости их влияния на зависимую переменную, а в качестве контролирующей переменной может быть включена даже незначимая переменная, наличие которой в модели по какой-то причине необходимо. Например, если исследователь хочет добиться сравнимости разных моделей, и ему необходимо, чтобы ряд ковариат был включен даже если они не влияют на итоговый риск.

Стратифицирующие переменные позволяют непараметрически контролировать значение одной или нескольких переменных [Allison, 1984]. Выборка делится на группы в соответствии с категориями выбранной стратифицирующей переменной, и для каждой из них формируется собственная базовая функция риска. В итоге риски для каждой из групп не будут пропорциональны, то есть будут иметь возможность варьировать в зависимости от времени, прошедшего с момента попадания респондентов под риск.

В нашей работе мы будем изучать наступление каждого стартового события после достижения респондентами возрастов 15 лет. То есть в нашем случае попадание под риск наступления всех событий происходит в 15 лет (подробнее о выборе этого возраста написано в параграфе «1.3.2.3. Границы перехода во взрослую жизнь»). Соответственно, у каждого респондента пройдет индивидуальное количество времени от 15-летия до наступления события. Если у респондента событие произошло в возрасте до 15 лет, то искомый интервал получится отрицательным. Так как отрицательные длительности регрессией Кокса не анализируются, мы их приравняем к нулевым значениям, при этом факт наступления события оставляя равным единице. Для тех респондентов, у которых событие не произошло, факт будет равен нулю, а временная переменная будет равна интервалу между датой 15-летия и моментом проведения опроса.

Таким образом, мы сможем вычислить прогнозные риски наступления событий с учетом того, что у одних респондентов событие произошло в течение наблюдаемого периода, у других – до его начала, а у третьих не произошло даже к концу наблюдения.

Также мы сможем учесть влияние целого ряда факторов, влияющих на риск наступления событий и построить отдельные функции риска для разных категорий респондентов (например, мужчин и женщин или разных поколений).

Резюме параграфа

В первом разделе данного параграфа представлена информация о существующих количественных методах сбора биографических данных и описаны достоинства и недостатки этих методов. Перечислены возможности и ограничения имеющихся сегодня в России репрезентативных ретроспективных опросов, содержащих данные о наступлении стартовых событий жизни.

Во втором разделе параграфа мы представили классификацию методов анализа событий жизни (Таблица 3), объединяющую уже имеющиеся классификации [Денисенко, Калмыкова, 2007; Кокс, Оукс, 1988; Рождественская, 2012; Billari и др., 2005a; Billari, Liefbroer, 2010; Mills, 2000b]. Предлагаемый нами подход подразумевает использование данных методов для анализа не только отдельных событий, как это делается обычно, но и их совокупности.

3.2. Используемый массив данных

3.2.1. Особенности используемых данных

В предыдущем параграфе мы объяснили, чем обоснован выбор обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РиДМиЖ) в качестве используемой базы данных. Остановимся подробнее на особенностях этого массива данных.

Независимым институтом социальной политики было проведено три волны обследования РиДМиЖ в России в 2004, 2007 и 2011 годах. Вторая и третья волна были проведены с небольшими отличиями от первой. Если в первой была собрана максимально полная биография по всем респондентам, то в дальнейших волнах новые участники отвечали на видоизмененный (во многом усеченный) вариант опроса. Респонденты, которые участвовали повторно (т.н. панельные респонденты), дополняли уже имеющуюся информацию тем, что произошло с ними за время между волнами опроса.

Опросник РиДМиЖ включает информацию о месяце и годе наступлении следующих событий: завершения школы, профессионального образования, первого трудоустройства, первого отделения от родителей, первого партнерства, первого брака и первого деторождения. Также в анкете было задано много вопросов относительно социально-демографических характеристик респондентов. Мы в дальнейшем анализе будем использовать следующие: пол, принадлежность к поколению, уровень образования на момент опроса, тип населенного пункта на момент опроса. Также мы будем использовать еще ряд переменных, которые будем вводить по мере необходимости.

На рисунке ниже (Рисунок 4) обозначено, сколько респондентов участвовали в какой из волн обследования РиДМиЖ.

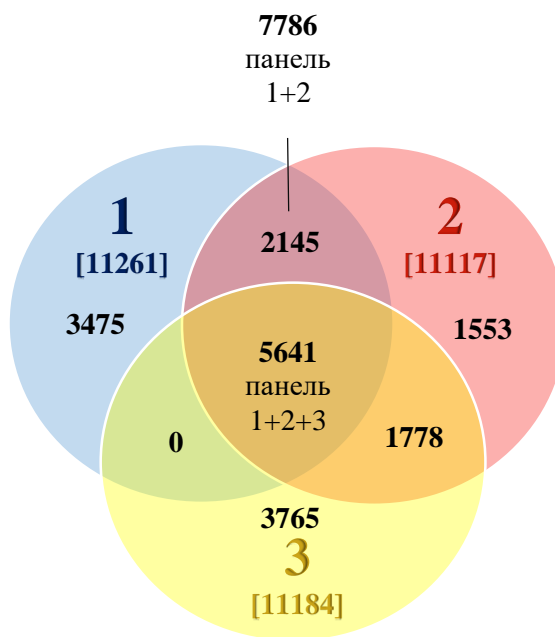

Рисунок 4. Объем волн РиДМиЖ¹

Источник: составлено автором

Мы исключили из базы данных респондентов очень пожилого возраста (рожденных до 1930 года). Во-первых, те, кто дожил до 90 лет, являются скорее исключениями (т.к. сильно превысили среднюю продолжительность жизни в России) и потому едва ли будут репрезентировать типичную биографию своего поколения. Во-вторых, воспоминания пожилых людей о стартовых событиях в большой степени могут быть подвержены непреднамеренным искажениям вследствие естественного процесса забывания и ложных интерпретаций. Респонденты, рожденные в 1930-х годах, тоже являются пожилыми и их тоже можно было бы исключить. Однако наши предыдущие исследования [Митрофанова, 2015; Mitrofanova, 2017b; Mitrofanova, Artamonova, 2016a] показали, что это поколение достаточно хорошо наполнено для проведения анализа, и их ответы довольно консистентны, поэтому было принято решение оставить их в массиве данных.

Итоговый объем выборки составил 5451 респондента, из которых 32% мужчин и 68% женщин. В исходных выборках количество женщин было больше изначально, т.к., во-первых, половозрастная структура России имеет выраженный гендерный дисбаланс, а, во-вторых, имеется проблема более низкого возврата завершенных интервью со стороны мужчин, характерная для выборочных обследований, изначально нестратифицированных по полу (т.н. «response rate» или коэффициент завершения/возврата результатов опроса

¹ Внутри окружностей в квадратных скобочках находится общее число респондентов, принимавших участие в данной волне, а без скобочек располагаются числа тех, кто участвовал только в данной волне и не участвовал ни в одной другой. На пересечении первой и второй, второй и третьей волн указан объем полупанелей. На пересечении всех трех волн указан объем панели. Он составил 5641 респондента.

среди мужчин намного ниже, чем среди женщин, и Россия, к сожалению, демонстрирует на международном фоне не лучшие образцы [Захаров, Малева, Синявская, 2007; Kosolapov, Zakharov, 2005; Sinyavskaya, 2012]). Имевшийся изначально гендерный дисбаланс усилился тем, что мы включили в исследование панельных респондентов. Для любой панели характерно «обсыпание» – то есть отказ респондента участвовать в повторных волнах обследования, потеря контакта с респондентом, его переезд или смерть. Как мы видим, мужчины реже соглашались принимать не только первичное, но и повторное участие в опросе, что дополнительно сместило итоговый вид выборки.

Любой дисбаланс выборки – это всегда серьезная проблема, прежде всего, сказывающаяся на репрезентативности данных. В нашем случае, мы нивелируем ее тем, что весь эмпирический анализ делаем в разрезе четырех стратифицирующих переменных, одна из которых – пол респондента. Рассматривая мужчин и женщин отдельно, мы избегаем тех смещений, которые могли бы быть вызваны «перенаполненностью» базы женщинами. В то же время следует оговориться, что возможности для корректировки возможных смещений, связанных с различной степенью селективности при попадании в выборку мужчин и женщин, у нас отсутствовали.

3.2.2 Подготовка базы данных к анализу

Подготовке данных для последующего анализа было уделено очень много внимания. Как мы говорили выше, мы готовили сразу три базы данных, в том числе, для использования продвинутых методов анализа (например, анализ последовательностей). Это потребовало принятия ряда ограничений в работе, чтобы добиться сопоставимости между базами данных, а также ряда принципиальных решений относительно пропущенных данных. Мы опишем поэтапно, как мы готовили к работе данные разных типов.

Главная задача, которая стояла перед нами – это объединение трех волн обследования в единый массив данных. Эта работа строилась следующим образом: мы добавили к первой волне все переменные по панельным респондентам из второй и третьей волн, а затем для каждой из интересующих нас переменных мы создавали итоговую, которая являлась результатом перекрестной проверки данных.

В любом обследовании возможны неточности, вызванные как ошибочными воспоминаниями респондентов, так и ошибками в записи информации интервьюером или ошибками в переводе анкет в электронный формат. В результате, когда мы сравниваем ответы на одинаковые вопросы, полученные в три разных момента времени, мы часто сталкиваемся с тем, что эти ответы могут не совпадать (даже если это такой мало

меняющийся во времени параметр как пол респондента). Для разного типа переменных подходы к работе с разного рода ошибками будут разными.

В нашем обследовании присутствуют два основных типа переменных:

1. Даты наступления событий:

1.1. Неповторяющиеся события:

- дата рождения;
- дата проведения интервью;
- окончание школы и завершение получения образования;
- первое трудоустройство;
- первое отделение от родителей.

1.2. Биографии (повторяющиеся события):

- партнерства и расставания;
- браки и разводы;
- деторождения.

2. Стратифицирующие переменные (характеристики респондентов):

- пол;
- поколения;
- уровень образования на момент обследования;
- тип населенного пункта на момент обследования.

Перечислим основные алгоритмы чистки данных, применимые ко всем типам перечисленных переменных:

1. Если значения переменной отсутствуют в двух волнах и известны только в одной, то выбираем в качестве значения для итоговой переменной то, которое нам известно.
2. Если значения переменной известны и совпадают по двум волнам и расходятся с третьей, то выбираем для итоговой переменной совпадающее значение.
3. Если значения переменной по всем трем волнам известны и совпадают, выбираем для итоговой переменной это значение.
4. Если значения переменной по всем трем волнам разные, изучаем всю биографию целиком, пробуя найти вспомогательные переменные, которые помогут определить, какое из известных значений более вероятно. Если вспомогательные переменные найти не удастся, выбираем значение из более ранней волны (т.к. качество собранной информации снижалось от первой к третьей волне).

Перейдем к описанию специфики подготовки переменных, содержащих информацию о датах наступления событий. Подготовка данных осуществлялась в программах IBM SPSS и MS Excel.

3.2.2.1. Даты наступления событий

Подготовка дат наступления событий являлась самой сложной частью работы и потребовала наибольшего количества времени и различных авторских алгоритмов. Подробное описание всей процедуры составления биографий описаны в приложении (Приложение 2). В данном параграфе мы представим лишь информацию, необходимую для понимания того, что представляет из себя каждое из событий биографии.

В обследовании РидМиЖ информация о датах наступления событий собиралась в формате месяца и года. С одной стороны, это дает дополнительную точность при работе продвинутыми методами анализа, с другой стороны, чем больше информации собиралось и чем более детальной она была – тем больше ошибок, опечаток и искажений встречалось в биографиях.

Как было сказано выше, мы работали с двумя типами событий: неповторяющимися и повторяющимися. С первыми было работать намного проще, т.к. требовалось лишь сопоставить даты в каждой из трех волн и выработать алгоритм принятия решения о том, какую из имеющихся дат мы принимаем в качестве верной в случае наличия расхождений с датами из других волн. С повторяющимися событиями работать было значительно сложнее, т.к. в каждой из волн респондент мог указать информацию о нескольких союзах и деторождениях, и нередко эти даты вступали в противоречие друг с другом. Выверка длинных рядов данных о каждом индивиде требовала алгоритмизации процессов и разработки макросов Excel, выполняющих процедуру проверки и правки дат для каждого респондента в автоматизированном режиме.

Перечислим что подразумевалось под каждым из событий в опросе РидМиЖ:

1. **Получение профессионального образования:** месяц и год завершения образования, следующего после школы (ПТУ, техникум, училище, вуз и т.д.).
2. **Трудоустройство на первую работу:** месяц и год, с которого респондент впервые официально проработал не менее шести месяцев.
3. **Отделение от родителей:** месяц и год, с которого респондент впервые жил отдельно от родителей в течение не менее чем трех месяцев.
4. **Вступление в первое партнерство** (незарегистрированный союз): месяц и год, с которого респондент впервые стал совместно проживать со своим партнером и прожил не менее трех месяцев.

5. **Вступление в первый брак:** месяц и год официальной регистрации первого брачного союза.
6. **Рождение первого ребенка:** месяц и год рождения первого биологического ребенка респондента.

Алгоритмы работы с брачно-партнерскими биографиями были выстроены таким образом, что в случае, если было обнаружено наступление брака и партнерства в одну и ту же дату, данный союз фиксировался в биографии как брак. Было исключено одновременное наступление союзов этих двух типов, но не исключено их последовательное наступление: то есть в биографии одного индивида возможно наличие как первого брака, так и первого партнерства, но один из союзов всегда будет предшествовать другому.

3.2.2.2. Стратифицирующие переменные

Подробная информация по подготовке каждой из стратифицирующих переменных приведена в приложении (Приложение 3). Все переменные были взяты по состоянию на 2011 год.

В основу деления на **поколения** был положен 10-летний интервал. Всего в выборке получилось 5 поколений (в скобочках указан возраст респондентов на момент 3 волны – 2011 года):

- 1930-1939 г.р. (72-81 год);
- 1940-1949 г.р. (62-71 год);
- 1950-1959 г.р. (52-61 год);
- 1960-1969 г.р. (42-51 год);
- 1970-1979 г.р. (32-41 год);
- 1980-1986 г.р. (25-31 год).

Последнее поколение является недонаполненным. В каждой волне РИДМИЖ опрашивались только респонденты старше 18 лет. На момент проведения первой волны (2004 год) 18-летними были респонденты, рожденные в 1986 году, поэтому они так и остались самыми молодыми респондентами в панели. Мы решили не исключать из анализа самое молодое поколение, т.к. оно достаточно хорошо наполнено, и именно эти респонденты социализировались после всех крупных трансформаций, произошедших в стране в 90-е годы.

Переменная «**уровень образования**» включает в себя три категории:

- высокий уровень образования (высшее и послевузовское);
- средний уровень образования (ПТУ, техникум, лицей, неоконченное высшее образование);

- низкий уровень образования (школа, профессиональные курсы или отсутствие образования).

Переменная «*тип населенного пункта на момент опроса*» включает в себя три категории:

- областные центры;
- другие города и ПГТ;
- сельские населенные пункты (СНП).

Резюме параграфа

В данном параграфе приведена подробная характеристика используемого нами эмпирического материала – выборочного панельного обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РиДМиЖ). Общее число панельных респондентов составило 5641 человека. Мы исключили из базы данных респондентов очень пожилого возраста (рожденных до 1930 года), поэтому итоговый объем подвыборки составил 5451 респондента. В данных наблюдается гендерный дисбаланс (32% мужчин и 68% женщин). Мы нивелировали возможные смещения по полу и другим переменным путем проведения анализа в разрезах четырех стратифицирующих переменных (пола, поколений, уровней образования, типов населенных пунктов). Подобный шаг позволил изучить поведение однородных групп и сравнивать между собой агрегированные результаты, избавленные от влияния пере- или недонаполненности страт.

Также параграф посвящен описанию процедуры подготовки данных: разработанных нами алгоритмов склейки трех волн РиДМиЖ и чистки получившихся биографий. Подготовка данных осуществлялась в программах IBM SPSS и MS Excel.

Для каждого типа переменных мы разработали свои алгоритмы гармонизации данных. Мы разбили имеющиеся переменные на следующие категории:

1. Даты наступления событий:
  - неповторяющиеся события: дата рождения, дата проведения интервью, окончание школы и завершение получения образования, первое трудоустройство, первое отделение от родителей;
  - повторяющиеся события: партнерства и расставания, браки и разводы, деторождения.
2. Стратифицирующие переменные (характеристики респондентов): пол, поколения, уровень образования на момент обследования, тип населенного пункта на момент обследования.

Первым шагом было сведение всех переменных в один массив: мы добавили к первой волне все переменные по панельным респондентам из второй и третьей волн, а затем для каждой из интересующих нас переменных мы создавали итоговую в соответствии с разработанными алгоритмами гармонизации данных.

3.2.3. Структура выборки в разрезе стратифицирующих переменных

В данном параграфе мы представим результат подготовки данных. С датами наступления стартовых событий мы будем работать в следующей главе, так как это является непосредственной целью нашего исследования, а в этом параграфе мы продемонстрируем, как выглядит структура выборки в разрезе тех переменных, которые мы выбрали в качестве стратифицирующих.

Рисунок 5 репрезентирует структуру выборки в разрезе пола и поколений. Всего в исследовании анализируется 5451 респондент, 67,7% из которых – женщины. Вопрос перепредставленности женщин мы уже обсуждали этот вопрос ранее в параграфе «3.2. ».

Самым многочисленным поколением среди мужчин является поколение 1960-69 г.р., а среди женщин – поколение 1950-59 г.р. В целом, это достаточно близко к половозрастным пропорциям населения России в 2011 году¹, но с погрешностями, которые неизбежны при панельном обследовании.

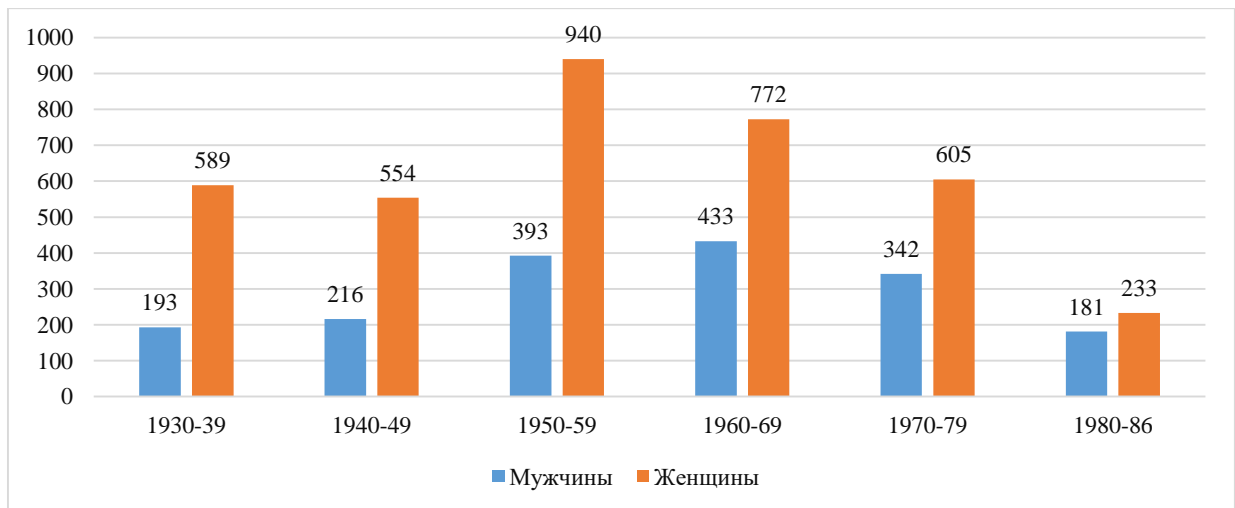

Рисунок 5. Структура выборки в разрезе пола и поколений

Источник: составлено автором (панельные данные РиДМиЖ на 2011 г.)

¹ Актуальную половозрастную пирамиду России можно построить в интерактивном приложении Федеральной службы государственной статистики по ссылке: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/apps/

Рисунок 6 отображает структуру выборки в разрезе пола, поколений и уровней образования. Таблица, на основе которой построена диаграмма, находится в приложении (Приложение 4). Как мы видим, респонденты со средним уровнем образования перепредставлены в выборки, и это с учетом проделанной нами работы по корректировке структуры по уровню образования, описанной ранее.

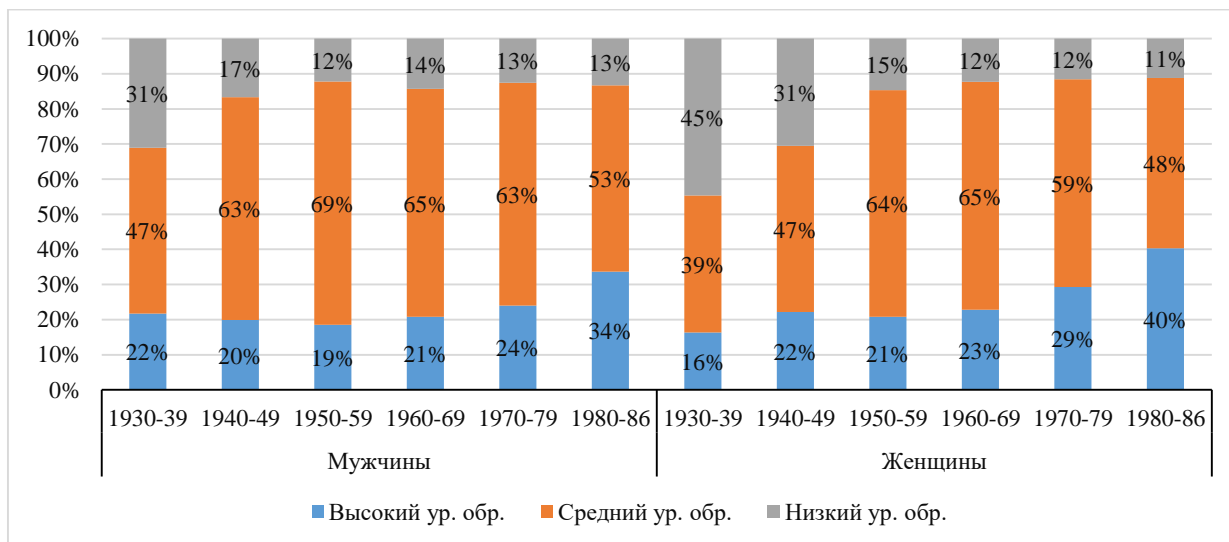

Рисунок 6. Структура выборки в разрезе пола, поколений и уровней образования

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Структура выборки в разрезе пола, поколений и уровней образования представлена на рисунке ниже (Рисунок 7). Таблица, на основе которой построена диаграмма, находится в приложении (Приложение 5). Мы видим, что распределение респондентов по типам населенных пунктов очень равномерное.

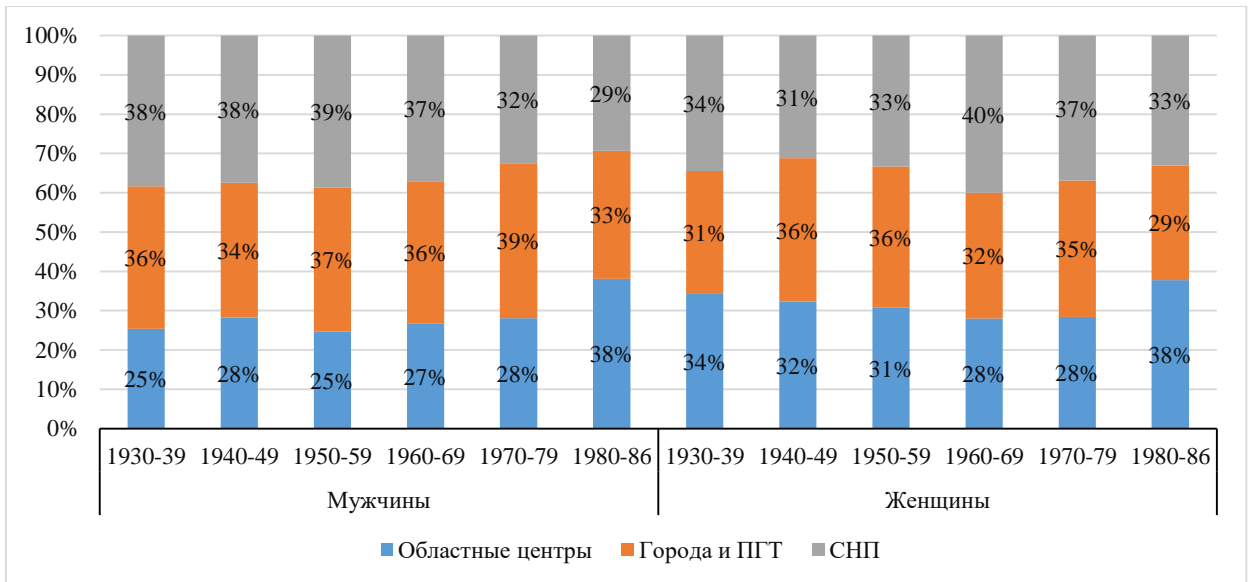

Рисунок 7. Структура выборки в разрезе пола, поколений и типов населенных пунктов

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Структура выборки во всех разрезах представлена на рисунке ниже (Рисунок 8). Таблица, на основе которой построена диаграмма, находится в приложении (Приложение б). Среди респондентов-жителей областных центров высокообразованных респондентов, нежели в населенных пунктах других типов, а в сельской местности больше респондентов со средним уровнем образования (характерно для мужчин) и с низким (характерно для женщин).

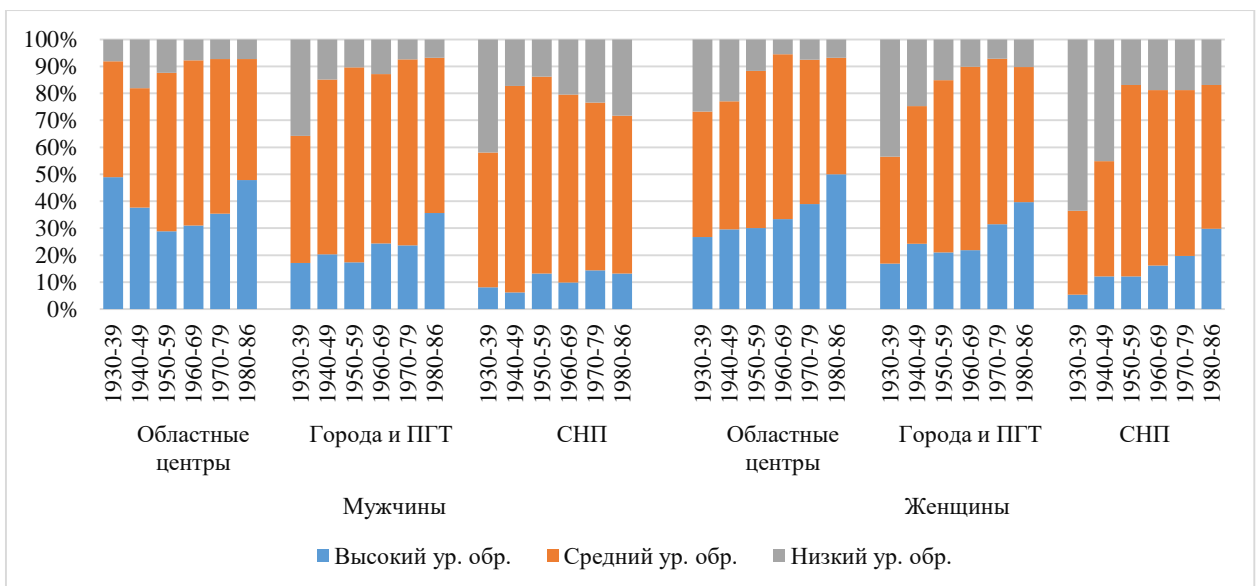

Рисунок 8. Структура выборки в разрезе пола, типов населенных пунктов, поколений и уровней образования

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

3.3. Ограничения исследования

После того, как мы рассмотрели все теоретические и методологические аспекты работы, подведем итог тому, на чем именно будет фокусироваться данная диссертация, а какие аспекты останутся за ее рамками.

Данное исследование представляет комплексный анализ процесса перехода во взрослую жизнь, выполненный в рамках тех ограничений, которые заложены выбранными концептуальными и методологическими подходами, а также имеющимся эмпирическим материалом.

Концептуальные ограничения состоят в том, что мы используем те теории, которые имеют наибольшее признание в научной среде, обладают наибольшим эвристическим потенциалом, доказательностью, обосновательной и прогностической способностью. К таким теориям относятся: концепция жизненного пути и теория второго демографического перехода. Первая глава работы показывает, что мы знакомы с литературой, изучающей взросление как очень широко (междисциплинарно), так и очень узко (монодисциплинарно). Мы выбрали подход, который устоялся в демографии, а именно – изучение событий, маркирующих переход во взрослую жизнь. Поэтому за рамками исследования остались психологический, биологический и многие другие аспекты взросления.

Мы будем изучать исключительно наступление стартовых событий (фактологический слой) в разрезе четырех индивидуальных характеристик респондентов, оставляя за рамками исследования достаточно много важных факторов, влияющих на взросление. В частности, в вопроснике РидМиЖ содержалась информация о ценностях респондентов на момент проведения каждой волны опроса, но мы не включили этот параметр, т.к. изучаем стартовые события, а многие респонденты на момент опроса находились в возрастах старше 35 лет, и их текущие ценности уже не могут объективно отражать их взгляды в 15-35 лет. Более того, мы полагаем, что выбранные нами четыре характеристики дают достаточно полное представление об основных социально-демографических и социально-экономических группах.

Мы будем рассматривать только три совокупности стартовых событий: все шесть событий, три социоэкономических и три демографических события. Все остальные комбинации событий нами проанализированы не будут, т.к. для комплексного анализа нужно выстраивать отдельную теоретическую и методологическую рамку и обращаться к корпусу работ, фокусирующихся на взаимодействии отдельных стартовых событий между собой.

Методологические ограничения работы:

1. Из тех методов, что мы используем, не все корректно работают с цензурированными данными (когда ненаступление события не говорит об отказе от него, а является следствием молодого возраста респондента). В силу этих причин анализ средних и медианных возрастов наступления событий дает завышенные оценки для более старших поколений и заниженные – для молодых.
2. Мы не будем использовать ряд методов, которые применяются для анализа взросления. Например, мы не будем проводить анализ последовательностей наступления событий (sequence analysis) в связи с тем, что при работе с шестью событиями количество комбинаций получается очень большим, и осмысленное применение метода невозможно. Чтобы его использование было эвристичным, сначала необходимо изучить как устроен процесс перехода во взрослую жизнь, какие наиболее интересные комбинации в нем встречаются и затем предложить и апробировать варианты компоновки событий и протестировать уместность визуализации последовательностей на хронограммах.
3. Мы не устанавливаем направления причинно-следственных связей, т.к. у нас для этого не хватает информации. Для того, чтобы понимать, какие события и взгляды какое поведение обуславливают, нужны когортные данные, фиксирующие изменение этих параметров. Нам такие данные недоступны.

Ограничения используемых данных

Наиболее общие ограничения количественных методов уже были описаны нами в параграфе «3.1.1. Количественные методы сбора биографических данных». Специфические ограничения данных РидМиЖ описаны в параграфе «3.2. ».

Коротко перечислим наиболее существенные ограничения:

1. В вопросах репрезентативности данных РидМиЖ и формулировок, использующихся в анкетах, мы ограничены теми решениями и методиками, которые были разработаны Европейской экономической комиссией ООН в рамках программы «Поколение и гендер».
2. Так как РидМиЖ – это панельное обследование, то для него характерно «обсыпание выборки», что может влиять на репрезентативность данных.
3. Так как РидМиЖ – это ретроспективное обследование, то часть информации может быть искажена вследствие забывания дат и деталей произошедших событий.

4. Сложность определения причины отсутствия событий предполагает осторожность выводов для молодых поколений. Отсутствие событий может быть вызвано двумя причинами: цензурированием (когда респондент еще не обрел событие в силу молодого возраста); нежеланием или невозможностью обрести событие (например, в силу личных установок или ограничений здоровья). Если в случае с цензурированием, характерным, в основном, для молодых поколений, мы имеем дело с временным отсутствием событий (они могут произойти в будущем), а значит, мы не можем делать итоговых выводов; то второй тип отсутствия событий является окончательным, и мы можем подводить итоги.
5. Некорректная трактовка респондентами ряда вопросов. В частности, достаточно массовым является ответ на вопрос про возраст отделения от родителей, составляющий менее 15 лет. Встречаются такие ответы как 0 лет, 3 года, 5 лет и так далее. Мы посчитали, что простое удаление этих значений не является корректным, т.к. мы работаем с биографией (последовательностью событий), и удаление одного события приведет к искажению всей биографии. Но такие «маргинально» низкие возрасты влекут за собой искажение медианных возрастов, поэтому использовать их для анализа некорректно. Ниже мы обозначим, что делали в подобной ситуации.

Ограничения данных преодолеваются следующими способами:

1. Для минимизирования влияния несбалансированности выборки на результаты мы использовали четыре разреза анализа – то есть изучали наступление событий в однородных группах.
2. Для устранения влияния событий, наступивших в нереалистично ранних или поздних возрастах, мы анализировали только события, наступившие в возрастах 15-35 лет, оставляя все остальные события за рамками исследования, но не исключая респондентов из выборки.
3. Были использованы методы, проверяющие наличие статистической значимости результатов.
4. Сопоставление результатов анализа с результатами, полученными по другим опросам, показало консистентность результатов.

Таким образом, мы признаем, что за рамками данного исследования осталось достаточно много вопросов, связанных с переходом во взрослую жизнь. Цель данной диссертации – получить первичное (но комплексное) представление о том, как разные события жизни наступают у разных индивидов. Более детальный анализ мы будем делать в дальнейших исследованиях.

4. Закономерности перехода во взрослую жизнь в России: анализ наступления стартовых социодемографических событий по отдельности и в совокупности

Данное исследование посвящено изучению фактологического слоя взросления через наступление событий, маркирующих взросление. Мы не касаемся вопросов влияния ценностей, нормативных представлений и установок респондентов на их представления о взрослении и фактическое поведение, а исходим только из имеющегося биографического материала (событий и индивидуальных характеристик респондентов). Мы понимаем ограниченность нашего исследования и аргументировали выбор данного подхода в параграфе 1.3.

Мы будем изучать несколько стартовых событий, характеризующих начало «карьер» в разных сферах жизни. Для удобства мы разделили все события на два блока: социэкономические (окончание школы, получение профессионального образования, первое трудоустройство, первое покидание родительского дома) и демографические (первое партнерство, первый брак, первое деторождение). Все эти события вместе мы называем социодемографическими (выбор терминов объяснен в разделе «1.3.2.2. Маркеры перехода во взрослую жизнь»).

В параграфе 4.1, мы изучим каждое из этих событий по отдельности, проанализировав следующие особенности их наступления: структуру, тайминг и интенсивность.

В параграфе 4.2 мы изучим совокупности стартовых событий: совокупность всех имеющихся у каждого конкретного индивида социодемографических событий мы называем взрослением или переходом во взрослую жизнь; совокупность социэкономических событий может быть интерпретирована как взросление в социэкономической сфере, а демографических – в демографической. Мы изучим следующие особенности взросления: структуру и квантум, тайминг, интенсивность, последовательность наступления событий.

В разделе «1.3.2.3. Границы перехода во взрослую жизнь» мы подробно останавливались на вопросе выбора верхней и нижней границы перехода во взрослую жизнь. В нашем исследовании это период от 15 до 35 лет. Мы уже говорили, что респондентов разных возрастов необходимо сравнивать на одинаковых возрастных отрезках, чтобы результаты анализа были сопоставимы. Для того, чтобы нивелировать

влияние разной экспозиции к риску респондентов разных возрастов, мы создали следующие переменные:

1. *Исходная переменная*: содержит информацию о дате наступления всех событий вне зависимости от возраста их наступления. Включает «маргинальные» возрасты, то есть очень ранние и очень поздние возрасты наступления событий.
2. *Целевая переменная*: события, произошедшие в интервале возрастов 15-35 лет.
3. *Частный случай целевой переменной*: события, произошедшие в интервале возрастов 0-35 лет.
4. *Частный случай целевой переменной*: события, произошедшие после 15 лет (без верхнего ограничения возрастов).

В таблице ниже (Таблица 4) приведены методы, которые мы будем использовать для изучения отдельных стартовых событий в разбивке по типам переменных, которые мы будем использовать в каждом случае.

Таблица 4. Методы исследования отдельных стартовых событий в разбивке по типам переменных и мерам анализа

Мера анализа	Исходная переменная (все возрасты)	Целевая переменная (15-35 лет)	Частный случай целевой переменной (0-35 лет)	Частный случай целевой переменной (более 15 лет)
Структура	Доли респондентов, имеющих стартовые события к возрастам 0-14, 15-24, 25-34 и после 35 лет			
Тайминг	Средние и медианные возрасты наступления стартовых событий			
Интенсивность			Повозрастная динамика накопления стартовых событий	Регрессии Кокса: риски наступления стартовых событий после 15-летия

Источник: составлено автором

При изучении отдельных событий мы не можем проанализировать квантум и последовательности, т.к. имеем дело с единичными событиями, а обе этих меры предполагают наличие нескольких событий.

Структуру событий мы будем изучать посредством анализа распределения респондентов в зависимости от наступления у них искомого события в определенном интервале возрастов. Мы могли бы дать простое распределение бинарной переменной

факта наличия события, но оно гораздо менее информативно. Так как мы контролируем возраст наступления событий, рассматривая конкретные возрастные интервалы, то в качестве переменной для анализа возьмем исходную переменную.

Тайминг наступления событий мы изучим через анализ средних и медианных возрастов наступления стартовых событий. Мы сравним эти меры, посчитанные на основе исходной и целевой переменной. Медиана является более корректной мерой; сравнивать возрасты лучше в ограниченном диапазоне возрастов (то есть для целевой переменной).

Интенсивность мы изучим через распределение респондентов по возрастам наступления стартовых событий. Для этих целей мы используем частный случай целевой переменной, в которой сохранена информация о факте наступления событий до 15 лет. Мы сравним динамику накопления стартовых событий с течением времени.

В качестве еще одного метода исследования интенсивности мы используем регрессию Кокса на другом частном случае целевой переменной, где отсечены только события, наступившие до 15 лет. Мы будем изучать риски наступления стартовых событий после достижения респондентами возраста 15 лет.

В таблице ниже (Таблица 5) представлена схема анализа перехода во взрослую жизнь в целом и в отдельных сферах: взросление в социоэкономической и в демографической сферах жизни.

Таблица 5. Методы исследования перехода во взрослую жизнь в разбивке по типам переменных и мерам анализа

Мера	Исходная переменная (все возрасты)	Частный случай целевой переменной (15-35 лет с сохранением информации о событиях до 15 лет)
Структура	Распределение респондентов по числу стартовых событий, накопленных к разным возрастам	
Квантум		
Тайминг	Медианные возрасты начала и окончания перехода, а также его медианная длительность	
Интенсивность		Повозрастная динамика накопления первых и последних событий перехода во взрослую жизнь
Последовательность	Частотный анализ событий, с которых начинается и которыми завершается переход во взрослую жизнь	

Источник: составлено автором

Мы решили анализировать структуру и квантум вместе, объединив на одном графике сразу несколько разрезов анализа. Мы представим диаграммы распределения респондентов в зависимости от того, сколько событий они совершили к какому возрастному интервалу.

Характеристики тайминга мы также исследовали комплексно, представив на одной диаграмме информацию о медианных возрастах начала, окончания и медианной продолжительности перехода во взрослую жизнь. В качестве начала перехода мы брали возраст первого события в последовательности событий каждого респондента, в качестве окончания – последнее из совершенных респондентом событий. Если у респондента на момент опроса было всего одно событие, то он внес свой вклад только в расчет медианного возраста начала перехода. Здесь мы снова брали исходную переменную, т.к. вычисление возрастов только на интервале 15-35 не дало бы нам увидеть реальных возрастов взросления, а сразу предопределило бы итоговый результат. Поэтому мы использовали ненормированную переменную, но применение медианы позволило нивелировать влияние «маргинальных» возрастов наступления событий.

Интенсивность наступления событий мы представили только в качестве динамики накопления респондентами стартовых событий. В дальнейшем можно также построить регрессии Кокса для разных комбинаций событий, но в данном исследовании мы этого не делаем, т.к. уже детально проанализировали каждое стартовое событие по отдельности. Зная, какое именно событие чаще всего происходит первым, мы можем обратиться к уже проведенному анализу и уточнить особенности начала перехода во взрослую жизнь. Зная, какое событие происходит последним, мы можем уточнить особенности завершения перехода.

Информацию о том, какое событие чаще всего начинает и завершает переход во взрослую жизнь мы можем получить из анализа последовательностей. Мы уже говорили, что не углубляемся в анализ последовательностей (Sequence analysis) в этом исследовании ввиду недостаточной эвристичности метода на фоне других используемых нами методов. Основные результаты проделанной нами работы в этом направлении доступны в статьях: [Гиздатуллин и др., 2016; Митрофанова, 2016; Митрофанова, Артамонова, 2015с; Митрофанова, Артамонова, 2016b; Муратова и др., 2016; Espy IV, Mitrofanova, 2017; Gizdatullin и др., 2017; Ignatov и др., 2015; Mitrofanova, Artamonova, 2015; Mitrofanova, Artamonova, 2016b].

4.1. Анализ наступления стартовых социодемографических событий по отдельности

В данном параграфе мы рассмотрим следующие особенности наступления стартовых событий (Таблица 4):

- структура: наличие стартовых событий к возрастам 0-14, 15-24, 25-34 и после 35 лет;
- тайминг: средние и медианные возрасты наступления стартовых событий;
- интенсивность: повозрастная динамика накопления стартовых событий; регрессии Кокса: риски наступления стартовых событий после 15-летия.

4.1.1. Структура: доли респондентов, имеющих события

Для каждого события мы создали переменную факта его наступления (или ненаступления) с пятью возможными категориями (везде учитываются точные возрасты):

1. Событие наступило до 14 лет;
2. Событие наступило в промежутке возрастов от 15 до 24 лет;
3. Событие наступило в промежутке возрастов от 25 до 34 лет;
4. Событие наступило после 35 лет;
5. Событие не наступило.

Самые молодые респонденты уже достигли возраста 25 лет, поэтому два первых возрастных интервала (0-14 и 15-24 года) для всех поколений можно сравнивать напрямую: если на этом отрезке будут наблюдаться различия, то это будет эффект поколения, а не эффект возраста, т.к. мы сравниваем все поколения в одинаковых возрастах (контролируем возраст). Респондентам 1970-1979 г.р. уже исполнилось 32 года, то есть это поколение и все остальные можно сравнивать друг с другом в рамках трех первых возрастных интервалов (от 0 до 35 лет).

Для того, чтобы иметь возможность делать обобщения на генеральную совокупность, мы проверили статистическую значимость различий при помощи критерия хи-квадрат и анализа стандартизированных остатков. Подробное описание проведенных проверок приведено в приложениях:

- Приложение 7 – проверка гендерных различий.
- Приложение 8 – проверка различий по полу и поколениям.
- Приложение 9 – проверка различий по полу, поколениям и уровням образования.

- Приложение 10 – проверка различий по полу, поколениям и типам населенных пунктов.

Результаты проведенной проверки показали, что поколенческие, образовательные различия и различия, обусловленные местом проживания, в наступлении всех событий и для мужчин, и для женщин значимы на уровне 0,05. Гендерные различия не столь однородны и значимы. Устойчивые гендерные различия на уровне 0,05 для разных категорий респондентов наблюдаются только для таких событий как вступление в первый брак и первое деторождение. Немного менее устойчивы и значимы различия в отношении отделения от родителей. Остальные события ведут себя не так однозначно и часто обусловлены самой спецификой рассматриваемых разрезов.

Перейдем к описанию фактов наступления событий. Ниже представлено три рисунка. Полные таблицы, на основе которых построены данные рисунки, находятся в приложениях (Приложение 11–Приложение 17).

Рисунок 9 отображает наступление событий в разрезе *пола и поколений*. Мы видим, что большинство событий наступают у респондентов в период с 15 до 24 лет. Особенно это характерно для социоэкономических событий. Демографические события чаще откладываются до 25-34 лет (особенно мужчинами). Мы намеренно обозначили интервалы 15-24 и 25-34 на гистограммах разными оттенками одного цвета, чтобы наглядно показать, что большинство стартовых событий наступает именно в период с 15 до 34 лет.

Гендерная разница почти отсутствует в наступлении таких событий как: окончание школы, трудоустройство и вступление в первое партнерство. А для остальных событий гендерные различия в той или иной степени присутствуют. Среди мужчин больше доля тех, кто имеет профессиональное образование, чем среди женщин. Особенно это характерно для советских поколений. Отделение от родителей, вступление в первый брак и рождение первого ребенка у женщин происходит в более ранних возрастах и более интенсивно.

Межпоколенческая разница отсутствует только для окончания школы. Совсем минимальная разница – в трудоустройстве и отделении от родителей: у самых молодых эти события происходят чуть менее интенсивно. Резкий рост интенсивности обретения событий характерен для таких событий как получение профессионального образования и вступление в первое партнерство. Резкий спад характерен для первых браков и деторождений.

До 1970-х годов в России и в западных странах рождаемость сдвигалась к молодым возрастам [Захаров, 2013, с. 292]. В 1980-е годы, когда в западных странах возраст деторождения стал увеличиваться, меры российской демографической политики

способствовали сохранению довольно ранних возрастов деторождения. Сегодня в России происходит сдвиг рождаемости в более поздние возрасты, но отставание от западных стран еще существенно. В 2007-2011 годах рождаемость 30-летних матерей выросла более чем в 2 раза по сравнению с 1999 годом [Захаров, 2013, с. 293]. Сравнение данных переписи населения 2010 года и данных текущего учета [Ипатова, Тындик, 2015, с. 125] показывают, что, начиная с 1995 года, возраст матери при рождении первого ребенка непрерывно растет. В 2011 году этот показатель составил 25,5 лет. С.В. Захаров оценивает аналогичный показатель в 24,9 года [Захаров, 2018, с. 202].

Начиная с 1950-х годов протогенетический интервал непрерывно уменьшался. Если в середине века он составлял немного меньше 2 лет, то к концу века снизился всего до 6 месяцев [Демографическая модернизация России, 1900-2000, 2006, с. 191; Сифман, 1968]. Это снижение протогенетического интервала является наглядной демонстрацией роста браков, форсированных незапланированной беременностью. С 1990-х годов начал увеличиваться вклад во внебрачную рождаемость 20-35-летних, то есть женщин в возрастах максимальной брачности [Архангельский, 2006, с. 171; Демографическая модернизация России, 1900-2000, 2006, с. 106]. Эти изменения можно проинтерпретировать как то, что, начиная с 1990-х годов, случайная беременность перестает являться достаточным поводом для регистрации брака, а значит, меняется и само отношение к добрачному сексуальному поведению.

Рисунок 9. Распределение респондентов в зависимости от возраста наступления стартовых событий (в разрезах пола и поколений)

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

На рисунке ниже (Рисунок 10) представлены факты наступления событий в разрезе **пола, поколений и уровней образования**.

Для респондентов с *высоким уровнем образования* (оконченное высшее и выше) характерно более долгое получение школьного и профессионального образования и более поздний выход на рынок труда, но в то же время среди них не встречается нетрудоустроенных, тогда как среди других категорий – встречаются.

Отделение от родителей среди мужчин раньше и интенсивнее всего происходит у тех, кто имеет *средний уровень образования*. Это может быть связано со службой в армии. У женщин различия в отделении от родителей не очень сильные.

В партнерства наименее активно вступают респонденты с *низким уровнем образования* (это те, кто не завершил никакое учебное заведение, либо окончил школу, либо учился где-то после школы, но информация об этом неоднозначная или недостоверная).

Для респондентов *всех уровней образования* характерен межпоколенческий тренд роста популярности партнерств и снижения первых браков и деторождений. Примечательно, что среди молодых мужчин с низким уровнем образования довольно высока доля тех, у кого уже появился первый ребенок. Скорее всего, это результат небольшого числа наблюдений (речь идет о 24 мужчинах, из которых у 9-ти есть дети).

В целом, чем ниже уровень образования, тем раньше и в меньшем объеме наступают такие события как получение школьного и профессионального образования, выход на рынок труда, вступление в партнерства. Женщины с низким уровнем образования реже всего получают профессиональное образование и быстрее всех рожают первого ребенка.

На следующем рисунке (Рисунок 11) представлены факты наступления событий в разрезе *пола, поколений и типов населенных пунктов*. Респонденты, проживающие в *сельской* местности, перекликаются в своем поведении с теми, у кого низкий уровень образования. Например, у сельских женщин также меньше всего социоэкономических событий и больше всего деторождений, чем у всех остальных респондентов. У сельских мужчин меньше всего и партнерств, и браков. Можно предположить, что в сельской местности ограничен и рынок труда, и брачный рынок. Деторождений у молодых поколений больше, чем союзов (особенно у женщин, т.к. мужчина может не знать или не признать ребенка), что говорит о большем числе внебрачных и незапланированных деторождений на селе, чем в других населенных пунктах.

Рисунок 10. Распределение респондентов в зависимости от возраста наступления стартовых событий (в разрезе пола, поколений и уровней образования)
 Источник: составлено автором (панельные данные РИДМЖ на 2011 г.)

Рисунок 11. Распределение респондентов в зависимости от возраста наступления стартовых событий (в разрезе пола, поколений и типов населенных пунктов)

Источник: составлено автором (панельные данные РидМЖ на 2011 г.)

4.1.2. Тайминг: возрасты наступления стартовых событий

Весь основной анализ мы будем производить для событий, наступивших в диапазоне возрастов от 15 до 35 лет¹, т.к., во-первых, интересующие нас события у россиян происходят именно в этих возрастах, а во-вторых, это ограничение рамок анализа делает его методологически более корректным. Мы скажем об этом подробнее далее в данном разделе при анализе медианных возрастов.

Для того, чтобы результаты нашего исследования были сравнимы с регулярной статистикой и широким кругом работ, мы приводим дескриптивный анализ и для *исходной переменной*, содержащей события, наступившие во всех возрастах, и для *целевой переменной*, содержащей информацию только о событиях, произошедших в интервале возрастов от 15-35 лет.

Результаты базового *дескриптивного анализа* приведены в приложении (Приложение 18). *Распределения всех возрастов* наступления стартовых событий в разрезах пола и поколений представлены в приложении (Приложение 19). Мы не будем описывать результаты этих статистик, т.к. это будет дублировать уже приведенную ранее методологическую информацию, а также более детальный анализ, содержащийся дальше.

Подробные таблицы с *мерами центральных тенденций* в разрезах пола и поколений приведены в приложениях (Приложение 20 – Приложение 22). Подробнее мы остановимся только на такой мере как медиана.

Возрасты наступления демографических событий практически всегда смещены влево, что наблюдается и в наших данных (Приложение 19). При наличии такого смещения *медиана* является наиболее предпочтительной мерой, т.к. меньше подвержена влиянию «маргинальных» возрастов (нетипично низких или высоких возрастов наступления событий). Медиана представляет собой целое (недробное) число возраста, который делит выборку пополам: ровно у половины респондентов искомое событие произошло до этого возраста и ровно у половины – после.

На рисунке ниже (Рисунок 12) приведены графики, отображающие динамику ***медианных возрастов*** наступления стартовых событий в разрезе ***пола и поколений*** для *исходных* переменных (содержащих все возрасты) и *целевых* переменных (содержащих

---

¹ Здесь и далее мы будем указывать возрастную интервал 15-35 лет, подразумевая, что завершением интервала является 34 года и 12 месяцев, то есть фактически переход из 34 лет в 35. Это сделано для того, чтобы собрать информацию по всем событиям, произошедшим в течение 12-ти месяцев 34-летия, а не только в первый месяц этого возраста. Эти 12 месяцев 34-летия можно назвать «34 исполнившихся года» или «точный возраст 34 года», или «полные 34 года», или можно сказать «к 35-ти годам», подразумевая, что интервал заканчивается с наступлением 35-го дня рождения.

только информацию о событиях, произошедших в диапазоне возрастов 15-35 лет). Данные графики построены на базе уже упоминавшихся таблиц (Приложение 21). Порядок расположения событий отличается от того, что представлен в таблице. Это сделано для более удобного визуального анализа. Значимость статистических различий в возрастах наступления стартовых событий была проверена с помощью дисперсионного анализа и критерия Краскала-Уоллиса для независимых выборок – для проверки различий в медианных возрастах (Приложение 23 – Приложение 24).

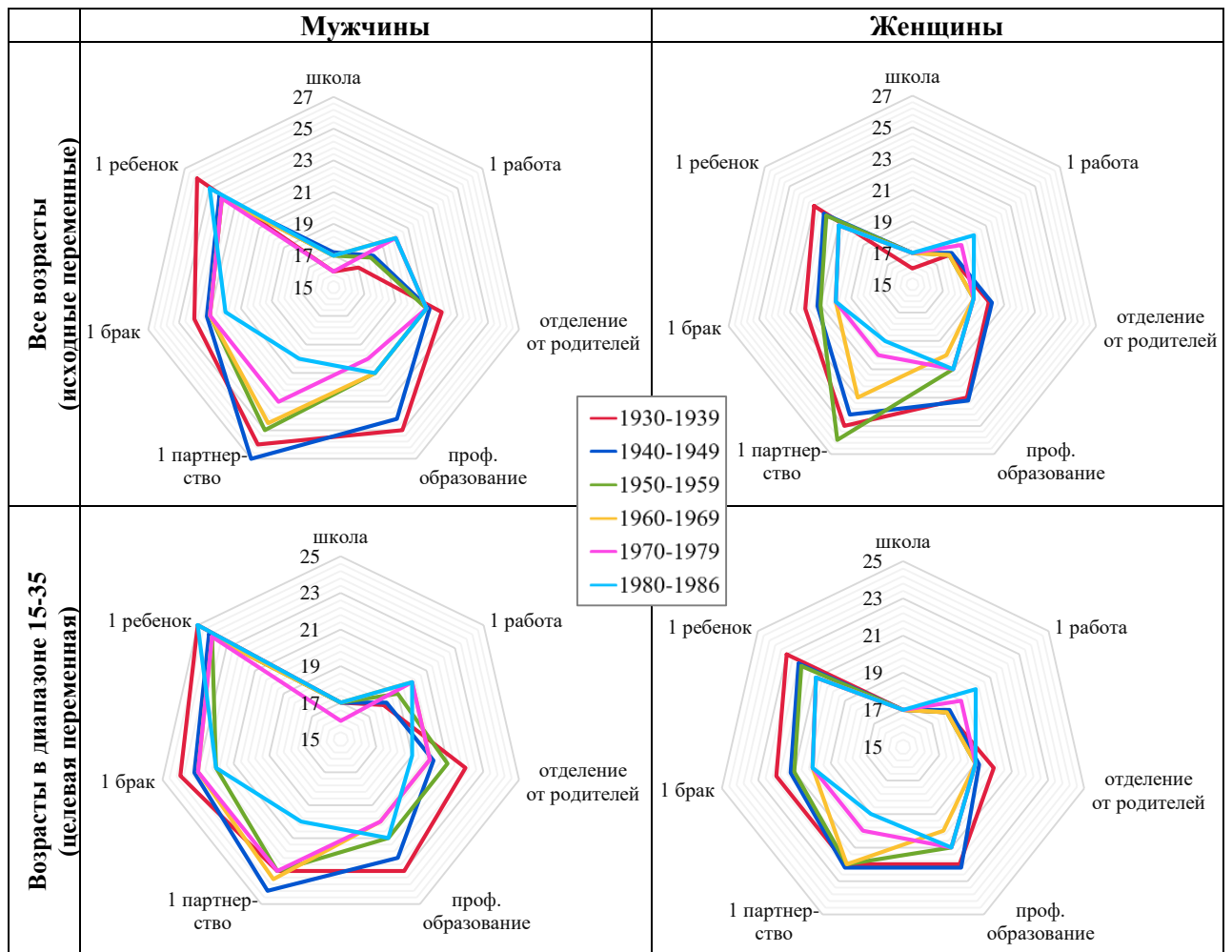

Рисунок 12. Медианные возрасты наступления стартовых событий в разрезе пола и поколений (исходные переменные и переменные в диапазоне 15-35 лет)

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Как видно из рисунка, медианные возрасты исходных переменных варьируют сильнее, чем целевые. Для исходных переменных мы построили диаграммы с диапазоном шкал 15-27 лет, а для целевых переменных – 15-25 лет.

Представленные графики хорошо демонстрируют, насколько некорректно сравнивать разные поколения, не уравнивая шансы наступления событий (подробнее об

этом говорилось в параграфе «3.3. Ограничения исследования»). Анализ событий, произошедших в 15-35 лет позволяет, не искажая биографии точечными удалениями, сделать сопоставимые сравнения. Если мы еще раз обратимся к графикам выше (Рисунок 12), то увидим, что корректное сравнение (в диапазоне возрастов 15-35) показывает, что медианные возрасты у разных поколений, на самом деле, разные и варьируют от 19 до 22 лет.

Проанализируем подробнее совокупную информацию по возрастам наступления событий.

Большинство респондентов *оканчивают школу* в возрасте 17 лет (это и средняя, и медиана по исходной и общей переменной). Минимальный возраст окончания школы по всей выборке – 8 лет, максимальный – 21. Небольшие межпоколенные различия (молодежь покидает школу немного раньше) обусловлены, в основном, цензурированиями и институциональными изменениями, а гендерные могут быть связаны со службой в армии.

Первое трудоустройство происходит, в среднем, в 19 лет (здесь также совпадают средняя и медиана). Самый молодой возраст, указанный в анкетах, 9 лет, самый пожилой – 67 лет. Гендерная разница почти не прослеживается. Более молодые поколения трудоустраиваются позже, чем старшие, что можно зафиксировать как межпоколенное изменение, т.к. вследствие цензурирования более ожидаемый результат – более ранние возрасты трудоустройства молодежи.

Для *отделения от родителей* средний возраст по всей выборке составляет 21 год, для целевой переменной – 20 лет, а медианы – 20 и 19 соответственно. Самый минимальный указанный в анкетах возраст – 0 лет, максимальный – 68 лет. Мужчины отделяются примерно на год позже женщин (средняя по целевой переменной для мужчин 21, для женщин – 20, а медиана – 20 и 19 соответственно). Скорее всего, это связано с тем, что женщина после замужества чаще переезжает в дом мужа. Возраст отделения молодеет от более старших поколений к более младшим.

Профессиональное образование респонденты получают, в среднем, в 23 года, если считать по всей выборке и в 22 – если использовать целевую переменную. Медиана для обоих случаев – 21 год. Самый молодой возраст из указанных в анкетах – 15 лет, самый поздний – 65. Гендерная разница в завершении образования не сильно проявлена, а межпоколенческая наблюдается, причем флуктуации довольно сильные и, скорее всего, связаны с конъюнктурными изменениями и ростом популярности и доступности профессионального образования у молодых поколений.

Первое партнерство имеет самую большую дисперсию в возрастах его наступления. Средняя по всей выборке очень высока – 26 лет; для целевой переменной – 23 года. Медианы составляют 23 и 22 года соответственно. Минимальный указанный в анкетах возраст вступления в первое партнерство – 13 лет, максимальный – 75 лет. Мужчины вступают в партнерства позже, чем женщины примерно на 1-2 года: медиана по целевой переменной для мужчин – 23 года, для женщин – 21 год. Межпоколенческая разница очень велика и составляет несколько лет.

Первый брак наступает, в среднем, в 22 года (для обеих переменных). Медиана для обеих переменных – 21 год. Минимальный указанный возраст – 14 лет, максимальный – 69 лет. Мужчины вступают в браки позже, чем женщины примерно на 1-2 года: медиана по целевой переменной для мужчин 23 года, для женщин – 21 год (как и для партнерств). Возраст вступления в брак у молодых респондентов ниже, чем у более пожилых, но на момент опроса только 30% самых молодых мужчин и 50% молодых женщин имели брачный опыт. Самому молодому респонденту уже исполнилось 25 лет. То есть больше половины респондентов будут вступать в браки уже после 25 (если вообще будут в них вступать), что в итоге сильно «состарит» средние и медианные возрасты.

Средние и медианные возрасты **первого деторождения** составляют 23 года. Минимальный встречающийся возраст – 15 лет, максимальный – 49. Мужчины заводят первого ребенка примерно на 2 года позже, чем женщины: медиана по целевой переменной для мужчин – 24 года, для женщин – 22 года (на год позже вступления в союзы). В разрезе поколений пока наблюдается омоложение возраста первого деторождения, но с учетом того, что только 40% самых молодых мужчин и 70% самых молодых женщин стали родителями, как и в ситуации с браками, в будущем нас ожидает постарение возраста первого деторождения.

Мы не анализируем здесь различия по всем доступным характеристикам респондентов, т.к. видим, что меры центральных тенденций репрезентируют поведение респондентов очень приблизительно. В следующем разделе мы используем более точные методы анализа событий, и только достигнув достаточного уровня точности и детализации, помимо пола и поколением добавим также разрезы уровней образования и типов населенных пунктов.

4.1.3. Интенсивность наступления стартовых событий

4.1.3.1. Повозрастная динамика накопления стартовых событий

Графиках ниже (Рисунок 13) отображают повозрастную динамику наступления стартовых событий у каждого поколения. Альтернативный вид представления информации (наступление конкретного события у разных поколений) представлен в приложении (Приложение 25).

При анализе повозрастных графиков необходимо помнить, что накопленные доли считаются как общее число респондентов конкретного поколения, имеющие в своей биографии конкретное событие. Если в какой-то конкретный момент, например, в момент 25-летия 50% представителей поколения имеют, например, опыт трудоустройства и 50% уже вступили в брак, это не значит, что половина респондентов к 25 годам *и* трудоустроена, *и* находится в браке. Данные совокупности могут не пересекаться! Чтобы говорить об одновременном наступлении событий, необходимо перейти к анализу событий в совокупности. Лучше всего для этих целей подходит анализ наступления событий (sequence analysis), но в данной работе не подразумевается подобного анализа. Интерпретируя представленные графики, мы будем помнить об этом методологическом нюансе.

Чтобы отслеживать трансформации наступления событий было проще, мы обозначили на графиках маркерами значения долей в три момента жизни поколений: в 15, 25 и 35 лет.

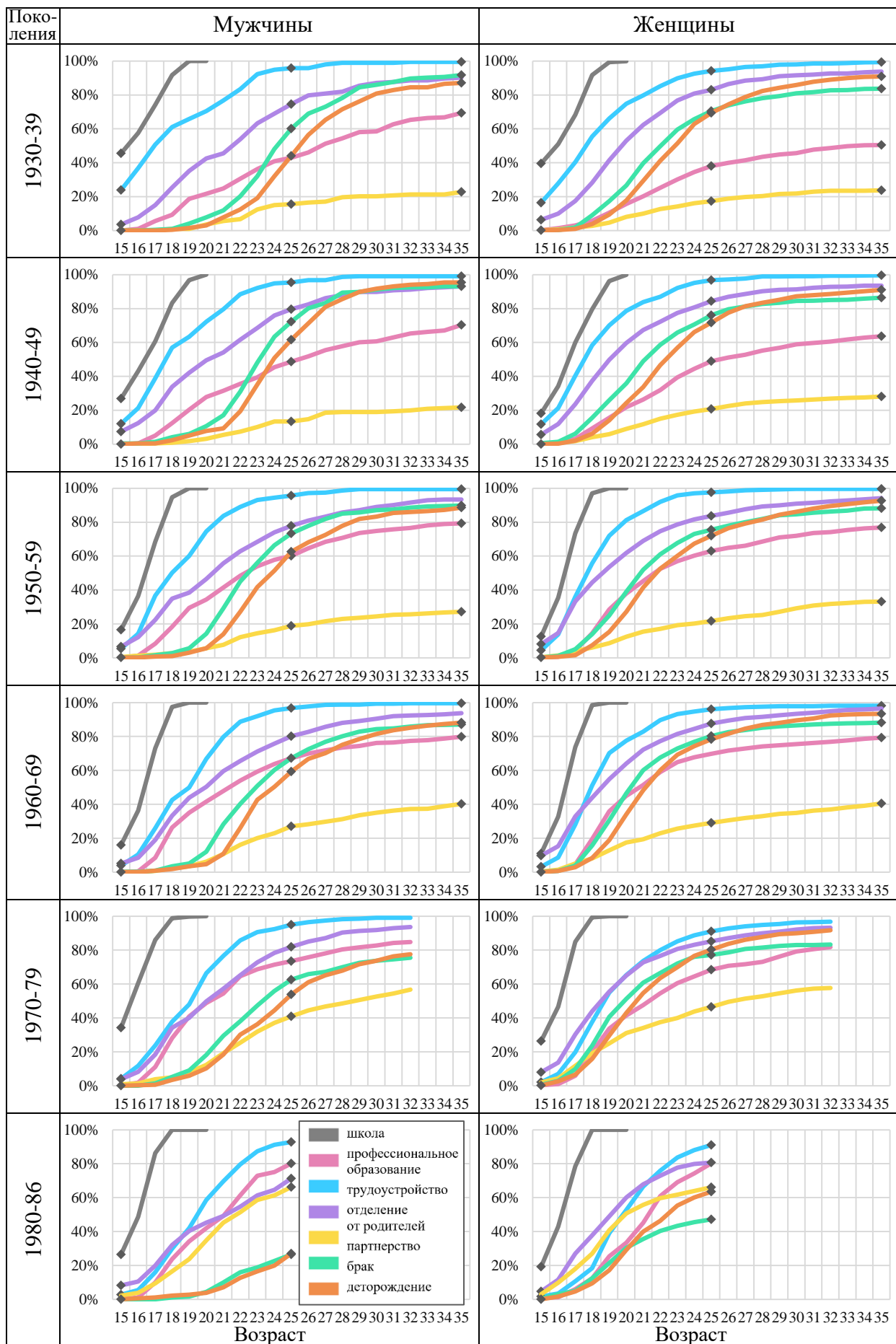

Рисунок 13. Повозрастное наступление событий у мужчин и женщин разных поколений

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Представленные графики, хоть и с обозначенными ограничениями, все же дают возможность получить общее представление о последовательности наступления событий в жизнях респондентов. Если у советских поколений между кривыми есть заметные расстояния, то есть выражена поэтапность наступления событий, то у молодых поколений события начинают перемешиваться. В концепции жизненного пути это называется ростом *разнообразия жизненных путей*, индивидуализацией и деинституционализацией [Giddens, 1994; Heinz, Marshall, 2003; Huinink, 2013]. Так, большинство советских поколений начинало переход во взрослую жизнь с трудоустройства и отделения от родителей, а представители молодого поколения не имеют приоритетных событий.

Вариативность жизненных сценариев ярче всего представлена у женщин. Если у молодых мужчин социоэкономические события и партнерство образуют плотный кластер, за границами которого с огромным отставанием во времени идут брак и деторождение, то для молодых женщин, судя по таймингу и интенсивности наступления событий, приоритетно все: и социоэкономические, и демографические статусы. У женщин с разными уровнями образования и из разных населенных пунктов приоритеты различаются, но интенсивность наступления событий, особенно демографических, все равно гораздо выше, чем у мужчин.

У всех поколений кроме самого молодого первое трудоустройство и отделение от родителей представляют собой «арки» внутри которых появляются остальные события. То есть обретение финансовой и территориальной независимости – первый приоритет или наиболее вынужденная мера для всех российских поколений (кроме самых молодых). Наступление остальных событий различается в зависимости от пола: до 22-25 лет у мужчин 1930-69 г.р. преобладает получение высшего образования, а после этого возраста резко возрастает доля респондентов, ставших мужьями и отцами. У женщин сразу же после трудоустройства и отделения от родителей происходит создание семьи, а профессиональное образование оставалось одним из наименее популярных событий.

У молодых поколений окончание школы и остальные события все больше отдаляются друг от друга во времени. Это значит, что между окончанием школы (окончанием периода детства) и наступлением социодемографических событий (началом периода взросления) появляется некоторая пауза, которая, скорее всего, говорит о том, что респонденты массово начинают получать профессиональное образование. То есть между окончанием детства и началом взрослости у молодых поколений появляется отдельный период жизни – *студенческие годы*. Э. Эриксон полагает, что индивиды могут использовать

студенческие годы как «психосоциальный мораторий» [Erikson, 1995] – период, когда легитимация индивида в обществе уже произошла, и он может включаться во взрослые практики (голосовать, работать, вступать в романтические отношения, употреблять алкоголь, водить автомобиль и т.д.), но так как индивид занят получением образования, то кроме этого от него обычно больше ничего не требуется. Это время, которое индивиды посвящают поиску себя, изучению мира и определению своего места в нем (это период наибольшей мобильности в течение всей жизни [Pandit, 1997]).

Еще одно важное изменение – это превращение *партнерства* из маргинального события, исключенного из жизни большинства россиян в одно из приоритетных событий, тесно переплетенного с остальными. Профессиональное образование и партнерство – два события, которые кардинально изменили свое место в иерархии наступления событий всего за полвека. Доля респондентов, получивших профессиональное образование к 25 годам, в поколении 1930-39 г.р. составляла около 40%, а в поколении 1980-86 г.р. выросла до 80%, то есть вдвое. Доля респондентов, имеющих опыт партнерства к 25 годам, в поколении 1930-39 г.р. составляла 16%, а в поколении 1980-86 г.р. выросла до 66%, то есть увеличилась в четыре раза.

На рисунках ниже повозрастная динамика наступления стартовых событий жизни представлена в разрезах пола, поколений и уровней образования (Рисунок 14), а также типов населенных пунктов (Рисунок 15). Та же информация, но для каждого отдельного события приведена в приложениях (Приложение 26– Приложение 39).

Начнем с анализа графиков в разрезе *пола, поколений и уровней образования* (Рисунок 14).

У *мужчин* с разными уровнями образования траектории различаются не очень сильно: первым событием практически у всех является трудоустройство и/или отделение от родителей. Дальше у высоко- и низкообразованных респондентов следует создание семьи и завершение образования; у среднеобразованных – завершение образование и после этого создание семьи. То есть уровень получаемого образования обуславливает время его окончания и долю лиц, его имеющих в каждом из рассматриваемых разрезов.

Если у *мужчин* события наступают поочередно, с заметными интервалами друг между другом, то у *женщин* интенсивность наступления событий в единицу времени очень высока. Насыщеннее всего биографии среднеобразованных женщин. Сразу же после или параллельно с первым трудоустройством и отделением от родителей они завершают образование и создают семью. У высоко- и низкообразованных женщин получение

профессионального образования наступает позже, и, как и у мужчин, сильно различается по доле лиц, имеющих это событие.

Молодые поколения мужчин схожи между собой тем, что в первое партнерство вступают активнее, чем в первый брак, и различаются по интенсивности и таймингу наступления событий. В частности, высокообразованные мужчины достаточно сильно отсрочивают выход на рынок труда и отделение от родителей; среднеобразованные очень активно совершают все социоэкономические события; а низкообразованные мало активны во всех сферах жизни (видимо, это связано с тем, что они еще являлись студентами на момент опроса).

Молодые поколения женщин различаются очень сильно. Молодые высокообразованные женщины обретаю те же события и с той же интенсивностью, что и молодые мужчины: приоритет отдается трудоустройству, отделению от родителей, получению образования и партнерству. Среднеобразованные женщины демонстрируют самые примечательные траектории: они рано и интенсивно совершают социоэкономические события, сразу после или параллельно с этим вступают в партнерства, рожают детей и вступают в брак. Переплетение событий в жизнях напоминает траектории среднеобразованных женщин из других поколений, но включение в современные биографии партнерств сделало их чрезвычайно мозаичными. Низкообразованные женщины тоже активно обретаю сразу все события, но с меньшей интенсивностью и за исключением профессионального образования.

Тенденции вступления в первый *брак* и рождения первого *ребенка* очень схожи в разных разрезах: совпадает как тайминг и интенсивность наступления этих событий, так и их уровень на конечную точку наблюдения (35 лет для поколений 1930-69 г.р., 32 года для поколения 1970-79 г.р. и 25 лет для поколения 1980-86 г.р.). Необходимо помнить, что само по себе совпадение трендов брачности и рождаемости не говорит о том, что в жизнях конкретных индивидов эти события являются связанными. Мы видим, что в молодых поколениях растет доля респондентов, вступающих в партнерства. Для того, чтобы понять, бездетные это союзы или нет, нужно исследовать этот вопрос отдельно. Во всех разрезах мы наблюдаем лишь несколько случаев, когда брачность и рождаемость демонстрируют разные уровни: это молодые среднеобразованные женщины (среди них в 25 лет всего 54% состоят в браке, тогда как первый ребенок есть уже у 78% респонденток), высокообразованные мужчины из самого старшего поколения (к 35 годам 95% из них в браке и только у 81% есть первый ребенок) и еще некоторые поколения женщин со средним и низким уровнем образования.

Проанализируем повозрастную динамику наступления стартовых событий в разрезе *пола, поколений и типов населенных пунктов* (Рисунок 15).

Заметно сходство между жителями областных центров и высокообразованными респондентами; сельскими жителями и низкообразованными респондентами. Но есть различия: доля респондентов, получивших профессиональное образование и имеющих опыт проживания в партнерстве, в среднем, среди сельских жителей выше, чем среди низкообразованных.

В целом, городской образ жизни повышает шансы наступления социоэкономических событий и вступления в партнерство, но общие различия в тайминге и интенсивности наступления событий очень невелики. Доступ к профессиональному образованию в сельской местности ниже, но не существенно. К тому же мы не исключаем возможность образовательной миграции, т.к. тип населенного пункта определялся на момент прохождения опроса, поэтому респонденты могли получить образование в городе, а затем переехать (или вернуться) в сельскую местность.

Во всех поколениях и вне зависимости от пола количество респондентов, ставших родителями к возрасту 25 лет выше среди сельских жителей, чем среди жителей областных центров. К 35 годам эта разница нивелируется. Доля респондентов, вступивших в брак к 25 годам, различается в зависимости от типов населенных пунктов меньше. Среди всех мужчин (кроме самых молодых) гораздо выше доля тех, кто в 25 лет уже вступил в брак, но еще не имеет ребенка, а среди женщин доли тех, кто в браке и имеет первого ребенка, практически идентичны и различаются только для городских женщин 1930-59 г.р. и самых молодых женщин вне зависимости от типа населенного пункта.

Сильнее всего в зависимости от типов населенных пунктов дифференцированы молодые поколения: у жителей областных центров партнерства и получение профессионального образования обретают популярность гораздо быстрее, чем у жителей менее урбанизированной местности. Тем не менее, городской образ жизни не нивелирует гендерные различия в наступлении таких событий как брак и деторождение: вне зависимости от типа населенного пункта женщины активнее создают семьи, чем мужчины.

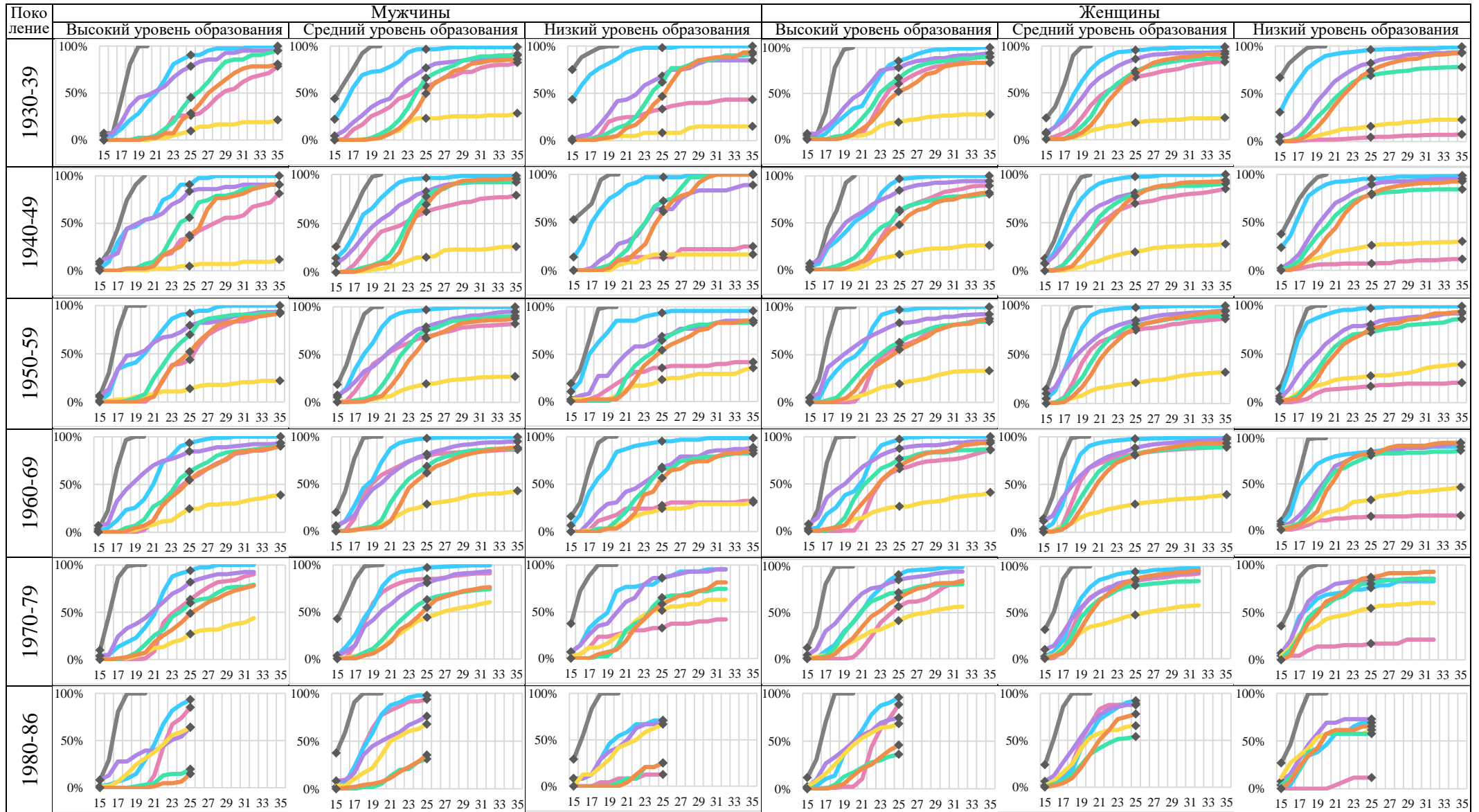

Рисунок 14. Повозрастная динамика наступления стартовых событий в разрезе пола, уровней образования и поколений

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ, 2011 г.)

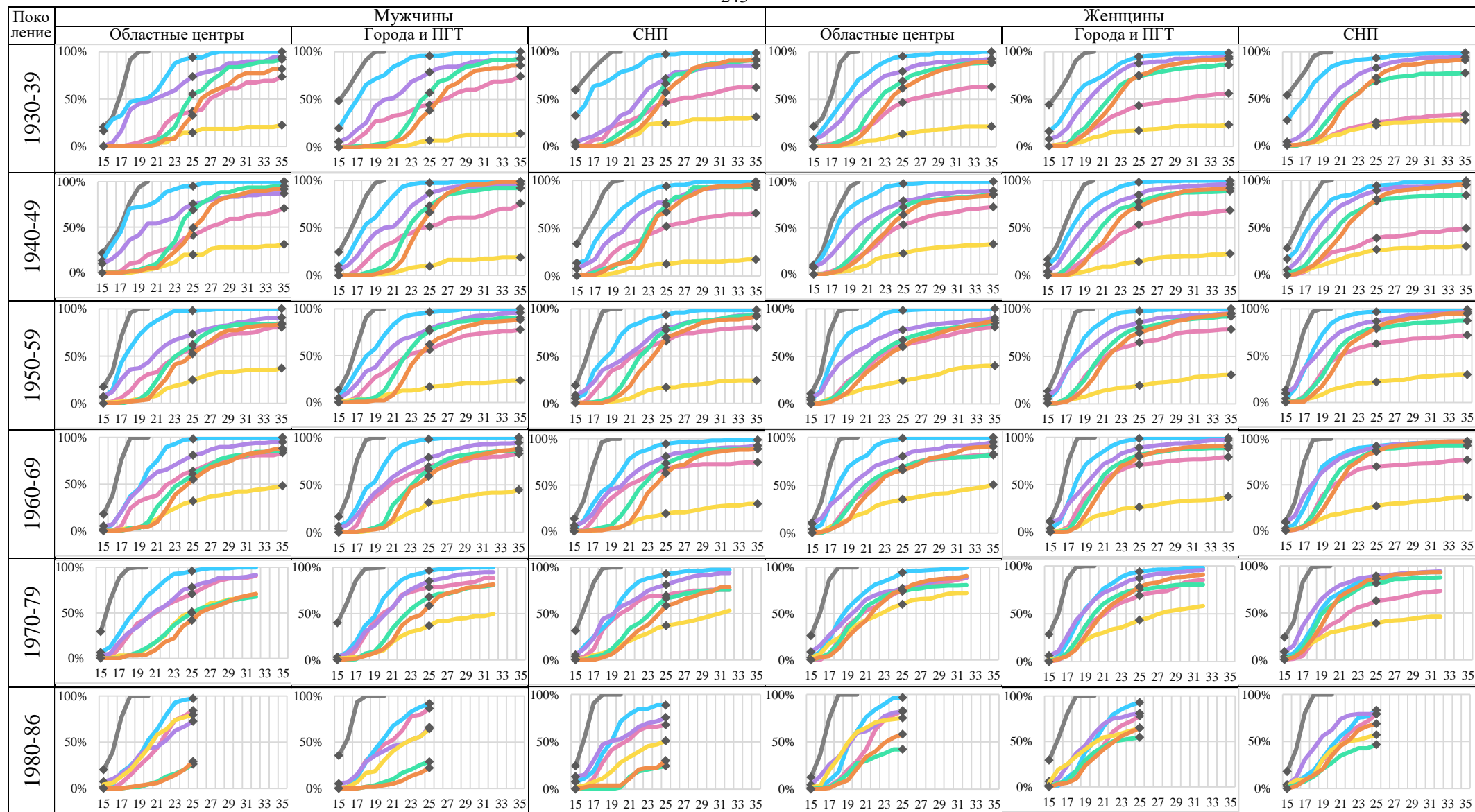
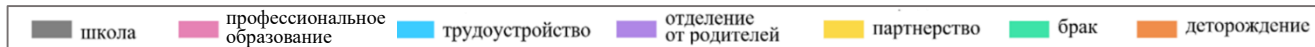

Рисунок 15. Повозрастная динамика наступления стартовых событий в разрезе пола, типов населенных пунктов и поколений

Источник: составлено автором (панельные данные РИДМЖ, 2011 г.)

4.1.3.2. Анализ наступления событий (регрессии Кокса)

Мы увидели, что наступление стартовых событий в разрезах пола и поколений неоднородно. Для того, чтобы делать выводы о том, является ли наблюдаемая динамика закономерной и статистически значимой, о том, с какими еще факторами она связана, для каждого из рассматриваемых событий (кроме окончания школы), мы построили модели пропорциональных рисков. Для окончания школы мы не строили модели, т.к., как мы увидели, во-первых, это универсальное событие (оно есть у всех респондентов кроме одного респондента), во-вторых, оно больше отражает институциональные особенности, нежели индивидуальные характеристики, в-третьих, чаще всего оно происходит до того, как респонденты обрели те статусы, которые мы будем включать в качестве независимых переменных, и, в-четвертых, возрастные границы окончания школы отличаются от всех остальных событий.

Модели пропорциональных рисков, как было обозначено в параграфе «Количественные методы сбора и анализа биографических данных», позволяют оценить риск наступления события после попадания индивида в группу риска. В нашем случае для всех событий в качестве момента попадания в группу риска было взято 15-летие как старт перехода во взрослую жизнь. Для каждого респондента было посчитано количество месяцев, прошедшее с 15-го дня рождения до наступления искомого события. Верхний предел возраста не ограничивался, т.к. модели пропорциональных рисков подходят для работы с цензурированными событиями (подробнее – в параграфе «Количественные методы сбора и анализа биографических данных»). Необходимо помнить, что все события, произошедшие до 15 лет, не будут включены в анализ, поэтому в ряде случаев (например, для самого старшего поколения) мы потеряем часть информации, но так как мы сравниваем широкий ряд событий и поколений, то, чтобы сделать эти сопоставления легитимными, нам необходимы подобные ограничения.

Регрессия Кокса позволяет включать в модель независимые переменные либо в их классическом качестве (в анализе наступления событий они обычно называются ковариатами или предикторами), либо в качестве стратифицирующей переменной (или страты – то есть переменной, для категорий которой будут посчитаны отдельные модели). Если независимых переменных в модели может быть много, то стратифицирующая переменная – только одна. Каждая переменная может быть включена в модель один раз: либо как ковариата, либо как страта. Ковариату можно назначить принудительно входящей в модель даже, если ее влияние на зависимую переменную незначимо. В этом случае ковариата будет называться контролирующей переменной. В качестве переменной для

контроля обычно используются такие переменные, включение которых важно по какой-либо причине (теоретические предпосылки, сравнение с предыдущими результатами и т.д.).

Когда категориальная переменная включается в модель как ковариата, то SPSS создает из нее набор фиктивных переменных, равный количеству категорий за вычетом одной. Та одна, которая вычитается, назначается референтной, то есть категорией, с которой будут сравниваться все остальные категории. В качестве референтной группы выбирается такая категория, которая хорошо наполнена, а также сравнение остальных с которой имеет наибольший смысл.

Регрессии Кокса в разрезе пола и поколений

Для первого набора моделей мы использовали ряд переменных, которые могут иметь влияние на риск наступления всех рассматриваемых нами стартовых событий. Таблица 6 содержит список переменных и их категорий с указанием того, какая категория назначена референтной (если использовалась как ковариата), а также информацию о наполненности каждой категории.

Обобщенный портрет референтной группы выглядит как мужчина самого молодого поколения с высшим образованием, проживающий в областном центре, не менявший тип населенного пункта и не имеющий детей.

Таблица 6. Список независимых переменных, их категорий и частот

Переменная	Категории переменной	Частота	Проценты	Валидный процент	Накопленный процент
Пол	мужчины (референтная)	1758	32,3	32,3	32,3
	женщины	3693	67,7	67,7	100,0
Поколения	1930-1939	782	14,3	14,3	14,3
	1940-1949	770	14,1	14,1	28,5
	1950-1959	1333	24,5	24,5	52,9
	1960-1969	1205	22,1	22,1	75,0
	1970-1979	947	17,4	17,4	92,4
	1980-1986 (референтная)	414	7,6	7,6	100,0
Уровень образования	высшее (референтная)	1253	23,0	23,0	23,0
	профессиональное	3164	58,0	58,0	81,0
	общее	1034	19,0	19,0	100,0
Тип населенного пункта	областные центры	1635	30,0	30,0	30,0
	города и ПТТ	1886	34,6	34,6	64,6
	СНП	1930	35,4	35,4	100,0
Смена населенного пункта	не было (референтная)	3483	63,9	63,9	63,9
	нисходящая мобильность	530	9,7	9,7	73,6
	восходящая мобильность	1438	26,4	26,4	100,0
Количество детей	нет детей (референтная)	571	10,5	10,5	10,5
	1 ребенок	1749	32,1	32,1	42,6
	2 ребенка	2375	43,6	43,6	86,1
	3 ребенка	579	10,6	10,6	96,8
	4+ ребенка	177	3,2	3,2	100,0
Всего		5451	100,0	100,0	

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Мы создали дополнительную переменную, которая использовалась только как стратифицирующая. Это объединенная переменная для пола и поколений (Таблица 7).

Таблица 7. Распределение переменной, объединяющей переменные пола и поколений

Пол	Поколения	Частота	Проценты	Валидный процент	Накопленный процент
Мужчины	1930-1939	193	3,5	3,5	3,5
	1940-1949	216	4,0	4,0	7,5
	1950-1959	393	7,2	7,2	14,7
	1960-1969	433	7,9	7,9	22,7
	1970-1979	342	6,3	6,3	28,9
	1980-1986	181	3,3	3,3	32,3
Женщины	1930-1939	589	10,8	10,8	43,1
	1940-1949	554	10,2	10,2	53,2
	1950-1959	940	17,2	17,2	70,5
	1960-1969	772	14,2	14,2	84,6
	1970-1979	605	11,1	11,1	95,7
	1980-1986	233	4,3	4,3	100,0

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Для каждого события было построено несколько моделей (Таблица 8): базовая (без стратификации и ковариат) и три модели со стратификацией: отдельно по полу, отдельно по поколениям, одновременно по полу и поколениям. Когда какая-либо из указанных переменных входила в модель в качестве стратифицирующей, эта переменная исключалась из списка ковариат.

Таблица 8. Спецификации моделей пропорциональных рисков (регрессий Кокса)

Переменная	Модель 1 «базовая»	Модель 2 «стратификация по полу»	Модель 3 «стратификация по поколениям»	Модель 4 «стратификация по полу и поколениям»
Пол	X	Страта	Контроль	Страта
Поколения	X	Контроль	Страта	
Уровень образования	X	Ковариата	Ковариата	Ковариата
Тип населенного пункта	X	Ковариата	Ковариата	Ковариата
Смена населенного пункта	X	Ковариата	Ковариата	Ковариата
Количество детей	X	Ковариата	Ковариата	Ковариата

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Перед проведением анализа мы проверили все ковариаты на взаимную коррелированность (Приложение 40 – Приложение 43). Сильных и значимых корреляций между ковариатами не обнаружено, а значит, они все могут одновременно входить в модели.

Полные результаты моделирования, включая характеристики моделей и значения регрессионных коэффициентов, мы разместили в приложениях (Приложение 44 – Приложение 46). Все модели оказались статистически значимыми (на уровне выше 99,9%).

Для того, чтобы представить результаты в общем и лаконичном виде, мы сформировали из них таблицу (Таблица 9). Она содержит ряд условных обозначений, упрощающих восприятие информации.

Таблица 9. Регрессии Кокса: интерпретация регрессионных коэффициентов

Изменение категории	Страта	Профессиональное образование	Первая работа	Отделение от родителей	Первое партнерство	Первый брак	Первый ребенок
Чем ниже уровень образования, тем шансы наступления события...	пол		выше**	ср=выше низ=ниже**	выше**	ср=выше** низ=выше	выше**
	пок.						
	п+п						
Чем пункт проживания менее городской и населенный, тем шансы наступления события...	пол	ПГТ=ниже СНП=ниже**	ниже**	выше**	ниже**	ПГТ=выше** СНП=выше*	выше**
	пок.						
	п+п						
Если была смена типа населенного пункта, то шансы наступления события...	пол	нисх=выше*		нисх=выше*	нисх=выше**		
	пок.	восх=ниже*	нисх=выше восх=ниже	восх=выше**	восх=выше		выше
	п+п						
В сравнении с бездетными, у тех, кто имеет хотя бы одного ребенка, шансы наступления события...	пол	1=выше*	выше	выше**	1=выше	выше**	
	пок.	2=выше*			2=н/в		
	п+п	3=ниже 4+=ниже**			3=н/в 4+=выше		
В сравнении с самыми молодыми, у остальных, начиная с самых пожилых, шансы наступления события...	пол	ниже**	1930-60= выше** 1970= выше*	1930-50= ниже** 1960-70= ниже	ниже**	1930= выше 1940-70= выше**	1930= выше* 1940- 70= выше**
	пок.						
	п+п						
У женщин в сравнении с мужчинами шансы наступления события...	пок.	ниже**	выше*	выше**	выше**	выше**	выше**

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Примечания к таблице:

Сокращения:

- пок. – поколение
- п+п – пол и поколение
- ср – средний уровень образования
- низ – низкий уровень образования
- н/в – для незначимых коэффициентов: в зависимости от страты либо выше, либо ниже

Цвет ячеек:

- оранжевый – если шансы наступления события понижаются
- зеленый – если шансы наступления события повышаются
- голубой – если для одних категорий шансы повышаются, а для других – понижаются

Значимость коэффициентов:

- ** коэффициенты, значимые на уровне 0,001
- * коэффициенты, значимые на уровне хотя бы 0,1

Ниже мы комплексно опишем результаты моделей, основываясь на обобщениях (Таблица 9), точных данных (Приложение 44 – Приложение 46), а также графиках (Рисунок 16 – Рисунок 21), приведенных для каждого события.

На графиках мы отображали изменения функции риска наступления событий в зависимости от времени. По оси X отложены месяцы с момента 15-летия каждого респондента. Мы выбрали шаг в 24 месяца, чтобы было удобно конвертировать месяцы в годы. На оси Y находится накопленный риск наступления событий. Риск и накопленный риск могут быть больше единицы. Мы приведем графики в разрезах пола и объединенной переменной для пола и поколений. Мы также построили графики в разрезе поколений, но не приводим их, т.к. они будут избыточными при наличии двух перечисленных.

Профессиональное образование

Для разных *типов населенных пунктов* различия значимы только при сравнении тех, кто проживает в областных центрах с сельскими жителями: у вторых с вероятностью выше 99,9% на 23% меньше шансов получения профессионального образования, чем у жителей областных центров.

Переменная, дифференцирующая респондентов относительно их опыта пространственной *мобильности*, тоже оказалась значимой. С вероятностью 99% те, кто совершал нисходящую мобильность (например, из областного центра в село), имеют на 15% больше шансов обретения профессионального образования, чем те, кто не менял тип населенного пункта. С вероятностью 94% те, кто совершал восходящую мобильность (например, из села в областной центр), имеют на 7% меньше шансов получения профессионального образования, чем не менявшие тип населенного пункта. Следует отметить, что к профессиональному образованию относится не только высшее, но и все разновидности профессионального.

По *количеству детей* у респондентов значимо (на уровне выше 94%) различаются только бездетные и те, у кого до или после получения образования родился один, два и более четырех детей. Те, у кого родился один ребенок, по сравнению с бездетными имеют на 11% больше шансов получения профессионального образования; родители двух детей – на 15% больше шансов; родители четырех и более детей – на 35% меньше шансов. То есть один и два ребенка повышают шансы на получение образования, а более четырех – уменьшают.

Различия по *полу* значимы на уровне 99,9%. У женщин на 11% меньше шансов получить профессиональное образование, чем у мужчин.

У всех поколений шансы получения профессионального образования ниже, чем у самых молодых респондентов. С вероятностью 99% у самых пожилых на 62% меньше шансов получения профессионального образования, чем у самых молодых. Далее эта цифра растет, и в поколении 1970-79 г.р. уже составляет всего 13% (здесь доверительная вероятность составляет 95%).

Рисунок 16 демонстрирует изменение риска получения профессионального образования с течением времени. Как мы видим, для *мужчин и женщин* на протяжении 10 лет, начиная с момента 15-летия, этот риск почти одинаков. Начиная с возраста 25 лет, риск мужчин начинает превышать риск женщин. Это может быть обусловлено тем, что для женщин выбор между образованием (и карьерой) и семьей (рождением, воспитанием детей) стоит острее, чем для мужчин. В разрезе *пола и поколений* мы видим, как риск получения профессионального образования планомерно растет при переходе от более старших к более младшим респондентам. Пологие кривые для старших поколений говорят о том, что интенсивность обретения этого события была невысокой. Почти вертикальные кривые для молодежи говорят о том, что интенсивность обретения этого события очень высока. Также видно, что если в старших поколениях поведение мужчин и женщин довольно неоднородно, то в молодом поколении практически идентично. То есть можно сделать вывод о том, что получение профессионального образования для молодежи стало нормой, причем для обоих полов.

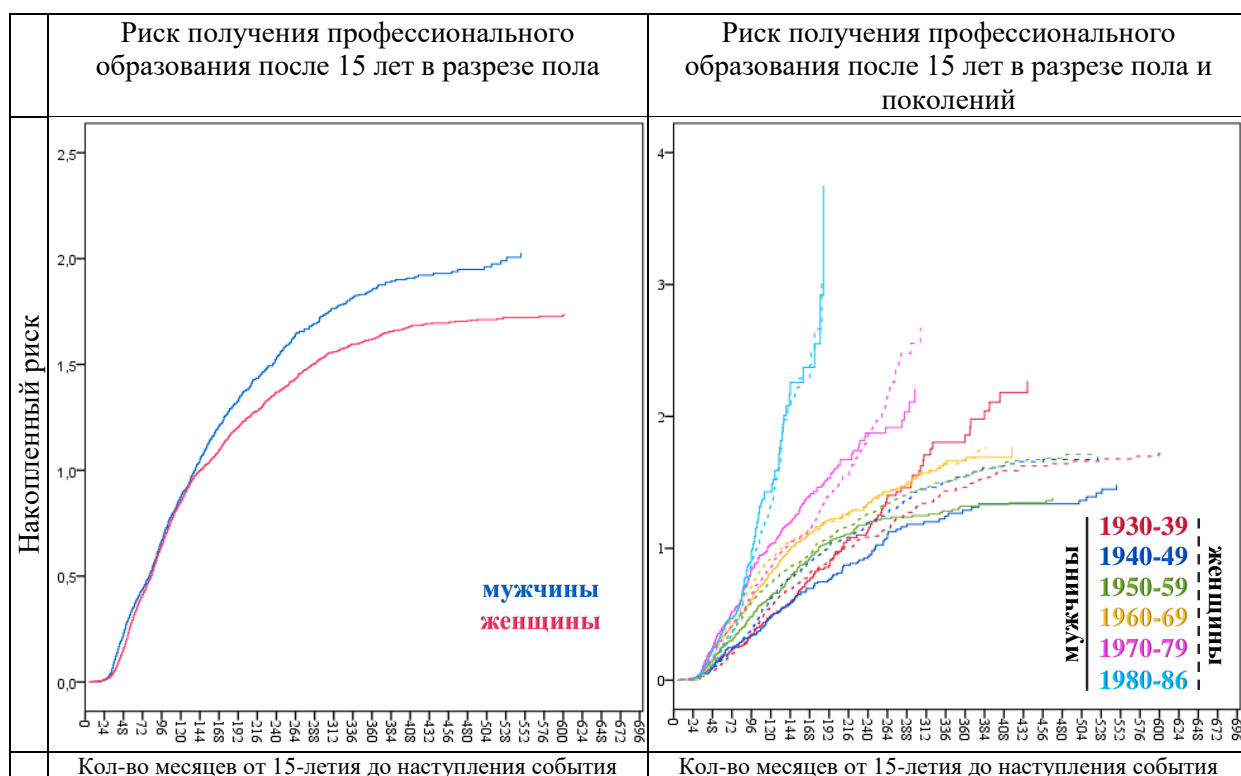

Рисунок 16. Графики функции риска обретения профессионального образования в разрезе пола, а также пола и поколений

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Первая работа

Более высокие шансы трудоустройства (в более раннем возрасте) характерны для тех, у кого невысокий *уровень образования*. Респонденты со средним уровнем образования имеют почти на 90% больше шансов трудоустройства, чем высокообразованные респонденты, а те, у кого низкий уровень образования – в два раза больше шансов. Результаты значимы выше чем на 99,9% уровне.

Различия в шансах трудоустройства в зависимости от *типа населенного пункта* на момент опроса также различаются значимо (минимум на 99,8% уровне). Чем менее городским является тип населенного пункта, тем меньше у респондента шансов трудоустройства. В городах и ПГТ шансов трудоустроиться примерно на 10% меньше, чем в областном центре. На селе – на 30% меньше шансов.

Переменная, характеризующая пространственную *мобильность*, а также переменная, содержащая *число рожденных детей*, не дали значимых результатов.

Различия в разрезе *пола* значимы на уровне 91,3%. По данным моделирования, женщины имеют на 5,3% больше шансов трудоустроиться, чем мужчины.

Межпоколенные различия значимы на максимальном уровне для всех категорий кроме респондентов, рожденных в 1970-79 гг. Для последних доверительная вероятность – 97,9%. У всех поколений шансы трудоустроиться выше, чем у самых молодых. Наибольший разрыв – с поколением 1950-59 г.р. (65%), наименьший – с поколением 1970-79 г.р. (15%).

Рисунок 17 демонстрирует изменение функции риска во времени. Мы видим, что у мужчин риск трудоустройства выше, чем у женщин, хотя регрессионные коэффициенты показывали обратное. В течение первых четырех лет риски трудоустройства у мужчин и женщин находятся примерно на одном уровне, а начиная с возраста 19 лет у женщин на небольшой период времени риск трудоустроиться начинает превышать риск мужчин. Видимо, это связано с тем, что мужчины в этом возрасте проходят срочную службу, и не имеют возможности трудоустроиться. Примерно после 23 лет риски выравниваются, и спустя небольшой промежуток времени мужчины начинают опережать женщин. Это уже, вероятно, связано с тем, что женщина больше вовлечена в рождение и воспитание детей.

Графики в разрезе *пола и поколений* показывают, что до возраста 25 лет существенных различий в поведении мужчин и женщин разных годов рождения нет. Хорошо визуализируется, что самый низкий риск трудоустройства на всем периоде наблюдения – у самых молодых женщин. Самый высокий риск трудоустройства в начале наблюдения был характерен для мужчин 1930-39 г.р. (также необходимо помнить, что возрасты до 15 лет не были включены в анализ, поэтому накопленный риск, начиная с 10

лет, у этого поколения будет еще выше). Начиная примерно с 17 лет, лидером по риску трудоустройства становятся женщины 1950-59 г.р. Это послевоенное поколение, которое росло в атмосфере всеобщей трудовой мобилизации. Женщины взяли большую нагрузку на себя в это время, которую позже назвали «тройным гендерным контрактом».

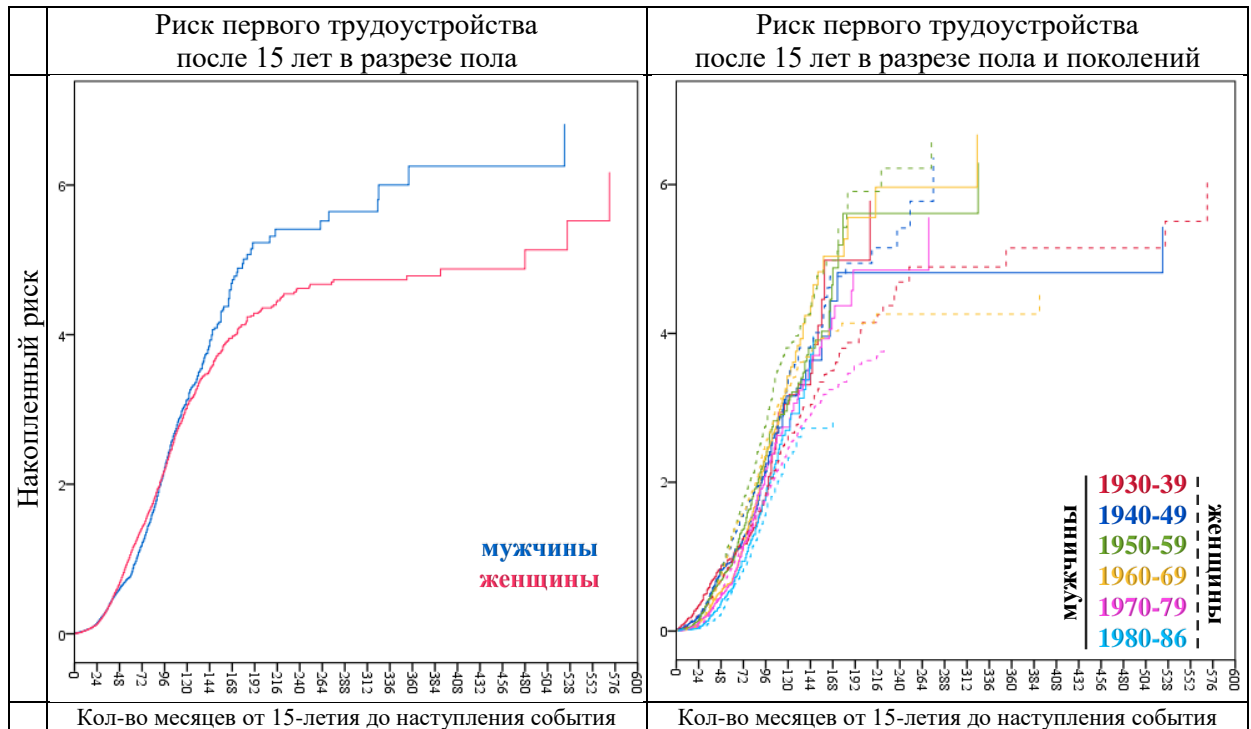

Рисунок 17. Графики функции риска первого трудоустройства в разрезе пола, а также пола и поколений

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Первое отделение от родителей

Статистически значимых различий в отделении от родителей между респондентами с высоким и со средним *уровнем образования* не обнаружено. Различия между респондентами с высоким и низким уровнем образования значимы на уровне выше 99,9%. У респондентов с низким уровнем образования на 15% меньше шансов отделиться от родителей, чем у респондентов, получивших высшее образование.

В зависимости от *типа населенного пункта* шансы на покидание родительского дома неоднородны. При сравнении с жителями областных центров, у тех, кто живет в городах и ПГТ, шансы отделиться от родителей выше на 23%, а у жителей села – на 46%. Все результаты значимы на самом высоком уровне. Пространственная *мобильность* оказалась значима. С вероятностью более 98,4% те, кто совершил нисходящую мобильность (то есть, например, переехал из областного центра в село), имеют на 13% больше шансов отделиться от родителей, чем те, кто не менял тип пункта проживания. С вероятностью больше 99,9%

те, кто совершил восходящую мобильность (например, из села в областной центр), имеют на 62% больше шансов отделиться от родителей, чем те, кто не менял тип пункта проживания. *Количество детей* также оказалось значимо (причем все категории значимы на самом высоком уровне). Шансы на отделение от родителей тем выше, чем выше итоговое число рожденных детей (при этом мы не отслеживаем здесь, когда родились дети – до или после отделения). У респондентов с одним ребенком на 62% больше шансов отделиться от родителей, чем у бездетных, а у многодетных шанс выше в 2 раза.

По полу наступление события также неоднородно. У женщин на 26% больше шансов отделиться от родителей, чем у мужчин. *Межпоколенные* различия значимы только для поколений 1930-59 г.р. (значимость выше 99,9%). У более старших поколений риск покидания родительского дома меньше, чем у самых молодых. Максимальный разрыв – между поколениями 1930-39 и 1980-86 (45%). У двух других поколений (1940-59) разрыв с молодежью составляет примерно 20%. Три самых молодых поколения отделяются от родителей весьма однородно. Рисунок 18 позволяет оценить динамику риска во времени. Мы видим, что на протяжении всего периода наблюдения у женщин выше риск отделения от родителей. Мы связываем это с тем, что в России женщина, выходя замуж, чаще переезжает в дом мужа. Самые молодые, действительно, имеют наибольший риск отделения от родителей, причем гендерная разница в том или ином виде характерна для всех поколений.

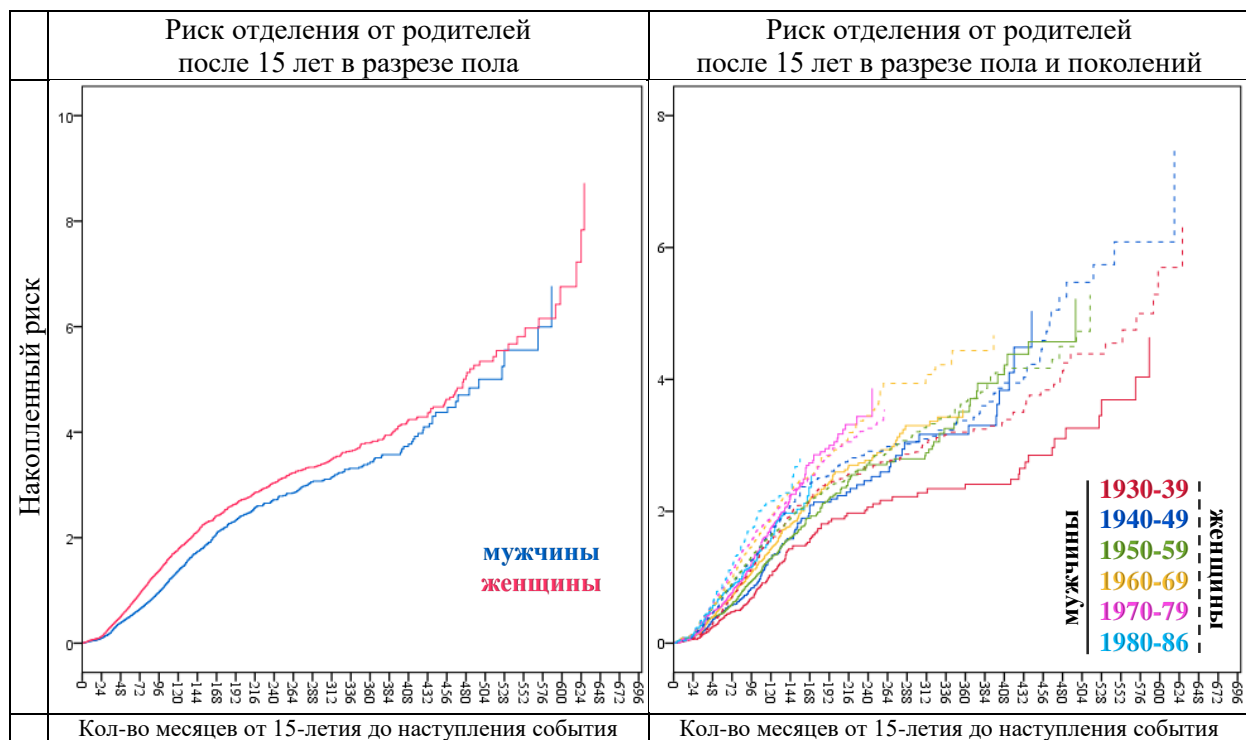

Рисунок 18. Графики функции риска отделения от родителей в разрезах пола, а также пола и поколений

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Первое партнерство

В зависимости от *уровня образования* шансы вступления в первый брак различаются статистически значимо на уровне не менее 99,9%. Респонденты со средним уровнем образования имеют на 18% больше шансов вступить в первое партнерство, чем респонденты с высоким уровнем. Те, у кого низкий уровень образования, вступают в партнерства на 31% интенсивнее высокообразованных.

В зависимости от *типа населенного пункта* результаты также различаются значимо (на уровне не менее 99,9%). Жители городов и ПГТ имеют на 30% меньше шансов вступить в партнерство, чем жители областных центров, а жители села – на 28% меньше шансов.

Для переменной *пространственной мобильности* значимые различия были обнаружены только между не менявшими тип населенного пункта и совершавшими нисходящую мобильность (например, из города в село). Те, кто переезжал в сельскую местность, имеют на 32% больше шансов вступить в первое партнерство.

Различия категорий переменной о *количестве рожденных детей* оказались не значимы, тогда как сама переменная немного улучшила модель.

Сравнения по *полу* показали, что у женщин на 16% больше шансов вступить в первое партнерство, чем у мужчин.

Межпоколенные различия значимы для всех категорий переменной. У всех поколений с доверительной вероятностью больше 99,9% меньше шансов вступления в незарегистрированные союзы (первое партнерство), чем у самых молодых респондентов. Максимальные различия у самых молодых с самыми пожилыми: у поколения 1930-39 г.р. на 86% меньше шансов вступить в первое партнерство, тогда как у поколения 1970-79 г.р. –на 47% меньше.

Рисунок 19 репрезентирует динамику изменения риска. У женщин на всем периоде наблюдения риск вступления в первое партнерство выше, чем у мужчин. Графики по *полу и поколениям* показывают, что различия по поколениям существеннее, чем различия по полу. Мы видим, что произошла группировка по цветам, то есть мужчины и женщины одного и того же поколения ведут себя похожим образом, и наблюдаемая трансформация – именно поколенческий сдвиг. Кривые для двух самых старших поколений представляют собой очень пологие графики с основным ростом риска в промежутке между возрастными 18 и 27 года. После этих возрастов накопления новых событий почти не происходило. В то же время у самых молодых графики риска практически вертикальные. Они начинают расти в 16-17 лет и растут до самого окончания наблюдения. Вступление в первое партнерство, предшествующее официальному браку или замещающее его, становится для молодых

респондентов новой нормой, тогда как для более старших поколений это было довольно маловероятное событие.

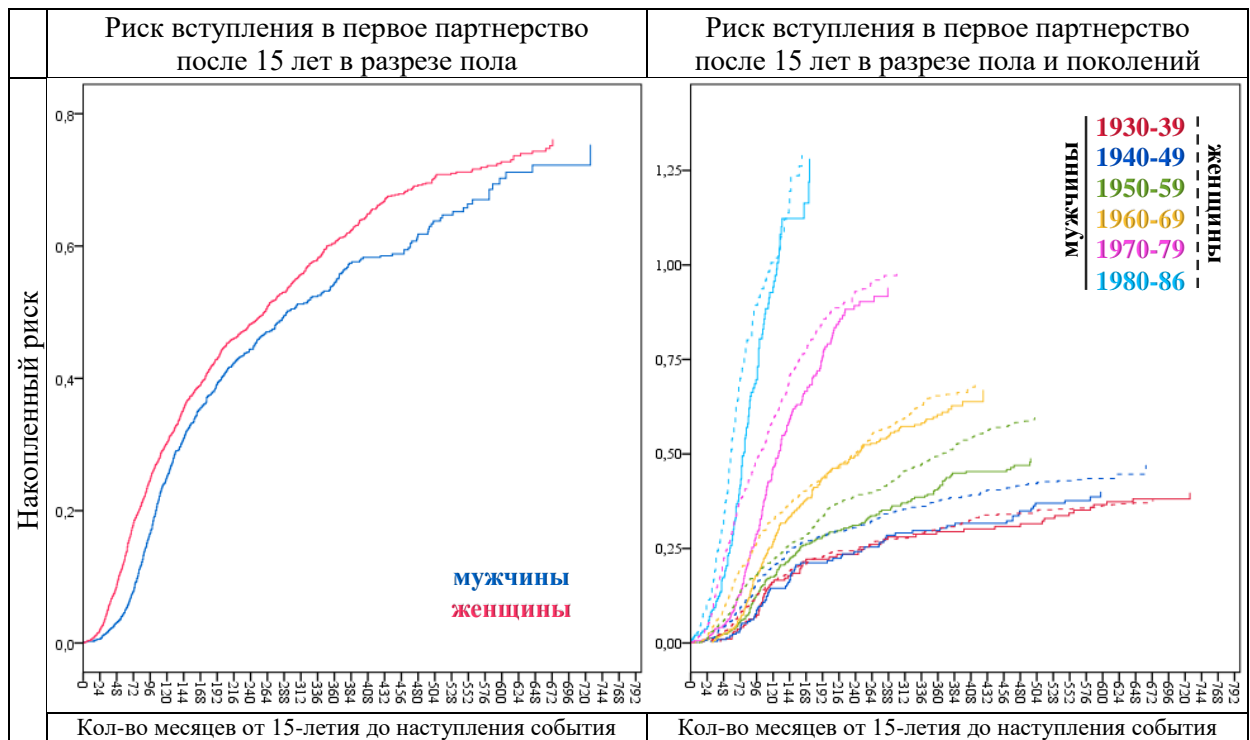

Рисунок 19. Графики функции риска вступления в первое партнерство в разрезах пола, а также пола и поколений

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Первый брак

По уровню образования значимые различия наблюдаются только для тех, у кого есть какое-то профессиональное образование. С доверительной вероятностью выше 99,9% респонденты со средним уровнем образования имеют на 22% более высокие шансы вступления в первый брак, чем респонденты с высоким уровнем образования.

Различия в зависимости от типа населенного пункта оказались также значимы. На максимальном уровне значимости жители городов и ПГТ имеют на 14% больше шансов вступления в первый брак, чем жители областных центров. На уровне значимости минимум 93,3% жители сельских населенных пунктов имеют на 8% больше шансов вступления в первый брак, чем жители областных центров.

Пространственная мобильность оказалась незначима и не была включена в модель.

Количество детей является значимой переменной. По сравнению с бездетными, те, у кого есть один ребенок, демонстрируют в 3,5 раз больше шансов вступления в брак, те, у кого два ребенка – в 5,6 раз и так далее вплоть до 6-кратного роста. Репродуктивный и матримониальный опыт демонстрирует однозначную связь.

В зависимости от *пола* респондентов вступление в первый брак также неоднородно. С вероятностью больше 99,95% шансы женщин вступить в брак выше, чем у мужчин, на 37%.

В зависимости от *поколений* также обнаружены различия. Причем здесь у молодежи максимальный разрыв в шансах приходится не на самых пожилых респондентов, а на самое ближайшее к ним поколение. С вероятностью выше 99,9% шансы поколения 1970-79 г.р. вступить в первый брак на 60% выше, чем у самых молодых. Далее разрыв между поколениями снижается, достигая всего 18% между самыми пожилыми и самыми молодыми (значимость 94,1%).

Рисунок 20 демонстрирует, что респонденты начинают вступать в первый брак примерно в 17 лет, причем примерно до 25 лет женщины делают это активнее, чем мужчины. После 25 лет тенденция меняется, и риск женщин сильно замедляется, тогда как риск мужчин продолжает активно расти.

График по *полу и поколениям* показывает, что гендерные различия сильнее обуславливают матримониальное поведение, чем поколенческие. Если вступление в первое партнерство не имело сильных гендерных различий, то здесь мы видим, что кривые сгруппированы не по цветам, отвечающим за год рождения, а по типу линии (сплошная или пунктирная), обозначающим пол. На протяжении первых 10-15 лет после 15-летия женщины активно вступают в браки, причем представительницы молодых поколений делают это даже активнее, чем более старшие поколения. Мужчины в это время также вступают в браки, но менее интенсивно. У женщин кривые начинают переходить в горизонтальную фазу, начиная с 25-30 лет. У мужчин рост кривой также замедляется, но значительно меньше, не выходя на плато до конца наблюдения.

В первые 10 лет после 15-летия среди мужчин и среди женщин самые высокие риски вступления в первый брак демонстрирует поколение 1970-79 г.р. После 25 лет у женщин лидером становится поколение 1960-69 г.р., а у мужчин – 1930-59 г.р.

Самые низкие риски на старте наблюдения у поколения 1930-39 г.р., но к 25 годам существенное отставание рисков от всех остальных поколений демонстрируют самые молодые. Также нужно заметить, что самые молодые уже дожили до 25 лет, но у них пересечения графиков для мужчин и женщин, которое происходило в остальных поколениях, пока не произошло.

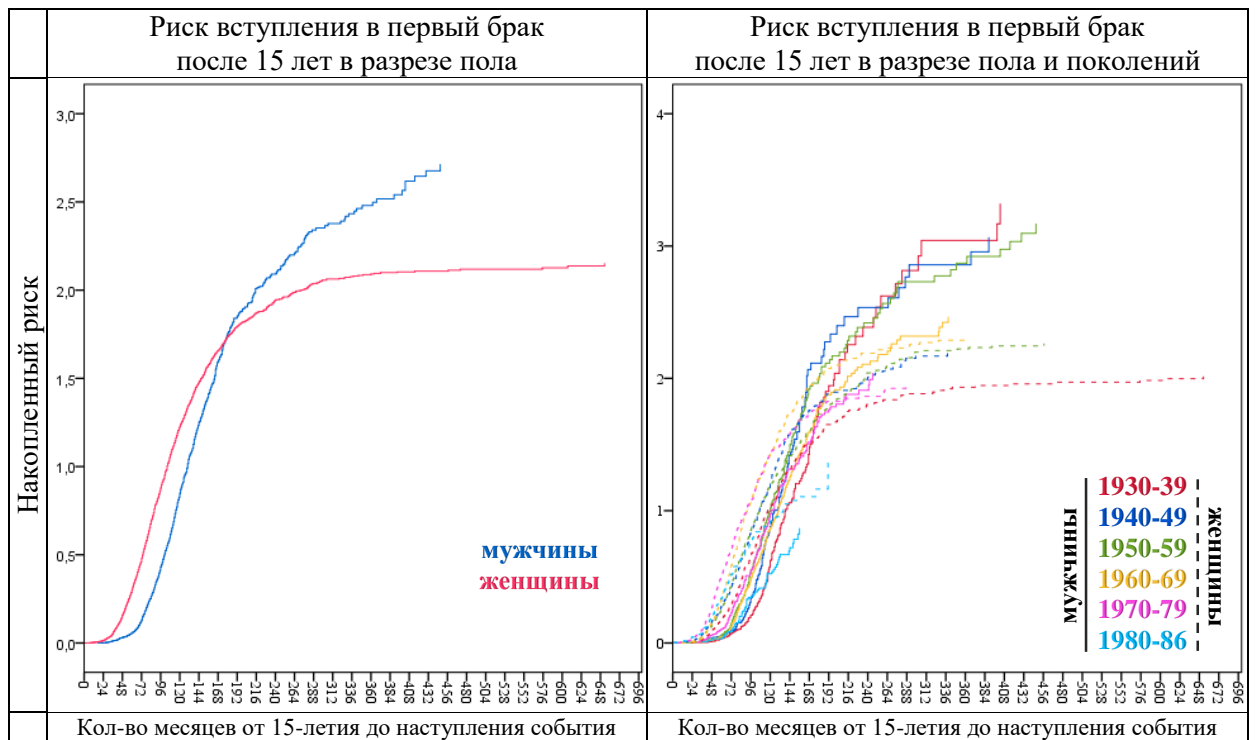

Рисунок 20. Графики функции риска вступления в первый брак в разрезе пола, а также пола и поколений

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Первый ребенок

В зависимости от уровня образования различия в риске рождения первого ребенка различаются значимо. С вероятностью выше 99,9% шансы родить первого ребенка на 45% выше для тех, у кого низкий или средний уровень образования в сравнении с теми, кто высокообразован.

В зависимости от типа населенного пункта различия также значимы на самом высоком уровне. Те, кто живет в городе или ПГТ, имеют, в среднем, на 22% более высокие шансы деторождения, чем жители областных центров. Жители села – почти на 40% выше. Переменные, характеризующие пространственную *мобильность* и *количество рожденных детей*, оказались незначимы.

Различия по *полу* значимы на самом высоком уровне. У женщин на 68% выше шанс родить ребенка, чем у мужчин.

Межпоколенные различия также значимы. Динамика и величина разрыва совпадает с риском вступления в первый брак почти полностью: при сравнении с самыми молодыми, у поколения 1970-79 г.р. на 66% выше риск деторождения, а у самых пожилых – всего на 23%. Значимость различий для всех категорий кроме самых пожилых наивысшая, а для самых пожилых – 99,4%.

Рисунок 21 показывает, что общие гендерные различия в деторождении очень велики: на всем периоде наблюдения риск появления первого ребенка у женщин значительно выше, чем у мужчин. Рассмотрим подробнее эти различия. Расслоение по гендерному признаку здесь, действительно, сильнее, чем при вступлении в брак. Отчасти это может быть обусловлено тем, что именно женщина рождает ребенка, в то время как мужчина даже не всегда может знать, что стал отцом или же, зная, не признавать этого ребенка. Также это может быть, как и в случае с браками, обусловлено тем, что мужчины и женщины вступают в брак и заводят ребенка в разных возрастах (женщины обычно раньше, чем мужчины), и в паре мужчина зачастую старше женщины (они, в том числе, могут принадлежать к разным поколениям).

Среди женщин выше всего риск деторождения на всем периоде наблюдения у респонденток 1970-79 г.р., ниже всего до возраста 25 – у поколения 1930-39 г.р., а после 25 лет – у самых молодых. Нужно заметить, что графики очень мало пересекаются, то есть для каждого поколения женщин характерна своя интенсивность первых деторождений, который был достаточно устойчив во времени.

У мужчин первенцы начинают появляться позже, чем у женщин – примерно в 19 лет. Мужчины поколения 1970-79 г.р. сначала демонстрируют высокий уровень риска, а затем этот темп замедляется, и после 28 лет они демонстрируют один из самых низких рисков деторождения. Ниже – только у самых молодых. Поколение 1940-49 г.р. начинает обретать опыт родительства довольно поздно и не очень интенсивно, но после 30 лет их риск становится выше, чем у всех других респондентов, в том числе женщин.

Самые молодые женщины в начале наблюдения демонстрируют довольно высокий риск деторождения, но после 25 лет их риск становится самым низким среди женщин и даже некоторых поколений мужчин. Самые молодые мужчины демонстрируют самый низкий риск деторождения среди всех респондентов.

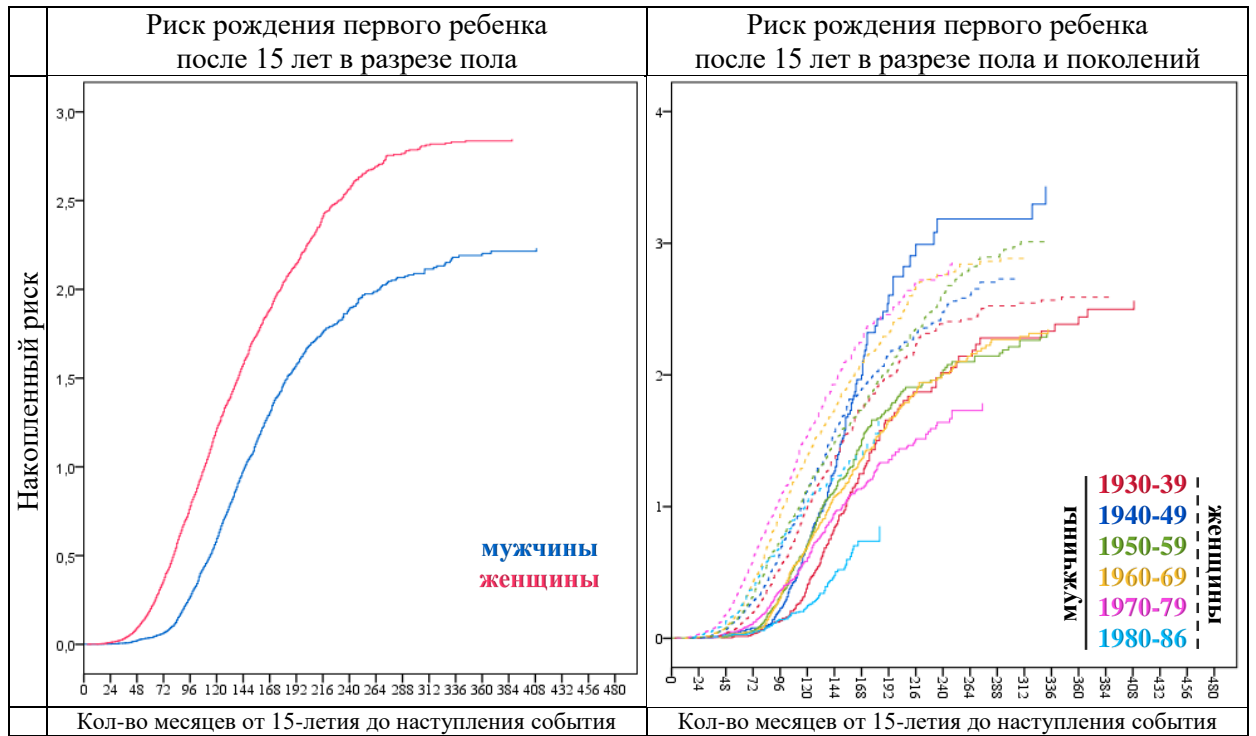

Рисунок 21. Графики функции риска рождения первого ребенка в разрезе пола, а также пола и поколений

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Регрессии Кокса в разрезе пола, поколений, уровней образования и типов населенных пунктов

Мы переходим к более комплексному анализу наступления стартовых событий. Регрессии Кокса не позволяют нам изучить наступление всех событий одновременно, но мы можем сопоставить динамику обретения близких по типу событий однородными по характеристикам респондентами. Для этих целей мы создали обобщенную переменную характеристик респондентов и сгруппировали события в два блока: социоэкономические и демографические.

Объединенная переменная характеристик включила следующую информацию о респондентах: принадлежность к поколениям, уровни образования и типы населенных пунктов (Таблица 10). Дифференциацию по полу мы получили, построив модели отдельно для мужчин и для женщин (это достигается применением фильтра полу в программе).

Предыдущий анализ показал, что поведение поколений неоднородно, но, чтобы сократить итоговое количество категорий, мы были вынуждены укрупнить поколения. Мы объединили категории переменной «поколения» в две больших группы: «советские» (1930-1969 г.р.) и «современные» (1970-1986 г.р.).

Обобщенная переменная состоит из 18 категорий. Категории наполнены достаточно хорошо. Советские поколения включают в себя 4 десятилетние когорты, а современные – полторы. Безусловно, категории для советских поколений наполнены гораздо лучше, чем для современных. Самыми маленькими по наполненности группами являются современные поколения, имеющие низкий уровень образования и живущие в областном центре или городе и ПГТ. Выводы для этих и других малонаполненных групп нужно делать с осторожностью.

Таблица 10. Распределение респондентов по категориям объединенной переменной

Поколения	Уровень образования	Тип населенного пункта	Пол		Всего
			Мужчины	Женщины	
1930-69 (советские)	высокий	областные центры	111	266	377
		города и ПГТ	90	205	295
		СНП	47	120	167
	средний	областные центры	176	480	656
		города и ПГТ	283	559	842
		СНП	322	560	882
	низкий	областные центры	36	141	177
		города и ПГТ	71	206	277
		СНП	99	318	417
1970-86 (современные)	высокий	областные центры	67	111	178
		города и ПГТ	53	93	146
		СНП	23	67	90
	средний	областные центры	86	130	216
		города и ПГТ	127	163	290
		СНП	100	178	278
	низкий	областные центры	12	19	31
		города и ПГТ	14	22	36
		СНП	41	55	96
Всего:			1758	3693	5451

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Сначала мы построили базовые модели для мужчин и женщин по отдельности, затем к этим моделям мы добавили обобщенную переменную в качестве страты, а потом мы эту переменную использовали как ковариату. Никаких других переменных в модели включено не было. Из модели, где обобщенная переменная была стратой, мы использовали графики, а из модели, где она была ковариатой, мы извлекли значения коэффициентов (по сути и графики, и модели представляют одну и ту же информацию разными методами). Графики представлены на рисунках ниже (Рисунок 22 – Рисунок 23), а коэффициенты и другие характеристики моделей – в приложениях (Приложение 47 – Приложение 48).

Рисунок 22 содержит информацию о рисках наступления социоэкономических событий, а Рисунок 23 – демографических. Для всех графиков каждого блока мы использовали сопоставимые шкалы. Максимальное значение накопленного риска для социоэкономических событий было взято равным 6, для демографических – 3. Ось X для всех графиков завершается в точке 420 месяцев, что соответствует 50-ому дню рождения респондентов (нужно прибавить 420 месяцев к 15-летию, с которого идет отсчет времени на графиках). Мы решили взять более широкий отрезок времени, нежели брали до этого, чтобы составить лучшее представление о динамике изменения риска. Для ориентира укажем, что 35-ый день рождения, который мы берем обычно, на графиках находится в точке 240 месяцев. При этом нужно отметить, что мы никак не ограничивали верхний предел возраста в самой модели, а поставили ограничение в 420 месяцев через настройки графика, поэтому риски наступления событий оценены исходя из всей имеющейся в базе информации.

Социальноэкономические события

Рассмотрим рисунок ниже (Рисунок 22). На нем изображены графики рисков наступления социальноэкономических событий отдельно для мужчин и для женщин.

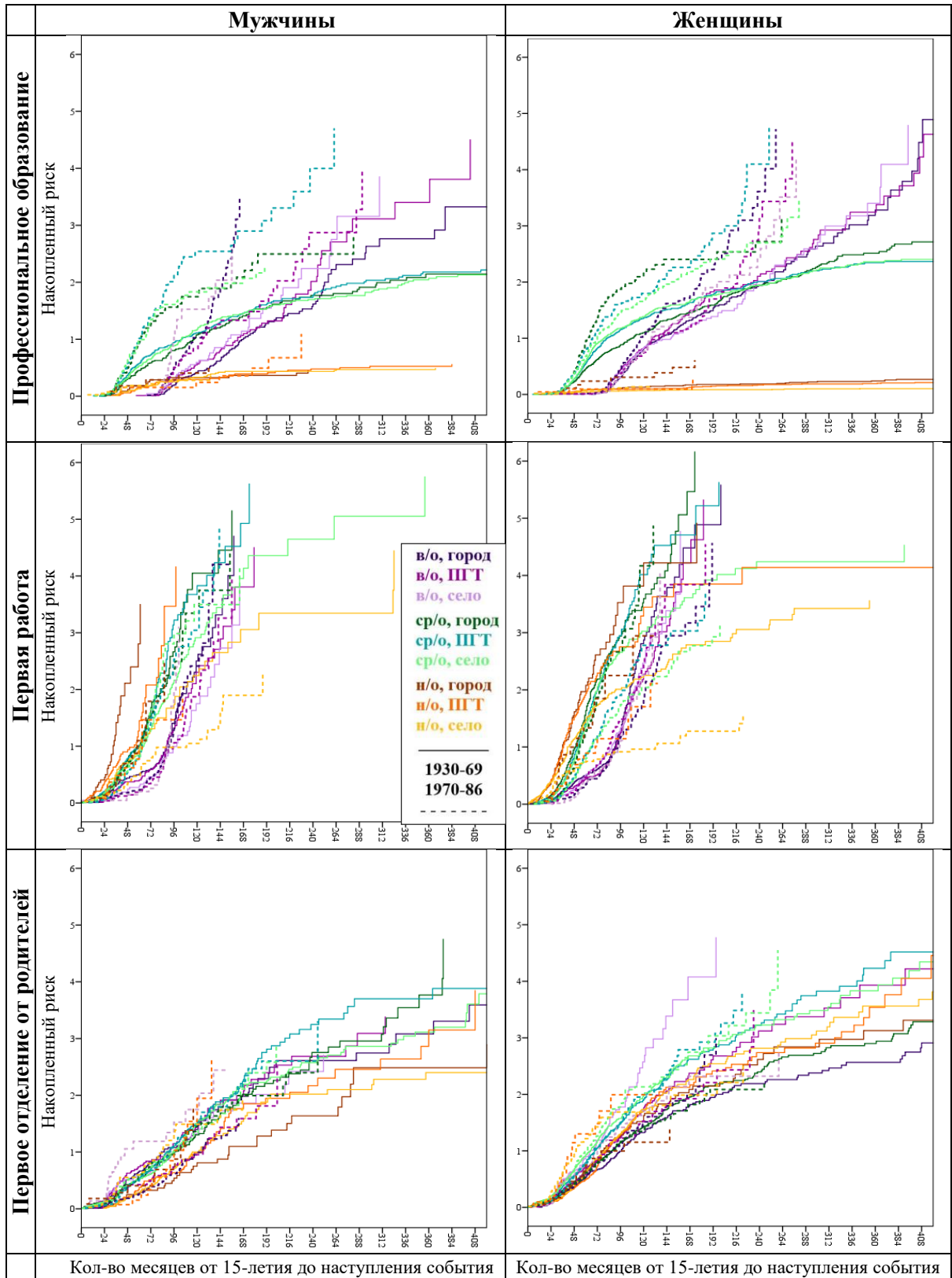

Рисунок 22. Графики функции риска наступления социальноэкономических событий в разрезах пола, укрупненных поколений, уровней образования и типов населенных пунктов
 Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Получение *профессионального образования* ожидаемо различается в зависимости от *уровня образования*. Те, кто после школы учился в *среднеспециальных* заведениях (или в вузе, но не окончил его), имеют самые высокие риски получения профессионального образования. У современных поколений риск получения образования среднего уровня начинает расти в возрасте 17 лет и замедляется только к 25-30 годам. У советских поколений динамика другая: у мужчин риск не имеет пиков и держится примерно на одном уровне на всем периоде наблюдения, а у женщин до 20 лет растет интенсивно, а после – снижается.

Завершение образования теми, кто получил *высшее образование*, происходит позже. Риск начинает расти примерно с 23 лет для обоих полов и обеих поколенческих групп. Небольшая стагнация риска наблюдается у мужчин после 35 лет, но, в целом, кривые растут весьма интенсивно на том отрезке, который мы рассматриваем. У молодых поколений риск растет интенсивнее, чем у советских.

Практически отсутствует динамика по кривым для *низкого уровня обучения*. Сюда попали те виды обучения, которые являются профессиональными, но не могут считаться полноценным получением профессионального или высшего образования. Например, курсы маникюра, визажа, автовождения, курсы машинистов, поваров и т.д. (то есть обучение исключительно профессии, а не комплексное образование). Как видно из графиков, респонденты не очень активно получают такое образование. Из тех, кто его получает, мужчины делают это активнее, чем женщины.

Риски *трудоустройства* также хорошо описываются различиями в *уровне образования*. Чем ниже уровень образования, тем раньше происходит трудоустройство. Чем выше – тем позже. Низкообразованные начинают трудоустраиваться в 16-17 лет, когда те, кто получают профессиональное образование, еще учатся. Затем в 17-19 лет на рынок труда выходят среднеобразованные и ближе к 20 – высокообразованные. Но активный рост риска трудоустройства у последних происходит только в 22-23 года.

Отделение от родителей нужно рассматривать отдельно для мужчин и женщин, т.к. это событие довольно сильно обусловлено гендерно в России: мужчины служат в армии, что дает им опыт отдельного проживания от родителей в течение года, двух или больше, а женщины часто переезжают от родителей в связи с замужеством.

У *мужчин* сложно определить одну дифференцирующую категорию. Мы не видим какого-то особого ожидаемого всплеска отделений от родителей для советских поколений, который бы показывал покидание родительского дома в связи со службой в армии. Динамика кривых достаточно линейна, без резких подъемов, и рост кривых значительно менее интенсивный, чем для образования или трудоустройства.

В самом начале перехода во взрослую жизнь достаточно хорошо прослеживаются различия в разрезе *уровня образования* мужчин: раньше всех отделяются от родителей те мужчины, которые впоследствии получили высшее образование, позже всех – те, у кого низкий уровень образования. То есть скорее всего, отделения до 20 лет связаны с образовательной миграцией. После 21 года современные поколения мужчин, получившие впоследствии высшее образование, начинают менее интенсивно покидать родительский дом. После 23 года по интенсивности отделения от родителей их обгоняют молодые люди с низким уровнем образования, живущие в городах или ПГТ. Основной рост всех кривых наблюдается примерно до 27 лет. После этого возраста во всех группах интенсивность отделения от родителей снижается, а у мужчин со средним уровнем образования, живущих в городах или ПГТ, начинает расти, и до конца наблюдения остается выше, чем у всех других категорий. В целом, мужчины со средним уровнем образования показывают более высокие риски отделения от родителей, а мужчины с низким уровнем образования – самые низкие. Самый низкий риск отделения от родителей на всем периоде наблюдения демонстрируют мужчины с низким уровнем образования, проживающие в областном центре.

Отделение от родителей у *женщин* хорошо дифференцируется по *типу населенных пунктов*. В более раннем возрасте и с большей интенсивностью родительский дом покидают женщины, живущие в *сельской местности* (и с *не очень высоким уровнем образования*). Затем идут жительницы городов и ПГТ, и после них, с самыми низкими рисками отделения – жительницы областных центров.

Наибольший риск отделиться от родителей демонстрируют жительницы *села с высоким уровнем образования*. Это самая вертикальная кривая на графике. Здесь явно прослеживается возможная причина отделения - получение образования. В других случаях отделение для женщин может быть связано не с карьерными и образовательными целями, а с замужеством. Мы будем проверять эту гипотезу дальше.

При этом необходимо помнить, что тип населенного пункта взят на момент опроса, то есть возможно как возвращение в родительский дом после, например, обучения в городе, так и отделение от родительской семьи без смены пункта проживания (переезд в другой дом, другое домохозяйство).

Риск отделения от родителей у женщин развивается достаточно линейно во времени. Пиков и переломов очень мало, и они незначительные. Примерно с 17 до 30 лет рост кривой идет интенсивно, с примерно одинаковой скоростью для разных категорий женщин, а после 30 дифференциация в зависимости от стратифицирующих признаков становится довольно

яркой: у жительниц областных центров происходит замедление темпов отделения от родителей, тогда как для других категорий сохраняется рост.

Демографические события

Рисунок 23 содержит информацию о наступлении демографических событий.

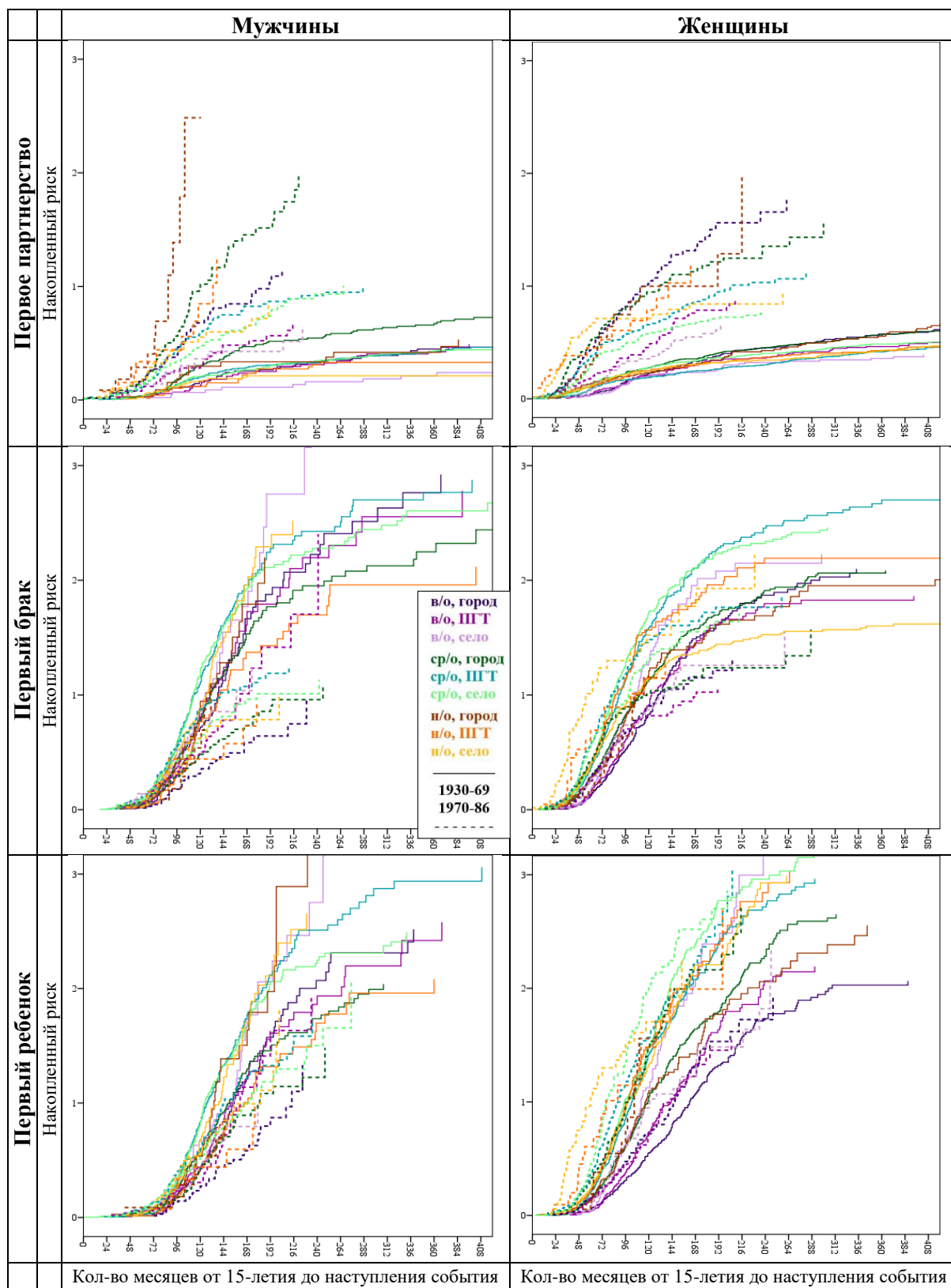

Рисунок 23. Графики функции риска наступления социоэкономических событий в разрезе пола, укрупненных поколений, уровней образования и типов населенных пунктов

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Напомним, что при подготовке биографий мы исключили возможность одновременного наступления браков и партнерств, но это не делает союзы взаимоисключающими. Если вступление в первый брак и первое партнерство у конкретного индивида произошло в разные даты, то у него в биографии будут присутствовать оба стартовых события: одно раньше, другое – позже.

Вступление в *первое партнерство* (незарегистрированные отношения) сильнее всего различается в разрезе *поколений*. Вне зависимости от пола, уровня образования и типа населенного пункта, молодежь имеет большие риски вступления в партнерства, чем советские поколения. Самый большой риск вступления в первое партнерство демонстрируют молодые жители областных центров, городов и ПГТ с низким или средним уровнем образования. Среди советских поколений выше всего риск вступления в первое партнерство – у жителей областных центров. По уровню образования никакой динамики проследить не удастся.

Для *мужчин* периодом наиболее интенсивного вступления в партнерства является интервал от 18 до 25 лет. После 25 лет и особенно после 30 вступление в партнерства замедляется. Незамедляющийся рост характерен, в основном, только для категорий молодых жителей областных центров.

У *женщин* интенсивность вступления в первые партнерства, в целом, ниже, чем у мужчин. Самая низкая – у советских женщин: графики всех категорий выглядят абсолютно одинаково, практически без нюансов, тогда как у мужчин советские жители областных центров и селяне различались рисками вступления в партнерства.

Графики для женщин демонстрируют более пологий тренд, и замедление интенсивности вступления в партнерства у них происходит уже после 20 лет для некоторых молодых женщин (мало образованные, проживающие в сельской местности). Для женщин, имеющих высокий уровень образования и проживающих в областном центре или городе и ПГТ интенсивность роста кривой риска остается на высоком уровне до конца наблюдения.

Риски вступления в *первый брак* и рождения *первого ребенка* сильно различаются в разрезе *пола*.

У *мужчин* прослеживаются сильные различия в разрезе *поколений* для вступления в *первый брак*. Здесь разбиение на поколения является зеркальным отображением ситуации с партнерством: риск вступления в первый брак у советских поколений больше, чем у современных. Самые высокие риски вступления в первый брак демонстрируют советские

поколения мужчин с любым уровнем образования, живущие в сельской местности или городе и ПГТ. Самые низкие риски – молодые мужчины со средним или низким уровнем образования, живущие в областном центре или городе и ПГТ.

В случае с рождением первого ребенка *поколенческие* различия не столь проявлены: в большинстве случаев, действительно, у советских мужчин риски родительства выше, чем у молодых, но есть ряд исключений. Например, у молодых мужчин со средним уровнем образования, живущих в городах и ПГТ, риски стать родителем выше, чем у советских мужчин, живущих в областном центре и имеющих высокий или средний уровень образования. А у молодых мужчин со средним или низким уровнем образования, живущих на селе, выше, чем у советских мужчин с низким уровнем образования, живущих в городах и ПГТ.

В целом, у мужчин наблюдается довольно высокие риски вступления в первый брак и обретения первого ребенка, которые немного замедляется только после 30-35 лет.

Рассмотрим риски вступления в первый брак и рождения первого ребенка у *женщин*.

Наибольший риск вступления в *первый брак* демонстрируют жительницы села и города или ПГТ с низким или средним уровнем образования и вне зависимости от поколения. Наименьший риск вступления в брак присущ, в основном, молодым женщинам с высоким уровнем образования и/или проживающим в областном центре или городе и ПГТ.

Графики интенсивности функции риска вступления в первый брак для советских поколений практически вертикальны на всем периоде наблюдения. Небольшое замедление интенсивности риска можно заметить только после 30 лет, и то не во всех категориях. Тогда как у молодых женщин наблюдается очень примечательный факт: после 25 лет у них происходит стагнация интенсивности риска вступления в первый брак. Скорее всего, это следствие селективности: если женщина вступает в брак, то вступает рано, а те, кто не вступают в брак до 25, видимо, пробуют другие формы совместного проживания, и если в итоге и вступают в брак, то, скорее всего, уже после 30-35 лет. Напомним, что самые молодые поколения в момент опроса находились в возрастах от 25 до 41 года, поэтому для многих период 30-35 лет еще не наступил, а те, для кого наступил, действительно, демонстрируют рост интенсивности вступления в брак в этом интервале (например, жительницы села всех уровней образования, а также жительницы областных центров, городов и ПГТ со средним уровнем образования).

Наиболее высокую интенсивность *рождения первого ребенка* также демонстрируют самые молодые поколения, живущие в городах и ПГТ, сельской местности, а также имеющие низкий или средний уровень образования. Вероятно, это связано с легитимацией добрачных половых отношений и с низкой доступностью контрацептивов в негородской среде или низкой контрацептивной грамотностью женщин с невысоким уровнем образования. Меньше всего рисков появления первого ребенка у высокообразованных женщин, живущих в областном центре или городе и ПГТ вне зависимости от принадлежности к поколению.

Динамика кривых деторождения практически не меняется со временем. Все кривые выглядят практически вертикально с совсем небольшими нюансами. Можно отметить небольшое замедление интенсивности деторождения только после 35 лет, что может быть связано со стремлением российских женщин родить до 30.

Резюме параграфа и дискуссия

В данном параграфе мы рассмотрели следующие особенности наступления стартовых событий: квантум, структуру, тайминг и интенсивность.

Анализ показал, что характеристики квантума и тайминга дают очень приблизительное представление об изменениях в наступлении стартовых событий. Для того, чтобы изучить детальные различия, мы использовали приведение респондентов к одинаковому возрасту, которое позволило уравнивать шансы наступления событий и сделать легитимными межпоколенные сравнения. Регрессионный анализ позволил оценить риски наступления стартовых событий, влияние различных переменных, а также проследить динамику изменения интенсивности наступления событий во времени.

Представим обобщенные выводы проведенного анализа в разрезе **стратифицирующих переменных**:

1. Социоэкономические события, в основном, наступают в интервале возрастов 15-24 года, тогда как демографические – в 25-34 года.
2. Окончание школы, первое трудоустройство и отделение от родителей – практически универсальные события, которые есть почти у всех респондентов. Вступление в брак и деторождение перестает быть универсальным и наиболее распространенным событием у молодежи, тогда как популярность партнерств и профессионального образования заметно растет.
3. **Гендерные** различия сильнее всего проявлены у советских поколений в получении профессионального образования и у всех поколений в отделении от родителей, вступлении в первый брак и первом деторождении.

4. **Межпоколенные** различия сильнее всего проявляются в получении профессионального образования и вступлении в первое партнерство (у молодежи этих событий больше, чем у более старших поколений), а также во вступлении в первый брак и рождении первого ребенка (у молодежи этих событий меньше). Среди поколений, социализировавшихся в *советское время* (1930-39, 1940-49, 1950-59, 1960-69 г.р.) преобладают более традиционные паттерны поведения, а среди поколений, социализировавшихся *после распада СССР* (1970-79 и 1980-86 г.р.) – более модернизированные. Поколения 1930-39 и 1970-79 г.р. являются переходными и отличаются от соседних поколений.

Для поколения людей, родившихся в **1930-39** г.р., окончание войны пришлось на самое начало их перехода во взрослую жизнь, поэтому, с одной стороны, наступление их стартовых событий было откорректировано этим непростым временем, а, с другой стороны, мы имеем дело с селективностью вследствие того, что эти респонденты на момент опроса находятся в старшей возрастной группе. Поэтому те, кто выжил и дожил до момента опроса, могут отличаться по своему поведению от тех, кто не дожил. Наш анализ показал, что респонденты этих годов рождения раньше оканчивали школу, рано и активно трудоустроившись (особенно мужчины), а все остальные события эти респонденты переживали с меньшей интенсивностью, нежели другие поколения. То есть жизненные сценарии «детей войны», вероятно, не реализовались в полной мере для многих их представителей.

Поколение **1970-79** г.р. по всем событиям кроме первых браков и первых деторождений либо занимает промежуточную позицию между советскими поколениями и самым молодым поколением, либо идет рядом с молодыми. Женщины 1970-79 г.р. вступают в первые браки и рожают первых детей интенсивнее и раньше всех остальных поколений. Мужчины тоже весьма активны, особенно до возраста 22-23 лет. На наш взгляд, это омоложение возрастов вызвано тем, что именно в то время, когда данное поколение начало переходить во взрослую жизнь, произошел распад СССР, а с ним появление большей свободы, в том числе, в интимной сфере. Ценностные представления и поведенческие практики людей начали меняться. Добрачные связи перестали табуироваться довольно быстро, но так как доступная и эффективная контрацепция, а также знания о ней еще не были распространены на должном уровне, то добрачные отношения часто перерастали во внебрачные деторождения, и здесь уже подключались институты (семья, родственное

окружение, система здравоохранения и др.), поддерживающие более консервативные (традиционные) нормы поведения, под давлением которых заключался ранний брак «вдогонку». Уже следующее поколение демонстрирует резкое снижение числа браков и деторождений и откладывание возраста их наступления, что говорит о том, что произошел переход не только на уровне нормативных представлений, но и реальных практик.

5. Чем ниже **уровень образования**, тем раньше и/или менее интенсивно респонденты выпускаются из школы, получают профессиональное образование, трудоустраиваются и вступают в первое партнерство и, что особенно характерно для женщин, тем раньше и более интенсивно респонденты вступают в брак и рожают первенцев.
6. Различия в **типах населенных пунктов** перекликаются с различиями в уровнях образования: жители села по своим характеристикам близки к респондентам с низким уровнем образования. У женщин также меньше социоэкономических событий и больше детей, а у мужчин меньше партнерств и брака. Возможно, это является следствием ограниченного рынка труда и брачного рынка. У молодых поколений детей больше, чем союзов (особенно у женщин), то есть больше внебрачных и, скорее всего, незапланированных рождений.

Кратко опишем основные особенности наступления каждого из **стартовых событий**:

1. Если судить по медианным возрастам, то первым событием при переходе во взрослую жизнь для многих респондентов является **трудоустройство**. Для половины выборки оно происходит примерно в 19 лет, а к 25 годам уже 90% респондентов имеют опыт работы.

Молодые поколения выходят на рынок труда гораздо позднее и медленнее старших поколений, начиная трудоустраиваться не раньше, чем в 16-17 лет, тогда как советские поколения начинали работать еще до достижения 15 лет. У мужчин несколько меньше шансов начать работать в 19-23 года, а после 25 лет они начинают опережать женщин. Те, у кого низкий уровень образования, выходят на рынок труда раньше всех – в 16-17 лет; те, у кого средний уровень образования – в 17-19 лет, а респонденты с высоким уровнем образования начинают трудоустраиваться после 20 лет. В сельской местности интенсивность выхода на рынок труда ниже, чем в областном центре.

2. Медианный возраст для получения **профессионального образования** составляет 21 год (используется целевая переменная – только события, произошедшие в интервале 15-35 лет).

Гендерная разница в завершении образования почти отсутствует до 25 лет. После этого возраста шансы женщин на получение профессионального образования начинают снижаться, тогда как у мужчин продолжают расти. Мы полагаем, что это связано с большей вовлеченностью женщин в уход за детьми. Имеющаяся межпоколенческая разница, скорее всего, связана с конъюнктурными изменениями и ростом популярности и доступности профессионального образования у молодежи: к возрасту 25 лет уже почти 80% молодого поколения имеет профессиональное образование, тогда как для советских поколений эта цифра даже к возрасту 35 лет не превышала 70%. Причем молодежь учится не только больше, но и дольше, из-за чего также происходит откладывание выхода на рынок труда. В целом, чем более высокий уровень образования у респондента, тем он (что ожидаемо и логично) позднее завершает обучение. Респонденты со средним уровнем образования покидают учебные заведения, начиная с 17 лет, а респонденты с высшим образованием – после 23 лет. Жители села менее активно получают профессиональное образование, а те, кто его получают, часто совершают образовательную мобильность (и тогда это взаимосвязано с отделением от родителей).

3. Медианный возраст **отделения от родителей** (также целевая переменная) для мужчин составляет 20 лет, а для женщин 19 лет. Судя по медианным возрастам, отделение от родителей происходит между трудоустройством и завершением образования (но в индивидуальной биографии последовательность событий может быть иной). Это одно из наиболее универсальных событий: почти 100% советских поколений хотя бы один раз жили отдельно от родителей не менее чем 3 месяца. Среди самых молодых эта доля пока меньше (около 80%), но это, скорее всего следствие цензурирования событий.

Гендерная разница в наступлении данного события прослеживается очень четко. Женщины покидают родительский дом раньше и интенсивнее мужчин. Это связано с переездом в дом мужа после вступления в брак. С 17 до 30 лет женщины активно покидают родительские дома. У жительниц областных центров на всем периоде наблюдения и особенно после 30 лет вероятность переезда меньше, чем у жительниц сел, городов и ПГТ.

Если покидание родительского дома у женщин мы предварительно связываем с демографическим событием (вступлением в брак), то у мужчин отделение от родителей больше обусловлено социоэкономическими факторами (служба в армии, образовательная и трудовая мобильность). Во всяком случае, у мужчин сильные различия наблюдаются именно в разрезе уровней образования (которые имеют непосредственную взаимосвязь и с опытом срочной службы, и с трудоустройством). Чем более высокий уровень образования получил или получит мужчина, тем в более раннем возрасте произошло его отделение от родителей. Мужчины с высшим образованием активно отделяются от родителей до 20 лет, а после 23 лет активно переезжать от родителей начинают низкообразованные мужчины. Для низко- и высокообразованных мужчин после 27 лет интенсивность отделения от родителей снижается, а для мужчин со средним образованием – растет. Мы предполагаем, что высокообразованные мужчины переезжают от родителей по причине образовательной миграции, низко- и среднеобразованные – из-за трудовой мобильности или по другим причинам.

4. Вступление в **первое партнерство** очень неоднородно. Мужчины вступают в партнерства примерно на 1-2 года позже, чем женщины: медиана по целевой переменной для мужчин – 23 года, для женщин – 21 год. Если рассматривать мужчин и женщин разных поколений отдельно, то видно, что трансформации, происходящие с партнерством – это именно межпоколенный сдвиг: среди молодых людей к возрасту 25 лет уже более 60% имеет опыт первого партнерства, тогда как предыдущие поколения даже к 35 годам демонстрировали в два раза меньшие показатели.

Наибольшие шансы вступления в первое партнерство показывают молодые жители областных центров, городов и ПГТ с низким или средним уровнями образования. Среди советских поколений наибольшие шансы – у жителей областных центров. Мужчины активно вступают в первые партнерства в возрастах 18-25 лет, а после 25-30 лет у всех кроме жителей областных центров интенсивность вступления в партнерства снижается. Советские женщины демонстрируют самые низкие шансы вступления в партнерства, тогда как молодые жительницы областных центров вступают в партнерства раньше и интенсивнее мужчин, живущих в областных центрах.

Флуктуации в возрасте и интенсивности вступления в партнерства могут носить временный характер, т.к. мы видим, что население только начало осваивать новые

практики. На данный момент можно точно сказать только то, что партнерства переживают невиданный ранее рост популярности.

5. Медианный возраст вступления в **первый брак** составляет 21 год. Это событие гендерно неоднородно: как и для партнерств, медиана по целевой переменной для мужчин составляет 23 года, для женщин – 21 год. Возраст вступления в брак у молодых респондентов ниже, чем у более пожилых, но на момент опроса только 30% самых молодых мужчин и 50% молодых женщин имели брачный опыт. Самому молодому респонденту уже исполнилось 25 лет. То есть больше половины респондентов будут вступать в браки уже после 25 (если вообще будут в них вступать), что в итоге сильно «состарит» средние и медианные возрасты. Наибольшие шансы вступления в первый брак демонстрируют жители сел, городов и ПГТ. Самые низкие шансы – молодые поколения, живущие в областном центре или городе и ПГТ. Для мужчин со средним и низким уровнем образования характерны низкие шансы вступления в брак, а для женщин – высокие. У мужчин высокая интенсивность вступления в брак наблюдается примерно с 21 года до 30-35 лет. У советских женщин интенсивность вступления в брак высока на протяжении всего периода наблюдения (с 15 до 35 лет), а у молодых женщин после 25 лет происходит стагнация интенсивности риска вступления в первый брак. Скорее всего, это следствие селективности: если женщина вступает в брак, то вступает рано, а те, кто не вступают в брак до 25, видимо, пробуют другие формы совместного проживания, и если в итоге и вступят в брак, то, вероятно, уже после 30-35 лет.
6. Рождение **первого ребенка** – самое гендерно неоднородное событие: медиана по целевой переменной для мужчин – 24 года, для женщин – 22 года. В разрезе поколений пока наблюдается омоложение возраста первого деторождения, но с учетом того, что только 40% самых молодых мужчин и 70% самых молодых женщин стали родителями, как и в ситуации с браками, нас ожидает постарение возраста первого деторождения.

По многим характеристикам первое деторождение схоже с первым браком. Единственное различие – что оно происходит на год позже вступления в брак (то есть чаще всего является его следствием). Для всех поколений характерно, что доля женщин, родивших хотя бы одного ребенка, превышает долю женщин, состоящих хотя бы в одном браке. В молодом поколении этот разрыв достигает максимальных значений: 64% против 47% соответственно. Скорее всего, это

обусловлено тем, что добрачные зачатия (в партнерствах или вообще вне союзов) стали более легитимными.

В целом, у советских мужчин риски родительства выше, чем у молодых мужчин. Примерно с 22 до 30 лет у мужчин наблюдается пик интенсивности родительства, в возрасте 30-35 лет интенсивность деторождения заметно снижается.

Интенсивнее всего первого ребенка рожают молодые женщины, живущие в городах и ПГТ, сельской местности, а также имеющие низкий или средний уровень образования. Вероятно, это связано с легитимацией добрачных половых отношений и с низкой доступностью контрацептивов в негородской среде или низкой контрацептивной грамотностью женщин с невысоким уровнем образования. Среди женщин, наименьшие риски появления первого ребенка наблюдаются у высокообразованных жительниц областных центров, городов и ПГТ вне зависимости от принадлежности к поколению. Динамика деторождений у женщин практически не меняется со временем, демонстрируя очень высокую интенсивность. Можно отметить небольшое замедление темпов деторождения только после 35 лет, что может быть связано с сохранением среди российских женщин советской идеальной модели поведения – стремлением родить до 30.

4.2. Анализ перехода во взрослую жизнь как совокупности стартовых социодемографических событий

В данном параграфе мы проанализируем все стартовые события не по отдельности, а вместе или по блокам¹ (социоэкономические и демографические). Результаты анализа совокупности событий очень сильно зависят от того, какой набор событий изучается. Анализ исторических условий, в которых формировались поколения (Параграф «2. Исторический контекст, сопутствующий взрослению разных поколений россиян») показал, что общественный дискурс в отношении одного события сильно поменялся. В советское время партнерство не являлось легитимным союзом, а проживание без регистрации отношений порицалось. После распада СССР партнерства стали допустимы и нормативны в качестве события, с которого начинается матримониальная биография [Демографическая модернизация России, 1900-2000, 2006, с. 100]. Чтобы результаты анализа взросления разных поколений были сопоставимы, мы приняли решение не включать партнерство в перечень событий, маркирующих взросление, если показатель, который мы рассчитываем «чувствителен» к распространенности событий и возрасту их наступления.

Мы рассмотрим следующие аспекты перехода во взрослую жизнь как единого процесса:

- структура и квантум: распределение респондентов по числу стартовых событий, накопленных к разным возрастам;
- тайминг: медианные возрасты начала и окончания перехода во взрослую жизнь, а также его медианная длительность;
- интенсивность: повозрастная динамика накопления первых и последних событий перехода во взрослую жизнь;
- последовательность наступления событий: частотный анализ событий, с которых начинается и которыми завершается переход во взрослую жизнь.

---

¹ Для подготовки данных к анализу последовательностей наступления событий мы использовали следующий алгоритм действий:

1. Выстроили все шесть стартовых событий в хронологическом порядке.
2. Отдельно закодировали все случаи одновременного наступления событий.
3. Разбили все события на следующие категории: социодемографические события (взросление в целом), социоэкономические события (обретение экономической независимости и самостоятельности), демографические события (создание семьи). Весь дальнейший анализ производился отдельно для каждого из этих трех блоков.
4. Вычислили, сколько событий респонденты имеют к 15, 25, 35 годам и к их текущему возрасту.
5. Вычислили, какие события наступают первыми и последними (квантум)
6. Вычислили возраст наступления первого и последнего события, а также длительность взросления.

4.2.1. Структура и квантум: распределение респондентов по числу событий, маркирующих переход во взрослую жизнь

В данном разделе мы изучим, как происходит накопление событий с возрастом. Логика построения гистограмм, представленных ниже, соответствует логике анализа структуры для отдельных событий: мы также выделили четыре интервала возрастов и также исследуем, как события накапливаются во времени. Разница в том, что при анализе отдельных событий мы располагали только наличием или отсутствием каждого стартового события и изучали накопление событий через доли респондентов, у которых оно наступило или не наступило. В данном разделе мы исследуем совокупности стартовых событий, поэтому располагаем разными числами событий: для социодемографических событий диапазон возможного числа событий в биографии респондента – от нуля до шести, а для социоэкономических и демографических – от нуля до трех.

На графике ниже (Рисунок 24) представлено среднее число *социодемографических* событий в конкретных возрастных интервалах у представителей разного *пола и поколений*. Подробная таблица, на основе которой был построен график, находится в приложении (Приложение 49). В приложениях представлены результаты дисперсионного анализа в разрезе пола (Приложение 51), поколений (Приложение 52), пола и поколений (Приложение 53). В разрезе *пола* различия значимы на самом высоком уровне для социоэкономических событий на возрастном интервале 25-34, для демографических – на интервалах 15-24 и 25-34. В разрезе *поколений*, а также *пола и поколений* различия значимы для всех событий на всех интервалах кроме интервала 0-14 лет для демографических событий.

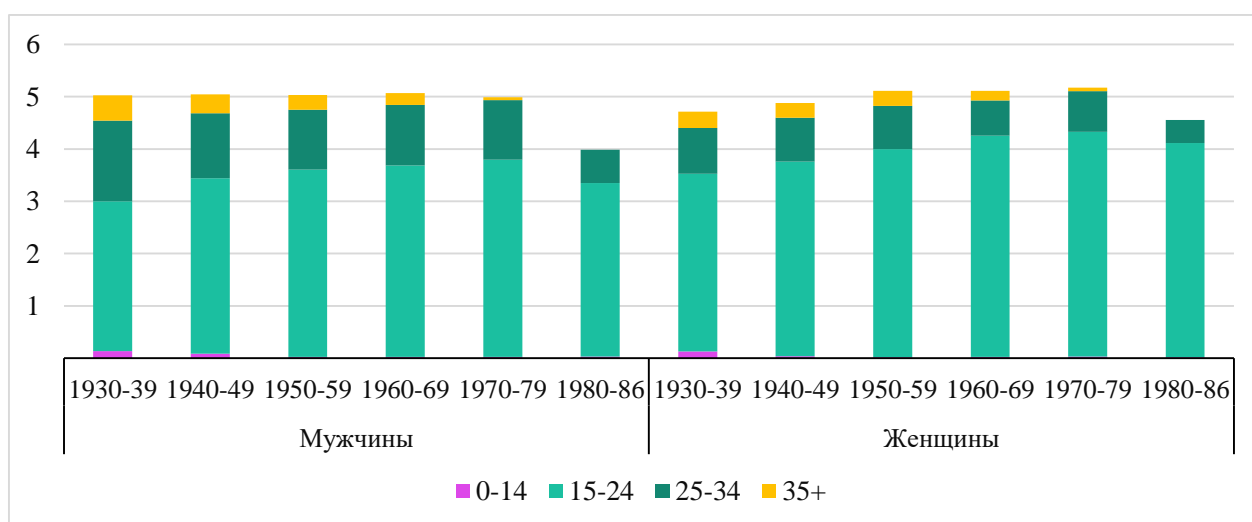

Рисунок 24. Распределение респондентов по числу стартовых социодемографических событий, накопленных к разным возрастам (в разрезе пола и поколений)

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Только у самого старшего *поколения* среднее число событий в диапазоне возрастов 0-14 лет превышает 0,1 события. У остальных поколений среднее число событий варьирует от 0,02 до 0,09 события. Это значит, что очень малая часть респондентов начинала переход во взрослую жизнь за границами 15-летнего возраста.

В диапазоне возрастов 15-24 года происходит основной прирост стартовых событий. Из шести возможных социодемографических событий в этом промежутке лет разные респонденты обретают, в среднем, от трех до четырех событий. У женщин прирост в этом диапазоне возрастов происходит интенсивнее, чем у мужчин. Причем сильнее всего гендерная разница проявлена у самых молодых респондентов (около 0,8 события, тогда как у респондентов 1940-59 она составляет 0,4 события). Среди всех поколений активнее всего обретают события респонденты, рожденные в 1970-79 гг. (мы полагаем, что за счет более активного вступления в партнерства), а наименее активно – самое старшее поколение.

На диапазон возрастов от 25 до 34 лет, в среднем, приходится от 0,4 до 1,5 событий. Поколение 1980-86 г.р. на этом отрезке уже некорректно сравнивать со всеми остальными, так как самые молодые из них на момент опроса только перешагнули рубеж 25-летия. Мужчины активнее женщин обретают новые события в этом диапазоне возрастов: самые пожилые мужчины, в среднем, обрели полтора события в этих возрастах, а остальные мужчины (кроме самых молодых) – примерно 1,2 события.

За границами 35 лет можно сравнивать только респондентов 1930-69 г.р. В этих возрастах прироста событий уже почти не происходит. У мужчин среднее число событий не превышает 0,5 событий, а у женщин – 0,3.

Рисунок 25 содержит средние числа *социоэкономических* и *демографических* событий в разрезах *пола и поколений*. Подробная таблица, на основе которой был построен график, находится в приложении (Приложение 49).

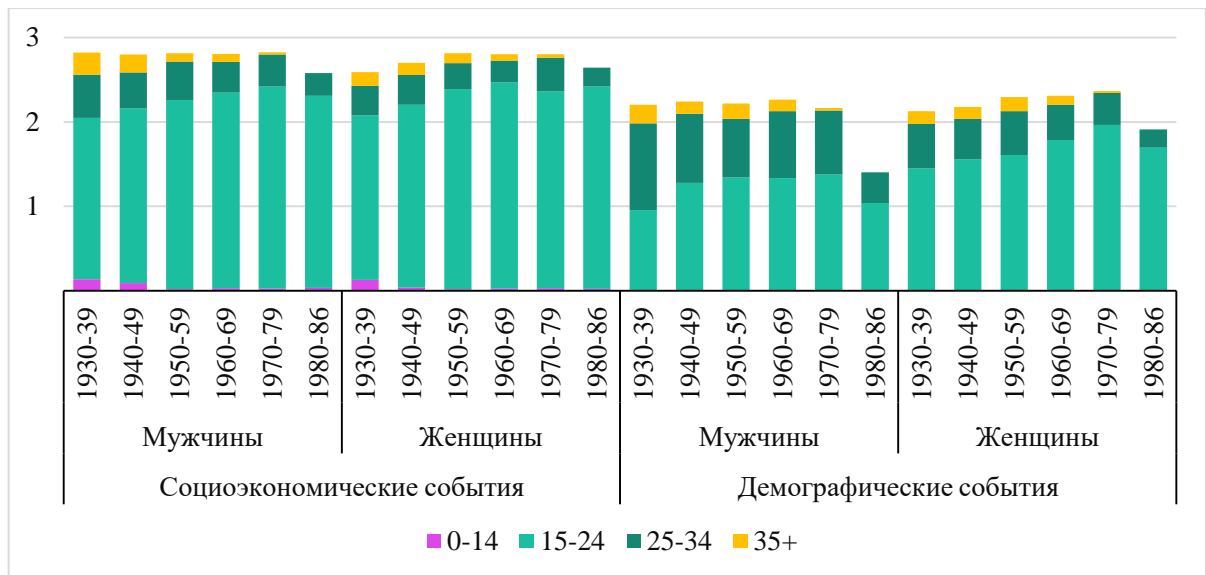

Рисунок 25. Распределение респондентов по числу стартовых социальноэкономических и демографических событий, накопленных к разным возрастам (в разрезах пола и поколений)

Источник: составлено автором (панельные данные РиДМиЖ на 2011 г.)

Первое, что обращает на себя внимание – что социальноэкономических событий в биографиях респондентов больше, чем демографических. Как показал анализ отдельных событий, это вызвано тем, что незарегистрированные союзы (партнерства) не имели большого распространения у советских поколений, а среди молодежи браки и деторождения пока еще произошли не у всех респондентов. Также видно, что в возрастном интервале 0-14 лет если и происходят события, то социальноэкономические. Демографические начинаются с возрастов после 15 лет. В определенной мере это обусловлено нашими алгоритмами чистки данных, подразумевающими корректировку очень ранних возрастов наступления демографических событий.

Социальноэкономических событий у мужчин и женщин практически одинаковое количество, и накопление этих событий происходит в рамках близких возрастных интервалов. У женщин обретение событий этого блока происходит в немного более ранних возрастах, чем у мужчин. В целом, к возрасту 25 лет все респонденты имеют уже хотя бы два социальноэкономических события, а к возрасту 35 лет как минимум 2,5 события.

Каждое последующее поколение, начиная с самых пожилых и до поколения 1970-79 г.р. обретает события во все большем объеме и во все более ранних возрастах. Женщины 1970-97 г.р. и все поколение 1980-86 г.р. начинает откладывать обретение социальноэкономических событий. Для женщин 1970-79 г.р. причина может быть связана с их высокой активностью в демографической сфере (мы помним, что они активнее всех

вступали в браки и рожали детей). А самое молодое поколение, скорее всего, откладывает обретение социоэкономических событий из-за того, что большая доля респондентов получает высшее образование (как мы видели, обретение высшего образования приводит к откладыванию возрастов выхода на рынок труда и завершения образования).

Перейдем к анализу *демографических* событий. В интервалах возрастов от 15 до 24 года женщины совершают от полутора до двух демографических событий, тогда как мужчины накапливают не более 1,3 событий. Зато в следующем возрастном интервале мужчины совершают еще около 0,8 события, а женщины – не более 0,5 события.

Среди мужчин межпоколенческая разница в обретении событий почти отсутствует. Только самые старшие и самые молодые обретают демографические менее активно, а остальные четыре поколения практически идентичны по своим показателям. Среди молодых женщин прослеживается динамика роста числа демографических событий, полученных в возрасте 15-24 года. Как мы полагаем, это связано с ростом популярности партнерств у молодежи. Гендерный разрыв в среднем количестве демографических событий увеличивается с каждым новым поколением.

То есть, в целом, женщины получают больше разных стартовых событий в более молодом возрасте, нежели мужчины.

На рисунках ниже (Рисунок 26 – Рисунок 29) представлены средние числа стартовых социоэкономических и демографических событий в разрезах пола, поколений, уровней образования и типов населенных пунктов. Полные таблицы, на основе которых построены графики, приведены в приложении (Приложение 50). В приложении (Приложение 54) представлены результаты дисперсионного анализа в разрезе пола, поколений, уровней образования и типов населенных пунктов. Различия значимы на самом высоком уровне для всех событий на всех интервалах кроме интервала 0-14 лет для демографических событий.

Социоэкономические события различаются сильнее в зависимости от характеристик респондентов, нежели демографические. Это обусловлено тем, что профессиональное образование не только является стартовым событием, но и входит в одну из категорий стратифицирующего признака – уровень образования.

Рассмотрим *социоэкономические* события в разрезе *пола, поколений и уровней образования* (Рисунок 26).

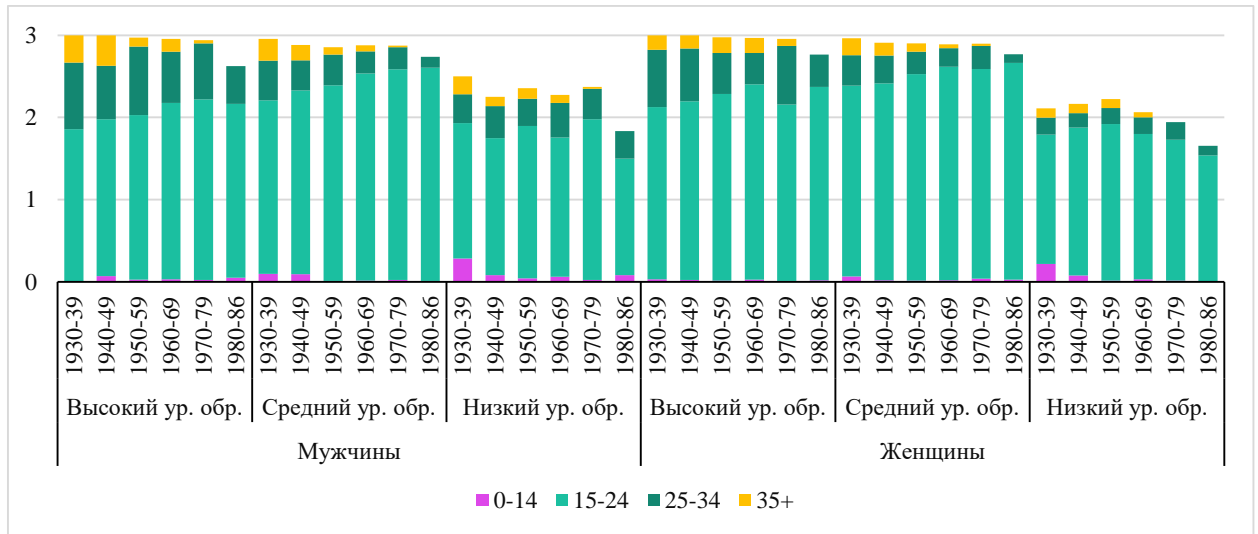

Рисунок 26. Распределение респондентов по числу стартовых социоэкономических событий, накопленных к разным возрастам (в разрезе пола, поколений и уровней образования)

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Респонденты с *низким уровнем образования* имеют, в среднем 2-2,5 события, причем у мужчин событий немного больше, чем у женщин. Большую часть социоэкономических событий низкообразованные респонденты обретают в возрасте 15-24 года, очень редко откладывая их на более поздние возрасты. Такое откладывание встречается у некоторых мужчин и крайне редко встречается у женщин.

Среднеобразованные респонденты имеют около трех социоэкономических событий, причем гендерный разрыв здесь минимален. Пик активности в социоэкономической сфере у этих респондентов также приходится на возраст 15-24 года, но у них уже почти не встречаются события в возрастах до 15 лет, тогда как для низкообразованных респондентов это характерно. Среднеобразованные респонденты чаще, чем низкообразованные, откладывают совершение социоэкономических событий на более поздние возрасты. Скорее всего, это связано с тем, что они больше времени проводят в образовательных учреждениях, вследствие чего все остальные события могут быть отложены.

Высокообразованные респонденты имеют максимальное число событий во всех поколениях кроме самых молодых. Гендерные различия здесь тоже практически отсутствуют. Все события обретаются в более поздних возрастах по сравнению с низко- и среднеобразованными респондентами.

Рассмотрим *социальноэкономические* события в разрезе *пола, поколений и типов населенных пунктов* (Рисунок 27). Различия по *типам населенных пунктов* не такие явные. В основном, жители областных центров в большей степени откладывают события и совершают их в большем количестве, а жители села обретают их в более раннем возрасте и в меньшем количестве.

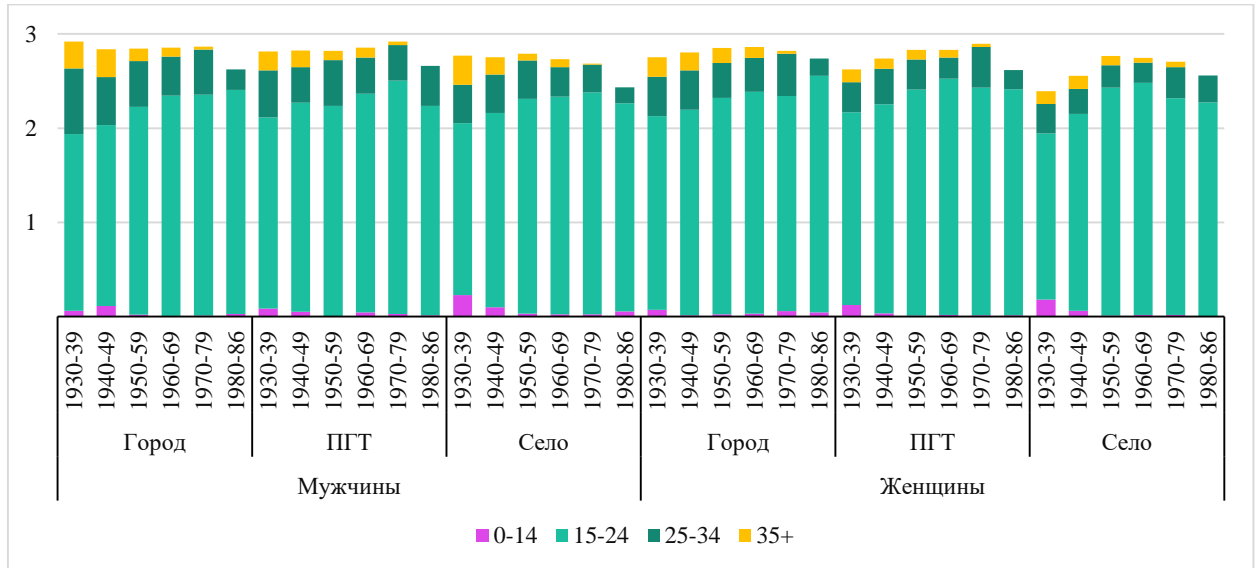

Рисунок 27. Распределение респондентов по числу стартовых социальноэкономических событий, накопленных к разным возрастам (в разрезах пола, поколений и типов населенных пунктов)

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Рассмотрим *демографические* события в разрезе *пола, поколений и уровней образования* (Рисунок 28). Гистограммы для демографических событий флуктуируют значительно сильнее, нежели в предыдущем блоке событий. Мы видим, что высокообразованные респонденты сильнее всего откладывают демографические события, а средне- и низкообразованные женщины имеют наибольшее число событий и в самых ранних возрастах. Абсолютным лидером среди последних являются женщины 1970-79 г.р. На наш взгляд, это связано с тем, что именно во время социализации этого поколения партнерства стали популярны и легитимны.

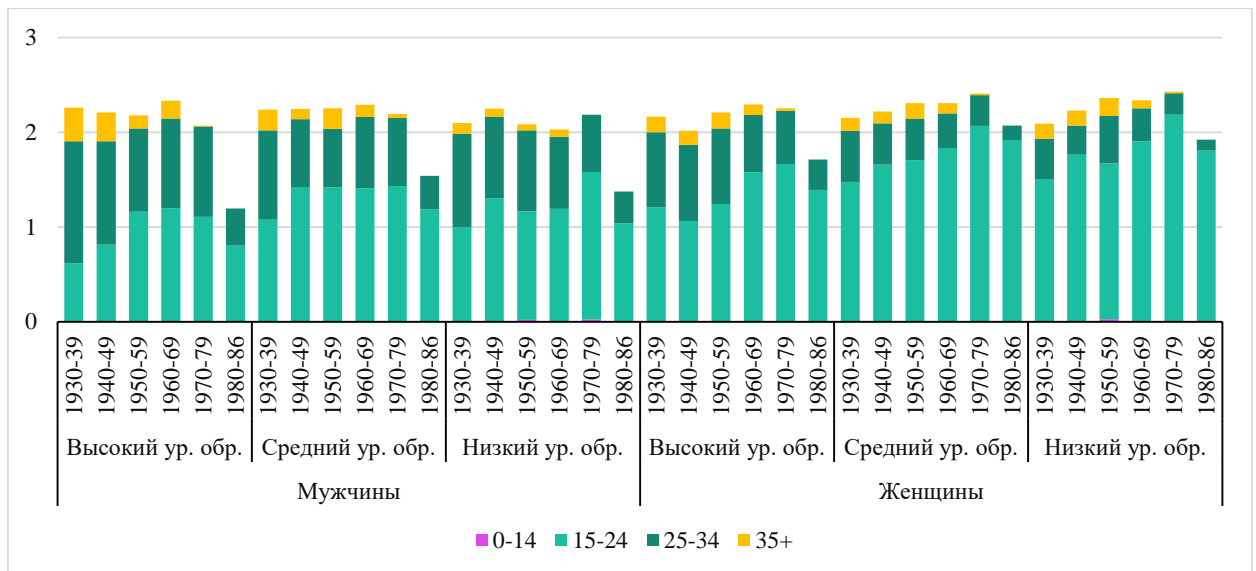

Рисунок 28. Распределение респондентов по числу стартовых демографических событий, накопленных к разным возрастам (в разрезах пола, поколений и уровней образования)

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Рассмотрим *демографические* события в разрезе *пола, поколений и типов населенных пунктов* (Рисунок 29). Мужчины, живущие в разных типах населенных пунктов, демонстрируют очень схожие паттерны накопления демографических событий. В основном, их поведение различается только в разрезе поколений. Среди женщин снова наблюдается тренд роста количества событий у женщин 1970-79 года, причем, особенно среди жительниц областных центров. Видимо, они имели больше степеней свободы, и тренд на незарегистрированные партнерства начался именно с них.

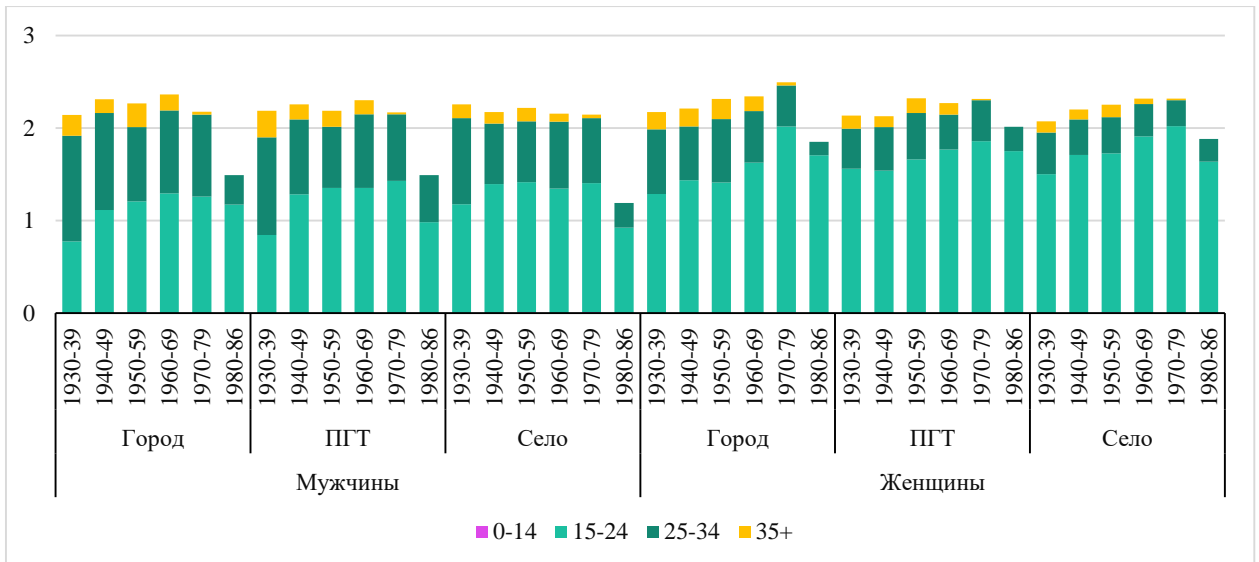

Рисунок 29. Распределение респондентов по числу стартовых демографических событий, накопленных к разным возрастам (в разрезах пола, поколений и типов населенных пунктов)

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

4.2.2. Тайминг: начало, окончание и длительность перехода во взрослую жизнь

Все имеющиеся стартовые события мы выстроили в хронологическом порядке и определили, какое событие и в каком возрасте наступило первым и последним у разных респондентов. Мы придерживались принципа эксклюзивности событий: одно и то же событие может быть либо начальным, либо конечным – два раза одно событие фигурировать не может. То есть если у респондента на момент опроса произошло только одно событие, например, трудоустройство, то это значит, что у него будет первое событие, а последнего не будет.

Для того, чтобы представить информацию о тайминге перехода во взрослую жизнь комплексно, нам нужно было выбрать одну меру центральной тенденции и посчитать ее по одной переменной (напомним, что всего у нас четыре варианта переменных: одна исходная и три целевые). Мы решили изучать тайминговые характеристики на исходной переменной, т.к. задача – узнать реальные возрасты начала и окончания перехода во взрослую жизнь. Для того, чтобы нивелировать влияние очень молодых и очень поздних возрастов наступления событий, мы использовали такую меру центральных тенденций как медиану.

Необходимо отметить, что медианная длительность взросления и разница между медианным возрастом окончания и начала взросления будет различаться. Медианные возрасты представляют из себя число, которое делит выборку пополам: ровно у половины респондентов событие произошло до этого возраста и ровно у половины – после. Если мы

посчитаем разницу между медианными возрастами окончания и начала взросления, мы получим очень огрубленную оценку длительности взросления. Для того, чтобы получить корректную оценку, мы сначала посчитали длительность взросления для каждого респондента, а потом вычислили из них медианы.

Все характеристики тайминга представлены на рисунках ниже (Рисунок 30 – Рисунок 34). Медианная длительность расположена в текстовой вставке над подписью оси абсцисс.

На рисунке ниже (Рисунок 30) изображены характеристики тайминга для **взросления в целом**, а также в каждой из сфер (**социоэкономической** и **демографической**) в разрезах **пола и поколений**. Мы также добавили на этот график текстовую вставку с информацией о количестве лет между медианными возрастами начала обретения социэкономических и демографических событий.

Чтобы сохранить консистентность работы, при составлении данного и последующих графиков мы учитывали все стартовые события. Однако, как показал предыдущий анализ, партнерство не являлось необходимым и желательным событием в течение советского периода времени, поэтому мы дополнительно посчитали медианные возрасты и длительности взросления с учетом всех событий кроме партнерства. Сравнение этих показателей для обоих случаев приведены в приложении (Приложение 55). Все различающиеся показатели обозначены жирным шрифтом.

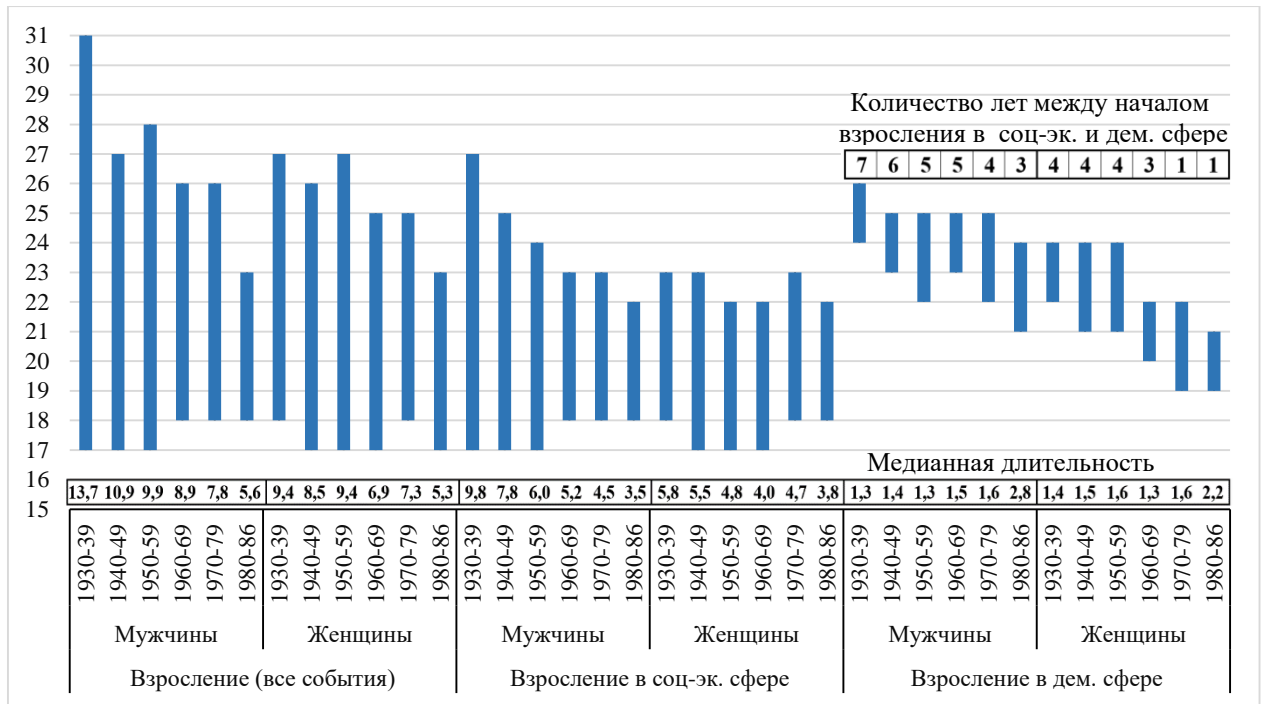

Рисунок 30. Медианные возрасты начала и окончания перехода во взрослую жизнь и медианные длительности перехода для всех событий, для социоэкономических и демографических событий (в разрезе пола и поколений)

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

У мужчин, рожденных до 1960 года, *медианный возраст начала перехода во взрослую жизнь* был около 17 лет; у мужчин, рожденных после 1960 года он составил 18 лет. У женщин в поколениях 1940-69 г.р. медианный возраст начала взросления составил 17 лет, а у всех остальных поколений – 18 лет.

Медианные возрасты обретения первых событий в *социоэкономической* сфере практически полностью совпадают со взрослением в целом, что говорит о том, что чаще всего событие, с которого начинается взросление, является социоэкономическим для большинства респондентов.

Если социоэкономические события при движении от советских поколений к современным демонстрируют тренд постарения возраста старта их обретения, то для *демографических* событий тенденция другая: во всех разрезах возраст обретения демографических событий молодеет. Это связано, во-первых, с цензурированием, т.к., как мы видели, лишь небольшая доля молодых респондентов уже обрела демографические события. А во-вторых, это может быть связано с широким распространением и легитимацией партнерств, которые, как мы говорили раньше, имеют неоднозначную природу, с одной стороны, являясь демографическими событиями (т.к. могут быть связаны с деторождением), а, с другой стороны, для многих молодых людей партнерство является

союзом без долгосрочных обязательств, носящим скорее социоэкономический характер (повышает социальный статус, позволяет отделиться от родителей).

Медианные возрасты обретения первых событий в *демографической* сфере идут сильно позже социоэкономических и с гораздо большей дифференциацией по полу и поколениям. У мужчин самый отложенный старт обретения демографических событий (24 года) демонстрируют самые старшие поколения (что, скорее всего, связано с военным периодом, на который пришлась их молодость), а самый ранний возраст принадлежит самым молодым поколениям (21 год). У женщин самый поздний возраст обретения первого демографического события также принадлежит самому старшему поколению (22 года), а самый молодой возраст – двум самым молодым поколениям (19 лет).

Мы видим, что, если в отношении старта взросления в целом и в социоэкономической сфере гендерной разницы практически нет, то демографические события мужчины начинают обретать примерно на два года позже женщин, но динамика межпоколенных изменений очень схожа.

Анализируя *медианный возраст завершения перехода во взрослую жизнь* нужно понимать, что для многих поколений он не является окончательным, так как еще не все респонденты обрели все доступные события и некоторые из них еще находятся в молодых возрастах. Более того, мы видим, что медианные возрасты взросления в целом и в социоэкономической и демографической сферах сильно различаются между собой. Это обусловлено спецификой расчета медианных возрастов. Именно поэтому мы и рассматриваем процесс взросления с разных сторон, т.к. трудно подобрать более подходящий инструмент для анализа такого многосоставного и сложно феномена.

Напомним, что мы не ограничивали верхний предел возрастов совершения событий, поэтому самое пожилое поколение имеет самый поздний возраст завершения взросления (так как они дольше находятся под риском наступления событий). Для самых пожилых мужчин медианный возраст завершения взросления равен 31 году, а для женщин – 27 годам. Мужчины 1960-79 г.р. взрослеют к 26 годам, женщины – к 25. Самые молодые респонденты свой максимум событий обрели к 23 годам (гендерных различий нет).

Медианный возраст завершения обретения *социоэкономических* событий у мужчин плавно снижается с 27 лет у самых старших респондентов до 22 лет у самых молодых. У женщин варьирует в диапазоне 22-23 лет.

В *демографической* сфере самые пожилые мужчины обретали зрелость к 26 годам, то есть даже раньше, чем в социоэкономической сфере. Все остальные поколения (кроме самого молодого) демонстрируют совершенно единообразный возраст завершения демографического взросления – 25 лет. У самых молодых это 24 года.

Женщины, рожденные в 1930-59 гг., завершали обретение демографических событий в 24 года, остальные поколения кроме самого молодого – в 22 года, а самые молодые – в 21. То есть у женщин демографическое взросление зачастую происходит раньше социоэкономического.

Вследствие того, что молодые поколения еще не достигли возраста 35 лет, *медианная длительность их взросления* меньше, чем у более старших поколений: у самых старших мужчин взросление длилось 13,7 лет, у самых молодых – 5,6 лет; у самых старших женщин – 9,4 лет, у самых молодых – 5,3 лет. У мужчин снижение линейное и планомерное, у женщин – с флуктуациями. В случае с мужчинами различия частично можно объяснить разницей в прожитом времени жизни (то есть скорее всего, это эффект возраста), а у женщин очевидно влияние каких-то других факторов (эффект поколения).

У самых молодых поколений, находящихся на момент опроса в возрасте 25-31 года, между первым и последним событием из тех, что они успели совершить, прошло, в среднем, 5 лет, то есть гендерные различия у самых молодых практически отсутствуют (у поколения 1970-79 г.р. наблюдается аналогичная ситуация). У советских поколений гендерные различия просматриваются довольно явно. Так, например, у самого старшего поколения разница в длительности перехода во взрослую жизнь у мужчин и женщин составляет 5 лет. В следующем поколении разрыв уже снижается до 2,5 лет, затем менее чем до одного, и в поколении 1960-69 г.р. снова вырастает до 2 лет.

Когда мы анализируем события по блокам (социоэкономические и демографические отдельно), то видим, что основной вклад в гендерные различия в переходе во взрослую жизнь дают *социоэкономические* события. Именно их советские мужчины получали дольше, чем женщины. Мы полагаем, что различия в наступлении социоэкономических событий объясняются трудовой мобилизацией женщин в середине 20-го века, их меньшими, чем у мужчин, шансами на трудоустройство при наличии детей, а также тем, что женщины чаще и раньше переезжают из родительского дома в связи с замужеством. В двух самых молодых поколениях расстановка сил изменилась: женщины стали получать социоэкономические события дольше мужчин. Разрыв пока минимальный, но если он станет трендом, это может привести к изменениям в переходе во взрослую жизнь в целом.

Гендерная разница в длительности обретения *демографических* событий практически отсутствует, но присутствует межпоколенческая разница. Если поколения 1930-79 г.р. обретали демографические события в течение примерно полутора лет, то самые молодые респонденты, которым всего 25-31 год, уже демонстрируют рост длительности в полтора-два раза: у мужчин переход длится 2,8 года, у женщин – 2,2 года.

Количество лет между медианными возрастными начала обретения социоэкономических и демографических событий показывает, что обретение компетенций взрослого в этих двух сферах не происходит одновременно, но в какой-то момент начинает идти параллельно. Сначала большинство респондентов начинает обретать социоэкономические события, а затем через несколько лет – демографические. У советских мужчин разрыв между стартами в двух сферах жизни составляет 5-7 лет, у современных мужчин – 3-4 года. У советских женщин – 3-4 года, у современных – 1 год.

На рисунке ниже (Рисунок 31) представлена обобщенная информация для совокупности *социоэкономических* событий в разрезе *пола, поколений и уровней образования*.

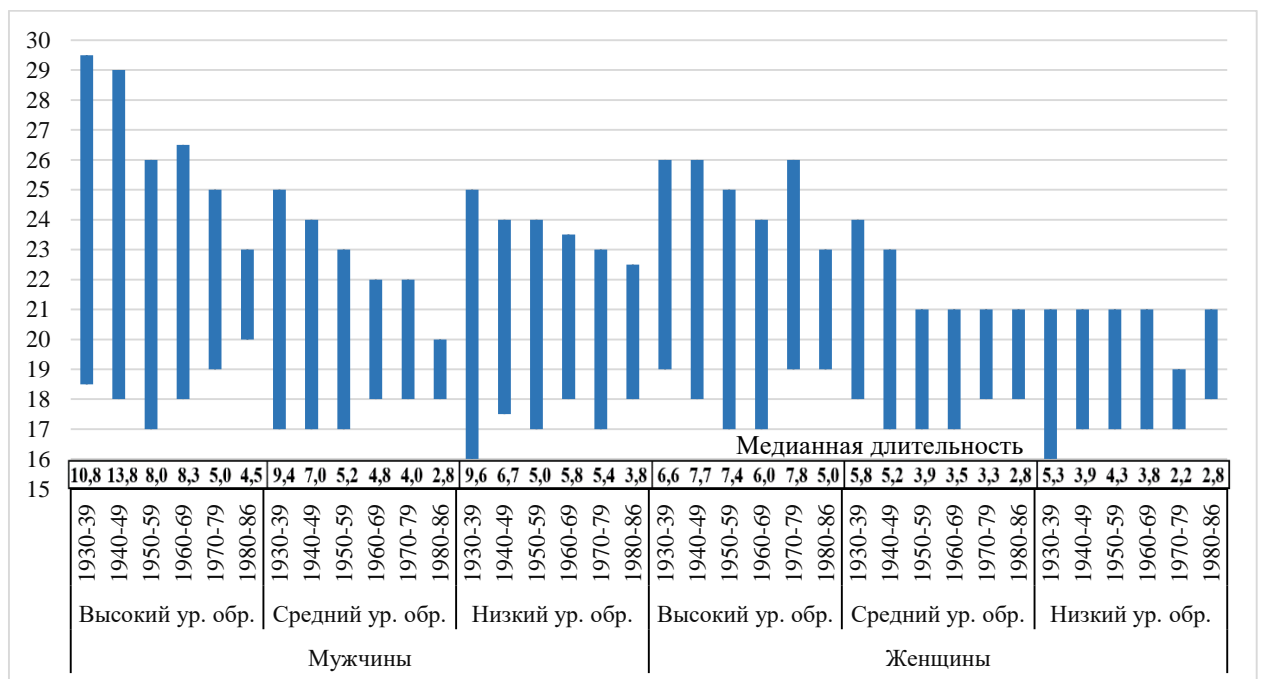

Рисунок 31. Медианные возрасты начала и окончания перехода во взрослую жизнь в социоэкономической сфере и медианные длительности перехода (в разрезе пола, поколений и уровней образования)

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Самый молодой *медианный возраст начала социоэкономического взросления* составляет около 16 лет и наблюдается у самых пожилых поколений с низким уровнем образования. Самый отложенный старт первого социоэкономического события (20 лет) у молодых высокообразованных мужчин.

У среднеобразованных мужчин возраст начала социоэкономического взросления довольно устойчив и составляет 17-18 лет. У мужчин с высоким и низким уровнем образования он сильно флуктуирует в зависимости от поколения. У высокообразованных мужчин он сначала снижается с 19 лет у самых старших до 17 лет у поколения 1950-59 г.р., а потом вырастает до 20 лет у самого молодого поколения. У низкообразованных мужчин он непланово растет с 16 лет у самых пожилых до 18 лет у самых молодых. Во всех поколениях мужчин наблюдается откладывание старта социоэкономической карьеры на более поздние возрасты. Это может быть связано с возросшей длительностью обучения, которая сдвигает в более поздние возрасты все остальные события.

У женщин межпоколенческая динамика похожа на то, что мы наблюдаем у мужчин. У высокообразованных женщин возраст начала социоэкономической биографии сначала омолаживается с 19 лет у самых пожилых респонденток до 17 лет в поколениях 1950-69 г.р., а затем стареет до тех же 19 лет у двух самых молодых поколений. У среднеобразованных женщин омоложение идет с 18 лет у самых пожилых респонденток до 17 лет в трех следующих поколениях, а затем возвращается в возраст 18 лет у двух последних поколений. У среднеобразованных женщин 1930-39 г.р. самый молодой возраст начала обретения социоэкономических событий – 16 лет. У всех следующих поколений кроме самых молодых этот возраст на год больше, а у самых молодых – 19 лет. То есть мы видим, что и у женщин происходит откладывание старта социоэкономического взросления на более поздние возрасты.

Медианный возраст наступления последнего социоэкономического события у мужчин варьирует сильно, а у средне- и низкообразованных женщин весьма устойчиво, и для большинства поколений составляет 21 год.

Позднее всего заканчивают социоэкономическое взросление пожилые высокообразованные мужчины. У двух самых старших поколений медианный возраст составил порядка 29 лет, у следующих трех поколений составил 25-26 лет, и у самых молодых – 23 года. У среднеобразованных межпоколенный тренд – линейное снижение с 25 лет у самых пожилых до 20 лет у самых молодых. У низкообразованных – с 25 лет до 22. То есть, в целом, низкообразованные мужчины завершают накопление социоэкономических событий позднее, чем среднеобразованные.

У женщин, как мы уже сказали, различия наблюдаются только среди высокообразованных респонденток. В поколениях 1930-49 г.р. и 1970-79 г.р. медианный возраст наступления последнего социоэкономического события составил 26 лет, в поколениях 1950-69 г.р. – 24-25 года, а у самых молодых – 23 года.

Мы видим, что высокообразованные мужчины и женщины завершают взросление в социоэкономической сфере позже, чем остальные респонденты, и гендерные различия для этой группы не так сильны. Респонденты с более низким уровнем образования сильно различаются гендерно: мужчины завершают социоэкономическое взросление в более позднем возрасте, чем женщины, а у женщин такой единый возраст прекращения накопления социоэкономических событий может быть связан с деторождением. Как мы помним из раздела «4.1.2. Тайминг: возрасты наступления стартовых событий», медианный возраст первого деторождения, действительно, составляет 21-22 года для большинства женщин.

Медианный интервал между первым и последним социоэкономическими событиями у мужчин самого старшего поколения вне зависимости от уровня образования составляет порядка 10 лет, тогда как у женщин 5-6 лет. Длительность социоэкономического взросления сокращается при движении от более старых к более молодым поколениям для всех категорий кроме женщин с высоким уровнем образования. Молодое поколение демонстрирует сокращение гендерного разрыва внутри однородных образовательных групп. Примечательно, что высокообразованные женщины даже обгоняют аналогичных мужчин по длительности получения социоэкономических событий.

Больше всего времени на достижение всех социоэкономических событий ушло у высокообразованных мужчин 1940-49 г.р. (почти 14 лет), а меньше всего – у и низкообразованных женщин 1970-79 г.р. (2 года). В среднем, чем выше уровень образования респондента, тем больше времени у него уходит на совершение всех социоэкономических событий.

На рисунке ниже (Рисунок 32) представлена обобщенная информация для совокупности *социоэкономических* событий в разрезе *пола, поколений и типов населенных пунктов*.

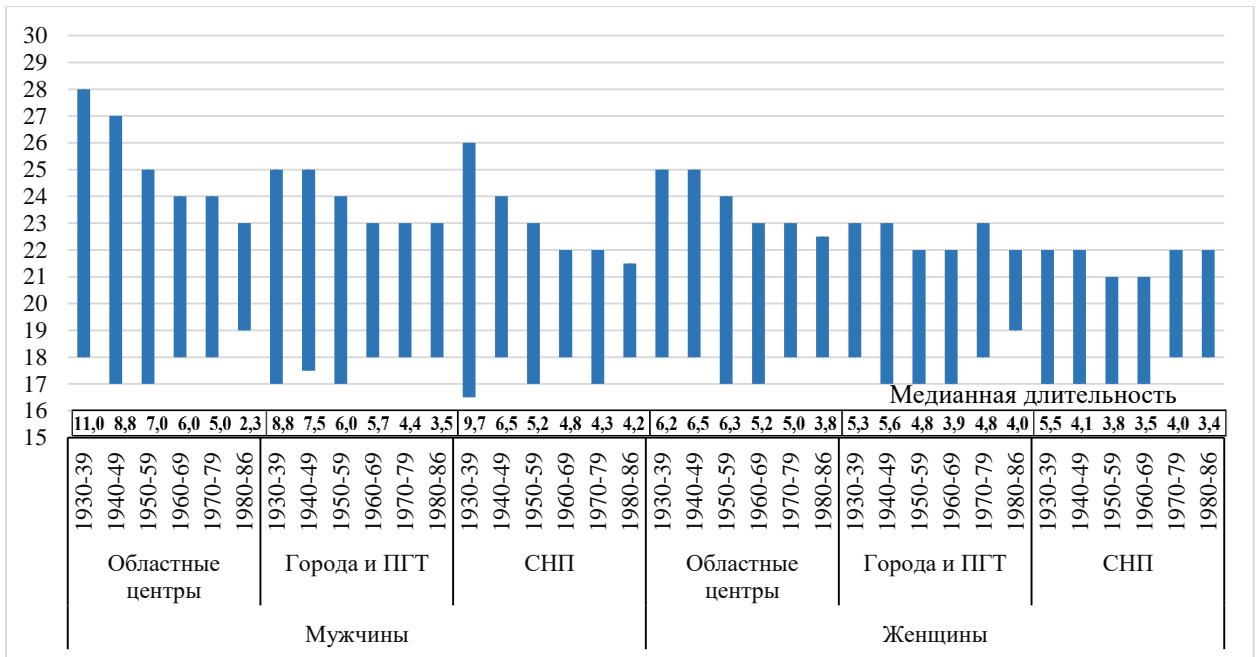

Рисунок 32. Медианные возрасты начала и окончания перехода во взрослую жизнь в социоэкономической сфере и медианные длительности перехода (в разрезе пола, поколений и типов населенных пунктов)

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Медианный возраст начала социоэкономического взросления варьирует гораздо меньше в разрезе типов населенных пунктов, нежели в разрезе уровней образования, и составляет примерно 17-18 лет для всех респондентов. Исключений всего два: самые молодые мужчины, живущие в областном центре и самые молодые женщины, живущие в городах и ПГТ. У половины из них накопление социоэкономических событий начинается до 19 лет, у половины – после.

Медианный возраст окончания социоэкономического взросления различается сильнее. В целом, чем старше респондент, тем позже он совершает последнее событие из социоэкономического блока, но это вполне может быть обусловлено более долгим временем жизни, прожитым таким респондентом. Позже всего (в 28 лет) совершают последнее социоэкономическое мужчины-жители областных центров из самого пожилого поколения. Раньше всего (в 21 год) социоэкономическое взросление завершают женщины 1950-69 г.р., живущие в сельской местности.

В целом, чем в более урбанизированном населенном пункте проживает респондент, тем позднее у него наступает последнее социоэкономическое событие. У мужчин прослеживается линейный тренд омоложения возраста наступления последнего события, тогда как у женщин встречается больше флуктуаций. Мужчины, живущие в областных

центрах, завершают обретение социоэкономических событий в диапазоне возрастов от 23 до 28 лет, жители городов и ПГТ – в 23-25 лет, жители села – в 22-26 лет.

Для женщин характерно более раннее прекращение получения социоэкономических событий, нежели для мужчин, но, в отличие от стратификации по уровням образования, в разрезе типов населенных пунктов мы видим больше разнообразия и большей взаимосвязи между местом проживания и таймингом. Так, жительницы областных центров завершают социоэкономическое взросление в интервале 23-25 лет, жительницы городов и ПГТ – в 22-23 года, а жительницы села – в 21-22 года.

Самая высокая *продолжительность получения социоэкономических событий* характерна для самых пожилых мужчин, живущих в областном центре (11 лет), а самая низкая – для самых молодых сельских жительниц (3,4 года).

В среднем, жители села взрослеют в социоэкономическом плане быстрее, чем жители других населенных пунктов. Возможно, это связано с меньшими возможностями выбора опций (профессий, образовательных учреждений, мест работы), поэтому у них меньше вариантов горизонтальной трудовой и образовательной мобильности, что сокращает время, требуемое на подготовку к работе и ее поиск. Исключение составляют самые молодые сельские мужчины, у которых социоэкономическое взросление длится дольше, чем у аналогичных жителей областных центров, городов и ПГТ. Возможно, это связано с тем, что мужчины, живущие в областных центрах, еще продолжают учиться или жить с родителями, и когда они совершат последнее социоэкономическое событие, то медианная длительность их социоэкономического взросления существенно возрастет.

Социоэкономическое взросление у мужчин длится, в среднем, на два года дольше, чем у женщин, но в трех самых последних поколениях эта разница сокращается до одного года, а в некоторых случаях, до нуля (поколение 1970-79 г.р., живущее в городах и ПГТ или СНП). А самые молодые женщины, живущие на селе, и вовсе обгоняют аналогичных мужчин, получая последнее социоэкономическое событие на год позже.

На рисунке ниже (Рисунок 33) представлена обобщенная информация для совокупности *демографических* событий в разрезе *пола, поколений и уровней образования*.

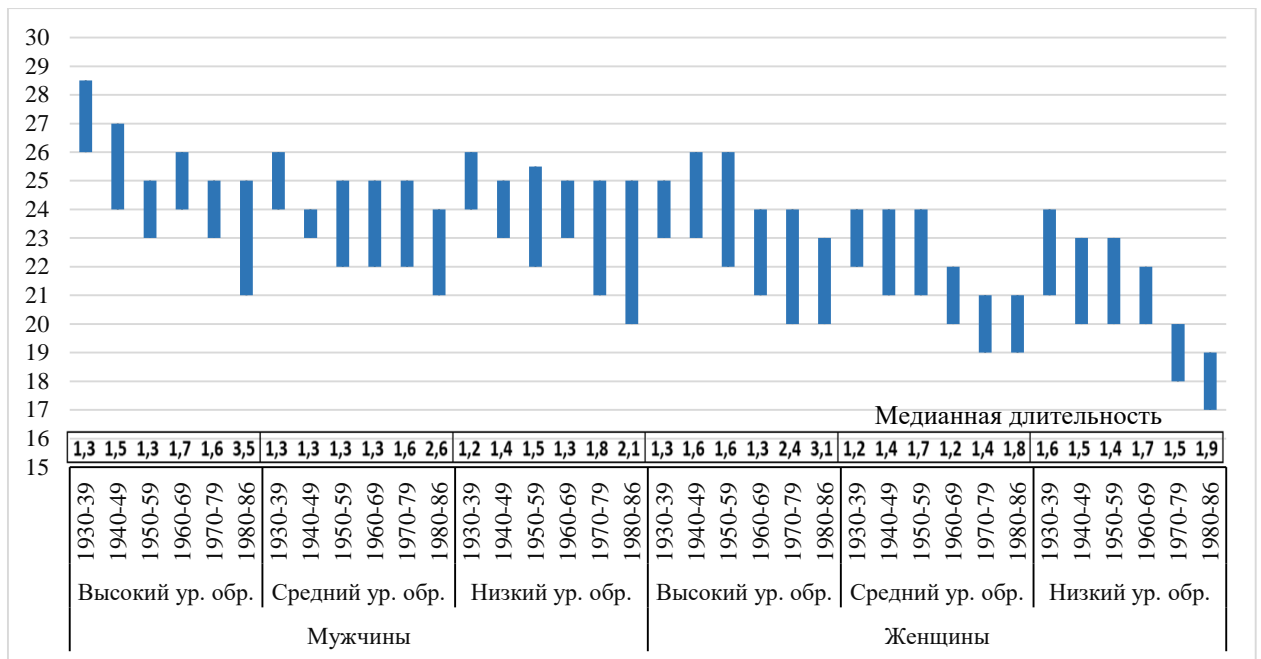

Рисунок 33. Медианные возрасты начала и окончания перехода во взрослую жизнь в демографической сфере и медианные длительности перехода (в разрезе пола, поколений и уровней образования)

Источник: составлено автором (панельные данные РИДМИЖ на 2011 г.)

Как мы отмечали ранее, *медианный возраст первого демографического события* снижается при движении от более пожилых к более молодым респондентам. Этот тренд сохраняется в разрезе уровней образования. Межпоколенческий разрыв достаточно велик и сильно варьирует для разных категорий респондентов. Высокообразованные мужчины начинают обретать демографические события в диапазоне возрастов 21-26 лет в зависимости от поколения, среднеобразованные – в 21-24 года, низкообразованные – в 20-24 года. Высокообразованные женщины – в 20-23 года, среднеобразованные – в 19-22 года, низкообразованные – в 17-21 год. Гендерный разрыв составляет, в среднем, 2-3 года.

Если судить по медианным возрастам, у среднеобразованных мужчин и низкообразованных женщин социоэкономические и демографические события идут практически не пересекающимися блоками: эти респонденты сначала совершают социоэкономические события и лишь после этого начинают обретать демографические. У высокообразованных респондентов «перехлест» событий из разных блоков составляет от 2 до 5 лет для мужчин и от 3 до 6 лет у женщин, то есть ряд социоэкономических событий они совершают уже после того, как обрели какие-то демографические.

Безусловно, мы судим лишь по медианным возрастам, которые дают очень приблизительное представление о порядке наступления событий разного типа, но замеченный нами артефакт расходится с тем, что мы ожидали увидеть. Мы ожидали, что

высокообразованные респонденты будут очень карьерноориентированы и будут стремиться сначала обрести полную финансовую и физическую независимость, а уже потом создавать семью. А оказывается, что такой подход чаще встречается у менее образованных респондентов. Вполне возможно, что это не результат осознанного разграничения периодов профессиональной подготовки и создания семьи, а результат того, что средне- и низкообразованные респонденты, которые создают семьи, становятся более ограниченными в профессиональном развитии. Если такой респондент не успел получить профессиональное образование до вступления в брак и рождения ребенка, то у него на это может не быть возможности в дальнейшем, т.к. нужно обеспечивать семью или, в случае женщин, воспитывать с детьми и заниматься работой по дому.

Медианные возрасты завершения взросления в демографической сфере также сдвигаются в сторону омоложения при движении к более молодым поколениям. Высокообразованные мужчины совершают последнее событие демографического блока в диапазоне возрастов от 25 до 29 лет, среднеобразованные – в 24-26 лет, низкообразованные – в 25-26 лет. Высокообразованные женщины – в 23-25 лет, среднеобразованные – в 21-24 года, низкообразованные – в 19-24 года. То есть, в целом, чем более образован респондент, тем позже он завершает обретение демографических событий.

Гендерный разрыв присутствует, но сильно флуктуирует. Выше всего он у молодых поколений. Мы связываем это с эффектом возраста, т.к. женщины (как мы видели в разделе «4.1.2. Тайминг: возрасты наступления стартовых событий») активнее накапливают демографические события в молодых возрастах, а мужчины чаще откладывают. Поэтому среди самых молодых респондентов еще мало тех, кто имеет больше одного-двух демографических событий, т.к. они еще не дожили до возраста, в котором у мужчин риск создания семьи достигает пика (раздел «4.1.3.2. Анализ наступления событий (регрессии Кокса)»).

Наибольшая *длительность демографического взросления* во всех разрезах наблюдается у самых молодых респондентов. Если у советских поколений демографические события наступали в течение полутора лет, то у самого молодого поколения они наступают в течение 2-3 лет. Сильнее всего длительность демографического взросления растет у высокообразованной молодежи – до 3,5 лет у мужчин и 3,1 года у женщин. Меньше всего – у средне- и низкообразованных женщин – до 1,7-1,8 года.

Рост интервала между первым и последним демографическим событием – это предвестник откладывания демографических событий и отказа от советской модели создания семьи, когда деторождение должно было следовать сразу после заключения брака, а беременность должна была прикрываться браком «вдогонку» [Митрофанова, 2011].

На рисунке ниже (Рисунок 34) представлена обобщенная информация для совокупности *демографических* событий в разрезе *пола, поколений и типов населенных пунктов*.

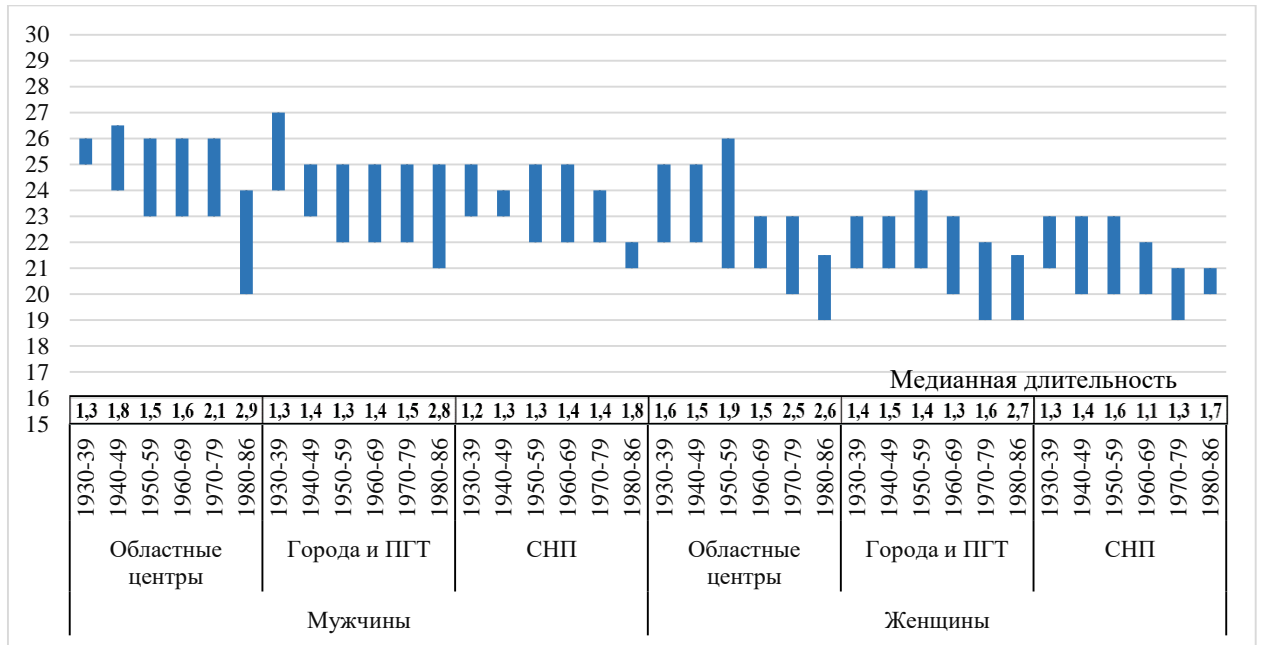

Рисунок 34. Медианные возрасты начала и окончания перехода во взрослую жизнь в демографической сфере и медианные длительности перехода (в разрезе пола, поколений и типов населенных пунктов)

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Медианные возрасты наступления первых демографических событий в разрезе типов населенных пунктов у советских поколений внутри выделенных групп различаются всего на год-два, а современные поколения ведут себя по-разному. Мужчины-жители областных центров из самого старшего поколения обретали первое демографическое событие в возрасте 25 лет, поколение 1940-49 г.р. – в 24 года, три следующих поколения – в 23, а самые молодые поколения – в 20 лет. То есть межпоколенный разрыв составляет 5 лет. Мужчины, живущие в городах и ПГТ, совершали первое демографическое событие в диапазоне возрастов 21-24 года. Мужчины, живущие в сельской местности, – в 21-23 года, то есть межпоколенный разрыв тем меньше, чем менее урбанизирован тип населенного пункта.

Жительницы областных центров обретают события в 19-22 года, жительницы городов и ПГТ – в 19-21 год, селянки – в 19-21 год (при том, что самые молодые – в 20 лет). То есть для женщин тоже характерен большой межпоколенный разрыв для жителей

областных центров и меньший – для селян. Если сопоставить этот факт с тем, что у молодых поколений еще не исчерпан потенциал первых демографических событий (раздел «4.1.1. Структура: доли респондентов, имеющих события»), то можно предположить, что, совершая отложенные события, они как минимум компенсируют отставание от предыдущих поколений, а может быть продемонстрируют еще более поздние возрасты.

Медианные возрасты наступления последних демографических событий демонстрируют разную динамику. У мужчин-жителей областных центров они происходят в диапазоне 24-27 лет, у жителей городов и ПГТ – в 25-27 лет (с самыми минимальными флуктуациями), у селян – в 22-25 года. На графике видно, что самая часто встречающаяся медиана у мужчин-жителей городов, ПГТ и села – это возраст 25 лет. Это очень напоминает возрастную аккумуляцию, но так как это расчетный показатель, аккумуляции здесь быть не может, значит, видимо, это реализация некоего существующего (или существовавшего) нормативного представления, что к возрасту 25 лет уже нужно завести семью. У женщин последние демографические события варьируют в следующих диапазонах: у жительниц областных центров – от 22 до 25 лет, у жительниц городов и ПГТ – 22-23 года, 21-23 года. Наиболее популярная медиана – 23 года.

Длительность демографического взросления в разрезе типов населенных пунктов (как и в разрезе уровней образования) достигает максимума у самых молодых респондентов. Больше всего длительность выросла у молодых жителей областных центров, городов и ПГТ.

Подведем итог по изменениям в *тайминге*.

Судя по возрастам наступления событий, чаще всего взросление у изучаемых нами респондентов начинается с социоэкономических событий, а заканчивается демографическими.

Социоэкономические события молодежь начинает обретать позже, чем предыдущие поколения, но быстрее: интервал между первым и последним событием меньше, чем у респондентов более старшего возраста. Мы связываем это с тем, что молодые респонденты обрели еще не все социоэкономические события (это хорошо видно на графиках из раздела «4.1.1. Структура: доли респондентов, имеющих события»). Когда недостающие события наступят, респондентам будет больше лет, чем на момент опроса (то есть больше 25-31 года), что неизбежно «состарит» возрастной профиль наступления последнего социоэкономического события и удлинит длительность социоэкономического взросления.

Первые демографические события у молодых респондентов наступают в более ранних возрастах, нежели у предыдущих поколений. Те же графики из раздела 4.1.1

показывают, что доля молодежи, имеющей опыт партнерских отношений, превышает число тех, у кого есть брачный или репродуктивный опыт. То есть можно предположить, что возраст старта демографической «карьеры» снижается именно за счет того, что молодежь активно вступает в партнерства и делает это в довольно раннем возрасте (параллельно обретению социоэкономических событий), а браки и деторождения откладываются на более поздние возрасты. За счет этого длительность взросления в демографической сфере растет.

Проанализированные данные показывают, что агентами модернизации паттернов взросления выступают, главным образом, мужчины, молодое поколение, респонденты с высоким уровнем образования и жители областных центров. Именно в этих категориях выбранных нами стратифицирующих переменных раньше всего начинается тенденция к откладыванию событий и удлинению периода взросления.

4.2.3. Интенсивность: повозрастная динамика накопления первых и последних событий перехода во взрослую жизнь

В данном разделе мы анализируем характеристики интенсивности таким же методом, который использовали при анализе отдельных событий. Мы рассчитали доли респондентов, имеющих первое и последнее событие перехода во взрослую жизнь (в целом, в социоэкономической и демографической сфере) в каждом возрасте, начиная с 15-летия и заканчивая 35-летием. Более того, мы сохранили информацию о доле респондентов, уже имеющих события к возрасту 15-ти лет. Затем все эти данные мы представили в графическом виде в разбивке по полу и поколениям.

Мы не стали добавлять к перечисленным разрезам уровни образования и типы населенных пунктов, т.к. это бы привело к появлению очень мало наполненных категорий и не позволило бы сделать содержательных выводов. Когда мы изучали структуру, квантум и тайминг взросления, то пользовались такими средствами анализа, которые хорошо работают даже с мало наполненными выборками. Используемый здесь метод анализа чувствителен к небольшому числу респондентов, которое получается при применении трех разрезов анализа.

Более того, показатели интенсивности являются производной характеристикой от тайминга и структуры, т.к. представляет собой доли респондентов (структура) в разрезе возрастов наступления событий (тайминг). То есть основные тенденции изменений мы уже изучили, а в данном разделе уточним детали всего в двух разрезах – пола и поколений.

Представленные графики (Рисунок 35) дают представление о динамике накопления первого и последнего событий из набора событий, маркирующих взросление. Напомним, что в качестве первого события выступает то событие, которое наступило раньше других, а в качестве последнего – то, которое не совпадает с первым и которое из всех имеющихся у респондента на момент опроса событий наступило последним.

Как мы видим из представленных графиков, повозрастная динамика накопления событий, с которых начинается переход во взрослую жизнь, без разбивки на социоэкономические и демографические события, практически не имеет межпоколенных различий ни у мужчин, ни у женщин, поэтому мы сразу проанализируем наступление событий в каждой из сфер по отдельности.

Первое социоэкономическое событие более чем у 20% респондентов самого старшего поколения уже произошло к возрасту 15 лет, тогда как у двух самых молодых поколений эта доля не превышает 10%. В каждом из следующих возрастов доля молодых респондентов, имеющих первое социоэкономическое событие, меньше, чем у всех других поколений. Самые молодые мужчины равняются с остальными поколениями только к 25 годам, а женщины – к 23 годам.

Интенсивность накопления событий высока и у мужчин, и у женщин. У всех поколений, за исключением самых старших, основной прирост событий начинается с возраста примерно 16 лет и затем непрерывно накапливается, достигая максимума к 23-25 годам.

Первые демографические события гораздо больше дифференцированы по поколениям, их накопление происходит значительно медленнее и в более поздних возрастах. В отличие от социоэкономических событий, где молодые поколения демонстрировали затяжное отставание, здесь молодежь – лидеры в обретении демографических событий. Мы уже писали раньше, что это лидерство обусловлено распространенностью и легитимностью партнерств, в которые вступают рано и которые, будучи именно первым matrimониальным событием, как показывают наши исследования [Mitrofanova, Artamonova, 2016b], редко ассоциированы с деторождением.

Позднее всего демографические события обретают респонденты самого старшего поколения. Мы полагаем, что в этом свою роль сыграл послевоенный дисбаланс полов и общие разрушительные последствия войны, дезориентировавшие это поколение, которое социализировалось в самый разгар войны и послевоенной разрухи.

Мужчины, в среднем, совершают первые демографические события позднее, чем женщины: их накопленные графики более пологие. У некоторых поколений можно заметить точки перелома, когда горизонтальный тренд сменяется вертикальным. Например,

у самых пожилых респондентов это возраст 22 года, у поколения 1940-49 г.р. это 21 год, у поколений 1950-69 г.р. это 19 лет. У двух самых молодых поколений с 19 лет интенсивность также нарастает, но это скорее усиление и так высокой интенсивности.

У советских женщин с возраста 17 лет наблюдается линейный тренд роста интенсивности накопления событий, который несколько замедляется только после 20 лет. У современных поколений интенсивность непрерывно растет с 15-16 лет, также несколько замедляясь после 20 лет, но без ярко выраженных переломов.

Последние события перехода во взрослую жизнь различаются очень сильно во всех рассматриваемых нами разрезах¹.

У мужчин больше межпоколенных различий в обретении **последнего социоэкономического события**, нежели у женщин. Основной рост интенсивности накопления последних событий у мужчин приходится на возрасты 21-24 года, после чего прирост замедляется, но все еще остается на высоком уровне, явно продолжаясь за границами 35 лет. У женщин наиболее вертикальный отрезок кривых лежит в промежутке 18-22 лет, но серьезного замедления после 22 лет также не происходит. То есть к возрасту 24 лет от 40% до 70% мужчин уже имеют два, а чаще – все три социоэкономических события. А женщины свои два или три события накапливают к 22 годам в количестве 40-60% от общего числа женщин.

Последнее демографическое событие мужчинами откладывается довольно сильно. У них кривые имеют явный вертикальный тренд в интервале 21-27 лет, после чего прирост интенсивности становится меньше. У женщин наиболее вертикальный отрезок кривых приходится на интервал 19-25 лет. То есть к возрасту 27 лет для мужчин и 25 лет для женщин примерно 50-70% респондентов уже имеют два или три демографических события.

---

¹ Здесь очень важно понимать специфику последнего события. Объясним ее на примере самых пожилых респондентов. На момент наблюдения у большинства из них уже есть пять из шести стартовых событий. Так как из них мало кто вступал в партнерства, то это событие в их биографиях осталось пропущенным. Если пожилые респонденты вдруг начнут массово вступать в партнерства, то они добавят к своим биографиям новое стартовое событие, и оно станет последним. В результате те последние события, на основе которых рассчитаны текущие графики, заменятся партнерствами, а значит, имеющиеся сейчас возрасты – новыми. Если имеющиеся сейчас возрасты представляют распределение, где есть и очень молодые, и более поздние возрасты, то новые будут соответствовать текущим возрастам респондентов (они ведь только-только вступили в партнерства). Получается, что на всем том интервале возрастов, которые мы рассматриваем, доли накопленных возрастов резко снизятся или даже упадут до нуля и начнут резко возрастать уже за пределами графика – в возрастах около 80-ти лет. В результате у нас создается впечатление, что у пожилых респондентов вообще нет последнего события, а по факту они все просто оказываются за пределами нашей видимости и уже мало относятся к взрослению.

В этой связи прямое сравнение графиков наступления последних событий нельзя считать корректным, но и какая-либо нормировка не представляется возможной, по крайней мере, пока либо все респонденты не обрели опыта всех возможных событий, либо пока все из них не прекратили накопление событий (что возможно только при полном вымирании всех представителей когорт). Поэтому сравнение взросления не в целом, а по отдельным блокам событий выглядит более надежным, т.к. накопленные доли респондентов достаточно близки друг к другу.

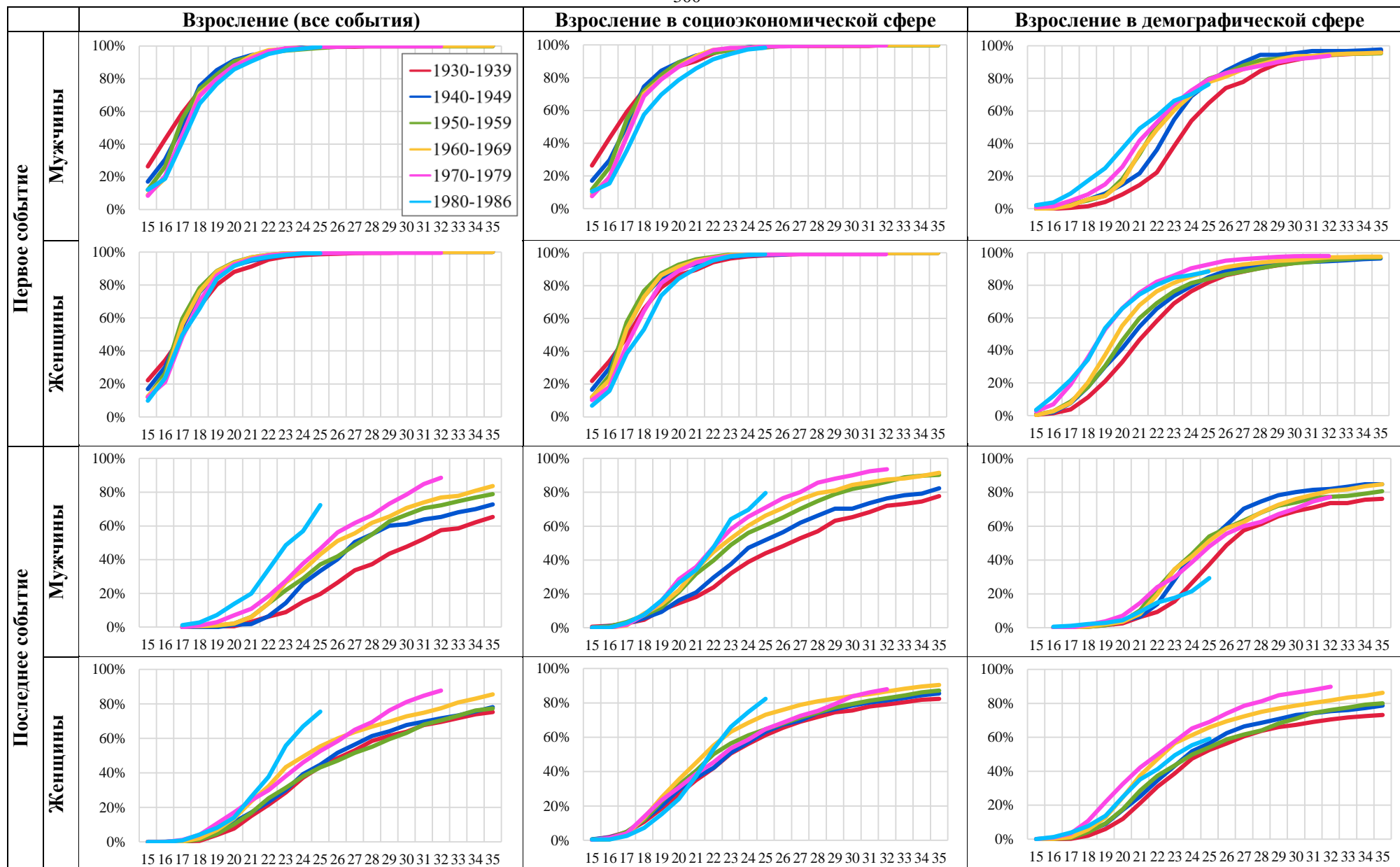

Рисунок 35. Накопленные доли респондентов, имеющих в сопоставимых возрастах первое и последнее событие перехода во взрослую жизнь
 Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

4.2.4. Последовательность наступления событий: события, с которых начинается и которыми завершается переход во взрослую жизнь

В разделе «3.1.2.2. Основные методы анализа переменных, содержащих информацию о наступлении событий» мы уже говорили, что для анализа последовательностей существует одноименный статистико-математический метод (sequence analysis), возможности которого мы не демонстрируем в данной работе ввиду недостаточной эвристичности метода по сравнению с другими используемыми в работе методами. Заинтересованный читатель может самостоятельно ознакомиться с результатами сделанного нами ранее анализа последовательностей наступления событий [Гиздатуллин и др., 2016; Митрофанова, 2016; Митрофанова, Артамонова, 2015с; Митрофанова, Артамонова, 2016b; Муратова и др., 2016; Espy IV, Mitrofanova, 2017; Gizdatullin и др., 2017; Ignatov и др., 2015; Mitrofanova, Artamonova, 2015; Mitrofanova, Artamonova, 2016b].

На рисунках ниже приведены стартовые события, с которых чаще всего начинается переход во взрослую жизнь у изучаемых респондентов (Рисунок 36 – Рисунок 38) и события, которыми переход во взрослую жизнь чаще всего завершается (Рисунок 39–Рисунок 41). Анализируя последние события, необходимо помнить про все оговорки, сделанные ранее: не у всех респондентов последнее имеющееся на момент опроса событие является последним оставшимся. Некоторые респонденты имеют всего два или три из шести возможных стартовых событий, поэтому данные о последних событиях для многих поколений являются предварительными.

В список основных событий вошли те, которые встречаются чаще всего. Те, которые встречаются редко, объединены в категорию «другое».

Для простоты обозначения на графиках даны не полные названия событий, а их буквенные обозначения, как это часто делается в классическом анализе последовательностей. Расшифруем эти обозначения:

1. Социальноэкономические события:
  - e – завершение профессионального образования;
  - j – первое трудоустройство;
  - l – первое отделение от родителей;
  - (ej) – одновременное завершение профессионального образования и первое трудоустройство;
  - (el) – одновременное завершение профессионального образования и первое отделение от родителей;

- (jl) – одновременное наступление первого трудоустройства и отделения от родителей.
2. Демографические события:
    - p – первое партнерство;
    - m – первый брак;
    - c – первое деторождение.
  3. Комбинации социоэкономических и демографических событий:
    - (lp) – одновременное наступление первого трудоустройства и первого партнерства;
    - (lm) – одновременное наступление первого трудоустройства и первого брака;
  4. Остальные категории:
    - ценз – цензурированные события (нет ни одного события);
    - другое – другие комбинации стартовых событий.

Рисунок 36 в разрезе *пола и поколений* показывает, какие события чаще всего наступают у респондентов *первыми*.

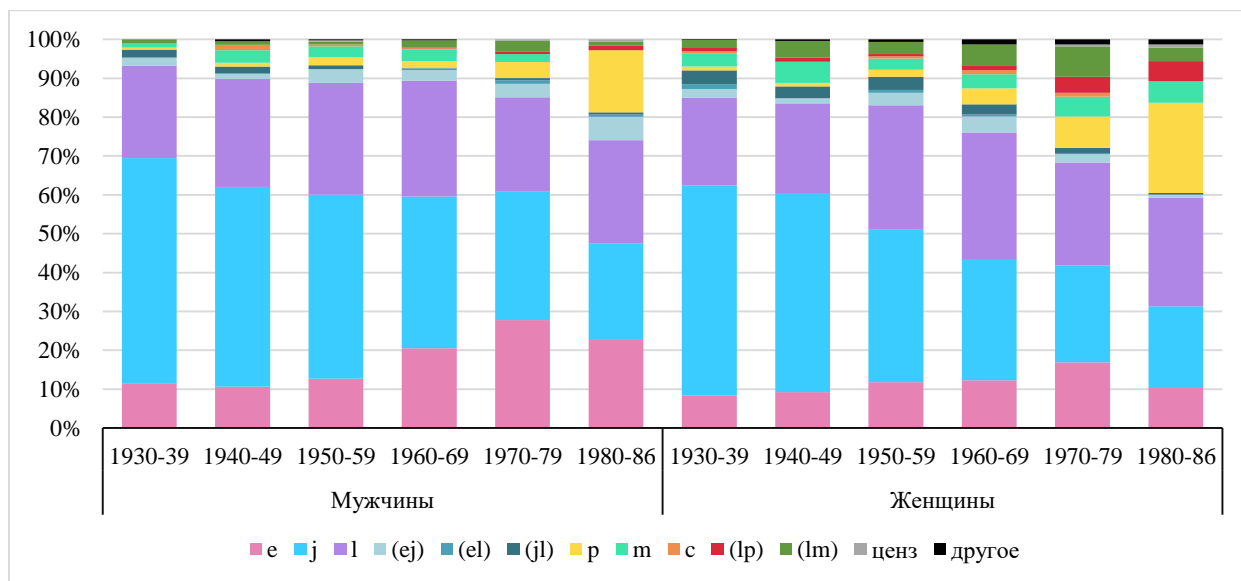

Рисунок 36. Частотный анализ событий, с которых начинается переход во взрослую жизнь (в разрезе пола и поколений)

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Мы видим, что мужчины чаще всего начинают переход во взрослую жизнь с трудоустройства. Вторым по популярности идет отделение от родителей. В двух самых молодых поколениях все три социоэкономических события стали примерно

равновероятными, а у самых молодых респондентов первое партнерство становится почти столь же популярным в качестве первого события, как и трудоустройство.

У большинства женщин из двух самых старших поколений переход во взрослую жизнь начинался с первого трудоустройства. В следующих поколениях отделение от родителей стало конкурировать с трудоустройством. В самом молодом поколении первое партнерство и отделение от родителей стали самыми популярными событиями, с которых начинается взросление.

Структура первых событий у мужчин и женщин различается, особенно в отношении демографического блока событий.

В первой главе мы говорили, что в традиционном обществе взросление у мужчин было взаимосвязано с социоэкономическими событиями: мужчине нужно было пройти испытание, часто требовавшее владения каким-то профессиональным навыком (например, охота, ремесло, воинское мастерство) или нужно было накопить выкуп за невесту, который являлся демонстрацией социоэкономической состоятельности жениха. Взросление женщины прежде было теснее взаимосвязано с демографическими событиями – браком и деторождением, поэтому и переходные ритуалы, в основном, были выстроены вокруг репродуктивной способности женщины (ритуалы, связанные с началом менструаций, проверкой девственности, свадебный обряд).

Мы предполагали, что обнаружим у советских женщин признаки традиционного поведения из-за господства в СССР сильной пронаталистской идеологии. То есть мы ожидали увидеть преобладание браков и деторождений в качестве первых событий, маркирующих взросление. Частотный анализ первых событий показал, что это совсем не так: у советских женщин взросление чаще всего (в 90% случаев) начиналось с обретения именно социоэкономических событий. В сравнении с мужчинами, советские женщины чаще начинали взросление со вступления в брак, но доля таких случаев едва превышает 5%.

Начиная с поколения 1960-69 г.р., доля женщин, открывающих взросление демографическим событием, увеличивается. Чаще всего таким событием становится партнерство или брак, наступающие независимо или одновременно с отделением от родителей. Деторождений в качестве первого события не встречается практически ни у кого. У самых молодых женщин доля имеющих демографическое событие в качестве первого маркера взрослости, возрастает почти до 40%. Перед нами встает вопрос – что за феномен мы наблюдаем: молодые женщины демонстрируют более традиционное поведение, нежели советские? Или те маркеры, которые мы считаем демографическими и связанными с более консервативным поведением, уже изменили свое значение?

Для того, чтобы дать исчерпывающий ответ на этот вопрос, необходимо детально исследовать природу матримониальных событий, совершающихся современными женщинами. Если эти события идут в тесной связи с репродуктивными исходами, то тогда их можно назвать маркерами традиционной модели взросления. Если же протогенетический интервал (интервал между образованием союза и деторождением) составляет несколько лет, то можно сказать об изменении природы матримониальных событий: из классически демографических (то есть неизбежно ведущих к репродуктивным исходам) они становятся скорее социальными (то есть влияющими только на социальный статус индивида) или, вернее, социально-психологическим, не предполагающим в обязательном порядке родительство в качестве индикатора статуса.

Обратимся к проведенному нами ранее анализу, выполненному на панели двух первых волн РИДМИЖ [Митрофанова, 2011]. Это исследование показало, что матримониальное и репродуктивное поведение россиян разделяются: протогенетические интервалы (особенно у мужчин) растут беспрецедентными темпами. Более того, если мы еще раз обратимся к таймингу наступления событий (раздел «4.1.2. Тайминг: возрасты наступления стартовых событий»), то увидим, что интервал между медианными возрастами первых союзов и деторождений, действительно, растет.

Учитывая выше сказанное, можно предположить, что популярность демографических событий в качестве открывающих переход во взрослую жизнь, наблюдаемая у молодежи, связана с тем, что те события, которые они обретают, утратили строго демографический смысл и стали служить скорее демонстрацией социального статуса. То есть тот тренд, который мы наблюдаем, на самом деле говорит об эмансипации молодежи и расширяющейся вариативности паттернов, и об отказе следовать каким-то единым (в том числе, традиционным) нормам поведения. Вступая в партнерства и браки, отделяясь от родителей, индивиды обретают физическую и, возможно, в последствии психологическую и материально-финансовую независимость от родителей, что, по мнению психологов (раздел «1.2.2. Психология: теории взросления и молодежи») является неотъемлемым условием взросления.

Пример женщин на представленном графике особенно отчетливо показывает, что даже для молодых женщин статус замужней женщины остается важной частью идентичности или же того фасада статусов, который ее окружение от нее требует и ожидает. Также мы видим, что для женщины матримониальный союз является способом выхода из-под опеки родителей, т.к. часто брак или партнерство происходят одновременно с покиданием родительского дома. То есть, основываясь только на анализе наступления событий можно предположить, что на россиянку все еще оказывается достаточно сильное

социальное давление, что ее успешность и состоятельность в жизни зачастую связывается с наличием демографических событий.

Анализ двух следующих графиков должен помочь нам лучше разобраться в том, верны ли наши предположения. На рисунке ниже (Рисунок 37) приведен частотный анализ событий, с которых *начинается переход во взрослую жизнь*, в разрезе *пола, поколений и уровней образования*.

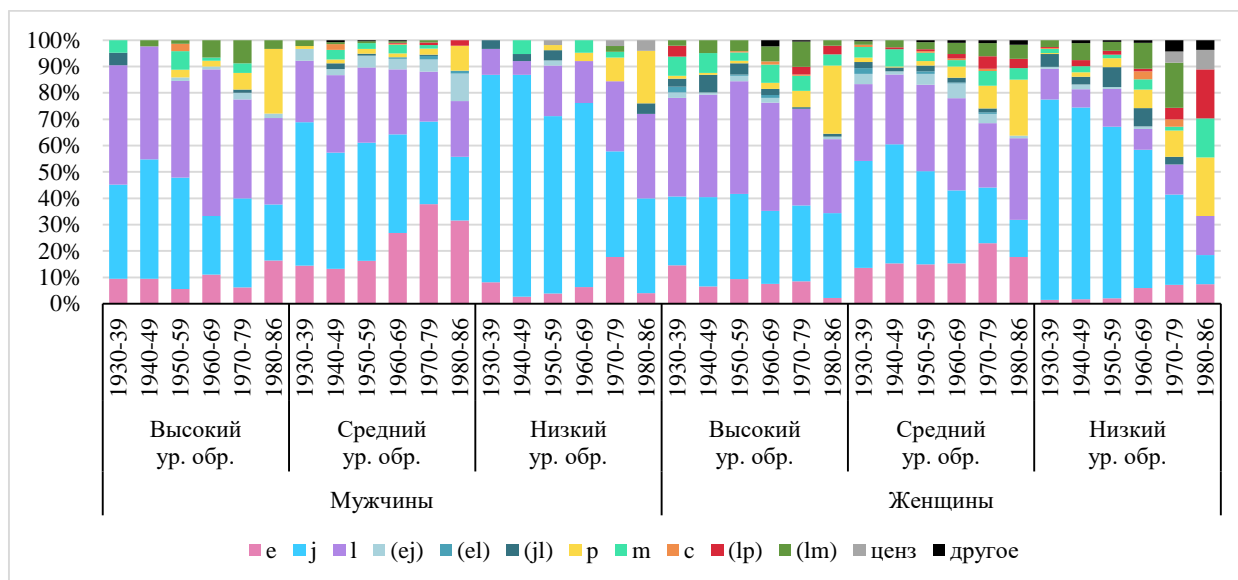

Рисунок 37. Частотный анализ событий, с которых начинается переход во взрослую жизнь (в разрезе пола, поколений и уровней образования)

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Разбиение частот по уровням образования респондентов показывает, что у *высокообразованных* респондентов первым событием чаще всего является отделение от родителей или трудоустройство. Мы можем предположить, что отделение от родителей у них связано с трудовой или образовательной миграцией, т.к. знаем из параграфа «4.1.1. Структура: доли респондентов, имеющих события», что на момент прохождения опроса почти у всех высокообразованных респондентов есть все три социодемографические события. В молодом поколении в качестве первого события также часто встречается первое партнерство, но другие демографические события почти не присутствуют. Гендерные различия между высокообразованными респондентами минимальны.

Среди *среднеобразованных* респондентов выше, чем среди других групп, доля тех, кто в качестве первого события получает профессиональное образование. Эта доля особенно заметно растет в молодых поколениях и среди мужчин. Также специфическим паттерном биографий среднеобразованных респондентов является начало перехода во

взрослую жизнь с одновременного завершения профессионального образования и трудоустройства. Скорее всего, эта специфика объясняется институциональными особенностями профессионального образования в России: для трудоустройства на определенные должности (например, машинистом электропоезда, рабочим, ремонтником) часто необходимо пройти профессиональное обучение, которое может длиться как несколько месяцев, так и несколько лет. Контракт устроен таким образом, что после прохождения обучения подготовленного специалиста сразу берут в штат. Мы видим, что у молодых мужчин доля тех, у кого взросление начинается с перехода из учебного заведения сразу на рабочее место, растет. Молодые женщины – это первое поколение, у которого мы не наблюдаем присутствия описанного специфического события. Зато мы наблюдаем у них рост доли матримониальных союзов, особенно, партнерств.

Среди низкообразованных респондентов самая высокая по всей выборке доля тех, кто начинает взросление с трудоустройства. Все остальные события у них занимают значительно меньшие доли. В молодых поколениях, и особенно у женщин, баланс меняется в сторону демографических событий. У молодых мужчин наблюдается только рост партнерств, а у женщин – небывалое разнообразие комбинаций разных событий. Доля демографических событий в чистом виде и в комбинации с социальноэкономическими событиями у низкообразованных женщин выросла с 10% в поколении 1950-59 г.р. до 25% в поколении 1960-69 г.р. В следующем поколении – более чем до 30%, а в поколении самых молодых – почти до 60%. Причем если во всех остальных категориях респондентов рост демографических событий обычно обусловлен увеличением доли партнерств, то у низкообразованных молодых женщин появляется специфический паттерн – одновременное вступление в партнерство и отделение от родителей. Также у этих респондентов больше всего первых браков.

На рисунке ниже (Рисунок 38) представлена структура событий, с которых *начинается взросление*, в разрезе *пола, поколений и типов населенных пунктов*.

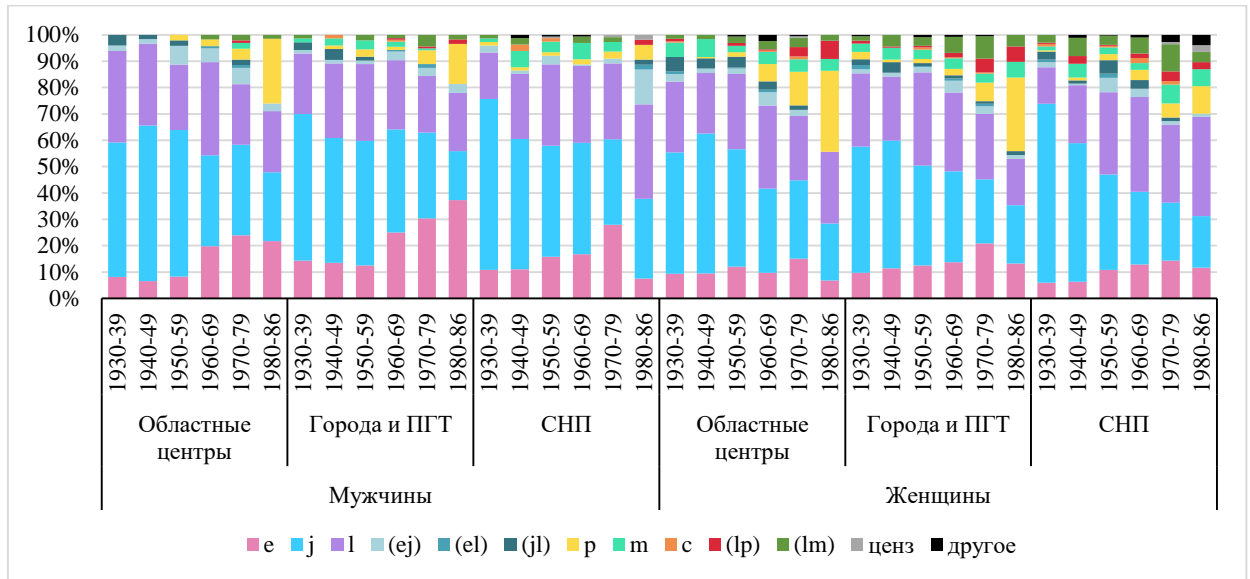

Рисунок 38. Частотный анализ событий, с которых начинается переход во взрослую жизнь (в разрезе пола, поколений и типов населенных пунктов)

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

У советских *мужчин* вне зависимости от места проживания трудоустройство является самым популярным первым событием, а отделение от родителей - вторым по популярности. У молодых поколений доля профессионального образования увеличивается примерно в два раза по сравнению с советскими. У жителей городов и ПГТ эта доля максимальна, и составляет 40%.

У самых молодых жителей села и у позднесоветских поколений, живущих в областных центрах (и в меньшей степени у жителей городов и ПГТ), небольшую, но заметную долю занимает завершение образования, сцепленное с трудоустройством. Сопоставляя два последних графика, мы получаем представление об особенностях расселения респондентов с разными уровнями образования.

Респонденты с профессиональным образованием и сцепленными событиями (образование и трудоустройство) чаще всего являются жителями областных центров, если они из советских поколений или селянами - если из самого молодого. Партнерства в качестве первого события, в основном, выбирают молодые жители областных центров и реже – жители городов и ПГТ.

Брак является редким первым событием у мужчин. В качестве первого события он встречается только у советских поколений, живущих в сельской местности.

У женщин структура событий, в целом, схожа со структурой у мужчин: в советских поколениях также преобладают трудоустройства и отделения от родителей, а в современных набирают популярность партнерства и профессиональное образование.

Основные гендерные различия заключаются в том, что у женщин чаще, чем у мужчин, демографические события открывают переход во взрослую жизнь. У женщин, живущих в сельской местности, как и у аналогичных мужчин, меньше партнерств, чем у жителей областных центров, городов и ПГТ, а также большую долю занимают отделения от родителей.

Межпоколенческая разница между женщинами заключается в том, что первым демографическим событием у женщин чаще был брак (в комбинации с отделением от родителей или самостоятельно), а, начиная с поколения 1960-69 г.р., браку все чаще предпочитается партнерство. На селе брак пока еще остается популярнее партнерства, хотя доля последнего растет из поколения в поколение.

У женщин союзы одновременно с отделениями наступают в областных центрах чаще, чем в менее урбанизированных населенных пунктах. Видимо, там меньше возможностей для обретения жилья.

На рисунке ниже (Рисунок 39) представлена структура событий, которыми завершается взросление, в разрезе пола и поколений.

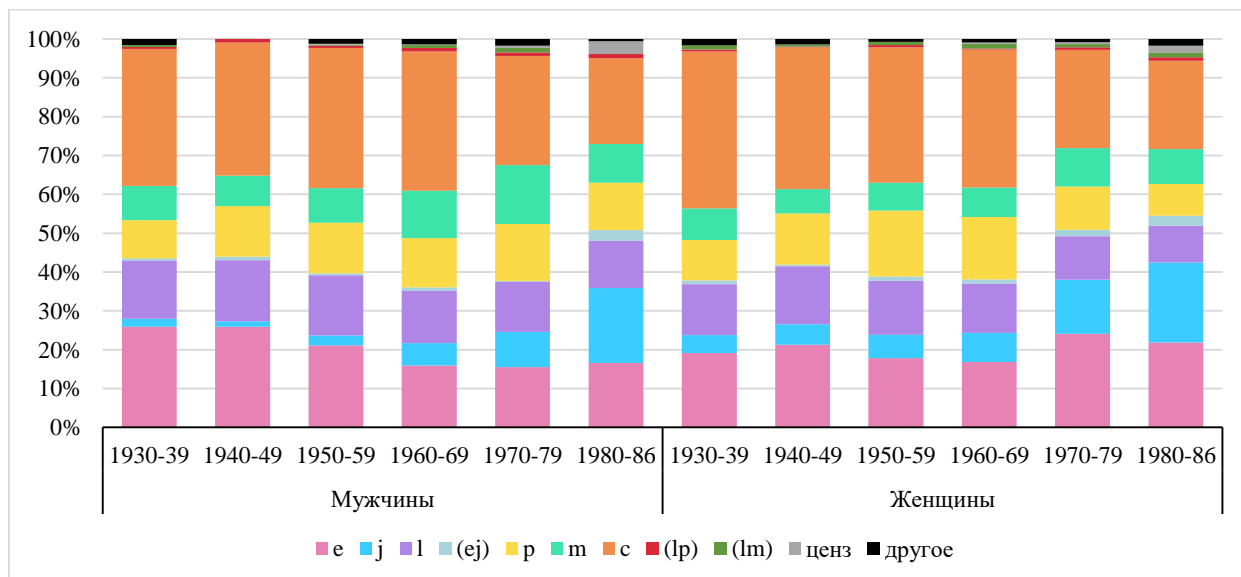

Рисунок 39. Частотный анализ событий, которыми завершается переход во взрослую жизнь (в разрезе пола и поколений)

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Учитывая то, что переход во взрослую жизнь у респондентов чаще всего начинается с социоэкономических событий, можно предположить, что завершать взросление будут демографические события. Однако из графика видно, что ни у одного поколения демографические события не занимают больше 60%. У советских поколений демографических событий в качестве последних больше, чем у молодых, что согласуется с профилями их первых событий.

Вне зависимости от пола, среди социоэкономических событий у советских поколений чаще всего встречается профессиональное образование; на втором месте идет отделение от родителей. У самых молодых поколений среди последних социоэкономических событий преобладает трудоустройство; на втором месте – профессиональное образование. Но, как мы помним, в случае с молодыми респондентами, мы располагаем очень предварительными результатами, т.к. они еще обрели не все из возможных событий, а значит, по мере их накопления, структура последнего события будет меняться.

Из демографических событий у всех респондентов чаще всего последним появляется деторождение. Межпоколенная разница заключается только в доле деторождений в сравнении с союзами: в советских поколениях доля деторождений достигает 40%, а в молодых поколениях – в полтора-два раза меньше.

Гендерная разница между респондентами одинаковых поколений практически отсутствует.

Интересен тот факт, что среди последних событий почти нет сцепленных событий (когда два события наступают одновременно), то есть их функция, видимо, заключается именно в ускоренном получении формальных социальных статусов, которые так нужны молодым людям, когда они только начинают переход во взрослую жизнь, и которые становятся менее необходимы ближе к концу перехода: чем старше респондент, тем меньше у него необходимость получить все и сразу.

Другой примечательный факт, что во всех поколениях хотя бы у 10% респондентов последним событием является партнерство. То есть партнерства в советское время имели распространение, но вступали в них чаще уже после опыта пребывания в официальном браке (повторные бракоподобные союзы часто не регистрировались), а также и после всех других событий.

На рисунке ниже (Рисунок 40) представлена структура событий, которыми *завершается взросление*, в разрезе *пола, поколений и уровней образования*.

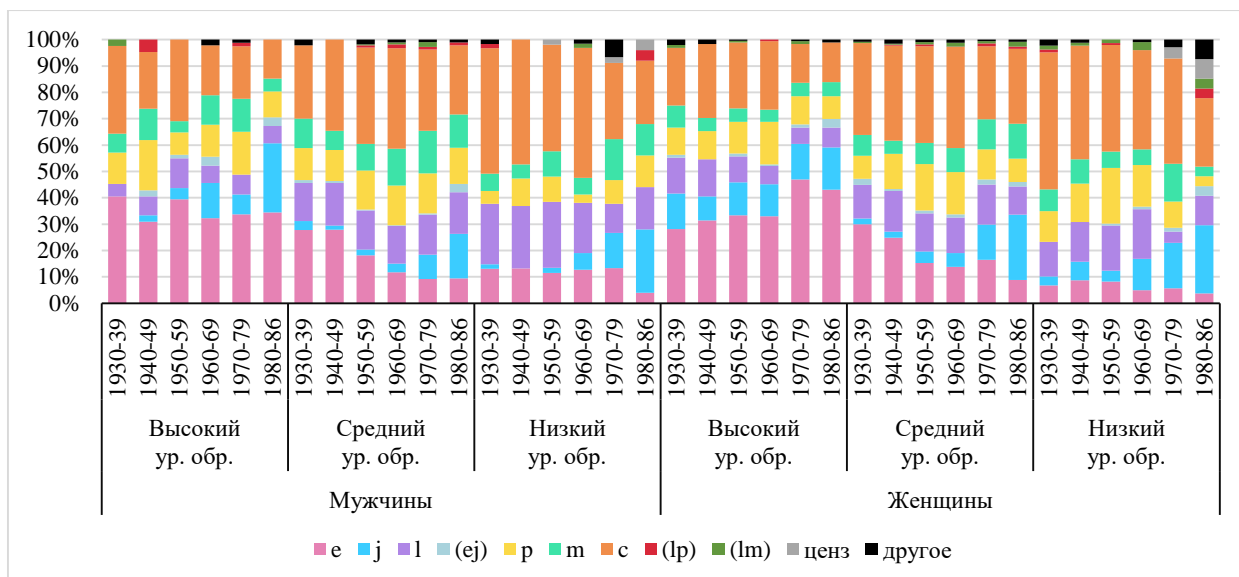

Рисунок 40. Частотный анализ событий, которыми завершается переход во взрослую жизнь (в разрезе пола, поколений и уровней образования)

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

У респондентов с высоким уровнем образования последнее событие чаще всего носит социоэкономический характер, а у низкообразованных респондентов – демографический.

У высокообразованных респондентов старшего возраста последним событием чаще всего является профессиональное образование; на втором месте - деторождение. У современных поколений – профессиональное образование и трудоустройство.

У средне- и низкообразованных респондентов во всех поколениях самым популярным событием является деторождение. Самые молодые респонденты с низким уровнем образования в качестве последнего события чаще, чем все остальные имеют цензурирования и комбинации из союзов и отделения от родителей.

На рисунке ниже (Рисунок 41) представлена структура событий, которыми **завершается взросление**, в разрезе **пола, поколений и типов населенных пунктов**.

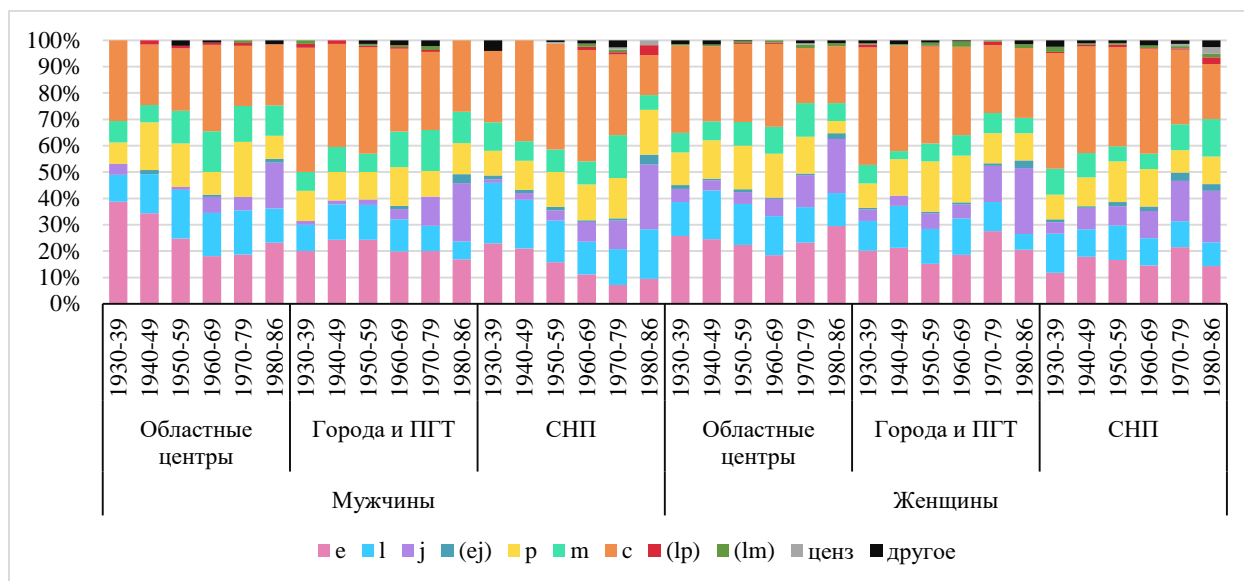

Рисунок 41. Частотный анализ событий, которыми завершается переход во взрослую жизнь (в разрезе пола, поколений и типов населенных пунктов)

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

У жителей областных центров последним событием чаще всего является деторождение или получение профессионального образования. Советские мужчины чаще всего в последнюю очередь завершали образование, а советские женщины – рожали первого ребенка. Самое молодое поколение еще находится в процессе перехода во взрослую жизнь, скорее всего именно поэтому среди них высока доля тех, у кого последнее событие – трудоустройство. Мы ожидаем, что к моменту завершения перехода во взрослую жизнь трудоустройство у молодого поколения снизится до самых минимальных значений, т.к. из того небольшого перечня событий, которые уже есть у молодежи, максимально представлено именно это событие, а остальные респондентам еще предстоит совершить.

У жителей городов, ПГТ и сельской местности последним событием чаще всего является деторождение. Также достаточно высок процент тех, у кого последнее событие – отделение от родителей или партнерство. То, что у сельских мужчин отделение от родителей чаще является последним событием, нежели у других категорий, говорит о том, что для того, чтобы обрести свое жилье, сельским мужчинам необходимо больше времени и, скорее всего, большей финансовой устойчивости.

Резюме параграфа и дискуссия

Переход во взрослую жизнь средний россиянин *начинает* в 17-18 лет с обретения опыта социоэкономических событий. Мужчины начинают переход во взрослую жизнь раньше женщин, но, в основном, фокусируются на социоэкономических событиях. За счет того, что женщины интенсивнее накапливают опыт в демографической сфере и быстро догоняют мужчин по уровню социоэкономических событий, их взросление происходит быстрее. К 25 годам у обоих полов, в среднем, уже имеется опыт двух из трех социоэкономических событий; демографических событий у женщин уже 1,5-2, тогда как у мужчин всего 1,3. К 35 годам социоэкономических событий у обоих полов по 2,5, а демографических – у женщин 2-2,5, у мужчин – около двух.

Обретение компетенций взрослого в социоэкономической и демографической сферах не происходит одновременно, но в какой-то момент начинает идти параллельно. Сначала большинство респондентов начинает обретать социоэкономические события, а затем через несколько лет – демографические. У советских мужчин разрыв между стартами в двух сферах жизни составляет 5-7 лет, у современных мужчин – 3-4 года. У советских женщин – 3-4 года, у современных – 1 год.

Переход во взрослую жизнь у поколений, социализировавшихся в *советское время* (1930-69 г.р.), чаще всего начинался с обретения опыта социоэкономических событий. Тип события достаточно сильно различался в зависимости от того, образование какого уровня респондент получит впоследствии и в населенном пункте какого типа он будет проживать на момент проведения обследования. Те, кто был ориентирован на получение высшего образования, и кто проживал на момент опроса в областном центре, чаще всего первым делом либо трудоустроивались, либо покидали родительский дом (что, скорее всего, было связано с образовательной или трудовой мобильностью). Респонденты со средним уровнем образования и те, и кто проживал на момент опроса в городе или ПГТ, часто начинали переход во взрослую жизнь с трудоустройства, получения профессионального образования или отделения от родителей. Те, кто ограничивался школьным образованием, в 80% случаев начинали переход во взрослую жизнь с трудоустройства. Также высокая, но меньшая доля трудоустройств в качестве первого события характеризует жителей села.

Взросление поколений, социализировавшихся в *постсоветское время* (1970-86 г.р.), отличается от их предшественников. У поколений 1970-79 г.р. это может быть вызвано социализацией в меняющихся институциональных и политических условиях. У поколений 1980-86 г.р. это, в первую очередь, связано с тем, что большинство этих респондентов только начало переход во взрослую жизнь и не имеют большого числа событий. В структуре первых событий у молодых поколений большую долю занимают партнерства. У

респондентов, имеющих высшее образование, и у жителей областных центров областных центров партнерства входят в тройку самых частотных событий, уступая только трудоустройству и отделению от родителей. Для респондентов со средним уровнем образования и жителей городов и ПГТ характерны гендерные различия, которых не было в предыдущих поколениях: начало перехода во взрослую жизнь у мужчин становится больше связано с получением образования (часто, в комбинации с трудоустройством), а у женщин – со вступлением в партнерство или брак. У низкообразованных и сельских мужчин получение образование в качестве первого события практически не встречается, в остальном они похожи на мужчин из других категорий и начинают взросление с трудоустройства или отделения от родителей. У женщин с низким уровнем образования структура первого события самая мозаичная. Первым событием у них чаще всего является вступление в партнерство или рождение первого ребенка, хотя другие события встречаются немногим реже. То есть если молодые мужчины и высоко- и среднеобразованные женщины начинают взросление с инвестиций в свой социоэкономический капитал, то молодые низкообразованные женщины взрослеют и эмансипируются (прежде всего, от родителей) нередко за счет демографических событий. Сложно сказать, является ли это способом компенсации недостающих социальных статусов или же целенаправленным выбором в пользу «семьи и детей».

У мужчин самого старшего поколения переход во взрослую жизнь *завершился* в 31 год и занял 13,7 лет, но это скорее атипичный случай, т.к. другие советские поколения мужчин завершали взросление в 26-28 лет, а женщины – в 25-27 лет. Самому молодому поколению россиян на момент опроса было от 25 до 31 года, и к этому времени ими накоплено чуть более четырех стартовых событий из шести.

Высокообразованные респонденты завершают взросление в *социоэкономической* сфере позже, чем респонденты других групп, и гендерные различия для них не так сильны. Респонденты с более низким уровнем образования сильно различаются гендерно: мужчины завершают социоэкономическое взросление в более позднем возрасте, нежели женщины, а у женщин такой единый возраст прекращения накопления социоэкономических событий может быть связан с деторождением. Больше всего времени на достижение всех социоэкономических событий ушло у высокообразованных мужчин 1940-49 г.р. (почти 14 лет), а меньше всего – у и низкообразованных женщин 1970-79 г.р. (2 года).

Мужчины, живущие в областных центрах, завершают обретение социоэкономических событий в диапазоне возрастов от 23 до 28 лет, жители городов и ПГТ – в 23-25 лет, жители села – в 22-26 лет. Для женщин характерно более раннее прекращение получения социоэкономических событий, нежели для мужчин. Жительницы областных

центров завершают социоэкономическое взросление в интервале 23-25 лет, жительницы городов и ПГТ – в 22-23 года, а жительницы села – в 21-22 года.

Высокообразованные мужчины совершают последнее событие *демографического* блока в диапазоне возрастов от 25 до 29 лет, среднеобразованные – в 24-26 лет, низкообразованные – в 25-26 лет. Высокообразованные женщины – в 23-25 лет, среднеобразованные – в 21-24 года, низкообразованные – в 19-24 года. То есть, в целом, чем более образован респондент, тем позже он завершает обретение демографических событий.

У мужчин-жителей областных центров демографические события происходят в диапазоне 24-27 лет, у жителей городов и ПГТ – в 25-27 лет (с самыми минимальными флуктуациями), у селян – в 22-25 года. На графике видно, что самая часто встречающаяся медиана у мужчин-жителей городов, ПГТ, СНП – это возраст 25 лет. Скорее всего, это реализация некоего существующего (или существовавшего) нормативного представления, что к возрасту 25 лет уже нужно завести семью. У женщин последние демографические события варьируют в следующих диапазонах: у жительниц областных центров – от 22 до 25 лет, у жительниц городов и ПГТ – 22-23 года, 21-23 года. Наиболее популярная медиана – 23 года.

Переход во взрослую жизнь у мужчин, социализировавшихся в *советское время* (1930-69 г.р.), чаще всего завершался получением профессионального образования, а у женщин – деторождением. У респондентов с высоким уровнем образования последним событием было профессиональное образование; на втором месте - деторождение. У средне- и низкообразованных респондентов самым популярным событием было деторождение: на втором месте у среднеобразованных – получение образования, у низкообразованных – отделение от родителей или партнерство. У мужчин из областных центров последним событием являлось завершение образования, у женщин – деторождение. У жителей городов, ПГТ и сёл последним событием было деторождение. Также достаточно высок процент тех, у кого последнее событие – отделение от родителей или партнерство. То, что у сельских мужчин отделение от родителей чаще является последним событием, нежели у других категорий, говорит о том, что для того, чтобы обрести свое жилье, сельским мужчинам необходимо больше времени и, скорее всего, большей финансовой устойчивости. Так как *молодые поколения* еще находятся в процессе взросления, делать выводы о событии, завершающем этот процесс, пока рано. Можно только предположить, что это будут не те события, которые мы перечислили в качестве первых и не те, которые есть уже у большой доли молодых респондентов. Исходя из того, что на момент проведения опроса у молодежи было меньше всего партнерств и браков, можно ожидать, что эти два события станут завершающими взросление современных поколений.

4.3. Визуализация процесса перехода во взрослую жизнь в России и обобщение результатов анализа

Ключевые результаты проведенного нами анализа обобщены на демографической сетке Лексиса (Рисунок 42). Как упоминалось ранее (параграф «Поколенческая принадлежность»), эта сетка используется для наглядного отображения совокупностей демографических событий, происходящих в жизни поколений. Ее особенность состоит в оперировании сразу тремя временными координатами: календарным годом (ось X), возрастом людей в каждый момент времени (ось Y) и годами их рождения, образующими поколения (диагональ). Пиктограммы, изображенные на сетке Лексиса, обозначают медианные возрасты наступления стартовых событий. Под сеткой мы разместили «линию исторического времени» (timeline) с отметками об основных событиях и мерах политики, которые могли повлиять на обретение стартовых событий каждым поколением.

Для мужчин (синие цвета) и женщин (красные цвета) каждого поколения обозначено по два «коридора», отображающих возрастные границы, в рамках которых происходит взросление. При построении «коридоров» учитывались все стартовые события кроме партнерства, т.к. оно не входило в перечень нормативных событий в советское время.

Границы тех «коридоров», что *заполнены цветом*, были посчитаны как разница между самым ранне наступающим и самым поздне наступающим стартовым событием. Почти для всех поколений первым событием оказалось трудоустройство, а последним – деторождение, но это очень усредненная информация, ведь в индивидуальных биографиях пусть часто, но далеко не всегда взросление начинается именно с трудоустройства и заканчивается именно деторождением. У кого-то этих событий может вообще не быть.

Для того, чтобы получить более объективную картину, мы в рамках каждой индивидуальной биографии сначала выстроили все события по хронологии, а затем зафиксировали, какое именно событие и когда у конкретного респондента произошло первым, а какое событие и в каком возрасте наступило последним. На основе этой информации были посчитаны медианные возрасты самого первого и самого последнего события у каждого поколения и были построены пунктирные «коридоры».

Разница между границами «коридоров» двух типов отражает разницу двух подходов к изучению взросления: анализ стартовых событий по отдельности или как частей единого процесса взросления.

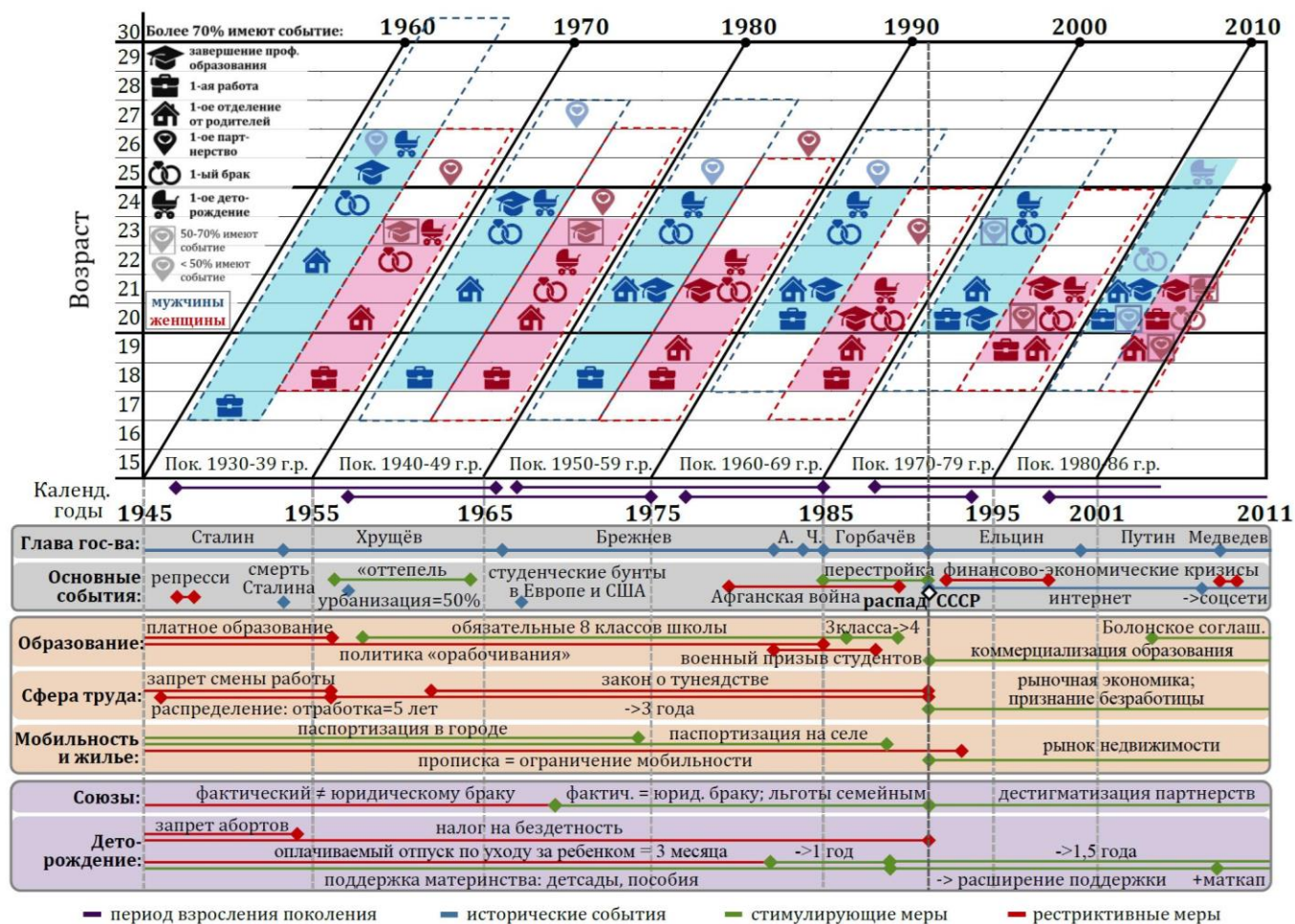

Рисунок 42. Визуализация процесса взросления разными поколениями россиян

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Сокращения:

А. – Андропов;

Ч. – Черненко;

Зкласса->4 – возможность пропустить 4-ый класс школы;

маткап – материнский капитал;

Примечания к сетке Лексиса:

1. Пиктограммы обозначают медианные возрасты наступления событий.
2. Цветовые коридоры обозначают границы наступления событий по отдельности.
3. Пунктирные коридоры – интервал между первым и последним событием перехода во взрослую жизнь как единого процесса.
4. Партнерства не включены в коридоры, т.к. не являлись обязательными для взросления в советское время.

Предлагаемый нами метод позволяет **визуализировать**:

1. Влияние *эффектов периода, возраста и когорты* (поколения) на процесс перехода во взрослую жизнь.
2. *Композицию* взросления (через оттенки пиктограмм¹ и очередность их расположения) и *тайминг* (через расположение пиктограмм²)³.
3. Наступление *отдельных событий* (через расположение пиктограмм и закрашенные цветовые коридоры) и наступление *взросления как единого процесса* (через пунктирные коридоры⁴).
4. *Длительность* периода взросления для каждого поколения (через темно-фиолетовые отрезки под сеткой Лексиса⁵).
5. Взаимосвязь реального поведения людей с *историческим и институциональным контекстом* (через коридор календарного времени⁶).
6. Влияние *индивидуальных характеристик людей*: в данном случае отображено влияние пола через цветовые обозначения (синим цветом обозначены мужчины, красным – женщины).
7. *Взаимовлияние разных стартовых событий* друг на друга (через анализ наиболее типичных комбинаций и «связок» событий).

---

¹ Оттенки пиктограмм соответствуют долям представителей каждого поколения, у которых наступило искомое событие. Насыщенный цвет означает, что событие произошло более чем у 70% поколения; светлый оттенок цвета в рамке – что событие произошло у 50-70% поколения; светлый оттенок цвета без рамки – что событие произошло менее чем у 50% поколения. Доли респондентов, имеющих события, подробно представлены в параграфе «4.1.1. Структура: доли респондентов, имеющих события», а исходные таблицы – в приложении (Приложение 11).

² Расположение пиктограмм наступления событий соответствует медианным возрастам наступления событий в течение всей жизни поколения, без ограничения верхних или нижних границ наступления событий. Подробная информация о медианах для «исходных переменных» представлена в параграфе «4.1.2. Тайминг: возрасты наступления стартовых событий», а таблица с возрастными – в приложении (Приложение 21).

³ Мы уже пользовались аналогичным инструментом для визуализации хронограмм, отражающих последовательности наступления событий [Mitrofanova, 2016b]. Сочетание хронограмм и пиктограмм позволило бы отобразить все параметры взросления (и композицию, и динамику) на одном графическом объекте. Однако визуализация итогового продукта требует апробации с последующим осмыслением, что мы планируем сделать в будущем.

⁴ Для составления пунктирных коридоров были использованы медианные возрасты наступления первого и последнего события процесса перехода во взрослую жизнь без учета партнерства. Подробное описание этих показателей приведено в параграфе «4.2.2. Тайминг: начало, окончание и длительность перехода во взрослую жизнь», а таблица, на основе которой были построены коридоры – в приложении (Приложение 55).

Сравнение этих коридоров показывает, что, если целью является понимание взросления как единого процесса, более корректно для пользоваться именно вторым подходом, т.к. он позволяет учесть взаимодействие событий в рамках индивидуальных биографий.

⁵ В качестве начала и окончания периода взросления каждого поколения взята информация о медианных возрастах первого и последнего события взросления (соответствует пунктирному коридору). Все медианные возрасты были дополнительно посчитаны без разбивки по полу (Приложение 56).

⁶ Описание исторического контекста приведено в параграфе «2.4. Визуализация исторического контекста, сопутствующего переходу во взрослую жизнь разных поколений россиян».

На основе представленной схемы и данных о медианных возрастах без разбивки по полу (Приложение 56) мы составили таблицу (Таблица 11), которая отражает следующие параметры перехода во взрослую жизнь:

- медианные возрасты, в границах которых происходило наступление стартовых событий по отдельности (закрашенные коридоры со схемы), а также календарные годы, соответствующие этим возрастам;
- медианные возрасты наступления первого и последнего события взросления как единого процесса (пунктирные коридоры со схемы), а также календарные годы, соответствующие этим возрастам;
- перечень событий, наступивших у подавляющего большинства представителей поколения (более чем у 70%), у многих (50-70%) и у меньшей части поколения (менее 50%).

Информация в таблице представлена исходя из второго подхода к анализу взросления – когда все события воспринимаются как часть единого процесса и рассматриваются в совокупности. В расчетах были учтены пять стартовых событий. Партнерства не были включены в набор нормативных событий, т.к. стали таковыми только после распада СССР.

Синим и красным цветом мы выделили события, характерные только для мужчин и женщин соответственно.

Таблица 11. Особенности обретения стартовых событий поколениями россиян

Поколения	Коридор взросления*		События				
	Возрасты	Календарные годы	Универсальные (более чем у 70%)	Полууниверсальные (у 50-70%)	Неуниверсальные (менее чем у 50%)		
1930-39	18-24	1948-1963	<ul style="list-style-type: none"> • проф. образование • трудоустройство • отделение от родителей • брак • деторождение 	<ul style="list-style-type: none"> • проф. образование 	<ul style="list-style-type: none"> • партнерство 		
	17-27	1947-1966					
1940-49	18-23	1958-1972					
	17-26	1957-1975					
1950-59	18-23	1968-1982					
	17-26	1967-1985					
1960-69	19-22	1979-1991					
	17-25	1977-1994					
1970-79**	19-22	1989-2001		<ul style="list-style-type: none"> • проф. образование • трудоустройство • отделение от родителей • брак • деторождение 		<ul style="list-style-type: none"> • партнерство 	
	18-25	1988-2004					
1980-86**	19-22	1999-2008	<ul style="list-style-type: none"> • проф. образование • трудоустройство • отделение от родителей 	<ul style="list-style-type: none"> • партнерство • деторождение 	<ul style="list-style-type: none"> • брак • деторождение 		
	18-23	1998-2009					

Источник: составлено автором (панельные данные РиДМиЖ на 2011 г.)

Условные обозначения:

- оба пола
- мужчины
- женщины

Примечания:

* В первой строке для каждого поколения отображены границы наступления событий по отдельности (то, что соответствует закрашенным коридорам рисунка выше); во второй строке – границы, задаваемые первым и последним событием перехода во взрослую жизнь как единого процесса (пунктирные коридоры на рисунке).

** Для поколений, не окончивших переход во взрослую жизнь, представлены предварительные результаты.

Таблица 11 позволяет локализовать исторический период, в рамках которого каждое из поколений проходило процесс взросления, но в зависимости от того, какие медианные возрасты мы используем, границы перехода во взрослую жизнь будут разными. Возрасты, посчитанные на основе наступления отдельных событий, сформировали довольно узкий возрастной коридор длительностью около 5 лет. Тот коридор, который получился путем сопоставления медианных возрастов наступления первого и последнего события взросления как единого процесса, задает более широкие возрастные границы (7-10 лет). Это обусловлено тем, что, когда мы анализируем отдельные события, мы не знаем, какое из них наступило первым в реальной индивидуальной биографии, и ориентируемся на медианные возрасты наступления события в целом. Событие, которое у конкретного поколения имеет наименьший медианный возраст, в индивидуальной биографии у одного респондента может являться первым, у другого – вторым, а у третьего вообще могло отсутствовать.

Если мы анализируем взросление как комплексный процесс и определяем возраст именно того события, которое в индивидуальной биографии наступило первым, то получаем реальный, неискаженный результат. Именно поэтому мы рекомендуем и в дальнейшем мы будем ориентироваться на оценку границ взросления, полученную вторым способом.

В таблице ниже (Таблица 12) приведена обобщенная информация обо всех ключевых параметрах перехода во взрослую жизнь. Рассчитанные в таблице показатели не включают партнерство, т.к. оно не являлось нормативным событием в советское время, поэтому мы посчитали среднее число стартовых событий без учета партнерств (Приложение 57). На основе данных о длительности взросления и количестве обретенных событий мы рассчитали «скорость» взросления: среднее число событий в год¹.

Таблица 12. Классификация моделей взросления россиян

Поколение	Возрастные границы взросления	Длительность взросления, лет	Кол-во событий из 5-ти	Кол-во событий в год	Последовательность наступления событий**	Календарные годы взросления	Модель взросления
1930-39	17-27	10	4,46	0,69	1. Трудоустройство 2. Отделение от родителей 3. Брак и деторождение 4. <u>Профессиональное образование</u> 5. Партнерство	1947-1966	«переходная»
1940-49	17-26	9	4,57	0,80		1957-1975	«советская»
1950-59	17-26	9	4,66	0,81		1967-1985	
1960-69	17-25	8	4,63	0,95		1977-1994	
1970-79*	18-25	7	4,51	1,06	1. Трудоустройство 2. Отделение от родителей 3. Профессиональное образование	1988-2004	«переходная»
1980-86*	18-23	5	3,60	1,23	4. <u>Партнерство</u> 5. <u>Деторождение</u> 6. Брак	1998-2009	«пост-советская»

Источник: составлено автором (панельные данные РИДМИЖ на 2011 г.)

Примечание:

* Для поколений, не окончивших переход во взрослую жизнь, представлены предварительные результаты.

** Обозначения универсальности наступления событий:

- Универсальные события (есть у более чем 70% респондентов)
- Полууниверсальные события (есть у 50-70% респондентов)
- Неуниверсальные события (есть менее чем у 50% респондентов)

¹ Мы вычисляли этот показатель путем деления количества стартовых событий в жизни конкретного индивида на длительность его взросления. Затем на основе индивидуальных «скоростей» взросления была рассчитана средняя «скорость» для каждого поколения. Такой способ расчета дает более точные данные нежели при простом делении колонки «Количество событий из 5-ти» на «Длительность взросления». Таблица с более подробными данными приведена в приложении (Приложение 58).

Перечислим основные выводы по каждому из параметров взросления, представленных на схеме (Рисунок 42) и в таблице (Таблица 12).

Границы взросления меняются очень медленно. В среднем, для россиян характерно обретение стартовых событий в интервале от 17-18 и до 25-27 лет. Мужчины начинают переход во взрослую жизнь раньше женщин, но, в основном, фокусируются на социоэкономических событиях. За счет того, что женщины интенсивнее обретают опыт в демографической сфере и быстро догоняют мужчин по уровню социоэкономических событий, взросление женщин происходит быстрее. К 25 годам у обоих полов, в среднем, уже имеется опыт двух из трех социоэкономических событий; демографических событий у женщин уже полтора-два, тогда как у мужчин всего 1,3. К 35 годам социоэкономических событий у обоих полов по 2,5, а демографических – у женщин больше двух, а у мужчин – меньше двух.

В среднем, завершение взросления у советских мужчин происходило к возрасту 26-28 лет, а у советских женщин – примерно на год раньше. То есть **длительность взросления** составляла примерно 9-10 лет. Самому молодому поколению россиян на момент опроса было от 25 до 31 года, и к этому времени ими накоплено всего 3,6 событий из пяти, поэтому рассчитать средний или медианный возраст завершения взросления для них пока нельзя.

Так как респонденты находились в разных возрастах на момент опроса, то у них были разные шансы на обретение стартовых событий. Чтобы нивелировать этот эффект, мы рассчитали относительный показатель **«скорости» взросления**: для каждого респондента мы разделили длительность взросления на число обретенных им событий, а затем посчитали среднее число событий для каждого поколения.

«Скорость» взросления показывает, что самое старшее поколение взрослело «медленнее» всех, обретая по 0,69 события в год. Самое молодое поколение, которое начало переход во взрослую жизнь всего несколько лет назад, показывает почти в два раза более высокую скорость обретения событий (1,23 в год). «Скорость» – более объективный индикатор, чем просто число событий или длительность взросления, но у нее тоже есть свой недостаток – нечувствительность к разнице интервалов между событиями. Повозрастная динамика наступления стартовых событий (подробнее – в параграфе «4.1.3.1. Повозрастная динамика накопления стартовых событий») показывает, что каждое поколение по-своему комбинирует доступные стартовые события. Например, самое старшее поколение демонстрирует достаточно большой временной разрыв между ранне наступавшим трудоустройством и всеми остальными событиями. Для женщин 1970-79 г.р. характерна беспрецедентная «спрессованность» событий во времени: события наступали практически одновременно. Самые молодые мужчины также обретаю социоэкономические события и

партнерство «оптом» и сразу, но сильно откладывают деторождение и вступление в брак. В результате в процессе взросления образуется «пауза», разбивающая его на стадии.

Выстроив стартовые события в хронологическом порядке внутри каждой биографии, мы определили усредненную последовательность их наступления. Наши расчеты подтверждают уже имеющиеся эмпирические свидетельства того, что *распространенность и последовательность наступления стартовых событий у россиян* меняется [Захаров, 2009; Mills, 2004; Potârca, Mills, Lesnard, 2013].

В *советское время* универсальными событиями являлись трудоустройство, отделение от родителей и создание семьи. Причем наступали они, в основном, именно в этой последовательности. Получение профессионального образования было, в большей степени, прерогативой мужчин. В нормативный сценарий взросления у женщин это событие включается только, начиная с поколения 1950-59 г.р. Вступление в партнерство (незарегистрированный союз) в советском обществе не поощрялось, поэтому оно редко встречается редко. А если это событие и наступало – то, в основном, после первого брака и последовавшего за ним развода. То есть в советское время партнерство не выполняло роль маркера взрослости, а скорее являлось допустимым событием этапа зрелости.

Наступление стартовых событий в разрезе других индивидуальных характеристик различалось не сильно. У подавляющего большинства респондентов первым событием являлось трудоустройство, а последним – деторождение. У высокообразованных респондентов и жителей областных центров первым событием часто являлось отделение от родителей, связанное, скорее всего, с образовательной или трудовой мобильностью. А последним событием (наряду с деторождением) являлось получение профессионального образования. У женщин появление ребенка снижало шансы трудоустройства и получения профессионального образования.

В *постсоветское время* партнерство и получение профессионального образования стали частью нормативного сценария взросления. Добавление этих двух событий в перечень обязательных и/или желательных увеличило разнообразие комбинаций стартовых событий. Нынешняя молодежь, имеющая высокий уровень образования и живущая в областных центрах, начинает взросление с обретения социоэкономических событий, то есть с инвестиций в свой человеческий капитал и обретения финансовой независимости. Только после этого молодые поколения заводят семью. Причем семейная жизнь у них чаще всего начинается с партнерства, которое не всегда перерастает в брак даже при наличии ребенка. Очередность наступления событий у тех, кто проживает в менее урбанизированных населенных пунктах и имеет более низкий уровень образования, различается в зависимости

от гендерной принадлежности: начало перехода во взрослую жизнь у мужчин становится больше связано с получением образования (часто, в комбинации с трудоустройством), а у женщин – со вступлением в партнерство или брак.

Календарные годы: локализация периода взросления поколения на конкретном историческом отрезке

Поколение 1930-39 г.р. наиболее активный период накопления стартовых событий переживало в период с 1947 по 1966 гг. Свое взросление они начали в переломную эпоху, когда очередная волна послевоенных репрессий и усиления рестриктивных мер сменилась «оттепелью», либерализацией социально-экономической, образовательной, трудовой, миграционной и семейной политики. В то же время либерализация была не последовательной и далеко не полной: сохранялись явные черты всеобщей трудовой мобилизации, политики «орабочивания», обязательного распределения на работу, запретов увольнения и смены работы. Нельзя также забывать и о платности обучения в старших классах школы, средних специальных и высших учебных заведениях (действовало в 1940-1956 гг.), и о более длительных сроках службы в армии по призыву. Рассматриваемое поколение начинало взросление именно с трудоустройства и отодвигало обретение остальных событий на более поздние возрасты.

В этот период еще отсутствовали нормативы длительности обучения в школе, поэтому в этом поколении встречаются те, кто окончил всего несколько классов школы и, кто не получал образование более высокого уровня или получал, но поздно – в качестве одного из последних событий, маркирующих взросление.

Послевоенная диспропорция полов, ведущая к несбалансированности брачного рынка, а также отсутствие графы «отец» в свидетельстве о рождении внебрачного ребенка, способствовали серьезному расхождению медианных возрастов наступления демографических событий у мужчин и женщин. Несмотря на активную пронаталистскую политику того времени, демографические события у данного поколения наступали позже, чем у всех остальных поколений. Помимо прочего, это было вызвано высокой конкуренцией семейной и трудовой сфер жизни в бюджетах времени индивидов и еще не отлаженными институтами государственного вспомоществования (ясли, детские сады, короткий отпуск по беременностям и родам и т.д.).

Поколения 1940-49 и 1950-59 выросли в более стабильный период советской истории (1957-1985 гг.). Зарегулированность общественной жизни была еще высокой; рестриктивных мер было довольно много, но государственная поддержка семьи, образования и других сфер жизнедеятельности росла и давала уверенность, что

государственные институты помогут обрести необходимые события и успешно освоить новые социальные роли. Более того, действовавшие «советские» нормы и правила уже были освоены предыдущими поколениями, что облегчало трансляцию нормативных сценариев поведения.

Эти поколения демонстрируют раннее и интенсивное осваивание статусов взрослого человека, которое можно описать следующим образом. Обретение стартовых событий у мужчин происходило к 27 годам, у женщин – к 25-26 годам. Усредненная последовательность их наступления выглядела так: сначала трудоустройство и отделение от родителей, затем – создание семьи и завершение профессионального образования. Связь между браком и деторождением была очень сильной (протогенетический интервал составлял менее года). Такая однородность наступления стартовых событий являлась результатом однородности взглядов, условий жизни, доходов, а также следствием существования единых общественных и законодательных норм, регулирующих время и порядок наступления событий.

Поколение 1960-69 г.р. начало переход во взрослую жизнь в стабильное советское время (1977 г.), а заканчивало – в период перестройки и распада Советского союза (1994 г.). В результате внешний вид процесса взросления (последовательность наступления событий и тайминг) выглядят весьма схоже с предыдущими поколениями, но более детальное рассмотрение, в частности, гендерных различий, позволяет увидеть изменения в организации процесса взросления. Эти изменения сильно обуславливаются ситуативными факторами (изменениями в социоэкономической и демографической политике).

Мужчины начинают обретение стартовых событий позже соседних поколений, но это связано не с изменением их приоритетов и желаний, а масштабным армейским призывом, вызванным участием СССР в Афганской войне. После прохождения срочной службы и возвращения домой мужчины начинают «наверстывать» упущенное и завершают взросление даже на год раньше предыдущих поколений.

Женщины этого поколения тоже демонстрируют более раннее завершение взросления, которое было обусловлено снижением возраста рождения первого ребенка. В 1982 г. правительство увеличило оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до 1 года, а в 1989 г. – до 1,5 лет. Эти меры простимулировали рождаемость среди женщин данного поколения, параллельно снизив их шансы на получение образования более высокого уровня и трудоустройства.

Поколение 1970-79 г.р. вступало во взрослую жизнь в очень турбулентное время (1988-2004 гг.) с размытыми ориентирами относительно желаемых, нежелательных и обязательных образцов поведения. Наряду с колоссальным расширением свободы выбора

поведенческих практик, возможностей пробовать новое и экспериментировать, вырос и уровень неопределенности, напряженности и рисков: весь период взросления это поколение сталкивалось с экономическими кризисами, со сменами ориентиров во внутренней политике государства, с Чеченскими войнами и межэтническими конфликтами, с нестабильностью социальных институтов, с неизбежностью коррекции своих планов на будущее.

Отмена рестриктивных норм в социоэкономической и демографической сфере позволила этому поколению более свободно организовывать свою жизнь, но для эффективной реализации этой свободы еще не было создано необходимой инфраструктуры: ряд профессий и специальностей перестали быть востребованными, ключевые предприятия и организации закрывались и/или меняли форму собственности, что вызывало массовую дезориентацию и, нередко, безработицу – особенно среди молодого поколения, еще не имеющего опыта трудовой занятости и социальных связей. В результате мы видим откладывание возраста первого трудоустройства в этом поколении.

С одной стороны, институциональные барьеры на получение профессионального образования резко снизились, а, с другой – повышение его доступности, в том числе и за счет коммерциализации, вызвало резкий рост предложения и снижение его качества. В результате все большее число индивидов смогло себе позволить «психосоциальный мораторий» [Erikson, 1995] в виде студенчества, которое для них было не столько инвестицией в человеческий капитал, сколько способом «пережидания» очередного экономического кризиса.

Возраст покидания родительского дома этим поколением совпадает с таймингом предыдущих поколений, т.к. в государстве еще продолжала действовать инерция выполнения ряда социальных обязательств, в частности, обеспечения жильем тех, кто встал в «очередь на улучшение жилищных условий» в советское время. Отмирающие в этот период прежде распространенные практики обретения жилья (например, общежития, квартиры «гостиничного типа» от работодателей) замещались новыми в связи с развитием и повышением гибкости жилищного рынка, а также в связи ослаблением соционормативных и законодательных ограничений на проживание с «посторонними» (с партнерами).

Возраст вступления в первое партнерство у этого поколения заметно снизился, а количество партнерств событий в биографиях – заметно возросло в сравнении с предыдущими поколениями. Постепенная дестигматизация добрых сексуальных отношений позволила этому поколению осваивать новые способы совместной жизни. Однако отсутствие знаний о планировании семьи и средствах контрацепции зачастую

приводили к добрачным зачатиям. Предыдущие поколения в такой ситуации либо вступали в брак «вдогонку», либо абортировали беременность. Это поколение все меньше прибегает к абортам, т.к. беременность до брака и даже одинокое материнство постепенно перестают порицаться обществом, но практика вступления в брак после зачатия продолжает воспроизводиться. Поэтому протогенетический интервал остается на уровне предыдущих поколений (менее года).

Данное поколение необходимо изучить дополнительно, возможно, путем проведения глубинных интервью, т.к. количественный, фактологический аспект взросления у них выглядит благополучно и завершено, но субъективное ощущение может быть другим. В отличие от предыдущих поколений, имевших четкие образцы поведения, транслировавшиеся через нормы, законы и живой пример предыдущих поколений, это поколение действовало «вслепую» и было вынуждено постоянно адаптироваться к стремительно меняющимся правилам. Возможно, такое ускоренное взросление, которое продемонстрировало это поколение (особенно женщины) явилось защитной реакцией на неопределенность: стремление быстрее обрести все статусы, пока все опять не поменялось, и шанс еще не упущен.

Поколение 1980-86 г.р. – единственное из всех рассматриваемых поколений, взросление которого началось уже после распада СССР (1998 г.) и для которого свобода выбора и доступ к информации являются естественными компонентами жизни. Появление интернета, соцсетей, доступность образования, развитие рынка фармакологии позволили этому поколению успешно освоить навыки планирования жизни и семьи, изучить различные варианты формирования биографий, основанные на принципах тайм-менеджмента и осознанного выбора. Отсутствие единого образца поведения привело к росту разнообразия жизненных стратегий, к возможности отказа от каких-то событий (например, деторождений [Вильданова и др., 2017; Salyakhieva, Saveleva, 2017]) или же наоборот – к более эффективному совмещению разных сфер жизни (например, родительство и занятость [Billari, Giuntella, Stella, 2019]).

Достаточно экономически стабильные нулевые годы, восстановление институтов государственной поддержки, доступность образования, открытость государственных границ, введение материнского капитала, отсутствие выраженных социальных конфликтов и экономических проблем сформировали у этого поколения ощущение защищенности и свободы выбора. Имея поддержку работающих родителей, государственных институтов, не имея проблем со сменой непонравившегося работодателя или надоевшего партнера, зато имея большое количество форм социальной активности, развлечений и способов самореализации, это поколение демонстрирует признаки эскапизма и прокрастинации (то

есть бегства от реальности и откладывания дел и решений на потом). Тем не менее, у нас пока нет оснований утверждать, как это нередко делается, что российское общество столкнулось с массовой инфантилизацией молодежи.

Социоэкономические события они обретают примерно в тех же возрастах и с той же интенсивностью, что и два предыдущих поколения. Возраст первого трудоустройства немного откладывается, но это объясняется более длительным получением профессионального образования, востребованность которого достигла беспрецедентно высокого уровня. Демографические события молодежь также продолжает обретать, но приоритет больше отдает партнерствам, тогда как события, требующие принятия долгосрочной ответственности (браки и деторождения), откладываются на более поздние возрасты. Если у мужчин замедление темпов взросления в демографической сфере (прокрастинация или более осознанное принятие решений?) видно очень отчетливо, то биографии женщин пока еще очень «спрессованы» (уже меньше, чем у женщин предыдущего поколения, но гораздо сильнее, чем у мужчин-ровесников).

Молодежь не саботирует взросление, но, получив доступ к организации этого процесса, начинает менять его структуру и календарь. Благодаря широкой доступности высшего образования, студенческие годы стали вписаны в типичный жизненный сценарий молодого россиянина. А это, по Э. Эриксону [Erikson, 1995], дает индивидам возможность взять паузу между завершением детства и обретением взрослости («психосоциальный мораторий») и посвятить это время поиску себя и планированию карьеры.

Классификация моделей взросления

Предложенный способ визуализации процесса взросления на демографической сетке Лексиса позволяет сделать вывод, что ***эпоха, в рамках которой поколение обретает стартовые события, оказывает влияние на формирование моделей взросления.*** Переход во взрослую жизнь является изменчивым этапом жизни, ***адаптирующимся*** под конкретные условия среды и помогающим молодому поколению наиболее эффективно и быстро встроиться в действующую социальную систему.

В качестве наиболее устойчивой и типичной модели можно назвать организацию процесса взросления у поколений ***1940-49, 1950-59, 1960-69 г.р.*** Назовем эту модель ***«советской»***. Типичное устройство перехода во взрослую жизнь появилось только вследствие унификации работы социальных институтов в позднесоветское время. В эпоху плановой экономики и плановой организации жизни нормативный жизненный сценарий был очень ясно и четко определен. Следовать ему было просто, т.к. все институты работали согласованно и ориентировали именно на эту типовую модель.

В периоды перемен и нестабильности индивиды откладывают наступление одних событий и приоритизируют наступление других. Например, поколение *1930-39 г.р.*, столкнувшееся с послевоенной разрухой и выходом из мобилизационного характера экономики, своим приоритетом сделало трудовую деятельность, остальные события отложив на более поздние возрасты. Поколение *1970-79 г.р.* – напротив: в период сильных социальных и политических трансформаций и невозможности строить планы на будущее, очень быстро обрело ключевые стартовые события, то ли «запасая их впрок», то ли стремясь попробовать все и сразу в условиях небывалой свободы. Такие модели взросления можно назвать «*переходными*» (или адаптивными, стрессовыми). Они лучше всего демонстрируют адаптивную природу процесса взросления.

Модель взросления, которая формируется у сегодняшней молодежи (поколение *1980-86 г.р.*), мы назовем «*постсоветской*». Мы видим замедление процесса взросления за счет откладывания наступления демографических событий, которое стало возможным благодаря доступу к информации и технологиям (планирование семьи, контрацепция, доступность информации т.д.). Также важным изменением стало добавление нового события в число нормативных (партнерство) и приоритизация события, которое ранее было не столь приоритетным и доступным (получение высшего профессионального образования). Это приводит к изменению не только тайминга и последовательности наступления событий, но и к росту количества стартовых событий и разнообразия наборов возможных жизненных сценариев. Вектор изменений, взятый российской молодежью, соответствует траектории трансформации моделей взросления, описанной другими, в том числе авторитетными зарубежными авторами [Billari, Liefbroer, 2010]: взросление перестает быть «*ранним, ускоренным и простым*» и становится «*поздним, растянутым и сложным*».

4.4. Дискуссия результатов в рамках социологических и демографических теорий

Проведенный комплексный анализ взросления россиян позволил подтвердить выдвинутые нами гипотезы, а именно:

1. У поколений, начавших переход во взрослую жизнь после распада СССР, наблюдается дивергенция моделей взросления с предыдущими российскими поколениями и конвергенция с образцами, демонстрируемыми странами, находящимися на более продвинутых этапах развития семьи, диверсификации форм брачно-партнерских отношений, трансформации модели деторождения, объединяемых понятием «второго демографического перехода».
2. В моделях взросления всех поколений россиян наблюдается гендерная дифференциация, особенно сильно проявляющая в наступлении демографических событий: женщины раньше, чем мужчины, вступают в браки и рожают первых детей; наличие ребенка у женщины снижает ее шансы на трудоустройство и получение образования.
3. Модели взросления россиян различаются в зависимости от того, какой уровень образования получил индивид и в каком населенном пункте он проживает. Городской уклад жизни и высокий уровень образования выравнивает гендерное неравенство в наступлении событий. У городских жителей взросление происходит позже, но шансы на обретение социоэкономических событий у них выше, чем в сельской местности.

Представленная нами классификация, сформированная на базе проделанного количественного анализа, подтверждает идеи Биллари и Лифброера [Billari, Liefbroer, 2010] о *конвергенции* паттернов взросления в развитых странах. Современные российские поколения, начавшие переход во взрослую жизнь после распада СССР, демонстрируют отдаление от типично «советской» модели взросления, которую можно назвать «*ранней, ускоренной и простой*» («традиционная» модель) и приближение к модели, которая становится все более распространенной в западных странах: «*поздней, растянутой и сложной*» («современная» модель). Взросление начинается *позднее*, т.к. молодежь откладывает наступление всех событий и, особенно, демографических. Взросление становится более *растянутым*, т.к. социоэкономические события обретаются всего на год-два позже, нежели в предыдущих поколениях, а демографические события откладываются на несколько лет, что вызывает рост общей длительности перехода и замедление его скорости. Взросление становится более *сложным* за счет роста вариативности времени и

последовательности наступления событий и включения в нормативный жизненный сценарий двух непопулярных ранее событий: получения профессионального образования и партнерства.

Переход от «традиционной» «советской» модели взросления россиян к «современной» «постсоветской» подтверждает историческую *стадиальность* изменения процесса взросления и демографического поведения как его части [Frejka, Zakharov, 2012; Puug и др., 2012b; Puug и др., 2012a]. Мы выявили, что изменения в тайминге и интенсивности наступления стартовых событий начались в поколении 1960-69 г.р., но эти трансформации связаны с эффектом периода: войной в Афганистане и активизацией семейной политики и стимулирования рождаемости в 1980-х годах. Первые устойчивые, поколенческие изменения начинаются с поколений 1970-1979 г.р., начавших менять не только тайминг и интенсивность наступления событий, но и их последовательность и приоритетность относительно друг друга. Поколение 1980-1986 г.р. демонстрирует принципиально другой подход к организации процесса взросления, выдвигание на первый план тех событий, которые дают больше выгод, чем обязательств и откладывание событий, требующих долгосрочной ответственности.

Исследование также подтверждает сделанные перечисленными учеными оценки разницы между началом *демографической модернизации* в Европе и в России: если в западноевропейских странах изменения в матримониальном поведении начались с поколения 1960-69 г.р., то в России – спустя 20-25 лет – в поколении 1980-86 г.р. Связка сексуального, брачного и репродуктивного поведений постепенно распадается: эти поведения не только наступают со все более длительными интервалами, но и во все более произвольной последовательности. Первое партнерство у молодых россиян чаще всего является первым демографическим событием, деторождение – вторым, а брак либо наступает незадолго после зачатия ребенка, либо может вообще не наступить, что приводит к росту внебрачной рождаемости и снижению брачной.

Рост разнообразия жизненных стратегий, изменение последовательности наступления событий и интервалов между ними, появление возможности организовывать свой жизненный путь в соответствии с собственными интересами – все это наблюдается в молодом поколении россиян и согласуется с предположениями *концепции жизненного пути* [Giddens, 1994; Heinz, Marshall, 2003; Huinink, 2013].

Анализ процесса перехода во взрослую жизнь в сопоставлении с *историческим и институциональным контекстом* позволил подтвердить существование взаимного влияния среды и индивида и проследить, как происходит процесс *хабитуализации* новых

практик и отмирания старых сценариев [Berger, Luckmann, 1966; Kiernan, 2002; Sobotka, Toulemon, 2008].

Мы увидели, что взросление является очень *адаптивным этапом жизни*, который подстраивается под условия среды, сжимаясь или растягиваясь, прирастая одними событиями и теряя другие. Если в предыдущие века и даже в послевоенный период советского времени *«прошлое родителей становилось будущим детей»* [Мид, 1988], что делало возможным наличие устойчивой и типичной модели взросления, то в современном мире каждое новое поколение взрослеет в качественно новых условиях: *«ты никогда не был молодым в мире, где молод я»* [Mead, 1970]. Процесс взросления выполняет ту же социальную роль, что и раньше, помогая молодому поколению встроиться в социальную систему и занять свое место в социальной иерархии, но внутренняя наполненность этого процесса и внешние его проявления претерпевают серьезные изменения. Если в традиционном обществе нужно было сначала обрести социальный статус взрослого путем прохождения обряда инициации (т.е. взросление было *событием*), и уже имея этот статус, встраиваться в социальную иерархию и нарабатывать компетенции взрослого, то сегодня, чтобы обрести статус взрослого, нужно обрести несколько событий в разных сферах жизни (т.е. взросление превращается в *процесс*).

В современном обществе единая социальная система распалась на *множество автономных сфер*, в каждой из которых индивиду нужно пройти своеобразную инициацию: созреть биологически (менструация у девушек и эякуляция – у молодых людей), обрести гражданскую правоспособность (получение паспорта, водительских прав), окончить школу и/или учебное заведение следующей ступени (обряд – «выпускной»), трудоустроиться (обряд – «проставиться» в коллективе), отделиться от родителей (обряд – «новоселье»), вступить в брак (обряд – «свадьба»), родить ребенка (обряд – «baby shower» и выписка из роддома), для мужчин – отслужить в армии (обряд – «дембель»). Наличие такого большого числа сфер жизни делает переход во взрослую жизнь более вариативным, т.к. можно становиться взрослым только в тех сферах, которые наиболее значимы, остальные либо игнорируя, либо оставляя «на потом». Социальный контроль за наступлением стартовых событий снизился, что позволяет каждому новому поколению переосмысливать и заново изобретать для себя смысл и сущность процесса перехода во взрослую жизнь. Поэтому, изучая взросление разных поколений, мы должны понимать, что невозможно применять одни и те же *критерии завершенности взросления* и сравнивать поколения напрямую. Необходимо развивать научную дискуссию о том, какие критерии должны быть взяты за основу в том или ином контексте и как должен быть выстроен методологический каркас исследования, чтобы сравнение было эвристичным.

Заключение

Период взросления оказывает колоссальное влияние не только на формирование дальнейшего жизненного пути каждого человека [Billari, Liefbroer, 2007; Ronald R. Rindfuss, 1991], но и на формирование возрастной стратификации общества, межпоколенного контракта и межпоколенных трансфертов [Гладникова, 2009; Денисенко, 2007; Денисенко, Козлов, 2018; Миронова, 2014; Bengtson, Achenbaum, 1993; Sloan, Zhang, Wang, 2002]. Без понимания того, как и в каком возрастном диапазоне процесс взросления протекает у разных групп населения, того, с какой скоростью и в каком порядке наступают разные стартовые события, невозможно понять, что из себя представляет молодежь в каждый конкретный исторический момент и где проходит граница между детством и взрослостью.

Для России изучение взросления является особенно актуальным из-за тех трансформаций, которые произошли в обществе после распада СССР. Имеющиеся эмпирические работы свидетельствуют о том, что социоэкономическое и демографическое поведение поколений, осуществлявших переход во взрослую жизнь до и после 1991 года, заметно различается [Архангельский, 2013; Гурко, 2011; Демографическая модернизация России, 1900-2000, 2006; Долбик-Воробей, 2003; Захаров, 2007; Захаров, 2009; Михеева, 2012; Шабунова, Калачикова, 2015; Frejka, Zakharov, 2012].

Проведенное исследование демонстрирует перспективность и вариативность изучения процесса взросления через анализ количественных паттернов наступления стартовых событий. Мы подтвердили все выдвинутые в работе гипотезы и ответили на поставленные задачи.

Подведем итоги по каждой из **задач** исследования.

Задача 1. На основе имеющихся исследований понятие перехода во взрослую жизнь было операционализировано, а затем уточнено после проведения собственного исследования.

На основе имеющейся литературы мы сформировали представление о переходе во взрослую жизнь как о **комплексном процессе**, происходящем во взаимодействии внутреннего мира и часов индивида (human agency) и внешнего мира и его календарей (social structure) [Mortimer, Staff, Lee, 2005, с. 131; Schoon, Lyons-Amos, 2016, с. 3].

Проведенное нами исследование позволило сформулировать авторское определение: **переход во взрослую жизнь** – это комплексный процесс становления индивида взрослым, самостоятельным; это социально сконструированная система норм, которая определяет поведение людей и наложена на историческую ситуацию.

Мы выделили следующие **компоненты взросления**: объективную (изменение возраста), биологическую (созревание организма), гражданскую (дееспособность и правоспособность), психоэмоциональную (изменения в психике), социальную (обретение социальных статусов и ролей) и демографическую (обретение стартовых событий). Наиболее детально мы изучали **демографическую компоненту** взросления через наличие в биографии индивидов следующих стартовых событий: получение профессионального образования, первое трудоустройство, первое отделение от родителей, первое партнерство, первый брак, первое деторождение.

Мы выявили, что процесс перехода во взрослую жизнь подстраивается под условия среды, сжимаясь или растягиваясь, прирастая одними событиями и теряя другие. На **индивидуальном уровне** взросление – это процесс, при помощи которого индивид встраивается в существующую социальную структуру; на **уровне общества** взросление – это процесс, благодаря которому происходит смена поколений, обновление социальных практик и нормативных моделей поведения.

Через механизм обратной связи сначала индивиды **адаптируются** к новым условиям жизни, изменяя возраст, количество, скорость, последовательность обретения стартовых событий, а через какое-то время общество начинает транслировать обновленные модели взросления как нормативные. Такая адаптивность позволяет как государству менять нормативную модель взросления, направляя ценный ресурс молодости своих граждан на решение наиболее актуальных государственных задач, так и новому поколению трансформировать старые образцы поведения в соответствии с актуальными для них целями и приоритетами.

Задача 2. В работе представлен комплексный подход к изучению перехода во взрослую жизнь и авторский способ визуализации взросления на демографической сетке Лексиса.

Предложенная нами схема визуализации процесса взросления позволила ответить на важные исследовательские вопросы относительно особенностей протекания процесса взросления и сравнить разные подходы к изучению этого процесса, а именно:

1. Использование сетки Лексиса для анализа взросления позволяет получить представление о влиянии эффектов периода, возраста и когорты (поколений) на процесс взросления.

Под **эффектом периода** мы понимаем влияние исторического контекста на поведение людей, которое, как показывает анализ, довольно сильно структурирует наступление стартовых событий у всех поколений россиян.

Под *эффектом возраста* в контексте изучения взросления понимается временное изменение тайминга и/или последовательности наступления событий без изменения общей доли людей, имеющих определенное событие. Отличия в динамике наступления стартовых событий у поколений 1930-39 и 1970-79 г.р. обусловлены именно эффектом возраста: за счет более раннего или позднего возраста наступления событий они компенсировали невозможность их обретения в более нормативные сроки.

Мы видим, что не только одни и те же события у разных поколений наступают в разном возрасте, но и один и тот же *возраст* начинает ассоциироваться с разными событиями: если в советское время 18-летие было типичным возрастом старта трудовой деятельности, то у молодых поколений этот возраст связан с окончанием школы и поступлением на следующую ступень обучения. Возраст 24 лет у всех поколений мужчин кроме самых молодых и самых старших является медианным возрастом появления первого ребенка. У сегодняшних молодых людей 24 года – это возраст «полузрелости»: когда социоэкономические события у большинства мужчин уже произошли, а из демографических событий у 70% есть партнерство, а браки и деторождения – только у 30%.

Под *эффектом когорты* (поколения) понимаются устойчивые изменения, связанные не только с динамикой и последовательностью наступления стартовых событий, но и с изменением значимости события и его распространенностью. Увеличение доли молодых респондентов, получающих профессиональное образование и вступающих в партнерства, является следствием эффекта когорты, а откладывание браков и деторождений может быть следствием эффекта возраста.

2. Выявлено, что от поколения к поколению происходит трансформация как *композиции*, так и *тайминга* перехода во взрослую жизнь. Представленная информация не дает полного представления о том, является ли эта динамика эффектом возраста (результатом цензурирования данных) или же обусловлена эффектом поколения (то есть новым и долгосрочным трендом). Для уточнения этой информации необходимо использование повозрастных показателей динамики наступления событий (реализовано в параграфе «4.1.3. Интенсивность наступления стартовых событий»).
3. Коридоры, задаваемые медианными возрастами наступления *отдельных событий*, а также возрастами наступления первого и последнего события *процесса взросления* не совпали по длительности и границам. При анализе наступления отдельных событий не учитываются особенности их взаимодействия

в рамках индивидуальных биографий, поэтому для получения корректных оценок возрастных границ взросления необходимо анализировать этот процесс целостно. Однако необходимо помнить о влиянии отобранного набора стартовых событий на результаты анализа взросления как единого процесса.

4. Переход во взрослую жизнь у среднего российского поколения, состоящего из 10 когорт, *длится* около 15-20 календарных лет. У одной когорты взросление длится 7-10 лет. Так как смена поколений происходит непрерывно, а взросление – длительный процесс, то один и тот же исторический контекст застает сразу несколько когорт и поколений в процессе перехода во взрослую жизнь. Но разные поколения находятся на разных этапах перехода: когда одни его только начинают, другие уже завершают. Поэтому исторический контекст будет оказывать на них разное влияние. Располагая данными о том, на какой именно период пришлось наиболее активное накопление стартовых событий у конкретного поколения, можно проводить детальный анализ влияния исторического контекста на реальное поведение людей. Например, в период активных военных действий в Афганистане, в призывном возрасте находились мужчины 1960-69 г.р., поэтому именно на организацию их жизненного пути это событие повлияло сильнее, чем на другие поколения.
5. Анализ *взаимовлияния контекста и реального поведения* людей показывает, что исторические условия задают границы вариативности моделей поведения, но реальное поведение людей изменяет эти границы с течением времени. Какое-то поколение начинает осваивать новые практики, и сначала они являются маргинальными, но, если они оказываются эффективными и нужными, среда и нормативно-ценностный фон меняются. В результате следующее поколение начинает вписывать новые практики в нормативную модель взросления. Это подтверждает концепцию Бергера и Лукманна [Berger, Luckmann, 1966] о взаимовлиянии индивида и среды и работы исследователей о стадиях распространения партнерств [Kiernan, 2002; Sobotka, Toulemon, 2008].
6. Возможность визуализировать процесс взросления индивидов с *разными характеристиками* является важным преимуществом метода, т.к., как мы увидели, как минимум, гендерные различия довольно сильно влияют на организацию перехода во взрослую жизнь в России.
7. Комплексное изучение биографий в целом, а не только отдельных событий или их комбинаций позволяет исследовать особенности влияния на формирование перехода во взрослую жизнь не только индивидуальных характеристик людей, но

и *взаимовлияние разных событий* друг на друга. Анализ показал наличие высокой конкуренции семейной и трудовой сферы у женщин: появление первого ребенка снижает их шансы на трудоустройство и получение профессионального образования. У мужчин на появление стартовых событий влияет служба в армии (например, отсрочка взросления в поколении 1960-69 г.р., мобилизованном во время Афганской войны).

Два наиболее взаимосвязанных события – вступление в первый брак и рождение первого ребенка – постепенно перестают обуславливать друг друга. Дестигматизация внебрачных рождений привела к увеличению потенциала партнерств как детоспособных союзов, а появление контрацепции – к возможности контролировать наступление беременности и росту протогенетического интервала. Все это приводит к распаданию связки сексуального, брачного и репродуктивного поведений.

Задача 3. Изучена межпоколенческая динамика трансформации моделей взросления и влияние на этот процесс исторического контекста и индивидуальных характеристик людей.

Исторический контекст, сопутствующий взрослению индивидов, задает границы и ориентиры для возможных моделей взросления. При снижении роли государства в процессе создания и поддержания нормативного образца взросления, предоставление индивидам возможностей для собственного выбора в организации жизни приводит к росту вариативности жизненных сценариев.

Чем уже коридоры, формируемые законодательными и общественными нормами, тем меньше различий в структуре, тайминге, интенсивности и последовательности наступления стартовых событий (пример поколений 1940-49, 1950-59, 1960-69 г.р.). Как только появляется свобода выбора в организации жизненного пути, индивиды начинают демонстрировать вариативность поведений (пример поколения 1980-86 г.р.).

Модели перехода во взрослую жизнь дифференцированы не только в зависимости от принадлежности индивида к определенному *поколению*, но и от его гендерной принадлежности, а также в зависимости от условий и уклада жизни, измеренных через уровень полученного образования и место проживания.

Существование «тройного гендерного контракта» женщин в СССР [Здравомыслова, Темкина, 2008] обусловило *гендерную дифференциацию* биографий россиян. Взросление в социоэкономической сфере все меньше становится зависимым от гендерной принадлежности респондента, но сильно различается в зависимости от места жительства

индивида и уровня полученного образования. Взросление в демографической сфере все еще гендерно обусловлено, особенно в сельской местности и среди респондентов с низким уровнем образования.

В среднем случае, чем ниже у индивида *уровень образования* и чем менее урбанизирован *тип населенного пункта*, в котором он проживает, тем раньше у него начинается переход во взрослую жизнь, тем меньшее число социоэкономических событий и большее число демографических событий он имеет. Такое ускоренное взросление в ограниченном диапазоне сценариев может являться следствием определенного уклада жизни, более ограниченного рынка труда, брачного рынка, а также ограниченных возможностей планирования жизненных событий в сфере деторождения, образовательной и трудовой карьеры в сельской местности. В кризисные периоды низкообразованное и сельское население становится особенно уязвимо и демонстрирует резкие колебания в возрасте и шансах наступления событий. Средний и высокий уровень образования, а также городской образ жизни являются факторами, выравнивающими гендерное неравенство в наступлении социоэкономических событий и партнерств. «Агентами» модернизации в России, главным образом, выступает молодое поколение, мужчины, высокообразованное и городское население.

Задача 4. Классифицированы модели взросления разных поколений россиян.

Исследование позволило выделить три модели взросления россиян:

- **«советскую»** (поколения 1940-49, 1950-59, 1960-69 г.р.): «раннее, ускоренное и простое» наступление событий;
- **«переходную»** (поколения 1930-39, 1970-79 г.р.): модель, адаптирующаяся под резкое изменение условий жизни (война в случае поколения 1930-39 г.р. и период высокой турбулентности после распада СССР в случае поколения 1970-79 г.р.);
- **«постсоветскую»** (поколение 1980-86 г.р.): «позднее, растянутое, сложное» наступление событий.

Предложенные модели взросления вписываются в классификацию, предложенную Биллари и Лифброером [Billari, Liefbroer, 2010]: «советская» модель соответствует «традиционной», а «постсоветская» российская приближается к «современной» европейской. То есть наблюдается **конвергенция** особенностей перехода во взрослую жизнь в России и в странах, находящихся на более продвинутых этапах демографического перехода.

«Современная» модель взросления в Европе в усредненном варианте выглядит так: относительно раннее покидание родительского дома, за которым следует небольшое время проживания без партнера, затем вступление в партнерство, зачатие первого ребенка в относительно позднем возрасте и регистрация брака незадолго до рождения ребенка или вовсе отказ от регистрации брака [Billari, Liefbroer, 2010]. Наш анализ показал, что последовательность наступления стартовых событий у российской молодежи приближается к этой модели, но демографические события наступают в России в более ранних возрастах и с более короткими интервалами. То есть *композиция* взросления у нас становится похожей, а *динамика* все еще разная.

Задача 5. Выявлены специфические особенности организации процесса взросления молодых поколений россиян.

Внешняя регуляция жизни через общественные и законодательные нормы сегодня сменяется необходимостью делать *собственные выборы* и принимать за них ответственность. Это затормаживает процесс принятия индивидами решений, потому что требует активного действия, вовлеченности, оценки и принятия рисков и издержек. Коридоры, существовавшие в советское время, конечно, были «душными» и стеснявшими простор для выбора, но на всем процессе перехода во взрослую жизнь индивид получал всестороннюю поддержку и готовые инструкции к действию. Сегодня коридоры стали несравненно более широкими: можно более свободно выбирать порядок и время наступления событий, но и ответственность за принятые решения ложится в большей степени на индивида.

Рост продолжительности жизни, в том числе, активной и здоровой, создал возможность для современных родителей дольше поддерживать своих детей в период их нахождения в «полувзрослом» статусе. У молодежи появилась возможность *попробовать* поработать, пожить отдельно, повстречаться с кем-то, поучиться, а если не понравится – переучиться. Эта возможность пробовать, выбирать, отменять выборы и менять решения советскому человеку не была знакома в таком масштабе. Институт распределения на работу после получения образования не давал возможности смены профессиональной траектории; отсутствие коммерческого образования не давало возможности овладевать всеми интересующими профессиями; закрытость государственных границ не давала возможности сначала посмотреть мир, а потом строить свои планы на дальнейшую жизнь; стигматизация добрачных отношений не давала возможности попробовать пожить с кем-то вместе, а потом, если все устроит – решать вопрос о браке; отсутствие контрацепции не давало возможность отложить родительство на тот момент, когда индивид до этого «дозреет».

Удлинение (пусть и медленное) продолжительности жизни, усложнение профессий, разнообразие и доступность развлечений, технологий приводят к *удлинению начальных этапов жизни* и возникновению *стадий внутри этих этапов*. Если в советское время взросление представляло из себя непрерывный поток взаимообуславливающих событий, то сегодня стартовые события распадаются на *кластеры*. Особенно отчетливо эти кластеры заметны у самых молодых мужчин: социоэкономические события и партнерство ими обретаются довольно рано и интенсивно, а браки и деторождения откладываются, причем между этими двумя событиями появляется интервал в несколько лет, что является совершенно новым феноменом для всех предыдущих поколений.

Современная модель взросления состоит из *двух стадий*: период обретения социоэкономических статусов (период «полувзрослости») и период создания семьи. Обретение *социоэкономических статусов* связано с обучением. Э. Эриксон называет этот период «психосоциальным мораторием» [Erikson, 1995] и описывает его как паузу между завершением детства и обретением взрослости; как время, когда индивид получает доступ ко всем взрослым практикам, но от него еще ничего не требуют, т.к. он занят получением знаний.

В этот период, параллельно с обучением, индивид пробует себя на рынке труда, в отношениях, начинает самостоятельно организовывать быт, пробует жить отдельно от родителей. Партнерство в данном контексте является скорее социоэкономическим событием, нежели демографическим, т.к., благодаря контрацептивной грамотности нового поколения, вступление в интимные отношения перестает высоко коррелировать с возникновением беременности.

Период обретения социоэкономических статусов может занять несколько лет. В сегодняшней России обязательных социальных «дедлайнов» наступления событий, маркирующих переход во взрослую жизнь, нет. В некоторых семьях и сообществах продолжают транслироваться советские нормы, но обновление поколений приводит к забыванию обществом прежних моделей поведения и выработке новых [Mannheim, 1970].

Период *создания семьи*, как вторая стадия современной модели взросления, пока еще не имеет четких очертаний. Если среди молодых девушек к 25 годам у 70% уже есть как минимум один ребенок и у 50% – один брак, то среди мужчин-сверстников эти показатели не превышают 30%. Пока сложно сказать, являются ли эти показатели эффектом возраста, и демографические события останутся универсальными, но будут наступать в более поздних возрастах; или же это новый поколенческий феномен, и молодое поколение будет массово отказываться от демографических событий.

Мы полагаем, что молодежь не саботирует взросление, а именно откладывает его. Происходит *поиск баланса* между изменившимися условиями среды, требованиями к взрослому человеку и желаниями, приоритетами, ценностями нового поколения [Рождественская, 2011; Семенова и др., 2016]. В результате этого поиска появляется большое разнообразие моделей взросления. Как только (и если) баланс будет найден, наиболее эффективная модель взросления закрепится в качестве образца. Возможно, это будет некая единая «общеевропейская» модель взросления [Billari, Liefbroer, 2010], а, может быть, результатом поиска и трансформаций станет полное отсутствие каких-либо образцов и максимальное разнообразие жизненных сценариев.

Рассмотрим варианты того, как именно можно **применять результаты проведенного исследования перехода во взрослую жизнь для науки, общества, государства и бизнеса.**

Мы выявили, что происходит рост разнообразия вариантов перехода во взрослую жизнь, а значит, молодежь как *социальная группа* становится менее однородной, нежели в советское время. Различаются не только установки людей, но и их биографический опыт. В советское время даже при наличии разного уклада жизни (например, город-село), биографический опыт был похож очень сильно (возраст и последовательность наступления событий). Сегодняшний рост разнообразия жизненного опыта может привести как к поляризации моделей взросления (например, семья-карьера) и расслоению общества, так и к формированию некой единой нормы (например, «позднее, растянутое и сложное» взросление). Во многом этот процесс будет зависеть от действующих мер политики, т.к. мы увидели, что они могут как формировать узкий коридор маневров, капсулируя определенные практики (например, связанность получения образования и трудоустройства в советское время), так и стимулировать рост разнообразия моделей поведения.

Для *экономики* демонстрируемое молодежью откладывание событий, требующих долгосрочных обязательств, является сигналом того, что и в других сферах жизни молодежь может демонстрировать осторожность, нерасторопность и даже пассивность. Например, может отказываться брать крупные и долгосрочные кредиты, ипотеку или откладывать принятие этого решения. Если отделение от родителей будет происходить во все более поздних возрастах, то это повлияет на рынок жилья и банковский сектор. Движение межпоколенческих трансфертов от родителей к детям усилится, т.к., если дети дольше находятся в состоянии «психосоциального моратория», то им будет дольше нужна финансовая поддержка старших поколений.

Для *рынка труда* удлинение времени получения образования, с одной стороны, может означать рост квалификации молодых кадров, но с другой стороны, молодежь, становясь более востребованной и компетентной, начинает ожидать изменения существующих условий труда (возможность удаленной работы, неформальный стиль в одежде и т.д.), вынуждая работодателей подстраиваться под свои ожидания. В условиях глобальной конкуренции за человеческие ресурсы отечественным компаниям будет становиться все сложнее оставаться привлекательными для нынешней молодежи. Это может привести к стагнации экономики. Для того, чтобы этого не допустить, нужно изучать ценности, установки и реальное поведение молодых поколений. Понимание того, на каком этапе жизни они находятся и какие возрастные задачи решают, поможет создать эффективную систему привлечения, мотивации и удержания молодых сотрудников.

Закрепленный в советское время *«тройной гендерный контракт»* женщин [Здравомыслова, Темкина, 2008] продолжает действовать и в сегодняшнем обществе. Этот контракт со временем может перерасти в конфликт. Уже сейчас заметна колоссальная разница в старте взросления у самых молодых мужчин и женщин. Обществу либо нужно вырабатывать новые модели родительства, активно включая мужчин в воспитание детей, либо инициировать диалог между работодателями и государством для разработки все более диверсифицированных способов поддержки работающих родителей. Ситуация может дополнительно осложниться после увеличения возраста выхода на пенсию поколений 1960-69 и 1970-79 г.р. Если раньше они могли взять на себя часть забот по воспитанию внуков, то отсрочка выхода на пенсию может привести к сокращению *межпоколенческой инструментальной поддержки* и усугубить конкуренцию сфер семьи и занятости для молодежи, и особенно – для женщин.

Сегодня российская *демографическая политика* ориентирована, в основном, на женщин и/или на брачную пару. Необходимо учесть детоспособный потенциал партнерств, т.к. их популярность у молодежи сильно возросла. У молодых мужчин репродуктивные события практически отсутствуют. Если продолжать исключать их из репродуктивного процесса, отложенные демографические события могут перерасти в более распространенный отказ от событий.

Таким образом, проведенное исследование имеет прикладное значение для разработки как государственной политики, так и корпоративной; для пересмотра гендерного и межпоколенного контракта в обществе; для предупреждения возможных социальных конфликтов.

Проводя данное исследование, мы были ограничены рядом концептуальных и методологических рамок (подробнее – в параграфе «3.3. Ограничения исследования»), поэтому изначально не ставили целью ответить на все вопросы, связанные со взрослением россиян и использовать все имеющиеся методы. Вследствие этого за пределами данной работы остались важные аспекты, исследовать которые нам представляется важным и перспективным. Вот лишь несколько **направлений для дальнейшей работы**.

Сущностные вопросы относительно *маркеров, критериев взросления* и его *границ* остаются пространством для дискуссий и дальнейших исследований, в том числе, потому что понимание того, что такое взрослость и какую часть жизни она занимает, постоянно трансформируется. Необходимо разработать методологию «замеров» субъективных и объективных параметров взросления и перевода изучения этого феномена в междисциплинарное пространство, объединяющее как количественные, так и качественные подходы, как взгляды социологов и демографов, так и психологов, физиологов и других ученых. Для того, чтобы изучать взросление на более глубоком и детальном уровне, например, скорость взросления, взаимодействие различных событий между собой, необходима научная дискуссия и обсуждение возможных подходов к операционализации и квантификации взросления.

Необходимо более детально изучить *различные комбинации стартовых событий* и связи между ними. Например, взаимосвязь между отделением от родителей и формированием союзов, между завершением образования и трудоустройством, между завершением образования и вступлением в брак («ring by spring»), между деторождением и трудоустройством (особенно у женщин) и т.д. Важно осуществлять такой анализ в комплексном ключе, а не фрагментарно.

Необходимо продолжить использование продвинутого инструментария и более подробно изучить последовательность наступления стартовых событий. В частности, перспективной представляется *кластеризация последовательностей* и определение, например, типично «мужских» и «женских» последовательностей. Частично мы уже начали делать эту работу, см. совместные публикации [Гиздатуллин и др., 2016; Муратова и др., 2016; Gizdatullin и др., 2017; Ignatov и др., 2015], но ее необходимо развивать. Учитывая сложность такого анализа, необходимо продолжать *междисциплинарное сотрудничество* и привлекать к решению важных для социологов и демографов задач статистиков, математиков и специалистов из компьютерных наук.

Также тематика взросления может быть интересна экономистам, а *эконометрические методы* – применимы к изучению этого феномена. Например, можно оценить подход к формированию жизненного пути как процесс максимизации выгод и

минимизации потерь, где выгоды – это обретенный статус, независимость, финансовые возможности, а потери – это те ограничения и долгосрочные обязательства, которые следуют после наступления события.

Междисциплинарное сотрудничество крайне важно при проведении *выборочных опросов* населения, посвященных теме взросления. Изученная нами литература показывает, что объективное представление процесса перехода во взрослую жизнь возможно только при учете подходов разных дисциплин, поэтому для составления вопросника и дизайна будущих обследований необходимо привлекать психологов, социологов, демографов, а также специалистов из других наук и формировать единое дискурсивное пространство.

Следующим шагом развития изучения взросления является проведение *межстрановых сопоставлений*. Для этого необходимо сначала отработать методику изучения взросления в одной стране, а затем масштабировать ее на другие страны. Межстрановые сравнения проводятся и сегодня. У нас уже также есть опыт такого анализа [Mitrofanova, 2017c], но имеющийся эмпирический материал не позволяет изучать взросление так комплексно и междисциплинарно, как это было бы желательно. Поэтому необходимо продолжать разработку оптимального дизайна подобных исследований.

Таким образом, проведенный комплексный анализ показывает важность и прикладную значимость изучения взросления. Необходимо продолжать изучение процесса перехода во взрослую жизнь, т.к. при правильном применении знаний о взрослении молодежи можно превратить назревающие изменения в точки роста для общества и экономики. Сравнение моделей взросления в России с уже имеющимися образцами помогает прогнозировать грядущие трансформации и более аргументированно принимать решения на уровне государственной и корпоративной политики.

Благодарности

Автор выражает благодарность за многолетнюю поддержку и научное консультирование всем коллегам, оказавшим помощь в подготовке данного исследования. Прежде всего, научному руководителю С.В. Захарову, а также участникам двух научно-учебных групп НИУ ВШЭ «Изучение рождаемости, формирования, развития и распада семей на данных выборочных обследований» и «Модели и методы анализа демографических последовательностей», в особенности: А.О. Макаренцевой, Д.И. Игнатову, Т.Н. Espy, О.В. Синявской, А.В. Артамоновой, А.А. Муратовой, Д.К. Гиздатуллину, С.С. Бирюковой и А.А. Долговой.

Также автор благодарит за рецензирование разных частей данной работы на разных стадиях ее подготовки коллег из российских и зарубежных университетов и научных центров: В.С. Магуна, А.В. Вишневого, М.С. Фабрикант, А.А. Авдеева, A. Blum, F. Billari, M. Mills, L. Sakkeus, A. Puur, L. Rahnu, P. Blanchard, R. Leu, L. Toulemon, E. Lelièvre, M. Bouchet-Valat, L. Moulin.

Список литературы

1. Алейникова Т. Возрастная психофизиология. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. 288 с.
2. Алюшева А.Р. Овладение репертуаром культурных жизненных сценариев как фактор развития макроструктуры автобиографической памяти // Психологические Исследования: Электронный Научный Журнал. 2012. Т. 5. № 25. С. 3.
3. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. СПб: Питер, 2001. 288 с.
4. Аристотель. Поэтика. Риторика. М.: Азбука-классика, 2007.
5. Артамонова А.В., Митрофанова Е.С. Сожительства в России: промежуточное звено или легитимный институт // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016а. Т. 131. № 1. С. 126–146.
6. Артамонова А.В., Митрофанова Е.С. Сожительства без регистрации в России // Демоскоп Weekly. 2016b. № 671–672.
7. Артамонова А.В., Митрофанова Е.С. Брак или сожительство: с чего начинаются матримониальные биографии россиян // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года). Материалы V Всероссийского социологического конгресса / Под общ. ред.: В. А. Мансуров. Москва: Российское общество социологов, 2016с. С. 9574–9590.
8. Артамонова А.В., Митрофанова Е.С. Жизненные пути служивших и не служивших в армии российских мужчин // В кн.: Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2016» / Отв. ред.: И. Алешковский, А. Андриянов, Е. Антипов. Москва: МАКС Пресс, 2016d.
9. Артамонова А.В., Митрофанова Е.С. Матримониальное поведение россиян на фоне других европейцев // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5. № 1. С. 106–137.
10. Арутюнян М.Ю. Гендерные отношения в семье // Материалы Первой Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям «Валдай-96». М.: МЦГИ, 1997. С. 136–141.
11. Архангельский В.Н. Факторы рождаемости. М.: ТЕИС, 2006. 399 с.
12. Архангельский В.Н. Репродуктивное и брачное поведение // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 129–136.
13. Беляева Л.А. Социальный портрет возрастных когорт в постсоветской России // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 31–42.
14. Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX - начала XX в. Ленинград: Наука, 1988. 280 с.
15. Бирюкова С.С., Макаренцева А.О. Оценки «штрафа за материнство» в России // Население и экономика. 2017. Т. 1. № 1. С. 50–70.
16. Блоссфельд Х.-П., Хьюинк И. Методология жизненного пути исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. 9. № 1 (34).
17. Блюм А. Родиться, жить и умереть в СССР. М.: Новое издательство, 2005. 172 с.
18. Блюм А., Лефевр С., Себий П., Бадурашвили И., Ренье-Луалье А., Станкуниене В., Синявская О. Семья в четырех государствах: Франция, Грузия, Литва, Россия // Эволюция семьи в Европе: Восток-Запад / Под науч. ред. С.В. Захарова, Л.М. Прокофьевой, О.В. Синявской. М.: НИСП, 2010. С. 11–41.
19. Блюм А., Себий П., Захаров С.В. Взросление во Франции и России: различия в перспективе поколений // Эволюция семьи в Европе: Восток-Запад/ Под науч. ред. С.В. Захарова, Л.М. Прокофьевой, О.В. Синявской. М.: НИСП, 2010. С. 141–174.
20. Болдачев А.В. Темпоральность и философия абсолютного релятивизма. М.: Ленанд, 2011. 224 с.

21. Болотова А.К. Человек и время в познании, деятельности, общении. Москва: Высшая Школа Экономики (Государственный Университет), 2007. 128 с.
22. Большая советская энциклопедия. 3-е изд. / Под ред. А.М. Прохорова. М.: Государственное научное издательство «Большая советская энциклопедия», 1974.
23. Борисов В.А. Перспективы рождаемости. М.: Статистика, 1976. 248 с.
24. Бороздина Е.А., Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Как распорядиться «материнским капиталом» или граждане в семейной политике // Социологические исследования. 2012. № 7. С. 108–118.
25. Боряз В.Н. Молодежь: Методологические проблемы исследования. Ленинград: Наука, 1973.
26. Бочаров В.В. Антропология возраста. СПб: Издательство Санкт-Петербургского Университета, 2001. 194 с.
27. Брачность, рождаемость, семья за три века. / Под ред. А.Г. Вишневского, И.С. Кона. Москва: Статистика, 1979. 184 с.
28. Бредникова О. «Старородящая» молодая мать (институциональные игры с категориями возраста) // Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. С. 456–472.
29. Бурдяк А.Я. Применение метода «Анализ наступления события (Event history analysis)» с помощью пакета SPSS // SPERO. 2007. Т. 6. С. 189–202.
30. Бурдяк А.Я., Гришина Е.Е., Елисеева М.А., Кириллова М.К., Малева Т.М., Митрофанова Е.С., Тындик А.О. Разработка методологии и проведение первой пилотной волны регулярного общенационального репрезентативного обследования населения по изучению демографического, социального и экономического поведения, включая пенсионное поведение. Москва: ФГБОУ ВПО Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2014а. 95 с.
31. Бурдяк А.Я., Гришина Е.Е., Елисеева М.А., Кириллова М.К., Малева Т.М., Митрофанова Е.С., Тындик А.О. Разработка методологии и проведение первой пилотной волны регулярного общенационального репрезентативного обследования населения по изучению демографического, социального и экономического поведения, включая пенсионное поведение (Development of Methodology and Holding of the First Pilot Wave of Regular National Representative Survey of Population on the Demographic, Social and Economical Behavior, Including Retirement Behavior) // SSRN. Series «Working Papers». 2014b. № ID 2443894.
32. Бурлуцкая М., Терещенко О.В. Межпоколенная динамика репродуктивного поведения: влияние образования и установок // Беларусь: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение: Том II. Анализ результатов исследования «Поколения и гендер» / Под ред. О. Терещенко, Т. Кучера. Минск: Белсэкс, 2018. С. 64–75.
33. Ваннапагари В., Райдер Р. Мониторинг сексуального поведения населения Российской Федерации. Чэпел Хилл: Центр Народонаселения Каролины, Университет Северной Каролины, 2002.
34. Васильева Н.А., Виноградова С.М. Пространство и время в гендерном измерении // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2013. № 4.
35. Веселкова Н., Ершова Н., Прямикова Е. Растянутое взросление // Отечественные записки. 2014. № 5(62). С. 37–48.
36. Вильданова С.М., Граничная А.А., Мингалиева А.Р., Саляхиева Л.М. Тенденции распространения ценностей чайлдфри в России и их влияние на кризис института семьи // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. Т. 3. № 139. С. 192–205.

37. Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее. М.: Финансы и статистика, 1982. 287 с.
38. Вишневский А.Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ (Объединенное Гуманитарное Издательство), 1998. 432 с.
39. Вишневский А.Г. Демографическая революция // Избранные демографические труды. М.: Наука, 2005. С. 214.
40. Вишневский А.Г. Ловушки консервативной модернизации // Российская модернизация: размышляя о самобытности. М.: Институт Кеннана, 2008. С. 131–145.
41. Вишневский А.Г., Денисов Б.П., Сакевич В.И. Контрацептивная революция в России // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4. № 1.
42. Вишневский А.Г., Тольц М.С. Брачность и ее влияние на рождаемость // Воспроизводство населения СССР / Под ред. А.Г. Вишневского, А.Г. Волкова. М.: Финансы и статистика, 1983. С. 139–147.
43. Вишневский А.Г., Тольц М.С. Эволюция брачности и рождаемости в советский период // Население СССР за 70 лет. М.: Наука, 1988. С. 75–114.
44. Вовк Е. Незарегистрированные интимные союзы: «разновидности» брака или «альтернативы» ему? (Часть 1) // Социальная реальность. 2005а. № 1.
45. Вовк Е. Незарегистрированные интимные союзы: «разновидности» брака или «альтернативы» ему? (Часть 2) // Социальная реальность. 2005б. № 2.
46. Волков А.Г., Дарский Л.Е. Брак и семья. Демографический аспект. М.: Статистика, 1975. 224 с.
47. Волков А.Г., Дарский Л.Е., Ильина И.П., Тольц М.С. Формирование брачной структуры населения // Воспроизводство населения СССР / Под ред. А.Г. Вишневского, А.Г. Волкова. М.: Финансы и статистика, 1983. С. 203–216.
48. Воспроизводство населения СССР. / Под ред. А.Г. Вишневского, А.Г. Волкова. М.: Финансы и статистика, 1983. 303 с.
49. Выготский Л.С. Педология подростка. Ленинград: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1931. 326 с.
50. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М.: Мысль, 1977. 471 с.
51. Гендер для «чайников»-2. / Под ред. Л.С. Ереминой. Москва: Звенья, 2009. 245 с.
52. Герасименко И.В. Появление молодежного движения «Вандерфогель» в контексте социально-исторического развития Германии первой трети XX века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 4.
53. Гете И.В. Страдания юного Вертера. М.: Детская литература, 1982. 174 с.
54. Гиздатуллин Д.К., Игнатов Д.И., Муратова А.А., Митрофанова Е.С., Vaixeries J. Классификация демографических последовательностей на основе узорных структур // Тезисы докладов 11-й конференции Интеллектуализация обработки информации. Москва: Торус Пресс, 2016. С. 28–29.
55. Гимпельсон В.Е., Зудина А.А. Демографические проблемы рынка труда // Демоскоп Weekly. 2017. № 729–730.
56. Гладникова Е.В. Обзор подходов к исследованию частных межпоколенных трансфертов // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 5. С. 93–110.
57. Головаха Е.И., Кроник А.А. Психологическое время личности. Киев: Наукова думка, 1984. 208 с.
58. Головин Н.А. Теоретико-методологические основы исследования политической социализации. СПб: Издательство СПбГУ, 2004. 288 с.

59. Голод С.И. Что было пороками, стало нравами. Лекции по социологии сексуальности. М.: Ладомир, 2005. 240 с.
60. Голофаст В.Б. Элементы социологической теории молодёжи // Человек и общество: социальные проблемы молодёжи/ Под общ. ред. Б.Г. Ананьева, Д.А. Керманова. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1969.
61. Горизонты зрелости. / Под ред. Л.Ф. Обуховой, И.В. Шаповаленко, М.А. Одинцовой. Москва: ГБОУ ВПО МГППУ, 2015. 643 с.
62. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: демографические тенденции, историческое сознание // Мониторинг общественного мнения. 2009. № 6. С. 94.
63. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. 228–236 с.
64. Горький М. Детство. В людях. Мои университеты. М.: Молодая гвардия, 1948. 552 с.
65. Господинов К. Ювентология или социология молодежи // Проблемы молодежи. 1977. № 42. С. 22–31.
66. Градосельский В.В. Комплектование Вооруженных Сил СССР в 1970—1980-е годы // Военно-исторический журнал. 2005. Т. 9.
67. Гурко Т.А. Родительство в изменяющихся социокультурных условиях // Социологические исследования. 1997. № 1. С. 72–79.
68. Гурко Т.А. Институт семьи в постиндустриальных обществах // Ценности и смыслы. 2011. № 4(13). С. 26–45.
69. Гурко Т.А., Игнатова И.В. Особенности брачного выбора в России в начале 90-х годов // Семья в России. 1997. Т. 3. С. 51.
70. Дарский Л.Е. Формирование семьи. М.: Статистика, 1972. 207 с.
71. Дарский Л.Е., Ильина И.П. Нормализация брачности в СССР // Демографические процессы в СССР. М.: Наука, 1990. С. 6–27.
72. Дарский Л.Е., Ильина И.П. Брачность в России. Анализ таблиц брачности. М.: Информатика, 2000. 144 с.
73. Дарский Л.Е., Ильина И.П., Тольц М.С. Изменения в брачности и их влияние на рождаемость // Воспроизводство населения СССР / Под ред. А.Г. Вишневого, А.Г. Волкова. М.: Финансы и статистика, 1983. С. 160–167.
74. Демографическая модернизация России, 1900-2000. / Под ред. А.Г. Вишневого. Москва: Новое издательство, 2006. 608 с.
75. Денисенко М.Б. Межпоколенные трансферты // Экономика народонаселения / Под ред. Ионцева В.А., Саградова А.А. М.: Инфра-М, 2007.
76. Денисенко М.Б., Далла Зуанна Ж.-П. Сексуальное поведение российской молодежи // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 83–87.
77. Денисенко М.Б., Калмыкова Н.М. Демография: учебное пособие. М: Инфра-М, 2007. 424 с.
78. Денисенко М.Б., Козлов В.А. Межпоколенческие счета и демографический дивиденд в России // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5. № 4. С. 6–35.
79. Долбик-Воробей Т. Студенческая молодежь о проблемах брака и рождаемости // Социологические исследования. 2003. № 11. С. 78–83.
80. Долгова А.А., Митрофанова Е.С. Отделение от родителей в России: межпоколенческий аспект // Экономическая социология. 2015.
81. Ежов О.Н. Парадигма жизненного пути в зарубежной социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. № 3.

82. Елизаров В. Стимулирование рождаемости и поддержка семей с детьми в современной России // Рождаемость и планирование семьи в России: История и перспективы. Сборник статей / Под ред. Троицкой И.А., Авдеева А.А. М.: МГУ, 2011. С. 123–152.
83. Ефременкова Д.А. Реализация тоталитарной политики государственного контроля частной жизни граждан в брачно-семейном законодательстве СССР в период Великой Отечественной войны. Rochester, NY: Social Science Research Network, 2011.
84. Жизненный путь поколения: его выбор и утверждение. / Под ред. М.Х. Титмы. Таллин: Ээсти раамат, 1985. 369 с.
85. Жиромская В.Б. Жизненный потенциал послевоенных поколений в России. 1946-1960 / под ред. Ю. Поляков. : РГГУ, 2009. 320 с.
86. Захаров С.В. Когортный анализ смертности населения России (долгосрочные и краткосрочные эффекты неравенства поколений перед лицом смерти) // Проблемы прогнозирования. 1999. № №2. С. 114–131.
87. Захаров С.В. Демографический анализ эффекта мер семейной политики в России в 1980-х годах // SPERO. 2006а. № 5. С. 33–69.
88. Захаров С.В. Возрастная модель брака // Отечественные записки. 2006б. Т. 4. № 31. С. 271–300.
89. Захаров С.В. Трансформация брачно-партнерских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Выпуск 1 / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской. М.: НИСП, 2007. С. 75–127.
90. Захаров С.В. Ценностно-нормативные «расписания» человеческой жизни: представления жителей разных стран о том, когда девушка становится взрослой // Россия в Европе. По материалам международного проекта «Европейское социальное исследование». М.: Academia, 2009. С. 347–379.
91. Захаров С.В. Рождаемость и воспроизводство населения // Население России 2010-2011: восемнадцатый-девятнадцатый ежегодный демографический доклад. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. С. 276–385.
92. Захаров С.В. Потенциал структурных факторов роста рождаемости исчерпан? Часть первая // Демоскоп Weekly. 2017. № 731–732.
93. Захаров С.В. Рождаемость и планирование семьи в России // Население России 2016: двадцать четвертый ежегодный демографический доклад. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. С. 186–259.
94. Захаров С.В., Артамонова А.В., Митрофанова Е.С. Брачность и разводимость // Население России 2015: двадцать третий ежегодный демографический доклад / Отв. ред. С.В. Захаров. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. С. 60–111.
95. Захаров С.В., Блюм А. Демографическая история СССР и России в зеркале поколений // Население и общество. 1997. № № 17.
96. Захаров С.В., Малева Т.М., Синявская О.В. Программа «Поколения и гендер» в России: вопросы методологии // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. По материалам одного исследования. Сб. аналитических статей. Вып.1. / Научн. ред.: Т.М.Малева, О.В.Синявская. М.: НИСП, 2007. С. 35–74.
97. Захаров С.В., Сакевич В.И. Особенности планирования семьи и рождаемость в России: контрацептивная революция - свершившийся факт? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под научной ред.: Т.М. Малевой, О.В. Синявской. М.: НИСП, 2007. С. 127–170.
98. Захаров С.В., Сурков С.В. Миграционный опыт и рождаемость в послевоенных поколениях россиян // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Выпуск

- 2 / Под науч. ред. С.В. Захарова, Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. - М.: НИСП. 2009. С. 45–118.
99. Захаров С.В., Чурилова Е.В., Агаджанян В.С. Рождаемость в повторных союзах в России: позволяет ли вступление в новый супружеский союз достичь идеала двухдетной семьи? // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3. № 1. С. 35–51.
100. Здравомыслова Е. Гендерное гражданство и абортная культура // Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине: сборник статей / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. С. 108–135.
101. Здравомыслова Е., Темкина А. От лицемерия к рационализации: дискурсивная трансформации в сфере сексуальных отношений // Гендерные исследования. 2004. № 11. С. 176–186.
102. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. История и современность: Гендерный порядок в России // Гендер для «чайников». Москва: Звенья, 2008. С. 55–85.
103. Здравомыслова О.М. Как рождался «Советский патриархат». Григорий Баткис о сексуальной революции в России // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4. № 1.
104. Здравомыслова О.М., Арутюнян М.Ю. Российская семья на европейском фоне. М.: Нот Авайл, 1988. 176 с.
105. Здравомыслова О.М., Арутюнян М.Ю. Российская семья: стратегия выживания // Семья в России. 1995. № 3–4. С. 88–101.
106. Здравомыслова О.М., Шурыгина И.И. Выжить или преуспеть: представления старшеклассников о своих жизненных шансах // Кто и куда стремится вести Россию? Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. , 2001. С. 366–374.
107. Зиновьев С.И., Панов В.Г., Горшенев А.Н. Высшие учебные заведения // Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1969.
108. Ибрагимова Д.Х. Потребительские ожидания населения России: когортный анализ (1996–2010) // Экономическая социология. 2013. Т. 14. № 4. С. 137–142.
109. Ибрагимова Д.Х. Потребительские ожидания населения России (1996-2009): как взаимосвязаны когорты, поколения и возраст // Экономическая социология. 2014а. Т. 15. № 3. С. 24–69.
110. Ибрагимова Д.Х. Когортный анализ потребительских ожиданий населения России (1996–2010): теоретико-методологические основы исследования // Экономическая социология. 2014б. Т. 15. № 2. С. 99–118.
111. Иконникова С.Н. Молодежь: Социологический и социально-психологический анализ. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974.
112. Ильина И.П. Изучение брачности поколений женщин из семей рабочих и служащих в СССР // Рождаемость (Проблемы изучения). М.: Статистика, 1976. С. 121–141.
113. Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. М.: Голос, 2001. 674 с.
114. Ильинский И.М., Алешенок С.В., Володин И.А. Молодежь планеты: глобальная ситуация в 90-х годах, тенденции и перспективы. М.: Голос, 1999. 22–42 с.
115. Инглхарт Р. Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018. 327 с.
116. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство. Библиотека Фонда «Либеральная миссия», 2011. 464 с.
117. Ипатов А.А., Тындик А.О. Репродуктивный возраст: 30-летний рубеж в предпочтениях и биографиях // Мир России. 2015. № 4. С. 123–148.

118. Исупова О.Г. «Мы просто живем вместе» // Демоскоп Weekly. 2013. № 565–566.
119. Исупова О.Г. Российские консенсуальные союзы начала XXI века (по данным международного сравнительного исследования) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 2(126). С. 153–165.
120. Казьмина О., Пушкарева Н. Брак в России XX века: традиционные установки и инновационные эксперименты // Семейные узы. Модели для сборки. Книга 1. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 185–219.
121. Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? М.: Мысль, 1966.
122. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Внутренняя долговременная миграция населения в России и других странах // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2017. № 2. С. 74–80.
123. Кашина О.П. Единство и разнообразие жизненного пути человека зрелого возраста в современном обществе // 2016.
124. Ковалева А.И. Концепция социализации молодежи: нормы, отклонения, социализационная траектория // Социологические исследования. 2003. № 1. С. 109–115.
125. Ковалева А.И. Социализация // Знание. Понимание. Умение. 2004. Т. 1. С. 139–143.
126. Кокс Д.Р., Оукс Д. Анализ данных типа времени жизни. М.: Финансы и статистика, 1988. 190 с.
127. Кон И.С. Социология личности. Москва: Издательство политической литературы, 1967. 384 с.
128. Кон И.С. Психология юношеского возраста. М.: Просвещение, 1979. 176 с.
129. Кон И.С. Психология старшеклассника. Москва: Просвещение, 1980. 192 с.
130. Кон И.С. Психология ранней юности. М.: Просвещение, 1989. 255 с.
131. Кон И.С. Сексуальная культура в России: Клубничка на березке. М.: ОГИ (Объединенное Гуманитарное Издательство), 1997. 464 с.
132. Кон И.С. Социологическая психология. Воронеж: МОДЭК, 1999. 254–270 с.
133. Кон И.С. Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции // Демоскоп Weekly. 2010. № 447–448.
134. Конохова А.С. «И нам в ответ раздаются назначения по городам областного значения»: система распределения выпускников вузов в СССР в годы хрущевской «Оттепели» // Новейшая история России. 2012. № 3 (5). С. 233–242.
135. Константиновский Д.Л. Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы–начало 2000-х). М.: Центр социального прогнозирования, 2008.
136. Конт О. Дух позитивной философии. Слово о положительном мышлении. М.: Либроком, 2016. 80 с.
137. Косилова Е.В. Философия возраста: Взаимосвязь эмоционального и познавательного взросления человека. М.: Ленанд, 2014.
138. Косова Л.Б. Динамика установок россиян в сфере интимных отношений // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4. № 4.
139. Котельникова Ю.А. Жизненный сценарий личности как системный конструкт ее функционирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. № 4.
140. Красиков В.И. Синдром существования. Томск: Наука. Сибирское отделение, 2002. 256 с.
141. Кречмер Э. Строение тела и характер. Киев: Государственное издательство Украины, 1924. 281 с.

142. Кузнецов Ю.В., Кравцов В.А., Кибиткин А.И. Социально-философские концепции социализации личности (Э. Дюркгейм, Ж. Пиаже) // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2012. Т. 15. № 1.
143. Кучма В.Р. Гигиена детей и подростков: учебник для медицинских вузов. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2013. 476 с.
144. Кучмаева О.В. Возможности статистики в оценке эффективности социальных проектов // Статистика и экономика. 2010. № 5.
145. Лапето А., Терещенко О.В., Шавердо Т. Переход в самостоятельную жизнь: возрастные модели жизненных путей // Беларусь: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение: Том II. Анализ результатов исследования «Поколения и гендер» / Под ред. О. Терещенко, Т. Кучера. Минск: Белсэнс, 2018. С. 14–22.
146. Левада Ю. Поколения XX века: возможности исследования // Мониторинг Общественного Мнения: Экономические И Социальные Перемены. 2001. № 5 (55). С. 7–14.
147. Лисовский В.Т. Социология молодежи: учебник. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербургского университета, 1996.
148. Лишаев С.А. Возраст в истории европейской философии (историческое введение в философию возраста) // *Mixtura verborum* 2014: жизнь в параллельных мирах. 2015а. С. 172–200.
149. Лишаев С.А. О критериях возрастной периодизации (материалы к философии возраста) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015б. Т. 2. № 4.
150. Лишаев С.А. От детства к зрелости (феномен пролонгации молодости и современность) // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2016. Т. 2. № 20.
151. Логинова Н.А. Некоторые итоги развития биографического метода в психологии в XX веке // Методология и история психологии. 2006. Т. 1. № 2. С. 67–81.
152. Луков В.А. Теории молодежи: междисциплинарный анализ. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2012. 527 с.
153. Любарский К. Паспортная система и система прописки в России // Права людини в Україні. Інформаційно аналітичний бюлетень Українсько Аме риканського Бюро захисту прав людини. 1996. № 17. С. 82.
154. Магун В.С. Нормативные взгляды на семью у россиян и французов // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. С.В. Захарова, Т.М. Малевой, О.В. Синявской. М.: НИСП, 2009. С. 139–162.
155. Магун В.С., Руднев М.Г. Международные сравнения базовых ценностей российского населения и динамика процессов социализации // Образовательная политика. 2010. № № 7-8 (45-46). С. 96–103.
156. Магун В.С., Руднев М.Г. Ценностная гетерогенность населения европейских стран: типология по показателям Р. Инглхарта // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2012. № 3- 4 (113). С. 12–24.
157. Магун В.С., Руднев М.Г., Шмидт П. Европейская ценностная типология и базовые ценности россиян // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2015. № 3- 4 (121). С. 74–93.
158. Малева Т.М., Третьякова Е.А., Макаренцева А.О. Пронаталистская демографическая политика глазами населения: десять лет спустя // Экономическая политика. 2017. Т. 12. № 6.

159. Мали И.В. Первое немецкое молодежное движение «Вандерфогель» // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 6.
160. Мангейм К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. Т. 30. № 2. С. 7–47.
161. Мангейм К. Избранное. Диагноз нашего времени. М.: Говорящая книга, 2010. 744 с.
162. Манухина Н.М. Родители и взрослые дети. Москва: Литрес, 2017. 352 с.
163. Маркина Н.Л., Твирина Ю.А., Шумилова О.Е. Молодежь и политика // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. № 1.
164. Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И. О молодежи. М.: Молодая гвардия, 1972.
165. Мау В.А. Человеческий капитал: вызовы для России // Вопросы экономики. 2012. № 7. С. 114–132.
166. Мещеркина Е.Ю. Жизненный путь и биография: преемственность социологических категорий // Социологические исследования. 2002. № 7. С. 61–67.
167. Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988.
168. Миронова А.А. Родственная межпоколенная солидарность в России // Социологические исследования. 2014. № 10. С. 136–142.
169. Митрофанова Е.С. Семья и брак, матримониальное, репродуктивное и сексуальное поведение в крестьянской, советской и современной России // Демоскоп Weekly. 2010а. № 423–424.
170. Митрофанова Е.С. Различия в репродуктивном поведении поколений современной России // Демографическое развитие России и ее регионов (к 15-летию принятия Каирской программы действий в области народонаселения): Материалы Всероссийской школы-семинара молодых ученых (Уфа, 25 июня 2010 г.). Уфа: ГАНУ «Институт стратегических исследований Республики Башкортостан», 2010б.
171. Митрофанова Е.С. Демографическое поведение поколений россиян в сфере семьи и рождаемости // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2011. Т. 15. № 4. С. 519–542.
172. Митрофанова Е.С. Анализ демографических событий жизни // Статистические методы анализа экономики и общества. 3-я Международная научно-практическая конференция студентов и аспирантов (15-16 мая 2012 г.) / Под общ. ред.: В. С. Мхитарян, В. П. Сиротин, М. Ю. Архипова, Л. А. Родионова. Москва: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. С. 130–131.
173. Митрофанова Е.С. Возрастные особенности наступления стартовых демографических событий российских поколений // Народонаселение. 2015. № 2. С. 87–100.
174. Митрофанова Е.С. Перспективы применения анализа последовательностей: пример перехода во взрослую жизнь // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года). Материалы V Всероссийского социологического конгресса / Под общ. ред.: В. А. Мансуров. Москва: Российское общество социологов, 2016. С. 9591–9600.
175. Митрофанова Е.С., Артамонова А.В. Последовательность жизненных событий у российских мужчин, служивших и не служивших в армии // Демографическое обозрение. 2015а. № 4. С. 5–36.
176. Митрофанова Е.С., Артамонова А.В. Особенности подготовки данных о событиях жизненного пути к анализу продвинутыми статистическими методами // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2015б. № 3(127). С. 147–150.
177. Митрофанова Е.С., Артамонова А.В. Особенности подготовки данных о событиях жизненного пути к анализу продвинутыми статистическими методами // Тезисы V

- социологической Грушинской конференции «Большая социология: расширение пространства данных». Москва: ВЦИОМ, 2015с. С. 34–38.
178. Митрофанова Е.С., Артамонова А.В. Рецепт приготовления идеальной базы данных для анализа событий жизненного пути: опыт ЧСО и РидМиЖ // Тезисы VI международной социологической Грушинской конференции «Жизнь исследования после исследования: как сделать результаты понятными и полезными», 16-17 марта 2016. Материалы конференции. Москва: ВЦИОМ, 2016а. С. 888–892.
179. Митрофанова Е.С., Артамонова А.В. Применение метода анализа последовательностей для изучения жизненных путей служивших и не служивших в армии русских мужчин // Труды 7-й Международной научно-практической конференции студентов и аспирантов «Статистические методы анализа экономики и общества» (17-20 мая 2016 г.) / Отв. ред.: В. С. Мхитарян; под общ. ред.: М. Ю. Архипова, Л. А. Родионова, В. П. Сиротин. Москва: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2016б. С. 32–35.
180. Михеева А.Р. К вопросу о социальном механизме трансформации семейных отношений: опыт теоретизирования в рамках генетического структурализма // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. № 2. С. 57–80.
181. Мудрик А.В. Социализация человека. М.: Изд-во Московского психолого-социального института, 2011. 736 с.
182. Муратова А.А., Гиздатуллин Д.К., Игнатов Д.И., Митрофанова Е.С. Выявление знаний в демографических последовательностях // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года). Материалы V Всероссийского социологического конгресса / Под общ. ред.: В. А. Мансуров. Москва: Российское общество социологов, 2016. С. 9601–9615.
183. Мурзаева Е.С. Периодизация истории государственного регулирования труда молодых специалистов в советское время // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 4. С. 273–278.
184. Народонаселение. Энциклопедический словарь. / Под ред. А.Я. Кваша. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1994. 639 с.
185. Население России 2005: Тринадцатый ежегодный демографический доклад. / Под ред. А.Г. Вишневого. Москва: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. 245 с.
186. Население России 2007: Пятнадцатый ежегодный демографический доклад. / Под ред. А.Г. Вишневого. Москва: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2009. 296 с.
187. Население России 2010-2011: восемнадцатый-девятнадцатый ежегодный демографический доклад А.Г. / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 530 с.
188. Население России 2012: двадцатый ежегодный демографический доклад А.Г. / Под ред. А.Г. Вишневого. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 412 с.
189. Население России 2014: двадцать второй ежегодный демографический доклад А.Г. / Под ред. А.Г. Вишневого. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 357 с.
190. Науэн М.С. Метод когортного анализа в социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. 9. № 3.
191. Начало пути: поколение со средним образованием. / Под ред. М.Х. Титмы. Москва: Наука, 1989. 240 с.
192. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Российские городские системы в зеркале эволюционных теорий урбанизации // Город и деревня Европейской России: сто лет перемен. М.: ОГИ, 2001.
193. Ниворожкина Л.И. Работающие пенсионеры: как долго продолжать трудиться // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. М.: Независимый институт социальной политики, 2007. С. 596–623.

194. Ниворожкина Л.И. Статистические методы в управлении рисками: анализ данных о длительности состояний: учебно-методическое пособие. Ростов н/Д: Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), 2015. 92 с.
195. Ниворожкина Л.И., Ниворожкин А.М., Федосова О.Н. Моделирование поведения безработных на рынке труда крупного города // EERC Working Paper № 01/08. 2002.
196. Никитенко В.В. Демографический анализ поколений. Москва: Статистика, 1979.
197. Новикова Э.Е., Языкова В.С., Янкова З.А. Женщина, труд, семья. М.: Профиздат, 1987.
198. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2016. 256 с.
199. Павловский В.В. Ювентология: Проект интегративной науки о молодежи. М.: Академический Проект, 2001. 304 с.
200. Патрушев В.Д. Динамика использования бюджетов времени городским и сельским населением // Социологические исследования. 2005. Т. 8. С. 46–50.
201. Пиаже Ж. Жан Пиаже. Избранные психологические труды. М.: Просвещение, 1969. 660 с.
202. Пивоваров Ю.Л. Урбанизация России в XX веке: представления и реальность // Общественные науки и современность. 2001. № 6. С. 101–113.
203. Плавинский С.Л. Биостатистика: планирование, обработка и представление результатов биомедицинских исследований при помощи системы SAS. СПб: Издательский дом СПбМАПО, 2005.
204. Платон. Собрание сочинений. М.: Мысль, 1994.
205. Поливанова К.Н. Практики развития: взросление в современном мире // Материалы научно-экспертного семинара «Новое детство». М.: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2012.
206. Попов А.А. Искусственные аборт и планирование семьи в СССР // Семья и семейная политика / Под ред. А.Г. Вишневого. Демография и социология. Вып. 1. М.: ИСЭПН, 1991. С. 119–135.
207. Попов Р. Количественные характеристики урбанизации в регионах Европейской России за 100 лет // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М.: ОГИ, 2001. С. 155–170.
208. Попова Д.О. Трансформация семейных ценностей и второй демографический переход в России: кто в авангарде? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. М.: Независимый институт социальной политики, 2009. С. 336.
209. Пресса Р. Народонаселение и его изучение: Демографический анализ. М.: Статистика, 1966. 444 с.
210. Прохоров М.М., Кашина О.П. Зрелость человека в трактовках философии и ее многомерность // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2013. Т. 25. № 16 (159).
211. Радаев В.В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33.
212. Радаев В.В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 224 с.
213. Ремшмидт Х. Подростковый и юношеский возраст: Проблемы становления личности. Москва: Мир, 1994. 320 с.
214. Ренье-Луалье А., Бадурашвили И., Циклаури Ш. Семейные ситуации, календарь ухода из родительского дома и межпоколенные взаимоотношения в Грузии и Франции // Эволюция семьи в Европе: Восток-Запад / Под науч. ред. С.В. Захарова, Л.М. Прокофьевой, О.В. Синявской. М.: НИСЦ, 2010. С. 109–141.

215. Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. / Под ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской. М.: Независимый институт социальной политики, 2007. 640 с.
216. Рождаемость (Проблемы изучения). / Под ред. Л.Е. Дарского. М.: Статистика, 1976. 142 с.
217. Рождественская Е.Ю. Отцовство: либеральный тренд от отца к папе? // Социологический журнал. 2010. № 3. С. 75–89.
218. Рождественская Е.Ю. Возможности концепции баланса жизни и труда на фоне изменений биографического тайминга // The Journal of Social Policy Studies. 2011. Т. 9. № 4. С. 439–454.
219. Рождественская Е.Ю. Биографический метод в социологии. М.: Высшая Школа Экономики (Государственный Университет), 2012. 384 с.
220. Рождественская Е.Ю. Социальный контракт в эпоху 90-х // ИНТЕРАкция. ИНТЕРВью. ИНТЕРпретация. 2019. Т. 11. № 18. С. 55–79.
221. Роттердамский Э. О воспитании детей // Образ человека в зеркале гуманизма: мыслители и педагоги эпохи Возрождения о формировании личности (XIV–XVII вв.). М.: Изд-во УРАО, 1999. С. 246–302.
222. Руднев М.Г., Магун В.С. Ценностный консенсус и факторы ценностной дифференциации населения России и других европейских стран // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2011. № 4 (110). С. 81–96.
223. Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании. М.: Янтарный сказ, 2001.
224. Руткевич М.Н. Социология образования и молодежи: Избранное 1965-2002. М.: Гардарики, 2002. 539 с.
225. Савченков Ю., Солдатова О., Шилов С. Возрастная физиология. Физиологические особенности детей и подростков. М.: Владос, 2013. 143 с.
226. Сваффорд М.С., Косолапов М.С., Козырева П.М. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ): измерение благосостояния россиян в 90-е годы // Мир России. Социология. Этнология. 1999. Т. 8. № 3.
227. Семейный кодекс Российской Федерации. Семейный кодекс Российской Федерации. М.: Собрание законодательства РФ, 2016. 64 с.
228. Семенова В.В., Рождественская Е.Ю., Полухина Е.В., Стрельникова А.В. Социобиографический подход к изучению социальной мобильности: научный замысел и его реализация // Социологический журнал. 2016. Т. 22. № 3. С. 143–164.
229. Семья и рождаемость: Основные результаты выборочного обследования. 2009 год. М.: ИИЦ «Статистика России», 2010. Вып. Росстат. 112 с.
230. Симонова О.А. К истокам социологии идентичности: теория Э. Г. Эриксона. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2011. 232 с.
231. Сифман Р.И. Изучение факторов, определяющих рождаемость, в современных зарубежных исследованиях // Статистика и электронно-вычислительная техника в экономике. М.: НИИ ЦСУ СССР, 1966. С. 355–369.
232. Сифман Р.И. Показатели брачности и плодовитости женщин, сгруппированных по году рождения (коhort по году рождения), и показатели плодовитости по году вступления в брак (брачных коhort) // Вестник статистики. 1967. № 8. С. 87–91.
233. Сифман Р.И. Интервалы между рождениями и между вступлением в брак и первым рождением // Изучение воспроизводства населения. М.: Наука, 1968. С. 107–133.
234. Сифман Р.И. Метод коhort в изучении плодовитости женщин (по материалам анамнестических обследований) // Здравоохранение Российской Федерации. 1969. № 4. С. 34–37.

235. Сифман Р.И. Размещение рождений в течение периода плодovitости женщин в СССР // Факторы рождаемости / Под ред. А.Г. Волкова. М.: Статистика, 1971. С. 13–22.
236. Сифман Р.И. Демография поколений. М.: Статистика, 1972.
237. Слуцкий Е., Журавлев В. Ювенология в XXI веке. Комплексное междисциплинарное знание о молодом поколении. П.: Петрополис, 2007. 216 с.
238. Смыслов Д.А., Доценко И.В. Отцовство как общественный и социально-психологический феномен // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2011. № 7 (95). С. 122–139.
239. Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940-1985. / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008. 376 с.
240. Соколов М.М. Студенческая культура, образовательные институты и политическая социализация: Беннингтонские исследования Ньюкомба // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2013. № 6. С. 36–41.
241. Солдатова Е.Л. Структура и динамика нормативного кризиса перехода к взрослости. Челябинск: ЮУрГУ, 2007. 222 с.
242. Солодников В.В., Солодникова И.В. Зрелый возраст в контексте жизненного пути // Человек. 2009а. № 2. С. 95–106.
243. Солодников В.В., Солодникова И.В. Объект исследования - «средний возраст» человека // 2009б. Т. №1(89). С. 166–185.
244. Спенсер Г. Основания социологии. Том 1 и 2. СПб: Издание ИИ Билибина, 1876.
245. Спенсер Г. Основания науки о нравственности. СПб: Издание И.И. Билибина, 1880.
246. Станкуниене В., Захаров С.В., Маслаускайте А., Баублите М., Ренье-Луалье А. Переход к новой модели формирования брачно-партнерских союзов во Франции, Литве и России // Эволюция семьи в Европе: Восток-Запад / Под науч. ред. С.В. Захарова, Л.М. Прокофьевой, О.В. Синявской. М.: НИСП, 2010. С. 174–232.
247. Сушко П.Е., Митрофанова Е.С., Артамонова А.В. Модели миграционных биографий россиян: новые интерпретационные схемы // Современные исследовательские практики в социологии: сборник материалов конференции молодых ученых (Москва, 19–20 апреля 2017 г.) / Под науч. редакцией: В. В. Семенова М.: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук Институт социологии РАН. 2017. С. 77–86.
248. Темкина А. Гендерный порядок: постсоветские трансформации (Северный Таджикистан) // Гендер: традиция и современность. Душанбе: Школа гендерного образования, 2005.
249. Темкина А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 4–15.
250. Терещенко О.В. Метод когортного анализа в социальных исследованиях // Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М). 2009. Т. 0. № 29. С. 172-185–185.
251. Терещенко О.В. Современные тенденции развития статистического анализа данных социологических исследований // Социология. 2010. № 1. С. 100–109.
252. Терещенко О.В., Королева И. Использование лонгитюдных данных в причинном моделировании // Социологические методы в современной исследовательской практике: Сборник статей памяти А. Крыштановского / Отв. ред. и вступит. ст. О. А. Оберемко. М.: НИУ ВШЭ, 2011. С. 557.
253. Титма М.Х. Выбор профессии как социальная проблема (на материалах конкретных исследований в ЭССР). Москва: Мысль, 1975.

254. Титма М.Х., Голенкова Ж.Т. Социальное расслоение возрастной когорты: Выпускники 80-х в постсоветском пространстве. М.: ИС РАН, 1997. 278 с.
255. Титма М.Х., Саар Э.А. Молодое поколение. Москва: Мысль, 1986.
256. Толстой Л.Н. Детство. Отрочество. Юность. М.: Правда, 1987. 432 с.
257. Толстых Н.Н. Современное взросление // Консультативная психология и психотерапия. 2015. Т. 23. № 4. С. 7–24.
258. Тольц М.С. Характеристика некоторых компонентов рождаемости в большом городе // Демографический анализ рождаемости / Под ред. Д.И. Валентя. М.: Статистика, 1974. С. 45–55.
259. Тольц М.С. Брачность населения России в конце XIX - начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Статистика, 1977. С. 138–153.
260. Тольц М.С., Антонова О.И., Андреев Е.М. Рождения вследствие внебрачных зачатий // Демоскоп Weekly. 2006. № 229–230.
261. Тольц М.С., Оберг Л.Я. Дифференциация отдельных компонентов рождаемости на ранних этапах формирования семьи // Социально-демографические исследования брака, семьи, рождаемости и репродуктивных установок. Ереван: , 1983. С. 118–122.
262. Тольц М.С., Оберг Л.Я., Шишко О.А. Начальные этапы реализации репродуктивной функции женщин // Здравоохранение Российской Федерации. 1984. № 7. С. 13–15.
263. Троицкая И., Авдеев А., Капанадзе Е., Третьякова В. Сравнительный анализ контрацептивного поведения: Франция, Грузия, Литва и Россия // Эволюция семьи в Европе: Восток-Запад / Под науч. ред. С.В. Захарова, Л.М. Прокофьевой, О.В. Синявской. М.: НИСП, 2010. С. 266–304.
264. Троцук И.В. «Умолчания» поколенческого анализа: объективное и субъективное значение возраста // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2015. Т. 15. № 2. С. 19–35.
265. Тындик А.О. Демографическая повестка современной России: структура и воспроизводство населения. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 96 с.
266. Тындик А.О., Малева Т.М., Бурдяк А.Я., Ипатова А.А., Логинов Д.М., Дормидонтова Ю.А., Митрофанова Е.С. Регулярное общенациональное репрезентативное обследование населения по изучению демографического, социального и экономического поведения «Человек, Семья, Общество»: анализ результатов первой волны и методическая подготовка второй волны (Regular National Representative Survey of the Demographic, Social and Economic Behavior of the Population «Person, Family, Society»: An Analysis of the First Wave Data and Methodical Preparation to the Second Wave) // SSRN. Series «Working Papers». 2015. № ID 2559218.
267. Тындик А.О., Митрофанова Е.С. Социально-экономическое поведение индивида в зеркале концепции жизненного пути // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 3(121). С. 146–159.
268. Узик А.В. Ценностные ориентации и семейное поведение городского населения современной России // Демографические исследования. 2006. Т. 5.
269. Улицкий Я.С. Демографическое понятие поколения // Ученые записки по статистике. Сборник статей под ред. акад. В.С. Немчинова. М.: Гос. стат. изд-во, 1959. С. 19–56.
270. Урланис Б.Ц. История одного поколения. М.: Мысль, 1968. 270 с.
271. Фазылова Д.Р. Путь личности в рамках жизненных стратегий // Культура народов Причерноморья. 2002. № 36. С. 192–195.

272. Фельдштейн Д.И. Психология взросления. Структурно-содержательные характеристики процесса развития личности. Москва: Московский психолого-социальный институт, 1999.
273. Фребель Ф. Детский сад // Педагогические сочинения. М.: Книгоиздательство, 1913.
274. Фрейд З. Собрание сочинений. М.: Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2005.
275. Фрейка Т., Захаров С.В. Эволюция рождаемости в России за полвека: оптика условных и реальных поколений // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1. № 1 (1).
276. Харламенкова Н.Е. Самоутверждение подростка. Москва: ИП РАН, 2007. 384 с.
277. Хрестоматия по истории психологии. / Под ред. П.Я. Гальпериной, А.Н. Ждан. М.: Изд-во МГУ, 1980. 122–142 с.
278. Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 1993.
279. Чердниченко Г.А. Молодёжь после получения среднего образования: образовательные и профессиональные траектории // Вестник Института Социологии. 2011. № 1 (2). С. 67–86.
280. Чердниченко Г.А., Шубкин В.Н. Молодежь вступает в жизнь: Социологические исследования проблем выбора профессии и трудоустройства. М.: Мысль, 1985.
281. Чернова Ж.В. Специфика гендерных отношений молодых взрослых // Социологические исследования. 2012. № 7. С. 118–127.
282. Чернова Ж.В. Репрезентации отцовства: социологический анализ блогов // ИНТЕР. 2018. Т. 10. № 15. С. 6–23.
283. Чернова Ж.В., Шпаковская Л. Молодые взрослые: супружество, партнерство и родительство. Дискурсивные предписания и практики в современной России // Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2010. № 3. С. 19–43.
284. Черняк Е.М. Добрачное поведение молодёжи как фактор стабильности семьи // Демографические исследования. 2009. № 10. С. 18–23.
285. Чупров В.И. Социальное развитие молодежи: теоретические и прикладные проблемы. М.: Социум, 1994. 139 с.
286. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М.: Наука, 2003. 231 с.
287. Чурилова Е.В., Чумарина В.Ж. Внебрачные рождения и добрачные зачатия в России: осознанное решение родителей? // Вопросы статистики. 2014. № 7. С. 43–49.
288. Шабунова А.А., Калачикова О.Н. Проблемы трансформации демографических институтов: семья и брак // Социологический альманах. 2015. № 6. С. 151–165.
289. Шпрангер Э. Два вида психологии // Хрестоматия по истории психологии / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 286–300.
290. Эволюция семьи и семейная политика. / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Наука, 1992. 140 с.
291. Эльконин Д.Б. Некоторые аспекты психического развития в подростковом возрасте // Психология подростка: Хрестоматия. Москва: Российское педагогическое агенство, 1997. С. 526.
292. Эпштейн М.Н. К философии возраста. Фрактальность жизни и периодическая таблица возрастов // Бюллетень сибирской медицины. 2006. Т. 5. № 5.
293. Янкова З.А. Советская женщина: социальный портрет. М.: Политиздат, 1978. 159 с.
294. Янкова З.А., Ачильдиева Е.Ф., Лосева О.К. Мужчина и женщина в семье // Финансы и статистика. 1983. Т. 12.

295. Aalen O., Borgan Ø., Gjessing S. Survival and event history analysis a process point of view. New York; London: Springer, 2008.
296. Aassve A., Billari F.C., Mazzucco S., Ongaro F. Leaving home ain't easy. A comparative longitudinal analysis of ECHP data // Working papers of the Max Planck Institute for Demographic Research. WP 2001-038. Rostock, Germany: Max Planck Institute for Demographic Research, 2001.
297. Adam B. Timewatch: The Social Analysis of Time. Cambridge: Polity Press, 1995.
298. Adamski W. Problemy socjologii młodzieży // Studia socjologiczne. 1971. T. 4. № 43. C. 137–154.
299. Aging and society. / (Eds.) M.W. Riley, M. Johnson, A. Foner. New York: Russell Sage Foundation, 1972. 668 c.
300. Allison P.D. Event history analysis: regression for longitudinal event data. Iowa City: SAGE Publications, 1984.
301. Alwin D.F. Integrating Varieties of Life Course Concepts // Journals of Gerontology. 2012. T. 67. № 2. C. 206–220.
302. Alzúa M.L., Velázquez C. The effect of education on teenage fertility: causal evidence for Argentina // IZA Journal of Development and Migration. 2017. T. 7. № 1.
303. Arnett J.J. Emerging adulthood: A theory of development from the late teens through the twenties. // American Psychologist. 2000. T. 55. № 5. C. 469–480.
304. Arnett J.J. Conceptions of the transition to adulthood among emerging adults in American ethnic groups // New directions for child and adolescent development. 2003. T. 2003. № 100. C. 63–76.
305. Arnett J.J. Emerging adulthood: What is it, and what is it good for? // Child development perspectives. 2007. T. 1. № 2. C. 68–73.
306. Arnett J.J. Emerging Adulthood(s) // Bridging Cultural and Developmental Approaches to Psychology. USA: Oxford University Press, 2011. C. 255–275.
307. Arnett J.J. New Horizons in Research on Emerging and Young Adulthood // Early Adulthood in a Family Context. NY: Springer, 2012. C. 231–244.
308. Avdeev A., Blum A., Troitskaya I. The History of Abortion Statistics in Russia and the USSR from 1900 to 1991 // Population: An English Selection. 1995. T. 7. C. 39–66.
309. Baltes P.B., Reese H.W., Nesselrode J.R. Life-span developmental psychology: Introduction to research methods. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1998.
310. Baltes P.B., Staudinger U., Lindenberger U. Lifespan psychology: Theory and application to intellectual functioning. New York/London: Routledge, 2002.
311. Bamber J.H. Adolescent marginality - a further study // Genetic psychology monographs. 1973. T. 88. № 1.
312. Beaujouan E., Brzozowska Z., Zeman K. The limited effect of increasing educational attainment on childlessness trends in twentieth-century Europe, women born 1916–65 // Population Studies. 2016. T. 70. № 3. C. 275–291.
313. Begall K., Mills M.C. The influence of educational field, occupation, and occupational sex segregation on fertility in the Netherlands // European Sociological Review. 2012. C. jcs051.
314. Benedict R.F. Patterns of Culture. Boston, New York: Houghton Mifflin Company, 1934.
315. Benedict R.F. Continuities and discontinuities in cultural conditioning // Psychiatry. 1938. № 1. C. 161–167.
316. Bengtson V.L., Achenbaum W.A. The Changing Contract Across Generations. New York: Transaction Publishers, 1993. 348 c.

317. Benjamin A., Crymble S.B. A Re-Imagination of the Transition to Adulthood // Transformative Learning Meets Bildung / под ред. A. Laros, T. Fuhr, E.W. Taylor. Rotterdam: SensePublishers, 2017. С. 247–258.
318. Benson J.E., Elder Jr. G.H. Young Adult Identities and Their Pathways: a Developmental and Life Course Model // *Developmental Psychology*. 2011. Т. 47. № 6. С. 1646–1657.
319. Berger P.L., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. Garden City, NY: First Anchor, 1966.
320. Berrington A., Stone J., Beaujouan E. Educational differences in timing and quantum of childbearing in Britain: A study of cohorts born 1940–1969 // *Demographic Research*. 2015. Т. 33. С. 733–764.
321. Billari F.C. Europe and its fertility: From low to lowest low // *National Institute Economic Review*. 2005. Т. 194. № 1. С. 56–73.
322. Billari F.C. A “Great Divergence” in Fertility? // *Low Fertility Regimes and Demographic and Societal Change*. Switzerland: Springer, Cham, 2018. С. 15–35.
323. Billari F.C., Filipov D. Education and the transition to motherhood: A comparative analysis of Western Europe. Vienna: Vienna Institute of Demography, Austrian Academy of Sciences, 2004.
324. Billari F.C., Giuntella O., Stella L. Does broadband Internet affect fertility? // *Population Studies*. 2019. С. 1–20.
325. Billari F.C., Hagestad G.O., Liefbroer A.C., Spéder Z. The Timing of Life: The Organization of the Life Course in Europe // *The timing of life: The organisation of the life course in Europe*. London: European Social Survey, 2005a.
326. Billari F.C., Hagestad G.O., Liefbroer A.C., Zsolt S. Question Module Design Team (ESS Round 3) Application Form: The Timing of Life: The Organization of the Life Course in Europe. , 2005b.
327. Billari F.C., Liefbroer A.C. Should I Stay or Should I Go? The Impact of Age Norms on Leaving Home // *Demography*. 2007. № 1. С. 181.
328. Billari F.C., Liefbroer A.C. Towards a new pattern of transition to adulthood? // *Advances in Life Course Research*. 2010. Т. 15. № 2. С. 59–75.
329. Billari F.C., Philipov D. Women’s education and entry into a first union. A simultaneous-hazard comparative analysis of Central and Eastern Europe // *Vienna Yearbook of Population Research*. 2004. С. 91–110.
330. Billari F.C., Philipov D., Baizán P. Leaving home in Europe: The experience of cohorts born around 1960 // *International Journal of Population Geography*. 2001. Т. 7. № 5. С. 339–356.
331. Billingsley S., Sakkeus L., Puur A. Jobs, careers, and becoming a parent under state socialist and market conditions: Evidence from Estonia 1971-2006 // *Demographic Research*. 2014. Т. 30. С. 1733–1768.
332. Blos P. The second individuation process of adolescence // *The psychoanalytic study of the child*. 1967. Т. 22. № 1. С. 162–186.
333. Blossfeld H.P., Maurice J. Education as a lifelong process // *Zeitschrift für Erziehungswiss.* 2011. Т. 14. С. 19–34.
334. Blossfeld H.-P., Schneider T., Doll J. Methodological advantages of panel studies: Designing the new National Educational Panel Study (NEPS) in Germany // *Journal for Educational Research Online/Journal für Bildungsforschung Online*. 2009. Т. 1. № 1. С. 10–32.
335. Britton P., Ouimette P., Bossarte R. The effect of depression on the association between military service and life satisfaction // *Quality of Life Research*. 2012. Т. 21. № 10. С. 1857– 1862.
336. Bronfenbrenner U. The ecology of human development. Harvard: Harvard University Press, 2009.

337. Brzozowska Z., Beaujouan É., Zeman K. Why Has the Share of Two-Child Families Stopped Growing? Trends in Education-Specific Parity Distribution in Low-Fertility Countries // Working papers. Wien, Österreich: Vienna Institute of Demography. Austrian Academy of Sciences, 2017. C. 35.
338. Buchmann M. The script of life in modern society: entry into adulthood in a changing world. Chicago: University of Chicago Press, 1989.
339. Buchmann M.C., Kriesi I. Transition to Adulthood in Europe // Annual Review of Sociology. 2011. № 37. C. 481–503.
340. Buhler C. Basic theoretical concepts of humanistic psychology // American Psychologist. 1971. T. 26. № 4. C. 378–386.
341. Cain Jr. L.D. Life course and social structure // Handbook of modern sociology. Chicago: Rand McNally, 1964. C. 309.
342. Caplan G. Principles of preventive psychiatry. New York: Basic Books, 1964.
343. Carmichael L. Ontogenetic development // Handbook of Experimental Psychology. NY: Wiley, 1951.
344. Chałasiński J. Społeczeństwo i wychowanie. Warszawa: Naukowe, 1958.
345. Cheah C.S.L., Trinder K.M., Gokavi T.N. Urban/rural and gender differences among Canadian emerging adults // International Journal of Behavioral Development. 2010. T. 34. № 4. C. 339–344.
346. Cheal D.J. Intergenerational Family Transfers // Journal of Marriage and Family. 1983. T. 45. № 4. C. 805.
347. Chen C., Fan C.C. Gender and generational differences in first outward- and first inward-moves: An event-history analysis of rural migrants in China // Environment and Planning A: Economy and Space. 2018. T. 50. № 8. C. 1646–1669.
348. Clark S., Cotton C. Transitions to adulthood in urban Kenya: a focus on adolescent migrants // Demographic Research. 2013. C. 1053.
349. Coleman J.C., Hendry L.B. The nature of adolescence. New York; London: Routledge, 1999.
350. Corijn M., Klijzing E. Transitions to adulthood in Europe. Dordrecht: Springer, 2001.
351. Courgeau D. Family Formation and Urbanization // Population: An English Selection. 1989. T. 44. № 1. C. 123–146.
352. Cox D.R. Regression Models and Life-Tables // Journal of the Royal Statistical Society. Series B (Methodological). 1972. № 2. C. 187.
353. Davis J.C., Henderson J.V. Evidence on the political economy of the urbanization process // Journal of urban economics. 2003. T. 53. № 1. C. 98–125.
354. Dyson T. The role of the demographic transition in the process of urbanization // Population and Development Review. 2011. T. 37. № 1. C. 34–54.
355. Easterlin R.A. Growth triumphant: the twenty-first century in historical perspective. Michigan: University of Michigan Press, 2009.
356. Eisenstadt S.N. From Generation to Generation: Age Groups and Social Structure. Glencoe: Free Press, 1956.
357. Ejrnas A., Boje T.P. Family Policy and Welfare Regimes // Report 3: Labour Market and social Policies. Aberdeen: University of Aberdeen, 2008.
358. Elder Jr. G.H. Age Differentiation and the Life Course // Annual Review of Sociology. 1975. № 1. C. 165–190.
359. Elder Jr. G.H. War mobilization and the life course: A cohort of World War II veterans // Sociological Forum. 1987. T. 2. № 3. C. 449–472.

360. Elder Jr. G.H. The life course paradigm // Examining lives in context: Perspectives on the ecology of human development. Washington, DC: American Psychological Association, 1995a. C. 101 – 139.
361. Elder Jr. G.H. Life course dynamics. Trajectories and transitions, 1968-1980. Ithaca: Cornell University Press, 1995b.
362. Elder Jr. G.H., Johnson M.K., Crosnoe R. The Emergence and Development of Life Course Theory. New York: Kluwer Academic/Plenum, 2003. C. 3–19.
363. Elder Jr G.H., Johnson M.K., Crosnoe R. The Emergence and Development of Life Course Theory // Handbook of the Life Course. 2003. C. 3–19.
364. Elkind D. School and Family in the Postmodern World // Phi Delta Kappan. 1995. T. 77. № 1. C. 8.
365. Encyclopedia of the Life Course and Human Development. / (Ed.) D.S. Carr. Detroit: Macmillan Reference USA, 2009. 569 c.
366. Erikson E.H. Identity: Youth and Crisis. New York: W. W. Norton & Company, 1995. 336 c.
367. Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. NJ: Polity Press, 1990.
368. Esping-Andersen G. Why We Need a New Welfare State. New York: OUP Oxford, 2002.
369. Esping-Andersen G. Family formation and family dilemmas in contemporary Europe. Bilbao, Spain: Fundacio'n BBVA, 2007. 289 c.
370. Espy IV T.H., Mitrofanova E.S. Sequence Analysis of the Migration Biographies of Russians. Rochester, NY: Social Science Research Network, 2017.
371. Event history analysis in life course research. / (Eds.) K.U. Mayer, N.B. Tuma. Madison, Wis.: University of Wisconsin Press, 1990.
372. Eysenck H.J., Rachman S. Neurosen, Ursachen und Heilmethoden. Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1967.
373. Feldman R.A. Normative integration, alienation, and conformity in adolescent groups // Adolescence. 1972. T. 7. № 27. C. 327–341.
374. Fiori F., Rinesi F., Graham E. Choosing to Remain Childless? A Comparative Study of Fertility Intentions Among Women and Men in Italy and Britain // European Journal of Population. 2017. T. 33. № 3. C. 319–350.
375. Fischer G. Lifelong Learning and its Support with New Media: Cultural Concerns // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. Amsterdam; New York: Elsevier, 2001. C. 8836–8840.
376. Frankel L.L., Hillygus D.S. Looking Beyond Demographics: Panel Attrition in the ANES and GSS // Political Analysis. 2014. T. 22. № 3. C. 336–353.
377. Frejka T., Gietel-Basten S. Fertility and Family Policies in Central and Eastern Europe after 1990 // Comparative Population Studies, Vol 41, No 1 (2016). 2016.
378. Frejka T., Zakharov S.V. Comprehensive analyses of fertility trends in the Russian Federation during the past half century // Max Planck Institute for Demographic Research. Series «MPIDR Technical Report». No. WP2012-027. 2012.
379. Freud A. Das Ich und die Abwehrmechanismen. Wein: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1936.
380. Friedrich W. Jugend heute. Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1967.
381. Frobenius L. Die Masken und Geheimbunde Afrikas // Nova acta Academiae Caesareae Leopoldino. 1898. T. 74. № 1.
382. Fukuda S. Leaving the parental home in post-war Japan: Demographic changes, stem-family norms and the transition to adulthood // DEMOGRAPHIC RESEARCH. 2009. T. 20. C. 731–816.

383. Fussell E. The Transition to Adulthood in Aging Societies // *Annals of the American Academy of Political & Social Science*. 2002. № 580. C. 16–39.
384. Gabriel F. *Deconstructing Youth*. London: Palgrave Macmillan UK, 2013.
385. Garrison K.C., Garrison Jr. K.C. *Psychology of Adolescence*. New York: Prentice-Hall, 1975. 477 c.
386. Gauthier A.H. Becoming a Young Adult: An International Perspective on the Transitions to Adulthood // *European Journal of Population*. 2007. T. 23. № 3–4. C. 217–223.
387. Gesell A., Ilg F.L., Ames L.B. *Youth: The years ten to sixteen*. New York: Harper, 1956.
388. Giddens A. *Modernity and self-identity: Self and society in the late modern age*. Cambridge: Polity Press, 1991.
389. Giddens A. Living in a post-traditional society // *Reflexive Modernization; Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order*. Cambridge, UK: Polity Press; Blackwell, 1994. C. 56–109.
390. Gizdatullin D.K., Ignatov D.I., Mitrofanova E.S., Muratova A.A. Classification of Demographic Sequences Based on Pattern Structures and Emerging Patterns // *14th International Conference on Formal Concept Analysis - Supplementary Proceedings*. Rennes, France: University Rennes, 2017. C. 49–66.
391. Glass D.V. *Population, policies and movements in Europe*. Oxford: Clarendon Press, 1940. 490 c.
392. Goldstein S. Interrelations between migration and fertility in Thailand // *Demography*. 1973. T. 10. № 2. C. 225–241.
393. Gould R. *Transformations: Growth and Change in Adult Life*. New York: Simon & Schuster Books, 1978.
394. GRIESE H.M. *Sozialwissenschaftliche Jugendtheorien*. Weinheim-Basel: Beltz, 1977.
395. Hajnal J. European marriage patterns in perspective // Glass DV, Eversley DE, eds. *Population in history: essays in historical demography*. Chicago, Illinois: Aldine Publishing Company, 1965. C. 101–143.
396. Hall G.S. *Adolescence: its psychology and its relations to physiology, anthropology, sociology, sex, crime, religion and education*. NY: D. Appleton and Company, 1904. 634 c.
397. Hardy M., Bryman A. *Handbook of data analysis*. London: SAGE Publications, 2004.
398. Hartmann J. Schooling, Unemployment and Labor Market Participation as Indicators for Youth Integration into Society // *Social Indicators in Comparative Youth Studies*. 1986. C. 102–111.
399. Havighurst R.J. *Developmental Tasks and Education*. New York: Longman Group United Kingdom, 1972.
400. Hedlund M., Lundholm E. Restructuring of rural Sweden – Employment transition and out-migration of three cohorts born 1945–1980 // *Journal of Rural Studies*. 2015. T. 42. C. 123–132.
401. Heinz W.R., Huinink J., Weymann A., Swader C. *The life course reader: individuals and societies across time*. Frankfurt; New York: Campus Verlag, 2009.
402. Heinz W.R., Marshall V.W. *Social dynamics of the life course: transitions, institutions, and interrelations*. New York: Aldine de Gruyter, 2003. 306 c.
403. Heitmeyer W., Hurrelmann K. *Sozialisations- und handlungstheoretische Ansätze in der Jugendforschung // Handbuch der Jugendforschung*. Opladen: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1988. C. 47–70.
404. Hendry L., Kloep M. *Adolescence and Adulthood: Transitions and Transformations*. Houndmills, Basingstoke; New York, NY: Palgrave Macmillan, 2012. 216 c.
405. Hofstätter P.R. *Einführung in die Sozialpsychologie*. Wien: Universität, 1954.

406. Horowitz A.D., Bromnick R.D. "Contestable Adulthood": Variability and Disparity in Markers for Negotiating the Transition to Adulthood // *Youth & Society*. 2007. T. 39. № 2. C. 209–231.
407. Howe N., Strauss W. Wave Theory // *International Economy*. 1998. T. 12. № 6. C. 62.
408. Huinink J. De-Standardisation or Changing Life Course Patterns? Transition to Adulthood from a Demographic Perspective // *The Demography of Europe*. Dordrecht: Springer Netherlands, 2013. C. 99–118.
409. Human Adaptation: Coping with Life Crises. / (Ed.) R.H. Moos. Heath: Lexington, 1976.
410. Iacovou M., Skew A. Household Structure in the European Union // *ISER Working Papers*. Institute for Social and Economic Research. 2010.
411. Ignatov D.I., Mitrofanova E.S., Muratova A.A., Gizdatullin D.K. Pattern Mining and Machine Learning for Demographic Sequences // *Knowledge Engineering and Semantic Web Communications in Computer and Information Science*. Switzerland: Springer International Publishing, 2015. C. 225–243.
412. Inglehart R. Changing values, economic development and political change // *International Social Science Journal*. 1995. T. 47. № 145. C. 379–403.
413. Inglehart R. Mapping Global Values // *Comparative Sociology*. 2006. T. 5. № 2/3. C. 115–136.
414. Jaensch E.R. Die Eidetik und die typologische Forschungsmethode. Leipzig: Quelle & Meyer, 1925.
415. Johnson M.K., Elder G.H. Educational Pathways and Work Value Trajectories // *Sociological Perspectives*. 2002. T. 45. № 2. C. 113–138.
416. Jones H.E. The environment and mental development // *Manual of Child Psychology* // Carmichael L. New York: Wiley, 1954.
417. Jonsson H., Sulem P., Kehr B., Kristmundsdottir S., Zink F., Hjartarson E., Hardarson M.T., Hjorleifsson K.E., Eggertsson H.P., Gudjonsson S.A., Ward L.D., Arnadottir G.A., Helgason E.A., Helgason H., Gylfason A., Jonasdottir A., Jonasdottir A., Rafnar T., Frigge M., Stacey S.N., Magnusson O.Th., Thorsteinsdottir U., Masson G., Kong A., Halldorsson B.V., Helgason A., Gudbjartsson D.F., Stefansson K. Parental influence on human germline de novo mutations in 1,548 trios from Iceland // *NATURE*. 2017. T. 549. № 7673. C. 519–536.
418. Kaa D.J. van de. Europe's Second Demographic Transition // *Population Bulletin*. 1987. T. 42. C. 3–57.
419. Kefalas M.J., Furstenberg F.F., Carr P.J., Napolitano L. "Marriage is more than being together": The meaning of marriage for young adults // *Journal of Family Issues*. 2011. T. 32. № 7. C. 845–875.
420. Keiding N. Age-period-cohort analysis in the 1870s: Diagrams, stereograms, and the basic differential equation // *Canadian Journal of Statistics*. 2011. T. 39. № 3. C. 405–420.
421. Kiernan K. Cohabitation in Western Europe: trends, issues and implications // Booth, A. and Crouter, A. (eds.): *Just Living Together: implications of cohabitation on families, children and social policy*. New York: Lawrence Erlbaum Associates, 2002. C. 3–31.
422. Klijzing E., Corijn M. Comparative research on fertility and the family in contemporary Europe: Findings and lessons. Geneva, New York: United Nations, 2001.
423. Kohlberg L. Development of moral character and moral ideology // *Review of child development research*. 1964. T. 1. C. 381–431.
424. Kohler H.-P., Billari F.C., Ortega J.A. The emergence of lowest-low fertility in Europe during the 1990s // *Population and development review*. 2002. T. 28. № 4. C. 641–680.

425. Korotayev A., Goldstone J.A., Zinkina J. Phases of global demographic transition correlate with phases of the Great Divergence and Great Convergence // *Technological Forecasting and Social Change*. 2015. T. 95. C. 163–169.
426. Kosolapov M., Zakharov S.V. Report on Response Rate in Russian GGS. Rostock: Max Planck Institute for Demographic Research, 2005. 25 c.
427. Krüger H. Normative Interpretations of Biographical Processes // *Society and biography: interrelationships between social structure, institutions, and the life course*. Weinheim: Deutscher Studien Verlag, 1996.
428. Kulu H. Migration and Fertility: Competing Hypotheses Re-examined // *European Journal of Population / Revue européenne de Démographie*. 2005. T. 21. № 1. C. 51–87.
429. L'allongement de la jeunesse. / (Eds.) A. Cavalli, O. Galland. Paris: Actes Sud, 1993.
430. Lazarus R.S. Psychological Stress and the Coping Process. New York: McGraw-Hill, 1966.
431. Léridon H., Charbit Y., Collomb P., Sardon J.P., Toulemon L. La Seconde révolution contraceptive: la régulation des naissances en France de 1950 à 1985. Paris: INED, 1987. 380 c.
432. Lesthaeghe R. The second demographic transition in Western countries: An interpretation // *Gender and family change in industrialized countries*. Oxford: Clarendon Press, 1995. C. 17–62.
433. Lesthaeghe R. On Theory development: Application to the study of family formation // *Population and Development Review*. 1998. T. 24. C. 1–14.
434. Lesthaeghe R., Moors G. Recent trends in fertility and household formation in the industrialized world // *Review of Population and Social Policy*. 2000. T. 9. № 1. C. 121–170.
435. Lesthaeghe R., Neels K. From the First to the Second Demographic Transition: An Interpretation of the Spatial Continuity of Demographic Innovation in France, Belgium and Switzerland // *Journal of Population*. 2002. T. 18. № 4. C. 325–360.
436. Levinson D.J. Seasons of a Man's Life. New York: Ballantine Books Inc., 1991. 115 c.
437. Levinson D.J. The Seasons of a Woman's Life. New York: Ballantine Books Inc., 1997. 438 c.
438. Levy R. Status passages as critical life-course transitions; a theoretical sketch // *Theoretical Advances in Life Course Research*. Weinheim, Germany: Deutscher Studien Verlag, 1997. C. 74–86.
439. Levy R. Why Look at Life Courses in an Interdisciplinary Perspective? // *Advances in Life Course Research*. 2005. T. 10. C. 3–32.
440. Levy R., Ghisletta P., Goff J.-M.L., Spini D., Widmer E. Incitations for Interdisciplinarity in Life Course Research // *Advances in Life Course Research*. 2005. T. 10. C. 361–391.
441. Liefbroer A.C. From Youth to Adulthood: Understanding Changing Patterns of Family Formation from a Life Course Perspective // *Population Issues*. The Netherlands: Springer, 1999. C. 53–85.
442. Liefbroer A.C., Toulemon L. Demographic perspectives on transitions to adulthood: an introduction // *Advances in Life Course Research*. 2010. № 15. C. 53–58.
443. Lorenz K. Das sogenannte Böse: Zur Naturgeschichte der Aggression. Wein: Borotha-Schoeler, 1963.
444. Lowe S.R., Dillon C.O., Rhodes J.E., Zwiebach L. Defining Adult Experiences: Perspectives of a Diverse Sample of Young Adults // *Journal of Adolescent Research*. 2013. T. 28. № 1. C. 31–68.
445. Luci-Greulich A., Thévenon O. The Impact of Family Policies on Fertility Trends in Developed Countries: L'influence des politiques familiales sur les tendances de la fécondité des pays développés // *European Journal of Population*. 2013. T. 29. № 4. C. 387.

446. MacLean A., Elder Jr. G.H. Military Service in the Life Course // *Annual Review of Sociology*. 2007. T. 33. № 1. C. 175–196.
447. Mahler F. Juventology and Youth Social Development // *Youth in Contemporary Romanian Society*. 1982. C. 47–71.
448. Mandemakers K., Mönkediek B., Kok J. The Impact of Family Setting and Local Opportunities on Leaving Home and Migration Destinations of Rural Youths, The Netherlands 1860-1940 // *Historical Life Course Studies*. 2015. T. 3. C. 43–65.
449. Mannheim K. The problem of generations // *Psychoanalytic review*. 1970. T. 57. № 3. C. 378.
450. Mason W.M., Wolfinger N.H. Cohort Analysis // *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. Amsterdam; New York: Elsevier, 2001. C. 1634–1640.
451. Maurice J. von, Schneider T., Blossfeld H.-P. The National Educational Panel Study: need, main features, and research potential // *Zeitschrift für Erziehungswissenschaft*. 2011. T. 14. № 2. C. 5–17.
452. Mayer K.U. Whose Lives? How History, Societies, and Institutions Define and Shape Life Courses // *Research in Human Development*. 2004. T. 1. № 3. C. 161–187.
453. Mead G.H. *Mind, self and society*. Chicago: University of Chicago Press, 1934.
454. Mead M. *Culture and Commitment. A Study of the Generation Gap*. N.Y.: Natural History Press, 1970.
455. Mills Ch.Wr. Letter to the New Left // *New Left Review*. 1960. T. 5. C. 10–12.
456. Mills M. The transformation of partnerships: Canada, the Netherlands, and the Russian Federation in the age of modernity // 2000a.
457. Mills M. Providing space for time. The impact of temporality on life course research // *Time & Society*. 2000b. T. 9. № 1. C. 91–127.
458. Mills M. Stability and change: the structuration of partnership histories in Canada, the Netherlands, and the Russian Federation // *European Journal of Population/Revue européenne de Démographie*. 2004. T. 20. № 2. C. 141–175.
459. Mills M. *Introducing survival and event history analysis*. London: SAGE Publications, 2011. 279 c.
460. Mills M., Blossfeld H.-P. The Second Demographic Transition meets globalization: A comprehensive theory to understand changes in family formation in an era of rising uncertainty // *Negotiating the Life Course*. Netherlands: Springer, 2013. C. 9–33.
461. Mitchell B. Integrating conceptual, theoretical and methodological developments in homeleaving research // Workshop “Leaving Home: A European Focus”. Germany: Max Planck Institute for Demographic Research, 2000.
462. Mitrofanova E.S. The Age Parameters of the Starting Demographic Events Across Russian Generations // *Russian Education & Society*. 2016a. T. 58. № 9–10. C. 601–622.
463. Mitrofanova E.S. Russian Generations: Sequencing the Transition to Adulthood // *Proceedings of the International Conference on Sequence Analysis and Related Methods (LaCOSA II)*. Lausanne: LaCOSA II, 2016b. C. 263–275.
464. Mitrofanova E.S. The difference between soviet and post-soviet generations’ transitions to adulthood in Russia // Working paper RU. Tallinn: Estonian Institute for Population Studies, Tallinn University, 2017a.
465. Mitrofanova E.S. The difference between soviet and post-soviet generations’ transitions to adulthood in Russia. Tallinn: Estonian Institute for Population Studies, Tallinn University, 2017b. 22 c.

466. Mitrofanova E.S. *Becoming an Adult in France, Estonia and Russia* // Series Sociology. WP BRP 78/SOC/2017. Basic research program. National Research University Higher School of Economics. 2017c.
467. Mitrofanova E.S., Artamonova A.V. The sequence of life events of Russian men serving and not serving in the military // *Demographic Review*. 2015. T. English Selection 2015. C. 97–126.
468. Mitrofanova E.S., Artamonova A.V. The perspectives of family policy in Russia amid increasing cohabitation // *European Journal of Government and Economics*. 2016a. T. 5. № 1. C. 47–63.
469. Mitrofanova E.S., Artamonova A.V. Studying Family Formation Trajectories' Deinstitutionalization in Russia Using Sequence Analysis // *Proceedings of the Third Workshop on Experimental Economics and Machine Learning (EEML 2016)*, Moscow, Russia, July 18, 2016. Eds: R. Tagiew, D. I. Ignatov, A. Hilbert et al. Aachen: CEUR Workshop Proceedings, 2016b.
470. Monteiro A.M., Santos P.J., Gonçalves C.M. Building a Scale of the Meanings of Transition from Higher Education to Work // *Journal of Career Assessment*. 2015. T. 23. № 3. C. 481–492.
471. Mortimer J.T., Staff J., Lee J.C. Agency and Structure in educational attainment and the Transition to Adulthood // *Advances in Life Course Research*. 2005. T. 10. C. 131–153.
472. Mulder C.H. *Leaving the parental home in young adulthood* // *Handbook of Youth and Young Adulthood new perspectives and agendas*. Abingdon, Oxon, UK: Routledge, 2009. C. 203–210.
473. Mulder C.H., Billari F.C. Homeownership Regimes and Low Fertility // *Housing Studies*. 2010. T. 25. № 4. C. 527–541.
474. Napolitano L. The Long Shadow: Family Background, Disadvantaged Urban Youth, and the Transition to Adulthood // *Contemporary Sociology: A Journal of Reviews*. 2016. T. 45. № 3. C. 279–280.
475. Neubauer W.F. *Selbstkonzept und Identität im Kindes- und Jugendalter*. Munchen: Reinhardt, 1976.
476. Nisén J., Martikainen P., Myrskylä M., Silventoinen K. Education, Other Socioeconomic Characteristics Across the Life Course, and Fertility Among Finnish Men // *European Journal of Population*. 2018. T. 34. № 3. C. 337–366.
477. Notestein F.W. *Population - the long view* // T. W. Schultz (ed.), *Food for the World*. Chicago: University of Chicago Press, 1945. C. 36–57.
478. Nowotny H. Time and social theory: Towards a social theory of time // *Time & Society*. 1992. T. 1. № 3. C. 421–454.
479. Oerter R. *Moderne Entwicklungspsychologie*. Donauwörth: Aufl. Auer, 1969.
480. Offer D. *Das Selbstbild normaler Jugendlicher* // *Probleme des Jugendalters*. Berlin: Springer Berlin Heidelberg, 1984. C. 111–130.
481. Olson W.C. *Die Entwicklung des Kindes*. Berlin: Gehlen, 1953.
482. Pandit K. Cohort and Period Effects in U.S. Migration: How Demographic and Economic Cycles Influence the Migration Schedule // *Annals of the Association of American Geographers*. 1997. T. 83. № 3. C. 439–450.
483. Peck R.F., Havighurst R.J. *The psychology of character development*. New York: Wiley, 1960.
484. Petryszak N.G. Tabula rasa – its origins and implications // *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. 1981. T. 17(1). C. 15–27.
485. Popov A.A. Family Planning and Induced Abortion in the USSR: Basic Health and Demographic Characteristics // *Studies in Family Planning*. 1991. T. 22. № 6. C. 368–377.
486. Popov A.A., Visser A.Ph., Ketting E. Contraceptive Knowledge, Attitudes, and Practice in Russia during the 1980s // *Studies in Family Planning*. 1993. T. 24. № 4. C. 227–235.

487. Potârcă G., Mills M., Lesnard L. Family Formation Trajectories in Romania, the Russian Federation and France: Towards the Second Demographic Transition? // *European Journal of Population / Revue européenne de Démographie*. 2013. T. 29. № 1. C. 69–101.
488. Puur A., Rahnu L., Maslauskaitė A., Stankuniene V. Past and present patterns of family formation in Eastern Europe: Does Hajnal's delineation still matter? // *Filosofija Sociologija*. 2012a. № 23(4). C. 256–265.
489. Puur A., Rahnu L., Maslauskaitė A., Stankuniene V., Zakharov S.V. Transformation of Partnership Formation in Eastern Europe: The Legacy of the Past Demographic Divide // *Journal of Comparative Family Studies*. 2012b. T. 43. № 3. C. 389–417.
490. Puur A., Sakkeus L., Põldma A., Herm A. Intergenerational family constellations in contemporary Europe: Evidence from the Generations and Gender Survey // *Demographic Research*. 2011. T. 25. C. 135–172.
491. Radcliffe-Brown A.R. Age organization-terminology // *Man*. 1929. № 13.
492. Raveaud M. Becoming an Adult in Europe: A Socially Determined Experience // *European Educational Research Journal*. 2010. T. 9. № 3. C. 431–442.
493. Reher D.S. Family ties in Western Europe: Persistent contrasts // *Population and Development Review*. 1998. T. 24. № 2. C. 203–234.
494. Reich Ch.A. *The greening of America*. New York: Random House, 1970.
495. Riley M.W., Loscocco K.A. *The changing structure of work opportunities: Toward an age-integrated society // Aging and quality of life*. New York: Springer, 1994.
496. Roberts B. *Education, Urbanization, and Social Change // Knowledge, Education, and Cultural Change*. Abingdon, Oxon, UK: Routledge, 2018.
497. Ronald R. Rindfuss. *The Young Adult Years: Diversity, Structural Change, and Fertility // Demography*. 1991. T. 28. № 4. C. 493.
498. Rosenmayr L. *Zur theoretischen Neuorientierung der Jugendsoziologie // Aufstand der Jugend*. München: Juventa-Verlag, 1971. C. 229–268.
499. Rosenmayr L. Introduction: nouvelles orientations théoriques de la sociologie de la jeunesse // *Revue internationale des sciences sociales*. 1972. T. XXVI. № 2. C. 227–271.
500. Roszak Th. *The making of a counter culture: Reflections on the technocratic society and its youthful opposition*. Garden City (New York): Doubleday, 1969.
501. Rowntree J., Rowntree M. Youth as class // *International Socialist Journal*. 1968. № 25. C. 25–58.
502. Rutter M., Graham P., Chadwick O. Adolescent turmoil: fact or fiction? // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 1976. T. 17. № 1. C. 35–56.
503. Ryder N.B. The Cohort as a Concept in the Study of Social Change // *American Sociological Review*. 1965. T. 30. № 6. C. 843–861.
504. Sakevich V., Denisov B.P. Birth Control in Russia: Overcoming the State System Resistance // *Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP*. 2014. T. 42.
505. Salyakhieva L.M., Saveleva Z.V. Childfree as a Social Phenomenon: Russians' Attitude to Voluntary Childlessness // *Tarih Kültür ve Sanat Araştırmaları Dergisi*. 2017. T. 6. № 4. C. 531–537.
506. Sampson R.J., Laub J.H. Socioeconomic Achievement in the Life Course of Disadvantaged Men: Military Service as a Turning Point, Circa 1940-1965 // *American Sociological Review*. 1996. T. 61. № 3. C. 347–367.
507. Schelsky H. *Die skeptische Generation: Eine Soziologie der deutschen Jugend*. Düsseldorf-Köln: Eugen Diederich Verl., 1960.

508. Schoon I., Lyons-Amos M. Diverse pathways in becoming an adult: The role of structure, agency and context // *Research in Social Stratification and Mobility*. 2016.
509. Schurz H. Altersklassen and Mannerbunde. Berlin: Walter De Gruyter Incorporated, 1902.
510. Schütz A., Luckmann T. The structures of the life-world. Evanston, IL: Northwestern University Press, 1973.
511. Shanahan M.J., Porfeli E., Mortimer J.T. Subjective age identity and the transition to adulthood: When do one become an adult? // R. A. Settersten, F. Furstenberg & R. G. Rumbaut (Eds), *On the frontier of adulthood: Theory, research, and public policy*. Chicago: University of Chicago Press, 2005.
512. Shoven J.B., Goda G.S. Adjusting Government Policies for Age Inflation // *Demography and the Economy*. Chicago, London: University of Chicago Press, 2011. C. 143–168.
513. Sinclair D. Human growth after birth. London: Oxford University Press, 1973.
514. Sinyavskaya O.V. Managing non-response in the Russian and in East European context // *International SCOHST's Seminar "Managing problems with missing data in survey research"*. Stockholm: Södertörn University, 2012.
515. Sleenbos J. Low Fertility Rates in OECD Countries: Facts and Policy Responses // *OECD Labour Market and Social Policy Occasional Papers*, No 15. Paris: OECD Publishing, 2003.
516. Sloan F.A., Zhang H.H., Wang J. Upstream Intergenerational Transfers // *Southern Economic Journal*. 2002. T. 69. № 2. C. 363–380.
517. Smelser N.J., Baltes P.B. *International encyclopedia of the social & behavioral sciences*. Amsterdam; New York: Elsevier, 2001. 17500 c.
518. Sobotka T., Beaujouan É., Van Bavel J. Introduction: education and fertility in low-fertility settings // *Vienna Yearbook of Population Research*. 2018. T. 1. C. 1–16.
519. Sobotka T., Toulemon L. Changing family and partnership behaviour: Common trends and persistent diversity across Europe // *Demographic Research*. 2008. T. 19. C. 85–138.
520. Steele F. *Event History Analysis*. Bristol: Centre for Multilevel Modelling, University of Bristol, 2005. 37 c.
521. Stott L.H. *Child Development. An Individual Longitudinal Approach*. New York: Holt, 1967.
522. Stutte H. Neurotic dissociality caused by a Thersites complex // *Praxis der Kinderpsychologie und Kinderpsychiatrie*. 1974. T. 23. № 5. C. 161–166.
523. Tanner J.L., Arnett J.J. The emergence of «emerging adulthood» // *Handbook of Youth and Young Adulthood: New Perspectives and Agendas* / под ред. А. Furlong. Oxon: Routledge, 2009. C. 39–45.
524. Tanner J.M. *Growth at Adolescence: With a General Consideration of the Hereditary and Environmental Factors Upon Growth and Maturation from Birth to Maturity*. London: Blackwell Scientific, 1966.
525. Tenbruck F.N. *Jugend und Gesellschaft. Soziologische Perspektiven*. Freiburg: Rombach, 1962.
526. Thomae H. Theory of aging and cognitive theory of personality // *Human development*. 1970. T. 13. № 1. C. 1–16.
527. Tim Dyson. On Demographic and Democratic Transitions // *Population and Development Review*. 2013. C. 83.
528. Titarenko L., Tereschenko O. Qualitative and Qualitative Longitudinal Research and Resources in Belarus // *ASSIST quarterly / International Association for Social Science Information Service and Technology*. 2011. T. 34. № 3. C. 60–63.
529. Titma M., Tuma N.B., Roosma K. Education as a Factor in Intergenerational Mobility in Soviet Society // *European Sociological Review*. 2003. T. 19. № 3. C. 281–297.

530. Tu Y.-K., Krämer N., Lee W.-C. Addressing the Identification Problem in Age-period-cohort Analysis: A Tutorial on the Use of Partial Least Squares and Principal Components Analysis // *Epidemiology*. 2012. T. 23. № 4. С. 583–593.
531. Vallin J. Inequalities in Life Expectancy Between and Within European Countries // *The Demography of Europe* / под ред. G. Neyer, G. Andersson, H. Kulu, L. Bernardi, C. Bühler. Dordrecht: Springer Netherlands, 2013. С. 139–173.
532. Van Bavel J., Klesment M., Beaujouan E., Brzozowska Z., and (in alphabetical order), Puur A., Reher D., Requena M., Sandström G., Sobotka T., Zeman K. Seeding the gender revolution: Women's education and cohort fertility among the baby boom generations // *Population Studies*. 2018. С. 1–22.
533. Vikat A., Spéder Z., Beets G., Billari F.C., Bühler C., Désesquelles A., Fokkema T., Hoem J.M., MacDonald A., Neyer G. Generations and Gender Survey (GGS): Towards a better understanding of relationships and processes in the life course // *Demographic research*. 2007a. T. 17. С. 389–440.
534. Vikat A., Spéder Z., Beets G., Billari F.C., Bühler C., Désesquelles A., Fokkema T., Hoem J.M., MacDonald A., Neyer G., others. Generations and gender survey: Concept and design // *Generations & gender programme: Concepts and guidelines*. 2007b. С. 1–32.
535. Vishnevsky A., Tolts M. An unnoticed contribution to demographic transition theory // *Демографическое обозрение*. 2017. С. 62–81.
536. Vleioras G., Mantziou A. Social Role Transitions and Perceived Adulthood Status: Which Ones Matter for Whom? // *Emerging Adulthood*. 2018. T. 6. № 3. С. 200–205.
537. Vogel J. European Welfare regimes and the transition to adulthood: A comparative and longitudinal perspective // *Social Indicators Research*. 2002. T. 59. С. 275–299.
538. Werner H. Einführung in die Entwicklungspsychologie. Leipzig: , 1926.
539. Work, Family Policies and Transitions to Adulthood in Europe. *Work, Family Policies and Transitions to Adulthood in Europe*. London: Palgrave Macmillan UK, 2012.
540. Yang Y., Fu W.J., Land K.C. A Methodological Comparison of Age-Period-Cohort Models: The Intrinsic Estimator and Conventional Generalized Linear Models // *Sociological methodology*. 2004. T. 34. № 1. С. 75–110.
541. Zajda J. Lifelong Learning and Adult Education: Russia Meets the West // *Comparative Education* / под ред. M. Bray. Dordrecht: Springer Netherlands, 2003. С. 111–132.
542. Zakharov S. Russian Federation: From the first to second demographic transition // *Demographic Research*. 2008. T. 19. С. 907–972.
543. Zakharov S.V. Growth of Fertility: The Start of a Road with Distant Horizons. Russia Facing Demographic Challenges // *National Human Development Report* / под ред. A.G. Vishnevsky, S.N. Bobylev. Moscow: UNDP, 2009.
544. Zakharov S.V., Ivanova E.I. Fertility decline and recent changes in Russia: On the threshold of the second demographic transition // *Russia's demographic crisis*. 1996. С. 36–83.
545. Zdravomyslova O. Outlook: Nordic Girlhoods from a Russian Perspective // *Nordic Girlhoods: New Perspectives and Outlooks* / под ред. B. Formark, H. Mulari, M. Voipio. Cham: Springer International Publishing, 2017. С. 207–217.
546. Zeman K., Beaujouan É., Brzozowska Z., Sobotka T. Cohort fertility decline in low fertility countries: Decomposition using parity progression ratios // *Demographic Research*. 2018. T. 38. С. 651–690.
547. Znaniecki F. *Nauki o kulturze. Narodziny i rozwój*. Warszawa: Wyd. naukowe PWN, 1992. 151 c.
548. Zsolt S., Murinkó L., Settersten Jr. R.A. Are Conceptions of Adulthood Universal and Unisex? Ages and Social Markers in 25 European Countries // *Social Forces*. 2014. № 3. С. 873.

Список сокращений

Сокращение	Расшифровка
doi	Digital Object Identifier (цифровой идентификатор объекта)
IBM SPSS	Statistical Package for the Social Sciences (статистический пакет для общественных наук) компании International Business Machines
OECD	Organisation for Economic Co-operation and Development (Организация экономического сотрудничества и развития)
SMAM	Singulate Mean Age at Marriage (расчетный средний возраст вступления в первый брак)
АНС	Анализ наступления событий
ВДП	Второй демографический переход
ВС	Верховный совет
ВЦИК	Всероссийский центральный исполнительный комитет
ЕСИ	Обследование «Европейское социальное исследование»
ЖЭК	Жилищно-эксплуатационная контора
КЖП	Концепция жизненного пути
КСР	Коэффициент суммарной рождаемости
МГУ	Московский государственный университет
НИУ ВШЭ	Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики
ПВС	Президиум Верховного Совета
ПГТ	Поселок городского типа
РАНХиГС	Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации
РидМиЖ	Обследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе»
СНК	Совет Народных Комиссаров
СНП	Сельские населенные пункты
ТДП	Теория демографического перехода
ФЗ	Федеральный закон
ФЗО	Фабрично-заводское обучение
ФЗУ	Фабрично-заводские ученичества
ЦИК	Центральный Исполнительный Комитет
ЦК ВКП(б)	Центральный комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)
ЦК КПСС	Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза
ЧСО	Обследование «Человек, семья, общество»

Список иллюстративного материала

Рисунок 1. Схематичное изображение демографической сетки Лексиса (вариант Р. Пресса).....	143
Рисунок 2. Половозрастная пирамида России, 2011 год	153
Рисунок 3. Визуализация исторического контекста, сопутствующего переходу во взрослую жизнь разных поколений россиян.....	184
Рисунок 4. Объем волн РИДМИЖ	209
Рисунок 5. Структура выборки в разрезе пола и поколений.....	215
Рисунок 6. Структура выборки в разрезе пола, поколений и уровней образования.....	216
Рисунок 7. Структура выборки в разрезе пола, поколений и типов населенных пунктов.....	217
Рисунок 8. Структура выборки в разрезе пола, типов населенных пунктов, поколений и уровней образования	217
Рисунок 9. Распределение респондентов в зависимости от возраста наступления стартовых событий (в разрезах пола и поколений)	228
Рисунок 10. Распределение респондентов в зависимости от возраста наступления стартовых событий (в разрезах пола, поколений и уровней образования)	230
Рисунок 11. Распределение респондентов в зависимости от возраста наступления стартовых событий (в разрезах пола, поколений и типов населенных пунктов)	231
Рисунок 12. Медианные возрасты наступления стартовых событий в разрезе пола и поколений (исходные переменные и переменные в диапазоне 15-35 лет).....	233
Рисунок 13. Повозрастное наступление событий у мужчин и женщин разных поколений.....	237
Рисунок 14. Повозрастная динамика наступления стартовых событий в разрезах пола, уровней образования и поколений.....	242
Рисунок 15. Повозрастная динамика наступления стартовых событий в разрезах пола, типов населенных пунктов и поколений.....	243
Рисунок 16. Графики функции риска обретения профессионального образования в разрезах пола, а также пола и поколений	250
Рисунок 17. Графики функции риска первого трудоустройства в разрезах пола, а также пола и поколений.....	252
Рисунок 18. Графики функции риска отделения от родителей в разрезах пола, а также пола и поколений.....	253
Рисунок 19. Графики функции риска вступления в первое партнерство в разрезах пола, а также пола и поколений.....	255
Рисунок 20. Графики функции риска вступления в первый брак в разрезах пола, а также пола и поколений.....	257

Рисунок 21. Графики функции риска рождения первого ребенка в разрезах пола, а также пола и поколений.....	259
Рисунок 22. Графики функции риска наступления социоэкономических событий в разрезах пола, укрупненных поколений, уровней образования и типов населенных пунктов.....	262
Рисунок 23. Графики функции риска наступления социоэкономических событий в разрезах пола, укрупненных поколений, уровней образования и типов населенных пунктов.....	265
Рисунок 24. Распределение респондентов по числу стартовых социодемографических событий, накопленных к разным возрастам (в разрезах пола и поколений).....	276
Рисунок 25. Распределение респондентов по числу стартовых социоэкономических и демографических событий, накопленных к разным возрастам (в разрезах пола и поколений).....	278
Рисунок 26. Распределение респондентов по числу стартовых социоэкономических событий, накопленных к разным возрастам (в разрезах пола, поколений и уровней образования).....	280
Рисунок 27. Распределение респондентов по числу стартовых социоэкономических событий, накопленных к разным возрастам (в разрезах пола, поколений и типов населенных пунктов).....	281
Рисунок 28. Распределение респондентов по числу стартовых демографических событий, накопленных к разным возрастам (в разрезах пола, поколений и уровней образования).....	282
Рисунок 29. Распределение респондентов по числу стартовых демографических событий, накопленных к разным возрастам (в разрезах пола, поколений и типов населенных пунктов).....	283
Рисунок 30. Медианные возрасты начала и окончания перехода во взрослую жизнь и медианные длительности перехода для всех событий, для социоэкономических и демографических событий (в разрезе пола и поколений).....	285
Рисунок 31. Медианные возрасты начала и окончания перехода во взрослую жизнь в социоэкономической сфере и медианные длительности перехода (в разрезе пола, поколений и уровней образования).....	288
Рисунок 32. Медианные возрасты начала и окончания перехода во взрослую жизнь в социоэкономической сфере и медианные длительности перехода (в разрезе пола, поколений и типов населенных пунктов).....	291
Рисунок 33. Медианные возрасты начала и окончания перехода во взрослую жизнь в демографической сфере и медианные длительности перехода (в разрезе пола, поколений и уровней образования).....	293
Рисунок 34. Медианные возрасты начала и окончания перехода во взрослую жизнь в демографической сфере и медианные длительности перехода (в разрезе пола, поколений и типов населенных пунктов).....	295
Рисунок 35. Накопленные доли респондентов, имеющих в сопоставимых возрастах первое и последнее событие перехода во взрослую жизнь.....	300

Рисунок 36. Частотный анализ событий, с которых начинается переход во взрослую жизнь (в разрезе пола и поколений).....	302
Рисунок 37. Частотный анализ событий, с которых начинается переход во взрослую жизнь (в разрезе пола, поколений и уровней образования).....	305
Рисунок 38. Частотный анализ событий, с которых начинается переход во взрослую жизнь (в разрезе пола, поколений и типов населенных пунктов).....	307
Рисунок 39. Частотный анализ событий, которыми завершается переход во взрослую жизнь (в разрезе пола и поколений).....	308
Рисунок 40. Частотный анализ событий, которыми завершается переход во взрослую жизнь (в разрезе пола, поколений и уровней образования).....	310
Рисунок 41. Частотный анализ событий, которыми завершается переход во взрослую жизнь (в разрезе пола, поколений и типов населенных пунктов).....	311
Рисунок 42. Визуализация процесса взросления разными поколениями россиян	316
Таблица 1. Возраст социально признаваемого совершеннолетия и вступления в брак для девушки в России во второй половине XIX в.....	58
Таблица 2. Подходы к определению перехода во взрослую жизнь в разных науках.....	131
Таблица 3. Методы анализа отдельных стартовых событий и перехода во взрослую жизнь в целом.....	201
Таблица 4. Методы исследования отдельных стартовых событий в разбивке по типам переменных и мерам анализа	222
Таблица 5. Методы исследования перехода во взрослую жизнь в разбивке по типам переменных и мерам анализа	223
Таблица 6. Список независимых переменных, их категорий и частот	246
Таблица 7. Распределение переменной, объединяющей переменные пола и поколений ..	247
Таблица 8. Спецификации моделей пропорциональных рисков (регрессий Кокса)	247
Таблица 9. Регрессии Кокса: интерпретация регрессионных коэффициентов	248
Таблица 10. Распределение респондентов по категориям объединенной переменной.....	260
Таблица 11. Особенности обретения стартовых событий поколениями россиян.....	319
Таблица 12. Классификация моделей взросления россиян	320

Приложения

Приложение 1. Основные изменения в наступлении стартовых событий

	Квантум	Тайминг	Интенсивность	Последовательность
Получение образования	Растет доля лиц, получивших образование высокого уровня или обучившихся нескольким профессиям.	Возраст завершения получения образования «старее».	Длительность получения образования растет.	Образование может прерываться другими событиями (например, деторождением или трудоустройством) и может прерывать другие (например, трудоустройство).
Трудоустройство	Количество работодателей и профессий, которые за свою жизнь сменяет современный человек, растет.	Первое трудоустройство одними индивидами откладывается из-за более длительного времени получения образования, другие индивиды используют неформальный сектор экономики и начинают зарабатывать еще до достижения возраста трудоспособности.	Скорость смены работ возрастает, длительность работы на одном месте снижается.	Трудоустройство может наступать еще до завершения получения образования и может прерываться любыми событиями.
Отделение от родителей	Современная молодежь неоднородна по доле тех, кто отделился от родителей и кто живет с ними всю жизнь (во время экономической рецессии число тех, кто остается с родителями, возрастает, во времена экономического подъема – снижается). Также дети могут возвращаться в родительский дом после отделения, а затем снова отделяться.	Откладывание возраста покидания родительского дома в молодых поколениях [Долгова, Митрофанова, 2015]. Вследствие более позднего выхода на рынок труда и откладывания браков возраст покидания родительского дома «старее».	Современная молодежь покидает родительский дом не очень активно, т.к. продолжительность жизни растет, и родители дольше остаются трудоспособными и могут поддерживать детей.	У поколения 1930-44 г.р. Отделение от родителей более всего было связано с трудоустройством, у поколения 1945-59 г.р. – со вступлением в брак и получением образования, у поколения 1960-74 г.р. – с партнерством и трудоустройством, у поколения 1975-86 г.р. – с получением образования и партнерством.
Партнерства и браки	Добрачные отношения перестали подразумевать обязательство вступления в брак для юношей и страх забеременеть – для девушек (благодаря использованию контрацептивов). Отношение к гомосексуализму, самоудовлетворению, раннему началу сексуальной жизни, до- и внебрачным отношениям стало терпимее [Косова, 2017, с. 143–145]. Одной из наиболее популярных форм совместного проживания стали незарегистрированные отношения	Возраст вступления в первое партнерство омолаживается, а в брак – «старее».	Матримониальные союзы делятся меньше вследствие возрастания их числа.	Партнерство может наступать как до брака, так и после. Матримониальные события могут наступать как до остальных событий, так и после или одновременно с ними. [Исупова, 2013].

	(партнерства или сожительства) [Захаров, 2007; Артамонова, Митрофанова, 2016а]. Количество партнерств в жизни индивидов возрастает, а количество браков – снижается.			
Репродуктивные события	Репродуктивная и контрацептивная грамотность молодых поколений растет [Вишневецкий, Денисов, Сакевич, 2017]. Количество детей у молодых поколений снижается	Рождение первого ребенка откладывается.	Интервалы между деторождениями растут, т.к. репродуктивные технологии продлевают длительность репродуктивного возраста.	Деторождение может наступать как до, так и после других событий, т.к. внебрачные деторождения перестают стигматизироваться.

Приложение 2. Процедура подготовки дат наступления событий

Информация о датах наступления событий собиралась в формате месяца и года. Нередко встречались случаи, когда известен только год и не известен месяц или наоборот.

Перечислим общие алгоритмы, которыми мы пользовались в таких случаях:

1. Для дат, где указан только год и не указан месяц, берется 6-ой месяц (июнь).
2. Если известен месяц и нет ни одной вспомогательной переменной с годом (соседней того же типа, похожего типа), такая дата приравнивается к пропуску ответа.
3. Если очевиден факт опечатки, меняем похожие по написанию цифры: 0 на 9, 3 на 8 и так далее.

Перечислим дополнительные алгоритмы для повторяющихся событий:

1. Если нарушена последовательность наступления событий, меняем их местами.
2. Если даты соседних событий совпадают, удаляем то событие, которое стоит следующим по порядку

Далее детально опишем тонкости подготовки каждой даты. Дополнительных объяснений не требует только дата проведения интервью, т.к. эти даты почти для всех респондентов указаны корректно, а где не указаны, легко восстанавливаются основными алгоритмами.

Даты наступления неповторяющихся событий

Дата рождения

Чистка месяцев рождения производилась согласно общему алгоритму, а годы рождения респондентов была возможность перепроверить через дополнительную переменную «возраст на момент опроса», уже имеющуюся в массиве.

Для тех респондентов, у которых дата рождения во всех трех волнах различалась, и возраст на момент опроса давал также отличающийся год, бралась средняя арифметическая из всех этих годов. Дополнительным проверочным вопросом служил возраст выхода на пенсию (или его отсутствие).

Окончание школы и завершение получения образования

Перечислим переменные из раздела про образование, которые мы использовали для подготовки дат окончания школы и завершение получения образования (Таблица). Мы перечислим переменные блоками. Первая буква в названии переменной означает волну, в которой этот вопрос задавался: переменные, начинающиеся на «а» получены из *первой волны*, на «б» – из *второй*, на «с» – из *третьей*.

Таблица 1. Переменные, использованные для формирования дат окончания школы и завершения получения образования уровня

Имя переменной	Формулировка вопроса
a1.48	Сколько классов школы Вы закончили?
b1.18	Сколько классов школы Вы закончили?
c1.18	Сколько классов школы Вы закончили?
b1.17	После окончания школы Вы получили аттестат о полном среднем образовании, то есть об окончании 10-12 классов?
c1.17	После окончания школы Вы получили аттестат о полном среднем образовании, то есть об окончании 10-12 классов?
a1.48a	Вы учились где-нибудь, кроме школы?
b1.22	А (до этого [до получения профессионального образования]) Вы учились где-нибудь, кроме школы?
c1.22	А (до этого [до получения профессионального образования]) Вы учились где-нибудь, кроме школы?
a1.48b	Какое учебное заведение самого высокого уровня, из перечисленных на карточке, Вы закончили? Выберите, пожалуйста, только один ответ.
b1.23	Какое образование самого высокого уровня, из перечисленных на карточке, Вы получили? Выберите, пожалуйста, только один ответ.
c1.23	Какое образование самого высокого уровня, из перечисленных на карточке, Вы получили? Выберите, пожалуйста, только один ответ.
a1.51	Вы учитесь где-либо в настоящее время?
b1.19	Вы учитесь в настоящее время?
c1.19	Вы учитесь в настоящее время?
b1.20	Где Вы учитесь?
c1.20	Где Вы учитесь?
a1.50.1m	Когда Вы получили это [первое профессиональное] образование? Вспомните, пожалуйста, месяц окончания учебы?
a1.50.1y	Когда Вы получили это [первое профессиональное] образование? Вспомните, пожалуйста, год окончания учебы?
a1.50.2m	Когда Вы получили это [второе профессиональное] образование? Вспомните, пожалуйста, месяц окончания учебы?
a1.50.2y	Когда Вы получили это [второе профессиональное] образование? Вспомните, пожалуйста, год окончания учебы?
b1.21_m	Когда Вы начали получать это [профессиональное] образование? Вспомните, пожалуйста, месяц начала учебы.
b1.21_y	Когда Вы начали получать это [профессиональное] образование? Вспомните, пожалуйста, год начала учебы.
c1.21_m	Когда Вы начали получать это [профессиональное] образование? Вспомните, пожалуйста, месяц начала учебы.
c1.21_y	Когда Вы начали получать это [профессиональное] образование? Вспомните, пожалуйста, год начала учебы.
b1.25_m	Когда Вы получили это [профессиональное] образование? Вспомните, пожалуйста, месяц окончания учебы.
b1.25_y	Когда Вы получили это [профессиональное] образование? Вспомните, пожалуйста, год окончания учебы.

c1.25_m	Когда Вы получили это [профессиональное] образование? Вспомните, пожалуйста, месяц окончания учебы
c1.25_y	Когда Вы получили это [профессиональное] образование? Вспомните, пожалуйста, год окончания учебы
a1.52	Собираетесь ли Вы продолжить образование в течение ближайших трех лет?

Источник: составлено автором

Как мы видим, вопросы второй и третьей волны полностью идентичны, а вопросы первой волны несколько отличаются в сторону более широкого охвата разных уровней образования и намерения продолжать обучение.

В основу построения дат получения образований разного уровня легли ответы, полученные в первой волне. Мы сначала их правили согласно общим алгоритмам, а потом по очереди добавляли к ним информацию из второй и третьей волны.

Первой мы создали переменную с датой получения школьного образования, которую мы посчитали, сложив количество оконченных респондентами классов школы и возраст поступления в школу, принятый в то время, когда респонденты начинали свое обучение. В параграфе «Школьное образование» главы «2. Исторический контекст, сопутствующий взрослению разных поколений россиян» мы уже останавливались подробнее на том, как изменялись эти возрасты. Приведем ниже примерные возрасты начала и окончания обучения в школе для поколений 1930-1986 г.р. (Таблица 2).

Таблица 2. Рекомендованные минимальные и максимальные: возраст поступления в школу, длительность обучения в ней и возраст ее окончания

Годы рождения	Возраст поступления в школу		Срок обучения		Возраст окончания школы	
	минимум	максимум	минимум	максимум	минимум	максимум
1930-1932	8	10	4	7	12	17
1940-1949	7	10	7	7	14	17
1950-1971	7	9	8	11	15	20
1972-1981	6	8	8	11	14	19
1982-1986	6	8	9	11	15	19

Источник: составлено автором

Для тех случаев, когда респонденты указывали очень маленькое число лет обучения в школе, мы предполагали, что это описка, и меняли цифры в соответствии со следующим алгоритмом:

- если респондент родился между 1950 и 1973 годами и указал, что учился в школе 1 год, мы меняли эту цифру на 10; если указал 2 – меняли на 9.
- если респондент родился после 1974 года включительно, то 1 год мы меняли на 11, 2 и 3 – на 9, 4 – на 11, 5 – на 9.

Год, с которого мы меняем алгоритм замены данных (1973 г.) был выбран на основе распределения возрастов окончания школы теми респондентами, которые указали корректную длительность обучения.

После того, как приблизительные даты окончания школы нами были посчитаны, мы стали формировать даты получения профессионального образования. Мы видели в таблице с перечнем переменных, что в первой волне респондентов спрашивали про два из всех возможных профессиональных образования. Мы для наших целей заинтересованы в информации о получении первого профессионального образования, потому что обычно именно оно взаимосвязано с первым трудоустройством и остальными стартовыми событиями. Поэтому для всех респондентов, которые указали дату получения первого профессионального образования, мы использовали именно ее.

Дату получения второго профессионального образования мы использовали в том случае, если оно было получено не позднее чем через 5 лет после первого (мы заложили среднюю длительность получения высшего образования). Мы полагали, что в таком случае респондент продолжал обучение на следующей ступени или переучивался, тем самым, скорее всего, отсрочивая выход на рынок труда.

Мы не добавляли начатое образование (вопросы во второй и третьей волне «Когда Вы начали получать это [профессиональное] образование?»), т.к. образование, которое респондент получал во время проведения второй волны, в случае если оно будет получено, отразится в результатах третьей волны, и мы его возьмем оттуда, не прибегая к лишним допущениям.

Сформированную дату получения профессионального образования из первой волны мы сравнивали с датами из второй и третьей волн. В случае, если дата из первой волны имела какие-то недостатки (например, отсутствовала, давала слишком молодой или поздний возраст завершения образования, совпадала с окончанием школы, не соответствовала указанному уровню образования), мы заменяли ее датой из второй или третьей волны, если там содержалась подходящая для этих целей информация.

В процессе подготовки данных было осуществлено несколько замен выявленных опечаток в дате окончания профессионального образования (исходная переменная – a1.50.1y):

- респондент с номером¹ 2133: 1947 год заменен на 1949;
- респондент с номером 1517: 1992 год заменен на 1999.

Параллельно датам получения образований мы также правили уровни образования. В случае наличия расхождений между разными датами или в случае полного отсутствия дат мы обращались к вспомогательным переменным, указанных в таблице выше, и пытались определить, является ли отсутствие даты ошибкой или у респондента, действительно, нет никакого образования. После всех проведенных проверок и сопоставлений мы обнаружили всего одного респондента с полным отсутствием информации об образовании. Мы изучили результаты двух последних переписей населения и двух выборочных обследований (ЕСИ и ЧСО) и увидели, что респонденты, не имеющие никакого образования, действительно, встречаются в населении. Поэтому мы решили оставить эту биографию в таком виде, в котором она есть.

Первое трудоустройство

Вопросы о первом опыте работы задавались только во 2 и 3 волне. В таблице (Таблица 3) приведен перечень переменных и соответствующих им вопросов о первом трудоустройстве. Первые буквы в названии переменных так же, как и в случае с образованием означают: b – переменная из второй волны, c – из третьей. Как видно из таблицы, под началом работы подразумевается не просто временная практика или подработка, а отработка подряд как минимум шести месяцев.

Таблица 3. Исходные переменные о первом трудоустройстве

Имя переменной	Формулировка вопроса
b1.26	Работал ли респондент когда-либо подряд 6 и более месяцев
b1.27_m	Когда впервые работал подряд 6 и более месяцев, месяц
b1.27_y	Когда впервые работал подряд 6 и более месяцев, год
c1.26	Вы когда-нибудь работали подряд 6 или более месяцев?
c1.27_m	Вспомните, пожалуйста, когда Вы впервые работали подряд 6 или более месяцев? Назовите месяц и год. Месяц
c1.27_y	Вспомните, пожалуйста, когда Вы впервые работали подряд 6 или более месяцев? Назовите месяц и год. Год

Источник: составлено автором

Дата первой работы составлялась согласно следующему алгоритму:

¹ В качестве идентификационного номера респондента здесь и далее используется идентификатор из первой волны.

1. Дата начала работы приравнивается к дате из 3 волны.
2. Если даты первой работы по третьей волне не было, а по второй – была, то финальная дата приравнивалась к значению по второй волне.
3. Если возраст первой работы по третьей волне был больше, чем по второй, то финальная дата приравнивалась к значению по второй волне.
4. Если возраст первой работы по третьей волне был меньше 15 лет, а возраст первой работы по второй волне был больше возраста по третьей, то финальная дата приравнивалась к значению по второй волне.

В выборке встретилось достаточное большое число случаев, когда респонденты называли в качестве начала работы дату, которая при пересчете в возраст составляла менее 9 лет. Мы не исключаем, что ряд респондентов, действительно, мог начать работать и зарабатывать в юном возрасте и даже на легальной основе (например, артисты цирка или кино), но такие случаи редки, а в требованиях к первой работе в РидМиЖ стоит как минимум 6 месяцев непрерывной работы, что все-таки маловероятно.

Поэтому для тех, у кого возраст начала работы меньше 9 лет, мы разработали дополнительные алгоритмы, опирающиеся на использование вспомогательных переменных:

1. Для молодых, которые, скорее всего, только начали карьеру: дата первой работы приравнивается к дате начала работы на последнем месте занятости.
2. Для тех, кто на пенсии: возраст завершения образования меньше возраста трудоустройства, то дата начала работы приравнивалась к завершению получения образования.
3. Для людей среднего возраста: возраст начала работы – между второй и третьей волной.

Также мы произвели замену описок для тех, у кого вспомогательные переменные не содержали необходимой информации для замен по алгоритмам:

- респондент с номером 3822: 1945 год заменен на 1985;
- респондент с номером 3869: 1970 год заменен на 2000;
- респондент с номером 145: 1943 год заменен на 1953;
- респондент с номером 3934: 1986 год заменен на 1996;
- респондент с номером 2712: 1937 год заменен на 1957;
- респондент с номером 157: 1949 год заменен на 1959;
- респондент с номером 6917: 1941 год заменен на 1951.

Первое отделение от родителей

Вопросы относительно первого опыта отдельного проживания от родителей задавались в анкете следующим образом (Таблица 4). Тем, кто на момент обследования жил отдельно от родителей, задавался прямой вопрос о дате отделения от родителей, а у тех, кто на момент опроса жил с родителями, спрашивали, имеют ли они опыт отдельного проживания и только потом задавали вопрос о дате начала такого проживания.

Таблица 4. Исходные переменные о первом отделении от родителей

Имя переменной	Формулировка вопроса
<i>Вопросы для респондентов, живущих отдельно от родителей на момент опроса</i>	
a5.116am	Назовите месяц, когда Вы впервые начали жить отдельно от Ваших родителей и прожили по меньшей мере три месяца подряд?
a5.116ay	Назовите год, когда Вы впервые начали жить отдельно от Ваших родителей и прожили по меньшей мере три месяца подряд?
b5.46_m	Назовите месяц, когда Вы впервые начали жить отдельно от Ваших родителей и прожили по меньшей мере три месяца подряд?
b5.46_y	Назовите год, когда Вы впервые начали жить отдельно от Ваших родителей и прожили по меньшей мере три месяца подряд?
c5.46_m	Назовите месяц, когда Вы впервые начали жить отдельно от Ваших родителей и прожили по меньшей мере три месяца подряд?
c5.46_y	Назовите год, когда Вы впервые начали жить отдельно от Ваших родителей и прожили по меньшей мере три месяца подряд?
<i>Вопросы для респондентов, живущих вместе с родителями на момент опроса</i>	
a5.117a	Вы когда-нибудь жили отдельно от Ваших родителей по меньшей мере три месяца подряд?
b5.47	Вы когда-нибудь жили отдельно от Ваших родителей по меньшей мере три месяца подряд?
c5.47	Вы когда-нибудь жили отдельно от Ваших родителей по меньшей мере три месяца подряд?
a5.117bm	В каком месяце Вы начали жить отдельно в первый раз?
a5.117by	В каком году Вы начали жить отдельно в первый раз?
b5.48_m	В каком месяце Вы начали жить отдельно в первый раз?
b5.48_y	В каком году Вы начали жить отдельно в первый раз?
c5.48_m	В каком месяце Вы начали жить отдельно в первый раз?
c5.48_y	В каком году Вы начали жить отдельно в первый раз?

Источник: составлено автором

Сперва мы объединили даты отделения респондентов, живущих на момент опроса отдельно от родителей и вместе с ними, в одну переменную. Для каждой волны получилось по одной исходной переменной. Мы приравняли итоговую переменную к дате первой волны и сначала сравнивали с ней даты из второй волны в соответствии со следующим алгоритмом, действия которого выполняются строго последовательно:

1. Если в первой волне дата отделения от родителей отсутствует, а во второй волне есть, то предварительная переменная приравнивается к значению во второй волне.
2. Если возраст отделения от родителей во второй волне превышает 18 лет, а в первой волне больше, чем во второй, то предварительная переменная приравнивается к значению во второй волне.
3. Если возраст отделения от родителей в первой волне превышает 20 лет, а во второй волне меньше, то предварительная переменная приравнивается к значению во второй волне.
4. Если возраст отделения от родителей в первой волне меньше 20 лет, а во второй волне больше, чем в первой, но меньше 35 лет, то предварительная переменная приравнивается к значению во второй волне.
5. Если возраст отделения от родителей в первой волне меньше 14 лет, а во второй волне больше, то предварительная переменная приравнивается к значению во второй волне.

На следующем этапе получившуюся предварительную переменную мы сравнивали с датой из третьей волны в соответствии со следующим алгоритмом, действия которого выполняются строго последовательно:

1. Если предварительная переменная не содержит дату отделения от родителей, а в третьей волне дата есть, то итоговая переменная приравнивается к значению в третьей волне.
2. Если возраст отделения от родителей в третьей волне превышает 18 лет, и возраст по предварительной переменной выше возраста по третьей волне, то итоговая переменная приравнивается к значению в третьей волне.
3. Если возраст отделения по предварительной переменной меньше 20 лет, а в третьей волне больше, чем по предварительной переменной, но меньше 35 лет, то итоговая переменная приравнивается к значению в третьей волне.
4. Если возраст отделения по предварительной переменной меньше 14 лет, а в третьей волне больше, то итоговая переменная приравнивается к значению в третьей волне.
5. Если даты отделения по двум волнам совпадают, но не равны одной оставшейся, то приравниваем итоговую переменную к совпадающим датам.

Дальнейшие правки мы уже делали после выправки всех событий на общем полотне биографий (см. последний раздел данного приложения).

Для того, чтобы получить более точные даты наступления стартовых событий и иметь возможность сопоставлять разные типы событий для исправления ошибок, мы

работали с цельными брачно-партнерскими и репродуктивными биографиями, из которых потом извлекали стартовые события.

Брачно-партнерские биографии

В обследовании РидМиЖ под партнерством подразумевались не зарегистрированные в ЗАГСе отношения, при которых партнеры проживают вместе не менее трех месяцев. Под браком подразумевался зарегистрированный в ЗАГСе союз.

В таблице (Таблица 5) представлен перечень переменных, касающихся брачно-партнерских биографий панельных респондентов.

Таблица 5. Исходные переменные о наступлении брачно-партнерских событий

Волна	Партнер/супруг	Партнерства	Браки	Расставания	Разводы
1 волна	Текущий партнер/супруг – 2004 г.	a301a_m	a302b_m		
	Текущий партнер/супруг, живущий отдельно – 2004 г.	a311_m	a314b_m		a314d_m
	Бывшие: 1 партнер/супруг	a3341m	a335b1m	a3441m	a349b1m
	Бывшие: 2 партнер/супруг	a3342m	a335b2m	a3442m	a349b2m
	Бывшие: 3 партнер/супруг	a3343m	a335b3m	a3443m	a349b3m
	Бывшие: 4 партнер/супруг	a3344m	a335b4m	a3444m	a349b4m
	Бывшие: 5 партнер/супруг	a3345m		a3445m	
	Бывшие: 6 партнер/супруг	a3346m		a3446m	
2 волна	Бывшие за 2004-2007: 1 партнер/супруг	b3061m	b3081m	b3151m	
	Бывшие за 2004-2007: 2 партнер/супруг	b3062m	b3082m	b3152m	
	Текущий партнер, живущий отдельно – 2007 г.	b335_m			
	Текущий брак с партнером из 1 волны		b303_m	b3151m	b3221m
3 волна	Бывшие за 2007-2011: 1 партнер/супруг	c30611m	c3081m	c3151m	
	Бывшие за 2007-2011: 2 партнер/супруг	c30612m		c3152m	
	Бывшие за 2007-2011: 3 партнер/супруг (только расставание)			c3153m	
	Текущий партнер/супруг, живущий отдельно – 2011 г.	c335_m	c335_m		
	Текущий брак с партнером из 2 волны		c303_m	c3151m	c3221m
	Текущий брак с партнером из 2 волны (только развод)				c3222m
	Партнер из карточки домохозяйства – 2011 г. (начало совместного проживания в домохозяйстве)	cp1143m	b3.004_m		
	Бывший партнер/супруг – 2007 г.		c3.004_m		b3.007_m

Источник: составлено автором

Работая с брачно-партнерскими биографиями, мы придерживались следующих принципов:

1. В анкете сначала задавался вопрос о дате старта совместной жизни с партнером или супругом, а затем спрашивалась дата регистрации брака. В такой ситуации две даты часто совпадали из-за «или» в первом вопросе. Мы приняли решение при совпадении дат фиксировать союз только как брак, удаляя информацию об аналогичном партнерстве.
2. Союзы разных типов и одного типа для нас являются взаимоисключающими. Начало следующего союза завершает тот, который длился до этого. Из этого также следует, что если внутри одного союза есть другой, то тот, который наступил раньше, завершится с началом следующего, и дата завершения союза, которую мы имели до этого, будет удалена. Причем данный принцип равнозначен и для партнерств, и для браков. То есть если есть дата завершения брака, но следующее за этим браком партнерство началось раньше этой даты, то мы принимаем ее в качестве завершения брака.
3. Мы понимаем, что реальная жизнь очень разнообразна, и что встречаются случаи, когда у человека одновременно может быть два партнера, но мы исходим из принципов, по которым задавались вопросы в анкете. В соответствии с ними партнерство должно длиться не менее 3 месяцев, и оно подразумевает (хоть это и не обязательно) совместное проживание партнеров. Следуя этой логике, даже если у индивида и было два партнера одновременно, полноценное сожительство все равно могло быть только с одним. Поэтому в нашем исследовании мы исключаем наложение союзов друг на друга. В случае, когда один союз начался раньше другого, мы действуем по схеме из пункта 2.
4. Мы оставляем в базе данных союзы, длительность которых меньше трех месяцев, т.к. мы допускаем, что респондент мог неверно истолковать вопрос. Более того, информация о коротком союзе для нас тоже ценна, особенно, если это ситуация, в которой непродолжительное партнерство перерастает в брак.
5. Некоторые респонденты, отвечая на вопросы блока о матримониальных событиях, давали положительный ответ на вопрос, были ли у них события, а дату наступления события не указывали. Мы решили приравнивать данный положительный ответ к описке или ложной информации и не учитывать его при формировании биографий, т.к. панельные респонденты отвечали на вопросы о союзах в каждой волне, и, судя по их ответам, многие использовали повторный опрос, чтобы восполнить какие-то пробелы и неточности предыдущих ответов.

Поэтому, по нашей логике, если союз, действительно, имел место быть, респондент вспомнит его дату в следующих раундах обследования, а если не вспомнил, то, видимо, эти отношения не были для него значимыми и, следовательно, вряд ли могут что-то маркировать (например, взросление).

На основе перечисленных принципов мы сформулировали следующий алгоритм¹, шаги которого нужно выполнять строго последовательно:

1. Все даты внутри каждого блока (партнерства, браки, расставания, разводы) сдвигаем влево так, чтобы они составляли единую цепочку событий.
2. Если известен год события, а месяц неизвестен (пропуск значения), заменяем пропуск на 6 месяц (июнь).
3. Для месяцев, зашифрованных в формате сезонов года, производим замены на случайные числа, выбранные в диапазонах соответствующих им месяцев:
  - код 21 - зима (12,1,2 месяцы);
  - код 22 - весна (3,4,5);
  - код 23 - лето (6,7,8);
  - код 24 - осень (9,10,11).
4. Выстраиваем все события внутри каждого блока в хронологическом порядке. Годы выстраиваем от меньшего к большему, но если годы одинаковы, то сравниваем месяцы. При полном совпадении, одну из дат удаляем.
5. Все даты внутри каждого блока (партнерства, браки, расставания, разводы) сдвигаем влево так, чтобы они составляли единую цепочку событий.
6. Удаляем партнерства, начавшиеся в тот же момент, что и браки: если годы партнерства и брака совпали, то сравниваем месяцы.
7. Все даты внутри каждого блока (партнерства, браки, расставания, разводы) сдвигаем влево так, чтобы они составляли единую цепочку событий.
8. Формируем из месяцев и годов даты.
9. Сравниваем даты попарно и производим ряд замен в указанном порядке:
  - если расставание идет раньше партнерства, меняем их местами;
  - если расставание идет раньше брака, меняем их местами и меняем тип события с расставания на развод;
  - если подряд указаны два расставания, у первого из них меняем тип на партнерство;

---

¹ Данный алгоритм был реализован в виде макроса в MS Excel. Написание макроса осуществляли программисты, принимавшие участие в Научно-учебной группе НИУ ВШЭ «Модели и методы анализа демографических последовательностей». Официальный сайт группы: <https://cs.hse.ru/ai/demos>

- если расставание идет перед разводом, и их даты различаются, меняем их тип на партнерство и брак соответственно; если их даты совпадают, удаляем одно событие, а оставшееся меняем на брак;
- если развод идет перед партнерством, меняем их местами, и у развода меняем тип на расставание;
- если развод идет перед браком, меняем их местами;
- если развод идет перед расставанием, и их даты различаются, меняем их тип на брак и партнерство соответственно; если их даты совпадают, удаляем одно событие, а оставшееся меняем на брак;
- если подряд указаны два развода, меняем тип первого развода на брак;
- если между партнерством и расставанием стоит брак и развод, то приравниваем начало брака к завершению идущего перед ним партнерства, а развод – к началу следующего партнерства;
- если между браком и разводом стоит партнерство и расставание, то приравниваем начало партнерства к завершению идущего перед ним брака, а расставание – к началу следующего брака;
- если известно только одно событие, и это расставание, меняем его тип на партнерство;
- если известно только одно событие, и это развод, меняем его тип на брак;
- если после партнерства подряд идет какое-то количество расставаний и разводов, то удаляем все кроме последнего, и последнему присваиваем тип события – расставание;
- если после брака подряд идет какое-то количество расставаний и разводов, то удаляем все кроме последнего, и последнему присваиваем тип события – развод;
- если подряд идут два партнерства, то добавляем дату окончания первого партнерства, которая будет приравнена к началу второго;
- если подряд идут партнерство и брак, то вставляем между ними завершение первого, равное началу второго;
- если партнерство идет перед разводом, меняем тип переменной развод на расставание;
- если подряд идут два брака, то добавляем дату окончания первого брака, которая будет приравнена к началу второго;

- если брак идет перед расставанием, меняем тип переменной расставание на развод
- меняем местами даты расставания и развода, если партнерство началось раньше брака, а расставание идет позже развода (или наоборот);
- если даты партнерства и расставания совпадают, то удаляем расставание;
- если даты брака и развода совпадают, то удаляем развод.

После формирования предварительных брачно-партнерских биографий мы добавили их в общее полотно биографий и в сопоставлении с другими событиями исправляли описки и ошибки для случаев, когда возрасты матримониальных событий были отрицательными или очень маленькими. Подробнее на этом мы остановимся в параграфе последнем разделе данного приложения.

Репродуктивные биографии

В обследовании РиДМиЖ вопросы о деторождении задавались и мужчинам, и женщинам. В начале опроса респонденты заполняли так называемую карточку домохозяйства, в которой перечисляли всех, кто живет с ними в одном домохозяйстве, и указывали их степень родства и дату рождения. Затем в одном из блоков анкеты респонденты отвечали на серию вопросов о рожденных ими детях, причем информация собиралась отдельно о детях, живущих с респондентом на момент опроса и детях, живущих отдельно. Мы не будем приводить перечень переменных, из которых мы формировали репродуктивную биографию, т.к. их чрезвычайно много, а формулировка вопросов у всех одинаковая: назовите дату рождения такого-то ребенка или члена домохозяйства.

Для целей нашего исследования мы учитывали только родных детей, т.к. нам важно отследить одинаковые стартовые события для разных респондентов, тогда как усыновленные дети или дети партнера могут иметь очень разное значение для биографии респондента. Более того, количество усыновленных детей в базе данных в 10 раз меньше, чем количество родных, то есть это довольно редкие случаи, которые нужно изучать отдельно. Детей партнера у респондентов больше, но этот кейс еще более сложный, нежели усыновление, т.к. усыновление – это решение, которое близко по своему смыслу к деторождению, а ребенок партнера – это скорее последствие матримониального союза, нежели запланированное репродуктивное событие.

Так же, как и в случае с матримониальными событиями, если респондент сказал, что у него есть ребенок, но не назвал дату, мы подразумевали, что это ложноположительный ответ, т.к. если родитель не помнит дату рождения своего ребенка, то, скорее всего, ребенок

с ним не живет и мало контактирует, а, следовательно, влияние появления этого ребенка на жизненный путь и взросление респондента было минимальным или вообще отсутствовало.

Мы придерживались следующего алгоритма действий при формировании репродуктивных биографий:

1. Выстраиваем все события внутри каждой волны в хронологическом порядке.
2. Создаем специальный индикатор для близнецов.
3. Осуществляем склейку всех волн (добавляем сначала даты второй волны к первой, а затем третьей – к двум предыдущим).
4. Выстраиваем все события в хронологическом порядке, удаляем дублирующие друг друга события.
5. Пользуясь индикатором, который мы создали для отслеживания близнецов, добавляем недостающие события.
6. Если интервалы между деторождениями меньше 8 месяцев, ищем варианты исправления описок и ошибок, пользуясь информацией о наступлении других событий, где это возможно.

После формирования предварительных репродуктивных биографий мы добавили их в общее полотно биографий и в сопоставлении с другими событиями исправляли описки и ошибки для случаев, когда возрасты деторождений были отрицательными или очень маленькими. Подробнее на этом мы остановимся в следующем параграфе.

Комплексная работа с биографиями

После того, как мы сформировали даты наступления всех событий разного типа, мы посчитали возрасты наступления этих событий, и ряд из них оказался отрицательным или ниже законодательно установленного возраста или нормативных представлений приемлемом старте разных событий.

Для того, чтобы принять решение о том, стоит ли исправлять такие «маргинальные» возрасты, нам было необходимо изучить биографии комплексно. Например, проблема могла оказаться не в датах наступления стартовых событий, а в дате рождения, в которой была описка.

В таблице ниже (Таблица 6) приведены все произведенные нами замены по целому ряду событий. Напомним, что в качестве номера респондента мы использовали идентификатор из первой волны.

Таблица 6. Замены дат наступления событий в итоговых биографиях

Номер респондента	Замены
3678	брак 1+20 лет
3700	брак 1+10 лет
3849	брак 1+20 лет
3965	отделение от родителей+6 лет брак 1+6 лет
4874	брак 1+10 лет
5489	партнерство 1+5 лет
5855	брак 1+5 лет
6243	партнерство 1=партнерство 2 партнерство 2 - удаление события расставание 1 - удаление события
8393	партнерство 1+4 года
8578	партнерство 1=01.03.1974 партнерство 2 - удаление события брак 1=01.08.1974 расставание 1=01.08.1974 расставание 2 - удаление события
8885	партнерство 1+10 лет
3846	брак 1+20 лет
1116	ребенок 1=ребенок 2 ребенок 2 - удаление события
8578	развод 1 - удаление события

Источник: составлено автором

Итоговые биографии содержат довольно много социоэкономических событий в возрастах до 15 лет. Мы решили не исправлять их, если факт описки не был очевиден, т.к. особенно респонденты старших поколений, действительно могли покинуть родительский дом или начать работать в очень раннем возрасте. В качестве возраста отделения от родителей не только в РидМиЖ, но и в ЧСО, респонденты достаточно массово указывают такие возрасты как ноль лет или менее 15. Мы связываем это с тем, что они не до конца поняли смысл вопроса – что нас интересует момент начала самостоятельного проживания, когда индивид уже может о себе позаботиться и себя обеспечить. Респонденты же, судя по ответам, указывали возрасты, в которых родители их оставили (например, отдали в детский дом или умерли). Такие ответы, которые являются результатом искаженного понимания вопроса, мы не можем просто удалить из анкеты, т.к., мы удалим целое событие, которое, по факту, скорее всего, произошло, просто не в том возрасте, который указан. Поэтому мы будем осторожно подходить к расчету таких индикаторов, которые чувствительны к подобным «выбросам» (например, средний или медианный возраст наступления событий).

Приложение 3. Процедура подготовки стратифицирующих переменных

Пол

Пол – это очень устойчивая во времени характеристика индивида. Наше ожидание относительно этой переменной – что пол у всех респондентов совпадет в разных волнах. Но при работе с базой данных мы встретили не только пропуск значений по этой переменной, но и их расхождение. Чем это может быть обусловлено, сложно понять. Скорее всего, это ошибки ввода данных (как рукописного, так и машинного). Мы подключили дополнительные переменные, которые помогли нам решить, какой пол более вероятен у респондента. Например, вопросы про пол партнера, беременность, профессию и так далее.

Поколения

Мы выбрали деление на поколение, руководствуясь целями исследования. Так как мы изучаем сразу несколько событий, дедлайны наступления которых разнятся и на которые влияют разные внешние события, то делить поколения в соответствии с изменениями в законодательстве, политическими или историческими преобразованиями – это значит заложить в результаты смещение в сторону какого-то одного явления или процесса. Для того, чтобы сделать изучение взросления более объективным, мы взяли равный шаг для разбиения респондентов на поколения – 10 лет. Как мы упоминали выше, респондентов очень пожилого возраста мы исключили из анализа по ряду причин, поэтому в исследование вошли респонденты 1930-1986 г.р. Итого у нас получилось 5 поколений (в скобках указан возраст респондентов на момент 3 волны – 2011 года):

- 1930-1939 г.р. (72-81 год);
- 1940-1949 г.р. (62-71 год);
- 1950-1959 г.р. (52-61 год);
- 1960-1969 г.р. (42-51 год);
- 1970-1979 г.р. (32-41 год);
- 1980-1986 г.р. (25-31 год).

Последнее поколение получилось недонаполненным. В каждой волне РИДМИЖ опрашивались только респонденты старше 18 лет. На момент проведения первой волны (2004 год) 18-летними были респонденты, рожденные в 1986 году, поэтому они так и остались самыми молодыми респондентами в панели. Мы решили не исключать из анализа самое молодое поколение, т.к. оно достаточно хорошо наполнено, и именно эти респонденты социализировались после всех крупных трансформаций, произошедших в стране в 90-е годы.

Так как мы используем много уровней анализа в нашем исследовании, то в ряде случаев для нас более целесообразным будет использовать не 10-летние когорты, а более крупное деление на поколения. Исходя из тех исследований, что мы проводили ранее [Митрофанова, 2010b; Mitrofanova, 2016a; Mitrofanova, 2017a], поколения, социализировавшиеся и взрослевшие в советское время, отличаются достаточно унифицированным поведением во многих сферах, а поколения, взрослевшие после распада СССР, демонстрируют иные паттерны поведения. В связи с этим, как мы уже говорили раньше, мы будем использовать лейбл «советские» поколения по отношению к лицам, рожденным в 1930-69 гг. и «современные» поколения – для тех, кто рожден в 1970-86 гг.

Уровень образования на момент опроса

В параграфе выше «Окончание школы и завершение получения образования» мы подробно описали подготовку дат наступления образовательных событий. Здесь мы опишем нашу работу с уровнями образования на момент опроса.

Таблица (Таблица 1) содержит перечень возможных вариантов ответа на вопрос «Какое учебное заведение самого высокого уровня, из перечисленных на карточке, Вы закончили?» в каждой из трех волн. Каждому из имеющихся вариантов ответа мы присвоили свой код, означающий один из трех уровней образования. Мы придерживались следующей градации:

- 1 – высокий уровень образования (высшее и послевузовское);
- 2 – средний уровень образования (ПТУ, техникум, лицей, неоконченное высшее образование);
- 3 – низкий уровень образования (школа, профессиональные курсы или отсутствие образования).

Мы добавили респондента, не имеющего никакого образования, в категорию низкообразованных, т.к. из всей выборки он такой один и формировать для него отдельную категорию «без образования» не имело смысла.

Таблица 1. Кодировка уровней образования в каждой из трех волн

Наименование уровня образования	Исходный код	Авторский код
<i>1 волна</i>		
Профессиональные курсы	1	3
ПТУ, ФЗУ, ФЗО без среднего образования	2	2
ПТУ со средним образованием, техническое училище	3	2
Техникум, медицинское, музыкальное, педагогическое, художественное училище	4	2
Институт, университет, академия	5	1

Аспирантура, ординатура	6	1
Ученая степень кандидата или доктора наук	7	1
Учится (учился), но не закончил неизвестное учебное заведение	50	3
Учится (учился), но не закончил профессиональные курсы	51	3
Учится (учился), но не закончил ПТУ, ФЗУ, ФЗО без среднего образования	52	3
Учится (учился), но не закончил ПТУ, ФЗУ, ФЗО со средним образованием, техническое училище	53	3
Учится (учился), но не закончил техникум, медицинское, музыкальное, педагогическое, художественное училище	54	3
Учится (учился), но не закончил институт, университет, академию	55	2
Учится (учился), но не закончил аспирантуру, ординатуру	56	1
Нет ответа	96+	3
2 волна		
Очные профессиональные курсы (например, водителей, машинисток, парикмахеров)	1	3
Профессиональное обучение без среднего образования: ПТУ, ФЗУ, ФЗО	2	2
Профессиональное обучение со средним образованием: ПТУ, профессиональный лицей	3	2
Среднее специальное обучение: медицинское, музыкальное, педагогическое, художественное училище, колледж	4	2
Незаконченное высшее образование: диплом о незаконченном высшем образовании или не менее 3 лет обучения	5	2
Высшее образование: институт, университет, академия	6	1
Постдипломное: аспирантура, докторантура, ординатура, адъюнктура	7	1
Ученая степень кандидата или доктора наук	8	1
Другое	9	3
Нет ответа	-6	3
3 волна		
Профессиональное обучение без среднего образования: ПТУ, ФЗУ, ФЗО	1	2
Профессиональное обучение со средним образованием: ПТУ, профессиональный лицей	2	2
Среднее специальное обучение: медицинское, музыкальное, педагогическое, художественное училище, колледж	3	2
Незаконченное высшее образование: диплом о незаконченном высшем образовании или не менее 3 лет обучения	4	2
Высшее образование: институт, университет, академия	5	1
Постдипломное: аспирантура, докторантура, ординатура, адъюнктура	6	1
Ученая степень кандидата или доктора наук	7	1
Другое	8	3
Нет ответа	99, -99	3

Источник: составлено автором

Пользуясь общими алгоритмами, мы создали итоговую переменную «уровень образования» из переменных каждой волны. Мы сопоставили получившуюся у нас структуру по уровням образования с результатами переписи населения 2010 г. и увидели, что предварительные данные получились перепредставленными относительно среднего уровня образования и недопредставленными относительно низкого уровня образования. Дальнейшие коррективы мы вносили с учетом этого сдвига, пытаясь выровнять баланс

между количеством респондентов с низким и средним уровнем образования. В частности, для тех респондентов, которые указали уровень образования средний или высокий, но не указали ни одной даты завершения образования, мы снизили уровень образования до общего.

Следующим шагом мы проверяли, соответствуют ли получившиеся уровни образования фактам и возрастам окончания школы и получения профессионального образования. Мы провели несколько итераций и, в случае невозможности принятия однозначного решения, рассматривали много вспомогательных переменных (например, профессия, по которой работает респондент, наличие у него аттестата, в каком учебном заведении учится сейчас и т.д.).

Тип населенного пункта на момент опроса

В параграфе «1.3.2. Операционализация понятий: Тип населенного пункта на момент опроса» мы уже упоминали, что в данном исследовании мы используем информацию о типах населенных пунктов, в которых респонденты проживают на момент опроса. Мы объясняли, по какой причине не используем информацию о типе населенного пункта на момент рождения.

Всего в РИДМИЖ было четыре типа населенных пунктов, но, как мы говорили выше, изначально мы готовили три разных базы данных (ЕСИ, РИДМИЖ и ЧСО) и старались привести все переменные к максимальной сопоставимости. Поэтому мы сгруппировали типы населенных пунктов в три категории, которые можно было выделить по двум другим базам. Нашим решением было объединить две промежуточные категории населенных пунктов – «другие города» и «ПГТ», т.к. по отдельности они были недостаточно наполнены и плохо различимы между собой.

Итоговая переменная «типа населенного пункта» включает:

- областные центры;
- другие города и ПГТ;
- сельские населенные пункты (СНП).

Наполненность категорий итоговой переменной получилось достаточно равномерной и хорошо сопоставимой. В таблице (Таблица 2) приведена информация о том, в каких регионах России какие населенные были опрошены.

Таблица 2. Типы населенных пунктов в регионах России, в которых был проведен опрос

Регионы	Тип населенного пункта			Всего
	Областные центры	Города и ПГТ	СНП	
Москва	200	0	0	200
Санкт-Петербург	72	0	0	72
Московская обл.	0	153	42	195
Республика Коми	109	95	30	234
Саратовская обл.	93	89	53	235
Ленинградская обл.	0	37	124	161
Смоленская обл.	107	0	0	107
Тверская обл.	0	131	38	169
Тульская обл.	105	0	0	105
Калужская обл.	0	0	204	204
Нижегородская обл.	109	0	0	109
Чувашская республика	0	105	55	160
Пензенская обл.	0	73	138	211
Липецкая обл.	188	0	0	188
Тамбовская обл.	0	130	55	185
Татарстан республика	119	0	0	119
Краснодарский край	98	0	195	293
Челябинская обл.	86	0	193	279
Волгоградская обл.	0	109	90	199
Кабардино-Балкарская респ.	0	85	164	249
Ростовская обл.	0	74	0	74
Алтайский край	0	106	189	295
Ставропольский край	0	65	77	142
Красноярский край	92	95	50	237
Курганская обл.	113	0	0	113
Удмуртская респ.	0	122	20	142
Оренбургская обл.	0	189	0	189
Пермская обл.	0	121	15	136
Томская обл.	128	0	0	128
Новосибирская обл.	0	107	0	107
Приморский край	16	0	0	16
Амурская обл.	0	0	198	198
Всего	1635	1886	1930	5451

Источник: составлено автором

В каждой волне РиДМиЖ был задан вопрос о типе населенного пункта на момент проведения опроса. Для панельных респондентов, которых мы исследуем, мы брали значение переменной на момент проведения последней волны. В случае отсутствия информации в базе последней волны, мы обращались к ранее полученным данным.

Приложение 4. Структура выборки в разрезе пола, поколений и уровней образования

Пол	Поколения	Уровень образования			Всего
		Высокий	Средний	Низкий	
Мужчины	1930-1939	42	91	60	193
	1940-1949	43	137	36	216
	1950-1959	73	272	48	393
	1960-1969	90	281	62	433
	1970-1979	82	217	43	342
	1980-1986	61	96	24	181
Женщины	1930-1939	96	230	263	589
	1940-1949	123	262	169	554
	1950-1959	196	606	138	940
	1960-1969	176	501	95	772
	1970-1979	177	358	70	605
	1980-1986	94	113	26	233
Всего		1253	3164	1034	5451

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Приложение 5. Структура выборки в разрезе пола, поколений и типов населенных пунктов

Пол	Поколения	Тип населенного пункта			Всего
		Областные центры	Города и ПГТ	СНП	
Мужчины	1930-1939	49	70	74	193
	1940-1949	61	74	81	216
	1950-1959	97	144	152	393
	1960-1969	116	156	161	433
	1970-1979	96	135	111	342
	1980-1986	69	59	53	181
Женщины	1930-1939	202	184	203	589
	1940-1949	179	202	173	554
	1950-1959	290	337	313	940
	1960-1969	216	247	309	772
	1970-1979	172	210	223	605
	1980-1986	88	68	77	233
Всего		1635	1886	1930	5451

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Приложение 6. Структура выборки в разрезе пола, типов населенных пунктов, поколений и уровней образования

Пол	Тип населенного пункта	Поколения	Уровень образования			Всего	
			Высокий	Средний	Низкий		
Мужчины	Областные центры	1930-1939	24	21	4	49	
		1940-1949	23	27	11	61	
		1950-1959	28	57	12	97	
		1960-1969	36	71	9	116	
		1970-1979	34	55	7	96	
		1980-1986	33	31	5	69	
	Города и ПГТ	1930-1939	12	33	25	70	
		1940-1949	15	48	11	74	
		1950-1959	25	104	15	144	
		1960-1969	38	98	20	156	
		1970-1979	32	93	10	135	
		1980-1986	21	34	4	59	
	СНП	1930-1939	6	37	31	74	
		1940-1949	5	62	14	81	
		1950-1959	20	111	21	152	
		1960-1969	16	112	33	161	
		1970-1979	16	69	26	111	
		1980-1986	7	31	15	53	
	Всего			391	1094	273	1758
	Женщины	Областные центры	1930-1939	54	94	54	202
			1940-1949	53	85	41	179
1950-1959			87	169	34	290	
1960-1969			72	132	12	216	
1970-1979			67	92	13	172	
1980-1986			44	38	6	88	
Города и ПГТ		1930-1939	31	73	80	184	
		1940-1949	49	103	50	202	
		1950-1959	71	215	51	337	
		1960-1969	54	168	25	247	
		1970-1979	66	129	15	210	
		1980-1986	27	34	7	68	
СНП		1930-1939	11	63	129	203	
		1940-1949	21	74	78	173	
		1950-1959	38	222	53	313	
		1960-1969	50	201	58	309	
		1970-1979	44	137	42	223	
		1980-1986	23	41	13	77	
Всего			862	2070	761	3693	

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Приложение 7. Проверка наличия статистически значимых различий в наступлении стартовых событий в зависимости от пола респондентов

Таблица 1. Анализ статистической значимости различий в возрастных группах окончания школы в разрезе пола: критерий Хи-квадрат

	Значение	ст.св.	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Хи-квадрат Пирсона	4,857 ^a	2	0,088
Отношения правдоподобия	5,081	2	0,079
Линейно-линейная связь	4,846	1	0,028
Количество допустимых наблюдений	5451		

а. Для числа ячеек 2 (33,3%) предполагается значение, меньше 5. Минимальное предполагаемое число равно ,32.

Источник: составлено автором (панельные данные РИДМИЖ на 2011 г.)

Таблица 2. Анализ статистической значимости различий в возрастных группах окончания школы мужчин и женщин: комбинационная таблица и стандартизированные остатки

Наступление события в возрасте		Мужчины	Женщины	Всего
0-14 лет	Кол-во	191	335	526
	Ст. ост.	1,6	-1,1	
15-24 года	Кол-во	1567	3357	4924
	Ст. ост.	-0,5	0,4	
нет события	Кол-во	0	1	1
	Ст. ост.	-0,6	0,4	
Всего	Кол-во	1758	3693	5451

Источник: составлено автором (панельные данные РИДМИЖ на 2011 г.)

Таблица 3. Анализ статистической значимости различий в возрастных группах прохождения профессионального образования в разрезе пола: критерий Хи-квадрат

	Значение	ст.св.	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Хи-квадрат Пирсона	24,514 ^a	3	,000
Отношения правдоподобия	25,163	3	,000
Линейно-линейная связь	21,681	1	,000
Количество допустимых наблюдений	5451		

а. Для числа ячеек 0 (0,0%) предполагается значение, меньше 5. Минимальное предполагаемое число равно 104,49.

Источник: составлено автором (панельные данные РИДМИЖ на 2011 г.)

Таблица 4. Анализ статистической значимости различий в возрастах прохождения профессионального образования мужчин и женщин: комбинационная таблица и стандартизированные остатки

Наступление события в возрасте		Мужчины	Женщины	Всего
15-24 лет	Кол-во	1060	2101	3161
	Ст. ост.	1,3	-0,9	
25-34 года	Кол-во	319	588	907
	Ст. ост.	1,5	-1,1	
после 35 лет	Кол-во	103	221	324
	Ст. ост.	-0,1	0,1	
нет события	Кол-во	276	783	1059
	Ст. ост.	-3,5	2,4	
Всего	Кол-во	1758	3693	5451

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Таблица 5. Анализ статистической значимости различий в возрастах получения первой работы в разрезе пола: критерий Хи-квадрат

	Значение	ст.св.	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Хи-квадрат Пирсона	10,989 ^a	4	0,027
Отношения правдоподобия	12,195	4	0,016
Линейно-линейная связь	7,087	1	0,008
Количество допустимых наблюдений	5451		

а. Для числа ячеек 0 (0,0%) предполагается значение, меньше 5. Минимальное предполагаемое число равно 5,48.

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Таблица 6. Анализ статистической значимости различий в возрастах получения первой работы мужчин и женщин: комбинационная таблица и стандартизированные остатки

Наступление события в возрасте		Мужчины	Женщины	Всего
0-14 лет	Кол-во	53	90	143
	Ст. ост.	1,0	-0,7	
15-24 лет	Кол-во	1600	3367	4967
	Ст. ост.	0,0	,0	
25-34 года	Кол-во	89	174	263
	Ст. ост.	0,5	-0,3	
после 35 лет	Кол-во	7	10	17
	Ст. ост.	0,6	-0,4	
нет события	Кол-во	9	52	61
	Ст. ост.	-2,4	1,7	
Всего	Кол-во	1758	3693	5451

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Таблица 7. Анализ статистической значимости различий в возрастных группах 1 отделения в разрезе пола: критерий Хи-квадрат

	Значение	ст.св.	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Хи-квадрат Пирсона	53,707 ^a	4	0,000
Отношения правдоподобия	51,833	4	0,000
Линейно-линейная связь	32,126	1	0,000
Количество допустимых наблюдений	5451		

- а. Для числа ячеек 0 (0,0%) предполагается значение, меньше 5. Минимальное предполагаемое число равно 27,74.

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Таблица 8. Анализ статистической значимости различий в возрастных группах первого отделения мужчин и женщин: комбинационная таблица и стандартизированные остатки

Наступление события в возрасте		Мужчины	Женщины	Всего
0-14 лет	Кол-во	25	61	86
	Ст. ост.	-0,5	0,4	
15-24 лет	Кол-во	1276	2970	4246
	Ст. ост.	-2,5	1,7	
25-34 года	Кол-во	299	422	721
	Ст. ост.	4,4	-3,0	
после 35 лет	Кол-во	75	142	217
	Ст. ост.	0,6	-0,4	
нет события	Кол-во	83	98	181
	Ст. ост.	3,2	-2,2	
Всего	Кол-во	1758	3693	5451

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Таблица 9. Анализ статистической значимости различий в возрастных группах вступления в первое партнерство в разрезе пола: критерий Хи-квадрат

	Значение	ст.св.	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Хи-квадрат Пирсона	7,170 ^a	4	0,127
Отношения правдоподобия	7,181	4	0,127
Линейно-линейная связь	0,433	1	0,511
Количество допустимых наблюдений	5451		

- а. Для числа ячеек 1 (10,0%) предполагается значение, меньше 5. Минимальное предполагаемое число равно 2,58.

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Таблица 10. Анализ статистической значимости различий в возрастах первого партнерства мужчин и женщин: комбинационная таблица и стандартизированные остатки

Наступление события в возрасте		Мужчины	Женщины	Всего
0-14 лет	Кол-во	3	5	8
	Ст. ост.	0,3	-0,2	
15-24 лет	Кол-во	456	1013	1469
	Ст. ост.	-0,8	0,6	
25-34 года	Кол-во	225	408	633
	Ст. ост.	1,5	-1,0	
после 35 лет	Кол-во	120	301	421
	Ст. ост.	-1,4	0,9	
нет события	Кол-во	954	1966	2920
	Ст. ост.	0,4	-0,3	
Всего	Кол-во	1758	3693	5451

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Таблица 11. Анализ статистической значимости различий в возрастах вступления в первый брак в разрезе пола: критерий Хи-квадрат

	Значение	ст.св.	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Хи-квадрат Пирсона	151,839 ^a	4	0,000
Отношения правдоподобия	146,929	4	0,000
Линейно-линейная связь	19,790	1	0,000
Количество допустимых наблюдений	5451		

а. Для числа ячеек 2 (20,0%) предполагается значение, меньше 5. Минимальное предполагаемое число равно ,32.

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Таблица 12. Анализ статистической значимости различий в возрастах вступления в первый брак мужчин и женщин: комбинационная таблица и стандартизированные остатки

Наступление события в возрасте		Мужчины	Женщины	Всего
0-14 лет	Кол-во	0	1	1
	Ст. ост.	-0,6	0,4	
15-24 лет	Кол-во	984	2623	3607
	Ст. ост.	-5,3	3,6	
25-34 года	Кол-во	434	473	907
	Ст. ост.	8,3	-5,7	
после 35 лет	Кол-во	46	61	107
	Ст. ост.	2,0	-1,3	
нет события	Кол-во	294	535	829
	Ст. ост.	1,6	-1,1	
Всего	Кол-во	1758	3693	5451

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Таблица 13. Анализ статистической значимости различий в возрастных группах рождения первого ребенка в разрезе пола: критерий Хи-квадрат

	Значение	ст.св.	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Хи-квадрат Пирсона	302,450 ^a	3	0,000
Отношения правдоподобия	299,021	3	0,000
Линейно-линейная связь	141,482	1	0,000
Количество допустимых наблюдений	5451		

- а. Для числа ячеек 0 (0,0%) предполагается значение, меньше 5. Минимальное предполагаемое число равно 34,19.

Источник: составлено автором (панельные данные РИДМИЖ на 2011 г.)

Таблица 14. Анализ статистической значимости различий в возрастных группах рождения первого ребенка у мужчин и женщин: комбинационная таблица и стандартизированные остатки

Наступление события в возрасте		Мужчины	Женщины	Всего
15-24 лет	Кол-во	780	2545	3325
	Ст. ост.	-8,9	6,2	
25-34 года	Кол-во	660	789	1449
	Ст. ост.	8,9	-6,1	
после 35 лет	Кол-во	47	59	106
	Ст. ост.	2,2	-1,5	
нет события	Кол-во	271	300	571
	Ст. ост.	6,4	-4,4	
Всего	Кол-во	1758	3693	5451

Источник: составлено автором (панельные данные РИДМИЖ на 2011 г.)

Приложение 8. Проверка наличия статистически значимых различий в наступлении стартовых событий в зависимости от поколенческой принадлежности респондентов

Таблица 1. Анализ статистической значимости различий возрастов окончания школы в разрезе пола и поколения: критерий Хи-квадрат

	Значение	ст.св.	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Хи-квадрат Пирсона	328,594 ^a	22	0,000
Отношения правдоподобия	285,944	22	0,000
Линейно-линейная связь	25,022	1	0,000
Количество допустимых наблюдений	5451		

^a. Для числа ячеек 12 (33,3%) предполагается значение, меньше 5. Минимальное предполагаемое число равно ,03.

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Таблица 2. Анализ статистической значимости различий возрастов получения послешкольного образования в разрезе пола и поколения: критерий Хи-квадрат

	Значение	ст.св.	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Хи-квадрат Пирсона	517,013 ^a	33	0,000
Отношения правдоподобия	511,602	33	0,000
Линейно-линейная связь	0,218	1	0,640
Количество допустимых наблюдений	5451		

^a. Для числа ячеек 0 (0,0%) предполагается значение, меньше 5. Минимальное предполагаемое число равно 10,76.

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Таблица 3. Анализ статистической значимости различий возрастов получения послешкольного образования в разрезе пола и поколений: комбинационная таблица и стандартизированные остатки

Послешкольное образование в возрасте		мужчины						женщины						Всего
		1930-39	1940-49	1950-59	1960-69	1970-79	1980-86	1930-39	1940-49	1950-59	1960-69	1970-79	1980-86	
15-24 года	Кол-во	79	98	227	276	244	136	203	246	566	523	390	173	3161
	Ст. ост.	-3,1	-2,4	-0,1	1,6	3,2	3,0	-7,5	-4,2	0,9	3,6	2,1	3,3	
25-34 года	Кол-во	50	47	83	65	54	20	93	102	152	84	125	32	907
	Ст. ост.	3,2	1,8	2,2	-0,8	-0,4	-1,8	-0,5	1,0	-0,4	-3,9	2,4	-1,1	
35+ лет	Кол-во	30	28	15	25	5	0	51	42	65	42	21	0	324
	Ст. ост.	5,5	4,2	-1,7	-0,1	-3,4	-3,3	2,7	1,6	1,2	-0,6	-2,5	-3,7	
нет событий	Кол-во	34	43	68	67	39	25	242	164	157	123	69	28	1059
	Ст. ост.	-0,6	0,2	-1,0	-1,9	-3,4	-1,7	11,9	5,4	-1,9	-2,2	-4,5	-2,6	
Всего	Кол-во	193	216	393	433	342	181	589	554	940	772	605	233	5451

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Таблица 4. Анализ статистической значимости различий возрастов получения первой работы в разрезе пола и поколения: критерий Хи-квадрат

	Значение	ст.св.	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Хи-квадрат Пирсона	441,410 ^a	44	0,000
Отношения правдоподобия	353,059	44	0,000
Линейно-линейная связь	35,452	1	0,000
Количество допустимых наблюдений	5451		

^a Для числа ячеек 20 (33,3%) предполагается значение, меньше 5. Минимальное предполагаемое число равно ,56.

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Таблица 5. Анализ статистической значимости различий возрастов первого отделения в разрезе пола и поколения: критерий Хи-квадрат

	Значение	ст.св.	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Хи-квадрат Пирсона	633,481 ^a	44	0,000
Отношения правдоподобия	500,578	44	0,000
Линейно-линейная связь	5,191	1	0,023
Количество допустимых наблюдений	5451		

^a Для числа ячеек 4 (6,7%) предполагается значение, меньше 5. Минимальное предполагаемое число равно 2,86.

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Таблица 6. Анализ статистической значимости различий возрастов первого отделения в разрезе пола и поколения: комбинационная таблица и стандартизированные остатки

Первое отделение в возрасте		мужчины						женщины						Всего
		1930-39	1940-49	1950-59	1960-69	1970-79	1980-86	1930-39	1940-49	1950-59	1960-69	1970-79	1980-86	
0-14 лет	Кол-во	3	8	3	4	2	5	18	5	10	10	13	5	86
	Ст. ост.	0,0	2,5	-1,3	-1,1	-1,5	1,3	2,9	-1,3	-1,3	-0,6	1,1	0,7	
15-24 года	Кол-во	130	156	288	324	266	112	458	442	757	642	490	181	4246
	Ст. ост.	-1,7	-0,9	-1,0	-0,7	0,0	-2,4	0,0	0,5	0,9	1,7	0,9	0,0	
25-34 года	Кол-во	40	36	76	75	53	19	74	71	112	89	66	10	721
	Ст. ост.	2,9	1,4	3,3	2,3	1,2	-1,0	-0,4	-0,3	-1,1	-1,3	-1,6	-3,8	
35+ лет	Кол-во	20	16	22	14	3	0	39	35	47	17	4	0	217
	Ст. ост.	4,4	2,5	1,6	-0,8	-2,9	-2,7	3,2	2,8	1,6	-2,5	-4,1	-3,0	
нет события	Кол-во	0	0	4	16	18	45	0	1	14	14	32	37	181
	Ст. ост.	-2,5	-2,7	-2,5	0,4	2,0	15,9	-4,4	-4,1	-3,1	-2,3	2,7	10,5	
	Кол-во	193	216	393	433	342	181	589	554	940	772	605	233	5451

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Таблица 7. Анализ статистической значимости различий возрастов вступления в первое партнерство в разрезе пола и поколения: критерий Хи-квадрат

	Значение	ст.св.	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Хи-квадрат Пирсона	706,631 ^a	44	0,000
Отношения правдоподобия	726,800	44	0,000
Линейно-линейная связь	39,178	1	0,000
Количество допустимых наблюдений	5451		

^a Для числа ячеек 12 (20,0%) предполагается значение, меньше 5. Минимальное предполагаемое число равно ,27.

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Таблица 8. Анализ статистической значимости различий возрастов вступления в первое партнерство в разрезе пола и поколения: комбинационная таблица и стандартизированные остатки

Первое партнерство	мужчины						женщины						Всего	
	1930-39	1940-49	1950-59	1960-69	1970-79	1980-86	1930-39	1940-49	1950-59	1960-69	1970-79	1980-86		
0-14 лет	Кол-во	0	0	2	0	1	0	0	3	0	2	0	8	
	Ст. ост.	-0,5	-0,6	1,9	-0,8	0,7	-0,5	-0,9	-0,9	1,4	-1,1	1,2	-0,6	
15-24 года	Кол-во	29	29	62	99	126	111	95	107	187	212	263	149	1469
	Ст. ост.	-3,2	-3,8	-4,3	-1,6	3,5	8,9	-5,1	-3,5	-4,2	0,3	7,8	10,9	
25-34 года	Кол-во	12	17	41	69	72	14	43	46	121	90	92	16	633
	Ст. ост.	-2,2	-1,6	-0,7	2,6	5,1	-1,5	-3,1	-2,3	1,1	0,0	2,6	-2,1	
35+ лет	Кол-во	22	23	42	30	3	0	61	54	112	68	6	0	421
	Ст. ост.	1,8	1,5	2,1	-0,6	-4,6	-3,7	2,3	1,7	4,6	1,1	-6,0	-4,2	
нет событий	Кол-во	130	147	246	235	140	56	390	347	517	402	242	68	2920
	Ст. ост.	2,6	2,9	2,4	0,2	-3,2	-4,2	4,2	2,9	0,6	-0,6	-4,6	-5,1	
	Кол-во	193	216	393	433	342	181	589	554	940	772	605	233	5451

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Таблица 9. Анализ статистической значимости различий возрастов вступления в первый брак в разрезе пола и поколения: критерий Хи-квадрат

	Значение	ст.св.	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Хи-квадрат Пирсона	1006,980 ^a	44	0,000
Отношения правдоподобия	805,833	44	0,000
Линейно-линейная связь	0,032	1	0,859
Количество допустимых наблюдений	5451		

^a Для числа ячеек 16 (26,7%) предполагается значение, меньше 5. Минимальное предполагаемое число равно ,03.

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Таблица 10. Анализ статистической значимости различий возрастов появления первого ребенка в разрезе пола и поколения: критерий Хи-квадрат

	Значение	ст.св.	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Хи-квадрат Пирсона	1000,051 ^a	33	0,000
Отношения правдоподобия	783,707	33	0,000
Линейно-линейная связь	65,943	1	0,000
Количество допустимых наблюдений	5451		

^a Для числа ячеек 4 (8,3%) предполагается значение, меньше 5. Минимальное предполагаемое число равно 3,52.

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Таблица 11. Анализ статистической значимости различий появления первого ребенка в разрезе пола и поколений: комбинационная таблица и стандартизированные остатки

Первый ребенок в возрасте		мужчины						женщины						Всего
		1930-39	1940-49	1950-59	1960-69	1970-79	1980-86	1930-39	1940-49	1950-59	1960-69	1970-79	1980-86	
15-24 года	Кол-во	62	110	202	218	152	36	370	366	633	573	463	140	3325
	Ст. ост.	-5,1	-1,9	-2,4	-2,8	-3,9	-7,1	0,6	1,5	2,5	4,7	4,9	-0,2	
25-34 года	Кол-во	105	96	141	160	120	38	164	134	229	146	94	22	1449
	Ст. ост.	7,5	5,1	3,6	4,2	3,1	-1,5	0,6	-1,1	-1,3	-4,1	-5,3	-5,1	
35+ лет	Кол-во	11	2	14	16	4	0	11	12	26	7	3	0	106
	Ст. ост.	3,7	-1,1	2,3	2,6	-1,0	-1,9	-0,1	0,4	1,8	-2,1	-2,6	-2,1	
нет событий	Кол-во	15	8	36	39	66	107	44	42	52	46	45	71	571
	Ст. ост.	-1,2	-3,1	-0,8	-0,9	5,0	20,2	-2,3	-2,1	-4,7	-3,9	-2,3	9,4	
	Кол-во	193	216	393	433	342	181	589	554	940	772	605	233	5451

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Приложение 9. Проверка наличия статистически значимых различий в наступлении стартовых событий в зависимости от пола, поколения и уровня образования респондентов

Таблица 1. Анализ статистической значимости различий в возрастах окончания школы в разрезе пола, поколений и общего уровня образования: критерий Хи-квадрат

	Значение	ст.св.	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Хи-квадрат Пирсона	823,493 ^a	70	0,000
Отношения правдоподобия	616,843	70	0,000
Линейно-линейная связь	0,033	1	0,855
Количество допустимых наблюдений	5451		

- а. Для числа ячеек 43 (39,8%) предполагается значение, меньше 5. Минимальное предполагаемое число равно ,00.

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Таблица 2. Анализ статистической значимости различий в возрастах окончания школы в разрезе пола, поколений и общего уровня образования: комбинационная таблица и стандартизированные остатки

Уровень образования	Наступление события в возрасте	Мужчины						Женщины						
		1930-39	1940-49	1950-59	1960-69	1970-79	1980-86	1930-39	1940-49	1950-59	1960-69	1970-79	1980-86	
Высокий	0-14 лет	Кол-во	1	3	1	3	2	0	0	1	1	3	3	3
		Ст. ост.	-1,5	-0,6	-2,3	-1,9	-2,1	-2,4	-3,0	-3,2	-4,1	-3,4	-3,4	-2,0
	15-24 года	Кол-во	41	40	72	87	80	61	96	122	195	173	174	91
		Ст. ост.	0,5	0,2	0,7	0,6	0,7	0,8	1,0	1,0	1,3	1,1	1,1	0,7
	нет событий	Кол-во	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Ст. ост.	-0,1	-0,1	-0,1	-0,1	-0,1	-0,1	-0,1	-0,1	-0,2	-0,2	-0,2	-0,2	-0,1	
Всего	Кол-во	42	43	73	90	82	61	96	123	196	176	177	94	
Средний	0-14 лет	Кол-во	19	15	11	17	39	15	22	16	28	26	39	8
		Ст. ост.	3,4	0,5	-3,0	-1,9	3,9	1,9	0,0	-1,8	-4,0	-3,2	,8	-0,9
	15-24 года	Кол-во	72	122	261	264	178	81	208	246	578	475	319	105
		Ст. ост.	-1,1	-0,2	1,0	0,6	-1,3	-0,6	0,0	0,6	1,3	1,1	-0,2	0,3
	нет событий	Кол-во	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Ст. ост.	-0,1	-0,2	-0,2	-0,2	-0,2	-0,1	-0,2	-0,2	-0,2	-0,3	-0,3	-0,3	-0,1	
Всего	Кол-во	91	137	272	281	217	96	230	262	606	501	358	113	
Низкий	0-14 лет	Кол-во	32	14	4	3	8	4	122	39	8	3	11	2
		Ст. ост.	10,9	5,6	-0,3	-1,2	1,9	1,1	19,2	5,6	-1,5	-2,0	1,6	-0,3
	15-24 года	Кол-во	28	22	44	59	35	20	140	130	130	92	59	24
		Ст. ост.	-3,6	-1,8	0,1	0,4	-0,6	-0,4	-6,3	-1,8	0,5	0,7	-0,5	0,1
	нет событий	Кол-во	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
Ст. ост.	-0,1	-0,1	-0,1	-0,1	-0,1	-0,1	4,3	-0,2	-0,2	-0,1	-0,1	-0,1		
Всего	Кол-во	60	36	48	62	43	24	263	169	138	95	70	26	

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Таблица 3. Анализ статистической значимости различий в возрастах получения профессионального образования в разрезе пола, поколений и уровня образования: критерий Хи-квадрат

	Значение	ст.св.	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Хи-квадрат Пирсона	3678,800a	105	0,000
Отношения правдоподобия	3291,622	105	0,000
Линейно-линейная связь	95,131	1	0,000
Количество допустимых наблюдений	5451		

- а. Для числа ячеек 16 (11,1%) предполагается значение, меньше 5. Минимальное предполагаемое число равно 1,43.

Источник: составлено автором (панельные данные РиДМиЖ на 2011 г.)

Таблица 4. Анализ статистической значимости различий в возрастах получения профессионального образования в разрезе пола, поколений и общего уровня образования: комбинационная таблица и стандартизированные остатки

Уровень образования	Наступление события в возрасте		Мужчины						Женщины					
			1930-39	1940-49	1950-59	1960-69	1970-79	1980-86	1930-39	1940-49	1950-59	1960-69	1970-79	1980-86
Высокий	15-24 года	Кол-во	11	14	29	43	46	45	52	61	106	108	85	70
		Ст. ост.	-2,7	-2,2	-2,0	-1,3	-0,2	1,6	-0,5	-1,2	-0,7	0,6	-1,7	2,1
	25-34 года	Кол-во	19	17	39	36	33	15	34	49	63	39	78	24
		Ст. ост.	4,5	3,7	7,7	5,4	5,2	1,5	4,5	6,3	5,3	1,8	8,9	2,1
	после 35 лет	Кол-во	12	12	5	11	3	0	10	13	27	29	14	0
		Ст. ост.	6,0	5,9	0,3	2,4	-0,8	-1,9	1,8	2,1	4,5	5,7	1,1	-2,4
нет события	Кол-во	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	
	Ст. ост.	-2,9	-2,9	-3,8	-4,2	-4,0	-3,2	-4,3	-4,9	-6,2	-5,8	-5,9	-4,3	
Всего	Кол-во	42	43	73	90	82	61	96	123	196	176	177	94	
Средний	15-24 года	Кол-во	49	79	181	218	184	88	141	173	438	402	294	100
		Ст. ост.	-0,5	,0	1,9	4,3	5,2	4,3	,7	1,7	4,6	6,5	6,0	4,3
	25-34 года	Кол-во	24	26	41	24	16	3	50	45	83	43	43	7
		Ст. ост.	2,3	,7	-0,6	-3,3	-3,3	-3,2	1,9	0,2	-1,8	-4,4	-2,1	-2,7
	после 35 лет	Кол-во	14	16	10	12	2	0	31	21	32	12	7	0
		Ст. ост.	3,7	2,8	-1,5	-1,2	-3,0	-2,4	4,7	1,4	-0,7	-3,3	-3,1	-2,6
нет события	Кол-во	4	16	40	27	15	5	8	23	53	44	14	6	
	Ст. ост.	-3,3	-2,1	-1,8	-3,7	-4,2	-3,2	-5,5	-3,9	-6,0	-5,4	-6,7	-3,4	
Всего	Кол-во	91	137	272	281	217	96	230	262	606	501	358	113	
Низкий	15-24 года	Кол-во	19	5	17	15	14	3	10	12	22	13	11	3
		Ст. ост.	-2,7	-3,5	-2,1	-3,5	-2,2	-2,9	-11,5	-8,7	-6,5	-5,7	-4,6	-3,1
	25-34 года	Кол-во	7	4	3	5	5	2	9	8	6	2	4	1
		Ст. ост.	-0,9	-0,8	-1,8	-1,7	-0,8	-1,0	-5,3	-3,8	-3,5	-3,5	-2,2	-1,6
	после 35 лет	Кол-во	4	0	0	2	0	0	10	8	6	1	0	0
		Ст. ост.	0,2	-1,5	-1,7	-0,9	-1,6	-1,2	-1,4	-0,6	-0,8	-2,0	-2,0	-1,2
нет события	Кол-во	30	27	28	40	24	19	234	141	104	79	55	22	
	Ст. ост.	5,4	7,6	6,1	8,1	5,4	6,6	25,6	18,9	14,9	14,1	11,2	7,5	
Всего	Кол-во	60	36	48	62	43	24	263	169	138	95	70	26	

Источник: составлено автором (панельные данные РиДМиЖ на 2011 г.)

Таблица 5. Анализ статистической значимости различий в возрастных группах получения первой работы в разрезе пола, поколений и уровня образования: критерий Хи-квадрат

	Значение	ст.св.	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Хи-квадрат Пирсона	1236,705a	140	0,000
Отношения правдоподобия	675,388	140	0,000
Линейно-линейная связь	10,392	1	0,001
Количество допустимых наблюдений	5451		

- а. Для числа ячеек 115 (63,9%) предполагается значение, меньше 5. Минимальное предполагаемое число равно ,07.

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Таблица 6. Анализ статистической значимости различий в возрастных группах получения первой работы в разрезе пола, поколений и общего уровня образования: комбинационная таблица и стандартизированные остатки

Уровень образования	Наступление события в возрасте	Мужчины						Женщины						
		1930-39	1940-49	1950-59	1960-69	1970-79	1980-86	1930-39	1940-49	1950-59	1960-69	1970-79	1980-86	
Высокий	0-14 лет	Кол-во	0	0	1	1	2	0	0	1	1	2	0	0
		Ст. ост.	-1,0	-1,1	-0,7	-0,9	-0,1	-1,3	-1,6	-1,2	-1,8	-1,2	-2,2	-1,6
	15-24 года	Кол-во	36	39	65	80	73	54	78	111	185	164	151	85
		Ст. ост.	-0,4	0,0	-0,2	-0,2	-0,2	-0,2	-1,0	-0,1	0,5	0,3	-0,8	-0,1
	25-34 года	Кол-во	6	4	7	9	7	6	18	11	10	10	25	7
		Ст. ост.	2,8	1,3	1,9	2,2	1,5	1,8	6,2	2,1	0,2	0,5	5,6	1,2
	после 35 лет	Кол-во	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Ст. ост.		-0,4	-0,4	-0,5	-0,5	-0,5	-0,4	-0,5	-0,6	-0,8	-0,7	-0,7	-0,5	
нет события	Кол-во	0	0	0	0	0	1	0	0	0	0	1	2	
	Ст. ост.	-0,7	-0,7	-0,9	-1,0	-1,0	0,4	-1,0	-1,2	-1,5	-1,4	-0,7	0,9	
Всего	Кол-во	42	43	73	90	82	61	96	123	196	176	177	94	
Средний	0-14 лет	Кол-во	7	8	2	3	3	0	7	3	3	4	4	0
		Ст. ост.	3,0	2,3	-1,9	-1,6	-1,1	-1,6	0,4	-1,5	-3,2	-2,5	-1,8	-1,7
	15-24 года	Кол-во	81	123	259	271	204	94	210	251	589	481	330	102
		Ст. ост.	-0,2	-0,2	0,7	0,9	0,4	0,7	0,0	0,8	1,6	1,1	0,2	-0,1
	25-34 года	Кол-во	2	4	11	6	9	1	11	8	12	10	17	3
		Ст. ост.	-1,1	-1,0	-0,6	-2,1	-0,5	-1,7	0,0	-1,3	-3,2	-2,9	-0,1	-1,1
	после 35 лет	Кол-во	1	2	0	1	0	0	2	0	0	1	0	0
Ст. ост.		1,3	2,4	-0,9	0,1	-0,8	-0,5	1,5	-0,9	-1,4	-0,4	-1,1	-0,6	
нет события	Кол-во	0	0	0	0	1	1	0	0	2	5	7	8	
	Ст. ост.	-1,0	-1,2	-1,7	-1,8	-0,9	-0,1	-1,6	-1,7	-1,8	-0,3	1,5	6,0	
Всего	Кол-во	91	137	272	281	217	96	230	262	606	501	358	113	
Низкий	0-14 лет	Кол-во	16	3	1	4	1	1	50	12	1	2	0	0
		Ст. ост.	11,5	2,1	-0,2	1,9	-0,1	0,5	16,4	3,6	-1,4	-0,3	-1,4	-0,8
	15-24 года	Кол-во	43	32	43	54	33	16	200	149	133	78	52	18
		Ст. ост.	-1,6	-0,1	-0,1	-0,3	-1,0	-1,3	-2,6	-0,4	0,6	-0,9	-1,5	-1,2
	25-34 года	Кол-во	1	1	2	3	7	3	10	5	3	6	8	0
		Ст. ост.	-1,1	-0,6	-0,2	0,0	3,4	1,7	-0,8	-1,1	-1,4	0,7	2,5	-1,1
	после 35 лет	Кол-во	0	0	1	1	1	0	3	3	1	0	0	0
Ст. ост.		-0,4	-0,3	2,2	1,8	2,4	-0,3	2,4	3,4	0,9	-0,5	-0,5	-0,3	
нет события	Кол-во	0	0	1	0	1	4	0	0	0	9	10	8	
	Ст. ост.	-0,8	-0,6	0,6	-0,8	0,7	7,2	-1,7	-1,4	-1,2	7,7	10,4	14,3	
Всего	Кол-во	60	36	48	62	43	24	263	169	138	95	70	26	

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Таблица 7. Анализ статистической значимости различий в возрастных группах первого отделения в разрезе пола, поколений и уровня образования: критерий Хи-квадрат

	Значение	ст.св.	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Хи-квадрат Пирсона	772,038a	140	0,000
Отношения правдоподобия	602,861	140	0,000
Линейно-линейная связь	31,155	1	0,000
Количество допустимых наблюдений	5451		

- а. Для числа ячеек 80 (44,4%) предполагается значение, меньше 5. Минимальное предполагаемое число равно ,38.

Источник: составлено автором (панельные данные РИДМИЖ на 2011 г.)

Таблица 8. Анализ статистической значимости различий в возрастных группах первого отделения в разрезе пола, поколений и общего уровня образования: комбинационная таблица и стандартизированные остатки

Уровень образования	Наступление события в возрасте	Мужчины						Женщины						
		1930-39	1940-49	1950-59	1960-69	1970-79	1980-86	1930-39	1940-49	1950-59	1960-69	1970-79	1980-86	
Высокий	0-14 лет	Кол-во	0	3	1	2	0	3	3	2	2	3	2	0
		Ст. ост.	-0,8	2,8	-0,1	0,5	-1,1	2,1	1,2	0,0	-0,6	0,1	-0,5	-0,8
	15-24 года	Кол-во	31	29	52	70	61	30	71	95	154	146	144	31
		Ст. ост.	-0,3	-0,8	-0,6	0,0	-0,4	-2,5	-0,4	-0,1	0,1	0,8	0,5	-0,3
	25-34 года	Кол-во	9	7	15	11	16	7	15	19	25	18	23	9
		Ст. ост.	1,5	0,6	1,7	-0,3	1,6	-0,4	0,6	0,7	-0,2	-1,1	-0,1	1,5
	после 35 лет	Кол-во	2	4	3	3	0	0	7	7	10	3	1	2
		Ст. ост.	0,3	1,7	0,1	-0,3	-1,8	-1,6	1,6	1,0	0,8	-1,5	-2,3	0,3
нет события	Кол-во	0	0	2	4	5	21	0	0	5	6	7	0	
	Ст. ост.	-1,2	-1,2	-0,3	0,6	1,4	13,3	-1,8	-2,0	-0,6	0,1	0,5	-1,2	
Всего	Кол-во	42	43	73	90	82	61	96	123	196	176	177	42	
Средний	0-14 лет	Кол-во	2	5	1	2	2	1	8	2	7	6	10	2
		Ст. ост.	0,5	1,9	-1,6	-1,2	-0,8	-0,4	2,3	-1,0	-0,8	-0,7	1,8	0,5
	15-24 года	Кол-во	62	104	207	218	168	67	183	204	495	419	289	62
		Ст. ост.	-1,1	-0,3	-0,3	-0,1	-0,1	-0,9	0,3	0,0	1,1	1,5	0,6	-1,1
	25-34 года	Кол-во	18	20	50	46	33	9	24	35	69	60	40	18
		Ст. ост.	1,7	0,4	2,3	1,4	0,8	-1,0	-1,2	0,1	-1,2	-0,8	-1,1	1,7
	после 35 лет	Кол-во	9	8	14	8	3	0	15	20	29	9	3	9
		Ст. ост.	2,8	1,1	1,0	-1,0	-1,9	-2,0	1,9	3,0	1,0	-2,5	-3,0	2,8
нет события	Кол-во	0	0	0	7	11	19	0	1	6	7	16	0	
	Ст. ост.	-1,7	-2,1	-3,0	-0,8	1,4	8,9	-2,8	-2,6	-3,1	-2,4	1,2	-1,7	
Всего	Кол-во	91	137	272	281	217	96	230	262	606	501	358	91	
Низкий	0-14 лет	Кол-во	1	0	1	0	0	1	7	1	1	1	1	1
		Ст. ост.	0,1	-0,8	0,3	-1,0	-0,8	1,0	1,4	-1,0	-0,8	-0,4	-0,1	0,1
	15-24 года	Кол-во	37	23	29	36	37	15	204	143	108	77	57	37
		Ст. ост.	-1,4	-1,0	-1,4	-1,8	0,6	-0,9	-0,1	1,0	0,0	0,3	0,3	-1,4
	25-34 года	Кол-во	13	9	11	18	4	3	35	17	18	11	3	13
		Ст. ост.	1,8	1,9	1,8	3,4	-0,7	-0,1	0,0	-1,1	-0,1	-0,4	-2,1	1,8
	после 35 лет	Кол-во	9	4	5	3	0	0	17	8	8	5	0	9
		Ст. ост.	4,3	2,1	2,2	0,3	-1,3	-1,0	2,0	,5	1,1	0,6	-1,7	4,3
нет события	Кол-во	0	0	2	5	2	5	0	0	3	1	9	0	
	Ст. ост.	-1,4	-1,1	0,3	2,0	0,5	4,7	-3,0	-2,4	-0,7	-1,2	4,4	-1,4	
Всего	Кол-во	60	36	48	62	43	24	263	169	138	95	70	60	

Источник: составлено автором (панельные данные РИДМИЖ на 2011 г.)

Таблица 9. Анализ статистической значимости различий в возрастных группах первого партнерства в разрезе пола, поколений и уровня образования: критерий Хи-квадрат

	Значение	ст.св.	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Хи-квадрат Пирсона	881,314a	140	0,000
Отношения правдоподобия	860,831	140	0,000
Линейно-линейная связь	0,969	1	0,325
Количество допустимых наблюдений	5451		

- а. Для числа ячеек 52 (28,9%) предполагается значение, меньше 5. Минимальное предполагаемое число равно ,04.

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Таблица 10. Анализ статистической значимости различий в возрастных группах первого партнерства в разрезе пола, поколений и общего уровня образования: комбинационная таблица и стандартизированные остатки

Уровень образования	Наступление события в возрасте	Мужчины						Женщины						
		1930-39	1940-49	1950-59	1960-69	1970-79	1980-86	1930-39	1940-49	1950-59	1960-69	1970-79	1980-86	
Высокий	0-14 лет	Кол-во	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
		Ст. ост.	-0,2	-0,3	-0,3	-0,4	-0,3	-0,3	-0,4	-0,4	-0,5	-0,5	-0,5	-0,2
	15-24 года	Кол-во	3	2	8	17	17	36	17	17	34	44	64	3
		Ст. ост.	-2,5	-2,8	-2,6	-1,5	-1,1	4,8	-1,7	-2,8	-2,6	-0,5	2,4	-2,5
	25-34 года	Кол-во	5	2	8	17	20	5	9	15	31	24	37	5
		Ст. ост.	0,1	-1,3	-0,2	2,0	3,4	-0,8	-0,6	0,2	1,7	0,8	3,6	0,1
	после 35 лет	Кол-во	6	10	5	9	0	0	10	11	19	20	1	6
		Ст. ост.	1,5	3,7	-0,3	0,8	-2,5	-2,2	0,9	0,5	1,0	1,7	-3,4	1,5
нет события	Кол-во	28	29	52	47	45	20	60	80	112	88	75	28	
	Ст. ост.	1,2	1,2	2,1	-0,2	0,2	-2,2	1,2	1,7	0,7	-0,6	-2,0	1,2	
Всего	Кол-во	42	43	73	90	82	61	96	123	196	176	177	42	
Средний	0-14 лет	Кол-во	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0	2	0
		Ст. ост.	-0,4	-0,4	1,0	-0,6	-0,6	-0,4	-0,6	-0,6	-0,9	-0,9	2,0	-0,4
	15-24 года	Кол-во	21	21	46	69	88	60	39	49	120	138	162	21
		Ст. ост.	-0,7	-2,6	-3,2	-0,8	3,9	6,7	-2,9	-2,6	-3,4	0,3	6,7	-0,7
	25-34 года	Кол-во	3	15	26	47	47	7	13	22	72	53	49	3
		Ст. ост.	-2,3	-0,2	-1,0	2,5	4,3	-1,2	-2,7	-1,5	0,2	-0,7	1,2	-2,3
	после 35 лет	Кол-во	13	10	34	20	3	0	22	21	74	42	4	13
		Ст. ост.	2,3	-0,2	2,8	-0,4	-3,4	-2,7	1,0	0,2	4,0	0,5	-4,5	2,3
нет события	Кол-во	54	91	165	145	79	29	156	170	340	268	141	54	
	Ст. ост.	0,8	2,1	1,6	-0,5	-3,5	-3,1	3,0	2,5	0,9	0,0	-3,7	0,8	
Всего	Кол-во	91	137	272	281	217	96	230	262	606	501	358	91	
Низкий	0-14 лет	Кол-во	0	0	1	0	1	0	0	0	3	0	0	0
		Ст. ост.	-0,3	-0,2	3,5	-0,3	3,7	-0,2	-0,6	-0,5	6,2	-0,4	-0,3	-0,3
	15-24 года	Кол-во	5	6	8	13	21	15	39	41	33	30	37	5
		Ст. ост.	-2,8	-1,2	-1,4	-0,9	2,8	3,4	-3,8	-0,7	-0,7	0,9	4,2	-2,8
	25-34 года	Кол-во	4	0	7	5	5	2	21	9	18	13	6	4
		Ст. ост.	-1,1	-2,0	0,6	-0,8	0,0	-0,5	-1,7	-2,4	0,5	0,6	-0,7	-1,1
	после 35 лет	Кол-во	3	3	3	1	0	0	29	22	19	6	1	3
		Ст. ост.	-0,8	0,1	-0,4	-1,7	-1,8	-1,4	1,9	2,5	2,6	-0,5	-1,9	-0,8
нет события	Кол-во	48	27	29	43	16	7	174	97	65	46	26	48	
	Ст. ост.	2,8	1,8	0,6	1,7	-1,5	-1,6	2,8	0,7	-1,0	-0,7	-1,9	2,8	
Всего	Кол-во	60	36	48	62	43	24	263	169	138	95	70	60	

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Таблица 11. Анализ статистической значимости различий в возрастах вступления в первый брак в разрезе пола, поколений и уровня образования: критерий Хи-квадрат

	Значение	ст.св.	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Хи-квадрат Пирсона	1222,090a	140	0,000
Отношения правдоподобия	987,502	140	0,000
Линейно-линейная связь	19,285	1	0,000
Количество допустимых наблюдений	5451		

- а. Для числа ячеек 69 (38,3%) предполагается значение, меньше 5. Минимальное предполагаемое число равно ,00.

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Таблица 12. Анализ статистической значимости различий в возрастах вступления в первый брак в разрезе пола, поколений и общего уровня образования: комбинационная таблица и стандартизированные остатки

Уровень образования	Наступление события в возрасте	Мужчины						Женщины						
		1930-39	1940-49	1950-59	1960-69	1970-79	1980-86	1930-39	1940-49	1950-59	1960-69	1970-79	1980-86	
Высокий	0-14 лет	Кол-во	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
		Ст. ост.	-0,1	-0,1	-0,1	-0,1	-0,1	-0,1	-0,1	-0,2	-0,2	-0,2	-0,2	-0,1
	15-24 года	Кол-во	14	22	45	51	42	9	57	62	115	124	125	14
		Ст. ост.	-2,6	-1,2	-0,5	-1,1	-1,7	-4,9	-0,8	-2,1	-1,3	0,7	0,7	-2,6
	25-34 года	Кол-во	25	17	22	29	24	5	29	36	51	28	18	25
		Ст. ост.	6,8	3,7	2,8	3,6	2,8	-1,6	3,3	3,4	3,2	-0,2	-2,1	6,8
	после 35 лет	Кол-во	2	3	2	4	1	0	3	3	5	0	1	2
		Ст. ост.	1,3	2,3	0,5	1,7	-0,5	-1,1	0,8	0,4	0,6	-1,9	-1,3	1,3
нет события	Кол-во	1	1	4	6	15	47	7	22	25	24	33	1	
	Ст. ост.	-2,1	-2,2	-2,1	-2,1	0,7	12,4	-2,0	0,8	-0,9	-0,5	1,2	-2,1	
Всего	Кол-во	42	43	73	90	82	61	96	123	196	176	177	42	
Средний	0-14 лет	Кол-во	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
		Ст. ост.	-0,1	-0,2	-0,2	-0,2	-0,2	-0,1	-0,2	-0,2	-0,3	-0,3	-0,3	-0,1
	15-24 года	Кол-во	47	91	191	175	125	27	154	200	474	396	279	47
		Ст. ост.	-1,7	0,0	0,8	-0,8	-1,6	-4,6	0,1	2,0	3,6	3,5	2,7	-1,7
	25-34 года	Кол-во	35	35	54	70	36	7	47	35	69	50	22	35
		Ст. ост.	5,1	2,6	1,3	3,4	0,0	-2,2	1,4	-1,3	-3,2	-3,7	-4,9	5,1
	после 35 лет	Кол-во	5	3	14	6	2	0	5	6	12	6	3	5
		Ст. ост.	2,4	0,2	3,7	0,2	-1,1	-1,4	0,2	0,4	0,0	-1,2	-1,5	2,4
нет события	Кол-во	4	8	13	30	54	62	24	21	51	49	54	4	
	Ст. ост.	-2,6	-2,8	-4,4	-1,9	3,7	12,4	-1,9	-3,0	-4,3	-3,1	-0,1	-2,6	
Всего	Кол-во	91	137	272	281	217	96	230	262	606	501	358	91	
Низкий	0-14 лет	Кол-во	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	0
		Ст. ост.	-0,1	-0,1	-0,1	-0,1	-0,1	-0,1	-0,2	-0,2	6,1	-0,1	-0,1	-0,1
	15-24 года	Кол-во	32	24	25	35	24	5	176	129	97	73	56	32
		Ст. ост.	-1,2	0,0	-1,2	-0,9	-0,8	-2,7	0,1	1,6	0,6	1,3	1,4	-1,2
	25-34 года	Кол-во	22	12	15	16	8	2	29	14	20	8	5	22
		Ст. ост.	3,8	2,5	2,5	1,8	0,3	-1,0	-2,2	-2,7	-0,6	-2,0	-1,9	3,8
	после 35 лет	Кол-во	2	0	0	2	0	0	9	3	3	2	0	2
		Ст. ост.	0,8	-0,8	-1,0	0,7	-0,9	-0,7	1,7	-0,2	0,2	0,1	-1,2	0,8
нет события	Кол-во	4	0	8	9	11	17	49	23	17	12	9	4	
	Ст. ост.	-1,7	-2,3	0,3	-0,1	1,7	7,0	1,4	-0,5	-0,9	-0,6	-0,5	-1,7	
Всего	Кол-во	60	36	48	62	43	24	263	169	138	95	70	60	

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Таблица 13. Анализ статистической значимости различий в возрастах рождения первого ребенка в разрезе пола, поколений и уровня образования: критерий Хи-квадрат

	Значение	ст.св.	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Хи-квадрат Пирсона	1288,372а	105	0,000
Отношения правдоподобия	1056,448	105	0,000
Линейно-линейная связь	157,259	1	0,000
Количество допустимых наблюдений	5451		

- а. Для числа ячеек 35 (24,3%) предполагается значение, меньше 5. Минимальное предполагаемое число равно ,47.

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Таблица 14. Анализ статистической значимости различий в возрастах рождения первого ребенка в разрезе пола, поколений и общего уровня образования: комбинационная таблица и стандартизированные остатки

Уровень образования	Наступление события в возрасте	Мужчины						Женщины						
		1930-39	1940-49	1950-59	1960-69	1970-79	1980-86	1930-39	1940-49	1950-59	1960-69	1970-79	1980-86	
Высокий	15-24 года	Кол-во	9	11	32	40	32	4	42	52	95	110	106	38
		Ст. ост.	-3,3	-3,0	-1,9	-2,0	-2,5	-5,4	-2,2	-2,7	-2,2	0,3	-0,2	-2,6
	25-34 года	Кол-во	24	28	34	39	34	14	38	48	74	54	44	15
		Ст. ост.	3,8	4,9	3,3	3,1	2,6	-0,6	2,5	2,7	3,0	1,1	-0,4	-2,0
	после 35 лет	Кол-во	7	0	3	4	0	0	3	4	9	0	3	0
		Ст. ост.	6,8	-0,9	1,3	1,7	-1,3	-1,1	0,8	1,0	2,7	-1,8	-0,2	-1,4
	нет события	Кол-во	2	4	4	7	16	43	13	19	18	12	24	41
Ст. ост.		-1,1	-0,2	-1,3	-0,8	2,5	14,5	0,9	1,7	-0,6	-1,5	1,3	9,9	
Всего	Кол-во	42	43	73	90	82	61	96	123	196	176	177	94	
Средний	15-24 года	Кол-во	30	82	148	152	98	27	147	186	441	385	297	85
		Ст. ост.	-3,4	-0,2	-1,4	-1,5	-3,0	-4,1	0,6	2,1	3,7	4,5	5,3	1,9
	25-34 года	Кол-во	48	49	88	95	73	20	64	57	124	80	45	6
		Ст. ост.	4,8	2,1	1,8	2,3	2,0	-1,1	0,4	-1,5	-2,9	-4,6	-5,1	-4,4
	после 35 лет	Кол-во	2	2	11	10	4	0	4	6	13	7	0	0
		Ст. ост.	0,2	-0,4	2,5	1,9	-0,1	-1,4	-0,2	0,4	0,4	-0,9	-2,6	-1,5
	нет события	Кол-во	11	4	25	24	42	49	15	13	28	29	16	22
Ст. ост.		0,5	-2,7	-0,7	-1,0	4,0	12,3	-1,9	-2,8	-4,5	-3,2	-3,5	3,0	
Всего	Кол-во	91	137	272	281	217	96	230	262	606	501	358	113	
Низкий	15-24 года	Кол-во	23	17	22	26	22	5	181	128	97	78	60	17
		Ст. ост.	-2,2	-1,1	-1,3	-1,9	-0,8	-2,5	1,6	2,5	1,4	2,6	2,6	0,3
	25-34 года	Кол-во	33	19	19	26	13	4	62	29	31	12	5	1
		Ст. ост.	4,3	3,0	1,7	2,3	0,5	-0,9	-0,9	-2,4	-0,9	-2,6	-3,2	-2,2
	после 35 лет	Кол-во	2	0	0	2	0	0	4	2	4	0	0	0
		Ст. ост.	0,8	-0,8	-1,0	0,7	-0,9	-0,7	-0,5	-0,7	0,8	-1,4	-1,2	-0,7
	нет события	Кол-во	2	0	7	8	8	15	16	10	6	5	5	8
Ст. ост.		-1,7	-1,9	0,9	0,6	1,6	7,9	-2,2	-1,8	-2,2	-1,6	-0,9	3,2	
Всего	Кол-во	60	36	48	62	43	24	263	169	138	95	70	26	

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Приложение 10. Проверка наличия статистически значимых различий в наступлении стартовых событий в зависимости от пола, поколения и типов населенных пунктов проживания респондентов

Таблица 1. Анализ статистической значимости различий возрастов окончания школы в разрезе пола, поколения и населенного пункта: критерий Хи-квадрат

	Значение	ст.св.	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Хи-квадрат Пирсона	474,876 ^a	70	0,000
Отношения правдоподобия	374,815	70	0,000
Линейно-линейная связь	3,192	1	0,074
Количество допустимых наблюдений	5451		

^a Для числа ячеек 37 (34,3%) предполагается значение, меньше 5. Минимальное предполагаемое число равно ,01.

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Таблица 2. Анализ статистической значимости различий возрастов получения послешкольного образования в разрезе пола, поколения и населенного пункта: критерий Хи-квадрат

	Значение	ст.св.	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Хи-квадрат Пирсона	793,986 ^a	105	0,000
Отношения правдоподобия	776,717	105	0,000
Линейно-линейная связь	32,766	1	0,000
Количество допустимых наблюдений	5451		

^a Для числа ячеек 11 (7,6%) предполагается значение, меньше 5. Минимальное предполагаемое число равно 2,91.

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Таблица 3. Анализ статистической значимости различий возрастов получения профессионального образования в разрезе пола, поколения и типа населенного пункта: комбинационная таблица и стандартизированные остатки.

Тип населенного пункта	Послешкольное образование	Мужчины						Женщины						
		1930-39	1940-49	1950-59	1960-69	1970-79	1980-86	1930-39	1940-49	1950-59	1960-69	1970-79	1980-86	
Областной центр	15-24 года	Кол-во	17	23	53	71	64	54	85	88	171	139	122	69
		Ст. ост.	-2,1	-2,1	-0,4	0,5	1,1	2,2	-3,0	-1,6	0,2	1,2	2,2	2,5
	25-34 года	Кол-во	17	18	25	23	23	9	42	40	61	37	34	11
		Ст. ост.	3,1	2,5	2,2	0,8	1,8	-0,7	1,4	1,9	1,8	0,2	1,0	-1,0
35+ лет	Кол-во	11	10	5	7	1	0	25	16	26	19	4	0	

		Ст. ост.	4,7	3,3	-0,3	0,0	-2,0	-2,0	3,7	1,6	2,1	1,7	-1,9	-2,3
	нет события	Кол-во	4	10	14	15	8	6	50	35	32	21	12	8
		Ст. ост.	-1,8	-0,5	-1,1	-1,6	-2,5	-2,0	1,7	0,0	-3,2	-3,2	-3,7	-2,2
		Всего	Кол-во	49	61	97	116	96	69	202	179	290	216	172
Город и ПТ	15-24 года	Кол-во	30	37	78	101	103	47	73	96	206	172	137	49
		Ст. ост.	-1,7	-0,9	-0,6	1,1	2,8	2,2	-3,3	-2,0	0,8	2,4	1,4	1,5
	25-34 года	Кол-во	19	15	32	26	23	8	29	41	57	22	54	10
		Ст. ост.	2,2	0,8	1,6	0,0	0,1	-0,6	-0,3	1,3	0,1	-3,0	3,2	-0,4
	35+ лет	Кол-во	8	9	8	11	4	0	13	13	18	16	7	0
		Ст. ост.	1,9	2,2	-0,2	0,6	-1,4	-1,9	0,6	0,3	-0,5	0,3	-1,6	-2,0
	нет события	Кол-во	13	13	26	18	5	4	69	52	56	37	12	9
		Ст. ост.	-0,2	-0,4	-0,4	-2,2	-4,1	-2,2	5,6	2,0	-1,2	-1,6	-4,5	-1,2
Всего	Кол-во	70	74	144	156	135	59	184	202	337	247	210	68	
СНП	15-24 года	Кол-во	32	38	96	104	77	35	45	62	189	212	131	55
		Ст. ост.	-1,7	-1,3	0,8	1,1	1,6	0,8	-6,7	-3,8	0,6	2,5	0,1	1,5
	25-34 года	Кол-во	14	14	26	16	8	3	22	21	34	25	37	11
		Ст. ост.	0,5	0,1	0,1	-2,1	-2,4	-2,0	-2,0	-1,5	-2,5	-3,7	0,0	-0,5
	35+ лет	Кол-во	11	9	2	7	0	0	13	13	21	7	10	0
		Ст. ост.	3,1	1,9	-2,3	-0,8	-2,6	-1,8	0,3	0,8	0,6	-2,7	-0,9	-2,1
	нет события	Кол-во	17	20	28	34	26	15	123	77	69	65	45	11
		Ст. ост.	0,7	1,1	-0,3	0,5	1,0	1,5	13,3	7,5	1,1	0,6	0,3	-1,0
Всего	Кол-во	74	81	152	161	111	53	203	173	313	309	223	77	

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Таблица 4. Анализ статистической значимости различий возрастов получения первой работы в разрезе пола, поколения и населенного пункта: критерий Хи-квадрат

	Значение	ст.св.	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Хи-квадрат Пирсона	756,858a	140	0,000
Отношения правдоподобия	507,253	140	0,000
Линейно-линейная связь	15,741	1	0,000
Количество допустимых наблюдений	5451		

^a Для числа ячеек 111 (61,7%) предполагается значение, меньше 5. Минимальное предполагаемое число равно ,15.

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Таблица 5. Анализ статистической значимости различий возрастов первого отделения в разрезе пола, поколения и населенного пункта: критерий Хи-квадрат

	Значение	ст.св.	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Хи-квадрат Пирсона	474,876a	70	0,000
Отношения правдоподобия	374,815	70	0,000
Линейно-линейная связь	3,192	1	0,074
Количество допустимых наблюдений	5451		

^a Для числа ячеек 37 (34,3%) предполагается значение, меньше 5. Минимальное предполагаемое число равно ,01.

Источник: составлено автором (панельные данные РИДМИЖ на 2011 г.)

Таблица 6. Анализ статистической значимости различий возрастов вступления в первое партнерство в разрезе пола, поколения и населенного пункта: критерий Хи-квадрат

	Значение	ст.св.	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Хи-квадрат Пирсона	898,499 ^a	140	0,000
Отношения правдоподобия	919,008	140	0,000
Линейно-линейная связь	0,016	1	0,899
Количество допустимых наблюдений	5451		

^a Для числа ячеек 40 (22,2%) предполагается значение, меньше 5. Минимальное предполагаемое число равно ,07.

Источник: составлено автором (панельные данные РИДМИЖ на 2011 г.)

Таблица 7. Анализ статистической значимости различий возрастов вступления в первый брак в разрезе пола, поколения и населенного пункта: критерий Хи-квадрат

	Значение	ст.св.	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Хи-квадрат Пирсона	1149,895 ^a	140	0,000
Отношения правдоподобия	942,474	140	0,000
Линейно-линейная связь	21,628	1	0,000
Количество допустимых наблюдений	5451		

^a Для числа ячеек 68 (37,8%) предполагается значение, меньше 5. Минимальное предполагаемое число равно ,01.

Источник: составлено автором (панельные данные РИДМИЖ на 2011 г.)

Таблица 8. Анализ статистической значимости различий возрастов появления первого ребенка в разрезе пола, поколения и населенного пункта: критерий Хи-квадрат

	Значение	ст.св.	Асимптотическая значимость (2-сторонняя)
Хи-квадрат Пирсона	1168,127 ^a	105	0,000
Отношения правдоподобия	956,698	105	0,000
Линейно-линейная связь	160,034	1	0,000
Количество допустимых наблюдений	5451		

^a Для числа ячеек 32 (22,2%) предполагается значение, меньше 5. Минимальное предполагаемое число равно ,95.

Источник: составлено автором (панельные данные РИДМИЖ на 2011 г.)

**Приложение 11. Числа респондентов, у которых наступило или не наступило
каждое из стартовых событий, в разрезе пола и поколений**

События	Поколения	Мужчины						Женщины					
		0-14	15-24	25-34	35+	Нет события	Всего	0-14	15-24	25-34	35+	Нет события	Всего
Окончание школы	1930-39	52	141	0	0	0	193	144	444	0	0	1	589
	1940-49	32	184	0	0	0	216	56	498	0	0	0	554
	1950-59	16	377	0	0	0	393	37	903	0	0	0	940
	1960-69	23	410	0	0	0	433	32	740	0	0	0	772
	1970-79	49	293	0	0	0	342	53	552	0	0	0	605
	1980-86	19	162	0	0	0	181	13	220	0	0	0	233
Профессиональное образование	1930-39	0	79	50	30	34	193	0	203	93	51	242	589
	1940-49	0	98	47	28	43	216	0	246	102	42	164	554
	1950-59	0	227	83	15	68	393	0	566	152	65	157	940
	1960-69	0	276	65	25	67	433	0	523	84	42	123	772
	1970-79	0	244	54	5	39	342	0	390	125	21	69	605
	1980-86	0	136	20	0	25	181	0	173	32	0	28	233
Первая работа	1930-39	23	160	9	1	0	193	57	488	39	5	0	589
	1940-49	11	194	9	2	0	216	16	511	24	3	0	554
	1950-59	4	367	20	1	1	393	5	907	25	1	2	940
	1960-69	8	405	18	2	0	433	8	723	26	1	14	772
	1970-79	6	310	23	1	2	342	4	533	50	0	18	605
	1980-86	1	164	10	0	6	181	0	205	10	0	18	233
Первое отделение от родителей	1930-39	3	130	40	20	0	193	18	458	74	39	0	589
	1940-49	8	156	36	16	0	216	5	442	71	35	1	554
	1950-59	3	288	76	22	4	393	10	757	112	47	14	940
	1960-69	4	324	75	14	16	433	10	642	89	17	14	772
	1970-79	2	266	53	3	18	342	13	490	66	4	32	605
	1980-86	5	112	19	0	45	181	5	181	10	0	37	233
Первое партнерство	1930-39	0	29	12	22	130	193	0	95	43	61	390	589
	1940-49	0	29	17	23	147	216	0	107	46	54	347	554
	1950-59	2	62	41	42	246	393	3	187	121	112	517	940
	1960-69	0	99	69	30	235	433	0	212	90	68	402	772
	1970-79	1	126	72	3	140	342	2	263	92	6	242	605
	1980-86	0	111	14	0	56	181	0	149	16	0	68	233
Первый брак	1930-39	0	93	82	9	9	193	0	387	105	17	80	589
	1940-49	0	137	64	6	9	216	0	391	85	12	66	554
	1950-59	0	261	91	16	25	393	1	686	140	20	93	940
	1960-69	0	261	115	12	45	433	0	593	86	8	85	772
	1970-79	0	191	68	3	80	342	0	460	45	4	96	605
	1980-86	0	41	14	0	126	181	0	106	12	0	115	233
Первый ребенок	1930-39	0	62	105	11	15	193	0	370	164	11	44	589
	1940-49	0	110	96	2	8	216	0	366	134	12	42	554
	1950-59	0	202	141	14	36	393	0	633	229	26	52	940
	1960-69	0	218	160	16	39	433	0	573	146	7	46	772
	1970-79	0	152	120	4	66	342	0	463	94	3	45	605
	1980-86	0	36	38	0	107	181	0	140	22	0	71	233

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Приложение 12. Числа респондентов с высоким уровнем образования, у которых наступило или не наступило каждое из стартовых событий, в разрезе пола

События	Покोलения	Мужчины						Женщины					
		0-14	15-24	25-34	35+	Нет события	Всего	0-14	15-24	25-34	35+	Нет события	Всего
Окончание школы	1930-39	1	41	0	0	0	42	0	96	0	0	0	96
	1940-49	3	40	0	0	0	43	1	122	0	0	0	123
	1950-59	1	72	0	0	0	73	1	195	0	0	0	196
	1960-69	3	87	0	0	0	90	3	173	0	0	0	176
	1970-79	2	80	0	0	0	82	3	174	0	0	0	177
Профессиональное образование	1930-39	0	11	19	12	0	42	0	52	34	10	0	96
	1940-49	0	14	17	12	0	43	0	61	49	13	0	123
	1950-59	0	29	39	5	0	73	0	106	63	27	0	196
	1960-69	0	43	36	11	0	90	0	108	39	29	0	176
	1970-79	0	46	33	3	0	82	0	85	78	14	0	177
Первая работа	1930-39	0	36	6	0	0	42	0	78	18	0	0	96
	1940-49	0	39	4	0	0	43	1	111	11	0	0	123
	1950-59	1	65	7	0	0	73	1	185	10	0	0	196
	1960-69	1	80	9	0	0	90	2	164	10	0	0	176
	1970-79	2	73	7	0	0	82	0	151	25	0	1	177
Первое отделение от родителей	1930-39	0	31	9	2	0	42	3	71	15	7	0	96
	1940-49	3	29	7	4	0	43	2	95	19	7	0	123
	1950-59	1	52	15	3	2	73	2	154	25	10	5	196
	1960-69	2	70	11	3	4	90	3	146	18	3	6	176
	1970-79	0	61	16	0	5	82	2	144	23	1	7	177
Первое партнерство	1930-39	0	3	5	6	28	42	0	17	9	10	60	96
	1940-49	0	2	2	10	29	43	0	17	15	11	80	123
	1950-59	0	8	8	5	52	73	0	34	31	19	112	196
	1960-69	0	17	17	9	47	90	0	44	24	20	88	176
	1970-79	0	17	20	0	45	82	0	64	37	1	75	177
Первый брак	1930-39	0	14	25	2	1	42	0	57	29	3	7	96
	1940-49	0	22	17	3	1	43	0	62	36	3	22	123
	1950-59	0	45	22	2	4	73	0	115	51	5	25	196
	1960-69	0	51	29	4	6	90	0	124	28	0	24	176
	1970-79	0	42	24	1	15	82	0	125	18	1	33	177
Первый ребенок	1930-39	0	9	24	7	2	42	0	42	38	3	13	96
	1940-49	0	11	28	0	4	43	0	52	48	4	19	123
	1950-59	0	32	34	3	4	73	0	95	74	9	18	196
	1960-69	0	40	39	4	7	90	0	110	54	0	12	176
	1970-79	0	32	34	0	16	82	0	106	44	3	24	177
1980-86	0	4	14	0	43	61	0	38	15	0	41	94	

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Приложение 13. Числа респондентов со средним уровнем образования, у которых наступило или не наступило каждое из стартовых событий, в разрезе пола

События	Покोलения	Мужчины						Женщины					
		0-14	15-24	25-34	35+	Нет события	Всего	0-14	15-24	25-34	35+	Нет события	Всего
Окончание школы	1930-39	19	72	0	0	0	91	22	208	0	0	0	230
	1940-49	15	122	0	0	0	137	16	246	0	0	0	262
	1950-59	11	261	0	0	0	272	28	578	0	0	0	606
	1960-69	17	264	0	0	0	281	26	475	0	0	0	501
	1970-79	39	178	0	0	0	217	39	319	0	0	0	358
	1980-86	15	81	0	0	0	96	8	105	0	0	0	113
Профессиональное образование	1930-39	0	49	24	14	4	91	0	141	50	31	8	230
	1940-49	0	79	26	16	16	137	0	173	45	21	23	262
	1950-59	0	181	41	10	40	272	0	438	83	32	53	606
	1960-69	0	218	24	12	27	281	0	402	43	12	44	501
	1970-79	0	184	16	2	15	217	0	294	43	7	14	358
	1980-86	0	88	3	0	5	96	0	100	7	0	6	113
Первая работа	1930-39	7	81	2	1	0	91	7	210	11	2	0	230
	1940-49	8	123	4	2	0	137	3	251	8	0	0	262
	1950-59	2	259	11	0	0	272	3	589	12	0	2	606
	1960-69	3	271	6	1	0	281	4	481	10	1	5	501
	1970-79	3	204	9	0	1	217	4	330	17	0	7	358
	1980-86	0	94	1	0	1	96	0	102	3	0	8	113
Первое отделение от родителей	1930-39	2	62	18	9	0	91	8	183	24	15	0	230
	1940-49	5	104	20	8	0	137	2	204	35	20	1	262
	1950-59	1	207	50	14	0	272	7	495	69	29	6	606
	1960-69	2	218	46	8	7	281	6	419	60	9	7	501
	1970-79	2	168	33	3	11	217	10	289	40	3	16	358
	1980-86	1	67	9	0	19	96	3	96	2	0	12	113
Первое партнерство	1930-39	0	21	3	13	54	91	0	39	13	22	156	230
	1940-49	0	21	15	10	91	137	0	49	22	21	170	262
	1950-59	1	46	26	34	165	272	0	120	72	74	340	606
	1960-69	0	69	47	20	145	281	0	138	53	42	268	501
	1970-79	0	88	47	3	79	217	2	162	49	4	141	358
	1980-86	0	60	7	0	29	96	0	73	5	0	35	113
Первый брак	1930-39	0	47	35	5	4	91	0	154	47	5	24	230
	1940-49	0	91	35	3	8	137	0	200	35	6	21	262
	1950-59	0	191	54	14	13	272	0	474	69	12	51	606
	1960-69	0	175	70	6	30	281	0	396	50	6	49	501
	1970-79	0	125	36	2	54	217	0	279	22	3	54	358
	1980-86	0	27	7	0	62	96	0	59	6	0	48	113
Первый ребенок	1930-39	0	30	48	2	11	91	0	147	64	4	15	230
	1940-49	0	82	49	2	4	137	0	186	57	6	13	262
	1950-59	0	148	88	11	25	272	0	441	124	13	28	606
	1960-69	0	152	95	10	24	281	0	385	80	7	29	501
	1970-79	0	98	73	4	42	217	0	297	45	0	16	358
	1980-86	0	27	20	0	49	96	0	85	6	0	22	113

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Приложение 14. Числа респондентов с низким уровнем образования, у которых наступило или не наступило каждое из стартовых событий, в разрезе пола

События	Покोलения	Мужчины						Женщины					
		0-14	15-24	25-34	35+	Нет события	Всего	0-14	15-24	25-34	35+	Нет события	Всего
Окончание школы	1930-39	32	28	0	0	0	60	122	140	0	0	1	263
	1940-49	14	22	0	0	0	36	39	130	0	0	0	169
	1950-59	4	44	0	0	0	48	8	130	0	0	0	138
	1960-69	3	59	0	0	0	62	3	92	0	0	0	95
	1970-79	8	35	0	0	0	43	11	59	0	0	0	70
	1980-86	4	20	0	0	0	24	2	24	0	0	0	26
Профессиональное образование	1930-39	0	19	7	4	30	60	0	10	9	10	234	263
	1940-49	0	5	4	0	27	36	0	12	8	8	141	169
	1950-59	0	17	3	0	28	48	0	22	6	6	104	138
	1960-69	0	15	5	2	40	62	0	13	2	1	79	95
	1970-79	0	14	5	0	24	43	0	11	4	0	55	70
	1980-86	0	3	2	0	19	24	0	3	1	0	22	26
Первая работа	1930-39	16	43	1	0	0	60	50	200	10	3	0	263
	1940-49	3	32	1	0	0	36	12	149	5	3	0	169
	1950-59	1	43	2	1	1	48	1	133	3	1	0	138
	1960-69	4	54	3	1	0	62	2	78	6	0	9	95
	1970-79	1	33	7	1	1	43	0	52	8	0	10	70
	1980-86	1	16	3	0	4	24	0	18	0	0	8	26
Первое отделение от родителей	1930-39	1	37	13	9	0	60	7	204	35	17	0	263
	1940-49	0	23	9	4	0	36	1	143	17	8	0	169
	1950-59	1	29	11	5	2	48	1	108	18	8	3	138
	1960-69	0	36	18	3	5	62	1	77	11	5	1	95
	1970-79	0	37	4	0	2	43	1	57	3	0	9	70
	1980-86	1	15	3	0	5	24	0	19	2	0	5	26
Первое партнерство	1930-39	0	5	4	3	48	60	0	39	21	29	174	263
	1940-49	0	6	0	3	27	36	0	41	9	22	97	169
	1950-59	1	8	7	3	29	48	3	33	18	19	65	138
	1960-69	0	13	5	1	43	62	0	30	13	6	46	95
	1970-79	1	21	5	0	16	43	0	37	6	1	26	70
	1980-86	0	15	2	0	7	24	0	15	2	0	9	26
Первый брак	1930-39	0	32	22	2	4	60	0	176	29	9	49	263
	1940-49	0	24	12	0	0	36	0	129	14	3	23	169
	1950-59	0	25	15	0	8	48	1	97	20	3	17	138
	1960-69	0	35	16	2	9	62	0	73	8	2	12	95
	1970-79	0	24	8	0	11	43	0	56	5	0	9	70
	1980-86	0	5	2	0	17	24	0	15	0	0	11	26
Первый ребенок	1930-39	0	23	33	2	2	60	0	181	62	4	16	263
	1940-49	0	17	19	0	0	36	0	128	29	2	10	169
	1950-59	0	22	19	0	7	48	0	97	31	4	6	138
	1960-69	0	26	26	2	8	62	0	78	12	0	5	95
	1970-79	0	22	13	0	8	43	0	60	5	0	5	70
	1980-86	0	5	4	0	15	24	0	17	1	0	8	26

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

**Приложение 15. Числа респондентов, проживающих в областных центрах, у которых
наступило или не наступило каждое из стартовых событий, в разрезе пола**

События	Покोलения	Мужчины						Женщины					
		0-14	15-24	25-34	35+	Нет события	Всего	0-14	15-24	25-34	35+	Нет события	Всего
Окончание школы	1930-39	5	44	0	0	0	49	23	179	0	0	0	202
	1940-49	9	52	0	0	0	61	7	172	0	0	0	179
	1950-59	5	92	0	0	0	97	10	280	0	0	0	290
	1960-69	9	107	0	0	0	116	9	207	0	0	0	216
	1970-79	15	81	0	0	0	96	15	157	0	0	0	172
	1980-86	5	64	0	0	0	69	2	86	0	0	0	88
Профессиональное образование	1930-39	0	17	17	11	4	49	0	85	42	25	50	202
	1940-49	0	23	18	10	10	61	0	88	40	16	35	179
	1950-59	0	53	25	5	14	97	0	171	61	26	32	290
	1960-69	0	71	23	7	15	116	0	139	37	19	21	216
	1970-79	0	64	23	1	8	96	0	122	34	4	12	172
	1980-86	0	54	9	0	6	69	0	69	11	0	8	88
Первая работа	1930-39	3	42	4	0	0	49	7	182	13	0	0	202
	1940-49	3	55	3	0	0	61	2	170	7	0	0	179
	1950-59	2	93	2	0	0	97	2	281	7	0	0	290
	1960-69	0	113	3	0	0	116	2	208	6	0	0	216
	1970-79	1	89	6	0	0	96	1	152	18	0	1	172
	1980-86	0	66	2	0	1	69	0	85	2	0	1	88
Первое отделение от родителей	1930-39	0	33	13	3	0	49	8	148	29	17	0	202
	1940-49	4	39	10	8	0	61	1	132	28	18	0	179
	1950-59	0	68	20	8	1	97	5	214	39	21	11	290
	1960-69	1	87	22	4	2	116	5	161	35	6	9	216
	1970-79	0	72	17	2	5	96	9	119	25	1	18	172
	1980-86	2	44	4	0	19	69	4	67	3	0	14	88
Первое партнерство	1930-39	0	7	3	6	33	49	0	23	20	26	133	202
	1940-49	0	12	6	7	36	61	0	37	20	20	102	179
	1950-59	1	19	14	15	48	97	0	65	51	35	139	290
	1960-69	0	34	20	9	53	116	0	72	32	26	86	216
	1970-79	0	45	25	0	26	96	1	97	30	3	41	172
	1980-86	0	53	3	0	13	69	0	65	2	0	21	88
Первый брак	1930-39	0	20	24	2	3	49	0	127	51	7	17	202
	1940-49	0	36	22	2	1	61	0	118	35	7	19	179
	1950-59	0	54	27	6	10	97	0	183	61	10	36	290
	1960-69	0	62	37	5	12	116	0	142	32	4	38	216
	1970-79	0	42	24	1	29	96	0	125	14	2	31	172
	1980-86	0	14	6	0	49	69	0	37	2	0	49	88
Первый ребенок	1930-39	0	11	29	3	6	49	0	110	70	5	17	202
	1940-49	0	20	36	0	5	61	0	102	49	8	20	179
	1950-59	0	43	37	4	13	97	0	161	87	18	24	290
	1960-69	0	54	47	6	9	116	0	137	57	4	18	216
	1970-79	0	34	36	2	24	96	0	124	32	1	15	172
	1980-86	0	14	13	0	42	69	0	48	9	0	31	88

Источник: составлено автором (панельные данные РИДМИЖ на 2011 г.)

**Приложение 16. Числа респондентов, проживающих в городах и ПГТ, у которых
наступило или не наступило каждое из стартовых событий, в разрезе пола**

События	Покोलения	Мужчины						Женщины					
		0-14	15-24	25-34	35+	Нет события	Всего	0-14	15-24	25-34	35+	Нет события	Всего
Окончание школы	1930-39	21	49	0	0	0	70	48	136	0	0	0	184
	1940-49	8	66	0	0	0	74	20	182	0	0	0	202
	1950-59	5	139	0	0	0	144	9	328	0	0	0	337
	1960-69	9	147	0	0	0	156	11	236	0	0	0	247
	1970-79	19	116	0	0	0	135	23	187	0	0	0	210
	1980-86	11	48	0	0	0	59	7	61	0	0	0	68
Профессиональное образование	1930-39	0	30	19	8	13	70	0	73	29	13	69	184
	1940-49	0	37	15	9	13	74	0	96	41	13	52	202
	1950-59	0	78	32	8	26	144	0	206	57	18	56	337
	1960-69	0	101	26	11	18	156	0	172	22	16	37	247
	1970-79	0	103	23	4	5	135	0	137	54	7	12	210
	1980-86	0	47	8	0	4	59	0	49	10	0	9	68
Первая работа	1930-39	5	62	3	0	0	70	15	154	13	2	0	184
	1940-49	4	68	1	1	0	74	6	188	7	1	0	202
	1950-59	0	137	7	0	0	144	1	326	10	0	0	337
	1960-69	5	146	5	0	0	156	2	238	5	0	2	247
	1970-79	3	123	9	0	0	135	2	192	12	0	4	210
	1980-86	0	52	6	0	1	59	0	61	2	0	5	68
Первое отделение от родителей	1930-39	1	50	13	6	0	70	8	149	17	10	0	184
	1940-49	0	59	12	3	0	74	1	164	28	8	1	202
	1950-59	0	107	31	6	0	144	3	276	40	17	1	337
	1960-69	2	115	29	5	5	156	3	209	28	4	3	247
	1970-79	1	108	19	1	6	135	1	178	25	0	6	210
	1980-86	1	32	11	0	15	59	1	53	2	0	12	68
Первое партнерство	1930-39	0	4	5	9	52	70	0	30	10	16	128	184
	1940-49	0	7	7	8	52	74	0	27	17	19	139	202
	1950-59	0	20	14	15	95	144	2	58	42	46	189	337
	1960-69	0	38	28	13	77	156	0	63	23	26	135	247
	1970-79	0	44	24	2	65	135	1	82	40	2	85	210
	1980-86	0	33	8	0	18	59	0	42	6	0	20	68
Первый брак	1930-39	0	34	30	4	2	70	0	129	29	5	21	184
	1940-49	0	49	19	3	3	74	0	146	32	2	22	202
	1950-59	0	100	30	5	9	144	0	260	50	4	23	337
	1960-69	0	92	42	4	18	156	0	193	26	3	25	247
	1970-79	0	84	25	1	25	135	0	156	13	1	40	210
	1980-86	0	15	6	0	38	59	0	36	4	0	28	68
Первый ребенок	1930-39	0	21	39	7	3	70	0	128	41	5	10	184
	1940-49	0	39	34	1	0	74	0	138	46	3	15	202
	1950-59	0	75	51	5	13	144	0	240	77	3	17	337
	1960-69	0	81	54	7	14	156	0	181	44	2	20	247
	1970-79	0	65	48	0	22	135	0	151	40	0	19	210
	1980-86	0	10	16	0	33	59	0	41	8	0	19	68

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

**Приложение 17. Числа респондентов, проживающих в СНП, у которых наступило
или не наступило каждое из стартовых событий, в разрезе пола**

События	Покोलения	Мужчины						Женщины					
		0-14	15-24	25-34	35+	Нет события	Всего	0-14	15-24	25-34	35+	Нет события	Всего
Окончание школы	1930-39	26	48	0	0	0	74	73	129	0	0	1	203
	1940-49	15	66	0	0	0	81	29	144	0	0	0	173
	1950-59	6	146	0	0	0	152	18	295	0	0	0	313
	1960-69	5	156	0	0	0	161	12	297	0	0	0	309
	1970-79	15	96	0	0	0	111	15	208	0	0	0	223
	1980-86	3	50	0	0	0	53	4	73	0	0	0	77
Профессиональное образование	1930-39	0	32	14	11	17	74	0	45	22	13	123	203
	1940-49	0	38	14	9	20	81	0	62	21	13	77	173
	1950-59	0	96	26	2	28	152	0	189	34	21	69	313
	1960-69	0	104	16	7	34	161	0	212	25	7	65	309
	1970-79	0	77	8	0	26	111	0	131	37	10	45	223
	1980-86	0	35	3	0	15	53	0	55	11	0	11	77
Первая работа	1930-39	15	56	2	1	0	74	35	152	13	3	0	203
	1940-49	4	71	5	1	0	81	8	153	10	2	0	173
	1950-59	2	137	11	1	1	152	2	300	8	1	2	313
	1960-69	3	146	10	2	0	161	4	277	15	1	12	309
	1970-79	2	98	8	1	2	111	1	189	20	0	13	223
	1980-86	1	46	2	0	4	53	0	59	6	0	12	77
Первое отделение от родителей	1930-39	2	47	14	11	0	74	2	161	28	12	0	203
	1940-49	4	58	14	5	0	81	3	146	15	9	0	173
	1950-59	3	113	25	8	3	152	2	267	33	9	2	313
	1960-69	1	122	24	5	9	161	2	272	26	7	2	309
	1970-79	1	86	17	0	7	111	3	193	16	3	8	223
	1980-86	2	36	4	0	11	53	0	61	5	0	11	77
Первое партнерство	1930-39	0	18	4	7	45	74	0	42	13	19	129	203
	1940-49	0	10	4	8	59	81	0	43	9	15	106	173
	1950-59	1	23	13	12	103	152	1	64	28	31	189	313
	1960-69	0	27	21	8	105	161	0	77	35	16	181	309
	1970-79	1	37	23	1	49	111	0	84	22	1	116	223
	1980-86	0	25	3	0	25	53	0	42	8	0	27	77
Первый брак	1930-39	0	39	28	3	4	74	0	131	25	5	42	203
	1940-49	0	52	23	1	5	81	0	127	18	3	25	173
	1950-59	0	107	34	5	6	152	1	243	29	6	34	313
	1960-69	0	107	36	3	15	161	0	258	28	1	22	309
	1970-79	0	65	19	1	26	111	0	179	18	1	25	223
	1980-86	0	12	2	0	39	53	0	33	6	0	38	77
Первый ребенок	1930-39	0	30	37	1	6	74	0	132	53	1	17	203
	1940-49	0	51	26	1	3	81	0	126	39	1	7	173
	1950-59	0	84	53	5	10	152	0	232	65	5	11	313
	1960-69	0	83	59	3	16	161	0	255	45	1	8	309
	1970-79	0	53	36	2	20	111	0	188	22	2	11	223
	1980-86	0	12	9	0	32	53	0	51	5	0	21	77

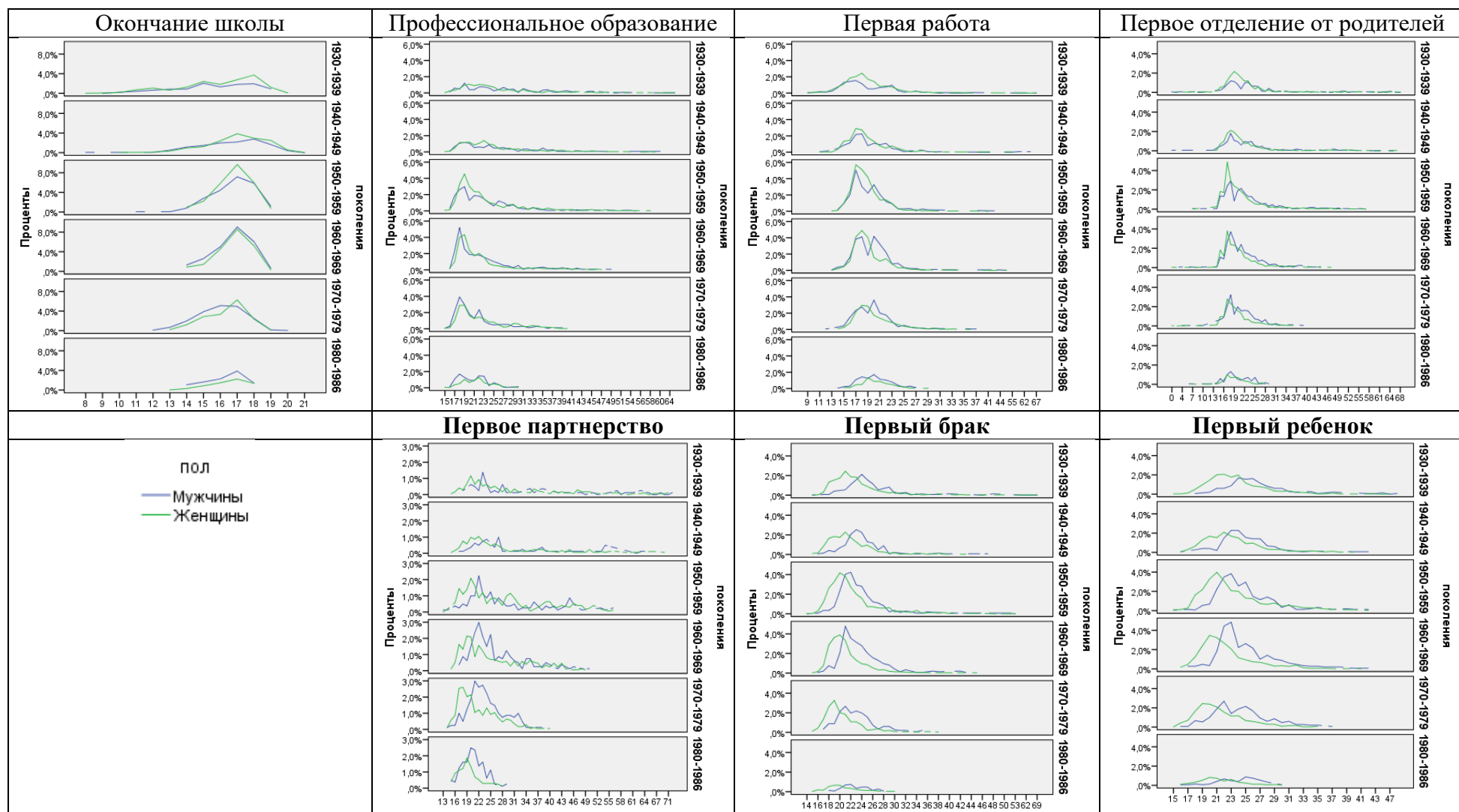
Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Приложение 18. Дескриптивный анализ возрастов наступления стартовых событий (исходные переменные и переменные в диапазоне 15-35 лет)

Возрасты наступления событий	Число наблюдений	Диапазон	Минимум	Максимум	Среднее		Среднекв. отклонение	Дисперсия	Асимметрия		Эксцесс	
	Статистика				Статистика	Статистика			Статистика	Стандартная ошибка	Статистика	Стандартная ошибка
Все возрасты												
Окончание школы	5450	13	8	21	16,53	0,021	1,544	2,383	-0,978	0,033	1,849	0,066
Профессиональное образование	4392	50	15	65	23,28	0,098	6,523	42,546	1,947	0,037	4,766	0,074
Первая работа	5390	58	9	67	19,18	0,047	3,417	11,677	3,130	0,033	29,177	0,067
Первое отделение от родителей	5270	68	0	68	21,17	0,090	6,514	42,434	2,602	0,034	10,489	0,067
Первое партнерство	2531	62	13	75	26,15	0,191	9,591	91,997	1,657	0,049	2,900	0,097
Первый брак	4622	55	14	69	22,42	0,066	4,456	19,856	2,370	0,036	11,294	0,072
Первый ребенок	4880	34	15	49	23,43	0,060	4,189	17,548	1,221	0,035	2,357	0,070
Возрасты от 15 до 35												
Окончание школы	4924	6	15	21	16,87	0,016	1,116	1,245	0,015	0,035	-0,483	0,070
Профессиональное образование	4109	20	15	35	22,03	0,067	4,326	18,718	1,086	0,038	0,570	0,076
Первая работа	5232	20	15	35	19,25	0,040	2,865	8,208	1,235	0,034	2,345	0,068
Первое отделение от родителей	4988	20	15	35	20,40	0,057	4,037	16,299	1,141	0,035	1,179	0,069
Первое партнерство	2133	20	15	35	22,79	0,102	4,719	22,273	0,686	0,053	-0,245	0,106
Первый брак	4529	20	15	35	22,04	0,052	3,505	12,288	,973	0,036	1,071	0,073
Первый ребенок	4806	20	15	35	23,19	0,054	3,750	14,061	,767	0,035	0,405	0,071

Источник: составлено автором (панельные данные РИДМИЖ на 2011 г.)

Приложение 19. Распределение возрастов наступления стартовых событий (исходные переменные)

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Приложение 20. Средние возрасты наступления стартовых событий (исходные переменные и переменные в диапазоне 15-35 лет)

Поколения	Исходные переменные							Переменные в диапазоне возрастов 15-35 лет						
	Окончание школы	Профессиональное образование	Первая работа	Первое отделение от родителей	Первое партнерство	Первый брак	Первый ребенок	Окончание школы	Профессиональное образование	Первая работа	Первое отделение от родителей	Первое партнерство	Первый брак	Первый ребенок
Мужчины														
1930-1939	15,66	26,64	18,35	24,41	33,27	25,42	26,54	16,79	24,03	18,99	21,75	24,50	24,81	25,70
1940-1949	16,65	25,93	19,14	22,38	32,14	24,12	24,79	17,22	23,43	19,04	21,19	24,51	23,62	24,63
1950-1959	16,79	23,08	19,09	22,40	29,15	23,89	24,80	16,92	22,21	19,09	21,20	24,10	23,12	24,42
1960-1969	16,72	22,49	19,58	21,35	26,65	23,85	25,04	16,87	21,48	19,58	21,00	24,63	23,41	24,63
1970-1979	16,02	21,46	19,71	20,93	23,91	23,02	24,41	16,41	21,18	19,77	20,96	23,82	23,02	24,37
1980-1986	16,28	20,87	20,06	19,85	20,66	22,78	24,00	16,55	20,87	20,09	20,18	20,66	22,78	24,00
Всего	16,43	23,08	19,36	21,88	26,48	23,91	24,96	16,80	21,97	19,43	21,07	23,59	23,45	24,62
Женщины														
1930-1939	15,88	26,03	18,94	22,26	30,52	23,08	23,73	16,98	23,17	19,29	20,83	23,03	22,34	23,44
1940-1949	16,95	24,82	18,76	21,91	28,86	21,92	23,21	17,36	23,05	18,81	20,19	23,04	21,61	22,99
1950-1959	16,77	23,47	18,71	20,95	28,83	22,13	23,27	16,89	21,92	18,71	20,01	23,51	21,75	22,98
1960-1969	16,80	22,23	18,97	20,12	25,69	21,23	22,32	16,92	21,16	18,98	19,92	23,04	21,06	22,21
1970-1979	16,33	22,64	19,88	19,70	21,83	20,50	21,54	16,57	22,23	19,92	19,88	21,66	20,37	21,54
1980-1986	16,53	21,43	20,26	19,19	19,60	20,45	21,42	16,69	21,43	20,26	19,39	19,60	20,45	21,42
Всего	16,57	23,38	19,09	20,84	26,00	21,73	22,76	16,91	22,06	19,16	20,09	22,40	21,40	22,57
Все														
1930-1939	15,82	26,22	18,80	22,79	31,18	23,71	24,42	16,94	23,44	19,22	21,05	23,38	22,99	23,98
1940-1949	16,86	25,16	18,87	22,04	29,68	22,57	23,67	17,32	23,16	18,87	20,46	23,38	22,20	23,46
1950-1959	16,78	23,35	18,82	21,38	28,91	22,66	23,71	16,90	22,01	18,82	20,36	23,66	22,16	23,39
1960-1969	16,77	22,32	19,19	20,56	26,03	22,17	23,27	16,90	21,28	19,20	20,30	23,61	21,90	23,05
1970-1979	16,22	22,22	19,82	20,14	22,58	21,36	22,49	16,51	21,85	19,87	20,28	22,44	21,28	22,47
1980-1986	16,42	21,19	20,17	19,46	20,06	21,19	22,23	16,63	21,19	20,18	19,71	20,06	21,19	22,23
Всего	16,53	23,28	19,18	21,17	26,15	22,42	23,43	16,87	22,03	19,25	20,40	22,79	22,04	23,19

Источник: составлено автором (панельные данные РИДМИЖ на 2011 г.)

Приложение 21. Медианные возрасты наступления стартовых событий (исходные переменные и переменные в диапазоне 15-35 лет)

Поколения	Исходные переменные							Переменные в диапазоне возрастов 15-35 лет						
	Окончание школы	Профессиональное образование	Первая работа	Первое отделение от родителей	Первое партнерство	Первый брак	Первый ребенок	Окончание школы	Профессиональное образование	Первая работа	Первое отделение от родителей	Первое партнерство	Первый брак	Первый ребенок
Мужчины														
1930-1939	16	25	17	22	26	24	26	17	23	18	22	23	24	25
1940-1949	17	24	18	21	27	23	24	17	22	18	20	24	23	24
1950-1959	17	21	18	21	25	23	24	17	21	19	21	23	22	24
1960-1969	17	21	20	20	25	23	24	17	20	20	20	24	23	24
1970-1979	16	20	20	20	23	23	24	16	20	20	20	23	23	24
1980-1986	17	21	20	19	20	22	25	17	21	20	19	20	22	25
Всего	17	21	19	20	23	23	24	17	21	19	20	23	23	24
Женщины														
1930-1939	16	23	18	20	25	22	23	17	22	18	20	22	22	23
1940-1949	17	23	18	20	24	21	22	17	22	18	19	22	21	22
1950-1959	17	21	18	19	26	21	22	17	21	18	19	22	21	22
1960-1969	17	20	18	19	23	20	21	17	20	18	19	22	20	21
1970-1979	17	21	19	19	20	20	21	17	21	19	19	20	20	21
1980-1986	17	21	20	19	19	20	21	17	21	20	19	19	20	21
Всего	17	21	18	19	23	21	22	17	21	19	19	21	21	22
Все														
1930-1939	16	24	18	20	25	23	24	17	23	18	20	23	23	24
1940-1949	17	23	18	20	25	22	23	17	22	18	19	23	22	23
1950-1959	17	21	18	20	26	22	23	17	21	18	19	23	21	23
1960-1969	17	20	19	19	23	21	22	17	20	19	19	22	21	22
1970-1979	16	21	19	19	22	21	22	17	20	19	19	22	21	22
1980-1986	17	21	20	19	20	21	22	17	21	20	19	20	21	22
Всего	17	21	19	20	23	21	23	17	21	19	19	22	21	23

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Приложение 22. Модальные возрасты наступления стартовых событий (исходные переменные и переменные в диапазоне 15-35 лет)

Поколения	Окончание школы	Профессиональное образование	Первая работа	Первое отделение от родителей	Первое партнерство	Первый брак	Первый ребенок	Окончание школы	Профессиональное образование	Первая работа	Первое отделение от родителей	Первое партнерство	Первый брак	Первый ребенок
Мужчины														
1930-1939	15	19	17	18	23	24	24	15	19	17	18	23	24	24
1940-1949	18	19	18	18	27	23	23	18	19	18	18	27	23	23
1950-1959	17	19	17	18	22	22	23	17	19	17	18	22	22	23
1960-1969	17	18	20	18	22	21	23	17	18	20	18	22	21	23
1970-1979	16	18	20	18	21	21	22	16	18	20	18	21	21	22
1980-1986	17	18	20	18	20	22	25	17	18	20	18	20	22	25
Всего	17	18	17	18	22	21	23	17	18	17	18	22	21	23
Женщины														
1930-1939	18	20	18	19	20	21	22	18	20	18	19	20	21	22
1940-1949	17	23	17	18	22	21	22	17	23	17	18	22	21	22
1950-1959	17	19	17	17	20	20	21	17	19	17	17	20	20	21
1960-1969	17	19	18	17	19	20	20	17	19	18	17	19	20	20
1970-1979	17	18	18	17	18	19	19	17	18	18	17	18	19	19
1980-1986	17	22	19	17	19	19	20	17	22	19	17	19	19	20
Всего	17	19	18	17	20	19	21	17	19	18	17	20	19	21
Все														
1930-1939	17	19	18	17	20	19	21	17	19	18	17	20	19	21
1940-1949	18	19	18	19	20	21	24	18	19	18	19	20	21	24
1950-1959	17	19	17	18	22	21	22	17	19	17	18	22	21	22
1960-1969	17	19	17	17	20	21	21	17	19	17	17	20	21	21
1970-1979	17	18	18	17	22	21	22	17	18	18	17	22	21	22
1980-1986	17	18	18	18	17	19	21	17	18	18	18	17	19	21
Всего	17	22	19	17	19	20	21	17	22	19	17	19	20	21

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

**Приложение 23. Дисперсионный анализ различий в возрастах наступления
стартовых событий (исходная переменная)**

		Сумма квадратов	ст. св.	Средний квадрат	F	Значимость
Первое партнерство	Между группами	53860,253	13	4143,096	69,478	,000
	Внутри групп	232088,111	3892	59,632		
	Всего	285948,365	3905			
Первый брак	Между группами	10823,923	13	832,609	43,581	,000
	Внутри групп	123358,817	6457	19,105		
	Всего	134182,740	6470			
Первое деторождение	Между группами	12753,857	13	981,066	58,186	,000
	Внутри групп	119189,565	7069	16,861		
	Всего	131943,422	7082			
Окончание школы	Между группами	618,103	13	47,546	23,773	,000
	Внутри групп	18193,836	9097	2,000		
	Всего	18811,939	9110			
Профессиональное образование	Между группами	16676,297	13	1282,792	37,759	,000
	Внутри групп	309053,913	9097	33,973		
	Всего	325730,210	9110			
Первая работа	Между группами	2618,565	13	201,428	18,975	,000
	Внутри групп	89341,036	8416	10,616		
	Всего	91959,601	8429			
Отделение от родителей	Между группами	17198,697	13	1322,977	33,609	,000
	Внутри групп	322511,787	8193	39,364		
	Всего	339710,484	8206			

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

**Приложение 24. Дисперсионный анализ различий в возрастах наступления
стартовых событий (целевая переменная – возраста 15-35 лет)**

		Сумма квадратов	ст.св.	Средний квадрат	F	Значимость
Первое партнерство	Между группами	10949,576	13	842,275	49,297	,000
	Внутри групп	58809,171	3442	17,086		
	Всего	69758,747	3455			
Первый брак	Между группами	8784,693	13	675,746	59,370	,000
	Внутри групп	71945,355	6321	11,382		
	Всего	80730,048	6334			
Первое деторождение	Между группами	10500,969	13	807,767	63,396	,000
	Внутри групп	88362,716	6935	12,742		
	Всего	98863,685	6948			
Окончание школы	Между группами	286,874	13	22,067	18,040	,000
	Внутри групп	10392,632	8496	1,223		
	Всего	10679,505	8509			
Профессиональн ое образование	Между группами	9453,078	13	727,160	45,050	,000
	Внутри групп	136877,103	8480	16,141		
	Всего	146330,181	8493			
Первая работа	Между группами	2473,932	13	190,302	25,042	,000
	Внутри групп	62229,745	8189	7,599		
	Всего	64703,677	8202			
Отделение от родителей	Между группами	5702,421	13	438,648	29,202	,000
	Внутри групп	116039,827	7725	15,021		
	Всего	121742,249	7738			

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Приложение 25. Повозрастная динамика наступления стартовых событий в разрезе поколений

На рисунке ниже (Рисунок 1) представлено распределение респондентов по возрастам наступления у них стартовых событий в разрезе *пола и поколений*. Все события кроме окончания школы мы рассматриваем на интервале возрастов от 15 до 35 лет. Окончание школы происходит раньше, поэтому для этого события мы взяли интервал от 10 до 20 лет.

Позже всего из школы выпускались представители поколения 1960-69 г.р., раньше всего – поколение 1930-39 г.р. **Окончание школы** – событие, очень связанное с институциональными условиями, где возможностей для вариативного поведения мало: можно на год позже или раньше принятого пойти в школу, можно несколько раз остаться на второй год, также можно выбрать, отучиться 9 (раньше 8 классов) или 11 (раньше 10). Поэтому то, какой возраст начала школьного обучения и какая длительность обучения приняты (а не индивидуальное поведение) в большинстве случаев определяет возраст окончания школы. К возрасту 20 лет все респонденты уже завершили школьное обучение.

Профессиональное образование уже в значительно большей степени определяется индивидуальным выбором, хотя институциональные условия и конъюнктура играют важную роль и здесь. «Дети войны» (поколение 1930-39 г.р.) уступают всем остальным поколениям по доле тех, кто получил профессиональное образование во всех возрастах. Особенно сильно это проявляется у женщин: всего 50% женщин этого поколения к 35 годам получило какое-то образование после школы (у мужчин, для сравнения, эта цифра равна 70%). Лидерами по профессиональному образованию являются самые молодые поколения. Более того, у молодых поколений практически стерлась гендерная разница: 80% самых молодых мужчин и 74% женщин к возрасту 25 лет уже получили профессиональное или высшее образование. По этим долям молодежь уже догнала все предыдущие поколения не только в возрасте 25, но и 35 лет. Причем изменилась и форма кривой: если раньше она была довольно пологой, то сейчас стала более вертикальной. То есть молодежь стала учиться не только больше, но и дольше.

Более 90% респондентов получают **первый опыт работы** в возрасте до 25 лет. Наиболее активно трудоустраивались советские поколения 1930-59 г.р. К возрасту 15 лет уже 32% мужчин и 16% женщин самого старшего поколения имели опыт работы. Молодежь выходит на рынок труда гораздо позднее и медленнее, начиная трудоустраиваться не раньше, чем в 16-17 лет. Если советские поколения сначала получали опыт работы, а специализированное образование редко и при необходимости, то молодые люди сначала получают профессиональные знания, а трудоустраиваются либо после учебы, либо во время.

Опыт первого отдельного проживания от родителей – одно из самых согласованных между поколениями событий. Мужчины начинают покидать родительский дом примерно с 15-16 лет, и к возрасту 25 лет 70-80% из них уже имеет опыт раздельного проживания с родителями или постоянно живет отдельно. Женщины покидают родительский дом интенсивнее в течение первых нескольких лет после 15-летия. Мы полагаем, что это связано с вступлением в брак, которое предполагает отделение новой семьи от родительской, но, когда у пары нет возможности переехать в свое собственное жилье, чаще всего жена переезжает в дом мужа, что соответствует давней традиции.

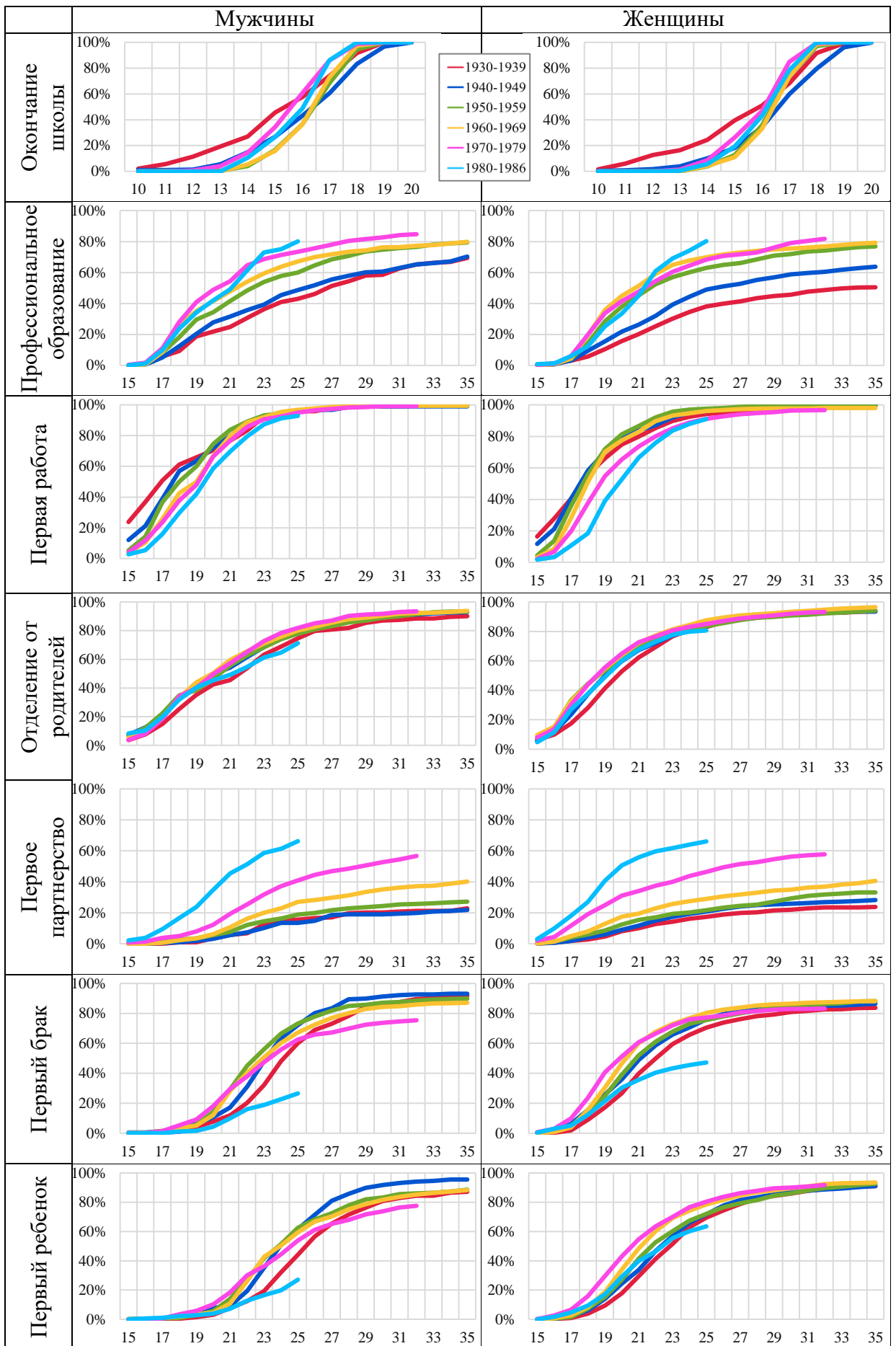

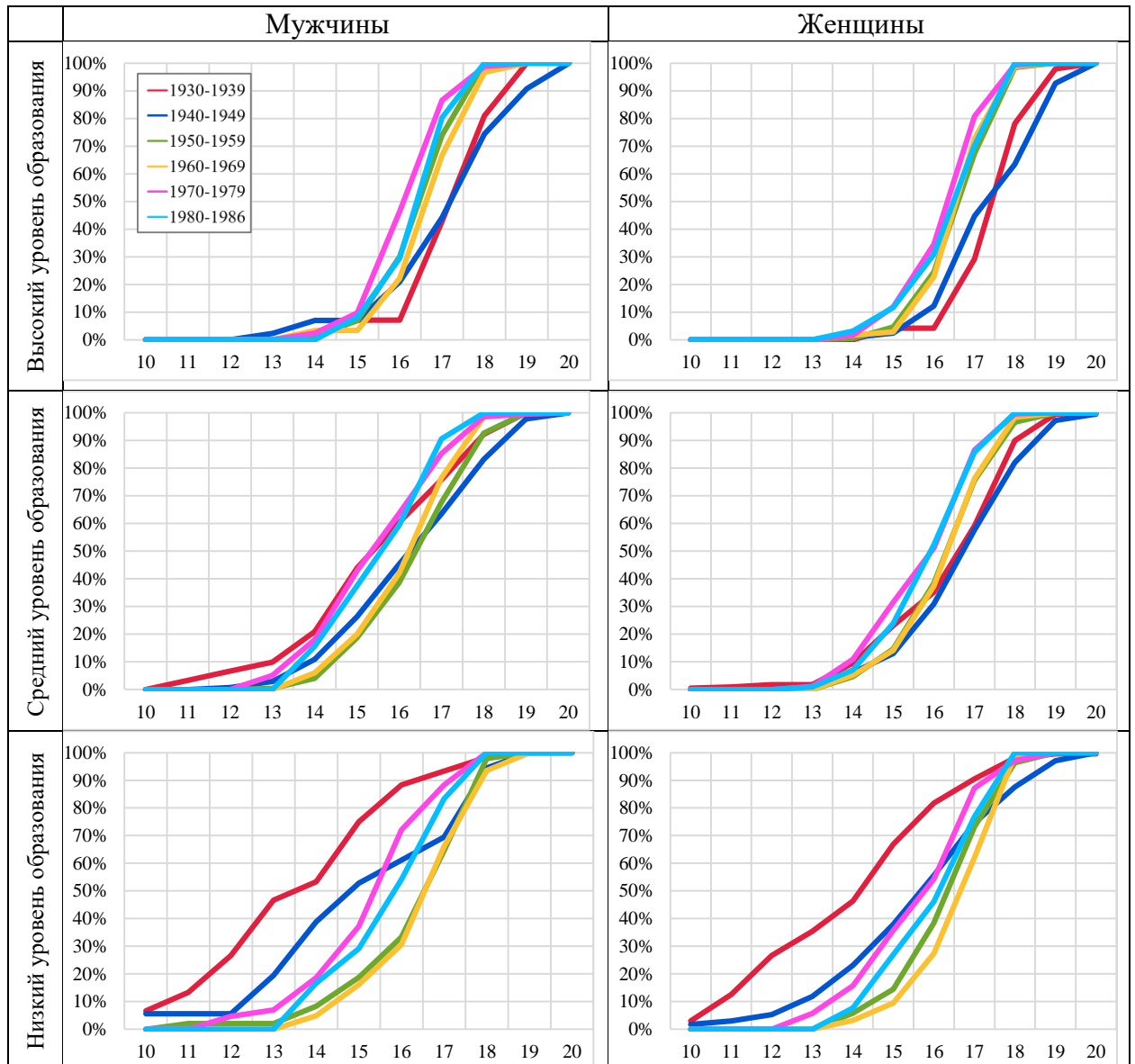
Рисунок 1. Накопленные доли респондентов, имеющих стартовые события к сопоставимым возрастам
 Источник: составлено автором (панельные данные РИДМИЖ на 2011 г.)

Первое партнерство – событие с минимальным гендерным и максимальным межпоколенческим разрывом. В жизни поколений 1930-59 г.р. партнерства практически отсутствовали: к возрасту 35 лет только 30% респондентов имело опыт незарегистрированного союза. Тогда как для поколения 1970-79 г.р. эта цифра уже достигает 58% к возрасту 32 года, а для поколения 1980-86 г.р. – 66% к 25 годам.

Ситуация с **первым браком** выглядит совершенно наоборот. Если почти 90% советских поколений к возрасту 35 лет уже состояли хотя бы в одном браке, то, начиная с мужчин 1970-79 г.р., происходит резкое снижение этой доли. Особняком стоит ситуация с поколением 1930-39 г.р.: война, пришедшаяся на начало их бракоспособного возраста, вынудила их отложить старт брачной биографии, но к 35 годам это откладывание уже было скомпенсировано. Сравним доли разных поколений, имеющих первый брак к возрасту 25 лет: для мужчин 1940-59 г.р. это 78%, для 1970-79 г.р. – 66%, для 1980-86 г.р. – 27%. То есть для мужчин сокращение доли состоящих в браке произошло в 2,8 раза. Доля женщин, состоящих в браке, к возрасту 25 лет для всех поколений кроме самого молодого равна примерно 80%, а для самых молодых – 47%, то есть снизилась в 1,7 раза.

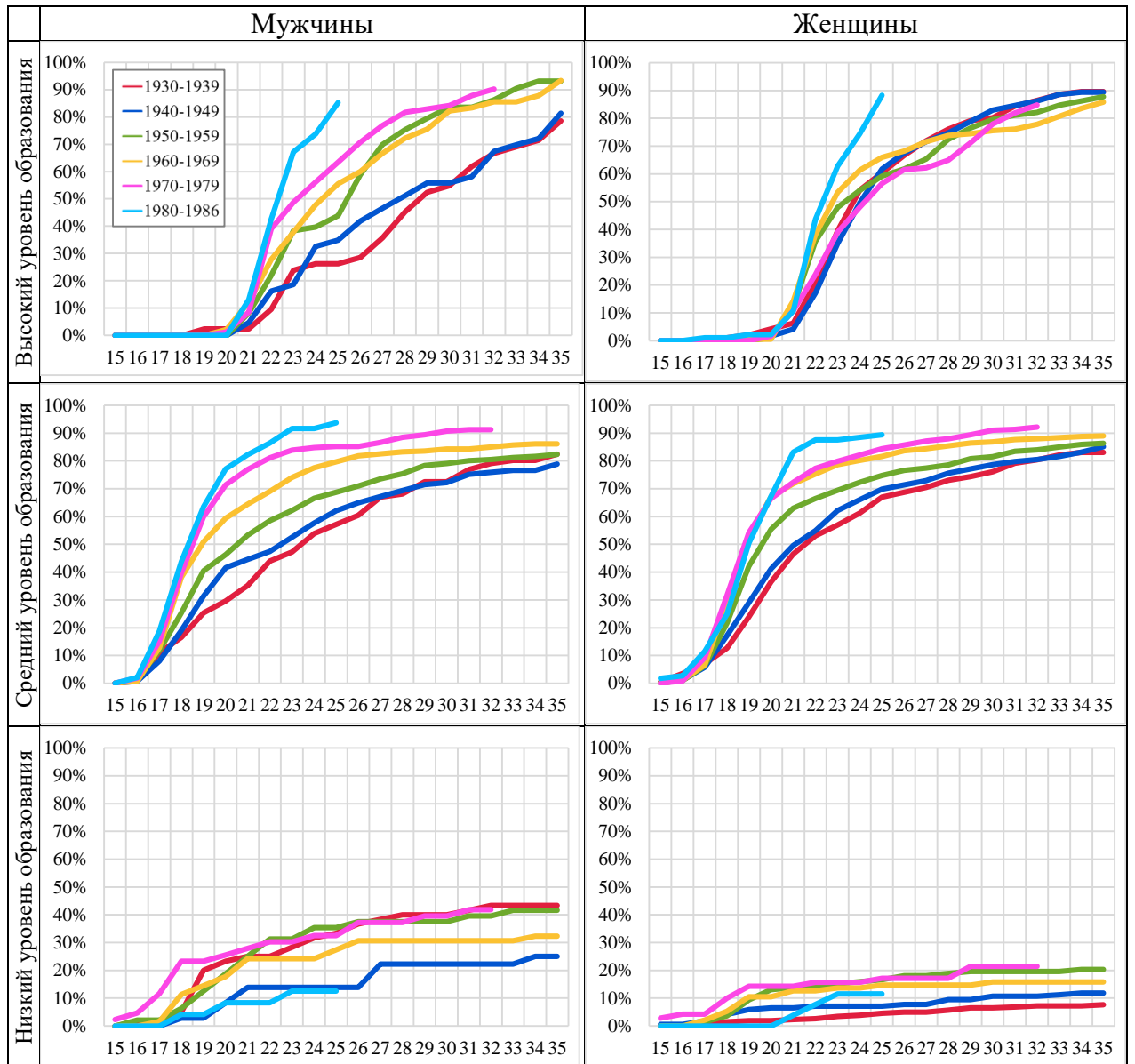
Графики для **рождения первого ребенка** повторяют форму и масштаб кривых для первого брака у всех поколений и полов кроме женщин 1980-86 г.р. Если доля мужчин, ставших отцами к возрасту 25 лет, падает с 60% для всех поколений до 27% у самых молодых, то для женщин доля остается выше 60%. То есть если прежде брак и деторождение были тесно связаны, то у молодых женщин эта связь начинает разрушаться. Здесь нужно учесть, что в паре чаще всего мужчина старше женщины, поэтому, во-первых, индивиды, вступающие в брак, могут принадлежать разным поколениям по году рождения, а во-вторых, возможны ситуации, когда для женщины брак является первым, а для мужчины – вторым, третьим и т.д. Отсюда следует, что проявившаяся гендерная разница может свидетельствовать об изменениях у обоих полов с некоторым опережением у мужчин, и что у женщин в последующих поколениях дети будут появляться еще позднее и реже – как это сейчас уже фиксируется у мужчин, и что, в действительности, связь деторождения и брака ослабевает для обоих полов.

Приложение 26. Повозрастная динамика окончания школы в разрезе уровней образования

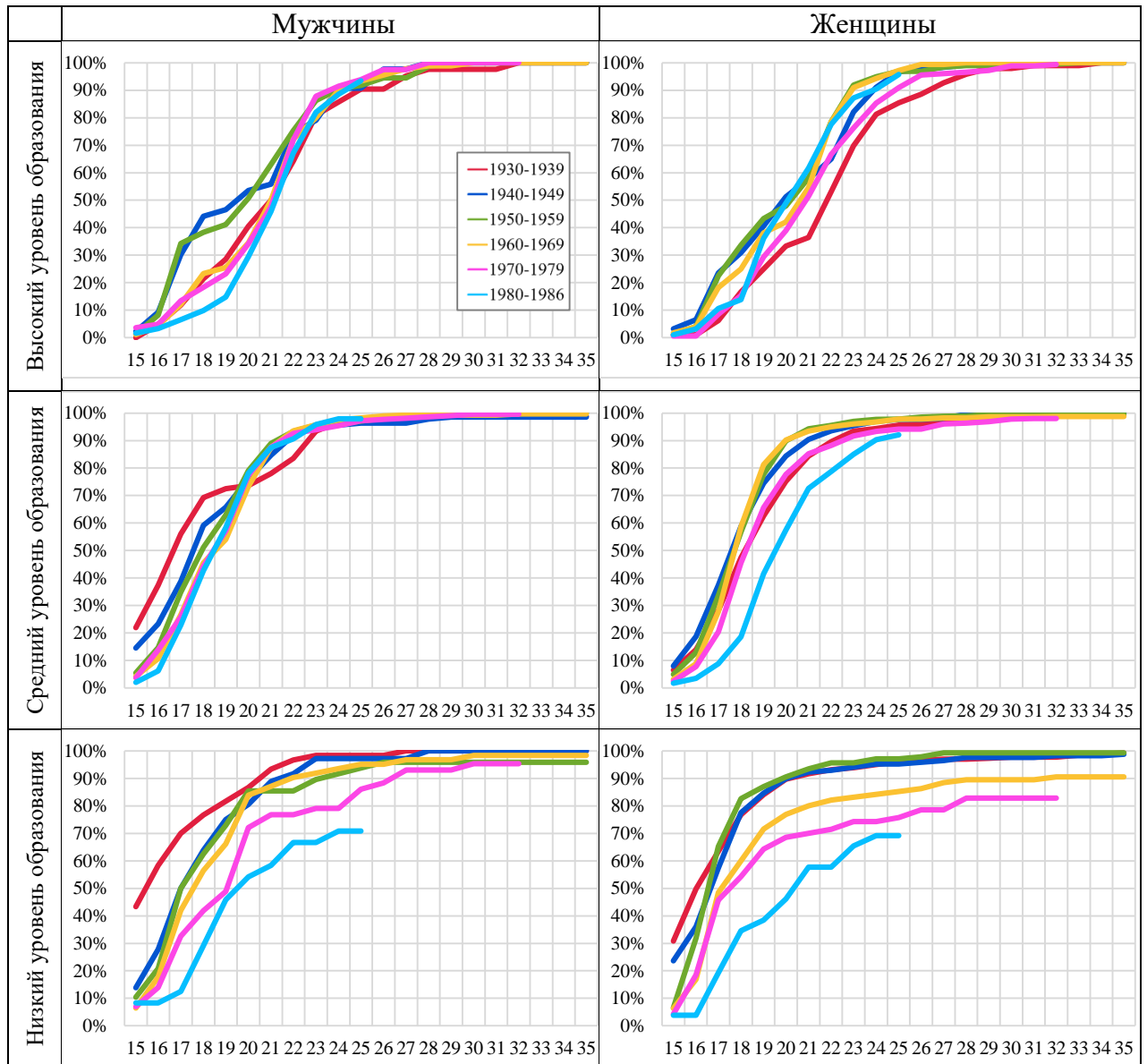
Источник: составлено автором (панельные данные РидМиж на 2011 г.)

Приложение 27. Повозрастная динамика получения профессионального образования в разрезе уровней образования

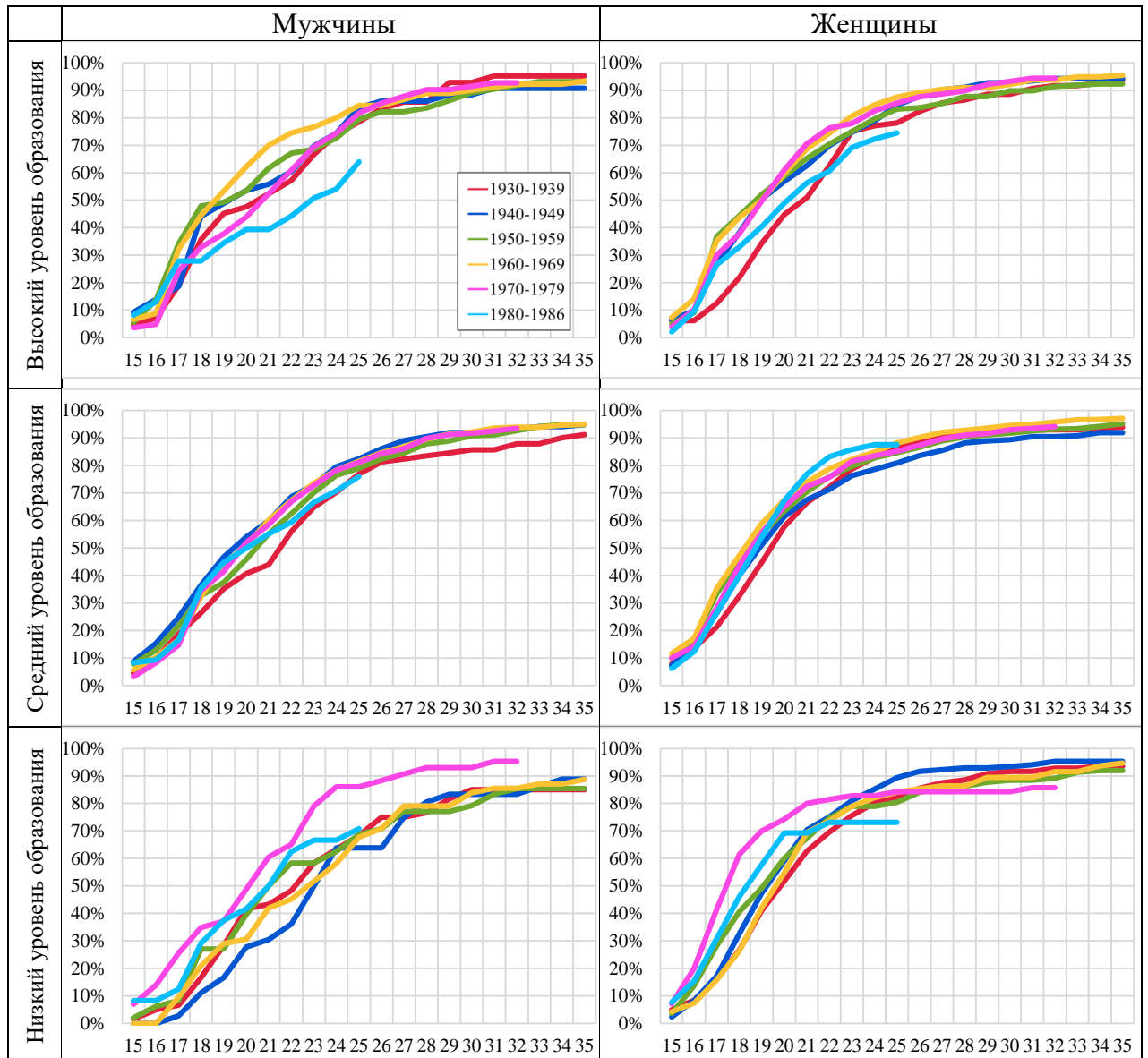
Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

**Приложение 28. Повозрастная динамика первого трудоустройства в разрезе
уровней образования**

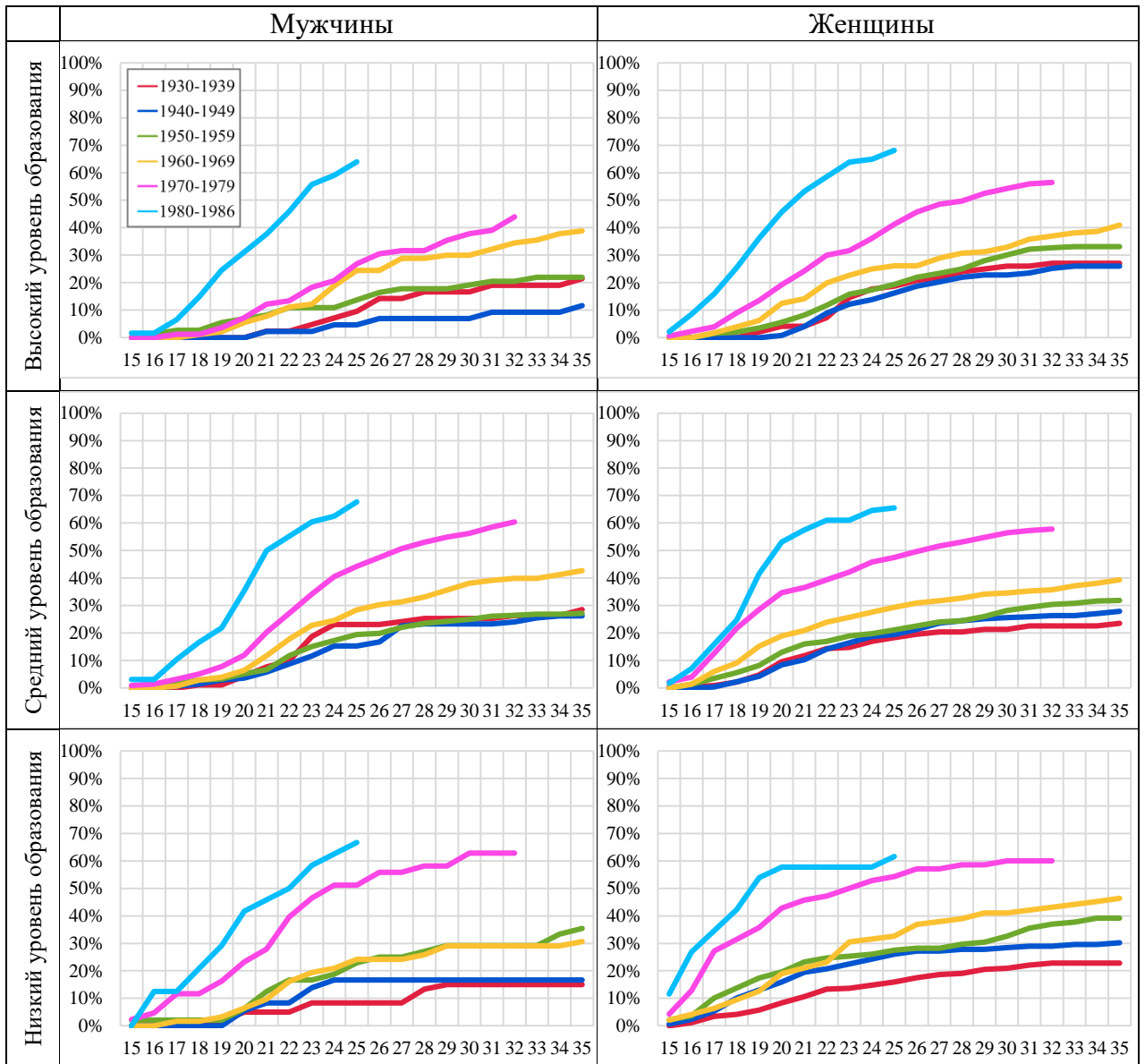
Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

**Приложение 29. Повозрастная динамика первого отделения от родителей в
разрезах уровней образования**

Источник: составлено автором (панельные данные РИДМЖ на 2011 г.)

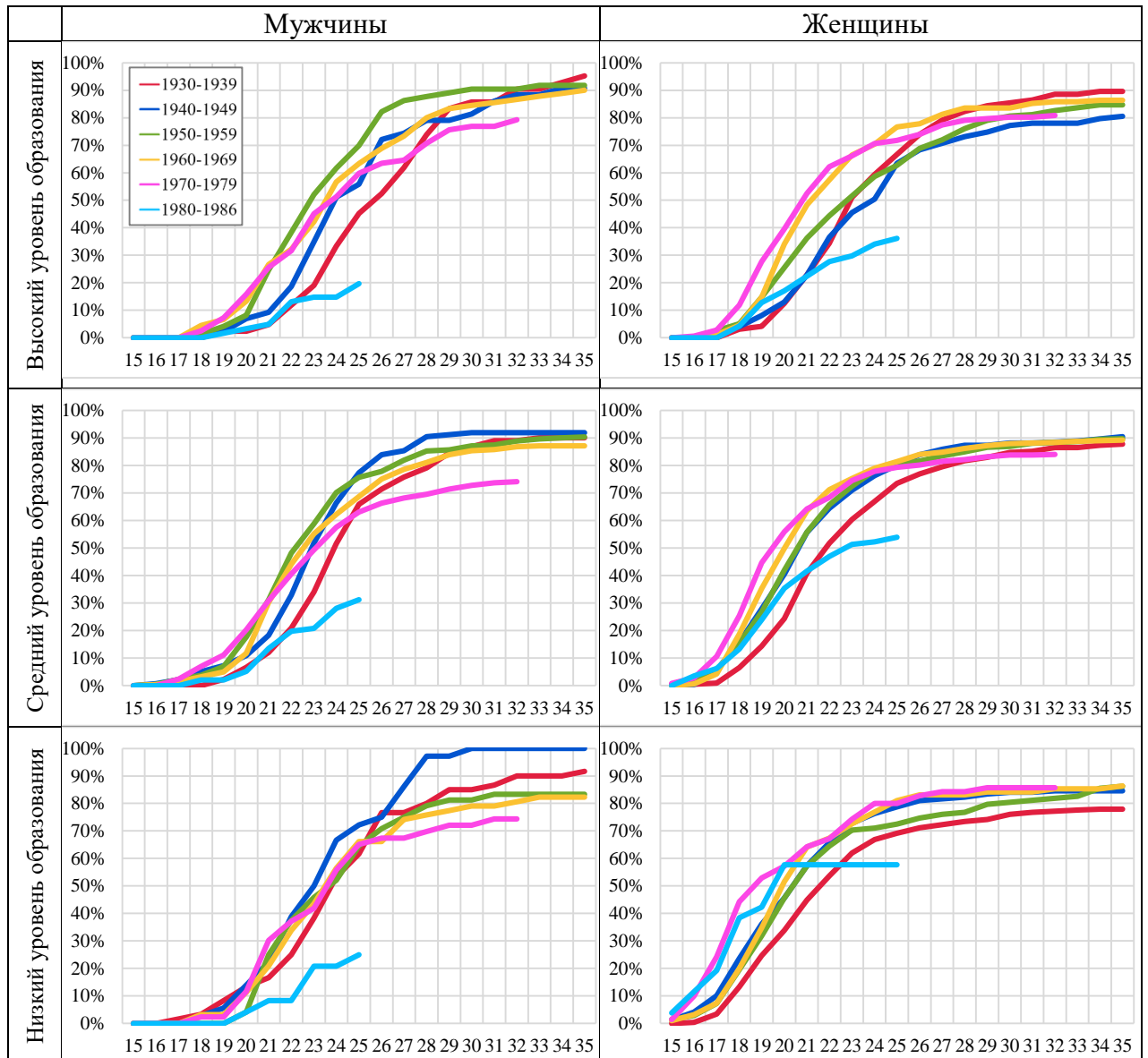
Приложение 30. Повозрастная динамика вступления в первые партнерства в разрезе уровней образования

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

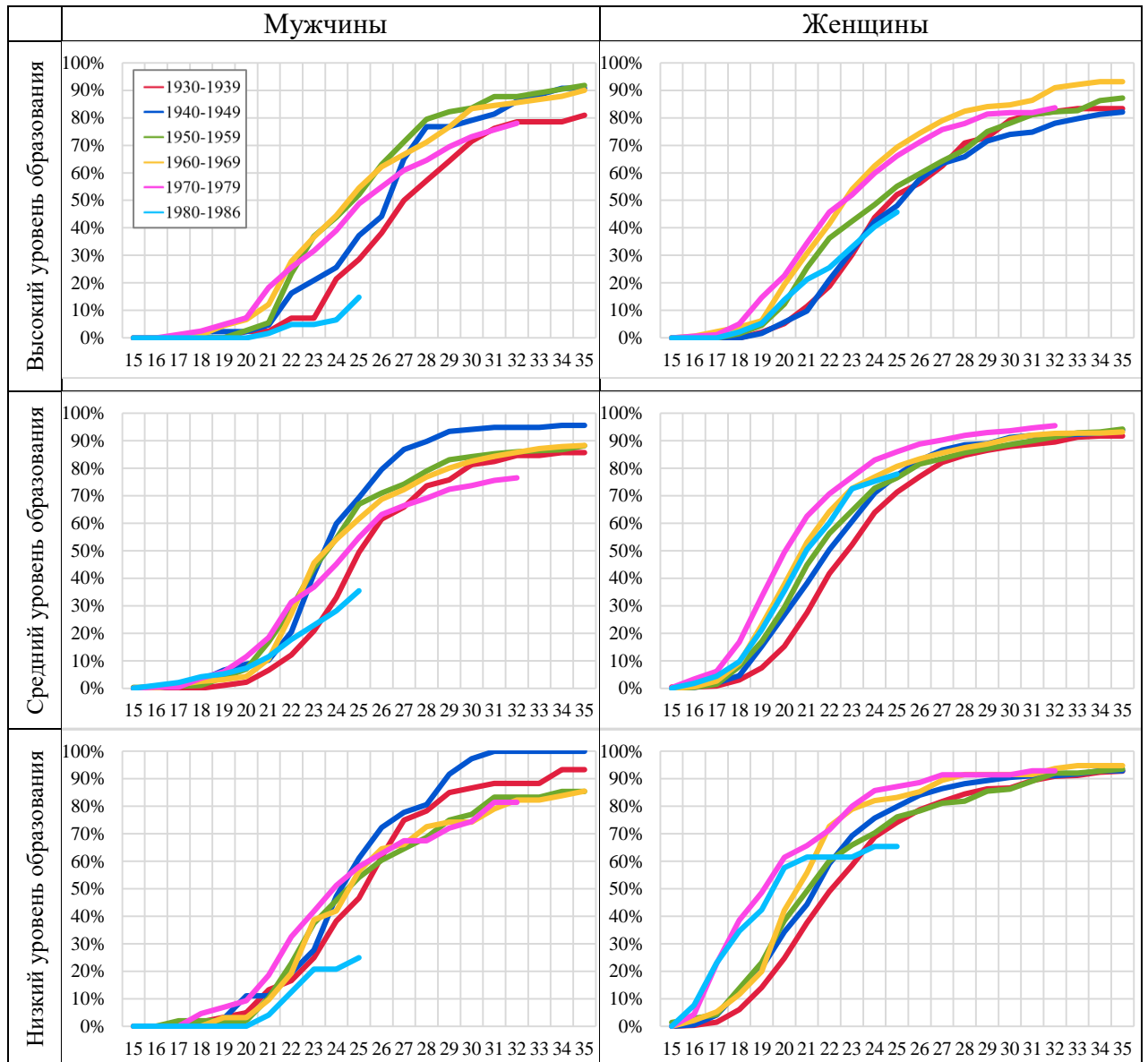

**Приложение 31. Повозрастная динамика вступления в первые браки в разрезе
уровней образования**

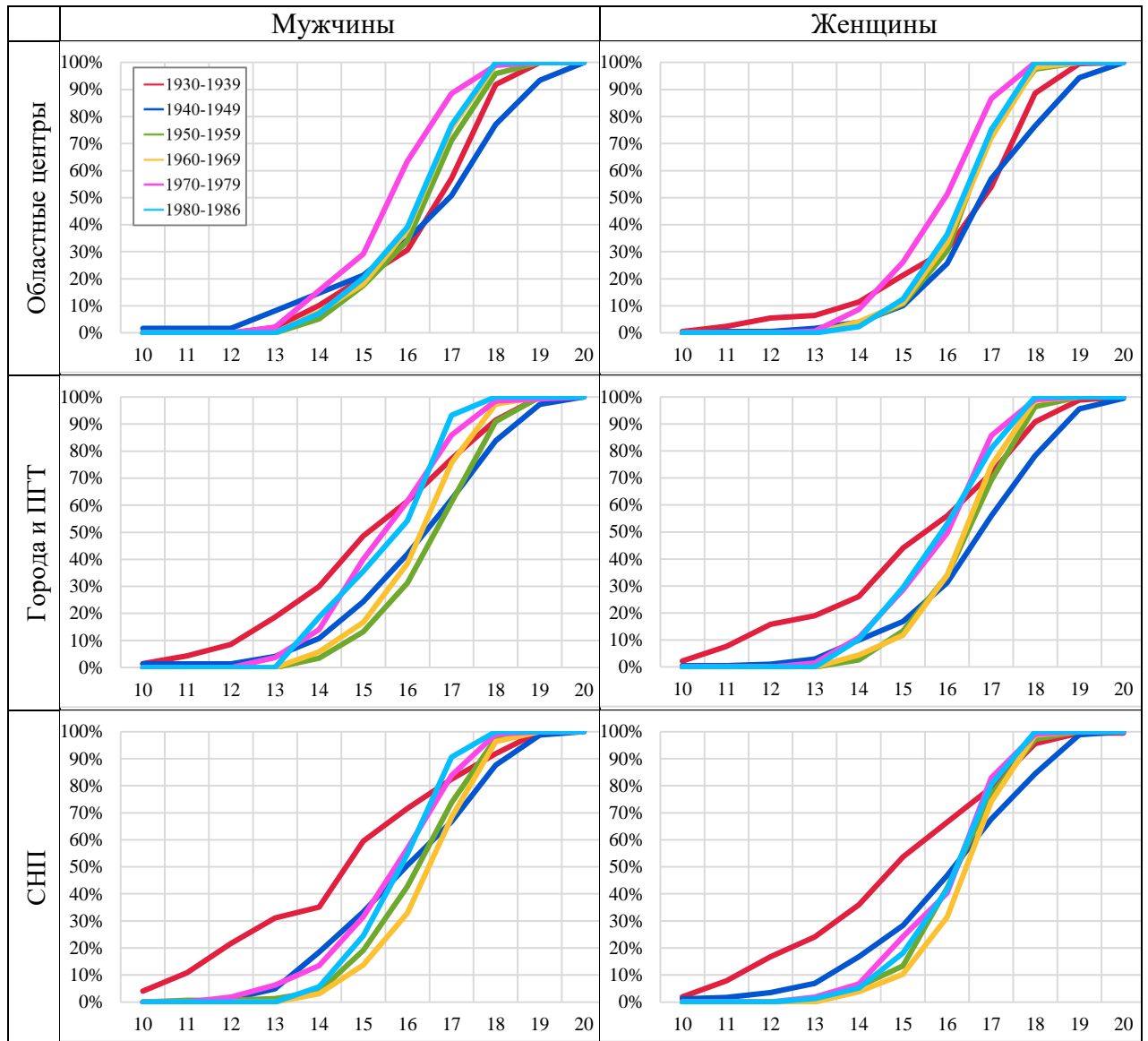
Источник: составлено автором (панельные данные РИДМИЖ на 2011 г.)

Приложение 32. Повозрастная динамика первых деторождений в разрезе уровней образования

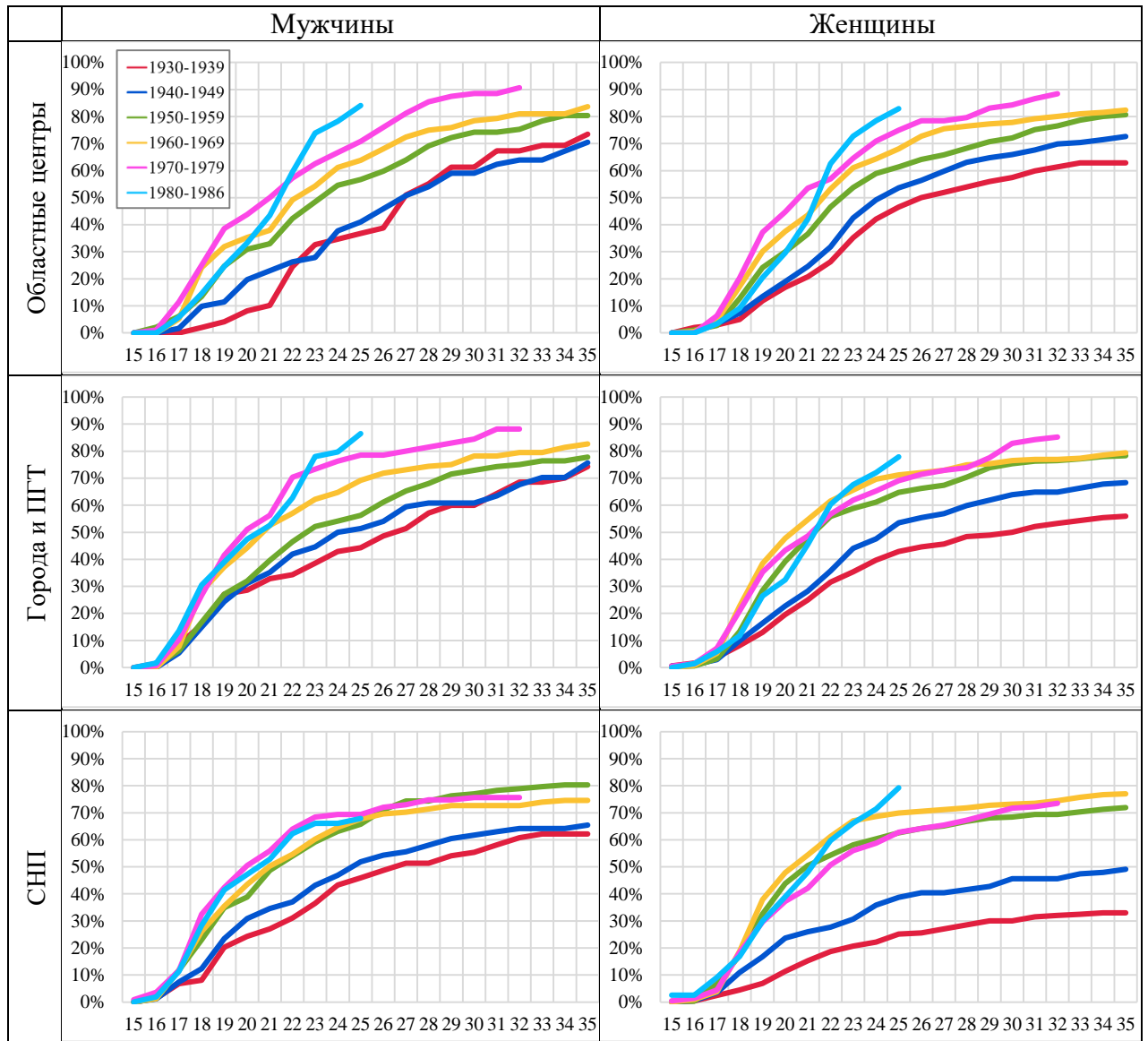
Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Приложение 33. Повозрастная динамика окончания школы в разрезе типов населенных пунктов

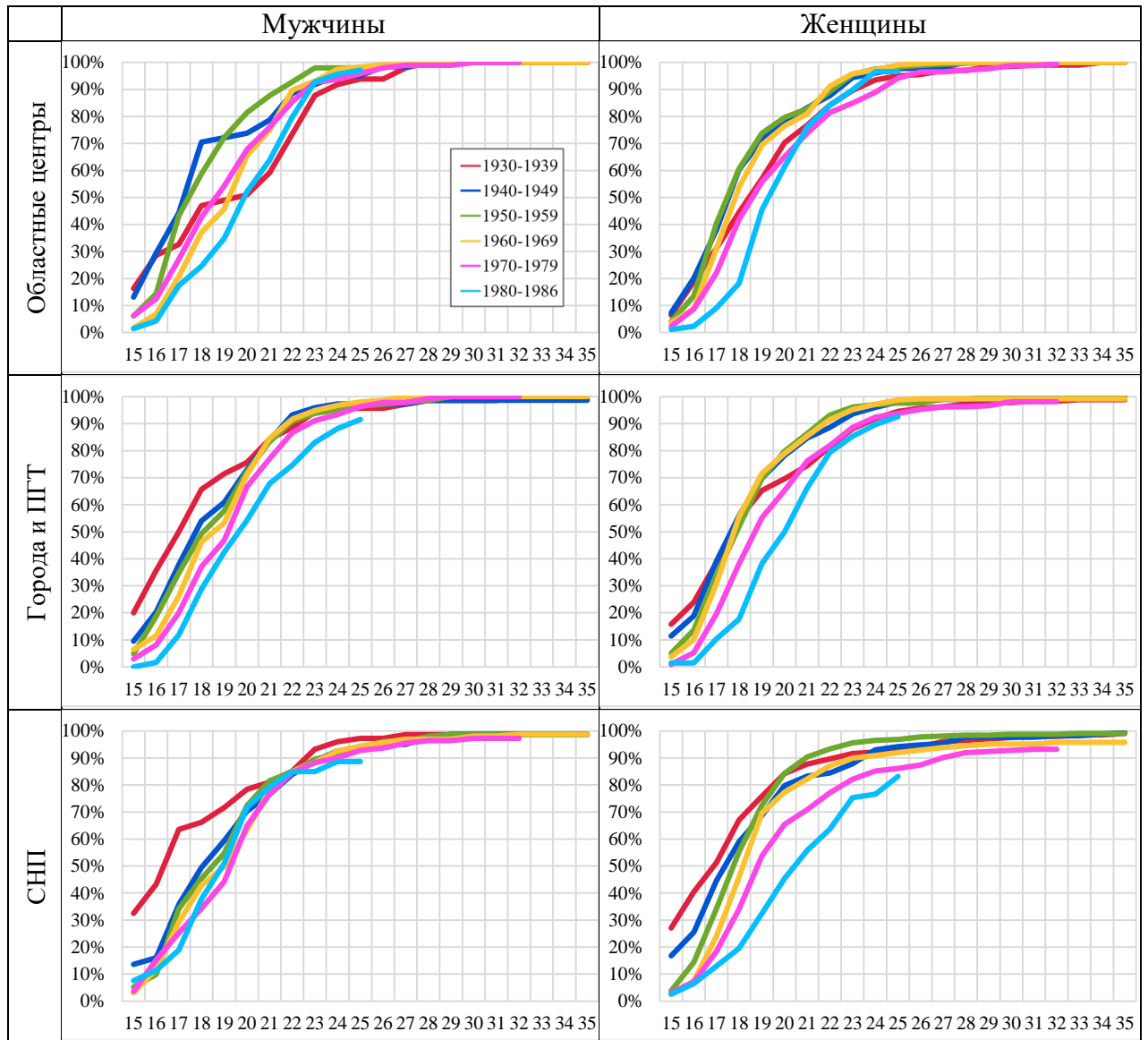
Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Приложение 34. Повозрастная динамика получения профессионального образования в разрезе типов населенных пунктов

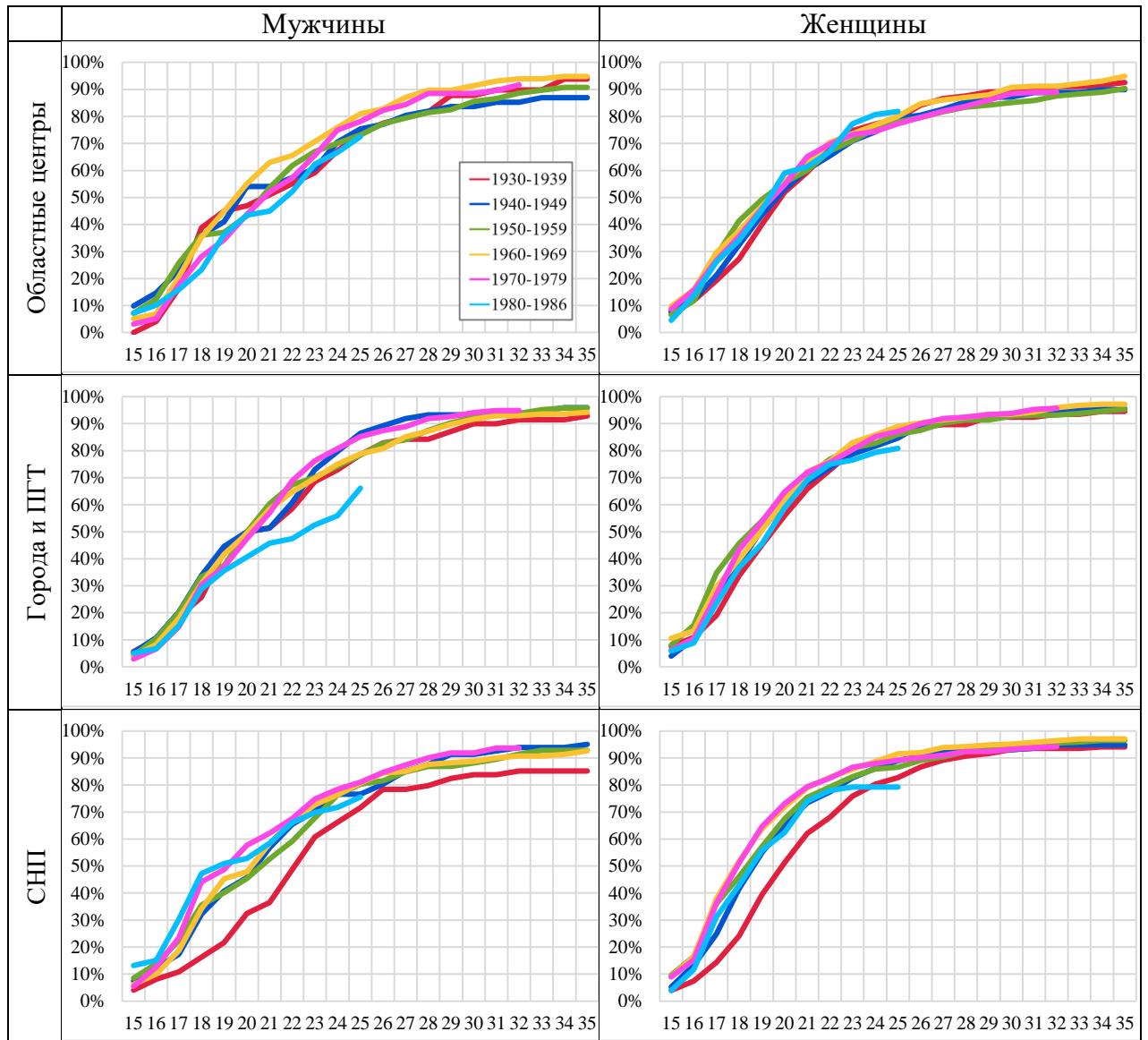
Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

**Приложение 35. Повозрастная динамика первого трудоустройства в разрезе
типов населенных пунктов**

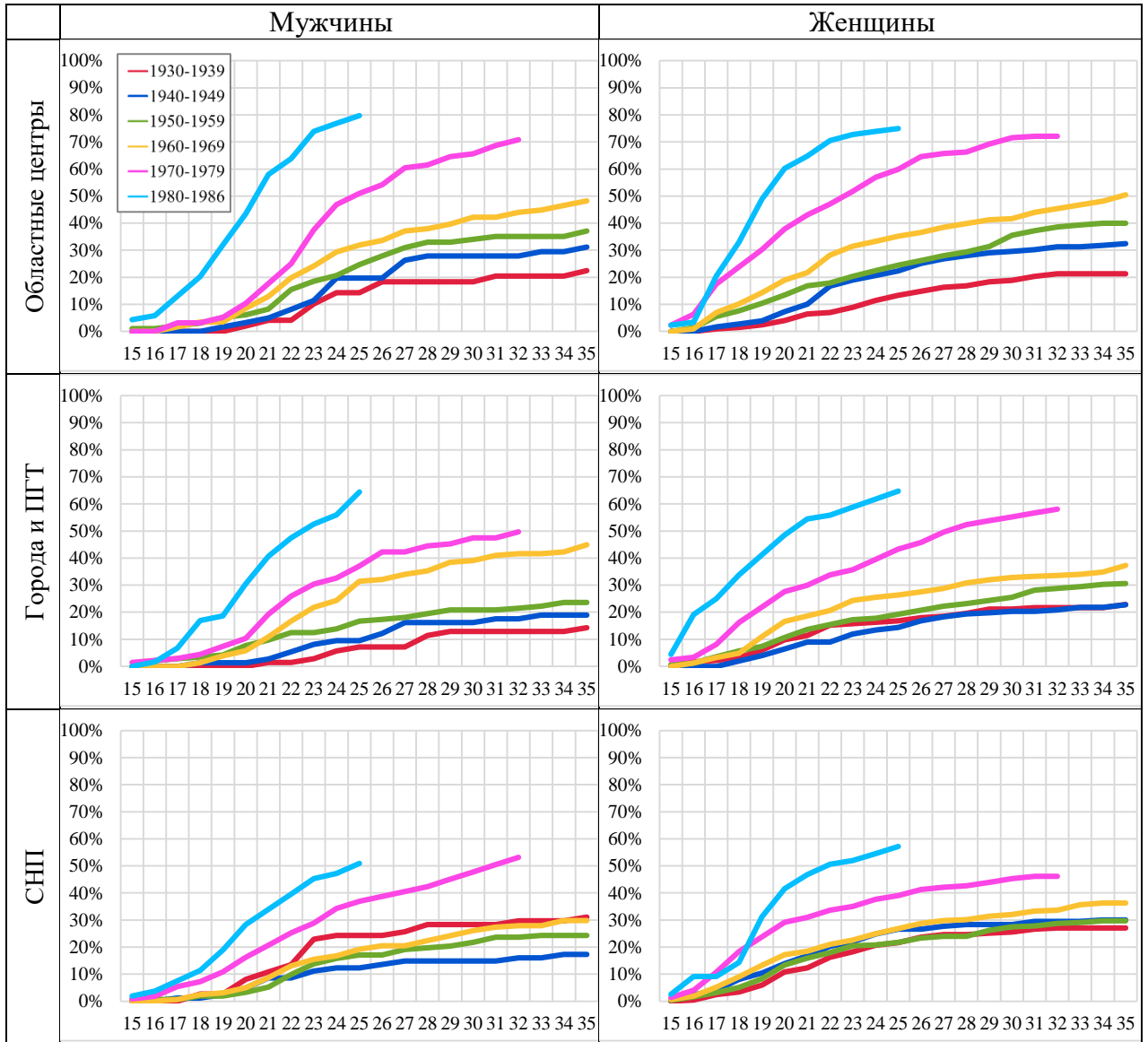
Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

**Приложение 36. Повозрастная динамика первого отделения от родителей в
разреze типов населенных пунктов**

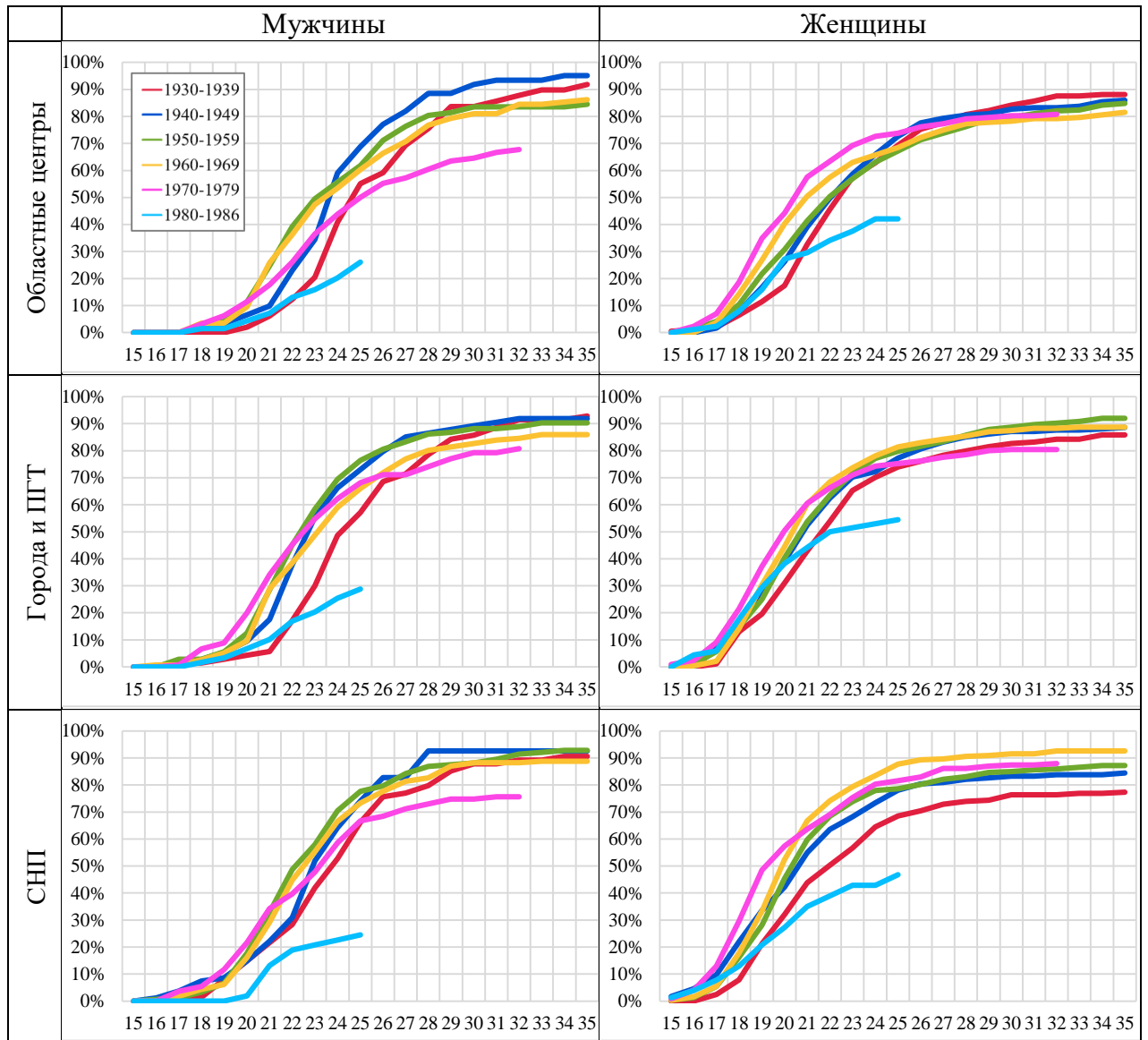
Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

**Приложение 37. Повозрастная динамика вступления в первые партнерства в
разреze типов населенных пунктов**

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

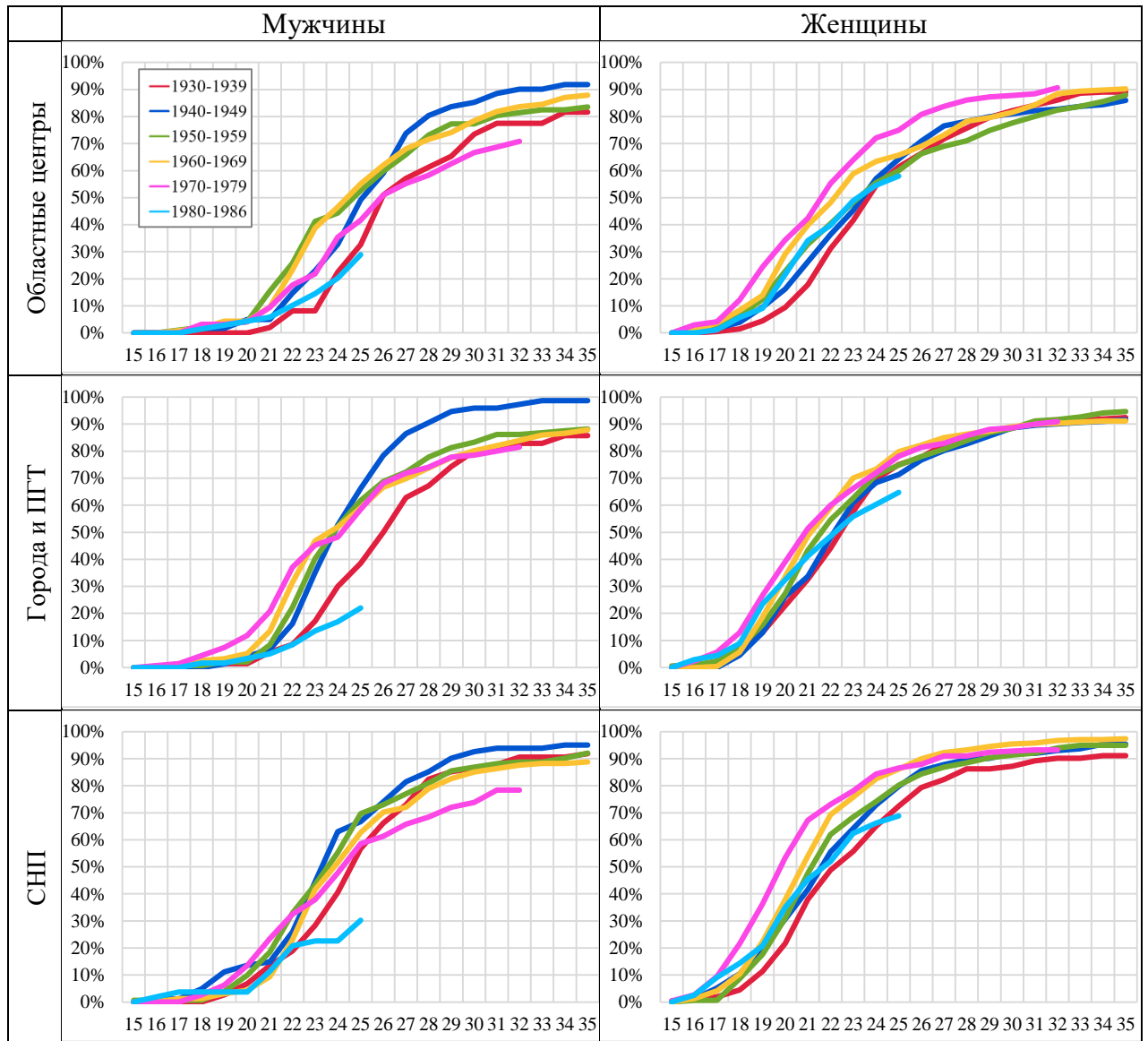
**Приложение 38. Повозрастная динамика вступления в первые браки в разрезе
типов населенных пунктов**

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Приложение 39. Повозрастная динамика первых деторождений в разрезе типов населенных пунктов

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

**Приложение 40. Корреляционный анализ ковариат для регрессии Кокса (Тау-в
Кендалла): включение пола и поколения по отдельности**

		Пол	Поколения	Уровень образования	Тип населенного пункта	Смена населенного пункта	Кол-во детей
Пол	Коэффициент корреляции	1,000	-0,097**	0,026*	-0,022	,068**	0,055**
	Знач. (двухсторонняя)	.	0,000	0,042	0,087	0,000	0,000
	N	5451	5451	5451	5451	5451	5451
Поколения	Коэффициент корреляции	0,097**	1,000	-0,167**	0,005	-0,175**	-0,198**
	Знач. (двухсторонняя)	0,000	.	0,000	0,687	0,000	0,000
	N	5451	5451	5451	5451	5451	5451
Уровень образования	Коэффициент корреляции	0,026*	-0,167**	1,000	0,197**	0,011	0,144**
	Знач. (двухсторонняя)	0,042	0,000	.	0,000	0,372	0,000
	N	5451	5451	5451	5451	5451	5451
Тип населенного пункта	Коэффициент корреляции	-0,022	0,005	0,197**	1,000	-0,292**	0,190**
	Знач. (двухсторонняя)	0,087	0,687	0,000	.	0,000	0,000
	N	5451	5451	5451	5451	5451	5451
Смена населенного пункта	Коэффициент корреляции	0,068**	-0,175**	0,011	-0,292**	1,000	0,013
	Знач. (двухсторонняя)	0,000	0,000	0,372	0,000	.	0,269
	N	5451	5451	5451	5451	5451	5451
Кол-во детей	Коэффициент корреляции	0,055**	-0,198**	0,144**	0,190**	0,013	1,000
	Знач. (двухсторонняя)	0,000	0,000	0,000	0,000	0,269	.
	N	5451	5451	5451	5451	5451	5451

** . Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

* . Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

**Приложение 41. Корреляционный анализ ковариат для регрессии Кокса (Ро
Спирмена): включение пола и поколения по отдельности**

		Пол	Поколе ния	Уровень образова ния	Тип населенног о пункта	Смена населенного пункта	Кол-во детей
Пол	Коэффициент корреляции	1,000	-0,109**	0,028*	-0,023	0,070**	0,060**
	Знач. (двухсторонняя)	.	0,000	0,042	0,087	0,000	0,000
	N	5451	5451	5451	5451	5451	5451
Поколения	Коэффициент корреляции	-0,109**	1,000	-0,194**	0,005	-0,203**	-0,237**
	Знач. (двухсторонняя)	0,000	.	0,000	0,691	0,000	0,000
	N	5451	5451	5451	5451	5451	5451
Уровень образования	Коэффициент корреляции	0,028*	-0,194**	1,000	0,217**	0,012	0,161**
	Знач. (двухсторонняя)	0,042	0,000	.	0,000	0,375	0,000
	N	5451	5451	5451	5451	5451	5451
Тип населенного пункта	Коэффициент корреляции	-0,023	0,005	0,217**	1,000	-0,318**	,216**
	Знач. (двухсторонняя)	0,087	0,691	0,000	.	0,000	,000
	N	5451	5451	5451	5451	5451	5451
Смена населенного пункта	Коэффициент корреляции	0,070**	-0,203**	0,012	-0,318**	1,000	0,015
	Знач. (двухсторонняя)	0,000	0,000	0,375	0,000	.	0,254
	N	5451	5451	5451	5451	5451	5451
Кол-во детей	Коэффициент корреляции	0,060**	-0,237**	0,161**	0,216**	0,015	1,000
	Знач. (двухсторонняя)	0,000	0,000	0,000	0,000	0,254	.
	N	5451	5451	5451	5451	5451	5451

** . Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

* . Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

**Приложение 42. Корреляционный анализ ковариат для регрессии Кокса (Tau-b
Кендалла): включение общей переменной по полу и поколениям**

		Пол и поколения	Уровень образования	Тип населенного пункта	Смена населенного пункта	Кол-во детей
Пол и поколения	Коэффициент корреляции	1,000	-0,079**	-0,008	-0,042**	-0,053**
	Знач. (двухсторонняя)		0,000	0,453	0,000	0,000
	N	5451	5451	5451	5451	5451
Уровень образования	Коэффициент корреляции	-0,079**	1,000	0,197**	0,011	0,144**
	Знач. (двухсторонняя)	0,000		0,000	0,372	0,000
	N	5451	5451	5451	5451	5451
Тип населенного пункта	Коэффициент корреляции	-0,008	0,197**	1,000	-0,292**	0,190**
	Знач. (двухсторонняя)	0,453	0,000		0,000	0,000
	N	5451	5451	5451	5451	5451
Смена населенного пункта	Коэффициент корреляции	-0,042**	0,011	-0,292**	1,000	0,013
	Знач. (двухсторонняя)	0,000	0,372	0,000		0,269
	N	5451	5451	5451	5451	5451
Кол-во детей	Коэффициент корреляции	-0,053**	0,144**	0,190**	0,013	1,000
	Знач. (двухсторонняя)	0,000	0,000	0,000	0,269	
	N	5451	5451	5451	5451	5451

** . Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

* . Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

**Приложение 43. Корреляционный анализ ковариат для регрессии Кокса (Ро
Спирмена): включение общей переменной по полу и поколениям**

		Пол и поколения	Уровень образования	Тип населенного пункта	Смена населенного пункта	Кол-во детей
Пол и поколения	Коэффициент корреляции	1,000	-0,095**	-0,010	-0,049**	-0,064**
	Знач. (двухсторонняя)		0,000	0,458	0,000	0,000
	N	5451	5451	5451	5451	5451
Уровень образования	Коэффициент корреляции	-0,095**	1,000	0,217**	0,012	0,161**
	Знач. (двухсторонняя)	0,000		0,000	0,375	0,000
	N	5451	5451	5451	5451	5451
Тип населенного пункта	Коэффициент корреляции	-0,010	0,217**	1,000	-0,318**	0,216**
	Знач. (двухсторонняя)	0,458	0,000		0,000	0,000
	N	5451	5451	5451	5451	5451
Смена населенного пункта	Коэффициент корреляции	-0,049**	0,012	-0,318**	1,000	0,015
	Знач. (двухсторонняя)	0,000	0,375	0,000		0,254
	N	5451	5451	5451	5451	5451
Кол-во детей	Коэффициент корреляции	-0,064**	0,161**	0,216**	0,015	1,000
	Знач. (двухсторонняя)	0,000	0,000	0,000	0,254	
	N	5451	5451	5451	5451	5451

** . Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).

* . Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Приложение 44. Характеристики моделей пропорциональных рисков. Стратификация по полу

Ковариаты	Профессиональное образование		Первая работа		Отделение от родителей		Первое партнерство		Первый брак		Первый ребенок	
	Exp(B)	Знач.	Exp(B)	Знач.	Exp(B)	Знач.	Exp(B)	Знач.	Exp(B)	Знач.	Exp(B)	Знач.
Поколения (переменная контроля):		0,000		0,000		0,000		0,000		0,000		0,000
• 1980-1986 (реф)												
• 1930-1939	0,380	0,000	1,329	0,000	0,650	0,000	0,140	0,000	1,181	0,059	1,236	0,006
• 1940-1949	0,465	0,000	1,543	0,000	0,782	0,000	0,165	0,000	1,411	0,000	1,471	0,000
• 1950-1959	0,673	0,000	1,646	0,000	0,800	0,001	0,223	0,000	1,461	0,000	1,460	0,000
• 1960-1969	0,764	0,000	1,433	0,000	0,901	0,115	0,297	0,000	1,554	0,000	1,599	0,000
• 1970-1979	0,878	0,049	1,155	0,021	0,964	0,591	0,531	0,000	1,609	0,000	1,660	0,000
Уровень образования:				0,000		0,000		0,000		0,000		0,000
• высокий (реф)												
• средний			1,865	0,000	1,006	0,873	1,189	0,001	1,215	0,000	1,443	0,000
• низкий			2,024	0,000	0,845	0,000	1,320	0,000	1,071	0,160	1,423	0,000
Тип населенного пункта:		0,000		0,000		0,000		0,000		0,002		0,000
• областные центры (реф)												
• город и ПГТ	0,964	0,326	0,900	0,002	1,225	0,000	0,695	0,000	1,139	0,000	1,216	0,000
• СНП	0,775	0,000	0,733	0,000	1,460	0,000	0,618	0,000	1,093	0,021	1,352	0,000
Смена населенного пункта:		0,000				0,000		0,000				
• не было (реф)												
• нисходящая мобильность	1,147	0,009			1,134	0,010	1,329	0,000				
• восходящая мобильность	0,927	0,054			1,623	0,000	1,075	0,162				
Кол-во детей:		0,000		0,186		0,000		0,010		0,000		
нет детей (реф)												
• 1 ребенок	1,117	0,043	1,065	0,212	1,621	0,000	1,034	0,614	3,805	0,000		
• 2 ребенка	1,148	0,012	1,102	0,056	1,936	0,000	0,896	0,118	5,905	0,000		
• 3 ребенка	0,928	0,293	1,006	0,928	1,931	0,000	0,996	0,969	6,062	0,000		
• 4+ ребенка	0,671	0,001	1,055	0,566	2,047	0,000	1,205	0,156	5,702	0,000		
Характеристики модели												
Базовая модель	Наблюдения	4392 (1059)	5247 (61)	5184 (181)	2523 (2920)	4621 (829)	4880 (571)					
	-2LL	64511,094	73481,814	72948,232	38560,073	67314,917	70391,274					
+ ковариаты	-2LL	64344,133***	73041,365***	72555,766***	38382,663***	66167,144***	70159,491***					
	Chi-квадрат	166,96087	440,449	392,466	177,41	1147,773	231,783					
+ переменная для контроля	-2LL	63994,109***	72927,884***	72481,381***	37767,938***	66100,671***	70080,475***					
	Chi-квадрат	516,985	553,93	466,851	792,135	1214,246	310,799					

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Примечания:

Раздел «Характеристики модели» отражает качество модели в базовой версии, а также с добавлением ковариат. Все коэффициенты, указанные в таблице выше, приведены для последней версии модели – с добавлением и ковариат, и переменной контроля (здесь такая переменная – пол).

В строке «Наблюдения» указано число респондентов, для которых был проведен анализ. В скобочках указано количество цензурированных респондентов.

Там, где не указана значимость, применяются стандартные обозначения: * $p \leq 0.05$, ** $p \leq 0.01$, *** $p \leq 0.001$.

Приложение 45. Характеристики моделей пропорциональных рисков. Стратификация по поколениям

Ковариаты	Профессиональное образование		Первая работа		Отделение от родителей		Первое партнерство		Первый брак		Первый ребенок		
	Exp(B)	Знач.	Exp(B)	Знач.	Exp(B)	Знач.	Exp(B)	Знач.	Exp(B)	Знач.	Exp(B)	Знач.	
Пол (переменная контроля):													
• мужской (реф)													
• женский	0,894	0,001	1,053	0,087	1,263	0,000	1,161	0,001	1,370	0,000	1,682	0,000	
Уровень образования:				0,000		0,000		0,000		0,000		0,000	
• высокий (реф)													
• средний			1,892	0,000	1,000	0,997	1,181	0,001	1,232	0,000	1,457	0,000	
• низкий			1,988	0,000	0,843	0,000	1,307	0,000	1,062	0,219	1,455	0,000	
Тип населенного пункта:		0,000		0,000		0,000		0,000		0,002		0,000	
• областные центры (реф)													
• город и ПГТ	0,963	0,309	0,884	0,000	1,236	0,000	0,700	0,000	1,139	0,000	1,240	0,000	
• СНП	0,767	0,000	0,701	0,000	1,476	0,000	0,626	0,000	1,073	0,067	1,415	0,000	
Смена населенного пункта:		0,002		0,093		0,000		0,000				0,121	
• не было (реф)													
• нисходящая мобильность	1,157	0,006	1,064	0,200	1,124	0,017	1,327	0,000			1,019	0,704	
• восходящая мобильность	0,928	0,058	0,942	0,103	1,630	0,000	1,079	0,143			1,082	0,041	
Кол-во детей:		0,000				0,000		0,010		0,000			
• нет детей (реф)													
• 1 ребенок	1,117	0,044			1,615	0,000	1,041	0,546	3,480	0,000			
• 2 ребенка	1,140	0,017			1,942	0,000	0,903	0,143	5,501	0,000			
• 3 ребенка	0,926	0,282			1,947	0,000	1,005	0,957	5,546	0,000			
• 4+ ребенка	0,667	0,000			2,083	0,000	1,213	0,143	5,413	0,000			
Характеристики модели													
Базовая модель	Наблюдения	4392 (1059)		5247 (61)		5184 (181)		2523 (2920)		4621 (829)		4880 (571)	
	-2LL	54908,214		61992,782		61819,043		32932,181		57369,814		59834,377	
+ ковариаты	-2LL	54800,721***		61597,076***		61392,764***		32806,135***		56447,899***		59642,468***	
	Chi-квадрат	107,493		395,706		426,279		126,046		921,915		191,909	
+ переменная для контроля	-2LL	54788,889***		61594,131***		61332,64***		32794,196***		56349,658***		59362,628***	
	Chi-квадрат	119,325		398,651		486,403		137,985		1020,156		471,749	

Источник: составлено автором (панельные данные РИДМИЖ на 2011 г.)

Примечания: Раздел «Характеристики модели» отражает качество модели в базовой версии, а также с добавлением ковариат. Все коэффициенты, указанные в таблице выше, приведены для последней версии модели – с добавлением и ковариат, и переменной контроля (здесь такая переменная – пол).

В строке «Наблюдения» указано число респондентов, для которых был проведен анализ. В скобках указано количество цензурированных респондентов. Там, где не указана значимость, применяются стандартные обозначения: * $p \leq 0.05$, ** $p \leq 0.01$, *** $p \leq 0.001$.

Приложение 46. Характеристики моделей пропорциональных рисков. Стратификация по полу и поколениям

Ковариаты	Профессиональное образование		Первая работа		Отделение от родителей		Первое партнерство		Первый брак		Первый ребенок	
	Exp(B)	Знач.	Exp(B)	Знач.	Exp(B)	Знач.	Exp(B)	Знач.	Exp(B)	Знач.	Exp(B)	Знач.
Уровень образования:				0,000		0,000		0,000		0,000		0,000
• высокий (реф)												
• средний			1,894	0,000	1,001	0,976	1,190	0,000	1,229	0,000	1,458	0,000
• низкий			2,000	0,000	0,843	0,000	1,320	0,000	1,079	0,120	1,472	0,000
Тип населенного пункта:				0,000		0,000		0,000		0,003		0,000
• областные центры (реф)		0,000										
• город и ПГТ	0,962	0,303	0,898	0,002	1,230	0,000	0,699	0,000	1,137	0,001	1,218	0,000
• СНП	0,769	0,000	0,731	0,000	1,460	0,000	0,626	0,000	1,077	0,053	1,335	0,000
Смена населенного пункта:												
• не было (реф)		0,003				0,000		0,000				
• нисходящая мобильность	1,145	0,010			1,126	0,016	1,324	0,000				
• восходящая мобильность	0,924	0,046			1,616	0,000	1,080	0,138				
Кол-во детей:												
• нет детей (реф)		0,000				0,000		0,012		0,000		
• 1 ребенок	1,112	0,055			1,631	0,000	1,038	0,580	3,619	0,000		
• 2 ребенка	1,131	0,026			1,958	0,000	0,901	0,138	5,630	0,000		
• 3 ребенка	0,927	0,290			1,952	0,000	0,999	0,996	5,809	0,000		
• 4+ ребенка	0,658	0,000			2,098	0,000	1,203	0,162	5,418	0,000		
Характеристики модели												
Базовая модель	Наблюдения	4392 (1059)	5247 (61)	5184 (181)	2523 (2920)	4621 (829)	4880 (571)					
	-2LL	49292,188	55482,830	55404,549	29820,261	51585,116	53806,525					
+ ковариаты	-2LL	49186,834***	55080,187***	54982,403***	29696,340***	50655,877***	53583,182***					
	Chi-квадрат	105,354	402,643	422,146	123,921	929,239	223,343					

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Примечания:

Раздел «Характеристики модели» отражает качество модели в базовой версии, а также с добавлением ковариат. Все коэффициенты, указанные в таблице выше, приведены для последней версии модели – с добавлением и ковариат, и переменной контроля (здесь такая переменная – пол).

В строке «Наблюдения» указано число респондентов, для которых был проведен анализ. В скобках указано количество цензурированных респондентов.

Там, где не указана значимость, применяются стандартные обозначения: * $p \leq 0.05$, ** $p \leq 0.01$, *** $p \leq 0.001$.

Приложение 47. Характеристики моделей пропорциональных рисков с объединенной переменной для мужчин

Ковариаты	Профессиональное образование		Первая работа		Отделение от родителей		Первое партнерство		Первый брак		Первый ребенок		
	Exp(B)	Знач.	Exp(B)	Знач.	Exp(B)	Знач.	Exp(B)	Знач.	Exp(B)	Знач.	Exp(B)	Знач.	
Объединенная переменная:		,000		,000		,002		,000		,000		,000	
• 1930-69, высокий ур. обр., обл. центр	,693	,018	1,161	,339	1,509	,016	,309	,000	2,490	,000	1,846	,002	
• 1930-69, высокий ур. обр., город/ПГТ	,747	,072	1,062	,710	1,609	,007	,291	,000	2,598	,000	1,886	,002	
• 1930-69, высокий ур. обр., СНП	,781	,194	,891	,547	1,345	,156	,196	,000	3,206	,000	2,424	,000	
• 1930-69, средний ур. обр., обл. центр	,891	,432	2,093	,000	1,468	,016	,468	,000	2,499	,000	1,846	,001	
• 1930-69, средний ур. обр., город/ПГТ	,982	,898	2,147	,000	1,564	,003	,307	,000	3,205	,000	2,611	,000	
• 1930-69, средний ур. обр., СНП	,942	,662	1,707	,000	1,438	,016	,302	,000	3,196	,000	2,467	,000	
• 1930-69, низкий ур. обр., обл. центр	,183	,000	5,726	,000	,881	,566	,324	,000	2,532	,000	2,485	,000	
• 1930-69, низкий ур. обр., город/ПГТ	,214	,000	2,881	,000	1,142	,471	,244	,000	2,127	,001	1,632	,021	
• 1930-69, низкий ур. обр., СНП	,196	,000	1,461	,022	1,033	,853	,146	,000	2,921	,000	2,378	,000	
• <i>1970-86, высокий ур. обр., обл. центр (референтная)</i>													
• 1970-86, высокий ур. обр., город/ПГТ	,866	,436	,893	,541	1,142	,524	,550	,018	1,845	,013	1,536	,070	
• 1970-86, высокий ур. обр., СНП	1,035	,888	1,046	,854	2,224	,002	,510	,055	1,983	,030	1,292	,431	
• 1970-86, средний ур. обр., обл. центр	1,651	,003	1,910	,000	1,444	,042	1,500	,035	1,339	,208	1,364	,148	
• 1970-86, средний ур. обр., город/ПГТ	2,172	,000	1,761	,000	1,511	,014	,844	,369	2,059	,001	1,878	,001	
• 1970-86, средний ур. обр., СНП	1,627	,003	1,922	,000	1,491	,023	,769	,190	1,694	,018	1,682	,012	
• 1970-86, низкий ур. обр., обл. центр	,334	,018	2,320	,007	1,449	,264	2,806	,002	1,726	,170	1,250	,590	
• 1970-86, низкий ур. обр., город/ПГТ	,346	,008	1,377	,308	1,495	,183	1,161	,671	1,293	,518	1,140	,739	
• 1970-86, низкий ур. обр., СНП	,199	,000	,759	,186	1,523	,057	,786	,355	1,498	,145	1,772	,023	
Характеристики модели													
Базовая модель	Наблюдения	1482 (276)		1696 (62)		1650 (108)		801 (957)		1464 (294)		1487 (271)	
	-2LL	20147,173		21960,086		21603,013		11419,611		19798,348		20040,672	
Модель со стратификацией	-2LL	12423,247		13330,236		13286,037		7140,483		12428,628		12562,454	
	Хи-квадрат	7723,926		8629,85		8316,975		4279,127		7369,721		7478,218	
Модель с ковариатами	-2LL	19679,782***		21757,608***		21562,189**		11157,067***		19672,299***		19956,606***	
	Хи-квадрат	467,391		202,478		40,824		262,544		126,049		84,066	

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Примечания:

Раздел «Характеристики модели» отражает качество модели в базовой версии, а также с добавлением ковариат. Все коэффициенты, указанные в таблице выше, приведены для последней версии модели – с добавлением и ковариат, и переменной контроля (здесь такая переменная – пол).

В строке «Наблюдения» указано число респондентов, для которых был проведен анализ. В скобках указано количество цензурированных респондентов.

Там, где не указана значимость, применяются стандартные обозначения: * $p \leq 0.05$, ** $p \leq 0.01$, *** $p \leq 0.001$.

Приложение 48. Характеристики моделей пропорциональных рисков с объединенной переменной для женщин

Ковариаты	Профессиональное образование		Первая работа		Отделение от родителей		Первое партнерство		Первый брак		Первый ребенок		
	Exp(B)	Знач.	Exp(B)	Знач.	Exp(B)	Знач.	Exp(B)	Знач.	Exp(B)	Знач.	Exp(B)	Знач.	
Объединенная переменная:		,000		,000		,000		,000		,000		,000	
• 1930-69, высокий ур. обр., обл. центр	,834	,109	1,217	,084	,871	,248	,279	,000	1,107	,446	,889	,359	
• 1930-69, высокий ур. обр., город/ПГТ	,884	,296	1,123	,327	1,173	,197	,221	,000	1,098	,498	1,021	,874	
• 1930-69, высокий ур. обр., СНП	,849	,213	1,173	,228	1,586	,001	,172	,000	1,351	,046	1,463	,008	
• 1930-69, средний ур. обр., обл. центр	1,067	,544	2,504	,000	,985	,890	,269	,000	1,317	,028	1,312	,023	
• 1930-69, средний ур. обр., город/ПГТ	1,177	,122	2,322	,000	1,294	,019	,211	,000	1,733	,000	1,663	,000	
• 1930-69, средний ур. обр., СНП	1,203	,079	2,061	,000	1,386	,003	,242	,000	1,803	,000	1,868	,000	
• 1930-69, низкий ур. обр., обл. центр	,103	,000	3,635	,000	,994	,962	,309	,000	1,289	,083	1,269	,090	
• 1930-69, низкий ур. обр., город/ПГТ	,079	,000	3,068	,000	1,030	,808	,216	,000	1,667	,000	1,788	,000	
• 1930-69, низкий ур. обр., СНП	,039	,000	1,997	,000	1,085	,482	,216	,000	1,254	,085	1,711	,000	
• <i>1970-86, высокий ур. обр., обл. центр (референтная)</i>													
• 1970-86, высокий ур. обр., город/ПГТ	,884	,383	1,170	,266	1,040	,792	,513	,000	,878	,454	,955	,777	
• 1970-86, высокий ур. обр., СНП	,893	,464	1,034	,829	1,150	,394	,374	,000	1,036	,849	1,125	,500	
• 1970-86, средний ур. обр., обл. центр	2,114	,000	2,073	,000	,909	,500	,906	,503	1,181	,286	1,816	,000	
• 1970-86, средний ур. обр., город/ПГТ	1,997	,000	1,473	,002	1,292	,048	,660	,004	1,683	,000	2,100	,000	
• 1970-86, средний ур. обр., СНП	1,692	,000	1,284	,042	1,485	,002	,487	,000	1,518	,003	2,534	,000	
• 1970-86, низкий ур. обр., обл. центр	,324	,002	2,004	,006	,738	,289	,896	,703	1,001	,998	1,452	,183	
• 1970-86, низкий ур. обр., город/ПГТ	,115	,000	1,137	,605	1,336	,249	,812	,457	1,366	,258	2,096	,003	
• 1970-86, низкий ур. обр., СНП	,074	,000	,713	,066	1,386	,064	,699	,083	2,358	,000	2,851	,000	
Характеристики модели													
Базовая модель	Наблюдения	2910 (783)		3551 (142)		3534 (159)		1722 (1971)		3157 (536)		3393 (300)	
	-2LL	44363,921		51521,728		51345,219		27140,462		47516,569		50350,602	
Модель со стратификацией	-2LL	28296,98		33223,698		33311,668		17880,796		31452,824		32993,435	
	Хи-квадрат	16066,941		18298,031		18033,551		9259,666		16063,745		17357,167	
Модель с ковариатами	-2LL	42221,540***		51064,711***		51244,505***		26770,924***		47379,162***		50083,889***	
	Хи-квадрат	2142,381		457,017		100,714		369,538		137,407		266,713	

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Примечания:

Раздел «Характеристики модели» отражает качество модели в базовой версии, а также с добавлением ковариат. Все коэффициенты, указанные в таблице выше, приведены для последней версии модели – с добавлением и ковариат, и переменной контроля (здесь такая переменная – пол).

В строке «Наблюдения» указано число респондентов, для которых был проведен анализ. В скобках указано количество цензурированных респондентов.

Там, где не указана значимость, применяются стандартные обозначения: * $p \leq 0.05$, ** $p \leq 0.01$, *** $p \leq 0.001$.

Приложение 49. Среднее число стартовых социодемографических, социальноэкономических и демографических событий в разных возрастных интервалах (в разрезах пола и поколений)

События	Возрастные интервалы	Мужчины						Женщины					
		1930-39	1940-49	1950-59	1960-69	1970-79	1980-86	1930-39	1940-49	1950-59	1960-69	1970-79	1980-86
Социодемографические	0-14	0,13	0,09	0,02	0,03	0,03	0,03	0,13	0,04	0,02	0,02	0,03	0,02
	15-24	2,87	3,35	3,58	3,66	3,77	3,31	3,40	3,72	3,97	4,23	4,30	4,09
	25-34	1,54	1,25	1,15	1,16	1,14	0,64	0,88	0,83	0,83	0,67	0,78	0,44
	35+	0,48	0,36	0,28	0,23	0,06	0,00	0,31	0,29	0,29	0,19	0,06	0,00
Социальноэкономические	0-14	0,13	0,09	0,02	0,03	0,02	0,03	0,13	0,04	0,02	0,02	0,03	0,02
	15-24	1,91	2,07	2,24	2,32	2,40	2,28	1,95	2,16	2,37	2,45	2,34	2,40
	25-34	0,51	0,43	0,46	0,36	0,38	0,27	0,35	0,36	0,31	0,26	0,40	0,22
	35+	0,26	0,21	0,10	0,09	0,03	0,00	0,16	0,14	0,12	0,08	0,04	0,00
Демографические	0-14	0,00	0,00	0,01	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
	15-24	0,95	1,28	1,34	1,33	1,37	1,04	1,45	1,56	1,60	1,78	1,96	1,70
	25-34	1,03	0,82	0,69	0,79	0,76	0,36	0,53	0,48	0,52	0,42	0,38	0,21
	35+	0,22	0,14	0,18	0,13	0,03	0,00	0,15	0,14	0,17	0,11	0,02	0,00

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Приложение 50. Среднее число стартовых социодемографических, социальноэкономических и демографических событий в разных возрастных интервалах (в разрезах пола, поколений, уровней образования и типов населенных пунктов)

Поколения	Уровень образования	Тип населенного пункта	Социальноэкономические события								Демографические события							
			Мужчины				Женщины				Мужчины				Женщины			
			0-14	15-24	25-34	35+	0-14	15-24	25-34	35+	0-14	15-24	25-34	35+	0-14	15-24	25-34	35+
1930-39	Высокий	Обл. центры	0,00	1,88	0,71	0,42	0,04	2,09	0,67	0,20	0,00	0,67	1,21	0,33	0,00	1,06	0,85	0,24
		Города и ПГТ	0,00	1,83	0,92	0,25	0,00	2,13	0,71	0,16	0,00	0,50	1,50	0,33	0,00	1,23	0,84	0,10
		СНП	0,00	1,83	1,00	0,17	0,09	2,00	0,82	0,09	0,00	0,67	1,17	0,50	0,00	1,91	0,36	0,00
	Средний	Обл. центры	0,10	1,90	0,81	0,14	0,06	2,24	0,39	0,24	0,00	1,00	1,00	0,14	0,00	1,27	0,77	0,06
		Города и ПГТ	0,06	2,27	0,36	0,24	0,05	2,55	0,23	0,15	0,00	1,00	0,88	0,27	0,00	1,59	0,33	0,22
		СНП	0,14	2,08	0,41	0,35	0,08	2,17	0,49	0,22	0,00	1,19	0,97	0,22	0,00	1,67	0,44	0,14
	Низкий	Обл. центры	0,25	1,75	0,00	0,25	0,13	1,69	0,20	0,15	0,00	0,25	1,50	0,00	0,00	1,56	0,43	0,35
		Города и ПГТ	0,16	1,80	0,48	0,12	0,24	1,55	0,25	0,11	0,00	0,80	1,08	0,28	0,00	1,66	0,38	0,09
		СНП	0,39	1,52	0,29	0,29	0,24	1,54	0,18	0,10	0,00	1,26	0,84	0,00	0,00	1,39	0,46	0,12
1940-49	Высокий	Обл. центры	0,09	1,78	0,74	0,39	0,02	2,17	0,60	0,21	0,00	0,70	1,09	0,26	0,00	1,11	0,77	0,26
		Города и ПГТ	0,00	2,13	0,60	0,27	0,02	2,14	0,69	0,14	0,00	1,00	1,00	0,33	0,00	1,06	0,80	0,08
		СНП	0,20	1,80	0,40	0,60	0,05	2,24	0,62	0,10	0,00	0,80	1,40	0,40	0,00	0,95	0,90	0,00
	Средний	Обл. центры	0,15	2,15	0,37	0,22	0,01	2,32	0,41	0,20	0,00	1,30	1,07	0,07	0,00	1,64	0,47	0,16
		Города и ПГТ	0,06	2,38	0,31	0,19	0,03	2,43	0,33	0,11	0,00	1,40	0,75	0,13	0,00	1,61	0,43	0,12
		СНП	0,10	2,16	0,40	0,18	0,01	2,45	0,26	0,18	0,00	1,48	0,55	0,11	0,00	1,76	0,41	0,09
	Низкий	Обл. центры	0,09	1,64	0,36	0,27	0,02	1,90	0,20	0,15	0,00	1,55	0,91	0,09	0,00	1,44	0,56	0,17
		Города и ПГТ	0,09	1,64	0,36	0,00	0,06	1,86	0,16	0,08	0,00	1,18	0,82	0,09	0,00	1,86	0,24	0,16
		СНП	0,07	1,71	0,43	0,07	0,12	1,71	0,18	0,12	0,00	1,21	0,86	0,07	0,00	1,87	0,22	0,15
1950-59	Высокий	Обл. центры	0,04	2,04	0,68	0,25	0,02	2,26	0,45	0,22	0,00	1,25	0,93	0,07	0,00	1,05	1,00	0,24
		Города и ПГТ	0,00	2,12	0,84	0,04	0,00	2,24	0,59	0,15	0,00	1,04	0,84	0,24	0,00	1,25	0,72	0,13
		СНП	0,05	1,80	1,05	0,00	0,03	2,34	0,45	0,18	0,00	1,20	0,85	0,10	0,00	1,68	0,47	0,08
	Средний	Обл. центры	0,00	2,35	0,42	0,09	0,03	2,40	0,36	0,15	0,00	1,16	0,74	0,35	0,00	1,57	0,54	0,17
		Города и ПГТ	0,00	2,30	0,44	0,09	0,01	2,56	0,26	0,08	0,00	1,47	0,60	0,18	0,00	1,76	0,43	0,18
		СНП	0,03	2,47	0,29	0,09	0,01	2,55	0,22	0,09	0,01	1,50	0,58	0,18	0,00	1,76	0,36	0,14
	Низкий	Обл. центры	0,08	1,92	0,33	0,08	0,00	1,88	0,24	0,09	0,08	1,25	0,83	0,25	0,00	1,53	0,59	0,41
		Города и ПГТ	0,00	2,00	0,20	0,27	0,02	1,94	0,20	0,14	0,00	1,07	0,80	0,00	0,04	1,78	0,49	0,10
		СНП	0,05	1,71	0,43	0,05	0,02	1,89	0,17	0,09	0,00	1,14	0,90	0,00	0,04	1,58	0,45	0,13

1960-69	Высокий	Обл. центры	0,00	2,17	0,69	0,11	0,04	2,22	0,43	0,22	0,00	1,19	1,03	0,25	0,00	1,50	0,71	0,11
		Города и ПГТ	0,05	2,08	0,61	0,21	0,02	2,44	0,35	0,19	0,00	1,16	0,92	0,16	0,00	1,61	0,56	0,17
		СНП	0,06	2,25	0,50	0,13	0,02	2,52	0,34	0,12	0,00	1,31	0,81	0,13	0,00	1,66	0,50	0,06
	Средний	Обл. центры	0,01	2,52	0,25	0,08	0,02	2,45	0,33	0,06	0,00	1,34	0,86	0,15	0,00	1,66	0,52	0,17
		Города и ПГТ	0,02	2,56	0,29	0,05	0,02	2,61	0,20	0,05	0,00	1,48	0,74	0,13	0,00	1,79	0,34	0,13
		СНП	0,02	2,47	0,27	0,09	0,01	2,68	0,18	0,03	0,00	1,39	0,70	0,11	0,00	1,99	0,29	0,05
	Низкий	Обл. центры	0,00	1,56	0,56	0,11	0,08	2,00	0,25	0,08	0,00	1,33	0,67	0,00	0,00	2,00	0,17	0,25
		Города и ПГТ	0,15	1,60	0,45	0,15	0,00	1,92	0,12	0,08	0,00	1,10	0,80	0,25	0,00	2,00	0,24	0,00
		СНП	0,03	1,79	0,36	0,06	0,03	1,66	0,22	0,05	0,00	1,21	0,76	0,00	0,00	1,84	0,43	0,09
1970-79	Высокий	Обл. центры	0,00	2,12	0,79	0,00	0,01	2,06	0,84	0,04	0,00	1,00	1,00	0,00	0,00	1,84	0,63	0,03
		Города и ПГТ	0,03	2,13	0,72	0,09	0,00	2,17	0,73	0,08	0,00	1,13	1,06	0,03	0,00	1,47	0,61	0,00
		СНП	0,06	2,50	0,38	0,00	0,02	2,25	0,50	0,16	0,00	1,31	0,63	0,00	0,00	1,70	0,39	0,07
	Средний	Обл. центры	0,02	2,49	0,31	0,05	0,10	2,50	0,21	0,02	0,00	1,35	0,87	0,05	0,01	2,10	0,35	0,04
		Города и ПГТ	0,02	2,63	0,26	0,02	0,02	2,60	0,31	0,02	0,00	1,54	0,61	0,02	0,01	2,02	0,37	0,02
		СНП	0,03	2,52	0,25	0,00	0,01	2,53	0,30	0,04	0,00	1,36	0,74	0,06	0,00	2,07	0,26	0,00
	Низкий	Обл. центры	0,00	2,29	0,29	0,00	0,00	1,92	0,15	0,00	0,00	1,86	0,43	0,00	0,00	2,31	0,15	0,00
		Города и ПГТ	0,10	2,10	0,40	0,00	0,00	1,87	0,20	0,00	0,00	1,40	0,60	0,00	0,00	2,07	0,33	0,00
		СНП	0,00	1,81	0,38	0,04	0,02	1,60	0,24	0,00	0,04	1,54	0,65	0,00	0,00	2,19	0,21	0,02
1980-86	Высокий	Обл. центры	0,06	2,18	0,39	0,00	0,02	2,50	0,25	0,00	0,00	0,94	0,30	0,00	0,00	1,61	0,18	0,00
		Города и ПГТ	0,05	1,81	0,71	0,00	0,04	2,26	0,41	0,00	0,00	0,57	0,62	0,00	0,00	1,30	0,33	0,00
		СНП	0,00	2,71	0,00	0,00	0,00	2,17	0,65	0,00	0,00	0,86	0,14	0,00	0,00	1,09	0,57	0,00
	Средний	Обл. центры	0,00	2,65	0,06	0,00	0,08	2,63	0,08	0,00	0,00	1,35	0,32	0,00	0,00	1,82	0,13	0,00
		Города и ПГТ	0,00	2,62	0,18	0,00	0,00	2,68	0,09	0,00	0,00	1,24	0,44	0,00	0,00	2,09	0,21	0,00
		СНП	0,03	2,52	0,16	0,00	0,00	2,61	0,15	0,00	0,00	0,97	0,29	0,00	0,00	1,88	0,12	0,00
	Низкий	Обл. центры	0,00	2,00	0,00	0,00	0,00	1,83	0,33	0,00	0,00	1,60	0,40	0,00	0,00	1,67	0,00	0,00
		Города и ПГТ	0,00	1,00	1,00	0,00	0,00	1,57	0,00	0,00	0,00	1,00	0,50	0,00	0,00	1,86	0,29	0,00
		СНП	0,13	1,33	0,27	0,00	0,00	1,38	0,08	0,00	0,00	0,87	0,27	0,00	0,00	1,85	0,08	0,00

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

**Приложение 51. Однофакторный дисперсионный анализ гендерных различий в
числе стартовых социальноэкономических и демографических событий**

События	Возрастные интервалы	Различия	Сумма квадратов	ст.св.	Средний квадрат	F	Значимость
Социальноэкономические	0-14	Между группами	,014	1	,014	,343	,558
		Внутри групп	229,365	5449	,042		
		Всего	229,380	5450			
	15-24	Между группами	2,515	1	2,515	4,351	,037
		Внутри групп	3149,983	5449	,578		
		Всего	3152,498	5450			
	25-34	Между группами	7,922	1	7,922	22,730	,000
		Внутри групп	1899,074	5449	,349		
		Всего	1906,995	5450			
	35+	Между группами	,021	1	,021	,216	,642
		Внутри групп	538,858	5449	,099		
		Всего	538,879	5450			
Демографические	0-14	Между группами	,000	1	,000	,004	,950
		Внутри групп	10,985	5449	,002		
		Всего	10,985	5450			
	15-24	Между группами	201,100	1	201,100	212,594	,000
		Внутри групп	5154,404	5449	,946		
		Всего	5355,504	5450			
	25-34	Между группами	105,823	1	105,823	158,843	,000
		Внутри групп	3630,189	5449	,666		
		Всего	3736,012	5450			
	35+	Между группами	,061	1	,061	,456	,500
		Внутри групп	730,199	5449	,134		
		Всего	730,260	5450			

Источник: составлено автором (панельные данные РиДМиЖ на 2011 г.)

Приложение 52. Однофакторный дисперсионный анализ межпоколенных различий в числе стартовых социоэкономических и демографических событий

События	Возрастные интервалы	Различия	Сумма квадратов	ст.св.	Средний квадрат	F	Значимость
Социоэкономические	0-14	Между группами	7,564	5	1,513	37,138	,000
		Внутри групп	221,815	5445	,041		
		Всего	229,380	5450			
	15-24	Между группами	133,644	5	26,729	48,210	,000
		Внутри групп	3018,854	5445	,554		
		Всего	3152,498	5450			
	25-34	Между группами	11,482	5	2,296	6,597	,000
		Внутри групп	1895,513	5445	,348		
		Всего	1906,995	5450			
	35+	Между группами	17,547	5	3,509	36,654	,000
		Внутри групп	521,332	5445	,096		
		Всего	538,879	5450			
Демографические	0-14	Между группами	,022	5	,004	2,151	,057
		Внутри групп	10,963	5445	,002		
		Всего	10,985	5450			
	15-24	Между группами	95,648	5	19,130	19,803	,000
		Внутри групп	5259,856	5445	,966		
		Всего	5355,504	5450			
	25-34	Между группами	40,554	5	8,111	11,951	,000
		Внутри групп	3695,458	5445	,679		
		Всего	3736,012	5450			
	35+	Между группами	20,377	5	4,075	31,260	,000
		Внутри групп	709,883	5445	,130		
		Всего	730,260	5450			

Источник: составлено автором (панельные данные РиДМиЖ на 2011 г.)

Приложение 53. Однофакторный дисперсионный анализ различий по полу и поколениям в числе стартовых социоэкономических и демографических событий

События	Возрастные интервалы	Различия	Сумма квадратов	ст.св.	Средний квадрат	F	Значимость
Социоэкономические	0-14	Между группами	7,987	11	,726	17,838	,000
		Внутри групп	221,393	5439	,041		
		Всего	229,380	5450			
	15-24	Между группами	146,360	11	13,305	24,074	,000
		Внутри групп	3006,138	5439	,553		
		Всего	3152,498	5450			
	25-34	Между группами	25,682	11	2,335	6,750	,000
		Внутри групп	1881,314	5439	,346		
		Всего	1906,995	5450			
	35+	Между группами	20,101	11	1,827	19,159	,000
		Внутри групп	518,778	5439	,095		
		Всего	538,879	5450			
Демографические	0-14	Между группами	,022	11	,002	,987	,456
		Внутри групп	10,963	5439	,002		
		Всего	10,985	5450			
	15-24	Между группами	338,900	11	30,809	33,403	,000
		Внутри групп	5016,603	5439	,922		
		Всего	5355,504	5450			
	25-34	Между группами	176,593	11	16,054	24,531	,000
		Внутри групп	3559,419	5439	,654		
		Всего	3736,012	5450			
	35+	Между группами	21,292	11	1,936	14,850	,000
		Внутри групп	708,968	5439	,130		
		Всего	730,260	5450			

Источник: составлено автором (панельные данные РиДМиЖ на 2011 г.)

**Приложение 54. Однофакторный дисперсионный анализ различий по полу,
поколениям, уровням образования и типам населенных пунктов в числе
стартовых социоэкономических и демографических событий**

События	Возрастные интервалы	Различия	Сумма квадратов	ст.св.	Средний квадрат	F	Значимость
Социоэкономические	0-14	Между группами	18,363	107	,172	4,345	,000
		Внутри групп	211,017	5343	,039		
		Всего	229,380	5450			
	15-24	Между группами	599,270	107	5,601	11,720	,000
		Внутри групп	2553,228	5343	,478		
		Всего	3152,498	5450			
	25-34	Между группами	178,898	107	1,672	5,169	,000
		Внутри групп	1728,098	5343	,323		
		Всего	1906,995	5450			
	35+	Между группами	35,374	107	,331	3,508	,000
		Внутри групп	503,505	5343	,094		
		Всего	538,879	5450			
Демографические	0-14	Между группами	,288	107	,003	1,347	,011
		Внутри групп	10,697	5343	,002		
		Всего	10,985	5450			
	15-24	Между группами	595,700	107	5,567	6,249	,000
		Внутри групп	4759,804	5343	,891		
		Всего	5355,504	5450			
	25-34	Между группами	320,454	107	2,995	4,685	,000
		Внутри групп	3415,559	5343	,639		
		Всего	3736,012	5450			
	35+	Между группами	43,023	107	,402	3,126	,000
		Внутри групп	687,237	5343	,129		
		Всего	730,260	5450			

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

**Приложение 55. Сравнение медианных возрастов и длительностей взросления
при включении и без включения партнерств в набор событий**

Пол	Поколения	Медианный возраст наступления первого события		Медианный возраст наступления последнего события		Медианная длительность взросления	
		все события	без партнерства	все события	без партнерства	все события	без партнерства
Взросление в целом							
Мужчины	1930-39	17	17	31	30	13,7	12,8
	1940-49	17	17	27	27	10,9	9,7
	1950-59	17	17	28	27	9,9	9,3
	1960-69	18	18	26	26	8,9	8,3
	1970-79	18	18	26	26	7,8	7,7
	1980-86	18	18	23	24	5,6	5,7
Женщины	1930-39	18	18	27	26	9,4	8,3
	1940-49	17	17	26	26	8,5	7,8
	1950-59	17	17	27	25	9,4	7,9
	1960-69	17	17	25	24	6,9	6,1
	1970-79	18	18	25	24	7,3	6,5
	1980-86	17	18	23	23	5,3	5,2
Взросление в демографической сфере							
Мужчины	1930-39	24	24	26	26	1,3	1,1
	1940-49	23	23	25	25	1,4	1,1
	1950-59	22	22	25	24	1,3	1,0
	1960-69	23	22	25	25	1,5	1,2
	1970-79	22	22	25	25	1,6	1,2
	1980-86	21	23	24	24	2,8	1,0
Женщины	1930-39	22	22	24	23	1,4	1,1
	1940-49	21	21	24	23	1,5	1,1
	1950-59	21	21	24	23	1,6	1,1
	1960-69	20	20	22	22	1,3	1,0
	1970-79	19	19	22	21	1,6	1,1
	1980-86	19	19	21	21	2,2	1,3

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Приложение 56. Медианные возрасты наступления стартовых событий по отдельности и как единого процесса

Медианные возрасты		Поколения					
		1930-39	1940-49	1950-59	1960-69	1970-79	1980-86
Отдельные события	Профессиональное образование	24	23	21	20	21	21
	Первая работа	18	18	18	19	19	20
	Первое отделение от родителей	20	20	20	19	19	19
	Первое партнерство	25	25	26	23	22	20
	Первый брак	23	22	22	21	21	21
	Первый ребенок	24	23	23	22	22	22
Взросление в целом	Первое событие перехода во взрослую жизнь	17	17	17	17	18	18
	Последнее событие перехода во взрослую жизнь	27	26	26	25	25	23

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Приложение 57. Количество стартовых событий в разрезе поколений

Поколения	Среднее	Кол-во респондентов	Стандартное отклонение
1930-39	4,46	782	0,685
1940-49	4,57	770	0,632
1950-59	4,66	1333	0,601
1960-69	4,63	1205	0,675
1970-79	4,51	947	0,818
1980-86	3,60	414	1,161
Всего	4,50	5451	0,776

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)

Приложение 58. «Скорость» взросления в разрезе поколений

Поколения	Среднее	Кол-во респондентов	Стандартное отклонение
1930-39	0,69	695	0,792
1940-49	0,80	673	1,223
1950-59	0,81	1105	1,069
1960-69	0,95	999	1,064
1970-79	1,06	770	1,277
1980-86	1,23	276	2,391
Всего	0,89	4518	1,223

Источник: составлено автором (панельные данные РидМиЖ на 2011 г.)